

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2025, Том 8, №4

Подписано к публикации: 18.05.2025

Главный редактор журнала
Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентиновна Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

E-mail: hb-journal@yandex.ru

Сайт: <https://hb-journal.ru>

DOI:10.58224/2658-5685-2025-8-4

© Исторический бюллетень, 2025

Содержание

Хафизова Э.И. Российско-иранский политический диалог с 2018 по 2024 годы	6-14
Гашимли Мирджавид Ашраф оглы, Жигульская Д.В. Внешняя политика Турции в период Карибского кризиса 1962 г.	15-21
Умар Бешир Якуба Эволюция военно-политического сотрудничества Франции в Сахеле (2007-2025)	22-26
Черкасов А.В., Тарасенко А.В., Хоменко О.В. Тенденции становления историографии каменного века Крыма (конец XIX – начало XXI вв.)	27-32
Воробьева Н.В. Индивидуальная и коллективная историческая память	33-38
Картбаева С.М. Инородческое образование в Степном крае в дискурсе Русской православной церкви и миссионерского сообщества (вторая половина XIX – начало XX вв.)	39-48
Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Кульшарипов Ф.Р. К вопросу о периодизации национальных движений в Башкортостане	49-56
Даниленко Р.А. Особенности тылового обеспечения подразделений и частей Красной армии в Курской битве	57-64
Скрипников П.Н. Совершенствование преподавательского состава медицинских институтов Западной Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х гг.	65-70
Зуева Е.Г., Лухнева Ил.-Р.К. Риторика расового исключения в трудах Томаса Джефферсона: отношение к рабству и формирование образа афроамериканцев	71-79
Таги-Заде Г.С., Салихов М.Г. Сирия во внешней политике СССР в 1950-е годы	80-84
Скопа В.А., Иеромонах Мартин (Шапоренко) История образования монастырей Алтайской духовной миссии и их хозяйственно-экономическая деятельность	85-91
Хассан Х.Дж., Бурнасов А.С. Историческое развитие иракской цифровой дипломатии (1990-2022): эволюция, стратегии и проблемы	92-100
Амирова Н.В. Элементы модернизации в современном татарском костюме	101-112
Фатхутдинова А.И. Динамика языковой идентичности башкирского населения: от советской языковой политики к современности	113-119

Алаеддин М.М. Русская диаспора в Ливане: особенности функционирования	120-123
Дегтярева А.А. Проблема близости и разделения культур РФ и КНР на примере Амурской области	124-129
Болурова А.Н., Батчаев А.А., Гагуев М.С. Трансформация института аталычества и его воспитательной роли в карачаево-балкарском обществе к началу XX века	130-137
Али Резаипуя Трансформация политической легитимности Шайбани-хана как ключ к пониманию порядка написания "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани"	138-143
Курков В.В., Демина Т.В. Исторические корни политической практики ненасилия: к вопросу о сравнении идеологических подходов Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга	144-149
Малиновский Д.Ю. Внешнеполитический фактор складывания восточногерманской идентичности	150-157
Юсупова С.А. Обязательные постановления как источник нормотворчества городского самоуправления по благоустройству Ташкента на рубеже XIX-XX вв.	158-165
Дудин В.Ю. Требования и образцы при застройке городов Российской Империи «Петровские градостроительные нововведения»	166-172
Синегубов С.Н., Игнатенко В.А., Мошкова А.Д. Влияние советского фактора на внешнюю политику Японии после 1945 года	173-178
Столпник Д.В. Эволюция критериев воинского подвига: анализ Георгиевского статута в условиях Первой Мировой войны	179-187
Хакк Шауки Аринал Сотрудничество Республики Индонезии и государств Центральной Азии в области туризма	188-194
Валиев М.Н. Роль этнической идентичности в процессе становления государства Южной Осетии	195-201
Васильева Н.И. К вопросу о значении Фолклендской войны 1982 года в системе международных отношений	202-209
Шемченко Н.А. Навигационные акты как фактор и инструмент торгово-экономического и политического развития Англии в XVII в. в отражении англоязычной историографии	210-216
Курков В.В., Степанова С.А. Чайная торговля между Россией и Китаем как первичная основа межкультурного диалога двух стран: к вопросу об изучении повседневности в учебных исторических курсах	217-223
Андриайнен С.В. Особенности финансирования русской армии в 1815-1825 гг.	224-230

Воробьева Н.В., Андрияко Н.А.

Некоторые аспекты таможенной политики
в Российской империи во второй половине XIX века

231-238

Моисеев Н.Д.

Сумптуарные законы в Нюрнберге XV века

239-244

Калитин И.Р.

Социально-политический портрет депутатского корпуса Орловской
губернии в I государственной думе России начала XX века: структура,
происхождение и политическая активность

245-254

Лаврентьева М.А., Гаевская И.И., Костенко Р.В., Козадерова А.Д.

Кисловодск в XIX веке: от минеральных источников до центра культурного притяжения

255-265

Коцик С.А.

Решение кормовой проблемы животноводства
на территории Красноярского края в 1953-1964 гг.

266-273

Болурова А.Н., Батчаев А.А.

Трудовые обычаи и обряды в хозяйственной деятельности
карачаево-балкарцев в дореформенный период

274-280

Шемченко Н.А.

Вопрос о выделении «Эпохи англо-голландских войн» как историографического
феномена на основании англоязычной историографии

281-286

Моисеев Н.Д.

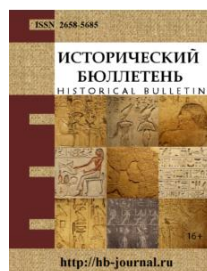
Упорядочивание нищенства и милостыни в Нюрнберге:
правовая природа «Устава о нищих» (1478)

287-292

Нигамаев А.А., Балакин Д.А., Нигамаев А.З.

Религиозная ситуация на севере Индии при ранних моголах

293-298

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 327+94+339

Российско-иранский политический диалог с 2018 по 2024 годы

¹ Хафизова Э.И.,

¹ Генеральное консульство Исламской Республики Иран в г. Казани

Аннотация: современные российско-иранские отношения строятся на базе Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества, подписанного в 2001 году. В данный период стороны ставят целью развитие двустороннего партнёрства, обсуждают СВПД, пути урегулирования проблем, существующих на Ближнем Востоке, ситуации, происходящей в Сирии и Афганистане. Поддерживаются контакты на уровне глав государств, министров иностранных дел, Совета Федерации, Государственной Думы РФ с Меджлисом ИРИ, секретарей Советов безопасности.

Ключевые слова: политический диалог России и Ирана, президенты России и Ирана, взаимоотношения Государственной Думы и Меджлиса, секретарей совета безопасности России и Ирана

Для цитирования: Хафизова Э.И. Российско-иранский политический диалог с 2018 по 2024 годы // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 6 – 14.

Поступила в редакцию: 2 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Russian-iranian political dialog from 2018 to 2024 years

¹ Khafizova E.I.,

¹ General Consulate of the Islamic Republic of Iran in Kazan

Abstract: modern Russian-Iranian relations are based on the Treaty on the Fundamentals of Relations and Principles of Cooperation signed in 2001. During the period under study, the parties discussed the development of bilateral partnership, the JCPOA, ways to resolve the problems existing in the Middle East, the situation occurring in Syria and Afghanistan. Contacts are maintained at the level of heads of state, ministers of foreign affairs, the Federation Council, the State Duma of the Russian Federation with the Majlis of the IRI, and secretaries of the Security Councils.

Keywords: political dialogue between Russia and Iran, presidents of Russia and Iran, relations between the State Duma and the Majlis, secretaries of the security councils of Russia and Iran

For citation: Khafizova E.I. Russian-iranian political dialog from 2018 to 2024 years // Russian-iranian political dialog from 2018 to 2024 years. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 6 – 14.

The article was submitted: February 2, 2025; Approved after reviewing: April 1, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Диалог России и Ирана строится на схожести или близости взглядов двух стран по большей части глобальных и региональных вопросов. Обе страны стремятся построить справедливый и демократический миропорядок, основанный на общепризнанных принципах и нормах международного права, укрепить роль ООН в международных делах, развивать взаимовыгодное и равноправное сотрудничество между странами [12].

Партнёрство и взаимодействие с Ираном является одним из важных направлений в сфере обеспечения национальных интересов России. На укрепление и обеспечение стабильности и безопасности на Каспии, в Закавказье, Центральной Азии, зоне Персидского залива, на Ближнем и Среднем Востоке направлено налаживание отношений между странами.

Материалы и методы исследований

В процессе подготовки статьи использовался качественный метод анализа, включающий изучение официальных заявлений, стенограмм встреч, пресс-релизов и материалов, опубликованных на сайтах органов государственной власти Российской Федерации и Исламской Республики Иран, а также международных организаций (ШОС, БРИКС и др.). Основу эмпирической базы составили информационные сообщения о визитах и переговорах на высоком и высшем уровне, официальные документы, резолюции, совместные декларации и соглашения, отражающие динамику и содержание российско-иранского политического диалога за период с 2018 по 2024 год. Кроме того, были проанализированы выступления и комментарии должностных лиц, отчёты парламентских и межведомственных встреч, а также данные, размещённые в открытом доступе в ведущих российских и иранских СМИ. Методологическая основа исследования базируется на принципах системного и комплексного подхода, что позволило выявить ключевые направления, механизмы и особенности взаимодействия двух стран в различных сферах сотрудничества.

Результаты и обсуждения

Активный диалог ведётся между президентами двух стран, в рамках которого рассматриваются и обсуждаются вопросы как регионального, так и глобального направлений.

Президент России В.В. Путин посетил Иран в 2018 году в рамках III встречи глав государств – гарантов Астанинского процесса содействия сирийскому урегулированию. Лидеры государств-гарантов рассмотрели нынешнюю ситуацию в Идлибской зоне деэскалации [2].

В рамках визита В.В. Путин также встретился с иранским верховным лидером аятоллой С.А. Хаменеи [6].

В рамках участия в саммите ШОС, 14 июня 2019 года состоялась встреча В.В. Путина с президентом Ирана Х. Рухани. В.В. Путин отметил, что отношения между Россией и Ираном развиваются по разным направлениям. Взаимодействие между сторонами ведётся в торгово-экономической сфере, в вопросах, касающихся стабильности в регионе, также прилагаются совместные усилия в борьбе с терроризмом, в том числе в Сирии [8].

Необходимо отметить, что 4 июля 2023 года Иран принимается в качестве официального члена в ШОС. По оценкам иранской прессы Россия сыграла важную роль в этом решении [8].

Визит В.В. Путина в Иран состоялся 19 июля 2022 году в рамках трехсторонней встречи глав государств – гарантов Астанинского процесса содействия сирийскому урегулированию [10]. Прошли встречи с президентом С.Э. Раиси и духовным лидером страны С.А. Хаменеи [7].

В ходе переговоров с иранским президентом российский лидер отметил положительную динамику в отношениях двух стран, укрепление партнёрства по вопросам международной безопасности, внесение существенного вклада в урегулирование сирийского конфликта. Обсуждались вопросы и проекты двустороннего взаимодействия в политической и экономической сферах.

Сфера энергетики, промышленности и транспорта обсуждались в качестве основных сфер двустороннего взаимодействия. Стороны условились реализовывать крупные совместные проекты и активизировать использование национальных валют в прямых расчетах между странами [10].

19-20 января 2022 года [9] состоялся первый визит в Россию бывшего президента Ирана С.Э. Раиси. Основными темами встреч стало взаимодействие в разных инфраструктурных сферах, в том числе по МТК «Север – Юг», сотрудничество в сфере энергетики и банковского дела, СВПД, Сирия, Афганистан и пути развития торговых отношений двух стран.

Стороны договорились развивать отношения в рамках своего стратегического сотрудничества, основой которых послужат национальные интересы двух сторон в политическом, торгово-экономическом, культурно-гуманитарном и военном направлениях [16].

Второй визит иранского лидера в Россию состоялся 7 декабря 2023 года [24]. Тогда стороны обсудили ситуацию в Палестине, а также сотруд-

ничество в сфере энергетики, большие инфраструктурные проекты в транспортной сфере.

В изучаемый период диалог ведется между главами правительств двух государств.

25 мая 2022 года заместитель председателя правительства РФ А.В. Новак побывал в Иране, где стороны обменялись мнениями по развитию сотрудничества, а также реализации основных проектов, реализуемых сторонами.

В ходе встречи с первым вице-президентом М. Мохбером А.В. Новак затронул вопросы сотрудничества стран в различных направлениях экономики. Он отметил наличие благоприятных условий, которые послужат расширению и наращиванию двустороннего сотрудничества в торгово-экономическом, инвестиционном и финансовом направлениях, несмотря на то беспрецедентное давление, которое сегодня испытывает Россия на международной арене [26].

Председатель правительства России М.В. Мишустин встретился с первым вице-президентом Ирана М. Мохбером 6 октября 2022 года в Москве в рамках участия во Втором Каспийском экономическом форуме [4]. М.В. Мишустин отметил, что у сторон есть большие возможности для дальнейшего увеличения торговли и инвестиций по таким перспективным сферам, как энергетика, промышленность, транспортная инфраструктура, сельскохозяйственная промышленность [3].

Совета глав правительств государств-членов ШОС проходил в Бишкеке в октябре 2023 года. М.В. Мишустин встретился с М. Мохбером 25 октября. Тогда Глава Правительства России отметил, что в условиях незаконных санкций, объявленных против двух стран Россия большое внимание уделяет развитию и углублению торгово-экономического сотрудничества, расширению сотрудничества в области инвестиций. На данный момент, по его словам, имеется возможность реализовать проекты в энергетическом, промышленном, сельскохозяйственном и IT секторах в больших масштабах.

Было отмечено, что особое внимание Россия уделяет транспортной сфере. Таким образом, весной 2023 года в формате телемоста лидеры двух стран дали старт проекту по строительству железной дороги Решт – Астара в рамках МТК «Север – Юг» при финансовой поддержке России.

По словам М.В. Мишустина, визит бизнес-миссии во главе Российского экспортного центра в Иран подтвердил наличие интереса в обеспечении комфортных условий для работы российских и иранских компаний на рынке для дальнейшего развития партнёрства и готовности к запуску совместных проектов [5].

Главы внешнеполитических ведомств проводят переговоры в рамках участия на международных мероприятиях, в ходе двусторонних рабочих встреч и разговоров по телефону на регулярной основе.

5 октября 2021 года министр иностранных дел Ирана Х.А. Абдоллахиан посетил с первым официальным визитом Москву. Стороны отметили важность развития сотрудничества между государствами в различных двусторонних и региональных сферах [16].

Встреча министров состоялась также 31 марта 2022 года на III министерской конференции стран-соседей Афганистана. Стороны рассмотрели выполнение поручений, данных руководителями двух стран.

Также они подтвердили взаимный настрой укреплять партнёрство по всем сферам, несмотря на те ограничительные меры, введенные против России и Ирана, в то же время, которые являются и незаконными.

Стороны обменялись мнениями по основным проблемам региона, уделяя особое внимание на развитие ситуации на Украине и в Афганистане, а также СВПД [23].

24 июня 2022 года министр иностранных дел России С.В. Лавров встретился с министром иностранных дел Ирана Х. Амирабдоллахианом [20] в Тегеране. Одной из главных тем переговоров, которая была рассмотрена сторонами, стала возможность возвращения к СВПД по ИЯП. Также стороны обсудили предстоящий саммит глав прикаспийских государств, совместное сотрудничество двух стран по региональным и международным вопросам, а также расширение торгово-экономического сотрудничества с Евразией и Кавказом.

5 декабря 2023 года главы МИД РФ и Ирана С.В. Лавров и Х.А. Абдоллахиан провели переговоры в Москве. По итогам встречи министры подписали «Декларацию Российской Федерации и Исламской Республики Иран о путях и средствах противодействия, смягчения и компенсирования негативных последствий односторонних принудительных мер».

Главы МИД России и Ирана обсудили актуальные вопросы, включая ситуацию в зоне палестино-израильского конфликта, перспективы возобновления имплементации СВПД по урегулированию ситуации вокруг ИЯП [19].

22 января 2024 года в Нью-Йорке министр иностранных дел РФ С.В. Лавров и министр иностранных дел ИРИ Х.А. Абдоллахиан [18] высказались в пользу скорейшего прекращения огня в секторе Газа и обеспечения условий для оказания

гуманитарного содействия жителям анклава.

Стороны выразили общую обеспокоенность напряженной обстановкой в акватории Красного моря, резко деградировавшей в результате безответственных силовых акций США и ряда приккнувших к ним государств против Йемена [22].

Также состоялась встреча с А. Багери Кияни «на полях» заседания СМД БРИКС в Нижнем Новгороде 10 июня 2024 года [11].

Также активно развиваются межпарламентские связи в рамках совместной работы руководителей органов законодательной власти России и Ирана.

В рамках деятельности Совета Федерации и Государственной Думы РФ действуют парламентские группы дружбы с Меджлисом ИРИ. С российской стороны такую группу возглавляет первый заместитель председателя Комитета по науке, образованию и культуре Д.Ю. Василенко, от Государственной Думы – руководитель фракции «Единая Россия», член Комитета по безопасности и противодействию коррупции В.А. Васильев, от Собрания Исламского Совета ИРИ – официальный представитель Комиссии по национальной безопасности и внешней политике Э. Резаи [15].

Активный диалог с иранской стороной ведет руководство Государственной Думы. Обсуждаются вопросы по противодействию терроризму и укреплению регионального взаимодействия.

5 августа 2021 года В.В. Володин участвовал в инаугурации избранного Президента Ирана С.Э. Раиси [13]. В рамках визита состоялась встреча с С.Э. Раиси, на которой обсуждались вопросы развития двусторонних отношений и межпарламентское сотрудничество.

В ходе пребывания в Тегеране Председатель Государственной Думы также переговорил председателем Собрания Исламского Совета Ирана М.Б. Галибафом. Стороны обсудили взаимодействие парламентов двух стран, а также активизацию торгового-экономических связей [12].

Основным механизмом взаимодействия законодательных органов является Комиссия по сотрудничеству между Государственной Думой и Меджлисом. Положение комиссии регулирует порядок проведения парламентских консультаций (на регулярной основе) по вопросам энергетики, транспортной сферы, стороны уделяют внимание промышленности, научно-образовательному сотрудничеству, обмену технологиями, туристическому направлению, а также вопросам, касающимся безопасности.

Её I заседание состоялось в Волгограде 6 сентября 2018 года [22], II и III – 27 января 2020 года [20] и 23 января 2023 года [14] в Тегеране. Основным вопросом, обсуждаемым в ходе заседаний

стало наращивание российско-иранского торгового-экономического сотрудничества между регионами двух стран.

Налажены контакты между секретарями советов безопасности. Секретарь Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушев встретился с секретарем Высшего совета национальной безопасности ИРИ А. Ахмадианом 24 января 2024 года в Москве [1].

15 февраля 2024 года встреча состоялась в Бишкеке в рамках участия в консультациях секретарей советов безопасности по Афганистану [29], 2 апреля 2024 года в Астане на заседании секретарей советов безопасности государств-членов ШОС [25] и 24 апреля 2024 года в Санкт-Петербурге на Международной встрече высоких представителей, курирующих вопросы безопасности [28].

В ходе переговоров стороны обсуждали вопросы, связанные с борьбой с терроризмом, информационной безопасностью, проблемами обеспечения экономической безопасности России и Ирана в условиях санкционного давления стран Запада, с противодействием попыткам вмешательства во внутренние дела суверенных государств, с вопросами безопасности в Ближнем Востоке и странах Центральной Азии.

Стороны также обсудили перспективы российско-иранского партнёрства в сфере противодействия вызовам и угрозам безопасности обеих стран.

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день между Россией и Ираном поддерживаются и сохраняются постоянные контакты на всех уровнях в разных направлениях, проводимые как в одностороннем, так и в многостороннем формате.

В изучаемый период обсуждение и рассмотрение вопросов на уровне президентов, глав правительств, глав МИД, парламентов двух стран включают следующие вопросы:

- построение многополярного миропорядка;
- укрепление роли ООН в международных делах;
- противодействие новым вызовам и угрозам;
- комплекс вопросов двустороннего сотрудничества;
- актуальные международные и региональные темы;
- проблематику выполнения Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе.
- урегулирование ситуации в Сирии и Афганистане;
- проблемы Ближнего Востока и Северной

Африки;

- проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона;
- Шанхайская организация сотрудничества;
- Каспийский саммит;
- БРИКС;
- торгово-экономическое сотрудничество;
- сотрудничество в сфере промышленности, инвестиций, банковского дела, логистики, информационной безопасности, сельского хозяйства, энергетики, транспорта.

Таким образом, главы двух государств поддерживают постоянный диалог в формате переговоров в ходе проведения Каспийского саммита, встреч глав государств – гарантов Астанинского процесса содействия сирийскому урегулированию, участия на заседаниях Совета глав государств-членов ШОС, саммитов БРИКС, в рамках трехсторонних встреч с руководством Азербайджана.

На регулярной основе организовываются российско-иранские консультации с участием заме-

стителей министров иностранных дел и встречи представителей высокого уровня по вопросам.

Сторонами рассматриваются вопросы ШОС и БРИКС, Каспия, СВПД, Азиатско-Тихоокеанского региона, урегулирования ситуации в Сирии, в Закавказье, обстановки в Афганистане, прав человека и международно-правовой проблематики, внешнеполитического планирования и информационной безопасности.

В данный период Иран стал членом ШОС. Товарооборот между Россией и Ираном стабильно растёт.

Конечно, остаются и проблемы, решение которых в свою очередь укрепят двусторонние связи и создадут возможности для их развития и расширения, так как у обеих сторон есть взаимный интерес продвигать сотрудничество по всем направлениям, включая торговлю, образование и науку, туризм, инвестирование общих проектов в области энергетики, транспорта и других направлениях.

Список источников

1. В Москве состоялись переговоры Секретаря Совета Безопасности России Николая Патрушева с Секретарем Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Ахмадианом. 24.01.2024 [Электронный ресурс] // Совет Безопасности РФ: официальный сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3635/> (дата обращения: 13.01.2025)
2. Визит в Иран. 07.09.2018 [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/58493/photos> (дата обращения: 13.01.2025)
3. Встреча Михаила Мишустина с Первым вице-президентом Ирана Мохаммадом Мохбером. 06.10.2022 [Электронный ресурс] // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/46721/> (дата обращения: 22.01.2025)
4. Встреча Михаила Мишустина с Первым вице-президентом Ирана Мохаммадом Мохбером. 08.10.2022 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал о геополитике Каспийского региона «Каспийский вестник»: официальный сайт. URL: <https://casp-geo.ru/vstrecha-mihaila-mishustina-s-pervym-vitse-prezidentom-irana-mohammadom-moh-berom/> (дата обращения: 13.01.2025)
5. Встреча Михаила Мишустина с Первым вице-президентом Исламской Республики Иран Мохаммадом Мохбером. 25.10.2023 [Электронный ресурс] // Правительство РФ: официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/49880/> (дата обращения: 13.01.2025)
6. Встреча с Али Хаменеи. 07.09.2018 [Электронный ресурс] // Президент РФ: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58486> (дата обращения: 29.01.2025)
7. Встреча с Али Хаменеи. 19.07.2022 [Электронный ресурс] // Президент РФ: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69032> (дата обращения: 13.01.2025)
8. Встреча с Президентом Ирана Хасаном Рухани. 14.06.2019 [Электронный ресурс] // Президент РФ: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60754> (дата обращения: 23.01.2025)
9. Встреча с Президентом Ирана Сейедом Эбрахимом Раиси. 19.01.2022 [Электронный ресурс] // Президент РФ: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67608> (дата обращения: 13.01.2025)
10. Встреча с Президентом Ирана Сейедом Эбрахимом Раиси. 19.07.2022 [Электронный ресурс] // Президент РФ: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69031> (дата обращения: 13.01.2025)

11. Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе встречи с и.о. Министра иностранных дел Ирана А. Багери-Кяни «на полях» заседания СМД БРИКС, Нижний Новгород, 10 июня 2024 года. 10.06.2024 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ: официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1955535/ (дата обращения: 13.01.2025)
12. Вячеслав Володин и Мохаммад Багер Галибаф обсудили межпарламентское сотрудничество РФ и Ирана. 05.08.2021 [Электронный ресурс] // Фракция «ЕДИНАЯ РОССИЯ» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://er-gosduma.ru/news/vyacheslav-volodin-i-mokhammad-bager-galibaf-obsudili-mezhparlamentatskoe-sotrudnichestvo-rf-i-irana/> (дата обращения: 13.01.2025)
13. Вячеслав Володин принял участие в церемонии инаугурации избранного Президента Ирана. 05.08.2021 [Электронный ресурс] // Государственная Дума РФ: официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/52107/> (дата обращения: 13.01.2025)
14. Вячеслав Володин: Россия и Иран выступают за справедливое мироустройство. 23.01.2023 [Электронный ресурс] // Государственная Дума РФ: официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/56218/> (дата обращения: 13.01.2025)
15. Двусторонние отношения. 29.11.2024 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ: официальный сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ir/> (дата обращения: 13.01.2025)
16. Иран призвал Россию совершить «серьезный скачок» в отношениях. 06.10.2021 [Электронный ресурс] // Новостное интернет-издание «EADaily»: официальный сайт. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/10/06/iran-prizval-rossiyu-sovershit-sereznyy-skachok-v-otnosheniyah> (15.01.2025)
17. Итоги визита президента Ирана в Москву и перспективы развития российско-иранских отношений. 27.01.2022 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал о геополитике Каспийского региона «Каспийский вестник»: официальный сайт. URL: <https://casp-geo.ru/itogi-vizita-prezidenta-irana-v-moskvu-i-perspektivy-razvitiya-rossijsko-iranskih-otnoshenij/> (дата обращения: 13.01.2025)
18. Лавров в Нью-Йорке провел встречу с главой МИД Ирана. 23.01.2024 [Электронный ресурс] // Телеканал «Звезда»: официальный сайт. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2024123156-NzvDE.html?ysclid=m9fqg6h816115531825> (дата обращения: 13.01.2025)
19. Лавров обсудил ситуацию вокруг сектора Газа с главой МИД Ирана. 05.12.2023 [Электронный ресурс] // Информационный портал «Известия»: официальный сайт. URL: <https://iz.ru/1882326/2025-05-07/kchemu-privedet-izbranie-mertca-kantclerom-lish-so-vtoroi-popytki-razbor> (дата обращения: 21.01.2025)
20. На Каспии может быть создан механизм межпарламентского сотрудничества. 29.01.2020 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал о геополитике Каспийского региона «Каспийский вестник»: официальный сайт. URL: <https://casp-geo.ru/na-kaspii-mozhet-byt-sozdan-mehanizm-mezhparlamentatskogo-sotrudnichestva/?ysclid=m9fqzexoaz882876249> (дата обращения: 13.01.2025)
21. «Не зависеть от причуд и капризов Запада»: что обсудил глава МИД РФ с властями Ирана. 24.06.2022 [Электронный ресурс] // Телеканал «Звезда»: официальный сайт. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2022624520-Ko9w9.html> (дата обращения: 13.01.2025)
22. О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Исламской Республики Иран Х. Амирабдоллахианом [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ: официальный сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ir/1927117/> (дата обращения: 18.01.2025)
23. О переговорах Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Исламской Республики Иран Х.Амир Абдоллахианом [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ: официальный сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ir/1807191/> (дата обращения: 18.01.2025)
24. О чём договорились российские и иранские парламентарии в Волгограде. 11.09.2018 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал о геополитике Каспийского региона «Каспийский вестник»: официальный сайт. URL: <https://casp-geo.ru/o-chyom-dogovorilis-rossijskie-i-iranskie-parlamentarii-v-volgograde/?ysclid=m9fqvpldss266338487> (дата обращения: 13.01.2025)
25. Патрушев в Астане обсудил с коллегой из Ирана региональную безопасность. 02.04.2024 [Электронный ресурс] // Сетевое издание РИА Новости: официальный сайт. URL: <https://ria.ru/20240402/peregovory-1937439095.html?ysclid=m9frif3tkv448444187> (дата обращения: 13.03.2025)

26. Рабочий визит Александра Новака в Исламскую Республику Иран. 25.05.2022 [Электронный ресурс] // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/45510/> (дата обращения: 20.01.2025)

27. Российско-иранские переговоры. 07.12.2023 [Электронный ресурс] // Президент РФ: официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72929> (дата обращения: 13.01.2025)

28. Секретари Совбезов России и Ирана обсудили ситуацию на Ближнем Востоке. 24.04.2024 [Электронный ресурс] // АО «Газета.Ру»: официальный сайт. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/04/24/22865216.shtml?ysclid=m9_fro8kzco436021013 (дата обращения: 13.01.2025)

29. Секретари Совета Безопасности России и Ирана провели очередную встречу. 20.02.2024 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал о геополитике Каспийского региона «Каспийский вестник»: официальный сайт. URL: <https://casp-geo.ru/sekretari-soveta-bezopasnosti-rossii-i-irana-proveli-oche-rednyuyu-vstrechu/?ysclid=m9frfbtudc468360553> (дата обращения: 13.01.2025)

References

1. In Moscow, Secretary of the Security Council of the Russian Federation Nikolai Patrushev held talks with Secretary of the Supreme National Security Council of Iran Ali Ahmadian. 01/24/2024 [Electronic resource]. Security Council of the Russian Federation: official website. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3635/> (date of access: 01.13.2025)

2. Visit to Iran. 09/07/2018 [Electronic resource]. President of Russia: official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/58493/photos> (date of access: 01.13.2025)

3. Meeting of Mikhail Mishustin with First Vice President of Iran Mohammad Mokhber. 10/06/2022 [Electronic resource]. Government of Russia: official website. URL: <http://government.ru/news/46721/> (date of access: 22.01.2025)

4. Mikhail Mishustin's meeting with First Vice President of Iran Mohammad Mokhber. 10/08/2022 [Electronic resource]. Information and analytical portal on the geopolitics of the Caspian region "Caspian Bulletin": official website. URL: <https://casp-geo.ru/vstrecha-mihaila-mishustina-s-pervym-vitse-prezidentom-irana-mohammadom-moh-berom/> (date of access: 01.13.2025)

5. Mikhail Mishustin's meeting with First Vice President of the Islamic Republic of Iran Mohammad Mokhber. 10/25/2023 [Electronic resource]. Government of the Russian Federation: official website. URL: <http://government.ru/news/49880/> (date of access: 13.01.2025)

6. Meeting with Ali Khamenei. 09/07/2018 [Electronic resource]. President of the Russian Federation: official website. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58486> (date of access: 29.01.2025)

7. Meeting with Ali Khamenei. 07/19/2022 [Electronic resource]. President of the Russian Federation: official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69032> (date of access: 13.01.2025)

8. Meeting with President of Iran Hassan Rouhani. 06/14/2019 [Electronic resource]. President of the Russian Federation: official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60754> (date accessed: 23.01.2025)

9. Meeting with the President of Iran Seyed Ebrahim Raisi. 19.01.2022 [Electronic resource]. President of the Russian Federation: official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67608> (date accessed: 13.01.2025)

10. Meeting with the President of Iran Seyed Ebrahim Raisi. 19.07.2022 [Electronic resource]. President of the Russian Federation: official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69031> (date of access: 13.01.2025)

11. Opening remarks by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov during a meeting with Acting Minister of Foreign Affairs of Iran A. Bagheri-Kiani "on the sidelines" of the BRICS Foreign Ministers Council meeting, Nizhny Novgorod, June 10, 2024. 10.06.2024 [Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1955535/ (date of access: 13.01.2025)

12. Vyacheslav Volodin and Mohammad Bagher Ghalibaf discussed inter-parliamentary cooperation between the Russian Federation and Iran. 08/05/2021 [Electronic resource]. UNITED RUSSIA faction in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. URL: <https://er-gosduma.ru/news/vyacheslav-volodin-i-mokhammad-bager-galibaf-obsudili-mezhparlamentnskoe-sotrudnichestvo-rf-i-irana/> (date of access: 01.13.2025)

13. Vyacheslav Volodin took part in the inauguration ceremony of the elected President of Iran. 08/05/2021 [Electronic resource]. State Duma of the Russian Federation: official website. URL: <http://duma.gov.ru/news/52107/> (date of access: 01.13.2025)
14. Vyacheslav Volodin: Russia and Iran are in favor of a fair world order. 23.01.2023 [Electronic resource]. State Duma of the Russian Federation: official website. URL: <http://duma.gov.ru/news/56218/> (date of access: 13.01.2025)
15. Bilateral relations. 29.11.2024 [Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ir/> (date of access: 13.01.2025)
16. Iran called on Russia to make a "serious leap" in relations. 06.10.2021 [Electronic resource]. Online news publication "EADaily": official website. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/10/06/iran-prizval-rossiyu-sovershit-sereznyy-skachok-v-otnosheniyah> (15.01.2025)
17. Results of the visit of the President of Iran to Moscow and prospects for the development of Russian-Iranian relations. 27.01.2022 [Electronic resource]. Information and analytical portal on the geopolitics of the Caspian region "Caspian Bulletin": official website. URL: <https://casp-geo.ru/itogi-vizita-prezidenta-irana-v-moskvu-i-perspektivy-razvitiya-rossijsko-iranskih-otnoshenij/> (date of access: 13.01.2025)
18. Lavrov met with the head of the Iranian Foreign Ministry in New York. 01/23/2024 [Electronic resource]. Zvezda TV channel: official website. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2024123156-NzvDE.html?ysclid=m9fqg6h8161155318> 25 (date accessed: 01.13.2025)
19. Lavrov discussed the situation around the Gaza Strip with the head of the Iranian Foreign Ministry. 12/05/2023 [Electronic resource]. Izvestia information portal: official website. URL: <https://iz.ru/1882326/2025-05-07/k-chemu-privedet-izbranie-mertca-kantclerom-lish-so-vtoroi-popytki-razbor> (date of access: 21.01.2025)
20. A mechanism for interparliamentary cooperation may be created in the Caspian. 01/29/2020 [Electronic resource]. Information and analytical portal on the geopolitics of the Caspian region "Caspian Bulletin": official website. URL: <https://casp-geo.ru/na-kaspii-mozhet-byt-sozdan-mehanizm-mezhparlamentskogo-sotrudnichestva/?ysclid=m9fqzexaoz882876249> (date of access: 01.13.2025)
21. "Not to depend on the whims and caprices of the West": what the head of the Russian Foreign Ministry discussed with the Iranian authorities. 06/24/2022 [Electronic resource]. Zvezda TV channel: official website. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2022624520-Ko9w9.html> (date accessed: 13.03.2025)
22. On the meeting of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov with the Minister of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran H. Amir Abdollahian [Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ir/1927117/> (date accessed: 18.01.2025)
23. On the negotiations of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov with the Minister of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran H. Amir Abdollahian [Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ir/1807191/> (date of access: 18.01.2025)
24. What did Russian and Iranian parliamentarians agree on in Volgograd. 11.09.2018 [Electronic resource]. Information and analytical portal on the geopolitics of the Caspian region "Caspian Bulletin": official website. URL: <https://casp-geo.ru/o-chyom-dogovorilis-rossijskie-i-iranskie-parlamentarii-v-volgograde/?ysclid=m9fqvpldss266338487> (date of access: 13.01.2025)
25. Patrushev discussed regional security with his colleague from Iran in Astana. 04/02/2024 [Electronic resource] // RIA Novosti online publication: official website. URL: <https://ria.ru/20240402/peregovory-1937439095.html?ysclid=m9frif3tkv448444187> (date of access: 01.13.2025)
26. Alexander Novak's working visit to the Islamic Republic of Iran. 05/25/2022 [Electronic resource]. Government of Russia: official website. URL: <http://government.ru/news/45510/> (date of access: 01.20.2025)
27. Russian-Iranian negotiations. 12/07/2023 [Electronic resource]. President of the Russian Federation: official website. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72929> (date of access: 13.01.2025)
28. Secretaries of the Security Councils of Russia and Iran discussed the situation in the Middle East. 24.04.2024 [Electronic resource]. AO Gazeta.Ru: official website. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/04/24/22865216.shtml?ysclid=m9fro8kzco436021013> (date of access: 13.01.2025)
29. Secretaries of the Security Councils of Russia and Iran held another meeting. 20.02.2024 [Electronic resource]. Information and analytical portal on the geopolitics of the Caspian region "Caspian Bulletin": official website. URL: <https://casp-geo.ru/sekretari-soveta-bezopasnosti-rossii-i-irana-proveli-ocherednyuyu-vstrechu/?ysclid=m9frfbtudc468360553> (date of access: 13.01.2025)

Информация об авторе

Хафизова Э.И., кандидат исторических наук, Генеральное консульство Исламской Республики Иран в г. Казани elizakhafizova@mail.ru

© Хафизова Э.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 327.5(560)

Внешняя политика Турции в период Карибского кризиса 1962 г.

¹ Гашимли Мирджавид Ашраф оглы,

¹ Жигульская Д.В.,

¹ Институт евразийских и восточных исследований,
Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: статья исследует влияние Карибского кризиса 1962 г. на внешнеполитический курс Турции, фокусируясь на её роли как члена НАТО в контексте советско-американского противостояния. Цель работы – преодоление пробела в историографии через анализ стратегических решений Анкары, дипломатических взаимодействий с США и СССР, а также долгосрочных последствий кризиса, включая охлаждение отношений с Вашингтоном и сближение с Москвой в 1960-х гг. На основе междисциплинарной методологии, объединяющей историко-системный подход, сравнительный анализ архивных документов и критику мемуаров (Хрущёв, Кеннеди), авторы раскрывают военно-политический контекст размещения ракет «Юпитер» в Турции, реакцию её руководства на секретные договорённости о выводе ракет и последующую трансформацию стратегических приоритетов. Результаты демонстрируют, что односторонние действия США, включая пренебрежение консультациями с Анкарой и использование турецких баз для операций вне мандата НАТО, подорвали доверие Турции к альянсу, стимулировав её поворот к более независимой политике и диалогу с СССР. Исследование вносит вклад в изучение периферийных аспектов холодной войны, предлагая модель анализа роли Турции в глобальных кризисных событиях, а его выводы актуальны для понимания кризисной дипломатии в ядерную эпоху, современных вызовов НАТО и стратегий второстепенных акторов в условиях геополитической конкуренции.

Ключевые слова: Карибский кризис, внешняя политика Турции, ракеты «Юпитер», НАТО, кризисная дипломатия, стратегическая автономия, ядерное сдерживание, Кипрский конфликт 1963 г., ExComm, турецкая историография

Для цитирования: Гашимли Мирджавид Ашраф оглы, Жигульская Д.В. Внешняя политика Турции в период Карибского кризиса 1962 г. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 15 – 21.

Поступила в редакцию: 2 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Turkey's foreign policy during the 1962 Cuban Missile Crisis

¹ Gashimli Mirdzhavid Ashraf ogly,

¹ Zhigulskaya D.V.,

¹ Institute of Eurasian and Oriental Studies,
Russian State University for the Humanities

Abstract: the article examines the impact of the 1962 Cuban Missile Crisis on Turkey's foreign policy, focusing on its role as a NATO member in the context of the Soviet-American confrontation. The aim of the work is to overcome the gap in historiography by analyzing Ankara's strategic decisions, diplomatic interactions with the United States and the USSR, as well as the long-term consequences of the crisis, including the cooling of relations

with Washington and rapprochement with Moscow in the 1960s. Based on an interdisciplinary methodology that combines a historical-systemic approach, comparative analysis of archival documents and criticism of memoirs (Khrushchev, Kennedy), the authors reveal the military-political context of the deployment of Jupiter missiles in Turkey, the reaction of its leadership to the secret agreements on the withdrawal of missiles and the subsequent transformation of strategic priorities. The results demonstrate that US unilateral actions, including neglecting consultations with Ankara and using Turkish bases for operations outside NATO's mandate, undermined Turkey's trust in the alliance, spurring its turn toward a more independent policy and dialogue with the USSR. The study contributes to the study of the peripheral aspects of the Cold War by offering a model for analyzing Turkey's role in global crisis events, and its findings are relevant for understanding crisis diplomacy in the nuclear age, contemporary challenges to NATO, and the strategies of secondary actors in the context of geopolitical competition.

Keywords: Cuban missile crisis, Turkish foreign policy, Jupiter missiles, NATO, crisis diplomacy, strategic autonomy, nuclear deterrence, Cyprus conflict 1963, ExComm, Turkish historiography

For citation: Gashimli Mirdzhavid Ashraf ogly, Zhigulskaya D.V. Turkey's foreign policy during the 1962 Cuban Missile Crisis. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 15 – 21.

The article was submitted: February 2, 2025; Approved after reviewing: April 1, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Карибский кризис (октябрь 1962 г.) стал переломным эпизодом холодной войны, когда мир впервые оказался на пороге ядерного конфликта. Его изучение остается актуальным как из-за продолжающегося рассекречивания архивных материалов, так и в силу многогранности самого события, затрагивающего военные, дипломатические и идеологические аспекты. Несмотря на обширную историографию, посвященную противостоянию США и СССР, роль Турции в кризисе часто сводится лишь к вопросу о выводе американских ракет «Юпитер» с её территории. Однако влияние кризиса на турецкую внешнюю политику, а также её позиция как члена НАТО в контексте советско-американского противостояния остаются недостаточно исследованными. Данная работа ставит целью восполнить этот пробел, проанализировав место Турции в событиях 1962 г. и их последствия для её стратегического курса.

Материалы и методы исследований

Основу исследования составили источники трёх типов:

1. Мемуары участников событий – записи Роберта Кеннеди, Никиты Хрущёва и Анатолия Добрынина, отражающие внутреннюю логику принятия решений сторонами.
2. Архивные документы, включая рассекреченные данные разведки США и СССР, а также стенограммы заседаний ExComm – совещательного органа при Дж. Кеннеди.
3. Современные научные работы, посвященные кризису, с акцентом на турецкую историографию (например, исследования С. Хюсема, А. Севера).

Методология сочетает историко-системный анализ (рассмотрение Турции как элемента бипо-

лярной системы) и сравнительный подход – сопоставление турецких, советских и американских оценок кризиса. Особое внимание уделено критике источников: например, в мемуарах Хрущёва и Кеннеди учитывается субъективность авторов, а в официальных документах – дипломатическая риторика. Междисциплинарный характер работы (история, политология, международные отношения) позволяет раскрыть как военно-стратегические, так и политико-культурные аспекты роли Турции.

Результаты и обсуждения

Политическая ситуация, предшествовавшая Карибскому кризису, представляла собой размещение в 1957-1961 гг. ракет типов «Юпитер» и «Тор» в Великобритании, Италии и Турции, которые были способны достичь европейской части СССР, а также революция Ф. Кастро, завершившаяся в 1959 г. с объявлением Кубы социалистическим государством. СССР поддерживал Кубу и обеспечил её защиту не только как первое социалистическое государство Латинской Америки, но и как форпост для дальнейшего закрепления в регионе [7]. Также перед советским руководством стояла проблема разрешения наращивания американских военных баз вдоль границ стран соцлагеря. В этой связи, высадка советского военного контингента, включавшего ракетное вооружение, на Кубе рассматривается как симметричный ответ на действия США. Карибский кризис был более напряженным политическим конфликтом, чем предыдущие Корейская война 1950-1953 гг., Суэцкий кризис 1956 г. и Берлинский кризис 1961 г., в том числе из-за проблемы развертывания ядерного оружия. Карибский кризис принято выделять в хронологические рамки 16-28 октября 1962 г.

Тем не менее, в современной историографии, некоторые исследователи предлагают иную периодизацию. Так, американские исследователи У. Экер и К. Джек предлагают считать началом кризиса май 1960 г., когда под Свердловском (ныне Екатеринбург) был сбит американский самолет-разведчик U-2 [4]. Исследователь международных отношений В. Т. Малахов утверждает, что конфликт завершился 7 января 1963 г., когда представители СССР и США совместно заявили о снятии Карибского кризиса с повестки дня Совета Безопасности ООН.

Турция вступила в НАТО в 1952 г., что обусловлено геополитическими и экономическими факторами. Ключевой причиной стал запрос Анкары на гарантии безопасности от СССР на фоне ухудшения двусторонних отношений. Их охлаждение было связано с советскими требованиями пересмотра Конвенции Монтрё о статусе черноморских проливов и территориальными претензиями к Карсу, Артвину и Ардагану, переданным Турции в 1920-х гг. После неудачи в решении этих вопросов СССР официально отказался от претензий в 1953 г.

Исследователи также выделяют стремление Турции к экономической модернизации через интеграцию с Западом, подкреплённое «цивилизационным выбором» в пользу атлантизма. Символом этого курса стал визит линкора «Миссури», подтвердивший антисоветский альянс. В рамках холодной войны Турция рассматривалась США как стратегический «буфер» против экспансии СССР в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, что отразилось в Доктрине Трумэна, Плане Маршалла и директиве СНБ-68. В 1950-х гг. Турция укрепляла союз с США, участвуя в Багдадском пакте, поддерживая операции в Ливане и признав Израиль [9]. Однако экономическая неэффективность правительства А. Мендереса привела к сокращению американской помощи, вынудив Анкару искать сближения с СССР. Военный переворот 1960 г. прервал эти попытки, сохранив прозападную ориентацию Турции и доминирование США в регионе.

27 мая 1960 г. в Турции случился военный переворот во главе с А. Тюркешем и Дж. Гюрселем, позднее ставшим президентом государства на срок 1961-1966 гг. Ещё до военного переворота, в 1957 г. администрация президента США Д. Эйзенхауэра предложила европейским странам размещение межконтинентальных баллистических ракет средней дальности на их территориях, но из-за опасений ухудшения отношений с Советским Союзом, предложение приняли только Великобритания, Италия и Турция [1]. Турция в 1961 г. получила в

свое распоряжение, с условием запуска ракет с согласия США, 15 ракет типа «Юпитер», которые на тот момент уже считались «морально устаревшими». Эксперты оценивали «Юпитер» как оружие, подходящее только для первого удара, в связи с чем вызывали опасения правительства США, которое может спровоцировать СССР. Тем не менее, как до, так и после переворота 1960 г. власти и военная элита Турции хотели заполучить это оружие. Исследователи связывают это с несколькими факторами. Во-первых, размещение ракет на территории Турции, граничащей с СССР, было гарантом безопасности. Во-вторых, обладание ракетами давало «престиж» среди стран-членов НАТО, а также повышало политическое влияние Турции. В-третьих, получение ракет способствовало сближению Турции и США и получению финансовой поддержки.

Ракеты «Юпитер», снаряжённые термоядерным зарядом типа W49 мощностью 1,44 Мт, были введены в строй в Турции в марте 1962 г [6]. Стоит отметить, что ещё в 1961 г., когда ракеты только поставлялись и устанавливались в Турции, администрация США предложила турецкому правительству отказаться от «Юпитеров» и поставить вместо них «Поларис» – баллистические ракеты, размещающиеся на подводных лодках, ввиду их превосходства в скрытости и мобильности. Однако, размещение «Поларисов» на тот момент было невозможно, и Турции пришлось бы подождать ещё некоторое время, пока ракеты и носители будут производиться. Кроме того, ракеты «Поларис» и подводные лодки-носители контролировались бы американским персоналом, в то время как «Юпитеры» отчасти всё-таки были подконтрольны Турции. Ещё один фактор: размещение «Поларисов» снизило бы политическую и стратегическую роль Турции, и следовательно, снизился бы объем финансовой поддержки. И, не желая оставаться без защиты, Турция не согласилась на это предложение США. Ещё один момент стоит внимания: Адмирал Сезай Оркунт, руководитель турецкой военной миссии в Вашингтоне с 1961 по 1964 гг., писал в своей книге, что турецкая военная элита была проинформирована о низкой стратегической и военной ценности ракет «Юпитер» для обороны Турции, но этот доклад был проигнорирован ими. На самом деле турецкое правительство не могло позволить себе действовать вопреки воли военной элиты, особенно в первые годы после переворота, когда военные оказывали сильное влияние на правительственные решения.

О планах дислоцирования американских ракет на территории Турции СССР знали, и советовали отказаться от этого. Например, в июне 1957 г., ко-

гда США впервые предложили разместить ракеты в Турции, Хрущев заявил: «Вы рассматриваете себя как мощное средство обороны НАТО. Но в случае войны генерал Норстад не сможет поспешить на помощь Турции и не сможет присутствовать на похоронах турецкой стороны». В апреле 1961 г., после неудачной высадки в бухте Кочинос, организованной США с целью свергнуть правительство Кастро, Н. С. Хрущёв направил письмо президенту Дж. Кеннеди. В письме Хрущёв писал, что в отличие от режима Кастро, некоторые правительства стран, соседствующих с Советским Союзом, готовят свою территорию для создания американских военных баз. Он утверждал, что Советский Союз имеет не меньше оснований, чем США в отношении Кубы, чтобы поступать так же со своими враждебно-настроенными соседями. Хрущёв, без сомнения, имел в виду Турцию и впервые открыто обозначил параллель между Турцией и Кубой. Позже 4 июня 1961 г. Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди встретились в Вене для обсуждения Берлинского кризиса, на встрече также подняли вопрос высадки американских войск на Кубу. В ходе очередной беседы Хрущев заявил, что эта высадка стала примером вмешательства США во внутренние дела других стран, и вызвало опасения СССР так же, как и военные базы в Италии и Турции. На эти слова Кеннеди ответил, что США действовали так из-за враждебности Кубы, а также подтвердил наличие военных в Италии и Турции, но отметил слабость этих государств и отсутствие угрозы с их стороны для СССР [2]. В результате, непреклонности турецкой стороны в получении ракет, и неудачной для американской стороны и имиджа Дж. Кеннеди встречи в Вене, вопрос об отзыве ракет не был решен, и «Юпитеры» остались в Турции. Тем не менее, в начале 1962 г., в Дж. Кеннеди вновь внёс вопрос о «Юпитерах» в политическую повестку дня США. Но турецкая сторона, прежде всего, по политическим причинам, возражала против вывода ракет. Примечательно, что в конце марта 1962 г., именно на момент окончательного введения в эксплуатацию «Юпитеров», Хрущеву пришла идея размещения ракет на Кубе. В результате долгого обсуждения и переговоров, 10 июня 1962 г. Президиум ЦК единогласно принимает план создания Группы советских войск на Кубе, начинается подготовка и реализация операции «Анадырь». По итогам совещания Совета национальной безопасности США касательно обнаружения советских вооруженных сил на Кубе 23 августа 1962 г. руководство США связало эти события с ракетами в Турции, и первым вопросом стал анализ того, как можно вывести ракеты «Юпитер» из Турции [3].

Исследованию хронологии событий с 16 по 28 октября 1962 г. и взаимодействию США и СССР посвящено множество работ. В этой связи представляется важным сфокусироваться на Турции и её позиции в ходе обсуждений конфликта. В то время как напряженность в центре кризиса возрастала, турецкое правительство также внимательно следило за ситуацией. Уже 22 октября, когда на территорию Кубы был наложен «карантин» со стороны США, министр иностранных дел Турции Феридун Джемаль Эркин установил прямой контакт с Вашингтоном. Премьер-министр Исмет Инёню встретился с президентом Джемалем Гюрселем для обсуждения событий, на которой также присутствовал начальник Генерального Штаба Джемалет Сунай. Также была проведена встреча с первым секретарем посольства США в Турции [10]. В своем выступлении перед Великим Национальным Собранием Турции 24 октября, что Турция будет придерживаться своих обязательств перед союзниками. В турецкой армии были отменены отпуска, а правительство и Генеральный Штаб пытались принять меры для защиты от возможных опасностей. Возможность вывода «Юпитеров» из Турции была передана американскому посольству в Анкаре в письме от 24 октября 1962 года, с указанием на необходимость подготовки турецких властей к этой идее. Также, 24 октября президент Джемаль Гюрсель посетил Военную академию, выступив со следующим заявлением: «Америка – наш друг и союзник. Мы должны с пониманием отнестись к позиции Америки. Мы, как турецкий народ, будем строго соблюдать обязательства, которые на нас возложены, и, благодаря верности, присущей нашему народу, нет ничего более естественного, чем поддержка друзей в трудные времена». 25 октября министр иностранных дел Дж. Эркин и посол США Р. Хейр встретились для обсуждения «текущих вопросов». Вместе с тем, в телеграмме посла США в Турции Р. Хейра для государственного секретаря Д. Раска от 26 октября, было отмечено, что возможность отзыва ракет повлечет проблемы психополитического характера, и частично – материального, обозначив, что «турки не понимают концепции или процесса компромисса». Также, в одной телеграмме, Р. Хейр добавил, что вывод ракет из Турции ослабит НАТО, но подчеркнул, что, если это соглашение с русскими будет достигнуто, оно должно быть секретным [5].

Пока Турция вместе со всем миром следила за развитием событий, между США и СССР активно вёлся переговорный процесс. 22 октября советские дипломаты в столицах западных стран и советские представители в ООН предложили своим запад-

ным коллегам, что лучший способ достичь мирного решения – это обменять ракеты «Юпитер» в Турции на советские ракеты на Кубе. Руководство США на совещаниях ExComm обсуждало варианты деэскалации конфликта, и вопрос «Юпитеров» в Турции стал обсуждаться как один из главных способов деэскалации конфликта. Тем не менее, вывод ракет осложнялся политическими обстоятельствами. Так, Турция считала военные базы на своей территории не конкретно американской военной силой, а рассматривала их как совместное решение Турции и США для обеспечения коллективной безопасности НАТО, и отзыв ракет создаст проблемы как для американо-турецких отношений, так и для позиций Турции в НАТО. США должны были разработать такой план, который не портил бы отношения с Турцией и вместе с тем, способствовал бы деэскалации конфликта, без урона репутации США и НАТО в мировом сообществе, т.е. без уступок СССР. 27 октября на совещание ExComm зачитали телеграмму: «Хрущев вчера сообщил президенту Кеннеди, что уберет наступательные ракеты с Кубы, если США уберут свои из Турции». Президент Дж. Кеннеди поручил послу Р. Хейру провести срочную встречу с министром иностранных дел Турции Эркином, чтобы изложить точку зрения американского правительства на заявление Советского Союза о предложении обменяться турецкими и кубинскими базами. Послание Кеннеди началось с подтверждения американских обязательств перед Турцией, также подчеркивалось, что США не будут заключать никаких сделок без согласия Турции [8]. 28 октября Хрущев, получивший от А. Ф. Добрынина положительный ответ Р. Кеннеди на выдвинутые условия, направил сообщение Белому Дому о согласии на демонтаж вооружений с Кубы и возвращение их в СССР. Кроме этого послания, он отправил две телеграммы лично президенту Кеннеди. В первом он заявил, что выступит на радио и сообщит о свертывании советских вооружений, также выразив согласие на международный контроль этого процесса. Во втором, секретном, сообщалось, что Кремль ожидает от Белого дома выполнения обещания демонтировать турецкие ракеты в ближайшие четыре-пять месяцев, как и заявил Р. Кеннеди А.Ф. Добрынину. Также в этом послании согласие на сохранение конфиденциальности этого соглашения. Тогда же Р.Я. Малиновский приказал И.А. Плиеву, командиру советских войск на Кубе, начать демонтаж пусковых установок. США не стали публично заявлять о своих действиях в этом вопросе ни своим союзникам, ни общественности. На встрече 29 октября между послом Турции в США Т. Менеменджиоглу, У.

Тайлером из Государственного департамента США и др. высокопоставленными членами обсуждался вопрос о ракетах в Турции. Из протокола встречи стало ясно, что американские официальные лица не сообщили турецким коллегам о решении по вопросу ракет в Турции. Посол Менеменджиоглу выразил благодарность Президенту Кеннеди от имени правительства Турции за отказ от любого "соглашения" с Советским Союзом по вопросам турецких ракетных баз. Кроме того, Менеменджиоглу сообщил, что был отдан приказ постоянному представителю Турции в НАТО потребовать от Североатлантического Совета срочной специальной сессии, подчеркнув, что ракеты в Турции были установлены не только для защиты Турции, но и для защиты всего НАТО. В ответ Тайлер выразил согласие с мнением Посла и заверил, что в соглашении с Советским Союзом не затрагивался вопрос Турции [8]. В тот же день Ф.А. Добрынин отправил Р. Кеннеди письмо с условиями соглашения. Упоминание Турции в этом письме вызвало недовольство Кеннеди. На их встрече на следующий день Р. Кеннеди ясно дал понять, что вопрос о Турции не должен быть упомянут в письменной форме и что невозможно заключить письменное соглашение о выводе ракет из Турции. 30 октября в сообщении, отправленном Хрущевым Кеннеди, говорилось о том, что кризис был предотвращен взаимными уступками, которые обе стороны должны соблюсти. Также в сообщении делается акцент на переговорах по разоружению.

В ноябре советское вооружение было установлено и выведено из Кубы, тем не менее, вопрос ракет в Турции сохранялся. США долго уговаривали турецкое правительство на вывод «Юпитеров». 27 декабря министр иностранных дел Турции Дж. Эркин сообщил Р. Хейру, что турецкое правительство почти согласно на демонтаж ракет, но при условии, что будут заменены на что-то, что турецкая общественность сочтет более эффективным. Эркин предложил сначала подготовить турецкую общественность через американские каналы связи, или утечку информации, об изменении стратегии НАТО и создании новых видов вооружения. За этим уже могло последовать более конкретное заявление о размещении в Турции более эффективных средств обороны. Сначала в январе 1963 г., в ходе переговоров между с Хейром, Эркин согласился на предложение американской стороны. Затем 17 февраля 1963 г. Турция согласилась принять подводные лодки с «Поларисами» и самолеты F-104. Генерал-лейтенант Р. Вуд, выступая перед Конгрессом США, сообщил, что, убеждая турецкое правительство, было заявлено,

что устаревшие ракеты «Юпитер» требуют дорогостоящего обслуживания, а «Поларисы» на подводных лодках, ввиду своей мобильности, не потребуют дополнительных затрат от Турции. Тем не менее, в различных СМИ по всему миру писали о связи кубинских ракет и турецких ракет, что вызывало опасения Турции, которая боялась за свою роль в НАТО. На выступлении в Сенате Турции (1961-1982 гг.) Эркин заявил, что если НАТО решит отозвать ракеты «Юпитер», то безопасность Турции и коллективная безопасность членов НАТО будет обеспечена современными и эффективными видами вооружения. Для обсуждения деталей разоружения в марте в Турцию был направлен генерал-лейтенант Р. Вуд, так как американская сторона боялась задержек и трудностей, которые могли появиться в ходе разоружения. Главной задачей Вуда было заверить турецкое правительство в поддержке со стороны США, обозначить важность стратегической роли Турции в НАТО [8]. 14 апреля 1963 г. США направили в Измир подводные лодки, оснащенные «Поларис», для публичной демонстрации. Белый дом надеялся, что такая демонстрация убедит турецкое правительство и общественность в неактуальности «Юпитеров» и восстановит доверие Турции к США. Символично и то, что «Юпитеры» также были расположены недалеко от г. Измир, куда и были направлены новые подводные лодки. Также стоит добавить, что в 1970 г., через два года после убийства Р. Кеннеди, и через год после публикации его книги «13 дней» о событиях октября 1963

г., Исмет Инёню выступил перед ВНСТ и раскритиковал заключение соглашения между СССР и США без участия Турции.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что в результате Карибского кризиса на территории Турции не осталось ядерного вооружения, которое могло бы угрожать СССР, что значительно снизило стратегическую значимость Турции в системе коллективной безопасности НАТО. Тем не менее, Турция всё еще контролировала черноморские проливы и сохраняла свое значение в сдерживании советского флота. Факт заключения сделки США с СССР «за спиной» Турции, несмотря на заверения Кеннеди об обратном, сыграл роль в дальнейшем развитии внешней политики Турции. Поддержка США стороны Греции в Кипрском конфликте 1963 г. также способствовала охлаждению турецко-американских отношений. Также турецкая общественность начала критиковать суверенитет баз НАТО, расположенных на её территории, использование американских объектов в Турции для целей, выходящих за рамки обороны НАТО, а также начались выдвигаться обвинения США в проведении секретных операций на территории Турции и во вмешательстве во внутренние дела государства. Теперь Турция стремилась развивать более самостоятельную и многостороннюю политику. В том числе, после Карибского кризиса наметилось сближение Турции и СССР, на протяжении 60-х гг. активно проводились встречи политиков и взаимные визиты делегаций.

Список источников

1. Burr W., Nuti L. The Jupiter Missiles and the Endgame of the Cuban Missile Crisis, 60 Years Ago. Part I: U.S. Demarches to Italy and Turkey and Their Reactions // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/cuban-missile-crisis-nuclear-vault/2023-02-16/jupiter-missiles-and-endgame-cuban>
2. Burr W., Nuti L. The Jupiter Missiles and the Endgame of the Cuban Missile Crisis, 60 Years Ago. Part II: Sealing the Deal with Italy and Turkey // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/cuban-missile-crisis-nuclear-vault/2023-04-20/jupiter-missiles-and-cuban-missile>
3. Есин В.И. Операция «Анадырь»: как это было // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2022. № 4 (30). С. 9 – 19.
4. Магадиева А. Карибский кризис 1962 года // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого: Материалы международной научной конференции: в 3-х т. / Под ред. С.И. Бугашева, Ю.В. Ватолиной, А.С. Минина. Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 2022. Т. 3. С. 41 – 45.
5. Мамилова Х.А. Начало, развитие и обострение Карибского кризиса: помощь СССР // Инновационная наука. 2021. № 6. С. 68 – 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-razvitie-i-obostrenie-karibskogo-krizisa-pomosch-sssr> (дата обращения: 28.11.2024)
6. Missile Defense Project SM-78 Jupiter // Missile Threat. Center for Strategic and International Studies. 2016. – 20 Dec. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/sm-78-jupiter/> (дата обращения: 23.04.2024)
7. Цзиньнань Ч. Карибский кризис и советско-кубинские отношения в 1960-е годы // Вопросы истории, политологии, социологии, философии, образования: Материалы научной конференции. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2024. С. 305 – 312.

8. Hüsem S. Küba Krizi ve Jüpiter Füzelerinin Türkiye'den Çekilme Kararı // ETÜT Dergisi. 2024. № 8. P. 29 – 44.
9. Karimova S. USSR-Turkey Relations (Second Half of the 1950s) // Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 370 – 377.
10. Toker, Metin Demokrasimizin İsmet Paşalı Yılları 2. Cilt 1960-1973. Ankara: Bilgi Yayınevi, 2020.

References

1. Burr W., Nuti L. The Jupiter Missiles and the Endgame of the Cuban Missile Crisis, 60 Years Ago. Part I: U.S. Demarches to Italy and Turkey and Their Reactions. National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/cuban-missile-crisis-nuclear-vault/2023-02-16/jupiter-missiles-and-endgame-cuban>
2. Burr W., Nuti L. The Jupiter Missiles and the Endgame of the Cuban Missile Crisis, 60 Years Ago. Part II: Sealing the Deal with Italy and Turkey. National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/cuban-missile-crisis-nuclear-vault/2023-04-20/jupiter-missiles-and-cuban-missile>
3. Esin V.I. Operation Anadyr: How it was. Humanitarian Bulletin of the Military Academy of the Strategic Missile Forces. 2022. No. 4 (30). P. 9 – 19.
4. Magadieva A. The Cuban Missile Crisis of 1962. Turning Points in History: People, Events, Research. On the 350th Anniversary of the Birth of Peter the Great: Proceedings of the International Scientific Conference: in 3 volumes. Ed. by S.I. Bugashev, Yu.V. Vatolina, A.S. Minin. Saint Petersburg: SPbGUPTD, 2022. Vol. 3. P. 41 – 45.
5. Mamilova H.A. The beginning, development and aggravation of the Cuban Missile Crisis: assistance to the USSR. Innovative Science. 2021. No. 6. P. 68 – 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-razvitie-i-obostrenie-karibskogo-krizisa-pomosch-sssr> (date of access: 28.11.2024)
6. Missile Defense Project SM-78 Jupiter. Missile Threat. Center for Strategic and International Studies. 2016. – 20 Dec. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/sm-78-jupiter/> (date accessed: 23.04.2024)
7. Jinnan C. The Cuban Missile Crisis and Soviet-Cuban Relations in the 1960s. Issues of History, Political Science, Sociology, Philosophy, Education: Proceedings of a Scientific Conference. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 2024. P. 305 – 312.
8. Hüsem S. Küba Krizi ve Jüpiter Füzelerinin Türkiye'den Çekilme Kararı. ETÜT Dergisi. 2024. No. 8. P. 29 – 44.
9. Karimova S. USSR-Turkey Relations (Second Half of the 1950s). Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol. 9.No. 1. P. 370 – 377.
10. Toker, Metin Demokrasimizin İsmet Paşalı Yılları 2. Cilt 1960-1973. Ankara: Bilgi Yayınevi, 2020.

Информация об авторах

Гашимли Мирджавид Ашраф оглы, Институт евразийских и восточных исследований, Российский государственный гуманитарный университет

Жигульская Д.В., доктор исторических наук, профессор, Институт евразийских и восточных исследований, Российский государственный гуманитарный университет

© Гашимли Мирджавид Ашраф оглы, Жигульская Д.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.56

Эволюция военно-политического сотрудничества Франции в Сахеле (2007-2025)

¹ Умар Бешир Якуба,

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация: данная статья посвящена эволюции военно-политического сотрудничества Франции в Сахеле с 2007 по 2026 год, что является важным аспектом современных международных отношений и глобальной безопасности. В последние десятилетия эта североафриканская область испытывает серьезные кризисы, связанные с терроризмом, радикализацией, этническими конфликтами и политической нестабильностью. Автор анализирует, как военные операции и дипломатические усилия Франции адаптировались под влиянием этих вызовов, а также как изменялись приоритеты и стратегия Парижа в ответ на динамичные события в регионе. В ходе исследования используются различные методы, включая детальный анализ официальных документов, отчеты международных организаций и экспертные интервью. Эти методы позволяют глубже понять механизмы, которыми Франция реагировала на изменения в политической и социальной обстановке, а также проследить эволюцию подходов к безопасности. Результаты показывают, что наблюдается заметное смещение акцента с традиционных военных операций на пути более широкого и интегрированного подхода, включающего участие местных сообществ и инициативы, что подчеркивает важность местного контекста. В заключении статьи делается вывод о том, что для успешного военно-политического сотрудничества необходимо учитывать мнение и потребности местного населения, поскольку это становится предпосылкой для долгосрочной стабильности и безопасности в Сахельском регионе. Без понимания местного контекста действия внешних сил могут оказаться неэффективными или даже контрпродуктивными. Автор подчеркивает, что для решения сложных кризисов необходима не только военная составляющая, но и комплексное сотрудничество на всех уровнях, включая экономические и гуманитарные аспекты.

Таким образом, данное исследование не только анализирует текущие подходы, но и предлагает новые перспективы для будущего военно-политического сотрудничества, подчеркивая его сложность и необходимость многогранного анализа.

Ключевые слова: Франция, Сахель, военно-политическое сотрудничество, безопасность, терроризм, развивающиеся страны, колониализм, международные отношения, местные инициативы, социальное развитие, коррупция, военные операции, международные организации, устойчивое развитие

Для цитирования: Умар Бешир Якуба Эволюция военно-политического сотрудничества Франции в Сахеле (2007-2025) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 22 – 26.

Поступила в редакцию: 3 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The evolution of French military-political cooperation in the Sahel (2007-2025)

¹ Umar Beshir Yacouba,

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: this article is dedicated to the evolution of France's military-political cooperation in the Sahel from 2007 to 2026, which is an important aspect of modern international relations and global security. In recent decades, this North African region has been experiencing severe crises related to terrorism, radicalization, ethnic conflicts, and political instability. The author analyzes how military operations and diplomatic efforts of France have adapted under the influence of these challenges, as well as how Paris's priorities and strategy have changed in response to dynamic events in the region. The study employs various methods, including detailed analysis of official documents, reports from international organizations, and expert interviews. These methods allow for a deeper understanding of the mechanisms by which France has responded to changes in the political and social context, as well as to track the evolution of security approaches. Results indicate a notable shift in emphasis from traditional military operations to a broader and integrated approach involving local communities and initiatives, highlighting the importance of the local context. The conclusion of the article states that successful military-political cooperation requires consideration of the opinions and needs of local populations, as this becomes a prerequisite for long-term stability and security in the Sahel region. Without understanding the local context, the actions of external powers may prove ineffective or even counterproductive. The author emphasizes that addressing complex crises requires not only military components but also comprehensive cooperation at all levels, including economic and humanitarian aspects. Thus, this study not only analyzes current approaches but also proposes new perspectives for the future of military-political cooperation, underscoring its complexity and the necessity of multifaceted analysis.

Keywords: France, Sahel, military-political cooperation, security, terrorism, developing countries, colonialism, international relations, local initiatives, social development, corruption, military operations, international organizations, sustainable development

For citation: Umar Beshir Yacouba *The evolution of French military-political cooperation in the Sahel (2007-2025)*. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 22 – 26.

The article was submitted: February 3, 2025; Approved after reviewing: April 2, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Современные вызовы безопасности в Африке, и особенно в регионе Сахеля, привлекают пристальное внимание международного сообщества и акцентируют необходимость выработки комплексных подходов к разрешению острых проблем, в первую очередь связанных с распространением терроризма, экстремизма и общей нестабильностью.

Геополитическая сложность региона обусловлена множеством факторов, включая его географическое положение, этническое и культурное разнообразие, глубокие экономические связи, а также историческое наследие, что создаёт уникальный контекст для изучения влияния внешних военных операций на безопасность и благополучие местных сообществ.

В последние десятилетия Сахель стал ареной активного вовлечения различных международных акторов, стремящихся внести свой вклад в стабилизацию региона, однако их действия зачастую

вызывают неоднозначную реакцию и требуют всестороннего анализа.

Одним из ключевых игроков, оказывающих существенное влияние на ситуацию в Сахеле, является Франция, которая с конца 2000-х годов активно участвует в операциях по борьбе с терроризмом в этом регионе.

Французское военное присутствие и военно-политические инициативы в Сахеле являются предметом интенсивных дискуссий, затрагивающих вопросы эффективности, легитимности и долготы, рассматривая их влияние на безопасность и стабильность местного населения. Особое внимание будет уделено исследованию взаимодействия военной силы с экономическими и гуманитарными инициативами, а также роли культурных факторов в обеспечении безопасности в современных конфликтах.

Важно отметить, что учет мнений и интересов местных сообществ является ключевым фактором успеха любых стратегий, направленных на стабилизацию региона [3, 7]. Исследование также за-

тронет вопрос о влиянии антиколониальных настроений на восприятие французской интервенции и их потенциальную роль в эскалации конфликтов.

В конечном итоге, целью данной работы является выявление оптимальных путей достижения устойчивой безопасности и стабильности в Сахеле, учитывая многослойность местной жизни и необходимость согласования интересов всех заинтересованных сторон.

Материалы и методы исследований

Для проведения данного исследования был использован комплексный подход, сочетающий в себе качественные и количественные методы анализа для обеспечения всестороннего изучения эволюции военно-политического сотрудничества Франции в Сахеле.

Изучены официальные документы и отчеты французских правительственных органов, министерства обороны Франции и других ведомств, непосредственно вовлеченных в политику в регионе Сахеля 4. Также проанализированы документы международных организаций, таких как ООН, Африканский союз и Европейский союз, касающиеся вопросов безопасности, гуманитарной помощи и экономического развития в Сахеле [1, 6]. Этот анализ позволил выявить основные тренды и направления военно-политического сотрудничества Франции в регионе, оценить масштабы и характер французской помощи, а также определить приоритетные направления деятельности.

Проведены полуструктурированные интервью с экспертами в области международных отношений, африканистики и военной стратегии, имеющими опыт работы в Сахеле или занимающимися изучением этого региона [3, 7] и выявлению потенциальных конфликтов интересов.

Проанализирован ряд статистических данных, касающихся уровней насилия (включая количество террористических актов, вооруженных столкновений и жертв), экономического развития (ВВП, уровень бедности, занятость) и гуманитарной ситуации (количество беженцев и перемещенных лиц, уровень продовольственной безопасности) в странах Сахеля до и после начала французских операций [5, 6]. Использовались данные Всемирного банка, ООН и других международных организаций. Статистический анализ позволил оценить динамику изменений в регионе и выявить потенциальные взаимосвязи между французским вмешательством и социально-экономической ситуацией.

Проведен сравнительный анализ опыта других стран, осуществлявших военные операции и гуманитарную помощь в регионах, сталкивающихся с

аналогичными вызовами (например, в Афганистане, Ираке и Сомали), с целью выявления лучших практик и потенциальных ошибок, которые следует избегать. Этот анализ позволил выявить общие закономерности и специфические особенности военно-политического сотрудничества в различных контекстах.

Результаты и обсуждения

Результаты исследования показывают, что вмешательство Франции в Сахеле в значительной степени изменило картину безопасности в регионе. С одной стороны, благодаря военным операциям было достигнуто снижение уровней насилия в некоторых районах [4]. Однако, с другой стороны, французские действия также способствовали росту антиколониальных настроений и недовольства среди местного населения, что может привести к новому кругу насилия [5]. Выявлено, что военные операции, хотя и направлены на обеспечение безопасности, не могут быть эффективно реализованы без интеграции гуманитарных и экономических мер поддержки, таких как помощь в развитии местной инфраструктуры и реформирование образовательной системы [6].

Обращение к аналогичным примерам в других регионах показывает, что комплексный подход, включающий военную интервенцию и долгосрочные стратегии развития, приводит к более устойчивым улучшениям в области безопасности [7]. Зафиксированные мнения экспертов указывают на необходимость более активного вовлечения местных сообществ в процесс принятия решений, что повысило бы уровень доверия к иностранным военным [8].

Выводы

Настоящее исследование демонстрирует, что военные операции Франции в Сахеле, несмотря на отдельные тактические успехи в обеспечении безопасности в краткосрочной перспективе, оказываются недостаточными для достижения устойчивых и долгосрочных результатов без глубокого и всестороннего согласования с местными потребностями, приоритетами и инициативами. Военное вмешательство, даже при условии временного снижения уровня насилия и активности террористических группировок, зачастую не устраняет коренные причины, лежащие в основе конфликтов, и в ряде случаев может даже усугубить ситуацию, провоцируя рост недовольства, радикализации и антиколониальных настроений среди населения. Следовательно, акцент исключительно на военном компоненте без параллельного решения социально-экономических проблем региона оказывается контрпродуктивным и не приводит к устойчивой стабилизации обстановки.

Ключевым выводом является подчеркнутая необходимость комплексного подхода, предполагающего интеграцию военных, экономических и гуманитарных мер в единую стратегию обеспечения безопасности и развития региона. Экономическое сотрудничество и адресная гуманитарная поддержка должны оказываться проектам, инициированным местными сообществами, которые лучше понимают потребности и проблемы региона.

Эффективное международное военное сотрудничество должно осуществляться с учетом культурных особенностей и традиций региона, а также с обязательным и активным вовлечением местных сообществ на всех этапах процесса принятия решений, от планирования операций до оценки их результатов. Необходимо учитывать исторический контекст и избегать действий, которые могут быть

восприняты как неокOLONиальное вмешательство во внутренние дела региона.

Таким образом, для эффективного и устойчивого разрешения кризисов в Сахеле крайне важно учитывать многослойность местной жизни, включая исторические, социальные, культурные, экономические и политические аспекты. Это позволит создать прочную платформу для будущего равноправного сотрудничества, достижения долгосрочной стабильности и процветания региона. Только такой комплексный и инклюзивный подход, основанный на глубоком уважении к местным традициям и ценностям, а также на учете интересов всех заинтересованных сторон, может обеспечить устойчивую безопасность и создать условия для социально-экономического развития. Также проводить регулярную оценку эффективности проводимых мероприятий и корректировать стратегии на основе полученных результатов.

Список источников

1. Боас М., Торхейм Л.Э. Сахель: Регион в кризисе // Африканский обзор безопасности. 2018. № 27 (2). С. 123 – 135.
2. Хоффман Б. Миф о террористах-инициативах: Почему Осама бен Ладен все еще важен // Вашингтонский квартал. 2017. № 40 (4). С. 7 – 24.
3. Маццокки М., Риццо А. Роль местных сообществ в противодействии насильственному экстремизму в Сахеле: Уроки из Мали и Нигера // Журнал по вопросам мира и развития. 2020. № 15 (1). С. 45 – 59.
4. Менкхаус К. Кризис в Сахеле: Новый подход к безопасности и развитию // Международные дела. 2016. № 92 (5). С. 1123 – 1139.
5. Рено У. Война в Сахеле: Роль внешних акторов и местные динамики // Африканские дела. 2019. № 118 (472). С. 1 – 20.
6. Салливан С., Эль-Кхишин А (2021). Военные операции Франции в Сахеле: Анализ эффективности и местных восприятий // Европейская безопасность. 2021. № 30 (3). С. 345 – 362.
7. Зубир Ю.Х., Рачик Х. еополитика Сахеля: Региональные динамики и международные ответы на вызовы безопасности // Политика Ближнего Востока. 2020. № 27 (2). С. 56 – 70.
8. Халил А., Ульд Абдеслам А. Решение коренных причин терроризма в Сахеле: Комплексный подход к безопасности и развитию // Глобальные исследования безопасности. 2022. № 13 (1). С. 23 – 40.

References

1. Boas M., Torheim L.E. The Sahel: A Region in Crisis. African Security Review. 2018. No. 27 (2). P. 123 – 135.
2. Hoffman B. The Myth of Terrorist Initiatives: Why Osama Bin Laden Still Matters. The Washington Quarterly. 2017. No. 40 (4). P. 7 – 24.
3. Mazzocchi M., Rizzo A. The Role of Local Communities in Countering Violent Extremism in the Sahel: Lessons from Mali and Niger. Journal of Peace and Development. 2020. No. 15 (1). P. 45 – 59.
4. Menkhaus K. The Sahel Crisis: A New Approach to Security and Development. International Affairs. 2016. No. 92 (5). P. 1123 – 1139.
5. Renaud W. War in the Sahel: The Role of External Actors and Local Dynamics. African Affairs. 2019. No. 118 (472). P. 1 – 20.
6. Sullivan S., El-Khishin A (2021). French Military Operations in the Sahel: An Analysis of Effectiveness and Local Perceptions. European Security. 2021. No. 30 (3). P. 345 – 362.

7. Zoubir Yu.Kh., Rachik H. Sahel Geopolitics: Regional Dynamics and International Responses to Security Challenges. Middle East Policy. 2020. No. 27 (2). P. 56 – 70.

8. Khalil A., Ould Abdeslam A. Addressing the Root Causes of Terrorism in the Sahel: An Integrated Approach to Security and Development. Global Security Studies. 2022. No. 13 (1). P. 23 – 40.

Информация об авторе

Умар Бешир Якуба, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая 13, oumaroubachir1995@gmail.com

© Умар Бешир Якуба, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 93 (289.246–35) «637»

Тенденции становления историографии каменного века Крыма (конец XIX – начало XXI вв.)

¹ Черкасов А.В.,

¹ Тарасенко А.В.,

¹ Хоменко О.В.,

¹ Морской институт имени вице-адмирала В.А. Корнилова,

филиал Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова

Аннотация: генезис историографии как научного направления непосредственно связан с исследованием самого исторического процесса. При этом, история и историография каменного века имеют собственную специфику. Сама археология этой эпохи является молодой отраслью исторического знания (на территории Крыма первый первобытный памятник – Волчий грот был локализован в 80-е гг. XIX в.). Кроме этого, современные авторы обычно уделяют обзорам изучения первобытной истории гораздо меньше внимания, чем другим, более поздним, периодам. Но, очевидно, что комплексное изучение каменного века Крыма в историографическом пространстве позволяет обобщить существующие представления о сложных путях становления исследований палеолита, мезолита и неолита полуострова, наметить перспективы его исследования научным сообществом. В предлагаемой публикации представлена последовательная характеристика тенденций историографического исследования каменного века Крыма в период конца XIX–XX вв.

Ключевые слова: первобытная археология, историография, каменный век Крыма, первобытный памятник, палеолит, мезолит, неолит, исторические и историографические источники

Для цитирования: Черкасов А.В., Тарасенко А.В., Хоменко О.В. Тенденции становления историографии каменного века Крыма (конец XIX – начало XXI вв.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 27 – 32.

Поступила в редакцию: 4 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Trends in the historiography of the Stone Age of Crimea (late 19th – early 21st centuries)

¹ Cherkasov A.V.,

¹ Tarasenko A.V.,

¹ Khomenko O.V.,

¹ Marine Institute named after Vice Admiral V.A. Kornilov,
branch of the Admiral F.F. Ushakov State Maritime University

Abstract: the genesis of historiography as a scientific field is directly related to the study of the historical process itself. At the same time, the history and historiography of the Stone Age have their own specifics. The archaeology of this era itself is a young branch of historical knowledge (the first primitive monument in Crimea, the Wolf Grotto, was localized in the 80s of the 19th century). In addition, modern authors usually pay much less attention to

reviews of the study of primitive history than to other, later, periods. But it is obvious that a comprehensive study of the Stone Age of Crimea in the historiographical space allows us to summarize existing ideas about the complex ways of the formation of Paleolithic, Mesolithic, and Neolithic studies of the peninsula, to outline the prospects for its research by the scientific community. The proposed publication presents a consistent description of the trends in historiographical research of the Stone Age of Crimea in the late 19th – 20th centuries.

Keywords: primitive archeology, historiography, Stone Age of Crimea, primitive monument, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, historical and historiographical sources

For citation: Cherkasov A.V., Tarasenko A.V., Khomenko O.V. Trends in the historiography of the Stone Age of Crimea (late 19th – early 21st centuries). *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 27 – 32.

The article was submitted: February 4, 2025; Approved after reviewing: April 2, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Археология каменного века Крыма и история ее освещения прошли сложный путь как количественного накопления научной информации, так и освоения новой методологии изучения артефактов. Первые полевые исследования палеолита, мезолита и неолита полуострова с их общей историографической характеристикой относятся к рубежу XIX – началу XX в. и связаны с вопросами антропо- и социогенеза. В течение от 20-х гг. XX в. и дальше крымская первобытная археология постепенно приобрела форму сложившегося научного организма в рамках советской исторической науки. Такой обширный (двухэтапный по содержанию) процесс научного генезиса, безусловно, требует оценки, как с позиций местного потенциала, так и в контексте механизмов взаимодействия столичных научно-организационных археологических институций с региональными структурами, что позволит обобщить существующие представления о специфике каменного века на полуострове и наметить перспективы его исследования научным сообществом.

Предметом настоящей публикации является последовательная характеристика тенденций историографического исследования каменного века Крыма в период конца XIX–XX вв.

Материалы и методы исследований

Анализ материалов и литературы с их дальнейшей систематизацией позволяет выделить группы источников, привлеченных в процессе написания предлагаемой статьи. Это: историографические источники (широкий круг общих и специальных исследований, а также научно-справочных изданий); исторические источники (комплекс документов и материалов, отражающих период истории, подвергаемый историографическому исследованию); дополнительные источники неисторического и не историографического характера. Ведущими общенаучными принципами при написании работы стали историзм, объективность

и системность, ключевым методом – историографический, применение которого позволило проследить последовательность выработки и использования прочих методов изучения и анализа источников при уточнении проблематики исследований каменного века Крыма. К другим историческим методам, широко применяемым в статье, относятся: генетический, периодизации, компаративистики, типологии, портретного изложения (биографический) и другие.

Результаты и обсуждения

В историографии археологического изучения древнейшей эпохи на полуострове мы условно выделяем два последовательных этапа, различающихся как теоретико-методологическими подходами, так и особенностями самих исследований: советский (20–80-е гг. XX в.) и постсоветский, современный (90-е гг. XX в. – н.в.). При этом первые статьи о качестве публикаций по археологическим исследованиям указанной эпохи появились практически одновременно с работами о проведенных раскопках в регионе.

Во второй половине XIX в. (до полевых сезонов К.С. Мережковского) упоминания о древнейшем периоде в истории Крыма содержались в научно-популярной литературе краеведческого характера. Так, во втором издании путеводителя М.А. Сосногоровой (Славич) в описании пещеры Тысячеголовая (Бин-Баш-коба) на Чатыр-Даге говорилось, что «...здесь попадаются очень интересные, «ещё неисследованные учеными» черепа, напоминающие «неандертальские» [10, с. 50]. Подобные информационные сообщения, исходя из туристической направленности самой книги, объективно не дополнялись историографическими комментариями или ссылками на соответствующий исторический источник. Тем не менее, первые упоминания о наличии древнейшего периода в истории Крыма и факте присутствия на полуострове палеоантропа (что в середине XIX века считалось чисто гипотетическим), имели принци-

альное значение как для осмысления сложности познания проблемы, так и в контексте активизации региональных исследований каменного века.

В дальнейшем результаты полноценных исследований К.С. Мережковского по каменному веку, проведенные в регионе в 1879-1880 гг., были освещены в трех авторских публикациях, а затем обобщены (а по факту перечислены) в соответствующем разделе комплексной сводки по каменному веку А.С. Уварова *Археология России. Каменный период* (М., 1881. С. 151.) и в обширной рецензии Д.Н. Анучина на данную сводку в *Журнале Министерства народного просвещения* (1882. №219. С. 401). Указанные работы, представляя, несомненно, важные научные исследования, носили описательный, фактографический характер и являлись скорее источниками по истории археологии, чем ее исследованиями. Вместе с тем, в указанных работах археологические памятники и артефакты полуострова не только описывались и классифицировались, но и подвергались первичному анализу, нацеливая в перспективе на формирование системы авторских взглядов как на смену концептуальных приоритетов познания прошлого региона.

В 1900-1918 гг. вышел ряд статей, авторы которых подводили итоги состоявшихся на тот момент исследований и ставили вопрос о необходимости изучения памятников первобытной археологии Крыма (к примеру, Забнин С.И. «Находки каменного века в Крыму (Краткий очерк произведенных раскопок в Крыму по каменному веку)», Клепинин Н.Н. «Находка орудий каменного века в Крыму», Моисеев А.С. «Предварительный отчет о находках следов каменного века на Яйле и на Южном берегу Крыма» и др.). Важно, что сами провинциальные исследователи осознавали важность указанного вопроса и также подводили определенные итоги изучения региона в археологическом отношении. При этом указанные работы опять же носили фактографический характер и представляли интерес, прежде всего, как исторических источники.

Первый (советский) этап историографического изучения каменного века Крыма ознаменовался появлением трёх принципиально новых групп исторических источников. Это, во-первых, комплексные систематизированные исследования по истории и истории изучения каменного века России, включающие отдельные разделы и главы, посвященные палеолиту, мезолиту и неолиту Крымского полуострова (например, труды Ефименко П.П., Генинга В.Ф., Прякина А.Д. и др.). Во-вторых, специальные труды по археологии каменного века Крыма (результаты раскопок отдельных стоянок и групп памятников), включающие тема-

тические историографические обзоры. Такие обзоры являются вполне полноценными исследованиями, выполненными в рамках историографической модели, позитивистской по своим характеристикам. К ним можно отнести работы Бонч-Осмоловского Г.А., Бибикова С.Н., Крайнова Д.А. и др.). Третьей группой историографических исследований по каменному веку Крыма выступают собственно обобщающие историографические обзорные работы Эрнста Н.Л., Векиловой Е.А., Колосова Ю.Г. и др.). При этом и в количественном, и в качественном отношении эти публикации демонстрируют устойчивую динамику в способах подачи материала, эволюционирующую от традиционной характеристики известных и новых открытых первобытных стоянок с описанием коллекций кремневых орудий (у Н.Л. Эрнста) до попыток разработки классификации комплексов артефактов, создания типологических рядов в относительно-хронологической последовательности, а также выделения археологических периодов культур (у Е.А. Векиловой). Авторы историографических обзоров в духе времени часто отодвигали в сторону (как оказалось впоследствии, оставив до момента переосмысления всего научного процесса) дореволюционное наследие как не «подлинно историческое обобщение» [5, с. 40-41; 14, с. 124-128], делая акценты на ключевых этапах развития первобытной археологии России в целом и Крыма в частности: 1920-1930-е гг. – время первых обобщений материалов по палеолиту – неолиту на локальных материалах конкретных памятников и с 1950-х гг. – развитие широких исторических обобщений, сделанных уже на большом фактическом материале, «в условиях овладения марксистско-ленинской методологией» археологов, воспитанных в годы Советской власти [1, с. 33].

Очевидно, что обозначенные группы первого этапа как методологически, так и содержательно зависели от социально-политической ситуации в стране. В связи с этим, каждый исторический и историографический источник по первобытной археологии Крыма попадал в конкретную социокультурную атрибутику:

- 20-е гг. – 30-е гг. XX в. – сохранение преемственности между советской и дореволюционной историографией, присутствие относительного плюрализма в оценке историографических фактов; последующая унификация историографических исследований в границах односторонней марксистско-ленинской методологии;

- 40-80-е гг. XX вв. – тематическая и региональная дифференциация историографических исследований, появление первых обобщающих историографических исследований).

К примеру, на этапе 1920-1930-х гг., в опубликованных отчетах полевых исследований крымских памятников каменного века (труды Г.А. Бонч-Осмоловского, О.Н. Бадера, Д.А. Крайнова, С.Н. Бибикова, Е.В. Жирова), систематизированных обзорах Н.Л. Эрнста и С.А. Трусковой на фоне описательного стиля изложения, характерного для начала века, наблюдался новый подход как области методики анализа и классификации археологического материала, так и в контексте его историографического осмысления.

Во второй половине 1930-х гг. полевые исследования первобытной археологии Крыма приобрели регулярный характер, что обусловило появление первых монографических и диссертационных исследований. В это время С.Н. Бибиковым была защищена первая диссертация по каменному веку полуострова – «Позднепалеолитические в пещерах Шань-Коба и Мурзак-Коба» (1941) [8, с. 97].

Результатом полевых сезонов последующих десятилетий стала публикация серии капитальных монографий не только по конкретным памятникам, но и обобщающего регионального характера (А.А. Формозов «Пещерная стоянка Староселье и её место в палеолите» (1958), «Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа» (1962)). В эти же годы археологические исследования на крымских плато и в пределах Внешней и Внутренней гряд Крымских гор продолжило новое поколение археологов – В.Ф. Петрунь, В.П. Якимов, В.П. Любин, Л.Г. Мацкевой, Л.Н. Соловьев и др [2, с. 11].

Новым явлением оказались дискуссии, в которых вопросы крымской первобытной археологии приобретали общегосударственный резонанс и значение (к примеру, датировка и интерпретация палеолитического захоронения на стоянке Староселье, исследованного А.А. Формозовым; вариативность подходов к причинам появления в Крыму в эпоху позднего палеолита наконечников свидерского типа по материалам раскопок Е.А. Векиловой; культурно-индустриальная вариабельность крымского мезолита у Л.Г. Мацкевого и др.). Новационным компонентом для традиционных обзорных статей по исследованию каменного века Крыма, стало присутствие в таких материалах тем, посвященных авторитетным представителям крымской археологической науки с элементами научной критики их позиций [7, с. 38-44].

Развитие первобытной археологии как самостоятельного научного направления определенно должно было вызвать появление не просто обзоров, а крупных историографических монографий. Но этого не произошло. По мнению отечественного исследователя, основоположника крымской ис-

ториографии каменного века А.А. Формозова, это явилось следствием «специфики самой археологической науки», нацеленной на изучение исследований лишь в пределах предшествующего десятилетия [12, с. 6]. При этом, важным программным ориентиром у А.А. Формозова стала конкретизация основных направлений, «в которых может изучаться история археологии». Это:

1. Подготовка обобщающего труда по истории русской археологии.

2. Изучение роли и значения дореволюционных археологических учреждений.

3. Подготовка библиографического указателя «для дореволюционной эпохи».

4. «Создание хроник археологических исследований в отдельных районах нашей страны» (в том числе, в Крыму).

5. Подготовка исследований «о творческом пути выдающихся русских археологов» – биобиблиографический контекст [12, с. 7].

Как указывал Г.С. Лебедев, до конца 1980-х гг. именно А.А. Формозов оставался едва ли не единственным исследователем отечественной археологической историографии, обосновав важный методологический подход – анализ развития науки на широком историко-культурном фоне, в связи с государственной идеологией, политикой, развитием общественной мысли [6, с. 87-88]. Работы автора, представляющие обзоры археологического изучения первобытного Крыма или его отдельных районов стали ценным фактическим материалом и систематизированными историографическими источниками [13, с. 17].

Современный этап развития историографии каменного века Крыма – 1990-е гг. XX – начало XXI вв. – время исследования эпохи в реалиях украинской (1991-2014 гг.) и российской науки (2014 – н.в.) в системе постоянных теоретико-практических научных связей с академическими центрами по изучению первобытной истории (Киев, Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Саратов и др.). Исследования каменного века на этом этапе полуострова ориентировались на переосмысление или максимальное извлечение информации из археологических материалов, накопленных предыдущими поколениями ученых. Производились успешные целенаправленные поиски новых первобытных памятников археологических культур, актуализировались и рассматривались важные теоретико-методологические вопросы первобытной археологии (к примеру, о направлениях расселения человека современного антропологического вида в Европе (А.А. Яневич); присутствии ашельского человека на Крымском полуострове (В.П. Чабай) и др.).

В академическом исследовании Н.И. Платоновой по истории археологической мысли в России последней трети XIX – первой трети XX вв., с привлечением крымских материалов обоснована авторская модель генезиса археологического знания, с одной стороны, как гуманитарной, с другой, как естественноисторической дисциплины [8, с. 111-113].

Идет не просто качественное переосмысление теоретико-практического опыта, накопленного первобытной археологией за полуторавековой период (к примеру, очерки Л.Л. Зализняка по исследованию палеолита, мезолита и раннего неолита Украины с выделением «крымской темы» [4, с. 3-5]), но и актуализация применения системного подхода, включающего методы интерпретационного, исторического и теоретического уровней (палеоэтнографии, антропологии, компаративистики, естественных наук, формализованно-статистические, биографические и др.) в сочетании с вопросами охраны памятников древнейшей истории.

Выводы

Таким образом, к началу XXI в. в отечественной историографии каменного века Крыма происходит качественное переформатирование текстов от систематизированной последовательной описательности, помогающей восстановить наиболее полную картину изучения конкретного исторического памятника, к характеристике всей археологической культуры и ее связей с изучаемым текстом, выделению как объективных условий его создания, так и субъективных факторов, связанных с личностью автора, его интересами, подготовкой, местом в научном сообществе. В связи с этим, особое значение приобретает компаративистский подход, позволяющий реализовать творческий диалог, в котором прошлое и настоящее науки выступают как его равноправные субъекты. Лишь таким путем, на наш взгляд, возможна актуализация прошлого и его востребованность сегодня.

Список источников

1. Бибииков С.Н. К 50-летию археологической науки на Украине // Советская археология. 1967. № 3. С. 47 – 57.
2. Генинг В.Ф., Левченко В.Н. Археология древностей – период зарождения науки. Киев: АН Украины. Институт археологии. 1992. 84 с.
3. Герасимов Ю.В., Горбунова Т.А. Историография археологии: современное состояние // Вестник Омского университета. 2003. № 2. С. 48 – 51.
4. Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт України // Археологія. 1995. № 1. С. 3 – 22; Зализняк Л.Л. Ранній мезоліт України // Археологія. 1995. № 3. С. 3 – 16; Зализняк Л.Л. Пізній мезоліт України // Археологія. 1995. № 4. С. 3 – 16.
5. Корзун В.П., Мамонтова М.А. Археолог В.И. Матющенко: «вкус к историографии // Вестник Омского университета. Серия: «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 39 – 47.
6. Лебедев Г.С. История отечественной археологии, 1700-1917 гг. СПб: Издательство С.-Петербургского университета., 1992. 464 с.
7. Монгайт А.Л. Археология в СССР. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 436 с., 19 л. ил., карт.
8. Платонова Н.И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб: Нестор-История, 2010. 314 с., илл.
9. Советская археологическая литература. Библиография, 1918-1940. М.-Л., 1965; 1941-1957. М.-Л., 1959; 1958-1962. Л., 1963; 1963-1967. Л., 1975; М.-Л., 1999. 518 с.
10. Сосногорова М.А. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса: б.и. 2-е изд., 1874. 259 с.
11. Тихонов И.Л. «Историография» или «история науки» (о современных исследованиях по истории археологии) // История археологии: личности и школы: Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки (Киев (5-8.10.2010)). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 41 – 55.
12. Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // Советская археология. 1975. № 4. С. 5 – 13.
13. Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России: первые книги. М.: Наука, 1983. 128 с.
14. Худяков М.Г. Русская дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов. М.: Библиотека ГАИМК, 1933. № 13. 160 с.

References

1. Bibikov S.N. On the 50th Anniversary of Archaeological Science in Ukraine. *Soviet Archaeology*. 1967. No. 3. P. 47 – 57.
2. Gening V.F., Levchenko V.N. *Archaeology of Antiquities – the Period of the Birth of Science*. Kyiv: Academy of Sciences of Ukraine. Institute of Archaeology. 1992. 84 p.
3. Gerasimov Yu.V., Gorbunova T.A. *Historiography of Archaeology: Current State*. Bulletin of Omsk University. 2003. No. 2. P. 48 – 51.
4. Zaliznyak L.L. Final Paleolithic of Ukraine. *Archaeology*. 1995. No. 1. Pp. 3 – 22; Zaliznyak L.L. Early Mesolithic of Ukraine. *Archaeology*. 1995. No. 3. P. 3 – 16; Zaliznyak L.L. Early Mesolithic of Ukraine. *Archaeology*. 1995. No. 4. P. 3 – 16.
5. Korzun V.P., Mamontova M.A. Archaeologist V.I. Matyushchenko: “Taste for historiography. Bulletin of Omsk University. Series: “Historical Sciences”. 2018. No. 3 (19). P. 39 – 47.
6. Lebedev G.S. *History of Russian archeology, 1700-1917*. SPb: Publishing House of St. Petersburg University., 1992. 464 p.
7. Mongait A.L. *Archaeology in the USSR*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 436 p., 19 p. ill., maps.
8. Platonova N.I. *History of Archaeological Thought in Russia: the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Century*. St. Petersburg: Nestor-History, 2010. 314 p., ill.
9. *Soviet Archaeological Literature. Bibliography, 1918-1940*. Moscow-Leningrad, 1965; 1941-1957. Moscow-Leningrad, 1959; 1958-1962. Leningrad, 1963; 1963-1967. Leningrad, 1975; Moscow-Leningrad, 1999. 518 p.
10. Sosnogorova M.A. *A Traveler's Guide to Crimea*. Odessa: no. i. 2nd ed., 1874. 259 p.
11. Tikhonov I. L. "Historiography" or "History of Science" (on modern research in the history of archeology). *History of Archeology: Personalities and Schools: Proceedings of the International Scientific Conference for the 160th Anniversary of V.V. Khvoyka's Birth (Kyiv (5-8.10.2010))*. SPb.: Nestor-History, 2011. P. 41 – 55.
12. Formozov A.A. Some Results and Objectives of Research in the Field of the History of Archeology. *Soviet Archeology*. 1975. No. 4. P. 5 – 13.
13. Formozov A.A. *The Beginning of the Study of the Stone Age in Russia: First Books*. Moscow: Nauka, 1983. 128 p.
14. Khudyakov M.G. *Russian pre-revolutionary archeology in the service of the exploiting classes*. Moscow: GAIMK Library, 1933. No. 13. 160 p.

Информация об авторах

Черкасов А.В., кандидат исторических наук, доцент, Морской институт имени вице-адмирала В.А. Корнилова, филиал Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, cherkasov.alexsei1976@gmail.com

Тарасенко А.В., кандидат педагогических наук, доцент, Морской институт имени вице-адмирала В.А. Корнилова, филиал Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, begsevastopol@yahoo.com

Хоменко О.В., кандидат педагогических наук, доцент, Морской институт имени вице-адмирала В.А. Корнилова, филиал Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, fpchf2@eandex.ru

© Черкасов А.В., Тарасенко А.В., Хоменко О.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.2

Индивидуальная и коллективная историческая память

¹ Воробьева Н.В.,
¹ Омский государственный университет путей сообщения

Аннотация: целью статьи является описание результатов исследования исторической памяти. В данной статье на основе интервьюирования выявляются и анализируются наиболее значимые события индивидуальной и коллективной исторической памяти. Автор отмечает, что государственная политика памяти направлена на противодействие фальсификации истории, укреплению гражданственности и патриотизма и включает национально-государственные символы, официальные подходы к трактовке исторических событий, а также региональные, социокультурные, поколенческие и иные поля коммеморации, в рамках которых происходит осмысление значимых исторических достижений общества и государства. Наиболее важными этапами исторического процесса обучающиеся воспринимают те, которые стали важной частью личного или семейного опыта и являются травматичными: участие в добровольных или насильственных переселениях, войны и военные конфликты, техногенные катастрофы. На основе проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что организованные формы публичной коммеморации и личные свидетельства, воспоминания об историческом процессе зачастую находятся в конфронтации, оспаривая понимание смысла того или иного исторического явления. Практическое применение выводов статьи: создание архивов исторической семейной памяти обучающихся.

Ключевые слова: идентичность, историческая память, историческое сознание молодежи, индивидуальная историческая память, коллективная историческая память

Для цитирования: Воробьева Н.В. Индивидуальная и коллективная историческая память // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 33 – 38.

Поступила в редакцию: 4 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Individual and collective historical memory

¹ Vorobyeva N.V.,
¹ Omsk State Transport University

Abstract: the purpose of the article is to describe the results of the study of historical memory. In this article, based on interviews, the most significant events of individual and collective historical memory are identified and analyzed. The author notes that the state policy of memory is aimed at counteracting the falsification of history, strengthening civic consciousness and patriotism and includes national and state symbols, official approaches to the interpretation of historical events, as well as regional, socio-cultural, generational and other fields of commemoration, within which the understanding of significant historical achievements of society and the state occurs. Based on the conducted research, the author came to the conclusion that organized forms of public commemoration and personal testimonies, memories of the historical process are often in confrontation, challenging the understanding of the meaning of a particular historical phenomenon. Students perceive the most important stages of the historical process to be those that have become an important part of personal or family experience and are traumatic: partici-

pation in voluntary or forced displacements, wars and military conflicts, man-made disasters. Practical application of the article's conclusions: creation of archives of historical family memory of students.

Keywords: identity, historical memory, historical consciousness of youth, individual historical memory, collective historical memory

For citation: Vorobyeva N.V. Individual and collective historical memory. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 33 – 38.

The article was submitted: February 4, 2025; Approved after reviewing: April 2, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Связи между культурой и памятью активно изучались историками, социологами, психологами, антропологами и литературными теоретиками на протяжении большей части прошлого века, наиболее интенсивно с 1925 г., когда Морис Хальбвакс опубликовал «Социальное обрамление памяти» (*Les Cadres Sociaux de la Mémoire*). Им были определены фундаментальные базовые аспекты теории памяти, существенно повлиявшие на векторы развития научного направления [1, с. 8-27].

Память и сам процесс коммеморации, таким образом, считаются сконструированными и следовательно, не точными, intersubjective и контекстуальными в своей зависимости не только от множества людей, но и от множества объектов, пространств и практик (и в этом смысле также распределенными); и опосредованными многочисленными устройствами, такими как книги, карты, календари, изображения, язык и прочее.

Материалы и методы исследований

Под понятием «коммеморативное поле» мы понимаем комплекс социокультурных и социополитических практик связанных как с восприятием официальной политики памяти, так и комплексом индивидуальных условий социализации и инкультурации. В исследовании индивидуальной исторической памяти приняли участие 116 первокурсников Омского автобронетанкового инженерного института. На основании опросника «Моя семья в истории страны» проведено интервьюирование респондентов.

Результаты и обсуждения

Начиная с 1980-х гг. происходит поворот к осознанному примирению с «жестоким прошлым авторитарных режимов» и универсализация концепта «права человека». Появление указанного концепта как глобальной парадигмы стало очевидным обоснованием легитимизации войн, оккупации и прочих немирных средств решения геополитических споров. В монографии американских ученых Эрика Лангенбахера (факультет государственного управления Джорджтаунского университета) и Йоси Шайна (Йельский университет) «Власть и

прошлое: коллективная память и международные отношения» утверждается, что коллективная память является мощным и значимым институтом международной политики, а следовательно и деятельным ресурсом «мягкой силы» [2].

Дискурсы исторической памяти выстраиваются как реконструкция структур идентичности (государственной, национальной, религиозной).

По словам известной немецкой исследовательницы исторической памяти Алейды Ассман политической целью мемориальной политики должно стать преодоление «асимметрии памяти» (ситуации, в которой возможность написания истории остается исключительно у победителей, в то время как побежденные обладают неофициальной и субверсированной памятью) [3]. А. Ассман разделяет понятия индивидуальной, коммуникативной и культурной памяти.

Появление исследований памяти было тесно связано с темой насилия. Как отмечает Энн Ригни, «существует тесная историческая связь между появлением этой области и зверствами, которые отметили недавнюю историю» [4, р. 80]. В связи с этим со временем определилась область исследований, анализирующая наследие коллективной травмы – научная школа *trauma studies*. В указанном направлении ключевым понятием становится историческая память жертвы трагических событий. По мнению итальянского историка Энцо Траверсо фигура «жертвы» связана с размыванием памяти о революциях и протестных движениях (антифашизме, антиколониализме и других) [5, р. 5-11]. Для западного научного истеблишмента указанное понятие трактуется как «жертва тоталитарного режима», намеренно искажается исторический контекст, и мы наблюдаем вымарывание, отрицание и отмену советской и российской истории.

В национальном дискурсе создается священное пространство для создания чувства патриотического резонанса. Помимо создания чувства общности, места памяти сохраняют социальное наследие исторических периодов коллективной травмы (война, оккупация, терроризм, геноцид), память о

такого рода событиях отмечается созданием «священных пространств» для последующих поколений. В данном контексте историческое сознание пересекается не только с политикой памяти, но и с политикой «травмы», по утверждению Марианны Хирш в работе «Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста» [6].

Джейми Рейнджер и Уилл Рейнджер (Оксфордский университет) в статье «К резонансной теории политики памяти» отмечают, что современные дебаты о политической идентичности и культурном наследии продолжают основываться на коллективной памяти и, по сути, превращаются в форму политического участия. «Места памяти» становятся методом переосмысления идентичности [7, р. 451-464].

Научный сотрудник Обсерватории электоральной психологии Лондонской школы экономики Сандра Обрадович в статье «Социальная психология контекста и в контексте: понимание временных, пространственных и воплощенных измерений современной геополитики» утверждает, что политические нарративы в значительной степени влияют и на коммеморативные практики, и на коллективную память [8, р. 577-589]. Мемориалы («места памяти» посвященные наиболее значимым событиям, в большей степени связанными с военной историей) влияют на политическое восприятие и историческую память, лежащих в основе геополитического взаимодействия с историческими событиями. Восприятие и память о войне и/или борьбе за независимость в разных странах относятся к конкретным условиям в каждой стране и влиянию, которое война оказала на каждую из них, что в каждом случае приводит к спорам о внутренней легитимности и идентичности.

Каждое поколение когорты разрабатывает собственные практики и способы взаимодействия с воспоминаниями и культурой памяти. Острота восприятия и акцентирования значимости событий памяти зависит от отношения человека к своему прошлому. Зачастую часто критика старших поколений в адрес младших касается прежде всего их «малознания» и «невежества» [9]. Однако последние «невежественные» поколения скажут то же самое о поколениях, которые придут после них.

Современные технологии предоставляют удобные формы фиксирования исторической памяти – банки памяти, куда пользователи мог загрузить

информацию о предке, связанную с историческим событием:

коллективизацией [https://паскулаченные.рф/], репрессиями 1930-х гг. [https://bessmertnybarak.ru/], Великой Отечественной войной [https://www.moypolk.ru/], специальной военной операцией. В числе основных задач, поставленных Президентом Российской Федерации Правительству Российской Федерации и Национальному центру защиты исторической памяти 15 января 2025 г. была следующая: создание архива с историями участников СВО, а также музея с материалами проекта «Без сроков давности» [10].

Посредством коммеморативных практик индивидуальная историческая память перестраивается в социальную память, становясь ключевым элементом идентичности, в которой она была заключена.

Коллективная память аккумулируется посредством значимого коллективного резонанса на то или иное событие. Она характеризуется тем, что члены определенной группы могут формировать схожие представления об историческом прошлом. Общественное осмысление производит коммеморацию индивидуальных воспоминаний.

Коллективная память имеет более широкий диапазон действия, чем память поколений, она обусловлена прошлым (которое принадлежит всем, но особенно тем, кто его пережил), настоящим, которое близко и проживается в одно и то же время, но «по-разному», т.е. зависит от интерпретации, и, наконец, будущим. История поколения проживается в настоящем, но понимается, когда определяющие ее события заканчиваются, то есть, когда мы дистанцируемся от исторического периода, который их создал и можем их идентифицировать.

Поколение состоит из «деяния» и «принадлежности»: войны, протесты, принадлежность к группе, которая разделяет что-то большее, чем один инструмент, чем одно событие, которое считается важным. Не случайно, что примеры фиксации исторической памяти, упомянутые выше связаны с «событиями травмы».

Приведем характерные примеры, мы провели интервьюирование 116 обучающихся, посвященное роли их семьи в истории России [11, с. 48-60]. Приведем некоторые выдержки из интервью (см. табл. 1).

Таблица 1

История России в восприятии обучающихся.

Table 1

History of Russia in the perception of students.

Тематика/ исторический период	Выдержки из интервью
Великая Оте- чественная война	Я часто задаю себе вопрос: «Смог бы я поступить также, ценой своей жизни отстаивать мир?» Прадед прошел всю войну, но все равно покинул нас, мне не удалось застать его, спросить лично о том ужасе, что он прошел. Я часто представляю каким он был: отважным, храбрым, выносливым. Я считаю, что моя семья внесла немалый вклад в историю в те годы, также как и любая другая семья. У каждого человека дальний родственник воевал за мир и свободу. [респ. 14]. В семье бережно хранят его [прадеда] фотографии. Я горжусь, что живу в одно время с ним. Историю творят не только герои, но и простые люди. И пусть их имён нет в книжках по истории моей страны, но их дела крепко вплетены в ее страницы [респ. 3]. В каждой семье есть люди, оставившие отпечаток в истории России, внесшие в нее свой вклад. Без прошлого не может быть будущего. [респ. 51].
Специальная военная опе- рация	В настоящее время мой отец является участником СВО, он самоотверженной, смело и отважно воюет за Родину, за своих родных, я горжусь своим отцом, пусть всегда будет таким смелым и благородным героем нашей страны. и чтобы по скорее вернулся домой целым и невредимым [респ. 12].

Чувство принадлежности – это способ, которым идентичность находит свои корни во времени, в пространстве и в отношениях, когда она встречает «других», группу и сообщество. Чтобы реконструировать коллективную память, недостаточно просто собрать воедино индивидуальные воспоминания членов группы, которые помнят разные аспекты одного и того же события. Такая реконструкция должна происходить на основе представлений, которые каждый член группы разделяет и взаимно обменивается с другими.

Выводы

Практики коммеморации недостаточно концептуализированы как в подходах, ориентированных на государство, так и в подходах, основанных на memory studies и trauma studies в связи со сложностью в отношениях между различными акторами и репрезентативными полями: индивидуальной памяти, памяти в гражданском обществе и национальных коммеморативных практик, организованных государством. Личная историческая память конструируется посредством культурных практик, действующих на уровнях гражданского общества и государства.

Отправной точкой для исследователей, работающих в парадигме жизненной истории, обычно являются смыслы войны и ее памяти, которые люди создают для себя и выражают своими собственными словами и историями. Акцент на государстве не обязательно означает неизбежно госу-

дарственно-центричную модель. Сложные взаимодействия и политическо-культурные отношения составляют общественную память, воплощенную как в местах и ритуалах памяти, так и в национальных «мифологиях» или общественных «легендах». Память имеет глубоко социальную и коллективную природу: наши воспоминания – это воспоминания, которые также разделяют многие другие люди, наша собственная группа или наше поколение. Нет ни одной индивидуальной или коллективной идентичности, которая не опиралась бы на память, понимаемую как интерпретация прошлого и как приверженность к будущей реальности.

Коллективные воспоминания являются мощным средством сплоченности. Не только воспоминания стабилизируют группу. Историческая память является красной нитью нашего существования, единым фундаментом, позволяющим единообразно идентифицировать нас самих и наше прошлое; это резервуар общих индивидуальных воспоминаний, которые имеют свои корни в социальной памяти.

Мы можем сказать, что существует много общих точек и расхождений между индивидуальной и коллективной памятью. Однако суть вопроса в том, что для индивида воспоминание является личным опытом, который может быть вызван в любое время и на который, однако, он имеет также коллективную «гиперссылку».

Список источников

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41). С. 8 – 27.
2. Langenbacher E., Shain Y. Power and the past: Collective Memory and International Relations. Washington, DC: Georgetown University Press, 2010. 240 p
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 328 с.
4. Rigney Ann. Remembering hope: Transnational Activism Beyond the Traumatic // Memory Studies 11. 2018. № 3. С. 368 – 380.
5. Enzo Traverso, Left-Wing Melancholia. Marxism, History, and Memory (New York: Columbia University Press, 2016. P. 5 – 11.
6. Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста: пер. с англ. Николай Эппле. Москва: Новое изд-во, 2021. 425 с.
7. Ranger J., Ranger W. Towards a resonant theory of memory politics // Memory Studies. 2023. Vol. 16 (2). P. 451 – 464.
8. Sandra Obradović, Orsolya Vincze, Gordon Sammut, Social psychology of context and in context: Understanding the temporal, spatial and embodied dimensions of contemporary geopolitics // British Journal of Social Psychology. 2025. № 10. P. 577 – 589.
9. Tassarolo, Mariselda. “A Meeting Place between the Individual and the Collective: the Cultural Memory”. HyperCultura 3.2. 2014.
10. Перечень поручений по итогам заседания Российского организационного комитета «Победа». URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76440>
11. Воробьева Н.В. События гордости в исторической памяти молодежи // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2024. Т. 5. № 4. С. 48 – 60. DOI 10.53549/27132374_2024_5_4_6

References

1. Halbwachs M. Collective and Historical Memory. Neprikosnovenny zapas. 2005. No. 2/3 (40/41). P. 8 – 27.
2. Langenbacher E., Shain Y. Power and the past: Collective Memory and International Relations. Washington, DC: Georgetown University Press, 2010. 240 p
3. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: Novoye Literary Observer, 2023. 328 p.
4. Rigney Ann. Remembering Hope: Transnational Activism Beyond the Traumatic. Memory Studies 11. 2018. No. 3. P. 368 – 380.
5. Enzo Traverso, Left-Wing Melancholia. Marxism, History, and Memory (New York: Columbia University Press, 2016. P. 5 – 11.
6. Hirsch M. The Postmemory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust: trans. from English by Nikolai Epple. Moscow: Novoye Izd-vo, 2021. 425 p.
7. Ranger J., Ranger W. Towards a resonant theory of memory politics. Memory Studies. 2023. Vol. 16 (2). P. 451 – 464.
8. Sandra Obradović, Orsolya Vincze, Gordon Sammut, Social psychology of context and in context: Understanding the temporal, spatial and embodied dimensions of contemporary geopolitics. British Journal of Social Psychology. 2025. No. 10. P. 577 – 589.
9. Tassarolo, Mariselda. “A Meeting Place between the Individual and the Collective: the Cultural Memory”. HyperCultura 3.2. 2014.
10. List of assignments following the meeting of the Russian Organizing Committee “Victory”. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76440>
11. Vorobyeva N.V. Events of pride in the historical memory of youth. Bulletin of the North-Eastern State University. History. 2024. Vol. 5. No. 4. Pp. 48 – 60. DOI 10.53549/27132374_2024_5_4_6

Информация об авторе

Воробьева Н.В., доктор исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3494-4635>, Омский государственный университет путей сообщения, 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35, nat.vorobiova@gmail.com

© Воробьева Н.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 947 081/086

Инородческое образование в Степном крае в дискурсе Русской православной церкви и миссионерского сообщества (вторая половина XIX – начало XX вв.)

¹ Картбаева С.М.,

¹ Омский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье, на материалах церковного делопроизводства, периодической печати, личных текстов представителей миссионерского сообщества раскрывается содержание дискурса инородческого образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. В процессе исследования было установлено, что в условиях внутренней колонизации восточных окраин и активного продвижения России вглубь азиатской периферии империи, одной из ключевых задач политики населения становилось преодоление культурных различий между переселенцами из Европейской России и коренными народами степных областей. Попытки реализации этой глобальной культуртрегерской миссии административными средствами и инструментами прямой русификации оказались малоэффективны и имели отрицательные последствия с точки зрения культурной интеграции инородческого населения в единое социальное пространство. В исследуемый период, Русская православная церковь становится одним из эффективных субъектов колонизационной политики России в восточной части империи, оказывая поддержку и предоставляя защиту различным группам населения. Включение авторитетного института церкви и его учреждений в образование инородцев, с учётом современных педагогических приёмов (система Н.И. Ильминского), репрезентация моделей культурного взаимодействия с инородческим населением в дискурсе образования, существенно скорректировало представления имперской власти о методах культурного влияния в регионе и нашло отражение в относительно пластичных, «мягких» практиках инкорпорации индигенных сообществ в российский социум.

Ключевые слова: внутренняя колонизация, Степной край, коренное население, инородческое образование, дискурс, Русская православная церковь, миссионерство

Для цитирования: Картбаева С.М. Инородческое образование в Степном крае в дискурсе Русской православной церкви и миссионерского сообщества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 39 – 48.

Поступила в редакцию: 5 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Non-native education in the Steppe Region in the discourse of the Russian Orthodox Church and the Missionary Community (the second half of the XIX – beginning of the XX century)

¹ Kartbaeva S.M.,

¹ Omsk State Pedagogical university

Abstract: in the article, on the materials of church records, periodicals, personal texts of representatives of the missionary community the content of the discourse of alien education in the Steppe region in the second half of the

nineteenth - early twentieth centuries is revealed. In the course of the study it was established that in the conditions of internal colonisation of the eastern peripheries and Russia's active advancement deep into the Asian periphery of the empire, one of the key tasks of population policy was to overcome cultural differences between the settlers from European Russia and the indigenous peoples of the steppe regions. Attempts to realise this global cultural mission by administrative means and instruments of direct Russification were ineffective and had negative consequences in terms of cultural integration of the foreign population into a single social space. In the period under study, the Russian Orthodox Church becomes one of the effective subjects of Russia's colonisation policy in the eastern part of the empire, providing support and protection to various groups of the population. The inclusion of the authoritative institution of the church and its institutions in the education of foreigners, taking into account modern pedagogical methods (the system of N.I. Ilminsky), the representation of models of cultural interaction with the foreign population in the discourse of education, significantly adjusted the ideas of the imperial authorities about the methods of cultural influence in the region and was reflected in relatively plastic, 'soft' practices of incorporation of indigeneous communities into Russian society.

Keywords: internal colonisation, Steppe region, indigenous population, alien education, discourse, Russian Orthodox Church, missionary work

For citation: Kartbaeva S.M. *Non-native education in the Steppe Region in the discourse of the Russian Orthodox Church and the Missionary Community (the second half of the XIX – beginning of the XX century)*. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 39 – 48.

The article was submitted: February 5, 2025; Approved after reviewing: April 3, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

К середине XIX столетия имперская политика России в отношении азиатской периферии трансформировалась от практик защиты фронтальных территорий к завоеванию приграничных земель с последующими действиями, направленными на организацию системы административно-территориального управления и культурную интеграцию коренных народов в общеимперское пространство и социум. Произошедший в 1860-х-1870-х гг. в политике России поворот от военно-политических акций к аграрному освоению территорий казахской степи, неизбежно влѣк за собой становление и развитие властного дискурса инкорпорации Степного края, в котором образовательное культуртрегерство позиционировалось как важная составляющая часть колонизационного проекта [2, 21]. В данный период представления власти об организации и функционировании национальных учебных заведений дополнялись и корректировались в связи с активным включением в колонизационный процесс и эскалацией влияния на социум азиатской периферии Русской православной церкви и миссионерского сообщества

По констатации Р. Джераси, одним из ключевых измерений в истории России поздней имперского периода является осознание этнической разнородности и попытки эту разнородность преуменьшить, чтобы создать единую русскую нацию [3, с. 5]. Очевидно, что такое стремление было неосуществимо без создания определённой модели культурной политики в окраинных регионах, в

которой образованию, в том числе и образовательным практикам, адресованным иногородческому населению отводилось заметное место.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу статьи составили материалы официального делопроизводства, в которых фиксировались представления имперской бюрократии о принципах культурной и образовательной политики как инструменте внутренней колонизации, происходило осмысление имперскими экспертами содержания образовательной политики и потенциала образовательных практик как алгоритма культурного выравнивания в Степном крае в условиях внутренней колонизации (отчёты светской и церковной бюрократии, сборники документов и статей). При этом важную функцию выполнили личные тексты, свидетельства периодической печати, отразившие включѣнность Русской православной церкви и находившегося в её юрисдикции миссионерства в конструирование представлений о национальном образовании (записки и дневники миссионеров, епархиальные журналы).

Раскрытие содержания дискурса иногородческого образования в представлениях российских религиозных деятелей и структур обеспечено обращением к подходам «новой культурно-интеллектуальной истории» и методу дискурс-анализа [10, 18], поскольку образовательная политика и практика являются интеллектуальным конструктом, предполагающим признание решающей роли языка, текста и нарративных структур в по-

строении исторической реальности и использование анализа существующих дискурсивных практик.

Результаты и обсуждения

Вопрос о конструировании дискурса инородческого образования российской властью в центре и на окраинах, получил достаточно широкое освещение в историографии конца XX – начала XXI вв., для которой ситуация антропологического и лингвистического поворотов создавала благоприятные предпосылки интеллектуальной рефлексии включённости власти и общества в формулирование и реализацию культурных проектов империостроительства в Азиатской России [8, 9, 13]. Между тем, в исследовательской «оптике» учёных редко оказывались сюжеты, связанные с определением широкого круга акторов дискурса образования, который составляли не только представители светских кругов, но и деятели Русской православной церкви, чьё участие в колонизации имперских окраин, в том числе и миссионерскими средствами, становится заметным явлением и социокультурным феноменом во второй половине XIX – начале XX вв.

В данный период представления власти об организации и функционировании национальных учебных заведений дополнялись и корректировались в связи с активным включением в колонизационный процесс и эскалацией влияния на социум азиатской периферии Русской православной церкви и миссионерского сообщества. В этой связи, необходимо отметить, что в сегменте современной отечественной историографии, рефлексирующей потенциал и практики влияния РПЦ в ситуации освоения окраин, наблюдается согласие исследователей в маркировке церковной организации как активного актора колонизации. Позиция специалистов в данном вопросе, кумулятивно сводится к нескольким принципиальным тезисам.

Во-первых, в условиях либеральных реформ, экономической и социокультурной модернизации второй половины XIX – начала XX вв. православная церковь в центральных регионах страны утрачивала влияние на паству, а религиозный индифферентизм населения создавал предпосылки для социальной турбулентности и эскалации протестного напряжения в обществе. Массовое переселенческое движение на окраины империи, в том числе и земельные области Степного края, перенаправили деятельность РПЦ от традиционной благотворительности и выполнения привычных служебных обязанностей к реализации широкого круга задач, связанных с моральной поддержкой населения периферии, оказавшегося в трудных жизненных обстоятельствах [1]. М.К.

Чуркин утверждает: «Если распространение в азиатской части России земледельческих практик может быть описано в формулах российского присутствия в производственной сфере, то миссионерская работа, направленная на распространение и утверждение православного христианства в народной среде, являлась аргументом духовного воздействия на сибирское общество. Миссионерские дружины, будучи агентом РПЦ и неизменным союзником имперской власти и проводником её идей, смогли вписаться в процесс колонизации восточных окраин, опираясь не столько на практики грубого администрирования и принуждения, сколько выстраивая долгосрочные модели тесной культурной коммуникации между представителями церкви и местными сообществами» [20, с. 172].

Во-вторых, в отличие от губерний Западной Сибири, которые приобрели на рубеже XIX–XX вв. статус «внутренних», в Степном крае иначе было организовано этническое пространство: значительную массу населения составляли кочующие инородцы-язычники. Имперская политика культурного выравнивания, ставшая базисом государственной программы освоения степных областей, предполагала не только интенсивную деятельность по распространению православия среди автохтонов, но и организацию последовательного сопротивления адептам ислама. Как пишет Р. Круз: «приверженность государства царей к правлению посредством религиозных практик и институтов и управление ортодоксией – конфессионализация населения империи – позволяла государству управлять, реже применяя насилие и добиваясь консенсуса...» [7, с. 14–15]. В этом смысле, вовлечение церковных институтов в реализацию имперской политики населения в Степном крае, придавало священникам РПЦ и миссионерам особый статус, соразмерный с правами и полномочиями светской власти.

Рецепция национального образования священнослужителями и миссионерами определялась такими факторами как государственная политика в отношении инородцев и законные практики культурного воздействия на автохтонное население. Основная проблема, на наш взгляд, заключалась том, что в отличие от Западной Сибири, являвшейся долгосрочным проектом русской колонизации и пространством со сложившейся системой административного управления, этнически и конфессионально однородным населением, Степной край представлял собой абсолютно новую сферу приложения усилий как государства, так и церкви. Практики христианизации и русификации коренного населения, реализуемые посредством миссионерской деятельности в губерниях Западной Си-

бири с преобладающим русским населением, не могли дать аналогичного эффекта, тем более, что уже в 1870-х гг. имперские эксперты констатировали активизацию российских татар, рост их национальной идентичности и политической активности, что явилось следствием реформ и расширения прав и свобод иноэтничного населения. В результате деятельности исламских проповедников, на восточных окраинах происходила постепенная автономизация мусульманских учебных заведений, внедрение «новометодных» мектебе, учреждаемых без разрешения администраций и существовавших вне учебного инспекторского надзора, что имело не образовательный, а политический, часто панисламистский эффект [6, с. 148-149].

Не менее существенным фактором, оказавшим влияние на представления клира о формате и содержании национального образования, являлось своеобразная трактовка образовательной политики идеологами РПЦ, чья позиция во многом принималась и разделялась духовенством. Деконструкция дискурса речей и статей обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева свидетельствует о том, что высшее церковное чиновничество видело образование как один из инструментов сословной организации общества, в котором знание необходимо привилегированным группам, а удел простолюдинов – приобретение необходимых производственных навыков. Победоносцев в одной из статей, посвящённых народному просвещению, писал: «...Мало кто думает, что отрывая детей от домашнего очага на школьную скамью с такими мудрёными целями, мы лишаем родителей и семьи рабочей силы, которая необходима для поддержания домашнего хозяйства, а детей развращаем, наводя на них мираж...отрешенного от жизни знания, подвергая их соблазну мелькающих перед глазами образов суеты и тщеславия» [14, с. 84]. Очевидно, что в системе координат сословного мышления признаками «субалтернов» наделялись не только представители низших сословий, но и коренные народы окраин империи, чьё культурное взросление предполагало лишь минимум просветительских усилий. При этом необходимо отметить, что официальная позиция высшего церковного начальства становилась незыблемым ориентиром для низового священства, в том числе и вследствие невысокого образовательного уровня окраинного духовенства. В отчёте о состоянии Омской епархии за 1901-1902 гг. прямо говорилось об отсутствии достаточного образовательного ценза как низших чинов клира, так и настоятелей сельских церквей, что было связано с отсутствием Духовной семинарии, постоянной

постройкой новых церквей и организацией приходов, отсутствием конкуренции среди кандидатов на служебные места [15, л. 11-12].

Рецепция представителями РПЦ в Степном крае вопросов организации национального образования во многом определялась и правительственным взглядом на методы колонизации региона. Фактически до конца 1880-х гг. (выделение Киргизской миссии как отдельного учреждения) органичной частью проектов имперской администрации являлось убеждение в том, что земледельческая оседлость казачества и переселявшихся в регион крестьян из Европейской России станет объективным поводом для седентаризации кочевников-инородцев, которые будут мирно интегрированы в сельские общества. Подобная политика рассматривалась и как способ защитить коренное население от влияния ислама, которое со временем потеряет свою силу. Примечательно, что в 1870-х-начале 1880-х гг. представление о мусульманской культуре как отжившей свой век и неспособной к прогрессу [6, с. 140], было широко распространено среди высшего регионального чиновничества и по инерции принималось деятелями Русской православной церкви на рубеже XIX-XX вв. В начале XX столетия ситуация изменилась лишь частично, о чём красноречиво свидетельствуют публикации корреспондентов РПЦ. Так, Член Государственной Думы священник А. Трегубов, оценивая роль ислама в российской колонизации Центральной Азии, отмечал особое влияние переселений на кочевников региона: «Наши крестьяне-переселенцы, заселяя пустующие пространства Сибири и Средней Азии, не только несут с собой благосостояние колонизируемого края, но и являются проводниками света веры Христовой в иноверную среду полудиких кочевников. Добрососедское и христианское отношение переселенцев к инородцам заставляет последних с уважением относиться к русскому имени и православной вере» [17, с. 29]. Вместе с тем, он с негодованием констатировал «грех небрежения нашего правительства, благодаря которому мусульманство приобрело 5 миллионов киргиз-кочевников..., чьё вступление в русское подданство сопровождалось клятвой на коране...» [17, с. 29-30].

Нельзя не заметить, что политика «приласкания» по отношению к исламу, объясняемая поздним включением киргиз-кайсацких территорий в имперское поле, имела и свою контрверсию, реализация которой постепенно осуществлялась в сфере национального образования при активном участии деятелей церкви и миссионеров. В проектах Степной комиссии для подготовки проекта положения об управлении Казахской степью 1865

г. народное просвещение рассматривалось как действующий инструмент цивилизации и «осторожного» распространения христианства, в том числе средствами национального образования с использованием казахского языка. В отношении ислама проговаривалась необходимость отказа от изучения мусульманского вероучения, что должно было способствовать «парализованию ислама» [19, л. 1]. С учреждением самостоятельной Киргизской духовной миссии в 1889 г., данный проект стал внедряться, в том числе и силами православных миссионеров, получивших возможность вести преподавательскую деятельность в начальных русско-казахских школах, оказывая тем самым непосредственное влияние на образовательный процесс.

Представление миссионеров о национальном образовании как инструменте культурной интеграции инородцев конструировалось по нескольким параметрам.

В первую очередь миссионеры оценивали общекультурный потенциал аборигенного населения Степного края как необходимое условие трансляции образовательных практик. В отчётах Киргизской духовной миссии второй половины XIX – начала XX вв. миссионеры согласованно отмечали «смышленость киргиз, их доверчивое отношение к русским, в том числе к миссионерам, восприимчивость к цивилизации, способность к изучению русского языка, трудолюбие, воздержанность», что рассматривалось в двух аспектах: как качества необходимые для принятия православия, что открывало пути к получению начального образования [12, с. 20].

Отмечая способность инородцев к восприятию русской культуры средствами образования и возможность аккультурации данного сегмента населения Степного края, миссионеры признавали и наличие объективных препятствий к реализации проекта национального образования в регионе. К тому моменту, когда Киргизская духовная миссия выделилась из Алтайской (1895 г.) стало очевидным, что значительная масса инородческого населения попала под мощное влияние мусульманских проповедников и была обращена в ислам. Священник И. Трегубов, указывая на правительственные ошибки, вылившиеся в присоединение к мусульманству 5 млн. душ коренного населения Степного края и Туркестана, призывал к правильной организации землеустройства инородческого населения: «Необходимо не выделять киргиз в отдельные кишлаки, а водворять вместе с русскими крестьянами на переселенческих участках. Совместная жизнь киргиз с православными крестьянами является вернейшим средством к тому, что-

бы киргизы были просвещены светом православной веры» [17, с. 30]. Однако, как отмечали многие миссионеры, им было необыкновенно трудно выстраивать взаимоотношения со значительной частью инородческого населения, поскольку в зоне контактов с миссиями находилась лишь малая доля кишлаков, а значительная часть аулов «откочевали далеко, в виду того, что прежние летние стойбища их заняты переселенцами» [4, с. 36].

В сложившейся ситуации, РПЦ и миссионерство рассматривали в качестве одного из сценариев организации национального образования в Степном крае, учреждение миссионерских школ. Проект создание миссионерских школ в контексте планов государства и церкви в сфере национального образования представляет особый интерес как опыт преодоления культурных различий коренного и пришлого населения региона, так как он предполагал совместное обучение новокрещённых инородцев, детей переселенцев и казаков, а также возможность освоения школьных курсов на родном языке.

Основными каналами трансляции представлений служителей церкви о значимости национального образования в условиях функционирования миссионерских станов выступали съезды миссионеров, в ходе которых принимались важные стратегические решения в области работы с прозелитами, а также центральные и региональные миссионерские и епархиальные издания («Православный благовестник», «Омские епархиальные ведомости»), репрезентировавшие понимание клиром значимости задач национального образования силами института православной церкви.

Миссионерские съезды (1887-1917 гг.) определяли общий вектор деятельности миссий в границах Российской империи, в том числе и принципы реализации образовательно-культурных задач РПЦ в отношении инородческого населения. В решениях миссионерских съездов обращалось особое внимание на совместную деятельность местных священников и миссионеров, подчёркивалось, что «миссионеры и священники должны быть едины в действиях и оказывать друг другу братскую помощь, предупреждать любые личные и общие недоразумения [16]. По мнению церковных иерархов, союз священников и миссионеров должен был стать основанием для общего успеха просветительской деятельности среди реальной и потенциальной паствы, при этом миссионерские школы рассматривались как важный аргумент в противодействии расколу и сектантству, принявшим на рубеже XIX-XX вв. широкий масштаб.

Приближённость решений съездов к проблемам этноконфессиональной политики и образования,

во многом зависело от места их проведения. Так, III Всероссийский миссионерский съезд, состоявшийся в 1897 г. в Казани, определяемом организаторами в качестве главного просветительного центра для нехристиан восточной части Российской империи, подчеркнул в своих решениях важность расширения сети миссионерских школ и необходимость учреждения специальных миссионерских школ для подготовки начётников (наставников) из народа, призвав всемерно расширять этот опыт [16, с. 37].

К разряду активно обсуждаемых тем, в контексте образовательной политики империи на восточных окраинах, относился вопрос о противодействии мусульманскому влиянию в Средней Азии. В резюмирующем разделе V Всероссийского миссионерского съезда обращалось внимание на противоречивость и обострённость тенденции усиления влияния на коренное население исламских мулл, которые «пестовали антирусские и антиросийские, промусульманские направления, пытающиеся опорочить Русскую Православную Церковь, разрушить мирные отношения эмиратов Средней Азии с Российской Империей, отторгнуть Азию из состава России» [16, с. 48]. Один из выводов, озвученных делегатами съезда, непосредственно отражал признание актуальности миссионерской работы в сфере национального образования и активной организации миссионерских школ с целью амортизации татарского влияния через государственную систему инородческого образования, стремительно терявшую свою прежнюю эффективность. В выступлениях участников съезда повсеместно встречались алармические интонации, связанные с тем, что педагогическая система Н.И. Ильминского, принятая на вооружение в русско-инородческих школах имеет и отрицательные стороны. Так, докладчиками отмечалось, что в ходе III Всероссийского мусульманского съезда 1906 г., было принято решение о создании программы обучения в мусульманских школах на основе исламской «адаптации» подхода Н.И. Ильминского, которая предусматривала исключение изучения в начальных классах русского языка, изучение татарского языка на арабском шрифте, а также освоение литературного турецкого языка [16, с. 160].

Что касается репрезентации представлений РПЦ и миссионерства о национальном образовании средствами миссионерских школ в церковной периодической печати, следует отметить, что «Омские епархиальные ведомости» в основном ограничивались публикацией отчётов Алтайской и Киргизской духовных миссий, в которых содержались в основном статистические сведения о ко-

личестве миссионерских школ и учащихся в них с редкими и краткими комментариями составителей. В данном аспекте, «Православный благовестник» как официальный орган Православного миссионерского общества, являлся специализированным журналом, акцентируя особое внимание на мнениях корреспондентов-миссионеров по широкому кругу вопросов миссионерской деятельности, в том числе и в образовательной сфере.

Примечательно, что дискурс национального образования на страницах издания актуализировался с 1895 г., когда Киргизская миссия приобрела самостоятельные полномочия. Уже в первом номере журнала за 1895 г. иеромонахом Сергием, начальником Киргизской миссии была опубликована программная статья об особом значении Киргизской духовной миссии в общесибирском миссионерском движении, где автор определил текущие проблемы миссионерского дела и пути к их разрешению. По убеждению автора, одной из главных причин слабой вовлечённости киргизского населения в образовательный процесс, которая лишь частично может быть устранена средствами миссионерского образования, являлись колебания власти в вопросе об официальной организации миссионерской работы с коренным населением в 1870-е гг. [5, с. 90-91]. За продолжительный период отсутствия активного участия православной церкви в просветительской и образовательной деятельности, инородцы, ранее имевшие слабое представление об исламе и его обрядах, сумели освоить многие содержательные и формальные стороны мусульманской религии, что стало следствием влияния «туземной» администрации и приходящих мусульманских проповедников на беднейшие слои коренного населения [5, с. 90-91].

Одним из путей частичного решения сложившихся проблем служащие миссии обнаруживали в подготовке крещёных инородцев к дальнейшему церковному служению и совместной с русскими просветительской деятельности. По мнению митрополита Макария (Глухарёва), которое разделял Н.И. Ильминский, русские миссионеры не могут обойтись без инородцев, которые служили бы при них в качестве толмачей, псаломщиков, учителей [22, с. 209]. Симптоматично, что руководители миссионерского движения полагали невозможным подготовку инородческих кадров для учительской и священнической деятельности через систему Духовных семинарий, считая, что обучение в них среди русских сокурсников окончательно отдалит автохтонов от своей среды. Кроме всего прочего, миссионеры большие надежды возлагали на модернизационные процессы на окраинах, в частности возведение транссибирской магистрали и пра-

вительственные распоряжения, исходившие от Комитета сибирской железной дороги, принявшего в 1895 г. постановление об интенсивном строительстве церквей и школ вдоль линии железных дорог.

В миссионерском дискурсе однозначно признавалось, что главным средством христианского просвещения и воспитания инородцев в духе православной церкви служат школы. При этом отмечалось, что с приобретением элементарного образования неизбежно происходят изменения в бытовых аспектах жизни коренных обитателей. Однако, миссионеры были склонны осторожно оценивать бытовые изменения в жизни коренного населения, имея тем самым возможность сформулировать широкую программу своей деятельности в сфере образования: «С увеличением школ, увеличивается русский склад жизни и стремление к обрусению. Нередки попытки инородцев родниться с русским населением, но попытки эти мало достигаются, вследствие того, что русские избегают сами, чуждаясь этих предложений; особенным препятствием к тому служит незнание женщинами-инородками русского языка [22, с. 58]. В публикациях миссионеров отчётливо слышится мотив предреши́нности судьбы киргизского народа, «обреченного» стать оседлым, но этот процесс, по их мнению, должен идти постепенно и неспешно, что придаёт особый статус миссионерам и миссионерским учреждениям [11, с. 154]. Позиция миссионеров заключалась в том, что селения инородцев должны находиться в максимальной близости к миссионерским станам и переселенческим посёлкам. В такой рекогносцировке «заботы миссионеров будут направлены на новокрещенных и они употребят все усилия к тому, чтобы образовать из них правильные поселки, а в последних поскорее устроить церковь, или, по крайней мере, на первое время молитвенный дом и школу» [11, с. 155].

Выводы

Подводя итог, отметим, что расширение фронтальной зоны колонизации и рост аграрных переселений в Западную Сибирь и Степной край, существенно видоизменили модели культурной и образовательной политики Российской империи на её восточной периферии. Непосредственно в Степном крае, государство столкнулось с рядом сложных задач, требовавших принятия оперативных решений: преобладающим в регионе являлось ав-

тохтонное население – киргизы (казахи), оказавшиеся под мощным тюрко-татарским (исламским) культурно-религиозным влиянием; русское крестьянство, переселявшееся в регион, не обладало достаточным культуртрегерским потенциалом для реализации политики прямой русификации. Во многом поэтому, в представлениях имперских экспертов, отстаивавших в Степном крае государственное видение организации национального образования постепенно вырабатывался и предлагался власти «мягкий» вариант стирания культурных различий с использованием педагогической системы Н.И. Ильминского, реализуемой в условиях тотального государственного патернализма, что нашло детальное отражение в эволюции содержания дискурса русско-инородческого образования, представленного в трудах Особых совещаний 1869 и 1905 гг.

Избранный государством вектор, оказался близок Русской православной церкви и миссионерскому сообществу, являвшихся в конце XIX – начале XX вв. реально действующими акторами политики колонизации на восточных окраинах империи, в частности, в Степном крае. В представлениях наиболее радикальной части РПЦ – служащих православных миссий, государство в своей законодательной и практической работе в регионе допустило ряд серьёзных просчётов, не ограничив возможности влияния на кочевых инородцев мусульманских проповедников, что в значительной степени лимитировало результативность просветительской активности священнослужителей и миссионеров. Вместе с тем, представители православной церкви в Степном крае, особенно в связи с автономизацией Киргизской духовной миссии в 1895 г., получили реальный шанс для распространения своего влияния на инородческое население посредством участия в работе русско-туземных школ и организации церковно-приходского образования непосредственно в миссионерских станах. Очевидно также и то, что дискурс национального образования, конструируемый в церковном делопроизводстве и периодике, вносил коррективы в рецепцию имперской властью инструментальных методов национального образования, которые постепенно смещались от активного администрирования к осознанию продуктивности регулярных контактов с потенциальной паствой.

Список источников

1. Балин М.А. Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и Степном крае (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2023. 22 с.
2. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Российские окраины в системе внутренней политике империи XVIII – начала XX в // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: Материалы VIII Международной научно-практической конференции и круглого стола с международным участием, Барнаул, 06 декабря 2023 года – 19 2024 года. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2024. С. 59 – 63.
3. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 348 с.
4. Записки миссионера Татарского стана Киргизской миссии о 1909 годе // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С. 32 – 39.
5. Иеромонах Сергей Значение Киргизской мисси в ряду других сибирских миссий // Православный благовестник. 1895. № 1. С. 88 – 94.
6. Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерёва, 1910. 247 с.
7. Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
8. Лысенко Ю.А., Жанбосинова А.С. Подготовка нормативно-правового и организационно-методического обеспечения деятельности первой казахской учительской школы в Оренбургском генерал-губернаторстве (70-е – начало 80-х годов XIX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1. С. 87 – 97.
9. Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2018. 264 с.
10. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса. Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml> (дата обращения: 18.01.2025)
11. Н.К. Содействие наших миссий к устройству оседлого быта кочевников // Православный благовестник. 1896. № 4. С. 148 – 162.
12. Отчёт об Алтайской и Киргизской миссиях за 1883 г. Томск: Типолитография Михайлова и Макушина, 1883. С. 18 – 25.
13. Плахотник Т.Ю. Опыт Степного генерал-губернаторства по созданию русско-казахских "низших" учебных заведений в последней четверти XIX в // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 1460 – 1470.
14. Победоносцев К.П. Народное просвещение // Московский сборник. М.: Синодальная тип. 1901. 366 с.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 1об – 25.
16. Смулов А.М. Миссионерские и монашеские съезды 1887-1917 гг., Поместный Собор 1917-1918 гг. и их значение для миссии РПЦ. М.: «Перо», 2021. 349 с.
16. Трегубов А. Колонизация Сибири и миссия среди инородцев // Омские епархиальные ведомости. 1909. № 24. С. 29.
17. Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
18. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 78. Оп. 2. Д. 108. Л. 1.
19. Чуркин М. К. Русская православная церковь как инструмент имперской колонизации Азиатской России в дискурсе дневников и записок миссионеров Алтайской духовной миссии (конец XIX – начало XX в.) // Культурный код. 2023. № 3. С. 158 – 172.
20. Чуркин М.К., Апашева С.Н., Картбаева С.М., Чуркина Н.И. Национальное образование как инструмент имперской колонизации Азиатской России в дискурсе отечественного востоковедения середины XIX – начала XX вв. // Былые годы. 2024. № 19 (3). С. 1238 – 1248.
21. Ястребов И. Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников (миссионеров // Православный благовестник. 1895. № 13. С. 208 – 212.

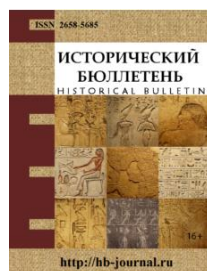
References

1. Balin M.A. Russian Orthodox Church as an actor in the policy of internal colonization of the Russian Empire in Western Siberia and the Steppe Region (second half of the 19th – early 20th centuries): author's abstract. dis. ... candidate of historical sciences. Omsk, 2023. 22 p.
2. Dameshek I.L., Dameshek L.M. Russian outskirts in the system of domestic policy of the empire of the 18th – early 20th centuries. Russia, Siberia and Central Asia: interaction of peoples and cultures: Proceedings of the VIII International scientific and practical conference and round table with international participation, Barnaul, December 06, 2023 – 19, 2024. Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2024. P. 59 – 63.
3. Jerasi R. Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia. Moscow: New Literary Review, 2013. 348 p.
4. Notes of the missionary of the Tatar Stan of the Kirghiz Mission about 1909. Omsk Diocesan Gazette. 1910. No. 9. P. 32 – 39.
5. Hieromonk Sergiy The Significance of the Kirghiz Mission among Other Siberian Missions. Pravoslavny Blagovestnik. 1895. No. 1. P. 88 – 94.
6. Kaufman collection, published in memory of 25 years that have passed since the death of the conqueror and organizer of the Turkestan region, Adjutant General K.P. von Kaufman. Moscow: Typo-lithography of I.N. Kushnerev, 1910. 247 p.
7. Cruz R. For the prophet and the king. Islam and empire in Russia and Central Asia. Moscow: New literary review, 2020. 408 p.
8. Lysenko Yu.A., Zhanbosinova A.S. Preparation of regulatory and organizational-methodical support for the activities of the first Kazakh teacher training school in the Orenburg General Governorate (70s – early 80s of the XIX century). Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2023. Vol. 22. No. 1. P. 87 – 97.
9. Lyubichankovsky S.V. Policy of acculturation by means of education of Islamic subjects of the Russian Empire: historical experience of the Orenburg region (mid-19th – early 20th centuries). Orenburg: Publishing center of OGAU, 2018. 264 p.
10. Minyar-Belorucheva A.P. Typology of historical discourse. Language and text langpsy.ru. 2015. Vol. 2. No. 2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloucheva.shtml> (date of access: 18.01.2025)
11. N.K. Assistance of our missions to the arrangement of a settled life of nomads. Pravoslavny Blagovestnik. 1896. No. 4. P. 148 – 162.
12. Report on the Altai and Kirghiz missions for 1883. Tomsk: Typolitography of Mikhailov and Makushin, 1883. P. 18 – 25.
13. Plakhotnik T.Yu. Experience of the Steppe Governorate-General in the creation of Russian-Kazakh "lower" educational institutions in the last quarter of the 19th century. Innovations. Science. Education. 2020. No. 23. P. 1460 – 1470.
14. Pobedonostsev K.P. Public education. Moscow collection. M.: Synodal type. 1901. 366 p.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 796. Op. 442. D. 1965. L. 1ob – 25.
16. Smulov A.M. Missionary and Monastic Congresses of 1887-1917, the Local Council of 1917-1918 and Their Significance for the Mission of the Russian Orthodox Church. Moscow: Pero, 2021. 349 p.
16. Tregubov A. Colonization of Siberia and Mission Among Foreigners. Omsk Diocesan Gazette. 1909. No. 24. P. 29.
17. Phillips N., Jorgensen M. Discourse Analysis. Theory and Method. Kharkov: Humanitarian Center Publishing House, 2008. 352 p.
18. Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F. 78. Op. 2. D. 108. L.1.
19. Churkin MK Russian Orthodox Church as an Instrument of Imperial Colonization of Asian Russia in the Discourse of Diaries and Notes of Missionaries of the Altai Spiritual Mission (late 19th – early 20th Century). Cultural Code. 2023. No. 3. P. 158 – 172.
20. Churkin M.K., Apasheva S.N., Kartbaeva S.M., Churkina N.I. National Education as an Instrument of Imperial Colonization of Asian Russia in the Discourse of Domestic Oriental Studies of the Mid-19th – Early 20th Centuries. Bylye Gody. 2024. No. 19 (3). P. 1238 – 1248.
21. Yastrebov I. The question of the structure and organization of educational institutions for the preparation of Orthodox evangelists (missionaries. Pravoslavny evangelistnik. 1895. No. 13. P. 208 – 212.

Информация об авторе

Картбаева С.М., Омский государственный педагогический университет, kartbaevasairan@yandex.ru

© Картбаева С.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 323.1

К вопросу о периодизации национальных движений в Башкортостане

¹ Сафин Ф.Г.,

² Мухтасарова Э.А.,

¹ Кульшарипов Ф.Р.,

¹ Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева

Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук,

² Институт нефти и газа,

Уфимский государственный нефтяной технический университет, филиал в г. Октябрьском

Аннотация: в статье рассматривается и дополняется проблема периодизации национальных движений, разрабатывавшаяся членом-корреспондентом РАН Р.Г. Кузеевым. Изучая периодически возобновляемые национальные проблемы, которые приводили к той или иной конфликтной ситуации, Р.Г. Кузеев сделал вывод о том, что общественно-политическое движение в России в свою очередь активизировало деятельность передовых частей элит на национальных окраинах для более решительных действий. На разных этапах под влиянием общероссийских тенденций наблюдалась активизация определенных сил, выражавших свое недовольство по тем или социальным проблемам под лозунгами защиты национальных интересов. Определяя периоды возрождения национального движения в России, имевшие место еще в дореволюционное время, Р.Г. Кузеев обнаружил, что те задачи, которые были обозначены в качестве приоритетных национальных проблем, даже на рубеже XX-XXI в. еще не нашли своего разрешения. Поскольку, как полагает автор, они были прерваны насильственно в ходе революции и последующего образования Башкирской Автономной Социалистической Республики. В связи с этим, по мнению исследователя, можно ожидать, что процесс, в результате которого произойдет новое национальное возрождение, будет продолжаться. Ведь общедемократические и национальные проблемы всё ещё не решены. Опыт экономически развитых стран Запада демонстрирует, что национальный вопрос всё ещё актуален. Основываясь на периодизации национального движения, предложенной Р.Г. Кузеевым, мы и другие исследователи попытались выявить новые этапы в развитии национального движения в современном Башкортостане и его воздействие на этнополитические процессы в целом. Начавшаяся в середине 1980-х годов перестройка в стране также выявила нерешенные национальные проблемы в республиках и способствовала созданию национально-ориентированных клубов и организаций, начало которых относится к этому периоду. Основными требованиями национальных организаций на первом этапе были: возрождение национальных языков и культур, а на следующем уже появились лозунги политического характера в виде предоставления союзного статуса, завершившиеся принятием Декларации о суверенитете. Каждый этап включал в себе более кардинальные задачи, такие как наполнение суверенитета реальным содержанием, выборы президента республики, перепись населения, изучение башкирского языка в школах республики, подготовка и расстановка кадров. Экологические проблемы в той или иной степени оживляли этнополитическую ситуацию в республике и активизировали деятельность национальных объединений, переходя из одного этапа к другому.

Ключевые слова: Башкортостан, периодизация, национальное движение, этнополитическое развитие, Р.Г. Кузеев

Для цитирования: Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Кульшарипов Ф.Р. К вопросу о периодизации национальных движений в Башкортостане // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 49 – 56.

Поступила в редакцию: 5 февраля 2025 г.; *Одобрена после рецензирования:* 3 апреля, 2025 г.; *Принята к публикации:* 18 мая 2025 г.

On the issue of periodization of national movements in Bashkortostan

¹ Safin F.G.,

² Mukhtasarova E.A.,

¹ Kulsharipov F.R.,

¹ R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the
Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,

² Institute of Oil and Gas of Ufa State Petroleum Technical University in Oktyabrsky

Abstract: the article examines and supplements the problem of periodization of national movements, which was developed by corresponding member of the Russian Academy of Sciences R.G. Kuzeev. Studying the periodically recurring national problems that led to a particular conflict situation, R.G. Kuzeev concluded that the socio-political movement in Russia, in turn, intensified the activities of the advanced parts of the elites on the national outskirts for more decisive action. At various stages, under the influence of all-Russian trends, there was an intensification of certain forces expressing their dissatisfaction with certain social problems under the slogans of protecting national interests. Defining the periods of the revival of the national movement in Russia, which took place in the pre-revolutionary period, R.G. Kuzeev found that those tasks that were designated as priority national problems, even at the turn of the XX-XXI century. We have not found our permission yet. Because, as the author believes, they were forcibly interrupted during the revolution and the subsequent formation of the Bashkir Autonomous Socialist Republic. In this regard, according to the researcher, it can be expected that the process resulting in a new national revival will continue. After all, the general democratic and national problems are still unresolved. The experience of economically developed Western countries demonstrates that the national issue is still relevant. Based on the periodization of the national movement proposed by R. G. Kuzeev, we and other researchers have tried to identify new stages in the development of the national movement in modern Bashkortostan and its impact on ethno-political processes in general. The perestroika in the country that began in the mid-1980s also revealed unresolved national problems in the republics and contributed to the creation of nationally oriented clubs and organizations, the beginning of which dates back to this period. The main demands of national organizations at the first stage were: the revival of national languages and cultures, and at the next stage political slogans appeared in the form of granting union status, culminating in the adoption of a Declaration of Sovereignty. Each stage included more cardinal tasks, such as filling sovereignty with real content, the election of the President of the republic, the population census, the study of the Bashkir language in schools of the republic, training and placement of personnel. Environmental problems to one degree or another revived the ethno-political situation in the republic and intensified the activities of national associations, moving from one stage to another.

Keywords: Bashkortostan, periodization, national movement, ethno-political development, R.G. Kuzeev

For citation: Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Kulsharipov F.R. On the issue of periodization of national movements in Bashkortostan. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 49 – 56.

The article was submitted: February 5, 2025; Approved after reviewing: April 3, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Проблема этнополитических процессов в современной России приобрела особую актуальность во второй половины 1990-х гг. В начале данная проблема представлялась в контексте изучения национальных общественно-политических

движений в бывших союзных и автономных республиках. Зарождению национальных движений в республиках способствовала политика перестройки и гласности, которая поставила на повестку дня вопросы неразрешенности этнополитических и этнокультурных проблем народов Советского Со-

юза. Не меньшим образом был представлен потенциал и в ряде автономных республик, таких как, например, Татарстан и Башкортостан, в которых национально ориентированные организации появились еще в конце 1980-х гг. Изучая историю национальных движений в России, Р.Г. Кузеев приходит к выводу, что современное его возрождение в Волго-Уральском регионе относится к четвертому этапу. В ряде своих работ Р.Г. Кузеев подробно исследует развитие национального самосознания народов региона, в частности, башкир, и выделяет несколько этапов его возрождения [7, с. 65-66].

Материалы и методы исследований

Источником для написания данной статьи послужили работы Р.Г. Кузеева и ряда отечественных авторов, в которых представлены теоретические подходы периодизации исторических событий. В данном контексте, опираясь на труды отечественных исследователей, предпринята попытка теоретического обоснования периодизации национальных движений в Республике Башкортостан. Методом исследования в раскрытии данной проблемы послужил проблемно-хронологический подход к периодизации основных этапов национального движения в республике. Тема национального движения, особенно в контексте этнополитических процессов привлекало внимание исследователей, которые в той или иной степени рассматривали данную проблему [1, 5, 6, 8].

Результаты и обсуждения

В своем труде Р.Г. Кузеев предлагает разделить историю национального движения в Волго-Уральском регионе на четыре периода. Первый этап им был определен как национально-демократический, который охватывал период с конца XIX в. до революции 1905 года. В этот период в России наблюдался подъем общественно-политического движения, направленного на национальное возрождение. На этой стадии была выдвинута концепция возрождения башкирского народа через систему образования, просвещения и развития культуры на родном языке. Кроме того, обсуждались проблемы равенства и равноправия всех народов, независимо от национальности и религиозных убеждений [7, с. 65-66].

По его мнению, второй период национального подъема в России совпадает с социально-демократическим этапом общественно-политического движения, который длился с 1905 года до 1919-1920 годов. В этот период всё более значимым лозунгом выступает идея самоопределения народов. В данный период в результате мощного национального, а также

религиозного движения народов Волго-Уральского региона появились требования о создании независимых национальных государств, в том числе вплоть до отделения от России. Имелись, например, также идеи и проекты создания Волго-Уральского штата, Татаро-Башкирской республики и т.д. В некоторых проектах предлагалось сформировать объединиться всем тюркским народам под единое государство внутри России.

В основном эти инициативы были нацелены на формирование национально-территориальных структур, но в целом их авторы выражали поддержку концепции демократического федерализма [7, с. 65-75].

С 1919 по 1920 год в России был новый этап, который Р.Г. Кузеев назвал большевистским. Национальное движение стало бороться за революцию. Но это движение не достигло своих целей, и оно постепенно угасло. В марте 1919 года появилась Башкирская АССР. По мнению Р.Г. Кузеева, её создали, потому что лидеры башкирского движения договорились с правительством РСФСР [7, с. 75].

Начавшийся процесс перестройки вновь вывел на арену политического поля национально-культурные проблемы народов Советского Союза. Национально-ориентированные клубы и организации первоначально выдвигали лозунги о возрождении национальных языков, традиций и культур. Впоследствии появились более радикальные политические требования и национальное движение на современном этапе приобрело новое воплощение в политической жизни страны.

«В России, в частности в Волго-Уральском регионе и Башкирии, начинается новая фаза в развитии национальных движений. В их идеологии, целях, лозунгах и программах можно увидеть идеи, которые возникли ещё в начале XX века, но не были воплощены в жизнь» [7, с. 75]. Эти идеи включают в себя желание стать независимыми, создать демократический федерализм и дать территориям автономию. Нельзя сказать, что история национальных движений XX века закончилась.

Поэтому рассматривая процессы национально-го возрождения четвертого периода специалисты отмечают внутри указанного периода новые этапы, которые, в свою очередь, представляют условный характер.

Основываясь на теоретических изысканиях Р. Г. Кузеева, нами выделено несколько стадий развития национального движения в новейшей истории Башкортостана [9, с. 170-183]. Основу этой классификации составляют, в первую очередь, реальные политические события и процессы в стране

и в республике, которые в той или иной степени затрагивали интересы народов России.

В 1988 году начался первый этап, который завершился в сентябре 1989 года. В этот период обсуждались вопросы экономической самостоятельности без углубления в политические аспекты суверенитета [9, с. 172-173]. В последующем появились и политические лозунги требования, связанные с будущим политическим статусом республики.

На этом этапе возникли национально-культурные клубы, деятельность которых была отражена как возрождение языков, традиций и обычаев своих народов [9, с.173].

Однако со второй половины 1989-го по октябрь 1990 г. появились наиболее политизированные национальные организации башкирского и татарского народов. Башкирские организации выступали за суверенитет республики вне России, как союзный субъект, тогда как татарские отстаивали российскую субъектность. Тем не менее, многонациональное население не проявляло должного интереса к этим лозунгам и требованиям [9, с. 175].

На этой стадии начинается дискуссия о повышении политического статуса республики до союзного. С этой целью было «решено создать комиссию для разработки статуса республики. Ключевым аргументом в пользу этого решения стал высокий социально-экономический потенциал республики, которая в условиях хозяйственного расчёта и экономической самостоятельности могла бы обеспечить социальную справедливость, что стал предметом обсуждения на внеочередной сессии Верховного Совета 3 ноября 1989 г.» [13].

Принятая декларация о суверенитете России фактически обозначила магистральное направление в борьбе за «независимость» субъектов, входящих в её состав. В течение непродолжительного периода времени многие автономные республики разработали и приняли свои собственные декларации, в которых были определены «пределы» того суверенитета, который они были готовы принять [11, с. 169].

С принятием Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан завершается второй этап. Концепция государственного суверенитета заложила основу для дальнейшего развития республики как самостоятельного субъекта Российской Федерации, обладающего особым статусом [12, с. 113-155].

Вместе с тем, в текст Декларации был заложен пункт, согласно которому «она реализовалась на основе неотъемлемого права башкирского народа на самоопределение». С другой стороны, источни-

ком власти выступал многонациональный народ республики [11, с. 104-105].

Третий этап национально-политического движения в Башкортостане начинается с 11 октября 1990 г. и продолжается до событий ГКЧП. Для этого этапа характерно то, что в союзном масштабе продолжалась работа по подготовке подписания нового союзного договора. Поэтому руководство республики также проявляло желание и вело работу по его подписанию как самостоятельный субъект союзного государства, нередко пренебрегая своей принадлежностью к российскому региону.

В этот период происходили события, сопровождавшиеся противостоянием между союзными и российскими властями, каждая из которых стремилась склонить на свою сторону лидеров автономных республик. Однако, «несостоявшееся подписание союзного договора, инициированные события ГКЧП завершили данный период этнополитических процессов в республике» [9, с. 176].

«С этого периода начинается четвёртый этап, который продолжался до подписания Федеративного договора. В этот период произошло разрушение Советского Союза и был подписан Федеративный договор (март 1992 г.), в том числе и делегацией Башкортостана (с приложением)» [9, с. 176].

Для данного «периода было характерно углубление экономического кризиса, а политические действия становились более радикальными. Национально ориентированные организации активно использовали такие виды политической борьбы, как пикетирование, митинги, шествия, голодовки и другие методы, чтобы донести свою точку зрения до общественности и властей Республики Башкортостан. Этот период в развитии национальных и политических движений, и партий можно охарактеризовать как наиболее конфликтный, массовый и радикальный» [9, с. 176-177].

Подписание Федеративного договора башкирскими организациям было воспринято резко негативно. Они требовали дезавуировать «данный кабальный договор», а наиболее радикальное молодежное крыло Союза башкирской молодежи объявило голодовку.

Однако позиция башкирских организаций подвереглась критике со стороны татарских и ряда политических организаций. Они выступили за сохранение единства страны и против предоставления особых привилегий только одному народу республики. Наиболее острым встал языковой вопрос, т.к. лидеры и активисты башкирского движения выступали за придание государственного статуса исключительно башкирскому языку. В то

же время представители татарских организаций настаивали на том, чтобы статус государственного получил язык народа, занимающего второе место по численности после русских.

В это время происходит становление и структурирование политического движения русского населения – общественного объединения «Русь». Этот период отмечен наивысшей напряжённостью в межнациональных отношениях, связанной с обсуждением и подписанием Федеративного договора.

Следующий, «пятый период развития этнополитических процессов в Башкортостане начинается с марта 1992 г. и продолжается до избрания президента Республики Башкортостан (декабрь 1993 г.). Развивая процесс суверенизации вглубь и вширь руководство республики начало подготовку для заключения договора между Республикой Башкортостан и Российской Федерацией» [9, с. 177].

Однако стороны по-разному представляли себе содержание и наименование будущего соглашения. Если башкирская сторона данное соглашение трактовала как «межгосударственный договор», то Москва, как «договор о разграничении полномочий» [12, с. 133-134]. На данном этапе прошли выборы первого президента республики и была принята Конституция Республики Башкортостан, в которой была заложена новая политическая система республики.

События, имевшие место в государстве после трагических происшествий, произошедших 3-4 октября 1993 года в столице, оказали дополнительное воздействие на этнополитическую ситуацию в Башкортостане. В сложившейся ситуации с некоторым нарушением основополагающих законов были проведены выборы президента республики, что привело к перераспределению полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти.

Шестой этап начинается с января 1994 года. На этом этапе наблюдается заметное снижение активности национальных движений в политической сфере [9, с. 178], которая проявляется лишь в период подготовки и принятия в феврале 1999 г. закона о языках.

Начиная с 1995 г. в республике шел процесс укрепления позиций башкирского языка в сфере школьного образования, государственного аппарата. Против искусственного повышения коммуникативных функций башкирского языка резко выступили татарские и русские общественные организации.

Согласно результатам этносоциологических исследований, проведённых в то время в

республике, социальная база национальных движений шла на спад [10, с. 17-19].

Одной из причин снижения активности национально ориентированных организаций, видимо, является то, что «учитывая сохраняющийся потенциал этнокультурных объединений в области мобилизации этнических групп, правительство активно работало над созданием проправительственных объединений» [9, с. 179].

Несмотря на то, что к концу 1990-х годов национальные движения переживали спад активности, потенциал этнической мобилизации всё ещё оставался высоким.

В феврале 1999 года начался седьмой этап, который завершился выборами президента Республики Башкортостан в 2003 году. Эти выборы стали ключевым событием этапа, вызвав широкий общественный резонанс и обострив языковую проблему.

Существенные изменения произошли и в отношениях Центра с регионами. «Эти изменения нашли отражение в высказывании В.В. Путина о том, что Россия – это не федеративное, а децентрализованное государство» [9, с. 180].

Принятый в июне 1999 г. закон о разграничении полномочий центра и субъектов существенно урезал полномочия регионов, особенно национальных республик. В мае 2000 года избранный президент России В.В. Путин приступил к исполнению своих обязанностей. Согласно Указа Президента РФ на территории страны было создано семь федеральных округов. В этот период происходит ограничение самостоятельности российских республик.

В 2000 году президент Российской Федерации Владимир Путин инициировал процесс гармонизации региональных законов с федеральными. В рамках этого процесса была проведена ревизия Конституции Республики Башкортостан, принятой в 2002 году. «Из неё были исключены положения о суверенитете, праве собственности на природные ресурсы, а также раздел о приоритете республиканских законов над федеральными и другие аспекты» [9, с. 181].

К этому времени значимость этнической проблематики немного угасает, что «позволило В. И. Никитину, председателю Комитета по делам национальностей Государственной Думы ФС РФ, заявить, что для большинства граждан этнический фактор в избирательных кампаниях не имеет большого значения» [2]. Если в ходе выборной кампании в 2003 г. в законодательный орган республики этнический фактор не имел большого значения, то в ходе предвыборной кампании пре-

зидента РБ симпатии избирателей распределились по этническому признаку.

Накануне президентской кампании в республике началась мощная пропаганда против действующего президента республики. В независимых изданиях была подвергнута к критике политика руководства республики, отмечалось, что в Башкортостане создан этнократический режим, в котором игнорируются этнокультурные потребности всех народов, кроме башкирского. Один из лидеров оппозиции выразил мнение, что «межнациональный мир и согласие в республике, а также равноправие всех народов, проживающих в ней, — это всего лишь иллюзия» [9, с. 181].

«Начиная с 2003 года, можно говорить о начале нового этапа в деятельности национально-культурных объединений республики. Вновь стала заметной тенденция превращения этнической принадлежности в политический инструмент. Федеральные власти, стремясь ограничить полномочия республики, стали серьёзным стимулом для деятельности объединений титульного этноса, поддерживающих республиканскую власть. В связи с этим, акции протеста стали одним из основных направлений их работы» [9, с. 181]. Они периодически напоминают о себе, когда между республиканскими и федеральными властями возникают разногласия. Это также служит ярким примером проявления так называемого управляемого национализма со стороны правительства.

Например, когда обсуждалось изменение названия должности руководителя республики, башкирские национальные организации выступили за сохранение термина «президент» для обозначения высшего должностного лица Республики Башкортостан.

Ключевым направлением деятельности «татарских национальных объединений» оставались вопросы, связанные с языковыми и этнокультурными потребностями татарского и русскоязычного населения республики. Деятельность татарских и русских обществ объединяла тема предвзятой кадровой политики, функционирования этнократического режима и т. д.» [9, с. 181]. В период правления Р. З. Хамитова татарские организации не проявляли особой активности. «Нерешённые этнокультурные проблемы татарского и русского народов республики, а также недостатки в национальной политике, проводимой региональными властями, оставались основой для нового витка активности национальных движений в Башкортостане» [3].

Избрание Р.Ф. Хабирова на пост Главы республики было встречено с воодушевлением со стороны башкирских организаций. Однако после собы-

тий на Куштау и волнений в Баймакском районе они выразили несогласие с позицией руководства республики. Это продемонстрировало высокий потенциал национального движения, способного мобилизоваться для решения определенных задач в нужный момент.

Проблематика периодизации этнополитических процессов в Башкортостане в постсоветский период прослеживается и в работах И.М. Габдрафикова [3, с. 94-106]. Ключевые моменты, определяющие принцип его периодизации, автор связывает с обновлением высшей власти в республике, отмечая, что для каждого из этих периодов характерны свои особенности.

По его мнению, первый этап начинается с 1990 года и продолжается до 2010 года. В этот период особое внимание уделялось «формированию государственности и особого статуса республики, что выражалось в создании таких институтов, как президентство, парламент, конституционный суд, собственная академия наук и другие» [3, с. 95].

В то же время акцентировалось внимание на том, что эти организации являются олицетворением независимости республики.

Автор отмечает, что «для этого этапа в политической сфере больше характерно проявление политики этничности, чем общегражданской. Государство в лице республиканских властей способствовало укреплению этнического самосознания граждан, что нашло отражение в работах исследователей» [3, с. 95].

Но, с другой стороны, с избранием в 2000 г. Президентом страны В.В. Путина начинается процесс отхода от суверенитета и приведение в соответствие Конституции, законов и законодательных актов республики с федеральными законами.

Второй этап, охватывающий период с 2010 г. по 2018 г., автор связывает со сменой высшего должностного лица в республике и назначением на эту должность Р.З. Хамитова, топ-менеджера компании «Русгидро». В исследовании отмечается, что приход Р.З. Хамитова существенно внес изменения в этнополитическую ситуацию в республике.

Однако, несмотря на смену власти, этнический аспект в общественной и политической жизни не только не утратил своей значимости, но и приобрёл новые формы, хотя власть в республике стала более открытой и доступной для граждан.

В частности, общественные организации, представляющие интересы башкирского народа, выражали недовольство действиями руководства республики в сфере национальной политики и кадровых назначений. Они утверждали, что эти дей-

ствия наносят ущерб интересам коренного башкирского народа, который является основой республики [3, с. 101].

С 2018 года с назначением Радия Хабирова на должность главы республики, по мнению автора, начинается третий этап этнополитических процессов в Башкортостане. На этом этапе в общественно-политической жизни республики произошли значительные события. В некоторой степени произошла консолидация элит, и этнонациональные движения, предшествовавшие событиям на Куштау, пошли на спад. Особое внимание стало уделяться экономическим проблемам, реализации национальных проектов. Наряду с этим, «произошли значительные изменения в структуре власти. Они затронули все уровни региональной власти – парламент, правительство и ключевые посты в администрации главы республики» [4, с. 12-20].

Выводы

Таким образом, позиции авторов по проблеме периодизации национального движения в контексте этнополитических процессов в конце XX – начале XXI в. в Башкортостане по ключевым аспектам в целом совпадают. Однако, несмотря на деятельность национально-ориентированных организаций, постепенно происходил процесс укрепления централизации и вертикали власти. С 2019 г. экологические проблемы стали играть важную роль в общественно-политической и этнополитической жизни. Эти проблемы иногда приобретали этническую окраску, но главным было стремление защитить башкирские шиханы.

Можно заключить, что разработанная Р.Г. Кузеевым концепция периодизации национальных движений в Башкортостане стала основой для дальнейших исследований этнополитических процессов постсоветского периода.

Список источников

1. Аюпов М.А. Зарубежные конструктивисты о современном Башкортостане // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2014. № 3. С. 60 – 66.
2. Габдрафиков И.М. Из интервью Председателя Комитета по делам национальностей ГД РФ В.И. Никитина. Бюллетень сети этнологического мониторинга. 2003. № 50. 16-28 февраля.
3. Габдрафиков И.М. Периодизация этнополитических процессов и этнонациональной политики в постсоветском Башкортостане // Этнопанорама. Этноконфессиональные отношения в региональном измерении. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Амелина В.В. Оренбург: ООО «Типография «Южный Урал», 2023. С. 94 – 106.
4. Габдрафиков И.М. Республика Башкортостан // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за 2019 год / Ред. Амелин В.В., Воронцов В.С., Степанов В.В., Старченко Р.А. М. – Оренбург: ИПК ОГУ, 2020. С. 12 – 20.
5. Гарифуллин И.З. Особенности возникновения татарского национального движения Башкортостана // Тюркологические исследования. 2023. № 2. С. 57 – 63.
6. Касимов С.Ф. Р.Г. Кузеев о башкирском национальном движении // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения: Материалы международной научной конференции. Уфа. 28 сентября 2012 г. Уфа, 2012. С. 298.
7. Кузеев Р.Г. Демократия. Гражданственность. Этничность / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1999. 376 с.
8. Кульшарипов М.М., Газизов Р.Р. Новейшее башкирское национальное движение и проблемы российского федерализма. Уфа: Педкнига, 2011. 396 с.
9. Мухтасарова Э.А., Сафин Ф.Г. Роль национально-культурных объединений в этнополитическом развитии Башкортостана (1988-2005 гг.). Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2012. 214 с.
10. Сафин Ф.Г. Национальные отношения в Башкортостане в 1990-е годы (по данным этносоциологических исследований). М.: ЦИМО, 2000. 88 с.
11. Сафин Ф.Г. Принципы этнополитического развития Башкортостана (1988-1993 гг.) / Под ред. Б.Х. Юлдашбаева. М.: ЦИМО, 1997. 376 с.
12. Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Нациестроительство в Российской Федерации: опыт Башкортостана (диахронный и синхронный анализы). СПб.: ООО «Свое издательство», 2014. 264 с.
13. Советская Башкирия. 1989. 4 ноября.

References

1. Ayupov M.A. Foreign constructivists on modern Bashkortostan. Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2014. No. 3. P. 60 – 66.
2. Gabdrafikov I.M. From an interview with the Chairman of the Committee on Nationalities of the State Duma of the Russian Federation V.I. Nikitin. Bulletin of the Ethnological Monitoring Network. 2003. No. 50. February 16-28.
3. Gabdrafikov I.M. Periodization of ethnopolitical processes and ethno-national policy in post-Soviet Bashkortostan. Ethnopanorama. Ethnoconfessional relations in the regional dimension. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Ed. Amelin V.V. Orenburg: OOO "Tipografiya Yuzhny Ural", 2023. P. 94 – 106.
4. Gabdrafikov I.M. Republic of Bashkortostan. Interethnic relations and religious situation in the Volga Federal District. Expert report for 2019. Ed. Amelin V.V., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., Starchenko R.A. M. – Orenburg: IPC OSU, 2020. P. 12 – 20.
5. Garifullin I.Z. Features of the emergence of the Tatar national movement of Bashkortostan. Turkic studies. 2023. No. 2. P. 57 – 63.
6. Kasimov S.F. R.G. Kuzeev on the Bashkir national movement. Ethnos. Society. Civilization: III Kuzeev Readings: Proceedings of the International Scientific Conference. Ufa. September 28, 2012. Ufa, 2012. P. 298.
7. Kuzeev R.G. Democracy. Citizenship. Ethnicity. Ed. M.N. Guboglo. Moscow: TsIMO, 1999. 376 p.
8. Kulsharipov M.M., Gazizov R.R. The Newest Bashkir National Movement and Problems of Russian Federalism. Ufa: Pedkniga, 2011. 396 p.
9. Mukhtasarova E.A., Safin F.G. The Role of National-Cultural Associations in the Ethnopolitical Development of Bashkortostan (1988-2005). Ufa: IEI Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2012. 214 p.
10. Safin F.G. National relations in Bashkortostan in the 1990s (based on ethnosociological studies). Moscow: TsIMO, 2000. 88 p.
11. Safin F.G. Principles of ethnopolitical development of Bashkortostan (1988-1993). Ed. B.Kh. Yuldashbaev. Moscow: TsIMO, 1997. 376 p.
12. Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Khaliulina A.I. Nation-building in the Russian Federation: the experience of Bashkortostan (diachronic and synchronous analyses). St. Petersburg: OOO "Svoye izdatelstvo", 2014. 264 p.
13. Soviet Bashkiria. 1989. November 4.

Информация об авторах

Сафин Ф.Г., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом этнополитологии, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450077, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д.6. failsafin@mail.ru

Мухтасарова Э.А., кандидат исторических наук, доцент, Институт нефти и газа, Уфимский государственный нефтяной технический университет в г. Октябрьский, 452600, Республика Башкортостан, г. Октябрьский, ул. Девонская, 54а. mux.elvira@yandex.ru

Кульшарипов Ф.Р., аспирант, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450077, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д.6. hitry88@gmail.com

© Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Кульшарипов Ф.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.24

Особенности тылового обеспечения подразделений и частей Красной армии в Курской битве

¹ Даниленко Р.А.,

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: в статье рассмотрена ключевая операция Красной армии в 1943 на Курской дуге с точки зрения тылового обеспечения. Анализ опыта тылового обеспечения в этот период особенно значим в контексте нынешних событий. В современных боевых действиях быстрые изменения требуют адаптации служб тыла к меняющимся условиям. Учет ошибок и анализ исторического опыта имеет крайне важное значение для современной армии. Проведенное исследование исторических фактов может оказать значительное влияние на интеграцию современных передовых технологий в оптимизации тылового обеспечения. Использование новых технологических возможностей с учетом исторического опыта должно повысить эффективность материального обеспечения и оптимизировать войсковые ресурсы.

Ключевые слова: Курская операция, тыловое обеспечение, снабжение войск

Для цитирования: Даниленко Р.А. Особенности тылового обеспечения подразделений и частей Красной армии в Курской битве // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 57 – 64.

Поступила в редакцию: 5 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Features of the rear support of units and parts of the Red Army in the Battle of Kursk

¹ Danilenko R.A.,

¹ Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

Abstract: the article examines the key operation of the Red Army in 1943 on the Kursk Bulge from the point of view of logistic support. Analysis of the logistic support experience during this period is especially important in the context of current events. In modern combat operations, rapid changes require adaptation of logistic services to changing conditions. Accounting for mistakes and analyzing historical experience is extremely important for a modern army. The conducted study of historical facts can have a significant impact on the integration of modern advanced technologies in optimizing logistic support. The use of new technological capabilities taking into account historical experience should increase the efficiency of material support and optimize troop resources.

Keywords: Kursk operation, logistic support, supply of troops

For citation: Danilenko R.A. Features of the rear support of units and parts of the Red Army in the Battle of Kursk. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 57 – 64.

The article was submitted: February 5, 2025; Approved after reviewing: April 3, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Курская операция – ключевое событие переломного 1943 года – продемонстрировала важность эффективной организации тылового обеспечения подразделений и частей Красной армии. Одним из условий для победы в масштабных боевых действиях было постоянное снабжение войск боеприпасами, горючим, продовольствием, а также ремонт техники и оказание медицинской помощи.

Анализ опыта тылового обеспечения в этот период особенно значим в контексте нынешних событий. Уроки, которые наши отцы и деды извлекли из Великой Отечественной войны, сохраняют свою актуальность и сегодня при выполнении подразделениями и частями Вооружённых сил РФ боевых задач в ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областях. В современных боевых действиях высокая интенсивность и быстрые изменения требуют мгновенной адаптации к меняющимся условиям, предъявляя новые требования к тыловому обеспечению. Опыт Курской операции, учёт ошибок и анализ того, как службы справлялись с задачами обеспечения крупномасштабных операций в условиях ограниченных ресурсов и сложной оперативной обстановки, – важный урок для современного военного искусства.

В современных условиях уровень материально-технического обеспечения Вооружённых Сил РФ служит важным показателем состояния военной мощи государства.

Кроме того, 2025 год Верховным Главнокомандующим ВС РФ объявлен годом Защитника Отечества, что делает исследование роли тыла, как важнейшего элемента Победы, особенно значимым в воспитании гражданской ответственности и патриотизма молодого поколения [11].

Именно эти факторы определили выбор автором данной темы для исследования.

Материалы и методы исследований

С целью изучения тылового обеспечения Красной армии в Курской операции был применен историко-описательный метод путем поиска и изучения архивных документов, отчётов и статистических данных. Кроме того, был применен историко-аналитический метод, заключающийся в выявлении причинно-следственных связей между организацией тыловых служб и успехом военных действий. Метод позволил проанализировать систему тылового обеспечения армии в Курской операции. Историко-аналитический метод дополняется сравнительным анализом опыта Великой

Отечественной войны и современной системой тылового обеспечения.

В работе мы придерживались следующих задач исследования.

1. Изучить организацию системы тылового обеспечения РККА во время Курской битвы. 2. Проанализировать, как справлялись с трудностями снабжения войск во время операции. 3. Оценить, насколько эффективно тыловое обеспечение повлияло на победу и какие уроки можно применить сегодня.

Объект исследования – система тылового обеспечения Красной армии в период операции на Курской дуге.

Хронологические рамки – исследование охватывает период ВОВ, с акцентом на события 1941–1943 годов. Особое внимание уделяется подготовке и ходу Курской битвы (июль–август 1943 года), а также анализу системы тылового обеспечения Красной армии в контексте операции на Курской дуге.

Этот временной диапазон позволяет рассмотреть эволюцию тылового обеспечения: от начального периода войны (1941 год) до момента наивысшего напряжения боевых действий в ходе Курской битвы.

Территориальные рамки – территория Курской дуги и прилегающие к ней районы. Включает районы действий Центрального, Воронежского и Степного фронтов, ключевые коммуникационные направления, такие как железнодорожные пути и дороги, обеспечивающие тыловое снабжение войск.

Анализ современной историографии, военно-исторических документов, источников позволяет выделить основные подходы в изучении тылового обеспечения РККА в период битвы: использование архивных материалов: документы Военно-исторического отдела Генерального штаба Красной армии, отчеты начальников тыла фронтов и армий, статистические данные о расходе материальных средств. А также проводить сравнительный анализ исторического и современного опыта с использованием цифровых технологий.

Научно-практическая ценность работы заключается в том, что она раскрывает малоизученные аспекты организации тыла, особенно в части подвоза материальных средств и медицинского обеспечения. А также в актуализации исторического опыта для решения сегодняшних задач, таких как организация снабжения войск в сложных условиях, защита коммуникаций и адаптация к быстрым изменениям на поле боя. Этот опыт особенно ва-

жен сейчас, когда эффективность тылового обеспечения напрямую влияет на успех военных операций.

Таким образом, работа не только обобщает исторический опыт, но и предлагает идеи для совершенствования современных подходов к тыловому обеспечению, делая её полезной как для историков, так и для специалистов по тыловому обеспечению.

Результаты и обсуждения

Тыловое обеспечение в Великую Отечественную войну должно было не только обеспечивать текущие нужды войск, но и создавать резервы для будущих операций. Это требовало высокой степени централизации управления и координации между фронтовым и армейским уровнями.

Руководство тыловым обеспечением осуществлялось на высшем уровне: Государственный Комитет Обороны (ГКО), Ставка Верховного Главнокомандования, Наркомат обороны СССР, а также Военные советы фронтов и армий. Важным шагом стало назначение генерала армии А.В. Хрулёва на должность начальника Тыла Красной армии в августе 1941 года. Это решение способствовало централизации управления тыловыми службами и повышению их эффективности [1]. Каждый член ГКО отвечал за определенную сферу снабжения: Н.А. Вознесенский – за вооружение и боеприпасы, Г.М. Маленков – за производство самолетов, А.И. Микоян – за продовольствие и горючее, Л.М. Каганович – за железнодорожные перевозки [2].

На фронтовом уровне тыловое обеспечение координировалось начальниками тыла фронтов и армий, которые отвечали за организацию снабжения, медицинской помощи и транспортных коммуникаций.

Одной из ключевых особенностей советской системы тылового обеспечения было использование так называемого «правила большого пальца», согласно которому каждая армия должна была иметь запасы, достаточные для ведения боев в течение 10 дней и продвижения на 90-100 км. Однако, в западных источниках можно встретить и критику. По мнению американского историка Эрла Земке, несмотря на успехи в организации снабжения, советская система сталкивалась с трудностями при поддержке войск во время наступления на значительные расстояния [6].

Основным способом доставки грузов на большие расстояния был железнодорожный транспорт (далее ж/д транспорт). Проблемой была разрушенная транспортная инфраструктура. Железнодорожные пути часто подвергались бомбардировкам, что затрудняло доставку грузов. Были созда-

ны специальные ремонтные бригады, которые восстанавливали разрушенные участки дорог в кратчайшие сроки.

Автомобильный транспорт активно использовался для подвоза грузов непосредственно к передовой. Остро стояла нехватка горючего: к началу войны запасы автобензина составляли около 40% от потребностей.

Значительные трудности возникали с ремонтом военной техники. К 1943 году система ремонта была значительно улучшена: созданы передвижные ремонтные мастерские, организованы крупные ремонтные базы в тылу, налажено производство запасных частей на эвакуированных предприятиях.

Медицинская служба была организована по этапному принципу, что позволяло оперативно оказывать помощь раненым и эвакуировать их в тыл. По данным Главного военно-санитарного управления Красной армии в 1942 году из полевых госпиталей в строй вернулись 52,6% раненых и больных, а к 1943 году этот показатель вырос до 65% [8]. В июне 1941 года остро не хватало госпиталей, санитарного транспорта и медикаментов. К началу второго этапа ВОВ медицинская служба сумела накопить ценный опыт.

В начале войны тыловое обеспечение находилось в стадии становления. Первые месяцы показали недостатки в организации, особенно в условиях быстрого отступления и потери значительных территорий.

К лету 1943 года система тылового обеспечения была значительно улучшена. Созданы централизованные органы управления тылом, улучшена координация между фронтовым и армейским уровнями, увеличена пропускная способность транспортных коммуникаций. Особое внимание уделялось созданию резервов материальных средств.

Опыт первых лет войны к моменту Курской операции был учтен.

Командование (начальники тылов фронтов: Центрального – генерал Н.А. Антипенко, Воронежского – генерал В.Н. Власов и Степного округа – генерал В.И. Вострухов) понимало, что исход битвы во многом зависел от уровня подготовки тыловых служб, поэтому были предприняты масштабные меры для создания устойчивой системы.

Одним из ключевых мероприятий стала реорганизация системы подвоза материальных средств. По указанию И.В. Сталина, подвоз боеприпасов, продовольствия и горючего осуществлялся по принципу «сверху-вниз», что значительно повысило ответственность всех звеньев тыла за своевременную доставку ресурсов [12].

Тыловые службы выполнили огромный объем подготовительной работы. Например, в преддверии битвы фронтам было подвезено 141 354 вагона грузов, что стало крупнейшим сосредоточением материальных средств за всю войну[2]. По данным Военно-исторического отдела Генерального штаба

Красной армии, к началу наступления войска были полностью обеспечены всем необходимым для успешного проведения операции [5]. Резервы войск Центрального и Воронежского фронтов к началу июля 1943 года приведены в табл. 1.

Таблица 1

Резервы войск Центрального и Воронежского фронтов к началу июля 1943 года.

Table 1

Reserves of the troops of the Central and Voronezh Fronts at the beginning of July 1943.

Материальные средства	Объем запасов
Боеприпасы	2-5 боевых комплектов
Автобензин	3,4-5,8 заправок
Дизельное топливо	2,5-9,1 заправок
Продовольствие	20-33,6 суточных норм

К началу июля 1943 года войска Центрального и Воронежского фронтов располагали значительными резервами (табл. 1). Важным показателем является распределение запасов: около 80% боеприпасов, автобензина и дизельного топлива находилось непосредственно в частях и соединениях. Это минимизировало зависимость от дальних перевозок и снижало риски, связанные с возможными нарушениями линий снабжения при активных боевых действиях.

Большое количество дизельного топлива связано с увеличением числа танковых подразделений, использующих дизельные двигатели.

Как отмечал маршал Советского Союза Г.К. Жуков, создание запасов горючего и боеприпасов для танковых соединений позволило им действовать без перебоев даже в условиях интенсивных боев.

Особое внимание уделялось созданию запасов на огневых позициях артиллерии. Если раньше выкладывали на позиции полтора-два боевых комплекта снарядов, то на Курской дуге по целому ряду калибров было выложено до пяти боевых комплектов. Это решение сыграло немалую роль в обеспечении устойчивости обороны в первые дни сражения [7].

К началу операции основные ж/д коммуникации и пункты водоснабжения были полностью восстановлены. Особое внимание уделялось участку Касторное – Курск, который стал ключевым для снабжения обоих фронтов. Несмотря на систематические налеты противника, этот участок быстро восстанавливался железнодорожными частями.

В сложных условиях подвоза материальных средств, особенно зимой 1943 года, наши войска были вынуждены использовать нетрадиционные

методы снабжения. Например, американский военный историк Эрл Земке описывает случай, когда из-за сильных снегопадов автотранспорт оказался полностью непригодным для доставки грузов. В этой ситуации горючее для передовых танковых частей доставлялось ночью самолетами У-2 (би-планами), которые садились прямо на снег в местах, отмеченных сигнальными кострами. Такая тактика позволяла сохранять мобильность танковых подразделений даже при полном отсутствии проходимых дорог[6].

Снабжение могло осуществляться и по нескольким железнодорожным веткам. Это снижало нагрузку на отдельные направления и повышало надежность доставки ресурсов. Одной из главных особенностей тылового обеспечения в ходе битвы стало высокое расходование материальных средств. За период оборонительной операции (с 5 по 18 июля) было израсходовано 133 тыс. тонн боеприпасов, горючего, продовольствия и фуража, что эквивалентно 166 ж/д составам по 800 тонн каждый. В ходе контрнаступления общий расход материальных средств достиг 340 тыс. тонн, из которых 200 тыс. пришлось на боеприпасы и горючее. Такой масштаб расхода требовал четкой координации работы железнодорожного и автомобильного транспорта.

Например, в ходе контрнаступления ж/д транспортом было перевезено 111 тыс. тонн грузов для Центрального фронта и 193 тыс. тонн для Воронежского фронта. Автомобильный транспорт также внес значительный вклад, перевоза боеприпасы и горючее непосредственно к передовым частям. Численность автомобильных батальонов и общая грузоподъемность транспорта по фронтам приведена в табл. 2.

Таблица 2

Автомобильные батальоны и грузоподъемность транспорта к началу Курской операции.

Table 2

Automobile battalions and transport capacity at the beginning of the Kursk operation.

Фронт	Количество автомобильных батальонов	Грузоподъемность транспорта (тонн)
Центральный фронт	10	6300
Воронежский фронт	7	5900
Степной фронт	6	2500

Представленные данные в табл. 2 о количестве автомобильных батальонов свидетельствуют о значительном увеличении автомобильного парка для подвоза грузов по сравнению с битвой под Сталинградом.

Несмотря на высокий уровень организации, тыловое обеспечение столкнулось с рядом проблем. Одной из главных трудностей стала ограниченность дорожной сети, которая затрудняла перемещение грузов и войск. Глубина тыловых районов (до 500 км в период обороны) приводила к запоздалому перемещению тыловых частей и учреждений, что требовало повышенной гибкости в управлении.

Подготовка медицинской службы включала создание резерва госпиталей и их размещение вблизи передовых частей. Как отмечает начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии Е.И. Смирнов, создание достаточного резерва госпиталей было сложной задачей, многие раненые находились на лечении, и их возвращение в строй требовало времени.

Несмотря на это, дислокация госпиталей не всегда соответствовала боевой обстановке. Например, два хирургических полевых передвижных госпиталя 40-й армии, вблизи разграничительной линии с 6-й гвардейской армией, были передислоцированы в ночь на 7 июля без должного учета обстановки. Это привело к временным трудностям в эвакуации раненых. Однако, общая система медицинского обеспечения оставалась эффективной благодаря заранее созданному резерву мест.

Автосанитарные роты эвакуировали раненых с передовой. Роты Воронежского фронта за первые дни сражения эвакуировали более 10 тысяч раненых, что значительно снизило потери среди личного состава.

Медицинская служба столкнулась с рядом сложностей, связанных с удаленностью госпиталей от передовой и интенсивностью боевых действий. Передовая госпитальная база (ГБФ), расположенная на расстоянии 75 км от исходного положения войск, сыграла ключевую роль в оказании

помощи раненым. Однако удаленность госпиталей создавала трудности для эвакуации автотранспортом, особенно в условиях активных боевых действий. Например, в первый день наступления противника, когда главная полоса обороны 13-й армии была прорвана, медицинская служба была вынуждена передислоцировать 8 из 15 госпиталей.

Тем не менее, оперативное руководство медицинской службой позволило минимизировать потери. В ходе танкового сражения под Прохоровкой раненые могли быть доставлены в госпитали 6-й гвардейской армии, располагавшиеся восточнее Прохоровки, вплоть до станции Голофеевка [10]. Умелый маневр коечной сетью, своевременные профилактические мероприятия и специализированная помощь позволили вернуть в строй до 40-50% общего числа раненых и до 60-70% больных непосредственно в пределах фронта.

Для защиты тыловых объектов от вражеских ударов широко использовались инженерные сооружения, такие как укрытия, заградительные линии и маскировочные сети. Ж/д узлы и склады боеприпасов были оборудованы земляными валами и противовоздушными укрытиями, что позволило снизить потери от авианалетов противника.

Продовольственные запасы также были рассчитаны на длительный срок, что обеспечивало устойчивость тылового обеспечения даже при затяжных боях.

Местное население прифронтовых районов внесло свой вклад в тыловое обеспечение. Промышленные предприятия ремонтировали танки, самолеты, автомобили и другую технику, шили обмундирование и госпитальную одежду. Это позволило поддерживать высокий уровень боеготовности войск [4]. Жители активно участвовали в строительстве оборонительных рубежей, ремонте дорог и мостов. Например, в прифронтовых районах построили новые железнодорожные линии, такие как участок Старый Оскол – Ржава.

Курская операция продемонстрировала важность слаженной работы тыловых служб для достижения стратегического успеха. Эффективное тыловое обеспечение стало одной из основных

причин победы армии над противником, позволив не только выдержать тяжелые оборонительные бои, но и успешно перейти в контрнаступление.

Особое внимание уделялось медицинскому обслуживанию, которое позволило вернуть в строй значительное число раненых бойцов. По данным Е.И. Смирнова, за девять дней оборонительных боев только 13-я армия потеряла 9500 человек ранеными и 528 больными, из которых 5105 человек были эвакуированы за пределы армейского района благодаря своевременному разворачиванию госпиталей и их усилению в ходе боевых действий. Однако он же указывает и на недостатки в управлении медицинской службой, такие как перегрузка одних госпиталей и бездействие других, что требовало более тщательного планирования.

В своих воспоминаниях Г.К. Жуков подчеркивал, что тылы фронтов сыграли ключевую роль в подготовке к контрнаступлению. Создание запасов для танковых армий, которые стали основной ударной силой в прорыве обороны противника, позволило добиться стратегического преимущества.

Как и в годы ВОВ, так и сегодня в условиях Специальной военной операции на территории Украины ключевыми проблемами остаются подвоз материальных средств и защита коммуникаций. Это подчеркивает важность исторического опыта и его актуальность для современности.

В современных военных операциях сложности тылового обеспечения связаны с доставкой воды, продовольствия и боеприпасов в зону боевых действий. Пути подвоза уязвимы к диверсиям, разрушению инфраструктуры и неблагоприятным погодным условиям. Для минимизации рисков требуется стойкая система тылового обеспечения, способная адаптироваться к изменяющимся условиям.

Интеграция передовых технологий играет ключевую роль в оптимизации тылового обеспечения. Использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для разведки и доставки грузов, а также внедрение искусственного интеллекта (ИИ) для аналитики позволяет повысить эффективность подвоза материальных средств и снизить риски для личного состава [9].

Оптимизация ресурсов имеет первостепенное значение для успешного тылового обеспечения. Прогнозирование технического обслуживания и анализ стоимости жизненного цикла оборудования позволяют минимизировать затраты и повысить долговечность техники.

Преодоление проблем тылового обеспечения и технических сложностей в современных военных операциях требует комплексного подхода, соче-

тающего исторический опыт, передовые технологии и стратегическое планирование. Опыт РККА подтверждает важность централизованного управления, создания резервов и адаптации к изменяющимся условиям.

Выводы

По результату работы целесообразно сделать следующие выводы для современности актуальные в настоящее время в ходе выполнения боевых задач Вооруженных сил РФ на территории Украины. Во-первых, устойчивость тылового обеспечения в бою будет зависеть от системы подвоза и эвакуации материальных средств. Защита системы подвоза и эвакуации от ударов авиации и артиллерии противника является приоритетной задачей командиров и начальников всех степеней. Во-вторых, на первый план в настоящих условиях в работе начальников штабов тыла выходит планирование, использование современных средств вооружения и военной техники. В первую очередь беспилотных летательных аппаратов, которые в настоящее время могут использоваться как средства доставки, средства эвакуации с поля боя и решения других задач тылового обеспечения. В-третьих, успех тылового обеспечения зависит от грамотного планирования штабами мероприятий тылового технического обеспечения. В случае критического изменения обстановки (как пример, наступление ВСУ в августе 2024 года под Курском) требуется своевременное уточнение решения на применение сил и средств тыловых органов (бригад материального обеспечения, ремонтно-восстановительных батальонов и других подразделений и частей). В-четвертых, необходимо тщательное изучение исторического опыта, опыта Великой Отечественной войны, локальных войн и военных конфликтов после войны (арабо-израильские войны, война во Вьетнаме, применение ограниченного контингента советских войск в Афганистане и других). Дальнейший исторический опыт тылового обеспечения необходимо использовать в ходе специальной военной операции на Украине. К примеру, освобождение Донбасса в ходе специальной военной операции во многом имеет схожие черты с освобождением Украины от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году. Исторический опыт актуален и в настоящее время в ходе изучения тылового обеспечения и применения его на практике.

Опыт наших отцов и дедов в Великой Отечественной войне продолжает оставаться фундаментом для решения задач тылового обеспечения. Его изучают и анализируют в Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва в Санкт-Петербурге – месте, где готовят настоящих профессионалов тыла.

В этом ведущем центре подготовки, история встречается с современностью.

Преемственность традиций – это не просто слова, а реальная основа. Именно она помогает становиться достойными продолжателями дела поколений Победителей.

Список источников

1. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945. Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1984. URL: <https://militera.lib.ru/h/gpwwsh1/02.html?ysclid=m8hedld76285992339>
2. Гриднев В.П. Руководство тыловым обеспечением войск в Курской битве // Журнал «Управленческое консультирование». № 11 от 2017 г. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-11-131-139>
3. Грищенко Н. Особый спецназ: как организовано снабжение штурмовых отрядов в зоне СВО // rg.ru URL: <https://rg.ru/2024/11/28/reg-cfo/osobyj-specnaz-kak-organizovano-snabzhenie-shturmovyh-otriadov-v-zone-svo.html>
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Олма-Пресс, 2002. URL: https://hrono.ru/libris/lib_zh/zhu17.php
5. Замятин Н.М., Болдырев П.С., Воробьев Ф.Д. Битва под Курском. Военное издательство Народного комиссариата обороны, М.: 1945. С. 34.
6. Земке Эрл. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942-1945. Центрполиграф М.: 2009. С. 172.
7. Колтунов Г.А. Соловьев Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1983. URL: https://militera.lib.ru/h/koltunov_solovyev/02.html?ysclid=m88iepc2wb114334478.
8. Куркоткин С.К. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1977. URL: <https://www.rulit.me/books/tyl-sovetskih-vooruzhennyh-sil-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-read-785196-98.html>
9. Селезнев А.А., Барсуков С.С. Тыловое и техническое обеспечение в ходе проведения специальной военной операции, проблемные вопросы и пути решения. Научный журнал «Актуальные исследования» 22.05.2024. URL: <https://apni.ru/article/9393-tylovoe-i-tehnicheskoe-obespechenie-v-hode-provedeniya-specialnoj-voennoj-operacii-problemnye-voprosy-i-puti-resheniya>
10. Смирнов Е.И. Фронтовое милосердие. М.: Воениздат. 1991. URL: https://royallib.com/read/smirnov_efim/frontovoe_miloserdie.html#901120
11. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества».
12. Хрулев А.В. Тыл Красной армии в Великой Отечественной войне // Газета «Правда». № 202., 25.08.1946.

References

1. The Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941-1945. Brief history. 3rd ed., corrected and supplemented. Moscow: Voenizdat, 1984. URL: <https://militera.lib.ru/h/gpwwsh1/02.html?ysclid=m8hedld76285992339>
2. Gridnev V.P. Management of logistic support of troops in the Battle of Kursk. Journal "Managerial Consulting". № 11 of 2017. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-11-131-139>
3. Grishchenko N. Special Forces: How the Supply of Assault Detachments in the SVO Zone is Organized. rg.ru URL: <https://rg.ru/2024/11/28/reg-cfo/osobyj-specnaz-kak-organizovano-snabzhenie-shturmovyh-otriadov-v-zone-svo.html>
4. Zhukov G.K. Memories and Reflections. Moscow: Olma-Press, 2002. URL: https://hrono.ru/libris/lib_zh/zhu17.php
5. Zamyatin N.M., Boldyrev P.S., Vorobyov F.D. Battle of Kursk. Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense, Moscow: 1945. Page 34.
6. Zemke Erl. From Stalingrad to Berlin. Operations of Soviet troops and the Wehrmacht. 1942-1945. Center-poligraf Moscow: 2009. Page 172.
7. Koltunov G.A. Soloviev B.G. The Battle of Kursk. Moscow: Voenizdat, 1983. URL: https://militera.lib.ru/h/koltunov_solovyev/02.html?ysclid=m88iepc2wb114334478.

8. Kurkotkin S.K. The Rear of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War. M.: Voenizdat, 1977. URL: <https://www.rulit.me/books/tyl-sovetskih-vooruzhennyh-sil-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-read-785196-98.html>
9. Seleznev A.A., Barsukov S.S. Logistics and technical support during a special military operation, problematic issues and solutions. Scientific journal "Aktualnye issledovaniia" 05.22.2024. URL: <https://apni.ru/article/9393-tylovoe-i-tehnicheskoe-obespechenie-v-hode-provedeniya-specialnoj-voennoj-operacii-problemnye-voprosy-i-puti-resheniya>
10. Smirnov E.I. Frontline mercy. M.: Voenizdat. 1991. URL: https://royallib.com/read/smirnov_efim/frontovoe_miloserdie.html#901120
11. Decree of the President of the Russian Federation of 16.01.2025 No. 28 "On holding the Year of Defender of the Fatherland in the Russian Federation".
12. Khrulyov A.V. The rear of the Red Army in the Great Patriotic War. Pravda newspaper. No. 202., 25.08.1946.

Информация об авторе

Даниленко Р.А., кандидат исторических наук, доцент, начальник Военного учебного центра, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), danilenkodanila@yandex.ru

© Даниленко Р.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 378.12

Совершенствование преподавательского состава медицинских институтов Западной Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х гг.

¹ Скрипников П.Н.,
¹ Сургутский государственный университет

Аннотация: в статье на основании документов архивов Новосибирской и Томской областей, а также Алтайского края отражены укрепление вузов научно-педагогическими кадрами и рост их профессионального мастерства. Были проанализированы постановления партийных собраний первичной организации Томского института и единицы хранения о работе ректората и партийного комитета по повышению качества подготовки специалистов, их идейно-политической закалки в свете требований XXVI съезда КПСС. В итоге автор приходит к выводу, что поставленные задачи по комплектованию медицинских вузов квалифицированным преподавательским составом были выполнены.

Ключевые слова: высшая медицинская школа, научно-педагогические кадры, аспирантура, диссертационные исследования

Для цитирования: Скрипников П.Н. Совершенствование преподавательского состава медицинских институтов Западной Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 65 – 70.

Поступила в редакцию: 6 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Improvement of the teaching staff of medical institutes of Western Siberia from the late 1950s to the early 1990s

¹ Skripnikov P.N.,
¹ Surgut State University

Abstract: the article, based on documents from the archives of the Novosibirsk and Tomsk regions, as well as the Altai Territory, reflects the strengthening of universities with scientific and pedagogical personnel and the growth of their professional skills. The resolutions of the party meetings of the primary organization of the Tomsk Institute and storage units on the work of the rector's office and the party committee to improve the quality of training specialists, their ideological and political tempering in the light of the requirements of the XXVI Congress of the CPSU were analyzed. As a result, the author comes to the conclusion that the tasks set for staffing medical universities with qualified teaching staff were fulfilled.

Keywords: higher medical school, scientific and pedagogical staff, postgraduate studies, dissertation research

For citation: Skripnikov P.N. Improvement of the teaching staff of medical institutes of Western Siberia from the late 1950s to the early 1990s. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 65 – 70.

The article was submitted: February 6, 2025; Approved after reviewing: April 4, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Историческое исследование научной и практической деятельности, связанной с развитием системы здравоохранения, является исключительно актуальной научной задачей. Максимальный охват населения лечением и профилактикой – важнейшая составляющая, которая невозможна без такого важного стратегического социального капитала, каковым являются врачебные кадры. Необходимо подчеркнуть особое значение врачей не только для функционирования лечебно-профилактических учреждений. Врачебные кадры задействованы в процессе обучения и подготовки будущих специалистов как в вузах, так и в средних медицинских профессиональных учреждениях [10, 18].

Автор стремится воссоздать на примере Томского, Новосибирского и Алтайского вузов историю совершенствования преподавательского состава медицинских высших учебных заведений в условиях социально-экономического развития Западной Сибири.

Материалы и методы исследований

На основе использования общенаучных, а также идеографического, историко-системного, историко-сравнительного, хронологического и статистического методов научного исследования анализируются архивные документы фонда №П–502 первичной партийной организации КПСС Новосибирского медицинского института, имеющего 130 единиц хранения, фонда личного происхождения №Р-1415 доктора медицинских наук, профессора Неймарка Израиля Исаевича (1915-1998), имеющего 25 единиц хранения, фонда личного происхождения №Р-1432 доктора медицинских наук, профессора Баркагана Зиновия Соломоновича (1925-2006), имеющего 18 единиц хранения, фонда №357 Партийного комитета КПСС Томского медицинского института, имеющего 403 единицы хранения и, наконец, фонда №607 Томского областного комитета КПСС, имеющего 18 144 единицы хранения.

Результаты и обсуждения

С конца 1950-х годов в высших медицинских учебных заведениях Западной Сибири наблюдался серьезный недостаток квалифицированных преподавателей. Вузы сталкивались с проблемой недостаточно развитой системы подготовки и переподготовки кадров высшей медицинской школы. Для улучшения ситуации с кадровым обеспечением требовалось значительно усовершенствовать деятельность аспирантуры в институтах [19, 20].

Анализируя деятельность Томского медицинского института, следует отметить, что в процессе подготовки специалистов в области медицины высокого уровня в течение второй половины 1950-х годов отсутствовала четкая систематизация работы. Данное обстоятельство было связано с несоблюдением сроков выполнения диссертационных исследований [5, с. 7, 29].

Благодаря архивным документам, а именно, Постановлению партийного собрания первичной партийной организации Томского медицинского института от 21 января 1957 года, становится известным факт наличия недостатков в руководстве партийным просвещением, вследствие чего на ряде кафедр было проведено за семестр по одному-два методологическим семинарам. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что их посещали не все научные работники, а некоторые не принимали активного участия [5, с. 7, 29].

Наряду с этим, партийные бюро факультетов недостаточно руководили и научной работой коммунистов, а также беспартийных, в результате чего ряд сотрудников не выдерживал сроков окончания докторских и кандидатских диссертаций [5, с. 7, 29].

Недостаточное выполнение плана по защите докторских и кандидатских диссертаций предопределяло низкий уровень остроты руководителей структурных подразделений института. Это подтверждается тем, что в 1959 году только 48 из 138 ассистентов Новосибирского медицинского института обладали степенью кандидата наук [1, с. 26, 61, 62].

В 1960-е годы в указанном высшем учебном заведении наблюдалось значительное улучшение в подготовке высококвалифицированных научно-педагогических кадров. Обязательство, принятое в 1959 году о подготовке 22 докторов и кандидатов медицинских наук за семь лет, в целом было выполнено. В это же время было успешно защищено девять кандидатских диссертаций, а также представлено к защите семь научно-исследовательских работ, среди которых шесть докторских диссертаций. Деятельность учебного заведения в области обучения и подготовки преподавательских кадров значительно активизировалась, что способствовало повышению качества образовательного процесса и научных исследований. Результаты, достигнутые в этот период, свидетельствуют о успешной реализации поставленных задач и обязательств [6].

В период с 1965-го по 1970-й годы количество преподавателей в Новосибирском медицинском

институте, исключая кадры центральной научно-исследовательской лаборатории, увеличилось на 105 человек, при этом за последние два года рост составил 77 человек. Среди преподавательского состава было 52 профессора и до 32 доцентов, большинство из которых получили свои должности, работая в данном высшем учебном заведении. Кроме того, в 1970 году в аспирантуре числилось 49 аспирантов. Тем не менее, почти половина кафедр руководилась педагогами, не имеющими докторского звания, а 63% ассистентов не обладали степенью кандидата наук. Кафедры биологии, биохимии, ЛОР-болезней и судебной медицины не подготовили ни одного специалиста с докторским званием [7, с. 39, 49, 78, 81, 107].

Тематика научных исследований аспирантов вузов Западной Сибири, а именно, Алтайского медицинского института, отличалась высокой актуальностью. Например, «Свертывающая и фибринолитическая системы крови при облитерирующих заболеваниях артерий конечностей», «Влияние витаминов В-1, В-6 и В-12 на некоторые показатели липидного обмена, компоненты свертывающей и фибринолитической систем крови у больных атеросклерозом», «Изменение коагуляционных и гемостатических свойств донорской крови при заготовке ее методом прерывистой эксфузии», «Обоснование применения метилурацила в противорецидивной терапии больных язвенной болезнью желудка и ДПК», «Некоторые особенности возникновения кровотечений после тонзиллэктомии и их предупреждение» и «Сравнительное изучение системы гемокоагуляции у позвоночных животных» [11, с. 1-64, 75-90].

Результаты научных исследований аспирантов обозначенного выше медицинского вуза обладали большой научной и практической ценностью. Например, «Лечение хронической коронарной недостаточности загрудинной блокадой пролонгированного действия»; «Скенопульмонография при раке, нагноениях, туберкулезе легких и митральном стенозе»; «Состояние системы ацетилхолинэстеразы – холинацетилазы при различной функциональной активности щитовидной железы [Клинико-экспериментальное исследование]»; «Анатомо-функциональное (по данным реографии) состояние кровеносных сосудов нормальной и злобноизмененной щитовидной железы» [12, 15, 20].

В 1977 году в Новосибирском медицинском институте трудились 41 доктор наук и 247 кандидатов наук, что составило 57,5% от общего числа штатных преподавателей и научных работников. Согласно плану на 1976-1980 годы была намечена переподготовка 1 115 преподавателей, а также

необходимость ежегодного повышения квалификации 20% от общего числа педагогического состава. Предполагалось подготовить 17 докторских и 85 кандидатских диссертаций, что должно было увеличить долю докторов наук, возглавляющих кафедры, до 75%, а количество преподавателей с учеными степенями – с 56% до 65% [9, с. 5, 22-24; 13, с. 5; 14, с. 27, 33, 69].

В ходе реализации программы по переподготовке в 1978 году в Новосибирском медицинском институте числилось 550 преподавателей, из которых всего 3% не участвовали в научных исследованиях. Число профессоров среди заведующих кафедрами увеличилось с 25 до 36 человек. В целом по институту количество профессоров возросло с 30 до 43 человек, а число докторов наук – с 33 до 46 человек. Ушли на повышение квалификации 69% преподавателей [3, с. 49, 70, 119].

В 1980 году в Новосибирском медицинском вузе трудились 45 докторов наук и 251 кандидат. Тем не менее, к этому моменту отмечается сокращение числа аспирантов, обучающихся на дневной форме с 66 до 37 человек. В то же время увеличилось количество аспирантов-заочников с пяти (6%) до 14 человек (38%). Из 31 докторской диссертации в 1976–1980 годах были успешно защищены лишь три, а среди 120 кандидатских диссертаций – только 43 [5, с. 27, 33, 69].

Это стало результатом серьезных ошибок, допущенных ректоратом и партийным комитетом при выборе и распределении руководящих и преподавательских кадров в Новосибирском медицинском вузе. Иногда на работу принимали людей, не имеющих политической вовлеченности и не соответствующих моральным требованиям системы высшего образования [8, с. 25].

Переаттестация сотрудников Томского медицинского института и конкурсные отборы зачастую проходили формально, не учитывая деловых и нравственных качества специалистов. Некоторые заведующие клиническими кафедрами остановились в своем профессиональном развитии, а современные достижения медицинской науки не находили должного применения в образовательном процессе. Также ряд клиник института не соответствовал актуальным стандартам и требованиям медицины. На профилирующих кафедрах лечебного и педиатрического факультетов за последние четыре года не было защищено ни одной докторской диссертации. Планы по подготовке кандидатов наук также не выполнялись. Многие из профессуры Томского медицинского института утратили связь с практической медициной, не принимали пациентов и не проводили консультации в поликлиниках Томска [17, с. 5-7].

Благодаря архивным документам, а именно Постановлению Бюро областного комитета партии от 16 июня 1983 года «О работе ректората и партийного комитета Томского государственного медицинского института по повышению качества подготовки специалистов, их идейно-политической закалке в свете требований XXVI съезда КПСС» становится известным факт того, что под контролем отдела науки и учебных заведений областного комитета за исполнением постановления ректорат, партийный комитет, первичная партийная организация и факультеты вуза занимались разработками и осуществлением конкретных мер по улучшению идейно-воспитательной работы и повышению ответственности преподавателей за овладение студентами профессиональными знаниями, а также по использованию более полно возможностей университета марксизма-ленинизма в политической подготовке преподавателей. Каждый сотрудник данного высшего учебного заведения должен был выступать пропагандистом и проводником идей ленинской партии, отдавать этому исключительно важному делу все свои знания [17, с. 5-7].

Партийному комитету и ректорату Томского медицинского института предстояло повысить ответственность руководителей кафедр за научный и идейно-теоретический уровень преподавания, использование в лекциях и семинарах важных достижений науки, обеспечения единства обучения и коммунистического воспитания студентов [17, с. 5-7].

Ректорат и партийный комитет по мере своих возможностей стремились полнее использовать научный потенциал обозначенного выше вуза для решения фундаментальных проблем медицинской науки и оказания действенной помощи практическому здравоохранению. Не менее важными задачами были поднятие личной ответственности заведующих кафедрами и профессоров за подготовку кадров высшей квалификации – докторов и кандидатов наук, обеспечение ведения каждым преподавателем высшей медицинской школы практических занятий в группах и руководства научными кружками. Кроме того, при проведении переаттестации кадров и конкурсов необходимо было учитывать их научный и идейно-

нравственный рост, а также создавать обстановку нетерпимости к злоупотребляющим служебным положением, допускающим аполитичность, отступающим от норм этики преподавателя медицинского высшего учебного заведения [17, с. 5-7].

Томский городской комитет, а также Кировский районный комитет КПСС по мере своих возможностей усиливали внимание к подбору руководящих кадров, партийного комитета медицинского института, заведующих, преподавателей кафедр общественных наук, к пополнению партийных рядов за счет лучшей части профессорско-преподавательского состава и студенчества, и старались полнее использовать право партийных организаций в контроле за деятельностью ректората, деканатов и кафедр, по подбору и расстановке кадров [17, с. 5-7].

Планы по повышению квалификации преподавателей осуществлялись с переменным успехом. Не смотря на значительные усилия со стороны руководства вузов, изменения в аспирантуре происходили медленно. Были замечены ошибки в выборе и распределении руководящего и учебного состава. Эффективность научной работы снизилась, а использование современных достижений медицины в образовательном процессе оставляло желать лучшего.

Выводы

Не смотря на значительные недостатки в процессе совершенствования кадрового состава, администрация Западно-Сибирских медицинских вузов уделяла большое внимание подготовке и повышению уровня профессиональных навыков специалистов высшей медицинской школы. Это проявлялось в существенном улучшении работы аспирантуры, широком использовании различных форм повышения квалификации врачей через продолжительные стажировки, а также в активном внедрении преподавателями клинических кафедр новейших достижений медицины в учебный процесс. Благодаря этому в исследуемый период удалось в целом решить задачи по комплектации преподавательских коллективов медицинских вузов Западной Сибири квалифицированными научно-педагогическими кадрами.

Список источников

1. Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области» (ГКУ НСО ГАНО). // Ф. П-502. Оп. 1. Д. 72.
2. ГКУ НСО ГАНО. // Ф. П-502. Оп. 1. Д. 100.
3. ГКУ НСО ГАНО. // Ф. П-502. Оп. 1. Д. 102.
4. ГКУ НСО ГАНО. // Ф. П-502. Оп. 1. Д. 122.
5. ГКУ НСО ГАНО. // Ф. П-502. Оп. 1. Д. 122.
6. ГКУ НСО ГАНО. // Ф. П-502. Оп. 1. Д. 82.

7. ГКУ НСО ГАНО. // Ф. П-502. Оп. 1. Д. 86.
8. ГКУ НСО ГАНО. // Ф. П-502. Оп. 1. Д. 97.
9. ГКУ НСО ГАНО. // Ф. П-502. Оп. 1. Д. 98.
10. Есипова В.А. Петрик В.В. Высшая школа Сибири в конце 50-х-начала 90-х годов XX века. Томск: ТГУ, 2006. 648 с. // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. Т. 28. №. 2. С. 185 – 190.
11. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). // Ф. Р-1432. Оп. 1. Д. 3.
12. КГКУ ГААК. // Ф. Р-1415. Оп. 1. Д. 11.
13. КГКУ ГААК. // Ф. Р-1415. Оп. 1. Д. 13.
14. КГКУ ГААК. // Ф. Р-1415. Оп. 1. Д. 19.
15. КГКУ ГААК. // Ф. Р-1415. Оп. 1. Д. 9.
16. Областное государственное казенное учреждение «Центр документации новейшей истории Томской области» (ОГКУ ЦДНИТО). // Ф. 357. Оп. 11. Д. 19.
17. ОГКУ ЦДНИТО. // Ф. 607. Оп. 18. Д. 33.
18. Петрик В.В. Деятельность вузовских коллективов Сибири по совершенствованию научно-исследовательской работы студентов в конце 1950х начале 1990х гг. (исторический аспект) //Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2005. Т. 308. № 3. С. 202 – 208.
19. Петрик В.В. Некоторые вопросы развития физической культуры и спорта в высшей школе Сибири (конец 50-х начало 90-х гг. XX в.) // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2005. Т. 308. № 6. С. 229 – 235.
20. Петрик В.В. Творческое содружество деятелей науки и производства в конце 1950-х – 1960-е гг.(на материалах вузов Сибирского региона) // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2012. Т. 321. № 6. С. 218 – 223.

References

1. State government institution of the Novosibirsk region "State Archives of the Novosibirsk Region" (GKU NSO GANO). F. P-502. Op. 1. D. 72.
2. GKU NSO GANO. F. P-502. Op. 1. D. 100.
3. GKU NSO GANO. F. P-502. Op. 1. D. 102.
4. GKU NSO GANO. F. P-502. Op. 1. D. 122.
5. GKU NSO GANO. F. P-502. Op. 1. D. 122.
6. GKU NSO GANO. F. P-502. Op. 1. D. 82.
7. GKU NSO GANO. F. P-502. Op. 1. D. 86.
8. GKU NSO GANO. F. P-502. Op. 1. D. 97.
9. GKU NSO GANO. F. P-502. Op. 1. D. 98.
10. Esipova V.A. Petrik V.V. Higher School of Siberia in the Late 50s – Early 90s of the XX Century. Tomsk: TSU, 2006. 648 p. Issues in the History of Natural Science and Technology. 2007. V. 28. No. 2. P. 185 – 190.
11. Regional State Treasury Institution "State Archives of Altai Krai" (KGKU GAAK). F. R-1432. Op. 1. D. 3.
12. KGKU GAAK. F. R-1415. Op. 1. D. 11.
13. KGKU GAAK. F. R-1415. Op. 1. D. 13.
14. KGKU GAAK. F. R-1415. Op. 1. D. 19.
15. KGKU GAAK. F. R-1415. Op. 1. D. 9.
16. Regional State Budgetary Institution "Center for Documentation of the Contemporary History of Tomsk Oblast" (OGKU CDNITO). F. 357. Op. 11. D. 19.
17. OGKU CDNITO. F. 607. Op. 18. D. 33.
18. Petrik V.V. Activities of University Teams in Siberia to Improve Students' Research Work in the Late 1950s – Early 1990s (Historical Aspect). Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Georesources Engineering. 2005. Vol. 308. No. 3. P. 202 – 208.
19. Petrik V.V. Some Issues of Physical Culture and Sports Development in Higher Education in Siberia (Late 1950s – Early 1990s). Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Georesources Engineering. 2005. Vol. 308. No. 6. P. 229 – 235.
20. Petrik V.V. Creative collaboration of scientists and industrialists in the late 1950s – 1960s (based on materials from universities in the Siberian region). Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Georesources engineering. 2012. Vol. 321. No. 6. P. 218 – 223.

Информация об авторе

Скрипников П.Н., аспирант, Сургутский государственный университет, khoshiminov@inbox.ru

© Скрипников П.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94

Риторика расового исключения в трудах Томаса Джефферсона: отношение к рабству и формирование образа афроамериканцев

¹Зуева Е.Г.,

¹Лухнева Ил.-Р.К.,

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье анализируется роль Томаса Джефферсона в формировании образа афроамериканцев в политическом и общественном дискурсе США конца XVIII – начала XIX века. Исследование основывается на имагологическом методе, позволяющем выявить способы конструирования и закрепления расовых стереотипов в публичных высказываниях и трудах Джефферсона, включая его «Заметки о штате Виргиния». Рассматриваются противоречивые взгляды отца-основателя на проблему рабства, а также его идеи репатриации освобожденных афроамериканцев. Особое внимание уделяется влиянию этих представлений на последующую общественную и политическую риторику в США. Полученные результаты способствуют углублению понимания механизмов формирования расовых образов в американской истории и их влияния на дальнейшую политику и общественные настроения.

Ключевые слова: Томас Джефферсон, аболиционизм, «Заметки о штате Виргиния», рабство, афроамериканцы, Американское колониационное общество

Для цитирования: Зуева Е.Г., Лухнева Ил.-Р.К. Риторика расового исключения в трудах Томаса Джефферсона: отношение к рабству и формирование образа афроамериканцев // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 71 – 79.

Поступила в редакцию: 6 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The rhetoric of racial exclusion in the Thomas Jefferson's writings: attitudes towards slavery and forming the image of African Americans

¹Zueva E.G.,

¹Lukhneva Il.-R.K.,

¹Peoples' friendship university of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: this article analyzes Thomas Jefferson's role in shaping the image of African Americans in the political and public discourse of the late 18th and early 19th centuries in the United States. The study is based on the imagological method, which allows for identifying the ways racial stereotypes were constructed and reinforced in Jefferson's public statements and works, including "Notes on the State of Virginia". The paper examines Jefferson's contradictory views on slavery as well as his ideas regarding the colonization of freed African Americans. Special attention is given to the influence of these views on subsequent political and public rhetoric in the United States. The findings contribute to a deeper understanding of the mechanisms behind the formation of racial imagery in American history and its impact on future policies and social attitudes.

Keywords: Thomas Jefferson, abolitionism, “Notes on the State of Virginia”, slavery, African Americans, American Colonization Society

For citation: Zueva E.G., Lukhneva Il.-R.K. The rhetoric of racial exclusion in the Thomas Jefferson's writings: attitudes towards slavery and forming the image of African Americans. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 71 – 79.

The article was submitted: February 6, 2025; Approved after reviewing: April 4, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Отец-основатель, третий президент США и один из авторов «Декларации независимости» Томас Джефферсон (1743-1826) стремился к построению в молодом государстве справедливого общества. Как один из архитекторов американской государственности, он заложил основы демократии и свободы, ставшие неотъемлемой частью американской национальной идентичности. В письме от 3 сентября 1800 г. к Бенджамину Рашу (1746-1813) – американскому философу, активному участнику Пенсильванского аболиционистского общества, он заявлял, что «покаялся на алтаре божьем быть вечным врагом любой формы тирании над разумом человечества» [1]. Однако более глубокий анализ наследия Джефферсона позволяет увидеть, что он не был свободен от предрассудков, в том числе расистских, – его политическая риторика вступала в резкое противоречие с его личной позицией.

Исследование этой стороны личности и наследия отца-основателя требует осторожности: фигура Джефферсона является одним из фундаментальных символов в истории США, а потому, зачастую, мифологизирована. По мнению Гордона С. Вуда (род. 1933) – американского историка, специалиста по ранней истории США, отец-основатель из исторической личности превратился в образ: «Джефферсон давно не существует как подлинная историческая фигура. Почти сразу после своей смерти он превратился в символ, в пробный камень того, что мы как народ собой представляем... Нет другой фигуры в американской истории, которая бы олицетворяла так много в американском наследии» [2].

Следуя логике Гордона С. Вуда, Джефферсон является отражением представлений американцев о самих себе. Таким образом неудивительно, что долгое время, несмотря на поворот 1960-х гг. (активизацию борьбы в США за права афроамериканцев), преобладало комплиментарное восприятие личности отца-основателя. Исследователи фокусировались на его политическом и философском наследии, игнорируя противоречивые стороны его жизни, например, отношение Джефферсона к системе американского рабства, основанного на идее

о расовой неполноценности. Однако в последние десятилетия образ Джефферсона рассматривается более критически. Например, исследователи задаются вопросом: как автор главного с моральной точки зрения документа США – Декларации независимости, утверждавшей свободу каждого американца, игнорировал права чернокожих и продолжал владеть рабами до своей смерти?

Современное восприятие личности Томаса Джефферсона в США остается глубоко идеологизированным: консервативные историки и общественные деятели стремятся не допустить переосмысления и реконструкции образа отца-основателя как основополагающего символа истории США, в то время как либеральные критики нередко игнорируют принцип историзма, оценивая его мировоззрение вне контекста исторической эпохи [2]. Отечественные исследования преимущественно сосредоточены на исследовании политического и философского наследия Джефферсона, вследствие чего такие дискуссионные вопросы, как отношение отца-основателя США к рабству, рассматриваются значительно реже.

Материалы и методы исследований

В данной работе изучаются убеждения Томаса Джефферсона о невозможности интеграции афроамериканцев в гражданское общество США, анализируется влияние сформированного им образа афроамериканцев, базировавшегося на представлениях отца-основателя о неполноценности негроидной расы, на борьбу с рабством в США в XIX веке.

Целью данной работы является анализ отношения отца-основателя к институту рабства и чернокожим американцам с опорой на его сочинение «Заметки о штате Виргиния» и фрагменты частной переписки, составляющие первичный корпус источников. Ко вторичным источникам относятся историографические исследования по проблеме и анализ трудов историков, посвященных взглядам Джефферсона на рабство и межрасовые отношения.

Основу методологии данного исследования составляют историко-генетический метод, критический дискурс-анализ и имагологический подход. Историко-генетический метод необходим для изу-

чения позиции Джефферсона в отношении рабства и будущего освобождённых рабов в США, изложенной в труде «Заметки о штате Виргиния», и развития этих идей в более поздней переписке. Метод критического дискурс-анализа необходим для выявления скрытых смыслов и идеологических установок в текстах политика. Имагологический подход позволяет рассмотреть транслируемые Джефферсоном идеи об афроамериканцах как часть процесса формирования их образа как «чужих» и «неполноценных». Будучи отцом-основателем, политиком и президентом (т.е. человеком, формирующим общественно-политический дискурс), Джефферсон способствует закреплению в общественном сознании биологических и социальных различий для оправдания данного образа.

Для критического анализа взглядов Томаса Джефферсона необходимо рассматривать его представления о расах в контексте эпохи (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.), избегая идеологических оценок, обусловленных современными этическими нормами. Таким образом, основными принципами исследования являются принцип историзма и принцип объективности.

Результаты и обсуждения

«Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [3, с. 34]. Это утверждение, открывающее «Декларацию независимости» (1776), соавтором которой был Томас Джефферсон, является неотъемлемой частью идейного фундамента американской нации. Однако «Декларация независимости» не имела реальной юридической силы, а потому могла влиять на процесс отмены рабства в США лишь косвенно: политическая практика часто не соответствовала декларируемым идеалам свободы и равенства.

Анализ трудов и политической карьеры отца-основателя показывает, что его представления о рабовладении в США были противоречивыми.

С одной стороны, позиция Джефферсона по отношению к рабству не вступала в противоречие с современной ему революционной тенденцией по постепенной эмансипации афроамериканцев [4, р. 42]: 70-80-е гг. XVIII в. в США были ознаменованы началом активных действий американских политиков в борьбе за предоставление прав афроамериканцам. Так в 1775 г. было основано «Общество помощи свободным неграм, незаконно удерживаемым в неволе»; в 1780 г. «Генеральная ассамблея Пенсильвании» приняла «Закон о постепенной отмене рабства»; в 1788 г. было зарегистрировано «Пенсильванское аболиционистское

общество», начавшее юридическую борьбу за освобождение негров из рабства.

Томас Джефферсон лично также решительно выступал против рабства как морального и экономического зла, оказывавшего разлагающее воздействие на американцев. Наиболее полно его взгляды изложены в трактате «Заметки о штате Виргиния» (1781-1785; рукопись многократно дополнялась и дорабатывалась; в США была впервые опубликована в 1788 г.). Труд представляет собой ответы Джефферсона на анкету секретаря дипломатической миссии Франции в США Франсуа Марбуа, состоящую из 23 «вопросов» о географии, экономике, законодательстве штатов, их населении и пр.

Джефферсон подробно останавливается на проблеме порабощенного населения. Так в «Вопросе XVIII», рассматривая обычаи и нравы современников, отец-основатель с прискорбием отмечает, что отношения между рабом и хозяином оказывают непосредственное влияние на подрастающее поколение. Дети, наблюдая за «жестоким деспотизмом» отцов и «унизительным повиновением рабов», впоследствии подражают увиденному поведению: «Выращенный и воспитанный в такой атмосфере, ежедневно упражняясь в тирании, ребенок неизбежно усваивает дурное и приобретает дурные качества» [3, с. 230]. Таким образом, судьба и будущее американской нации зависели напрямую от ликвидации системы рабовладения в США.

Предложенная Джефферсоном конституция Вирджинии 1774 г. предусматривала, что никто из въезжающих в штат, не должен «содержаться в нем в рабстве ни под каким предлогом» [4, р. 42]. В 1776 г. он осудил порабощение «сущест, которые рождаются с равными нам правами и которые не отличаются от нас, за исключением цвета кожи», как «варварскую и жестокую несправедливость» и «позорный акт» [4, р. 43].

С другой стороны, позиция отца-основателя, выраженная в его главном труде «Записки о штате Виргиния» (1781) противоречит основной идее «Декларации независимости» о равенстве и всеобщем процветании людей, независимо от цвета их кожи. Свое отношение к рабству и представителям негроидной расы, насильно привезенным в США, Джефферсон выразил наиболее ясно в «Вопросе VIII: Законы».

Джефферсон был глубоко убежден, что лица африканского происхождения не должны быть допущены до получения гражданства США, а потому их следует репатриировать в Африку для процветания обеих рас, но на разных континентах. На протяжении своей политической карьеры Джефферсон неотступно стоял на идее репатриации аф-

роамериканцев ради «счастья и безопасности» американцев [5, р. 502].

Как отец-основатель обосновывал свой отказ в предоставлении равных прав на территории США афроамериканцам и почему выступал за дорогостоящую репатриацию? Он писал: «Глубоко укоренившиеся среди белых предрассудки, десятки тысяч воспоминаний о несправедливостях и обидах, перенесенных черными, новые обиды, реальные различия, созданные самой природой, и многие другие обстоятельства будут разделять нас на два лагеря и вызывать потрясения, которые, возможно, кончатся только истреблением одной или другой расы. — К этим политическим возражениям можно добавить еще другие, физического и морального порядка» [3, с. 211].

Джефферсон безапелляционно заключает, что существование двух рас после освобождения афроамериканцев неизбежно приведет к расовому столкновению. Он подмечает порочность и жестокость рабовладельческой системы, но проводит непреодолимую границу между американцами и потомками африканских рабов — так выражается страх политика и философа перед возможными будущими кровопролитными восстаниями рабов.

В письме от 4 февраля 1824 г. к американскому историку Джареду Спарксу (1789-1866) Джефферсон рассчитывает стоимость депортации всех свободных афроамериканцев. По его расчётам 900 млн долларов в течение 25 лет требует план постепенной полной репатриации всех лиц афроамериканского происхождения из США. Джефферсон предполагал, что численность афроамериканцев в 1,5 млн чел. на 1824 г. увеличится вдвое в течение следующих 25 лет. Таким образом, политик рассчитывал репатриировать 3 млн афроамериканцев [6].

В затратную часть он включал стоимость покупки рабов, компенсацию рабовладельцам, расходы на транспортировку в Африку и обеспечение всем необходимым в первое время. Говоря об успехе операции, отец-основатель предупреждает будущие поколения о необходимости действовать как можно скорее, ведь чем больше будет увеличиваться численность рабов на территории США, тем менее охотно они могут соглашаться на репатриацию [6]. Вместо внедрения необходимых механизмов социализации и интеграции бывших рабов (включая предоставление им образования, профессии и формирования рынка свободного оплачиваемого труда), Джефферсон последовательно на протяжении своей жизни придерживался стратегии радикального исключения афроамериканцев из гражданского общества США, продвигая

идею практически невыполнимой и затратной их репатриации.

Настойчивость Джефферсона в вопросе репатриации (с первого упоминания в «Записках о штате Виргиния» 1781 г. и до обсуждения затратной части переселения для американского бюджета в письме 1824 г.) демонстрирует, что отселение чернокожих от белых американских граждан было его идеологической позицией, а не вынужденной крайней мерой для предотвращения расового конфликта во избежание многих жертв.

Неосуществимость проекта была доказана несущественными успехами Американского колониального общества (АКО (англ. ACS)), активно действовавшего на территории США с 1816 по 1830 гг. Образ угрозы в лице освобожденных афроамериканцев стал основной движущей силой политики АКО, определяя его риторику и обоснование необходимости переселения. Потому не удивительно, что деятельность АКО, опиравшаяся на представления о невозможности мирного сосуществования двух рас на территории США, не встретила широкой поддержки среди большинства аболиционистов и афроамериканцев. Реализация проекта столкнулась с финансовыми и логистическими трудностями. Проект оказался провальным: за два десятилетия в Африку было отправлено всего 18 судов с чуть менее, чем тремя тысячами свободных афроамериканцев [7, с. 332]. К 1860 г. в Либерию было переправлено менее 10 тыс. афроамериканцев [7, с. 332] из четырех миллионов, находившихся в стране [8, с. 25].

Какие же иные «возражения» приводит отец-основатель в качестве невозможности сосуществования рас на территории США? Прежде всего, Джефферсон останавливается на физических различиях, а именно, цвете кожи негроидной расы.

По мнению американского историка Дж. Фредриксона (1934-2008), в американском обществе к началу XIX в. прочно укоренилась связь между расой и социальным статусом человека: «Тот факт, что негр был рабом и что цвет его кожи является постоянным признаком его происхождения, был достаточным для того, чтобы навсегда воспрепятствовать его признанию в качестве равного в обществе» [9, р. 17].

Джефферсон не ставит цели объяснить, чем биологически обосновывается пигментация кожи каждой расы, но заключает, что это различия, закрепленные природой.

Он задается риторическим вопросом о красоте и эмоциональном разнообразии рас, которое, как кажется Джефферсону, напрямую зависит от оттенка кожи: «А имеет ли различие в цвете кожи какое-нибудь значение? Не наделяет ли оно боль-

шей или меньшей долей красоты расы? Не является ли тонкое смешение красного и белого, способность выражать любую страсть и чувство усилением или ослаблением цвета у людей одной расы, предпочтительнее того вечного однообразия лиц, той неснимаемой черной вуали, что скрывает эмоции людей другой расы?» [3, с. 212]. Подобные высказывания отца-основателя современным читателем могут восприниматься весьма оскорбительно. Однако, важно отметить, что риторический вопрос Джефферсона отражает не только его субъективные взгляды и предпочтения, но в целом европоцентристский взгляд того времени на нечто «другое», отличающееся от привычного стандарта человека европеоидной расы.

Далее Джефферсон продолжает свои размышления о красоте рас еще более удивительным и жутким умозаключением: негры в США проявляют к белым женщинам такой же половой интерес, как орангутанги к чернокожим женщинам в Африке, предпочитая их «своему виду» [3, с. 212]. Как отмечают составители комментариев к очередному переизданию в США «Записок о штате Виргиния», вышедшему в 2020 г., идея о сексуальном влечении самцов обезьян к женщинам оспаривалась даже современниками философа. Тем не менее, он представляет ее как некую аксиому [4, р. 212].

Функция подобной аналогии двойная: во-первых, Джефферсон подобным сравнением утверждает тезис о неполноценности негроидной расы, сравнивая их с орангутанами и ставя, как будто, лишь на следующую ступень развития после обезьян; во-вторых, автор трактата использует стереотип о сверхъестественной сексуальности негроидной расы и ее развращенной натуре, тем самым подкрепляя страх перед межрасовыми сексуальными связями - «они более пылки в отношениях с женщинами, но их любовь больше похожа на страстное желание, чем на тонкое, нежное переплетение чувств и ощущений» [3, с. 212]. Джефферсон также считал, что «после освобождения раб должен быть лишен возможности смешиваться с белыми» [3, с. 216].

Парадоксально, что отец-основатель осуждал межрасовые отношения как угрозу социальной стабильности, при этом сам, по всей вероятности, имел детей от своей рабыни-мулатки. Характер его возможных отношений с рабыней Салли Хеммингс (ок. 1773-1835) для многих американских историков не достоин даже быть целью исследования. Долгое время считалось, что взаимоотношения Джефферсона с Хеммингс – инсинуации политических недоброжелателей отца-основателя.

При этом случаи сексуальной связи рабовладельца с рабынями были распространенным яв-

лением. Как пишет американский историк права Пол Финкельман (род. 1949), узвимое положение рабынь было окончательно закреплено в Виргинии указом 1662 г.: «Принимая во внимание некоторые возникшие колебания, считать ли детей англичан от негритянок рабами или свободными людьми, следует постановить, что все дети, рожденные в этой стране, должны быть невольными или свободными только в соответствии с положением матери» [10]. Если раньше закон контролировал, чтобы мужчина брал на себя ответственность за незаконнорожденных детей [10], то после принятия указа рабовладельцы не встречали никаких официальных запретов на вступление в сексуальную связь с рабыней. Подобная практика породила ужасающую черту американского рабства - многие плантаторы владели как рабами собственными детьми, которые воспринимались «отцами» как предмет купли-продажи.

Американский историк Джошуа Дэниэл Ротэм (род. 1972) отмечает, что отношения Джефферсона и Хеммингс чаще рассматривались в контексте личности Джефферсона как лидера американской нации («Мудрец из Монтичелло» (англ. “Sage of Monticello”, уважительное прозвище третьего американского президента, Монтичелло – поместье Джефферсонов)), нежели в контексте выходящих за рамки морали распространенных отношений хозяина с рабынями [11, р. 15]. Такое идеологически окрашенное отношение мешает восприятию объективных фактов, способных доказать эту связь.

В монографии «Томас Джефферсон и Салли Хеммингс: Американский Спор», опубликованной в 1997 г. историк Аннет Гордон-Ридд (род. 1958) доказывает наличие интимной связи Томаса Джефферсона с его рабыней Салли Хеммингс [12]. Целью Гордон-Ридд было продемонстрировать, как американская историческая наука систематически «заглушает» голоса афроамериканцев и маргинализирует их образ в истории США, поэтому даже возможная связь Джефферсона с чернокожей рабыней отрицалась или замалчивалась [13, р. 495]. После публикации Гордон-Ридд подверглась резкой критике за представленный альтернативный взгляд на личность отца-основателя. Однако уже в 1998 г. проведенная ДНК экспертиза доказала, что отцом детей Хеммингс являлся кто-то из семьи Джефферсон. Большинство исследователей на данный момент склоняются к гипотезе, что это был именно Томас Джефферсон.

Практически подтвержденный факт отношений Джефферсона и Хеммингс, таким образом, является еще одним противоречием, характеризующим неоднозначные взгляды Джефферсона: несмотря

на публичное осуждение межрасовой связи в «Заметках о штате Виргиния», отец-основатель тем не менее сам состоял в подобных отношениях.

Далее в «Заметках о штате Виргиния» Джефферсон продолжает перечислять физические различия между расами, излагая их в стиле научных наблюдений, подтвержденных эмпирически, но как отмечают исследователи, все это были его субъективные наблюдения [5, р. 495].

Описывая различия в нравах, Джефферсон приходит к заключению, что «им (африканцам – *авт.*), похоже, нужен менее продолжительный сон», поскольку после долгого дня в трудах рабы ради какого-нибудь небольшого развлечения готовы не ложиться спать до рассвета [3, с. 212]. Он делает общий вывод о биологических различиях на основании того поведения рабов, которое наблюдал, не учитывая реального распорядка дня афроамериканцев в рабстве. Джефферсон как рабовладелец видит их быт лишь с позиции хозяина: после того, как рабы возвращались с полей после тяжелого трудового дня, несколько часов перед сном были единственной их возможностью пообщаться, приготовить еды, починить что-то в хижине, постирать вещи и т.д. Он приводит пример с развлечением до ночи с целью доказать, что негроидная раса биологически предрасположена к тяжелому труду, невосприимчива к усталости, а потому для афроамериканцев находиться в рабстве, как будто, естественно.

Следует отметить, что Джефферсон крайне некорректно и субъективно интерпретирует в целом поведение чернокожих рабов. Например, он пишет: «Горе их скоротечно. Они легче переживают и скорее забывают те бесчисленные несчастья, из-за которых нам становится неясным, дают ли небеса нам жизнь из милости или во гневе» [3, с. 212]. Джефферсон сознательно дегуманизирует представителей негроидной расы, создавая у читателей ощущение, что, как и животные, они не способны к рефлексии, проживанию глубоких чувств и т.д. Антагонизм между силой чувств, переживаний, мыслей «белого человека» и афроамериканца призван еще раз выделить другую расу как чужую и враждебную, не способную к той высоте чувств, которой обладают американцы.

Интересно отметить, что Джефферсон противоречит себе этим утверждением: в ранее приведенной цитате он утверждает, что расы не смогут мирно сосуществовать в США «из-за десятка тысяч воспоминаний о несправедливостях и обидах, перенесенных черными» [3, с. 211].

Приведенных примеров уже достаточно, чтобы сделать вывод, насколько субъективны и расистски окрашены были представления Джефферсона о

негроидной расе. Он часто опровергает собственные научные принципы доказательности и объективности. Отец-основатель также отказывает афроамериканцам в творческих порывах (сочинение музыки, поэзия, изобразительное искусство), интеллекте как таковом: «...до сих пор я не смог обнаружить, чтобы чернокожий высказал мысль выше уровня простого пересказа» и т.д. [3, с. 212].

Как уже отмечалось выше, Джефферсон не просто выражал личное мнение о расах. Он формировал дискурс, в котором чернокожие определялись как биологически, культурно и морально неполноценные. Подобная риторика не только позволяла оправдывать рабство несколькими поколениям американцев, но и легла в основу политики репатриации, делавшей невозможной политическую свободу и независимость афроамериканцев на территории США.

Стремясь соблюдать принцип объективности, Джефферсон неоднократно в «Заметках о штате Виргиния» и в частной переписке надеялся оказаться «неправым» в вопросе неполноценности африканцев в США. В 1809 г. в ответном письме французскому епископу Анри Грегуару (1750-1831), приславшему отцу-основателю экземпляр книги «Литература негров» (англ. “The Literature of Negroes”), Джефферсон писал: «Будьте уверены, что ни один человек на Земле не желает более искренне, чем я, увидеть полное опровержение сомнений, которые я сам испытывал и выражал по поводу уровня их (афроамериканцев – *авт.*) понимания, данного им природой, и убедиться, что в этом отношении они равны нам <...> Какова бы ни была степень их таланта, она не является мерилом их прав» [14].

Искренность Джефферсона, однако, можно подвергнуть сомнению. Уже в письме от 8 октября 1809 г. своему другу, американскому поэту и дипломату Джоэлю Барлоу (1754-1812) Джефферсон писал, что дал епископу «очень мягкий» ответ: «Из-за своей доверчивости он (епископ – *авт.*) собрал все истории, которые смог найти, о цветных людях (не различая, были ли они чернокожими или в какой-то степени смешанной расы), какими бы незначительными ни были упоминания о них или авторитетные источники, на которые они ссылаются» [15].

Можно предположить, что именно это частное высказывание, адресованное близкому другу, более полно отражает подлинное отношение Джефферсона к африканцам, чем его официальный ответ Грегуару.

В том же письме Барлоу Джефферсон писал об американском чернокожем астрономе Бенджамине Баннекере (1731-1806), сыне освобожденного раба,

отмечая, что он «обладал умом весьма заурядным» [15]. Джефферсон также предположил, что в исследованиях Баннекеру помогал Эндрю Элликот (1754-1820) – белый американский землемер [15].

Подобные высказывания Джефферсона отражают его предвзятое отношение к способностям афроамериканцев, даже в отношении образованных и талантливых представителей эпохи. Его стремление приписать достижения чернокожего ученого помощи белокожих американцев свидетельствует о глубоко укорененных стереотипах и предубеждениях как лично Джефферсона, так и американского общества тех времен в целом. Официальная «мягкая» позиция Джефферсона о готовности признать свою неправоту и изменить мнение о «неполноценности» чернокожих не совпадала с частной, скептически расистской.

Выводы

Томас Джефферсон сыграл центральную роль в формировании интеллектуального обоснования для исключения афроамериканцев из гражданского общества США в первой половине XIX в. Его взгляды на чернокожих, изложенные в «Записках о штате Виргиния» и письмах, не выражались как личное субъективное мнение. Напротив, Джефферсон создавал и транслировал устойчивый образ чернокожего как «чужого», который стал основой для многочисленных дискуссий о расовой неполноценности афроамериканцев. Образ, созданный отцом-основателем, закрепился в 1830-40-е гг., в том числе, среди мыслителей Юга для оправдания и защиты рабства.

Будучи третьим президентом США с 1801 по 1809 гг., Томас Джефферсон сыграл решающую роль в принятии «Закона о запрете ввоза рабов» от 1807 г. Закон запрещал ввозить рабов на территорию США, начиная с 1 января 1808 г. Однако, как отмечают исследователи, запрет работорговли оказался «пирровой победой»: незаконная контрабанда рабов достигла немыслимых масштабов, на внутреннем рынке плантаторы активно способствовали «самовоспроизводству» и естественному приросту рабочей силы, поощряя браки между рабами (которые, однако, не имели законной силы) [8, с. 57]. Таким образом, общественность была успокоена самим фактом принятия закона и верила, что рабство как институт исчезнет после введения запрета на привоз новых рабов, однако рабство продолжало процветать [16, с. 81].

В письме от 1 мая 1815 г. Дэвиду Барроу (1753-1819) – баптистскому священнику и аболиционисту, Джефферсон писал: «Там, где болезнь (рабство – *авт.*) прогрессировала, там она будет искореняться медленнее. В северных штатах она была поверхностной и легко поддавалась лечению. На

юге рабство интегрировано в общую систему, а потому излечение юга требует времени, терпения и настойчивости. Пусть цель наша в конце концов будет достигнута, а продвижение ее ускорено – такова будет последняя и самая заветная мечта того, кто ныне с уважением и почтением приветствует вас» [17].

Это письмо хорошо иллюстрирует двойственность позиции Джефферсона по отношению к рабству. С одной стороны, он признаёт, что рабство – это «болезнь», то есть зло, требующее искоренения. С другой стороны, Джефферсон не предлагает активных шагов для ликвидации рабства, а говорит лишь о «времени, терпении и настойчивости», что фактически означает отсрочку решения проблемы на неопределённый срок. Привлекает внимание также формулировка о «поверхностности» проблемы в северных штатах. Рабовладение на этих территориях, действительно, было ограничено и впоследствии запрещено еще в 80-е гг. XVIII в., однако Джефферсон игнорирует проблему расового неравенства и дискриминации, которой подвергались свободные чернокожие в северных штатах. Таким образом, можно сделать вывод, что политик либо не знал о дискриминации начала XIX в., (не считая рабовладения), что крайне маловероятно, либо поддерживал подобное отношение, находя дополнительные выгоды для воплощения в жизнь проекта репатриации всех афроамериканцев.

Джефферсон до конца жизни был убежден, что афроамериканцы не должны были стать полноправными членами американского общества и представлял США монорасовым государством (письмо Джареду Спарксу о репатриационных затратах, процитированное выше, датировано 1824 г., было написано Джефферсоном за два года до смерти).

Идеи Джефферсона продолжали оказывать влияние на американское общество XIX века даже после его смерти. Аболиционист Дэвид Уокер (сын раба и свободной женщины, получил свободный статус матери) так определил влияние идей, озвученных Джефферсоном, на весь ход борьбы за освобождение от рабства в XIX веке: «Рассуждения Джефферсона о расовой неполноценности, по правде говоря, причинили нам еще больше вреда, и <... > были таким же большим препятствием на пути к нашему освобождению, как и все, что когда-либо выдвигалось против нас», поскольку они «глубоко запали в сердца миллионов белых и никогда не будут устранены по эту сторону вечности» [18, р. 206].

Идеи Джефферсона стали не просто отражением взглядов XVIII – начала XIX в. в США. Он со-

здал образ, ставший важным элементом долговременного дискурса неравенства и неполноценности чернокожих. «Отличия», которые Джефферсон вкладывал в образ афроамериканцев, легли в основу псевдонаучных расовых теорий 1830-40-х гг., например, краниологии, драпетомании и т.д. Более

пристальное изучение политического и философского наследия Джефферсона показывает, насколько важно анализировать не только действия исторических фигур, но и созданные ими образы и представления, способные определять политический дискурс на много десятилетий вперед.

Список источников

1. Jefferson T. Letter to Benjamin Rush, September 23, 1800 // Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/01-32-02-0102> (date of access: 12.12.2024)
2. Трояновская М.О. Томас Джефферсон и американское рабство. Современные историографические тенденции // Новая и новейшая история, 2013. № 5. С. 210 – 217. URL: <https://america-xix.ru/library/trojanovskaya-jefferson-slavery/#edn2> (дата обращения: 22.12.2024)
3. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния / Отв. ред. А.А. Фурсенко; пер. В.М. Большаковой. Л.: Наука, 1990. 314 с.
4. Forbes R.P. Introduction // Notes on the State of Virginia. Thomas Jefferson an annotated edition. Connecticut, New Heaven: Yale University Press, 2020. P. 19 – 60.
5. Magnis N.E. Thomas Jefferson and Slavery: An Analysis of His Racist Thinking as Revealed by His Writings and Political Behavior // Journal of Black Studies, 1999. Vol. 29, No. 4. P. 491 – 509. URL: <http://www.jstor.org/stable/2645866?origin=JSTOR-pdf> (date of access: 18.12.2024)
6. Jefferson T. Letter to Jared Sparks, February 4, 1824 // Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/98-01-02-4020> (date of access: 12.12.2024)
7. Прилуцкий В.В. Протестные движения в США в 1820-1850-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Брян. гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского. Брянск, 2015. 568 с.
8. Макферсон Дж. Боевой клич свободы: Гражданская война 1861-1865: пер. Д. Голубцова. Екатеринбург: Гонзо, 2012. 974 с.
9. Fredrickson G.M. The Black image in the white mind. The Debate on Afro-American Character and Destiny, 1817-1914. Connecticut, Middletown: Wesleyan University Press, 1987. 334 p.
10. Финкельман П. Как американский закон и Конституция США определяли рабство // Новое литературное обозрение, 2016. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/6/kak-amerikanskij-zakon-i-konstitucziya-ssha-opredelyali-rabstvo.html> (дата обращения: 15.12.2024)
11. Rothman J.D. Notorious in the neighborhood: sex and families across the color line in Virginia, 1787-1861. North Carolina, Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2003. 341 p.
12. Gordon-Reed A. Thomas Jefferson and Sally Hemings: An American Controversy. Virginia, Charlottesville: University of Virginia Press, 1997. 320 p.
13. Nicolaisen P. Thomas Jefferson, Sally Hemings, and the Question of Race: An Ongoing Debate // Journal of American Studies. 2003. Vol. 37. No. 1. P. 99 – 118. URL: <http://www.jstor.org/stable/27557256> (Accessed: 11.03.2025)
14. Jefferson T. Letter to Henri Gregoire, February 25, 1809 // Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/99-01-02-9893> (Accessed: 13.03.2025)
15. Jefferson T. Letter to Joel Barlow, October 8, 1809 // Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-01-02-0461> (date of access: 13.12.2024)
16. Гиббс Дж. Рабство, театр и популярная культура в Лондоне и Филадельфии, 1760-1850 / Перевод К. Савельева. Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 488 с.
17. Jefferson T. Letter to David Barrow, May 15, 1815 // Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-08-02-0364> (date of access: 18.12.2024)
18. Sinha M. The Slave's Cause: A History of Abolition. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2016. 768 p.

References

1. Jefferson T. Letter to Benjamin Rush, September 23, 1800. Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/01-32-02-0102> (date of access: 12.12.2024)
2. Troyanovskaya M.O. Thomas Jefferson and American Slavery. Modern historiographic trends. New and Contemporary History, 2013. No. 5. P. 210 – 217. URL: <https://america-xix.ru/library/troyanovskaya-jefferson-slavery/#edn2> (date of access: 22.12.2024)
3. Jefferson T. Autobiography. Notes on the State of Virginia. Responsible. ed. A.A. Fursenko: trans. V.M. Bolshakova. L.: Nauka, 1990. 314 p.
4. Forbes R.P. Introduction. Notes on the State of Virginia. Thomas Jefferson an annotated edition. Connecticut, New Heaven: Yale University Press, 2020. P. 19 – 60.
5. Magnis N.E. Thomas Jefferson and Slavery: An Analysis of His Racist Thinking as Revealed by His Writings and Political Behavior. Journal of Black Studies, 1999. Vol. 29, No. 4. P. 491 – 509. URL: <http://www.jstor.org/stable/2645866?origin=JSTOR-pdf> (date of access: 12/18/2024)
6. Jefferson T. Letter to Jared Sparks, February 4, 1824. Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/98-01-02-4020> (date of access: 12.12.2024)
7. Prilutsky V.V. Protest movements in the USA in the 1820-1850s: dis. ... Dr. of History. Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky. Bryansk, 2015. 568 p.
8. McPherson J. Battle Cry of Freedom: The Civil War 1861-1865: trans. D. Golubtsov. Ekaterinburg: Gonzo, 2012. 974 p.
9. Fredrickson G.M. The Black image in the white mind. The Debate on Afro-American Character and Destiny, 1817-1914. Connecticut, Middletown: Wesleyan University Press, 1987. 334 p.
10. Finkelman P. How American Law and the US Constitution Defined Slavery. New Literary Review, 2016. No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/6/kak-amerikanskij-zakon-i-konstitucziya-ssha-opredelyali-rabstvo.html> (date of access: 15.12.2024)
11. Rothman J.D. Notorious in the neighborhood: sex and families across the color line in Virginia, 1787-1861. North Carolina, Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2003. 341 p.
12. Gordon-Reed A. Thomas Jefferson and Sally Hemings: An American Controversy. Virginia, Charlottesville: University of Virginia Press, 1997. 320 p.
13. Nicolaisen P. Thomas Jefferson, Sally Hemings, and the Question of Race: An Ongoing Debate. Journal of American Studies. 2003. Vol. 37.No. 1. P. 99 – 118. URL: <http://www.jstor.org/stable/27557256> (Accessed: 03/11/2025)
14. Jefferson T. Letter to Henri Gregoire, February 25, 1809. Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/99-01-02-9893> (Accessed: 03/13/2025)
15. Jefferson T. Letter to Joel Barlow, October 8, 1809. Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-01-02-0461> (date of access: 13.12.2024)
16. Gibbs J. Slavery, Theater, and Popular Culture in London and Philadelphia, 1760-1850. Translated by K. Savelyev. St. Petersburg: Academic Studies Press. Bibliorossika, 2024. 488 p.
17. Jefferson T. Letter to David Barrow, May 15, 1815. Founders Online. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-08-02-0364> (date of access: 18.12.2024)
18. Sinha M. The Slave's Cause: A History of Abolition. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2016. 768 p.

Информация об авторах

Зуева Е.Г., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8834-3398>, SPIN-код: 1303-9550, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, zueva-eg@rudn.ru

Лухнева Ил-Р.К., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, illariya.lukhneva@bk.ru

© Зуева Е.Г., Лухнева Ил-Р.К., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.8

Сирия во внешней политике СССР в 1950-е годы

¹ Таги-Заде Г.С.,

¹ Салихов М.Г.,

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: на фоне холодной войны СССР активно развивал военно-политические отношения с Сирией, которая занимала выгодное стратегическое положение на Ближнем Востоке. Сирия сыграла ключевую роль во внешней политике Москвы, которая стремилась укрепить свои позиции в регионе для противодействия антисоветской политике, проводимой Вашингтоном. Дипломатические отношения, установленные между СССР и Сирией в 1950-е годы, послужили началом долгого и плодотворного сотрудничества Москвы и Дамаска, которое продолжалось вплоть до 2024 года. Учитывая неопределенную политику нового сирийского правительства в отношении РФ, изучение периода установления советско-сирийских отношений в настоящее время сохраняет актуальность. Исследование позволит расширить знания о стратегии ведения внешней политики СССР на Ближнем Востоке в начале 2-ой половины XX века и борьбе СССР и США за доминирование в отдельных странах ближневосточного региона.

Ключевые слова: СССР, Сирия, Ближний Восток, Доктрина Эйзенхауэра, США, социализм, империализм

Для цитирования: Таги-Заде Г.С., Салихов М.Г. Сирия во внешней политике СССР в 1950-е годы // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 80 – 84.

Поступила в редакцию: 7 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Syria in the foreign policy of the USSR in the 1950s

¹ Tagi-Zade G.S.,

¹ Salikhov M.G.,

¹ Dagestan State University

Abstract: against the backdrop of the Cold War, the USSR actively developed military and political relations with Syria, which occupied an advantageous strategic position in the Middle East. Syria played a key role in Moscow's foreign policy, which sought to strengthen its position in the region to counter the anti-Soviet policy pursued by Washington. The diplomatic relations established between the USSR and Syria in the 1950s served as the beginning of a long and fruitful cooperation between Moscow and Damascus, which continued until 2024. Given the uncertain policy of the new Syrian government towards the Russian Federation, the study of the period of establishment of Soviet-Syrian relations remains relevant today. The study will expand knowledge about the strategy of the USSR foreign policy in the Middle East at the beginning of the second half of the 20th century and the struggle of the USSR and the USA for dominance in individual countries of the Middle East region.

Keywords: USSR, Syria, Middle East, Eisenhower Doctrine, USA, socialism, imperialism

For citation: *Tagi-Zade G.S., Salikhov M.G. Syria in the foreign policy of the USSR in the 1950s. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 80 – 84.*

The article was submitted: February 7, 2025; Approved after reviewing: April 4, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Во время холодной войны Ближний Восток стал основной ареной соперничества Советского Союза и США. Для противодействия экспансионистской политике США на Ближнем Востоке СССР стремился использовать борьбу арабов за независимость и недоверие к США в регионе. В начале 1950-х годов из ключевых арабских стран только Сирия и Египет (после Июльской революции 1952 г.) сохраняли независимость политического курса от иностранного влияния [1]. Ввиду активной пропаганды со стороны США и Великобритании по противодействию распространению советской политики и поддержки Израиля, Советскому Союзу было необходимо предпринять контрмеры. Москва решила наладить контакты с Сирией на официальном уровне [2].

Материалы и методы исследований

В ходе исследования были использованы научные работы на арабском, английском и персидском языках, которые еще не переведены на русский язык. Переводы были осуществлены самим автором. Также для исследования были использованы новые материалы из электронной библиотеки некоторых отечественных и зарубежных ВУЗов, что позволило рассмотреть вопросы советско-сирийского сотрудничества под разными углами и с различных точек зрения. Методологическая база основывается на историческом анализе и междисциплинарном подходе.

Результаты и обсуждения

Сирия имела стратегическое значение как союзник СССР в арабском мире и как противовес влиянию Запада. Отчасти это было обусловлено геополитическим положением. Расположенная на Средиземном море, Сирия могла предоставить Москве не только плацдарм на Ближнем Востоке и сердце арабского мира, но и порт на побережье Средиземноморья. Сирия установила дипломатические отношения с Советским Союзом в 1944 году и в целом придерживалась советского курса политики [3].

СССР начал инвестировать в строительство инфраструктурных объектов в Сирии, включая гидроэлектростанции, фабрики и дороги. Это способствовало укреплению экономической зависимости Сирии от Советского Союза. В 1952-1953 годах были подписаны соглашения о предоставлении Советским Союзом экономической помощи

Сирии, которая включала финансовые кредиты и техническую помощь для реализации различных проектов [4].

После военного переворота 1954 г., который не обошелся без участия Коммунистической партии Сирии, Арабская социалистическая партия Баас заняла видное место в политической жизни страны. Баасистская партия стремилась к объединению арабов и строительству социалистического общества на основе арабского национализма. Идеология представителей Баас пересекалась с марксистскими принципами. Сходством между советским и баасистским правительствами стал их антиимпериалистический характер. Открытие нефти на Ближнем Востоке привело к более активной американской политике в регионе, и правительство США впоследствии стало символом империализма, колониализма и капитализма для правительств некоторых арабских стран. СССР со своей антизападной позицией оказался в очень выгодном положении, получив от арабов негласную поддержку.

В сентябре 1955 года Шукри аль-Куватли стал президентом Сирии и начал эффективное политическое сближение с СССР и социалистическими странами.

В июне 1956 года советский министр иностранных дел Д.Т. Шепилов посетил Сирию и предложил Дамаску не только экономическую и политическую помощь, но и военную. Всего за год Сирия получила от СССР 80 танков Т-34, 18 самолетов Су-100, 20 немецких 150-мм самоходных орудий, 120 БТР-152, 25 122-мм орудий и прочее вооружение [5].

В период с 1954 по 1970 год Сирия получила более 580 миллионов долларов военной помощи и 440 миллионов долларов экономической помощи от стран-союзников СССР. Москва приняла на себя роль основного покровителя модернизирующейся армии Сирии. В том же году Шукри Аль-Куватли стал первым главой государства, посетившим СССР. В ходе визита Аль-Куатли страны подписали несколько соглашений на сумму 500 миллионов долларов об экономической и военной помощи. Помощь полагалась для закупки вооружения и строительства железных дорог, порта и шести аэропортов, а также для проектов ирригации и энергетики.

На фоне Суэцкого кризиса, СССР предложил

свою помощь Сирии для борьбы против Израиля, которую поддерживал весь западный мир. СССР и Сирия были подписали декларацию о взаимопомощи, которая включала политическую и дипломатическую поддержку.

Советский Союз направлял военных советников для обучения сирийских военнослужащих и улучшения их подготовки [6]. Эти советники часто участвовали в разработке стратегий и планировании операций.

Среди арабов Советский Союз имел репутацию главного борца против агрессивного вмешательства западных стран во внутренние дела независимых стран. К тому же поддержка СССР арабских стран в их конфликте с Израилем окончательно сформировала в сознании арабов вектор их дальнейшей политической деятельности.

Западные страны занялись созданием альянсов для сдерживания СССР и сформировали новую политику в отношении Ближнего Востока как ответ на советскую деятельность в регионе [7]. Первое десятилетие Холодной войны стало свидетелем формирования множества пактов о безопасности и обороне на Западе для противодействия Советскому Союзу [8].

В январе 1957 года президент США Д. Эйзенхауэр направил Конгрессу послание, в котором говорил о важности заполнения вакуума, возникшего в результате упадка европейского колониализма в Африке, Азии и на Ближнем Востоке. Документ получил название «Доктрина Эйзенхауэра». В документе было изложено, что США необходимо предоставлять ограниченную военную помощь арабским странам и обучать в США их военных специалистов.

Советский Союз рассматривал проект Эйзенхауэра как попытку подорвать основы англо-французского влияния в арабском мире и заменить его американским военно-экономическим влиянием. Сирия отвергла подход Эйзенхауэра и показала твердую просоветскую позицию.

Заключение Багдадского пакта привело к дальнейшему улучшению отношений СССР и Баас. Прозападный региональный альянс вызвал напряженность между Сирией и соседними правительствами в Ираке и Турции – членами того же пакта. Возросла напряженность в отношениях Сирии с Иорданией, Турцией и Израилем, которая привела к Сирийскому кризису 1957 года.

Отношения Сирии с социалистическими странами привели к тому, что Ирак, Иордания и Турция начали рассматривать возможность поддержки арабской или западной военной интервенции с целью свержения сирийского правительства. Турция была единственной страной, которая приняла

меры и разместила военный контингент вдоль турецко-сирийской границы. Позиция СССР в отношении турецкой политики была жесткой. 13 сентября 1957 года премьер-министр Булганин угрожал Турции применением против нее силы, если она проведет какие-либо военные действия против Сирии. Н. Хрущев подчеркнул, что Советский Союз не только обеспокоен ситуацией вокруг Сирии, но и готов использовать ядерные удары, если Сирия подвергнется нападению со стороны Турции или любой страны из Багдадского пакта. Угрозы СССР побудили Соединенные Штаты выступить с предупреждением о том, что Турция является членом НАТО. Несмотря на это предупреждение, советское правительство сохранило свою позицию в отношении Турции.

Стоит отметить, Москва понимала, что свержение США и Великобританией просоциалистического правительства Сирии станет серьезным ударом по репутации советской внешней политики. Как социалистическая страна, СССР был обязан поддерживать новые независимые антиимпериалистические страны в регионе, чтобы они были свободны от экономического, военного и политического гнета различных империалистических стран.

Советское давление заставило Турцию отступить от планов военного вторжения в Сирию. Кризис закончился осенью 1957 года, когда Турция согласилась прекратить свои пограничные операции из-за американского давления и неожиданного визита Хрущева в турецкое посольство в Москве.

22 марта 1957 года между представителями США и Великобритании прошла встреча на Бермудских островах, в ходе которой было принято решение оказать экономическое давление на Сирию. Была бойкотирована экспортируемая Сирией продукция – хлопок, пшеница и текстильные изделия. СССР поддержал Сирию и заявил о своей готовности покупать сирийскую продукцию.

Развитие советско-сирийских отношений признаны как серьезный провал доктрины Эйзенхауэра, которая утверждала, что Соединенные Штаты могут вмешаться военным путем в другие страны от имени своего ближневосточного союзника для борьбы против коммунизма..

Стратегия США по «сдерживанию» СССР оказалась недолговечной [9]. Из-за поддержки Израилем Вашингтоном, проект Эйзенхауэра не нашел отклика среди патриотически настроенных арабов, которые все больше отдалялись от Запада.

11 декабря 1957 года Сирия и Советский Союз подписали соглашение об экономическом сотрудничестве, которое включало советскую экономи-

ческую помощь Сирии на сумму 300 миллионов долларов, а также техническую и промышленную помощь, что способствовало модернизации экономики. Соглашение подписали вице-премьер СССР Н. Булганин и его сирийский коллега Халед аль-Азм.

За десятилетия плодотворного сотрудничества СССР проделал большую работу, направленную на развитие сирийской экономики. В дальнейшем благодаря активному участию Советского Союза в Сирии будет построено более 80 крупных промышленных объектов (заводы, предприятия, электростанции, плотины), около 2 тысяч километров железных дорог и 3,7 тысяч километров линий электропередачи.

Москва развивала и культурные связи для укрепления арабского осознания своей собственной культурной и политической независимости от колониального прошлого. Советское руководство и Сирия подписали в 1956 году культурное согла-

шение об обмене опытом в области искусства, образования, литературы, физической культуры, науки и спорта

Выводы

СССР был антиимпериалистической страной и был готов поддерживать арабские правительства, желающие освободиться от влияния иностранных государств. Советская поддержка Сирии стала серьезной помехой в реализации американских планов на Ближнем Востоке [10].

В результате грамотной внешней политики Советского Союза в отношении Сирии были разрушены планы по созданию однополярного мира, которую Вашингтон строил в ближневосточном регионе после окончания Второй мировой войны.

1950-е годы стали временем формирования крепкого и тесного сотрудничества между СССР и Сирией, а после распада СССР Сирия стала важной опорой стратегических интересов правопреемницы СССР - Российской Федерации.

Список источников

1. Вера Якубян Параллельный анализ: текущий кризис в Сирии и региональные протесты 1950-х годов. Armenian Weekly. 4 февраля 2025 г. URL: <https://armenianweekly.com/2025/02/04/a-parallel-analysis-syrias-current-crisis-and-regional-protests-of-the-1950s/> (дата обращения: 17.12.2024)
2. Can Abanoz Russian-Syrian relations with the context of the Syrian civil war and its effects on Russian-American rivalry. Atilim University. August, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/344198435_russian-syrian_relations_within_the_context_of_the_syrian_civil_war_and_its_effects_on_russian-american_rivalry (дата обращения: 02.12.2024)
3. Марван Кабалаан Анализ: Падение Асада – это потеря для Ирана и России, но есть ли победители? Медиа-сеть Аль-Джазиры. 10 декабря, 2024. URL: <https://www.aljazeera.com/amp/news/2024/12/10/analysis-assads-downfall-has-upended-the-regional-balance-of-power> (дата обращения: 25.12.2024)
4. Сами Мубайед. Аль-Хумасия: сирийский промышленный конгломерат 1950-х годов. Arab Studies Quarterly. Pluto Journals. 1 января 2021 г. URL: <https://www.scienceopen.com/hosted-document?doi=10.13169/arabstudquar.43.1.0038> (дата обращения: 26.12.2024)
5. Рав Авишай Ифаргон Сравнительный обзор сирийских BBC: актуальная аналитика. 26.07.2021. URL: <https://moshiach.ru/view/actualia/18549.html> (дата обращения: 20.12.2024)
6. Илья Черников Советские военные специалисты в Сирии и Ливане в Холодную войну. 01.07.2021. URL: <https://vatnikstan.ru/history/sovetskie-speczialisty-v-sirii/> (дата обращения: 01.12.2024)
7. Ани Пракаш Сдерживание коммунистов на Ближнем Востоке: возникновение Организации Центрального Договора (СЕНТО). Association for Diplomatic Studies and Training. URL: <https://adst.org/2022/06/communist-containment-in-the-middle-east-emergence-of-the-central-treaty-organization-cento/> (дата обращения: 16.12.2024)
8. Дж. Витор Тоссини. Краткое введение в Багдадский пакт – когда Великобритания и Иран были союзниками. Март 12, 2020. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/a-short-introduction-to-the-baghdad-pact-when-britain-and-iran-were-allies/> (дата обращения: 06.12.2024)
9. Таги-Заде Г.С. Салихов М.Г. Формирование Багдадского пакта. Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2023. Т. 38. Вып. 4. URL: <https://vestnik.dgu.ru/pol.aspx?razdel=2&artId=4558> (дата обращения: 17.12.2024)
10. Ближневосточный конфликт. 1947-1967. Документ №91. Письмо советника миссии СССР в Сирии К. Кочеткова министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому с приложением. Архив А.Н. Яковлева. 01.11.1951. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/59563> (дата обращения: 17.12.2024)

References

1. Vera Yacoubian. A Parallel Analysis: Syria's Current Crisis and Regional Protests of the 1950s. Armenian Weekly. February 4, 2025. URL: <https://armenianweekly.com/2025/02/04/a-parallel-analysis-syrias-current-crisis-and-regional-protests-of-the-1950s/> (date of access: 17.12.2024)
2. Can Abanoz Russian-Syrian Relations with the Context of the Syrian Civil War and its Effects on Russian-American Rivalry. Atilim University. August, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/344198435_russian-syrian_relations_within_the_context_of_the_syrian_civil_war_and_its_effects_on_russian-american_rivalry (date of access: 02.12.2024)
3. Marwan Qabalan Analysis: Assad's Downfall Is a Loss for Iran and Russia, but Are There Any Winners? Al Jazeera Media Network. December 10, 2024. URL: <https://www.aljazeera.com/amp/news/2024/12/10/analysis-al-assads-downfall-has-upended-the-regional-balance-of-power> (date of access: 25.12.2024)
4. Sami Moubayed. Al-Khumasiya: Syria's Industrial Conglomerate of the 1950s. Arab Studies Quarterly. Pluto Journals. January 1, 2021. URL: <https://www.scienceopen.com/hosted-document?doi=10.13169/arabstudquar.43.1.0038> (date of access: 26.12.2024)
5. Rabbi Avishai Ifargon Comparative Review of the Syrian Air Force: Current Analytics. July 26, 2021. URL: <https://moshiach.ru/view/actualia/18549.html> (accessed on December 20, 2024)
6. Ilya Chernikov Soviet Military Specialists in Syria and Lebanon during the Cold War. July 1, 2021. URL: <https://vatnikstan.ru/history/sovet-speczialisty-v-sirii/> (date of access: 01.12.2024)
7. Ani Prakash Containing Communists in the Middle East: The Emergence of the Central Treaty Organization (CENTO). Association for Diplomatic Studies and Training. URL: <https://adst.org/2022/06/communist-containment-in-the-middle-east-emergence-of-the-central-treaty-organization-cento/> (date of access: 16.12.2024)
8. J. Vitor Tossini. A Brief Introduction to the Baghdad Pact - When Britain and Iran Were Allies. March 12, 2020. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/a-short-introduction-to-the-baghdad-pact-when-britain-and-iran-were-allies/> (date of access: 06.12.2024)
9. Taghi-Zade G.S. Salikhov M.G. Formation of the Baghdad Pact. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2, Humanities. 2023. Vol. 38. Issue. 4. URL: <https://vestnik.dgu.ru/pol.aspx?razdel=2&artId=4558> (date of access: 17.12.2024)
10. Middle East conflict. 1947-1967. Document No. 91. Letter from the Advisor to the USSR Mission in Syria K. Kochetkov to the Minister of Foreign Affairs of the USSR A.Ya. Vyshinsky with an appendix. Archive of A.N. Yakovlev. 01.11.1951. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/59563> (date of access: 17.12.2024)

Информация об авторах

Таги-Заде Г.С., кандидат исторических наук, доцент, Дагестанский государственный университет

Салихов М.Г., Дагестанский государственный университет, hjuga208@yandex.ru

© Таги-Заде Г.С., Салихов М.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (474.2)

История образования монастырей Алтайской духовной миссии и их хозяйственно-экономическая деятельность

¹ Скопа В.А.,

² Иеромонах Мартин (Шапоренко),

¹ Алтайский государственный педагогический университет,

² Барнаульская духовная семинария

Аннотация: Алтайская духовная миссия, основанная в начале XIX века, стала ключевым элементом в распространении православия на территории региона. Она не только занималась духовным просвещением, но и содействовала экономическому развитию края, что ярко проявилось в создании монастырей, которые стали центрами культурной и хозяйственной жизни. На протяжении всего исторического периода монашеству была присуща миссионерская деятельность. С присоединением Западной Сибири в XVII веке для Русской Православной Церкви открылось новое миссионерское направление – распространение православной культуры и освоение вновь присоединенной территории. Монастыри Алтайской духовной миссии начали активно развивать хозяйственно-экономическую деятельность, что значительно повлияло на жизнь региона. Монастыри не только обеспечивали духовное просвещение, но и активно внедряли различные экономические практики, что сделало их важными субъектами экономического взаимодействия. Монастыри получали земельные участки, которые использовали для ведения сельского хозяйства. Разведение скота также играло важную роль в деятельности монастырей. С течением времени они начали развивать различные ремесленные производства, производили и продавали церковную утварь, иконы, различные предметы быта. Налаживали торговлю с другими регионами России и даже соседними странами.

Ключевые слова: Сибирь, Алтайский округ, монастырь, обитель, история

Для цитирования: Скопа В.А., Иеромонах Мартин (Шапоренко) История образования монастырей Алтайской духовной миссии и их хозяйственно-экономическая деятельность // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 85 – 91.

Поступила в редакцию: 7 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

History of the formation of the monasteries of the Altai Spiritual Mission and their economic activities

¹ Skopa V.A.,

² Hieromonk Martin (Shaporenko),

¹ Altai State Pedagogical University,

² Barnaul Theological Seminary

Abstract: the Altai Spiritual Mission, founded in the early 19th century, became a key element in the spread of Orthodoxy in the region. It not only provided spiritual education, but also contributed to the economic development of the region, which was clearly demonstrated in the creation of monasteries that became centers of cultural and

economic life. Throughout the historical period, monasticism was characterized by missionary activity. With the annexation of Western Siberia in the 17th century, a new missionary direction opened up for the Russian Orthodox Church – the spread of Orthodox culture and the development of the newly annexed territory. The monasteries of the Altai Spiritual Mission began to actively develop economic and business activities, which significantly influenced the life of the region. The monasteries not only provided spiritual education, but also actively introduced various economic practices, which made them important subjects of economic interaction. The monasteries received land plots that they used for agriculture. Livestock breeding also played an important role in the activities of the monasteries. Over time, they began to develop various craft industries, produced and sold church utensils, icons, and various household items. They established trade with other regions of Russia and even neighboring countries.

Keywords: Siberia, Altai district, monastery, cloister, history

For citation: Skopa V.A., Hieromonk Martin (Shaporenko) *History of the formation of the monasteries of the Altai spiritual mission and their economic activities. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 85 – 91.*

The article was submitted: February 7, 2025; Approved after reviewing: April 5, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Монашество, сформировавшись как одно из условий российского государства вело активную миссионерскую деятельность, тем самым помогая государству в расширении территориальных границ, воспитанию и духовно-нравственному окормлению народа страны.

Алтайская духовная миссия, основанная в 1827 году, играла ключевую роль в развитии духовной, культурной и хозяйственной жизни региона [1]. Одним из ключевых аспектов деятельности миссии была организация монастырей, которые не только способствовали распространению православия, но и становились центрами экономической активности.

На протяжении всего исторического периода монашеству была присуща миссионерская деятельность. Еще с апостольских времен Иисус Христос заповедовал своим ученикам проповедовать людям Евангелие, тем самым заложил миссионерскую деятельность в христианской среде. В последующие времена миссионерство стало присуще монашествующим, которые были более свободны от мирских забот и не связаны семейной жизнью.

После принятия Русью крещения, монахи продолжали миссию по распространению христианства на русской земле, основывая монашеские общины и строя монастыри.

С присоединением Западной Сибири в XVII веке для Русской Православной Церкви открывается новое миссионерское направление – распространение православной культуры и освоение вновь присоединенной территории [8]. Государство посылало колонистов небольшими военными отрядами, которые впоследствии строили укрепления, а в этих укреплениях возводили храмы. По желанию монахов-колонистов с конца XVI века на сибирской земле образовывались монастырские оби-

тели, а позднее эту инициативу взяла на себя церковная администрация.

Закрепившись на сибирских землях, христианские миссионеры занимались административным устройством. Так, первоначально возникла Тобольская епархия, несколько позже Томская. Миссионеры преследовали решение таких проблем как основание и благоустройство монастырских обителей, духовно-нравственное окормление русских поселенцев и проповедь среди коренного населения.

Материалы и методы исследований

Данное исследование выполнено в русле теории модернизации. Ключевым аспектом методологии исторического познания, подчеркивающим как общие, так и специфические черты общенаучных и специальных исторических методов, является принцип объективности, системный подход и историзм. Методология данного исследования представляет собой многослойную структуру взаимосвязанных и взаимопроникающих подходов, охватывающих философско-логические, общенаучные и специализированные научные уровни, позволяющие рассмотреть в динамике историю образования монастырей Алтайской духовной миссии и их хозяйственно-экономическую деятельность.

Результаты и обсуждения

Благодаря русским землепроходцам уже к началу XVIII века сибирские земли были основательно закреплены в составе Российской Империи, что послужило активной миссионерской деятельности со стороны Православной Церкви. В этот исторический период начинает свою активную миссионерскую работу митрополит Филофей (Лещинский). В этот миссионерский период было крещено до 40 тысяч человек. Миссионерская деятельность митрополита

Филофея после его смерти пришла в упадок и совершенно прекратилась из-за формального крещения, что повлекло отпадение от православной веры многих крещаемых [6]. Одна из проблем миссионерства в Сибири – это отдаленность от административных центров, которая затрудняла служебную переписку, взаимоконтроль. Постепенно активность просветительской деятельности ослабевала и к началу XIX века была полностью прекращена.

Согласно сложившейся исторической ситуации, которая была неблагоприятна для алтайского народа: им угрожало порабощение Цинской империей, кочевавшие алтайцы южнее русских границ начали переходить в русское подданство и в связи с этой ситуацией обратиться за помощью к Российской Империи. Они отправляли своих послов в Томск с просьбой защиты их от китайцев, в обмен на это алтайцы обещали принять русское подданство. Основную роль в крещении алтайского народа играли казачьи укрепления, в которых находились священники [5]. В период XVIII века было крещено около 500 алтайцев. Наиболее активными миссионерскими деятелями в плане крещения являются протопоп Василий Русанов и архимандрит Михаил, которыми было крещено более 200 алтайских иноверцев [5, 13].

Особые обстоятельства, сложившиеся к началу XIX века, побуждали Святейший Синод возобновить активную деятельность миссии в Сибири среди многонационального и с различными религиозными конфессиями населения Российской Империи. Этому предшествовало усердное распространение старообрядческих общин из русских и польских земель Российской Империи [8]. Государственная власть тоже была заинтересована этим проектом, желая утвердить православие на своих землях как государственную религию: «монастыри создавались для «утверждения православия как государственной религии, а затем распространения его среди языческих народов внутри страны» [8].

Инициатором открытия Алтайской духовной миссии выступил магистр богословия Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Макарий (Глухарев), которого извещал о миссии в Сибири один из богомольцев [7]. Алтайская духовная миссия была учреждена в ответ на необходимость обращения коренного населения региона в православие. Важнейшей задачей стало не только духовное просвещение, но и интеграция коренных народов в русскую культуру. Одновременно с этим, началось создание монастырей, которые стали центрами образования и культуры [4].

Отец Макарий откликнулся на данное предложение. По прибытию в город Тобольск в 1829 году он выбрал себе сотрудников для дальнейшей миссии. Ими стали Василий Попов и Алексей Волков – ученики Тобольской семинарии [11]. Добравшись в Барнаул из Тобольска, архимандрит Макарий встречается с важными людьми – это были томский губернатор Фролов П. К. и соборный протоиерей Созонт Куртуков [2, 3]. С главою Томской губернии отец Макарий нашел общие темы для общения, что способствовало заинтересованности обеих сторон.

Занимаясь организационными вопросами Алтайской духовной миссии, архимандрит Макарий разработал правила для всех членов данной миссии [4]. Контроль над миссией осуществлялся Святейшим Синодом, который разработал, в свою очередь, специальные указания еще в 1769 году и через тобольского архиепископа Евгения они были вручены архимандриту Макарию [12]. Эти указания предписывали кроткую и любовную проповедь среди инородного населения, дружелюбными беседами насаждать православную веру и в случае опасных и неразрешенных обращаться к архиепископу тобольскому Евгению [3]. Также Святейший Синод контролировал перемещение отца Макария и его миссионерскую деятельность: «При отправке своей из Тобольска о. Макарий снабжен походною церковью с необходимыми принадлежностями, инструкциею Св. Синодом, изданную в 1769 г., и предписанием вести сколько можно постоянный журнал о действиях своих и представлять оный Его Высокопреосвященству, не выезжать из Бийского округа без позволения Его Высокопреосвященства и во всех нужных обстоятельствах относиться прямо к нему рапортами и доношениями и проч.» [3, с. 43].

В дальнейшем архимандрит Макарий разработал свою миссионерскую методику, которая была более адаптирована к местному населению, тем самым заложил новую ступень в христианизации алтайского населения. Его миссионерская программа призвала приобщать инородцев к православной культуре, устраивать их быт, помогая и поддерживая их на пути христианском [6]. В то же время на миссионера была возложена большая ответственность, требующая от него образованности, «широкого кругозора, неременного знания языка алтайцев, основ естественных наук и медицины, основательного знакомства с сельским хозяйством, то есть всего того, что полностью отсутствовало в деятельности миссионеров прошлого столетия» [10].

Нахождение архимандрита Макария в Бийске затрудняло миссионерство для алтайского народа

отдаленностью от мест миссии и ограниченностью помещения для христианских проповедников. Данная проблема побудила отца Макария в поисках более удобного миссионерского стана. Активное путешествие по Алтаю привело архимандрита Макария в Сайдыпский форпост, где его дружелюбно встречали казаки и разместили походную миссионерскую церковь в часовне. Данное расположение миссионерского стана подходило для положительной проповеди среди инородного населения.

В 1831 году отец Макарий перебрался из Сайдыпа в Улалу, где он обосновал первый миссионерский стан [9]. Население Улалы (ныне Горно-Алтайск) было немногочисленно и относилось не доверительно к миссионерам. Чтобы не быть навязчивым для местного населения, архимандрит Макарий решает обосноваться недалеко от Улалы в селе Майма, где впоследствии он обосновывает еще один миссионерский стан.

В 1835 году был построен дом для походной церкви на участке земли, которую выделил ему Томский генерал-губернатор с согласия местных землевладельцев. О нем архимандрит Макарий пишет в своих дневниках: «стан есть дом сосновый, имеющий тринадцать сажень в длине и две с половиной в поперечнике, в котором под одною кровлею находится горница длиною 12 аршин с половиной для открытого в походной церкви богослужения, приемная зала с келией для меня и с кладовой, и поварня с келией для старца Петра и с кладовой» [7].

За время пребывания во главе Алтайской миссии архимандрит Макарий возвел три миссионерских стана – в Майме, Улале и Мыоте, но центральный и постоянно действующий был стан в Улале [13]. Мыотинский миссионерский стан был основан в 1842 году, хотя отец Макарий еще ранее крестил здесь алтайцев. Местное население было не многочисленно и состояло в основном из телеутов и русских крестьян [9]. Алтайское население относилось благосклонно к православной вере и русской культуре, что подталкивало к образованию миссионерских школ для обучения детей грамотности.

Активная деятельность отца Макария (Глухарева) заложила основу для дальнейшего развития Алтайской миссии и при протоирее Стефане Ландышеве (1816-1883 гг.). В этот исторический период начинается развиваться православное монашество на Алтае, хотя эта идея присутствовала еще и у архимандрита Макария (Глухарева), который имел желание создать женскую монашескую общину в Горном Алтае. Эта идея не осуществлялась по ряду причин, одна из них – это нехватка

средств для организации общины, а вторая – препятствие «родителей девиц, желавших посвятить себя на служение Богу» [3].

Инициатором по созданию монашеской общины выступил Чевалков М. В. – один из сотрудников миссии. В первое время он позволял посвятившим себя на служение Богу девицам собираться у себя дома, но из-за неудобства, доставляемого его семье, он решил построить на окраине села им отдельную избу. В этой избе у устья реки Улалушки поселились девицы-подвижницы, что способствовало официальному учреждению общины в 1863 году [6]. Для общины было пожертвовано улалинскими жителями два участка земли под монастырские постройки и хозяйственную деятельность: огород, сенокос и хлебопашество.

Улалинская женская община послужила зарожждением последующих монашеских общин на Алтае. В дальнейшем, это историческое событие способствовало активной хозяйственно-экономической деятельности монастырей на Алтае.

Монастыри Алтайской духовной миссии не ограничивались только духовной деятельностью. Они стали важными экономическими единицами, которые в значительной степени влияли на местную экономику. Они способствовали развитию аграрной, культурной и экономической деятельности на территории Сибири. Занимаясь хозяйственно-экономической деятельностью, монастыри обеспечивали не только себя, но и близлежащие окрестности [10]. Большая часть земель, принадлежащих монастырям, использовалась для выращивания зерновых, овощей и фруктов. Монастырские хозяйства также занимались разведением скота, что обеспечивало местное население продуктами питания. Например, Бийский Тихвинский женский монастырь, преобразованный в 1900 году в монастырь из женской общины, улучшал свое экономическое состояние за счет аренды, пожертвований, церковных треб и производства некоторых видов товара [3].

Монастырям выделялись земли, на которых они вели хозяйственную деятельность – это связано с благосклонным отношением государственных властей к Церкви. Находившиеся в распоряжении монастырей земельные участки зачастую питали и обеспечивали обитатели, а излишки продавались на рынке. Так, например, Чулышманский Благовещенский мужской монастырь получал основной доход от арендной платы за землю, относясь к арендаторам благосклонно. Об этом повествуют письма владыки Макария: «Монастырь не имеет других источников содержания для себя, кроме земли, скота; вынужден отдавать свои угодыя

арендаторам, но он не допускает к себе арендаторов со стороны, например русских переселенцев. Он отдавал свои земли в пользование: беднейшим – бесплатно, зажиточным – за умеренную плату и, ни в коем случае, ни один из них не доведен до обеднения» [14].

Неплохим подспорьем для монастырей, стало дозволение им вкладывать, начиная с 1859 г., деньги в процентные бумаги. Это позволило им нажить хорошие капиталы. Так, в начале XIX века львиную долю капиталов монастырей Томской епархии составляли банковские билеты, с которых они ежегодно получали неплохой процент. С 1893 г. монастыри, выполняя предписание Синода, начали держать свои сбережения исключительно в государственных процентных бумагах, что способствовало улучшению деятельности государственных банков [2].

Кроме сельского хозяйства, монастыри развивали ремесленные производства. Известные были мастера-резчики, которые создавали предметы церковной утвари, а также художники, занимающиеся иконописью. Так, в Бийском Тихвинском женском монастыре одним из источников дохода как раз было рукоделие: «Больше всех было поющих на клиросе (клирошанок) и рукодельниц. Насельницы монастыря занимались также хлебопечением...портняжным делом, вышиванием, стежили одеяла, шили обувь для сестер монастыря...Среди насельниц была умелица, шившая шубы для сестер» [6]. Это приводило не только к росту духовной культуры, но и к улучшению экономического положения монастырей, которые смогли продавать свои изделия и получать доход. Активно монастыри занимались торговлей. Они налаживали связи с другими регионами, что позволяло не только поддерживать свои хозяйства, но и обеспечивать местное население товарами. Торговля сделала монастыри важными центрами экономической жизни Алтая, способствуя развитию инфраструктуры и экономики региона в целом.

Святейший Синод всячески старался регулировать и контролировать деятельность монастырей, создавая распоряжения и инструкции. Например, в начале XIX века Синод издал распоряжение о «строгом и неукоснительном ведении финансовой отчетности», регламентирующее хозяйственную деятельность монастырей. В дальнейшем Синод

предписывает в инструкции «установить должный порядок в делах денежных и хозяйственных» для контроля архиереем хозяйственной деятельности обителей, что повлекло выявлению многочисленных нарушений в безотчетной хозяйственной деятельности со стороны монастырского начальства [12]. Данный документ запрещал расходовать монастырские средства неправильно и напрасно (на предметы роскоши и т. д.).

Большинство монастырей Алтайской духовной миссии обеспечивали себя за счет ведения хозяйственно-экономической деятельности, кроме тех, кто содержался за счет казны [1]. Хозяйственная деятельность для некоторых монастырей являлась основным источником дохода.

Благотворительность со стороны паломников также пополняла казну монастырских обителей, хотя порой была незначительная. Только один из монастырей Томской епархии – Томский мужской Богородице-Алексеевский монастырь порой получал значительное пожертвование от «своих святых». Например, в 1916 году его казна получила 600 рублей дохода от «особо чтимой иконы» [1].

Выводы

Таким образом, в результате развертывания активной миссионерской деятельности Русской Православной Церкви и динамичному развитию монастырей Российской Империи в конце XIX – начале XX века зарождаются монастыри Алтайской духовной миссии. Монастыри служили духовными центрами для людей, искавших уединения и покоя, и играли важную роль в социально-экономическом развитии страны. Однако образование первых монастырей миссии было сопряжено с немалыми затратами сил и особыми трудностями. В их развитии государство принимало активное участие, выделяя обителям земельные участки и регулируя их хозяйственно-экономическую деятельность. Монастыри Алтайской духовной миссии стали не только духовными центрами, но и важными экономическими «островками» в регионе. Они активно занимались сельским хозяйством, ремеслами и образованием, сохраняя и передавая знания и традиции из поколения в поколение. Их хозяйственно-экономическая деятельность оказывала значительное влияние на развитие Алтая, интеграцию коренных народов и улучшение жизненных условий местного населения.

Список источников

1. Адлыкова А.П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2003. 214 с.
2. Государственный архив Томской области Ф. 170. Оп. 8. Д. 843. Л. 36.
3. Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1997. С. 105.

4. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / Сост. прот. Игорь Кропочев. Новокузнецк: Сретение, 2008. С. 48 – 49.
5. Колоткин М.Н. Христианизация алтайцев в XVIII веке // Макарьевские чтения: Материалы второй международной конференции (21-22 ноября 2003 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. С. 24.
6. Крейдун Г.А. Алтайская духовная миссия в 1830-1919 годы: структура и деятельность. М., 2008. 199 с.
7. Крейдун Ю.А. Деятельность архимандрита Макария на Алтае // История Православия на Алтае: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Ю.А. Крейдун, К.Н. Метельницкий. Барнаул, 2001. С. 11 – 21.
8. Нестерова С.В. Монастыри духовной миссии в культурном пространстве Алтайского (горного) округа [2-я половина XIX в.] // Философия, методология, история знаний: тр. Сиб. ин-та знанияведения. Барнаул, 2007. Вып. 5. С. 223.
9. Отчет Алтайской Миссии за 1910 г. // Томские епархиальные ведомости. 1911. № 6. С. 15.
10. Православный Алтай. Альманах. М., 2003. Вып. 20. 185 с.
11. Харлампович К.В. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии. Казань, 1905. 196 с.
12. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867-1900 гг. / Собр. и изд. А. Завьялов, секр. Святейшего синода. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: И.Л. Тузов, 1901. URL https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/tsirkuljarnye-ukazy-svjatejshego-pravitelstvuyushego-sinoda-1867-1900-gg/22#source (дата обращения: 12.12.2024)
13. Чегачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974. 241 с.
14. Центр хранения архивного фонда Алтайского края Ф. 164. Оп. 1. Д. 52. Л. 115.

References

1. Adlykova A.P. Monasteries of the Altai Spiritual Mission in the second half of the 19th – early 20th centuries: diss. ... cand. hist. sciences. Gorno-Altai, 2003. 214 p.
2. State Archives of Tomsk Oblast F. 170. Op. 8. D. 843. L. 36.
3. Documents on the history of churches and religions in the Altai Territory. Barnaul: Archival Affairs Department of the Altai Territory Administration, 1997. P. 105.
4. Notes of the missionary of the Kuznetsk branch of the Altai Spiritual Mission, priest Vasily Verbitsky. Comp. archpriest Igor Kropochev. Novokuznetsk: Sretenie, 2008. P. 48 – 49.
5. Kolotkin M.N. Christianization of the Altai people in the 18th century. Makaryev readings: Proceedings of the second international conference (November 21-22, 2003). Gorno-Altai: RIO GAGU, 2004. P. 24.
6. Kreidun G.A. Altai spiritual mission in 1830-1919: structure and activities. Moscow, 2008. 199 p.
7. Kreidun Yu.A. Activities of Archimandrite Macarius in Altai. History of Orthodoxy in Altai: Collection of scientific articles. Ed. and compiled by Yu. A. Kreidun, K.N. Metelnitsky. Barnaul, 2001. Pp. 11 – 21.
8. Nesterova S.V. Monasteries of the Spiritual Mission in the Cultural Space of the Altai (Mountain) District [2nd half of the 19th century]. Philosophy, Methodology, History of Knowledge: tr. Siberian Institute of Knowledge Studies. Barnaul, 2007. Issue 5. P. 223.
9. Report of the Altai Mission for 1910. Tomsk Diocesan Gazette. 1911. No. 6. P. 15.
10. Orthodox Altai. Almanac. Moscow, 2003. Issue 20. 185 p.
11. Kharlampovich K. V. Letters of Archimandrite Macarius Glukharev, Founder of the Altai Mission. Kazan, 1905. 196 p.
12. Circular decrees of the Holy Governing Synod 1867-1900. Coll. and ed. A. Zavyalov, secretary of the Holy Synod. 2nd ed., add. St. Petersburg: I.L. Tuzov, 1901. URL https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/tsirkuljarnye-ukazy-svjatejshego-pravitelstvuyushego-sinoda-1867-1900-gg/22#source (date of access: 12.12.2024)
13. Chegachev P. Journey to Eastern Altai. Moscow, 1974. 241 p.
14. Storage Center of the Archival Fund of the Altai Territory F. 164. Op. 1. D. 52. L. 115.

Информация об авторах

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Алтайский государственный педагогический университет

Иеромонах Мартин (Шапоренко), Барнаульская духовная семинария

© Скопа В.А., Иеромонах Мартин (Шапоренко), 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 93/94

Историческое развитие иракской цифровой дипломатии (1990-2022): эволюция, стратегии и проблемы

¹ Хассан Х.Дж.,

¹ Бурнасов А.С.,

¹ Уральский федеральный университет

Аннотация: в этой статье рассматривается историческое развитие цифровой дипломатии Ирака с 1990 по 2022 год с акцентом на основные этапы цифровой трансформации в дипломатии, влияние технологий на международные отношения и стратегии цифровой внешней политики Ирака. Целью исследования является изучение роста цифровой дипломатии Ирака, определение ее стратегических направлений и оценка влияния кибердипломатии на международное сотрудничество Ирака. Исследование использует качественный метод исследования, включающий исторический анализ, обзор правовых рамок, правительственной политики и стратегий цифровой дипломатии. Оно использует источники на арабском и английском языках, а также отчеты международных организаций. Результаты показывают, что цифровая дипломатия Ирака развивалась поэтапно, от раннего внедрения цифровых технологий в 1990-х годах до активного использования кибердипломатии в 2020-х годах. Хотя цифровая дипломатия повысила узнаваемость Ирака в мире, такие трудности, как угрозы кибербезопасности и ограничения инфраструктуры, сохраняются. Ирак использует цифровые платформы в двусторонних и многосторонних дипломатических взаимодействиях, хотя он по-прежнему полагается на международную технологическую помощь. Результаты актуальны для дипломатов, экспертов по международным отношениям, специалистов по кибербезопасности и политиков, участвующих в инициативах по цифровой трансформации.

Ключевые слова: Ирак, цифровая дипломатия, кибердипломатия, международные отношения, цифровая трансформация, кибербезопасность, внешняя политика, международные отношения

Для цитирования: Хассан Х.Дж., Бурнасов А.С. Историческое развитие иракской цифровой дипломатии (1990-2022): эволюция, стратегии и проблемы // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 92 – 100.

Поступила в редакцию: 8 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Historical development of Iraqi digital diplomacy (1990-2022): evolution, strategies and challenges

¹ Hassan H.Dzh.,

¹ Burnasov A.S.,

¹ Ural Federal University

Abstract: this article examines the historical development of Iraq's digital diplomacy from 1990 to 2022, with an emphasis on major stages of digital transformation in diplomacy, the impact of technology on international relations, and Iraq's digital foreign policy strategies. The research aims to examine the growth of Iraq's digital diploma-

cy, determine its strategic directions, and assess cyber diplomacy's impact on Iraq's international cooperation. The study adopts a qualitative research technique that includes historical analysis, a review of legal frameworks, government policies, and digital diplomacy strategies. It uses sources in Arabic and English, as well as reports from international organizations. The findings indicate that Iraq's digital diplomacy has progressed in stages, from early embrace of digital technologies in the 1990s to active use of cyber diplomacy in the 2020s. While digital diplomacy has increased Iraq's worldwide visibility, difficulties such as cybersecurity threats and infrastructure restrictions persist. Iraq uses digital platforms in bilateral and multilateral diplomatic interactions, although it still relies on international technology help. The findings are relevant for diplomats, international relations experts, cybersecurity specialists, and policymakers involved in digital transformation initiatives.

Keywords: Iraq, digital diplomacy, cyber diplomacy, international relations, digital transformation, cybersecurity, foreign policy, international relations

For citation: Hassan H.Dzh., Burnasov A.S. Historical development of Iraqi digital diplomacy (1990-2022): evolution, strategies and challenges. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 92 – 100.

The article was submitted: February 8, 2025; Approved after reviewing: April 6, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

С начала 2000-х годов цифровая дипломатия превратилась в важную часть стратегии внешней политики Ирака. Переход Ирака к цифровой дипломатии столкнулся со значительными препятствиями, включая политическую нестабильность, недостаточную инфраструктуру и отсутствие цифровых навыков. Несмотря на эти проблемы, Ирак пытался использовать цифровые платформы и кибервозможности для развития дипломатических отношений и участия в международном взаимодействии. Это исследование устраняет пробел в понимании, изучая, как развивалась цифровая дипломатия Ирака с 1990 по 2022 год, используемые методы и проблемы, с которыми пришлось столкнуться в цифровую эпоху.

Материалы и методы исследований

В этом исследовании используется качественный исследовательский подход для изучения эволюции и эффективности цифровой и кибердипломатии Ирака с 1990 по 2022 год. В исследовании используются исторические и аналитические методы для изучения значительных политических, технологических и дипломатических изменений, которые сформировали цифровую внешнюю политику Ирака. Материалы для этого исследования включают официальные правительственные документы и стратегические публикации, опубликованные Министерством иностранных дел Ирака, а также резолюции и доклады международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций и Организация исламского сотрудничества. Также анализируются аналитические отчеты о глобальной цифровой трансформации, системах кибербезопасности и дипломатических коммуникациях Ирака с помощью цифровых платформ. Тематические исследования являются важной ча-

стью исследования, поскольку они дают представление о реакции Ирака на международные санкции, участии в проектах цифровой дипломатии и использовании социальных сетей во время конфликта. Кроме того, проводятся экспертные интервью с иракскими дипломатами, экспертами по кибербезопасности и правительственными чиновниками, чтобы получить опыт из первых рук и ознакомиться с контекстом. К данным интервью применяется тематический анализ для выявления повторяющихся тем и закономерностей. Этот строгий аналитический подход обеспечивает детальное понимание эволюции, успехов и проблем цифровой дипломатии Ирака в контексте глобальных технологических изменений.

Результаты и обсуждения

С 1990 по 2022 год цифровая дипломатия Ирака развивалась параллельно с политическим и технологическим развитием страны. Цифровая дипломатия Ирака начала формироваться после войны в Персидском заливе в 1990 году и введения санкций. Международные отношения и связи с внешним миром были строго ограничены. На протяжении большей части 1990-х и начала 2000-х годов Ирак имел ограниченный доступ к цифровой инфраструктуре, и его дипломатические операции в основном ограничивались традиционными каналами, такими как посольства и контролируемые государством СМИ [1].

Однако после падения диктатуры Саддама Хусейна в 2003 году геополитическая ситуация в Ираке резко изменилась. Страна открылась для международного влияния, и Интернет быстро распространился как внутри Ирака, так и по всему миру. Появление цифровых платформ, таких как веб-сайты, электронная почта и первые этапы развития социальных сетей, ознаменовали начало

цифровой связи Ирака с миром. Новое руководство страны осознало потенциал Интернета для изменения имиджа Ирака, укрепления общественной дипломатии и установления прямых контак-

тов с международными субъектами [2].

Процент пользователей интернета в Ираке (1990-2023 гг.) представлена на рис. 1.

Рис. 1. Процент пользователей интернета в Ираке (1990-2023 гг.) [3].

Fig. 1. The percentage of Internet users in Iraq (1990-2023) [3].

Линейный график иллюстрирует рост числа пользователей Интернета в Ираке за 32-летний период, демонстрируя устойчивую тенденцию к росту цифровых подключений. В период с 1990 по 2005 год использование Интернета оставалось ограниченным из-за насилия, санкций и неадекватной инфраструктуры. После 2003 года начался медленный рост, который заметно ускорился после 2010 года. Наиболее значительный рост произошел в период с 2015 по 2022 год, когда проникновение Интернета выросло с 15,2% до 78,7%. Этот быстрый рост обусловлен развитием телекоммуникационной инфраструктуры, расширением доступа к мобильному Интернету и ростом цифровой грамотности. На графике показан переход Ирака к более интегрированному в цифровые технологии обществу, что является важнейшей основой для совершенствования цифровой дипломатии и участия общественности в современных условиях.

К 2010-м годам иракские дипломаты и политические группировки в значительной степени зависели от цифровых средств массовой информации, включая Facebook, Twitter и YouTube, чтобы охватить международную аудиторию. Несмотря на ряд проблем, включая проблемы безопасности, недостаточную цифровую грамотность и недостатки инфраструктуры, иракское правительство присту-

пило к созданию цифрового присутствия. Появление социальных сетей, в частности, позволило иракским политическим лидерам, министерствам и даже диаспоре общаться с гражданами по всему миру, помогая им лучше отражать трудности, политику и развитие Ирака. За это десятилетие цифровая дипломатия Ирака улучшилась, помогая стране постепенно справляться со сложностями политического ландшафта после свержения Саддама и более активно участвовать в глобальных дискуссиях [4].

Цифровая дипломатия Ирака принесла множество преимуществ, которые сыграли решающую роль в его международной репутации и усилиях по восстановлению имиджа. Одним из основных преимуществ является прямой и экономически эффективный характер цифровой дипломатии. Правительственные и дипломатические руководители теперь могут напрямую общаться с аудиторией по всему миру, устраняя необходимость в физических посольствах или международных пресс-конференциях. Возросшее присутствие Ирака в Интернете позволило ему заявить о себе в глобальном масштабе, особенно по таким вопросам, как национальное восстановление, борьба с терроризмом и региональная стабильность. Это также помогло популяризировать культурное наследие Ирака, особенно с помощью цифровых средств

массовой информации, которые демонстрировали его древнюю историю, искусство и традиции, опровергая негативные представления, сложившиеся после войны в Ираке [5].

Каналы социальных сетей, в частности, позволили Ираку заняться "публичной дипломатией", которая предполагает активное влияние на общественное мнение в других странах. Посольства и дипломаты Ирака использовали эти каналы для распространения позитивных сообщений и взаимодействия с людьми за рубежом в режиме реального времени, повышая общественную поддержку внешней политики страны. Это было особенно полезно для обеспечения международной поддержки усилий Ирака по борьбе с экстремистскими группировками, такими как ИГИЛ. Мировое общественное мнение помогло заручиться поддержкой в восстановлении страны и борьбе с терроризмом [6].

Однако цифровая дипломатия Ирака столкнулась с серьезными проблемами. Одной из наиболее серьезных проблем была безопасность. Кибербезопасность оставалась серьезной проблемой, поскольку цифровая инфраструктура Ирака была уязвима для проникновения. Эти атаки исходили из различных источников, включая враждебно настроенные государственные структуры и негосударственные организации, целью которых было подорвать дипломатические усилия Ирака или распространить дезинформацию. Этот риск в сочетании с уязвимостью цифровой инфраструктуры Ирака часто снижал эффективность его онлайн-коммуникаций и дипломатических усилий.

Другой серьезной проблемой стал цифровой разрыв. Сельские районы Ирака столкнулись с серьезными проблемами с подключением к Интернету, что привело к изоляции значительной части населения от цифрового мира. Кроме того, система образования Ирака прилагает все усилия к тому, чтобы обеспечить жителей необходимой цифровой грамотностью для эффективного участия в онлайн-мире, что ограничивает влияние ее цифровой дипломатии.

Из-за этого различия многие иракцы не смогли внести свой вклад в создание единого национального нарратива в Интернете, что создало впечатление, что инициативы в области общественной дипломатии осуществляются сверху вниз и оторваны от реалий на местах.

Наконец, политическая фрагментация Ирака и внутренние конфликты часто проявляются на цифровых платформах, поскольку различные группировки используют социальные сети для достижения своих собственных политических целей, что приводит к ослаблению дипломатического

влияния на международной арене [7].

Цифровая дипломатия Ирака принесла ряд преимуществ, которые имели решающее значение для его международной репутации и усилий по восстановлению имиджа. Одним из основных преимуществ является прямой и экономически эффективный характер цифровой дипломатии. Правительственные и дипломатические руководители теперь могут напрямую общаться с аудиторией по всему миру, устраняя необходимость в физических посольствах или международных пресс-конференциях. Возросшее присутствие Ирака в Интернете позволило ему заявить о себе в глобальном масштабе, особенно по таким вопросам, как национальное восстановление, борьба с терроризмом и региональная стабильность. Это также помогло популяризировать культурное наследие Ирака, особенно с помощью цифровых средств массовой информации, которые демонстрировали его древнюю историю, искусство и традиции, борясь с негативными предубеждениями, сформировавшимися после войны в Ираке.

Каналы социальных сетей, в частности, позволили Ираку заниматься "публичной дипломатией", которая предполагала активное влияние на общественное мнение в зарубежных странах. Посольства и дипломаты Ирака использовали эти каналы для распространения позитивных сообщений и взаимодействия с людьми за рубежом в режиме реального времени, повышая общественную поддержку внешней политики страны. Это было особенно полезно для того, чтобы во всем мире с энтузиазмом восприняли усилия Ирака по борьбе с экстремистскими группировками, такими как ИГИЛ. Мировое общественное мнение помогло заручиться поддержкой в восстановлении страны и борьбе с терроризмом [8].

Однако цифровая дипломатия Ирака столкнулась со значительными трудностями. Одной из наиболее серьезных проблем была безопасность. Кибербезопасность вызывала постоянную обеспокоенность, поскольку цифровая инфраструктура Ирака оставалась уязвимой для кибератак. Эти атаки исходили из различных источников, включая враждебные государственные структуры и негосударственные организации, целью которых было подорвать дипломатические усилия Ирака или распространить дезинформацию. Эта угроза в сочетании с хрупкостью цифровой инфраструктуры Ирака часто ограничивала эффективность его онлайн-коммуникаций и дипломатических усилий [9].

Другой серьезной проблемой стал цифровой разрыв. Сельские районы Ирака столкнулись с серьезными проблемами с подключением к Интер-

нету, что привело к изоляции значительной части населения от цифрового мира. Кроме того, система образования Ирака прилагает все усилия к тому, чтобы обеспечить жителей необходимой цифровой грамотностью для эффективного участия в онлайн-мире, что ограничивает влияние ее цифровой дипломатии. Наконец, политическая фрагментация Ирака и внутренние конфликты часто проявляются на цифровых платформах, когда различные группировки используют социальные сети для достижения своих собственных политических целей, что приводит к ослаблению дипломатического влияния на мировой арене [10].

Кибердипломатия, важнейший компонент цифровой дипломатии Ирака, заключается в использовании цифровых инструментов и Интернета для управления международными отношениями, защиты национальных интересов и реагирования на глобальные проблемы в киберпространстве. По мере того как цифровые технологии становились все более интегрированными в глобальное управление, Ирак осознал важность кибердипломатии для поддержания национальной безопасности и экономической стабильности. Этот спрос усугублялся ростом числа киберугроз, которые варьировались от киберпреступлений до кибератак, направленных на подрыв национальной безопасности и критически важной инфраструктуры.

Ирак активизировал свою деятельность в области кибердипломатии, стремясь устранить угрозы кибербезопасности, укрепить международное сотрудничество и создать нормативно-правовую базу для защиты своего цифрового суверенитета. Мероприятия по кибербезопасности в стране были начаты в ответ на растущее значение киберпространства в международной политике. Однако Ирак столкнулся со значительными трудностями в обеспечении безопасности своей цифровой инфраструктуры из-за политической нестабильности, нехватки ресурсов и уязвимости перед внешними угрозами. Цифровая дипломатия позволяет государствам использовать технологические достижения в дипломатических целях, в то время как страны с менее развитой цифровой инфраструктурой борются за то, чтобы утвердиться в глобальной цифровой сфере.

Для решения этих проблем Ирак активно сотрудничал с правительствами других стран и международными организациями, главной целью которых было создание совместных систем кибербезопасности. Ирак использовал кибердипломатию для получения технической помощи и экспертных знаний в области кибербезопасности от технологически развитых стран. Ирак смог воспользоваться преимуществами учебных программ

по кибербезопасности, совместных мер киберзащиты и процедур обмена разведывательными данными благодаря сотрудничеству с такими странами, как Соединенные Штаты, Великобритания и Россия. Усилиям Ирака по укреплению своей инфраструктуры кибербезопасности значительно способствовал обмен знаниями о киберрисках, методах киберзащиты и передовой практике [11].

Кроме того, участие Ирака в международных организациях, таких как Организация Объединенных Наций (ООН) и Международный союз электросвязи, позволило ему участвовать в глобальных дискуссиях по вопросам управления киберпространством и стандартов безопасности. Ирак сыграл важную роль в развитии международного сотрудничества в борьбе с киберугрозами и предотвращении кибервойн. Ирак хотел повлиять на мировое законодательство в области киберпространства, выступая за более строгие руководящие принципы защиты государственного суверенитета в эпоху цифровых технологий. Кибердипломатия является важным инструментом, который государства могут использовать в глобальных дискуссиях по кибербезопасности и обеспечивать соответствие своей цифровой инфраструктуры международным стандартам и политикам безопасности.

Ирак также внес свой вклад в региональную кибердипломатию, в частности, в сотрудничество между Лигой арабских государств и Организацией исламского сотрудничества. Эти форумы позволили Ираку обсудить вопросы кибербезопасности со странами Ближнего Востока и выработать совместные способы борьбы с кибератаками. Используя региональные связи, Ирак расширил свои возможности по реагированию на растущие киберугрозы, одновременно поддерживая согласованный подход к цифровому управлению во всем арабском мире [12].

Оценка кибердипломатии Ирака в свете его двусторонних и глобальных контактов выявляет как успехи, так и недостатки. Ирак подписал несколько двусторонних соглашений со странами, которые могут оказывать техническую помощь в области кибербезопасности. Например, Ирак сотрудничал с соседними странами, такими как Иран, Иордания и Кувейт, в разработке протоколов кибербезопасности и обмене разведанными о схожих угрозах. Например, в 2017 году Ирак и Иордания подписали двустороннее соглашение об укреплении сотрудничества в борьбе с киберпреступностью и обмене разведанными. Аналогичным образом, в 2019 году был подписан меморандум о взаимопонимании с Кувейтом по укреплению цифровой инфраструктуры и систем реагирования на кибербезопасность. Эти соглашения поз-

волили Ираку усилить свои меры кибербезопасности, а также повысить способность обнаруживать и смягчать кибератаки на национальную инфраструктуру.

Ирак улучшил свои дипломатические отношения с крупнейшими державами, включая Соединенные Штаты и Европейский союз, внедрив учебные программы по кибербезопасности, скоординированные меры киберзащиты и соглашения об обмене информацией. Сотрудничество Ирака с западными странами способствовало обмену передовым опытом в области снижения киберугроз и стратегий киберустойчивости. Международное сотрудничество в области кибербезопасности имеет решающее значение для стран с формирующейся экономикой, таких как Ирак, поскольку оно обеспечивает доступ к талантам и ресурсам, которые недоступны внутри страны.

Ирак участвует в региональных и международных мероприятиях, посвященных киберуправлению и безопасности. Ирак сыграл важную роль в дебатах Лиги арабских государств о проблемах кибербезопасности, таких как цифровой терроризм и кибератаки, спонсируемые государством. Участие Ирака в региональной кибердипломатии способствовало разработке мер коллективной безопасности и политических рамок, направленных на решение этих проблем.

Ирак участвует в проектах ООН по кибербезопасности, внося свой вклад в дискуссию о международных правилах в киберпространстве, цифровом суверенитете и трансграничных киберпрактиках. разработайте киберстратегию на основе лучших мировых практик. Ирак также сотрудничал в рамках Международного союза электросвязи с целью поощрения более эффективных глобальных мер кибербезопасности, особенно для развивающихся стран, у которых нет возможностей для выполнения текущих процедур киберзащиты [13].

Несмотря на эти успехи, усилиям Ирака в области кибердипломатии регулярно препятствовали внутриполитические трудности. Внутриполитическая фрагментация страны периодически приводила к конфликтам в ее цифровых правилах, что затрудняло разработку единой стратегии кибербезопасности. И ещё технологические и финансовые ограничения Ирака не позволяли ему в полной мере участвовать в международных киберпрограммах. Эффективная кибердипломатия требует не только политической приверженности, но и значительных финансовых и технологических ресурсов – факторов, с которыми Ирак столкнулся в ходе своих усилий по постконфликтному экономическому восстановлению.

Кроме того, зависимость Ирака от иностранных специалистов в области кибербезопасности вызывает опасения по поводу цифрового суверенитета и долгосрочной самодостаточности. Будущая стратегия Ирака в области кибердипломатии должна быть направлена на развитие местных специалистов в области кибербезопасности и содействие сотрудничеству между государственным и частным секторами.

Тем не менее, растущее участие Ирака в кибердипломатии в период с 1990 по 2022 год помогло ему завоевать признание в качестве ответственного участника глобальных дебатов по кибербезопасности. Его попытки укрепить двусторонние связи и участвовать в многосторонних программах кибербезопасности заложили основу для его постоянной роли в цифровой дипломатии. Ирак позиционирует себя как важного участника меняющихся условий глобального киберуправления, устанавливая международные связи и выступая за ужесточение правил в киберпространстве [14].

Согласно важному выводу, сделанному в ходе оценки цифрового ландшафта ПРООН за 2022 год, цифровая трансформация Ирака была непоследовательной и неравномерной, что отражает большие трудности, с которыми сталкиваются его усилия по кибердипломатии. До недавнего времени способность Ирака проводить последовательную цифровую внешнюю политику была сильно ограничена из-за отсутствия централизованной национальной стратегии. В то время как многие министерства приступили к разрозненным цифровым проектам, таким как усилия Министерства связи по контролю за инфраструктурой ИКТ, правительственным учреждениям не хватает координации, что ограничивает возможности Ирака по представлению единой кибердипломатической позиции в глобальном масштабе.

В докладе институциональная фрагментация и отсутствие национальной системы управления названы основными препятствиями на пути цифрового развития Ирака. Например, несмотря на огромный прогресс, в стране отсутствует централизованный орган для надзора за цифровыми преобразованиями и соглашениями, связанными с киберпространством, как двусторонними, так и международными. Эта уязвимость напрямую влияет на способность Ирака эффективно участвовать в международных форумах, посвященных стандартам кибербезопасности, управлению данными и цифровой торговле. Кроме того, структурными барьерами остаются низкий уровень цифровой грамотности и неразвитая инфраструктура за пределами городских районов. Эти различия порождают асимметрию во внутренней готовности госу-

дарства к использованию цифровых технологий, ограничивая его способность разрабатывать всеобъемлющую внешнюю политику, основанную на технологиях, потому что, менее 35% иракцев обладают фундаментальными цифровыми возможностями, что ограничивает как внутренние правительственные инициативы по цифровизации, так и зарубежные инициативы в области цифровой дипломатии.

Что касается стратегии кибердипломатии, то в исследовании подчеркивается, что переговоры Ирака по киберполитике все еще находятся на ранней стадии. Стране еще предстоит занять четкую позицию по таким важным темам, как суверенитет Интернета, глобальные потоки данных и трансграничное сотрудничество в области кибербезопасности. Эти пробелы подчеркивают острую необходимость для Ирака интегрировать свое внутреннее цифровое управление с международными стандартами, если он хочет стать активным участником цифровой и кибердипломатии между региональными и глобальными державами [15].

Несмотря на огромные нефтяные богатства Ирака, на долю которых приходится примерно 58% ВВП, 99% экспорта и 91% государственных доходов, страна по-прежнему в значительной степени полагается на иностранную помощь. После войны 2003 года Ирак получил от Соединенных Штатов помощь на сумму более 29 миллиардов долларов, что сделало его одним из крупнейших в мире получателей иностранной помощи. Эта зависимость объясняется сочетанием длительного насилия, плохого управления, коррупции и разрушенной инфраструктуры, которые препятствуют устойчивому развитию. Цифры также свидетельствуют о том, что послевоенное восстановление Ирака было скромным; например, число лиц, вернувшихся в свои дома, увеличилось с 1,37 миллиона в 2016 году до 4,45 миллиона в 2019 году, что свидетельствует о медленных, но продолжающихся усилиях по реабилитации. Однако коррумпированные власти неправильно распорядились значительной частью помощи или завладели ею, что уменьшило ее предполагаемое воздействие на повышение уровня жизни и поддержание экономической стабильности [16].

Выводы

Для улучшения цифровой и кибердипломатии Ирака необходимо рассмотреть несколько основных предложений.

Во-первых, Ирак должен отдать приоритет инвестициям в инфраструктуру кибербезопасности для защиты своих цифровых платформ и дипломатических коммуникаций. Создание национальной структуры кибербезопасности и содействие образованию в области кибербезопасности имеют решающее значение для развития необходимой компетентности и поддержания безопасной цифровой среды для дипломатической деятельности.

Во-вторых, повышение цифровой грамотности в правительственных учреждениях и дипломатических секторах имеет решающее значение для обеспечения готовности иракских дипломатов справляться с трудностями цифровой дипломатии. Программы обучения должны подчеркивать стратегическое использование социальных сетей, цифровых инструментов ведения переговоров и аналитики данных, чтобы помочь Ираку улучшить свой дипломатический потенциал.

В-третьих, Ирак должен усилить региональное сотрудничество в кибердипломатии, особенно через такие структуры, как Лига арабских государств, для обмена информацией и передовым опытом. Улучшение этих связей поможет Ираку преодолеть некоторые из его технологических и инфраструктурных проблем.

Кроме того, расширение доступа к цифровым платформам в сельских и недостаточно обслуживаемых районах поможет закрыть цифровой разрыв и гарантировать, что все регионы Ирака смогут участвовать в глобальных дипломатических инициативах. Наконец, Ирак мог бы рассмотреть возможность использования новых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и аналитика больших данных, для улучшения своих процессов принятия решений и успешного решения будущих дипломатических трудностей. Реализуя эти идеи, Ирак может усилить свою цифровую и кибердипломатию, обеспечив активное участие в глобальной цифровой эпохе.

Список источников

1. Гулмохамад З. Формирование внешней политики Ирака: политические фракции и правящая элита. Великобритания: Bloomsbury Publishing, 2021. С. 19 – 26.
2. Беркейн З. Значение информационно-коммуникационных технологий в развитии туристических услуг // New Economy. 2021. № 7.
3. Всемирный банк. Индивиды, использующие интернет (% населения) – Ирак. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=IQ> (дата обращения: 07.12.2024)

4. Милакович М.Э. Цифровое управление: новые технологии для улучшения государственных услуг и участия граждан. США: Taylor & Francis, 2012. С. 80 – 85.
5. Гибсон Б.Р. Продано? Внешняя политика США, Ирак, курды и холодная война. Великобритания: Palgrave Macmillan, 2015. С. 75 – 78.
6. Стийб Дж. Консенсус по смене режима: Ирак в американской политике, 1990-2003. Индия: Cambridge University Press, 2021. С. 150 – 157.
7. Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Послевоенная оккупация Германии и Японии: выводы для Ирака. Отдел анализа по Ближнему Востоку и Южной Азии. Digital National Security Archive, Targeting Iraq Part 1, 2002. 7 августа. С. 2.
8. Национальный разведывательный совет. Региональные последствия смены режима. Digital National Security Archive, Targeting Iraq Part 1, 2003. Январь. С. 30.
9. Стэнсфилд Г.Р.В. Иракский Курдистан: политическое развитие и зарождающаяся демократия. Taylor & Francis, 2003. С. 60 – 61.
10. Киннинмонт Дж., Стэнсфилд Г.Р.В., Сирри О. Ирак на международной арене: внешняя политика и переход национальной идентичности. Seven Bridges Press, LLC, 2015. С. 70 – 78.
11. Уэсткотт Н. Цифровая дипломатия: влияние интернета на международные отношения. Великобритания: Oxford Internet Institute, 2008. С. 54.
12. Най Дж. Кибервласть. Гарвардская школа управления имени Кеннеди, 2010. С. 54.
13. Международный союз электросвязи (МСЭ). Доклад о глобальном индексе кибербезопасности. Женева: ITU, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Pages/GCI.aspx> (дата обращения: 17.12.2024)
14. Най Дж. Будущее власти. Public Affairs, 2017. С. 21 – 22.
15. Программа развития ООН (ПРООН). Цифровой ландшафт Ирака: преодоление цифрового разрыва для инклюзивного развития. ПРООН Ирак, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.undp.org/iraq/publications/digital-landscape-assessment> (дата обращения: 07.12.2024)
16. Джабер Х. Роль иностранной помощи в трансформации общества и экономики Ирака // International Journal of Management and Economics. 2022. Т. 58. № 2. С. 218 – 233. DOI: 10.2478/ijme-2022-0010

References

1. Gulmohamad Z. Shaping Iraq's Foreign Policy: Political Factions and the Ruling Elite. UK: Bloomsbury Publishing, 2021. P. 19 – 26.
2. Berkane Z. The Importance of Information and Communication Technologies in the Development of Tourism Services. New Economy. 2021. No. 7.
3. World Bank. Individuals Using the Internet (% of Population) – Iraq. [Electronic resource]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=IQ> (accessed: 07.12.2024)
4. Milakovic M.E. Digital Governance: New Technologies for Improving Public Services and Citizen Participation. USA: Taylor & Francis, 2012. P. 80 – 85.
5. Gibson B.R. Sold? American Foreign Policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War. UK: Palgrave Macmillan, 2015. P. 75 – 78.
6. Steeb, J. The Consensus on Regime Change: Iraq in American Politics, 1990-2003. India: Cambridge University Press, 2021. P. 150 – 157.
7. Central Intelligence Agency (CIA). The Postwar Occupation of Germany and Japan: Implications for Iraq. Middle East and South Asia Analysis Unit. Digital National Security Archive, Targeting Iraq Part 1, 2002. August 7. P. 2.
8. National Intelligence Council. The Regional Consequences of Regime Change. Digital National Security Archive, Targeting Iraq Part 1, 2003. January. p. 30.
9. Stansfield G.R.W. Iraqi Kurdistan: Political Developments and the Emerging Democracy. Taylor & Francis, 2003. P. 60 – 61.
10. Kinninmont J., Stansfield G.R.W., Sirri O. Iraq on the International Stage: Foreign Policy and the Transition of National Identity. Seven Bridges Press, LLC, 2015. P. 70 – 78.
11. Westcott N. Digital Diplomacy: The Impact of the Internet on International Relations. Great Britain: Oxford Internet Institute, 2008. P. 54.
12. Nye J. Cyberpower. Harvard Kennedy School of Government, 2010. P. 54.
13. International Telecommunication Union (ITU). Global Cybersecurity Index Report. Geneva: ITU, 2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Pages/GCI.aspx> (accessed: 17.12.2024)

14. Nye J. The Future of Power. Public Affairs, 2017. P. 21 – 22.
15. United Nations Development Program (UNDP). Iraq's Digital Landscape: Bridging the Digital Divide for Inclusive Development. UNDP Iraq, 2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.undp.org/iraq/publications/digital-landscape-assessment> (accessed: 07.12.2024)
16. Jaber H. The Role of Foreign Aid in Transforming Iraq's Society and Economy. International Journal of Management and Economics. 2022. Vol. 58. No. 2. P. 218 – 233. DOI: 10.2478/ijme-2022-0010

Информация об авторах

Хассан Х.Д., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-1029-9222>, Уральский федеральный университет, 620000, г. Екатеринбург, ул. 100-летия Уральского университета, 6/2, hevarjalal2017@gmail.com

Бурнасов А.С., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9568-4542>, Уральский федеральный университет, 620000, г. Екатеринбург, ул. 100-летия Уральского университета, 6/2, asburnasov@urfu.ru

© Хассан Х.Дж., Бурнасов А.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 391.2

Элементы модернизации в современном татарском костюме

¹ Амирова Н.В.,

¹ Набережночелнинский государственный педагогический университет

Аннотация: цель настоящей статьи заключается в раскрытии проявляющихся изменений в татарском костюме в контексте модернизационных процессов, в выявлении современных тенденций трансформации общенационального татарского костюма. В статье рассматривается процесс модернизации татарского костюма в контексте социокультурных изменений, происходящих в российском обществе. Выявлено, что развитию, совершенствованию и модернизации татарского национального костюма способствуют различные мероприятия, такие как конкурсы мастеров, фестивали, выставки, круглые столы, показы мод и проекты, направленные на популяризацию национальной одежды. Эти мероприятия проводятся как в Республике Татарстан, так и за её пределами. Также значительную роль играют интернет-сообщества. Установлено, что источником для трансформации служит традиционный татарский костюм и его элементы. Мастера, занимающиеся реконструкцией традиционной одежды, а также модельеры современной одежды используют в качестве образцов экспонаты музеев Казани, Санкт-Петербурга, Москвы и Уфы, а также материалы, опубликованные в печатных изданиях и доступные в сети Интернет. Проведён сравнительный анализ традиционного национального костюма XIX века и современного праздничного и повседневного костюма.

Ключевые слова: татарский костюм, модернизационные процессы, современные тенденции, трансформация, традиционная одежда, праздничный костюм, повседневный костюм

Для цитирования: Амирова Н.В. Элементы модернизации в современном татарском костюме // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 101 – 112.

Поступила в редакцию: 9 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Elements of modernization in modern Tatar costume

¹ Amirova N.V.,

¹ Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Abstract: the purpose of this article is to reveal the changes that have appeared in the Tatar costume in the context of modernization processes, to identify modern trends in the transformation of the national Tatar costume. The article considers the process of modernization of the Tatar costume in the context of socio-cultural changes taking place in Russian society. It has been revealed that the development, improvement and modernization of the Tatar national costume are facilitated by various events, such as competitions of masters, festivals, exhibitions, round tables, fashion shows and projects aimed at popularizing national clothing. These events are held both in the Republic of Tatarstan and abroad. Internet communities also play a significant role. It has been established that the source for transformation is the traditional Tatar costume and its elements. Craftsmen engaged in the reconstruction of traditional clothing, as well as fashion designers of modern clothing, use exhibits from museums in Kazan, St. Petersburg, Moscow and Ufa as samples, as well as materials published in print media and available on the Inter-

net. A comparative analysis of the traditional national costume of the 19th century and modern festive and everyday costume is carried out.

Keywords: Tatar costume, modernization processes, modern trends, transformation, traditional clothing, festive costume, everyday costume

For citation: Amirova N.V. Elements of modernization in modern Tatar costume. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 101 – 112.

The article was submitted: February 9, 2025; Approved after reviewing: April 6, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

На современном этапе российское общество претерпевает трансформационные изменения, которые касаются всех сфер его жизнедеятельности. Изменения происходят в экономической, политической, социокультурной сферах. Трансформация социокультурной сферы тесно связана с процессами глобализации, происходящими в мире. В век глобализации происходит стирание границ национальной идентичности, гендерных различий. Как следствие происходит сближение и слияние культур разных стран, страны теряют свою уникальность. На фоне этих процессов становится актуальной тенденция формирования региональной идентичности, обуславливающая обособление национальных культур. Характерной чертой трансформации общества в постсоветский период стало формирование регионального самосознания и идентичности [2, с. 142].

Изменения, происходящие в стране и мире, ставят перед научным сообществом задачу найти новые методы для изучения различных ситуаций и контекстов. В этом смысле в научно-практических мероприятиях последних лет «актуальными проблемами стали обсуждение таких тем, как сущность общероссийской, региональной, локальной и этнической идентичностей; язык и языковая политика; религиозные процессы; межэтнические отношения и роль научного, экспертного сообществ в их регулировании» [1, с. 153].

В контексте изучения культурных и нравственных ценностей, выработанных многовековым человеческим опытом, не остается в стороне и национальный костюм, как самое яркое визуальное выражение тенденций развития общества, его изменений, взглядов, установок. Национальный костюм – это не просто одежда, это живое воплощение души народа, его истории, традиций и мировоззрения, запечатленных в ткани, крое и орнаменте. Он является своеобразным визуальным кодом, который позволяет нам идентифицировать принадлежность человека к определенной культуре и почувствовать связь с его предками. В современном мире, подверженном глобализации и уни-

фикации, национальный костюм приобретает особое значение, выступая в качестве мощного символа этнической идентичности и способом сохранения уникального наследия.

Традиционная материальная и духовная культура татарского народа получила широкое освещение в ряде работ [3, 6, 8, 9, 10], в которых содержатся разнообразные сведения о культуре и быте различных групп татар, в частности, одежде и украшениях. При этом, характерные черты татарской одежды и украшений сопоставляются с аналогичными чертами местных финно-угорских и некоторых других тюркоязычных народов [5].

В ходе исследования были поставлены и решены следующие задачи:

1. Исследование традиционного татарского костюма XIX – начала и середины XX столетия, его эстетических и моральных аспектов, а также выявление принципов структурно-композиционного устройства и колористического решения в татарской народной одежде.

2. Исследование татарского костюма начала XXI века в контексте праздничной и повседневной культуры татар на современном этапе, анализ элементов трансформации татарского костюма в свете модернизационных процессов, а также рассмотрение подходов к созданию современной одежды, включающей элементы татарского народного костюма.

3. Проведение сравнительного анализа татарского традиционного костюма XIX – начала и середины XX века и современного праздничного и повседневного костюма начала XXI в., выявление общих моментов и особенностей.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу исследования составляет принцип историзма, который позволил рассмотреть традиционные национальные костюмы в их историческом развитии. В статье также применяется системный подход, предполагающий изучение одежды татарского населения в различных регионах в контексте взаимодействия этнических групп, находящихся в диалоге культур.

Статья основана на материалах исследований

автора, полученных в ходе изучения натурального материала в Историко-краеведческом музее (г. Набережные Челны); Доме дружбы народов «Родник» (г. Набережные Челны); в Музее современного этноискусства Елабужского государственного музея-заповедника (г. Елабуга); в музее-заповеднике «Казанский Кремль» (г. Казань); музее археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа), где представлены национальные костюмы народов Среднего Поволжья; литературы по традиционному татарскому костюму XIX века (Суслова С.В. Татарский костюм: историко-этнологическое исследование [6]; И.Л. Измайлов, Е.В. Колчина, Л.И. Мишурина, Р.Р. Султанова, В.Г. Холодная Альбом-каталог Татарский костюм. Российский этнографический музей) [10], а также полевых экспедиций на празднике Сабантуй в Тукаевском, Актанышском, Мензелинском районах Татарстана, а также в г. Набережные Челны, где автору представилась возможность изучения татарских костюмов, в которые были внесены новые, современные элементы, обогащающие традиционные костюмы с учетом современных тенденций.

Результаты и обсуждения

Для лучшего понимания сути исследуемого вопроса обратимся к традиционным татарским национальным костюмным комплексам XIX – начала и середины XX века, представленным в музеях и печатных изданиях. Также интерес для нас представляет татарский праздничный костюм начала XXI в. и современная повседневная и праздничная одежда с экстраполированными в нее элементами традиционного татарского костюма. В этой связи обратимся к экспонатам Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, представленным в альбоме-каталоге «Татарский костюм» (И.Л. Измайлов, Е.В. Колчина, Л.И. Мишурина, Р.Р. Султанова, В.Г. Холодная). В альбоме содержатся исчерпывающие сведения об историческом традиционном татарском костюме XIX – начала XX века, как полных костюмных комплексах, так и его элементах – предметах одежды, головных уборах, традиционной обуви, украшениях. В частности в альбоме отображены такие элементы традиционной татарской одежды XIX – начала XX века как: «женский костюм (*хатын-кызлар киеме*)

казанских татар Европейской части России; перевязь (*хәсикә*) середины XIX в.; орпек (*өрпәк*) – головной убор второй половины XIX в.; женский камзол (*хатын-кызлар камзулы*) середины XIX в.; женская рубаша (*хатын-кызлар күлмәге*) XIX в.; женское платье (*хатын-кызлар күлмәге*) второй половины XIX в.; женские туфли (*хатын-кызлар туфли*); женский головной убор (*калфак*) конца XIX – начала XX в.; женский нагрудник на рубашу (*изу*) второй половины XIX в.» [10]; женский передник (*хатын-кызлар альяпкычы*) первой четверти XX в.; праздничный костюм молодой женщины (*яшь хатын-кызың бәйрәм киеме*) Вятской губ., Елабужского у. конца XIX – начало XX века; «женская праздничная верхняя одежда (*хатын-кызларның бәйрәмдә киелә торган өске киеме (жылән)*) конца XIX – начала XX в.; женское платье-рубаша (*хатын-кызлар күлмәге*) конца XIX – начала XX в.; женское праздничное нагрудное украшение (*тушлек (сакал)*) конца XIX – начала XX в.» [10]; серьги (*алкалар*) Казанская губ. XIX в.; мужской праздничный свадебный костюм (*ирләрең туй киеме*) казанских татар второй половины XIX в. (Казанская губ.); халат (*чапан*) второй половины XIX в.; мужской головной убор (*такыя*) второй половины XIX в.; мужская рубаша (*кияу күлмәге*) второй половины XIX в.; мужские штаны (*ирләр ыштаны*) конца XIX в.; мужские (*ирләр читеге*) и женские (*хатын-кызлар читеге*) сапоги начала XX в.; мужской камзол (*ирләр камзулы*) [10, с. 96].

Интересующий нас материал также представлен в музее археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа). В экспозиции музея представлены: женский костюмный комплекс (татары-мишари) середины XX века, обнаруженный на территории республики Башкортостан, Чишминском районе, д. Сафарово (выкуп 2001 г.) (рис. 1); мужской костюмный комплекс (татары) середины XX века, Башкортостан, Миякинский район, д. Уршакбаш-Карамалы, собиратель Шитова С.Н., 1984 г. (рис. 2); женский костюмный комплекс (татары), Башкортостан, Янаульский район, д. Байгузино, собиратель Минибаева З.И., 1994 г. (рис. 3); женский костюмный комплекс (татары-кряшены) середины XX века, Башкортостан, Бакалинский район, д. Дубровка, собиратель Якупов Р.И., 1991 г. (рис. 4).

Рис. 1. Женский костюмный комплекс (татары-мишари). Середина XX века. Башкортостан, Чишминский район, д. Сафарово (выкуп 2001 г.). Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа).

Fig. 1. Women's costume complex (Mishari Tatars). Mid-20th century. Bashkortostan, Chishminsky district, Safarovo village (ransom 2001). Museum of Archeology and Ethnography of the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev UFITs RAS (Ufa).

Рис. 2. Мужской костюмный комплекс (татары). Середина XX века. Башкортостан, Миякинский район, д. Уршакбаш-Карамалы. Собиратель Шитова С.Н., 1984. Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа).

Fig. 2. Male costume complex (Tatars). Mid-20th century. Bashkortostan, Miyakinsky district, village of Urshakbash-Karamaly, collector Shitova S.N., 1984. Museum of Archeology and Ethnography of the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev UFITs RAS (Ufa).

Рис. 3. Женский костюмный комплекс (татары). Конец XX века. Башкортостан, Янаульский район, д. Байгузино. Собиратель Минибаева З.И., 1994 г. Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им.Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа).

Fig. 3. Women's costume complex (Tatars). Late 20th century, Bashkortostan, Yanaul district, village of Bayguzino. Collector Minibaeva Z.I., 1994. Museum of Archeology and Ethnography of the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev UFITs RAS (Ufa).

Рис. 4. Женский костюмный комплекс (татары-кряшены). Середина XX века. Башкортостан, Бакалинский район, д. Дубровка. Собиратель Якупов Р.И., 1991 г. Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа).

Fig 4. Women's costume complex (Kryashen Tatars). Mid-20th century. Bashkortostan, Bakalinsky district, Dubrovka village. Collector Yakupov R.I., 1991. Museum of Archeology and Ethnography of the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev UFITs RAS (Ufa).

Анализ костюмов XIX – начала XX века показывает, что покрой как женского так и мужского костюма отличала трапециевидная форма (рис. 5). Для традиционного татарского костюма характерна многослойность [10, с. 175]. Женский наряд состоял из туникообразной рубахи-платья, вырез которого прикрывал нагруд-

ник-манишка (*күкрәкчә, түшелдрек, изү*), часто украшенный вышивкой или аппликацией. В качестве шейно-нагрудного украшения могли использоваться застежка-ожерелье (*яка-чылбыры*) и перевязь (*хаситэ*) (рис. 6), расшитая ювелирными изделиями. Верхняя одежда представлена женским камзолом (*хатын-кызлар камзулы*).

Рис. 5. Женский костюм. Татары казанские. Европейская часть России. Вторая половина XIX в. Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург.

Fig. 5. Women's costume. Kazan Tatars. European part of Russia. Second half of the 19th century. Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg.

Рис. 6. Перевязь. Середина XIX в. РЭМ 8763-791. Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург.

Fig. 6. Sling. Mid-19th century. REM 8763-791. Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg.

Кроме головного покрывала (*орпэк*), самым распространенным женским головным убором был калфак (*калпак*, *калфак*), входящий как в татарский, так и в башкирский праздничный костюмный комплекс, подробно описанный в статье Г.Р. Кутушевой «Женские калфаки у башкир и татар Башкортостана (по материалам музейных коллекций)» [3]. Автор подробно рассматривает покрой, размер, форму, способы крепления и ношения, ткани, орнаментацию калфаков, собранных в экспедициях и полученных в дар от сельских и городских жителей в 80-е годы XX столетия и хранящихся в коллекции Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, Башкирского государственного историко-краеведческого музея (БГИКМ), Башкирского государственного художественного музея им. М.В. Нестерова, (БГХМ) в г. Уфе и Российского Этнографического музея (РЭМ) в г. Санкт-Петербурге. Автор подчеркивает, что набор головных уборов был разнообразен, регламентировался народными обычаями в соответствии с

возрастом и социальным статусом женщины. Немаловажным для нас является утверждение, что в 50-60-е годы XX в. женщины молодого и среднего возраста надевали калфаки во время сабантуев и других празднеств. Память об этом головном уборе жива в народе до сих пор [3, с. 220].

Рассматривая женские украшения казанских татар рассматриваемого нами периода С.В. Сулова раскрывает их истоки и выделяет их типы. Украшения дифференцированы на три типа: головные (налобные, височные, ушные, накосные); шейно-нагрудные («Яка чылбыры», одерелья, брошки, шейные украшения «ошейники», нагрудники, перевязи); украшения рук (браслеты, перстни, кольца), бляхи, застёжки. Кроме этого украшения рассматриваются как часть комплекса женской одежды [8]. При этом в женских нагрудниках татар среднего Поволжья и Приуралья автор выделяет различные типы характерного для мусульман элемента женской одежды – изү (якалык, күкрәкчә, түшелдрек),

функцией которой было закрепление шейного выреза не имевшего нагрудной застежки воротника рубахи туникообразного типа [7].

Мужской костюм (рис. 7) представлял собой комплекс одежды состоящий из рубахи, также

трапецевидного покроя, широких штанов (*ирләр ыштаны*), халата (*чапан*) (рис. 8) или мужского камзола (*ирләр камзулы*), мужского головного убора – такыя (рис. 9).

Рис. 7. Мужской праздничный свадебный костюм. Татары казанские. Казанская губ. Вторая половина XIX в. Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург.

Fig. 7. Men's festive wedding costume. Kazan Tatars. Kazan province. Second half of the 19th century. Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg.

Рис. 8. Халат (вид спереди и сзади). Вторая половина XIX в. - конец XIX в. РЭМ 1029-28. Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург.

Fig. 8. Robe (front and back view). Second half of the 19th century - end of the 19th century. REM 1029-28. Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg.

Рис. 9. Мужской головной убор. Вторая половина XIX в. РЭМ 3281-3. Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург.

Fig. 9. Men's headdress. Second half of the 19th century. REM 3281-3. Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg.

Обувь как мужская, так и женская представлена сапогами или туфлями, выполненными в традиционной технике татарской кожаной аппликации. Немаловажную роль в орнаментации костюма, особенно женского, играла вышивка цветными нитками, содержащая растительные мотивы и композиции, выполненная характерным для татарских мастериц тамбурным швом [10, с. 80]. Цветовое решение традиционных костюмов отличалось многообразием, причем цвета гармонично сочетались в рамках костюмного комплекса. Татары раньше других народов Поволжья стали применять для изготовления одежды фабричный материал – ситец, сатин, кумач, шелк и бархат.

Национальный костюм любого народа – это не просто одежда, это живое воплощение души народа, его истории, традиций и мировоззрения, запечатленных в ткани, крое и орнаменте, он являлся оберегом, защитой. При этом главной оставалась эстетическая функция, которая «обеспечивалась трансляцией опыта и взаимодействия как с современниками, так и последующими поколениями в социокультурном контексте» [4, с. 239]. В этом контексте следует обратить внимание «на трансформацию народного костюма в современный социум. Так, например, ряд авторов, рассматривая основные научные направления изучения «символического капитала» национального финно-угорского костюма, констатирует, что это отражает миропонимание этноса, играет важную роль в хранении и передаче информации в традиционной культуре, а также раскрывается смысловое наполнение символической системы национального костюма, многое из которой используется и в современном дизайне одежды» [4].

Процесс модернизации традиционных элементов татарского национального костюма связан с обновлениями и трансформацией социокультурной сферы современного общества, которая в числе прочего, требует учета новых требований и норм, в связи с усовершенствованием технических условий производства одежды и показателей качества, но одновременно остается актуальной тенденция формирования региональной идентичности, сохранения культурных и нравственных ценностей, выработанных многовековым человеческим опытом.

Основные элементы традиционной национальной одежды отражаются «в сценических костюмах как феномене народного комплекса одежды» [5]. Как показывает сравнительный анализ костюмов народов Урало-Поволжья, что «такие формы

одежды, как туникообразная рубаха и кафтан, головные уборы на высокой твердой основе и меховые шапки, налобная повязка-венец и шапочка «такья», обшитая монетами были общими для народов Урало-Поволжья» [5]. Общие черты были обнаружены и в украшениях: «нагрудных фибулах, ожерельях, чересплечных изделиях из монет, бисера, раковин каури и бусин. Также сходство прослеживается в вышивке: в технике исполнения, цветовой гамме, расположении орнамента и его мотивах. В процессе модернизации традиционного костюма и его адаптации к современным тенденциям ключевую роль играет художник по костюму. Он находится в непрерывном поиске новых идей, находя вдохновение в том числе в народном костюме Урало-Поволжья» [5, с. 94].

Автору данной статьи представилась возможность изучения татарских костюмов, в которые были внесены новые, современные элементы, обогащающие традиционные костюмы с учетом современных тенденций в результате полевых экспедиций на празднике Сабантуй в Тукаевском, Актанышском, Мензелинском районах Татарстана, а также в г. Набережные Челны.

Проводя сравнительный анализ праздничного татарского костюма XIX – начала и середины XX века, и наших дней можно увидеть, что основные элементы костюма, как женского, так и мужского сохранились. Основу современного праздничного костюма, который в современных реалиях можно увидеть, как говорилось выше, на национальном татарском празднике Сабантуй, а так же концертах, выступлениях артистов, танцевальных коллективов, тетральных постановках и других культурных мероприятиях различного уровня, составляет туникообразная рубаха (платье) и шаровары (штаны).

Туникообразная рубаха (платье). Если в XIX веке женское платье больше напоминало рубаху, то современный покрой отличает более приталенный силуэт. У современного праздничного татарского платья неизменно сохранился традиционный воротник – стойка и нагрудник-манишка изу (якалык, күкрәкчә, түшелдрек), украшенный однотонной или разноцветной вышивкой с элементами растительного орнамента или аппликацией. Длина платьев в современном женском костюме зависит от возраста женщины – от длины чуть ниже колена до доходящего до щиколоток. Подол украшен одним, двумя или тремя рядами оборок. Рукава длинные расширяющиеся с оборками, также встречаются широкие рукава с манжетами. Праздничные платья, как правило, выполнены из ярких тканей широкой цветовой гаммы. Используются

как яркие однотонные – зеленый, желтый, красный, синий цвета, так и пастельная цветовая гамма – голубые, розовые, сиреневые, бирюзовые оттенки. Реже встречаются платья из тканей с принтами в виде мелких или крупных цветов или так называемых восточных огурцов.

Камзол или жилет. Надевается на платье, бывает различной длины от короткого, заканчивающегося на талии до длинного, достигающего до колена. Этот элемент женского костюма обычно застегивается на застежку в виде пуговиц или молнии под грудью. Камзол или жилет, как правило, выполняется из бархата и украшен вышивкой или аппликацией, расположенной вдоль застежки, на рукавах, а также по нижнему краю.

Фартук. Еще одним распространенным элементом современного праздничного татарского костюма является фартук. Фартуки надеваются на платье, подчеркивают его силуэт, встречаются разной формы и длины – чуть выше колена, средний или длинный, в зависимости от длины платья. По подолу и проймам фартук обычно украшен оборками и вышивкой в виде цветочного орнамента. Цветовая гамма К белый, желтый, черный, бордовый, красный, гармонирующий по тону с платьем или контрастный к нему.

Калфак. Головной убор, дополняющий современный праздничный костюмный комплекс. Современные калфаки также как и в XIX – начале XX века, отличаются особым разнообразием форм, размеров и отделки: бархатные калфаки высокие, свисающие книзу, иногда с бахромой или кисточкой на свисающем конце, а существуют также небольшие калфачки с круглым твердым ободком. Калфаки богато украшены вышивкой или аппликацией с цветочным орнаментом. Также для украшения используется жемчуг, бусины, бисер, искусственные камни, пайетки, монеты. Цвет

калфака обычно сочетается с цветом камзола или является контрастным к нему. Использование современных технологий (машинная вышивка и более современная цифровая машинная вышивка) делают этот элемент одежды еще более разнообразным.

Тюбетейки. Также являются одним из самых любимых элементов женской праздничной одежды, они разнообразны по размерам и форме от маленьких, напоминающих заколки, до больших, закрывающих большую часть головы. Тюбетейки часто украшены вышивкой или аппликацией. По цвету может быть близкой к тону костюма или контрастной к нему (например, зеленое платье – красная тюбетейка). Материалы остаются традиционными – это шелк или бархат.

Изю. В современном праздничном костюме активно используется и изю (якалык, күкрәкчә, түшелдрек) – нагрудник-манишка, богато украшенный вышивкой с цветочным орнаментом, тесьмой, оборкой, в настоящее время больше несущий декоративную функцию.

Кроме одежды, применяемой на светских праздничных мероприятиях существует и другой вид женской одежды – мусульманское платье, отражающее ценности мусульманской религии – это более сдержанный и закрытый наряд. Как пример можно привести коллекцию платьев, показанных на мероприятии Fashion iftar 2025, приуроченному священному для мусульман месяцу Рамадан. Это длинные закрытые платья, с длинным рукавом и глухой застежкой. Голова покрыта, маленькие тюбетейки гармонируют с тоном покрывала. Цветовая гамма сдержанная, цвет орнамента поддерживает общий цветовой строй костюма. Здесь просматриваются мусульманские тенденции к закрытости и скромности (рис. 10).

Рис. 10. Тип мусульманского платья. Первая четверть XXI века. Fashion iftar. г. Казань.

Fig. 10. Type of Muslim dress. The first quarter of 21st century. Fashion iftar. Kazan.

Современный мужской праздничный костюм, также как и женский, сохранил черты традиционного. Основными его составляющими являются рубаха, штаны, жилет или камзол, тюбетейка. Также у современных модельеров татарской одежды широкое применение имеет чекмень (*чепкен*) – «традиционная верхняя мужская одежда – в переходной форме между халатом и кафтаном. Также и казакин – верхняя распашная одежда – вид короткого кафтана с широкой баской, невысоким стоячим прямым воротником и мелкими сборками у талии, застёгиваемый на крючки» [4, с. 241]. Рубаха обычно светлая по тону, с длинным рукавом, воротником-стойкой, в области груди украшенная вышивкой или аппликацией. Жилет и тюбетейка более темного тона бархатные с вышивкой в виде растительных узоров. Вместо жилета часто используется камзол с воротником-стойкой.

Как было отмечено, проследить за тенденциями развития традиционной татарской национальной одежды и ее экстраполяции в современную праздничную и повседневную одежду можно наблюдая за множеством событий, светских и религиозных, в том числе периодически освещаемых в сети интернет. Из множества религиозных событий, проводимых в малых городах и селах приведем в пример конкурс по чтению Корана среди детей от 6 до 18 лет, который прошел в селе Большеустьинское – райцентре Мечетлинского района Башкирии, который стал важным событием в жизни местных мусульман. Участвуя в подобных мероприятиях юные жители села постигают историю ислама, его ценности: учатся жить в мире, проявлять милосердие, почитать родителей, проявлять доброту и уважение к старшим. Естественно, что участники конкурса были одеты в национальные

костюмы.

Одно из крупнейших религиозных событий, получивших широкое распространение в последнее время – это ифтар, который проводится как в крупных городах – Москве, Казани, Уфе, так и в малых городах, деревнях и селах в дни священного для мусульман месяца Рамадан. Неотъемлемым элементом таких событий становятся мероприятия, где «работа создателей одежды соответствующей канонам ислама, становится деятельностью, направленной на практическую реализацию задач возрождения народной памяти, культурного просвещения новых поколений» [4]. Как пример можно привести ежегодное событие Fashion iftar [11], прошедшее в марте 2025 года в Казани, в рамках которого можно наблюдать основополагающие принципы трансформационных процессов модернизации традиционного татарского костюма. Основой современного религиозного костюма служит праздничное платье, дополненное элементами традиционной одежды. Дополнением к нему являются разнообразные по форме и цветовой гамме тюбетейки – от традиционной суживающейся кверху, до цилиндрической с заостренным верхом. Женские тюбетейки отличаются большим разнообразием форм и цвета. Белый, черный, охра, зеленый, оранжевый, золотой, зеленый. Тюбетейки богато орнаментированы элементами национального орнамента, пайетками, металлической фурнитурой. Различны материалы – шелк, бархат, сатин. Не утратили своей популярности в современном костюме хаситэ и изу. Эти элементы женщины чаще используют как элемент праздничной одежды, в повседневной жизни хаситэ и изу почти не используются. Изу имеет традиционную форму, орнаментировано вышивкой (рис. 11).

Рис. 11. Тюбетейка, изу, хаситэ. Первая четверть XXI века. Fashion iftar. г. Казань, 2025.

Fig. 11. Skullcap, izu, hashite. The first quarter of 21st century. Fashion iftar. Kazan, 2025.

Образ дополнен головными уборами в виде платков, завязанных разными способами, платок используется как незаменимый атрибут любой мусульманской женщины (рис. 12).

Рис. 12. Тип мусульманского платка. Первая четверть XXI века. Fashion iftar. Казань.
Fig. 12. Type of Muslim headscarf. The first quarter of the 21st century. Fashion iftar. Kazan.

Огромное разнообразие тканей, имеющих в распоряжении современных дизайнеров татарской одежды делают повседневные и праздничные наряды еще более разнообразными и утонченными. Новейшие технологии производства дают широкие возможности для модернизации и раскрывают широкий спектр дизайнерских решений.

Выводы

Изучение и проведение сравнительного анализа татарского традиционного костюма XIX-начала и середины XX века и современного праздничного и повседневного костюма начала XXI века, выявление общих моментов и особенностей позволяет сделать выводы, что основные элементы традиционного костюма сохранились (в женском костюме – это платье, штаны, камзол, фартук, тюбетейка или калфак, головное покрывало, из украшений – изу, воротниковая застежка, хаситэ, серьги, чулпы,

браслеты; в мужском – рубаха, штаны, камзол, тюбетейка). Характерное для традиционного костюма трапециевидное композиционное построение, а также многослойность сохранились. Яркая цветовая гамма и вышивка также остались традиционными.

Однако, современные тенденции указывают на следующее – в повседневной одежде редко используется полный костюмный комплекс, как это было в XIX – начале и середине XX века. Обычно это один или несколько элементов национального характера – серьги, браслеты, чулпы, пояса или просто этнический орнамент на современном платье, рубашке или футболке. Традиционная тюбетейка или татарский калфак одни из немногих элементов традиционного костюма широко используемый в современной повседневной одежде (рис. 13).

Рис. 13. Экстаполяция традиционных элементов татарского национального костюма в современный повседневный костюм. Первая четверть XXI века. Fashion iftar. Казань.
Fig. 13. Extrapolation of traditional elements of Tatar national costume into modern everyday costume. The first quarter of the 21st century. Fashion iftar. Kazan.

Список источников

1. Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. Исследования этносоциальных процессов в российских регионах // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 153 – 155.
2. Кулаков С.В. Проблемы формирования региональной политической идентичности в современной России // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2015. № 1 (14). С. 142 – 150.

3. Кутушева Г.Р. Женские калфаки у башкир и татар Башкортостана (по материалам музейных коллекций) // Взаимодействие культур народов Урала: сб статей. Уфа: Гилем, 1999. С. 220 – 229.
4. Лысова Н.Ю., Сиротина И.Л. Трансформация народного финно-угорского костюма в современном социуме // Вестник МГУ. 2014. № 4. С. 238 – 244.
5. Сазыкина И.А. Сценический костюм как феномен народного комплекса одежды // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 4. С. 94 – 97.
6. Суслова С.В. Татарский костюм: историко-этнологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 239 с.
7. Суслова С.В. Женские нагрудники татар среднего Поволжья и Приуралья как исторический источник // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. Казань, 1991. С. 111 – 133.
8. Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начале XX вв. (историко-этнографическое исследование): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1980. 208 с.
9. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Под ред. Н.И. Воробьева, Г.М. Хисамутдинова. М.: Наука, 1967. 537 с.
10. Татарский костюм. Российский этнографический музей // Авт. текст., авт.-сост. альбома-каталога: И.Л. Измайлов, Е.В. Колчина, Л.И. Мишурина, Р.Р. Султанова, В.Г. Холодная. Казань: АО «ИД «Казанская недвижимость», 2023. 320 с.
11. Увидеть красоту ислама: как прошел Fashion Iftar 2025 в Казани [Электронный ресурс]. URL: <https://kam.business-gazeta.ru/article/667047> (дата обращения 04.12.2024)

References

1. Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I. Studies of ethnosocial processes in Russian regions. Sociological studies. 2022. No. 7. P. 153 – 155.
2. Kulakov S.V. Problems of formation of regional political identity in modern Russia. Pro Nunc. Modern political processes. 2015. No. 1 (14). P. 142 – 150.
3. Kutysheva G.R. Women's kalfaks among the Bashkirs and Tatars of Bashkortostan (based on museum collections). Interaction of the cultures of the peoples of the Urals: collection of articles. Ufa: Gilem, 1999. P. 220 – 229.
4. Lysova N.Yu., Sirotina I.L. Transformation of the Finno-Ugric Folk Costume in Modern Society. Moscow State University Bulletin. 2014. No. 4. P. 238 – 244.
5. Sazykina I.A. Stage Costume as a Phenomenon of the Folk Clothing Complex. Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2012. No. 4. P. 94 – 97.
6. Suslova S.V. Tatar Costume: Historical and Ethnological Research. Kazan: Tatar. book publishing house, 2018. 239 p.
7. Suslova S.V. Women's bibs of the Tatars of the Middle Volga and Ural regions as a historical source. Ethnocultural zoning of the Tatars of the Middle Volga region. Kazan, 1991. P. 111 – 133.
8. Suslova S.V. Women's jewelry of the Kazan Tatars of the mid-19th – early 20th centuries (historical and ethnographic research): dis. ... cand. hist. sciences. Kazan, 1980. 208 p.
9. Tatars of the Middle Volga and Ural regions. Ed. by N. I. Vorobyov, G. M. Khisamutdinov. Moscow: Nauka, 1967. 537 p.
10. Tatar costume. Russian Ethnographic Museum. Auth. text., author-compiler of the album-catalog: I.L. Izmailov, E.V. Kolchina, L.I. Mishurinskaya, R.R. Sultanova, V.G. Kholodnaya. Kazan: JSC ID Kazan Real Estate, 2023. 320 p.
11. See the beauty of Islam: how Fashion Iftar 2025 went in Kazan [Electronic resource]. URL: <https://kam.business-gazeta.ru/article/667047> (date of access 04.12.2024)

Информация об авторе

Амирова Н.В., кандидат педагогических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, 423806, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, д. 28., asdfghjk.1973@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 39:81'27

Динамика языковой идентичности башкирского населения: от советской языковой политики к современности

¹Фатхутдинова А.И.,

¹Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева

Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу трансформации языковой идентичности башкирского населения от советского периода до современности. Цель исследования – выявить основные этапы изменения языковых установок, а также определить роль институциональных, семейных и цифровых факторов в формировании этноязыковой идентичности. Задачи включали: анализ статистических и нормативно-правовых данных; выявление мотивационных установок молодежи; оценку динамики функционирования башкирского языка в образовательной и бытовой сферах. Эмпирическую базу составили данные Всероссийских переписей населения 2010 и 2021 гг., а также материалы анкетного опроса, проведенного автором в 2023 году в Башкортостане. Методологический подход опирается на синтез этносоциологических, историко-этнологических и социолингвистических методов. В ходе исследования выявлены устойчивые тенденции к символизации родного языка, рост эмоциональной лояльности при одновременном снижении частоты повседневного использования. Обоснована необходимость смещения акцентов языковой политики с нормативного регулирования к поддержке эмоциональной, цифровой и креативной привлекательности языка. Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных программ по сохранению родных языков, в образовательной политике, в работе с молодежью и в сфере межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: башкиры, языковая идентичность, билингвизм, молодежь, цифровизация, родной язык, этнополитика

Для цитирования: Фатхутдинова А.И. Динамика языковой идентичности башкирского населения: от советской языковой политики к современности // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 113 – 119.

Поступила в редакцию: 9 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Dynamics of linguistic identity of the Bashkir population: from Soviet language policy to modernity

¹Fatkhutdinova A.I.,

¹R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa
Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the transformation of the linguistic identity of the Bashkir population from the Soviet period to the present day. The main aim of the study is to identify the key stages in the evolution of language attitudes and to determine the role of institutional, family-based, and digital factors in shaping ethnolinguistic identity. The research objectives included the analysis of statistical and legal data, as-

assessment of youth motivations for studying the Bashkir language, and evaluation of the dynamics of its functioning in educational and domestic settings. The empirical base consists of data from the 2010 and 2021 Russian population censuses and the results of an authorial sociological survey conducted in 2023 in the Republic of Bashkortostan. The methodological framework combines approaches from ethnosociology, historical ethnology, and sociolinguistics. The study reveals a stable trend toward the symbolic use of the Bashkir language, a growing emotional loyalty, and a simultaneous decline in its everyday use. The author argues for a shift in language policy from formal regulation toward the promotion of emotional, digital, and creative engagement. The findings can be applied in the development of regional programs for language preservation, youth education strategies, and intercultural communication practices.

Keywords: Bashkirs, linguistic identity, bilingualism, native languages, language shift, youth, digital culture, language policy

For citation: Fatkhutdinova A.I. Dynamics of linguistic identity of the Bashkir population: from Soviet language policy to modernity. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 113 – 119.

The article was submitted: February 9, 2025; Approved after reviewing: April 7, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Формирование языковой идентичности в условиях полиэтничности является одной из центральных тем современных этносоциологических и этнополитологических исследований. В частности, Республика Башкортостан как субъект Российской Федерации с титульной нацией и устойчивыми традициями национального образования демонстрирует уникальную траекторию языковых трансформаций в социокультурном, институциональном и демографическом разрезах.

Советская языковая политика, направленная на формирование нормативного билингвизма, последовательно вытесняла этнические языки из повседневного и публичного пространства, сохраняя их преимущественно в символической форме – в песне, фольклоре, праздничной риторике. В постсоветский период была предпринята попытка возрождения башкирского языка через придание ему статуса государственного, расширение преподавания и разработку учебников. Однако социальные и демографические процессы – урбанизация, смешанные браки, медийная русификация – оказали существенное влияние на мотивации владения и использования башкирского языка, особенно в молодёжной среде.

Актуальность темы обусловлена необходимостью научного анализа современных форм языковой идентичности, преобладающих среди башкирского населения, а также поиском эффективных механизмов поддержки родного языка как ключевого элемента этнической консолидации и культурного суверенитета. Целью статьи является комплексное изучение этапов и факторов трансформации языковой идентичности башкир, от советской языковой модели до сегодняшнего символического многоязычия.

Материалы и методы исследований

Данное исследование основывается на междисциплинарном подходе, сочетающем методологические принципы этносоциологии, историко-этнологического анализа и социолингвистики. Теоретической базой послужили труды, посвящённые концепциям языковой идентичности, механизмам символического самоопределения в полиэтничных регионах, а также институциональным формам языковой политики в России и за рубежом [7, с. 54-66; 8, с. 12-14; 9, с. 100-103]. В контексте постсоветской трансформации языковой среды особое значение имеет работа Дж. А. Фишмана, обосновывающая роль локальных сообществ и семейной передачи языка как факторов противодействия языковому сдвигу [7].

Эмпирическую базу составляют данные **Все-российских переписей населения 2010 и 2021 гг.**, позволяющие выявить динамику изменения этнической самоидентификации и владения родным языком у башкирского населения [5, с. 85-120; 6, с. 92-136]. Анализ производился с учётом параметров владения родным языком, использования в быту, а также структуры этнического состава в разрезе урбанизации. Дополнительно использованы положения и правовые нормы **Закона Республики Башкортостан «О языках народов» от 1992 года**, закрепившего башкирский язык как государственный и определившего рамки языковой политики в образовании [4].

Ценные данные были получены в ходе **авторского этносоциологического опроса**, проведённого в 2023 году среди старшеклассников и студентов в Уфе, Белебеевском, Миякинском и Зианчуринском районах Республики Башкортостан (объём выборки – 420 респондентов). Целью опроса было выявление мотиваций изучения башкир-

ского языка, характера языковой практики в семье и восприятия языка как элемента этнической идентичности [10].

Применялись следующие методы:

- **вторичный анализ официальной статистики** и демографических сводок [5, с. 87-120; 6, с. 93-125];

- **контент-анализ нормативных документов** и образовательных программ [3, с. 166-168; 4];

- **дискурсивный анализ ответов респондентов**, высказываний учителей и представителей родительской общественности [3, с. 170-173; 9, с. 106-109].

Применение этих методов позволило не только зафиксировать количественные показатели владения башкирским языком и его использования в семье и школе, но и интерпретировать их в контексте изменяющихся форм языковой идентичности.

Результаты и обсуждения

1. Этапы трансформации языковой идентичности башкирского населения

Анализ динамики языковой идентичности башкирского населения в Республике Башкортостан позволяет выделить три ключевых этапа, каждый из которых характеризуется специфической институциональной рамкой, типом языковой социализации и уровнем функционального владения башкирским языком.

Первый этап охватывает позднесоветский период (1950-1990 гг.) и характеризуется нормативным билингвизмом, при котором башкирский язык присутствовал в системе школьного образования, СМИ и символической государственной поддержке. Однако, как показывают переписные данные и анализ институциональной языковой среды, его использование в бытовой и профессиональной сферах было ограничено [1, с. 63-72; 5, с. 93-98]. По переписи 1989 года, 81,6 % башкир указали родным башкирский язык, однако только около четверти респондентов использовали его в семье [5, с. 101]. Такая разница между идентичностной и практической компонентами указывает на формирование символического владения языком.

Второй этап (1990-2010 гг.) связан с периодом этнокультурного подъёма после распада СССР и

активной институционализации башкирского языка как государственного. Закон РБ «О языках народов» (1992 г.) закрепил равный статус башкирского и русского языков в республике [4]. Это сопровождалось расширением преподавания башкирского языка в школах, созданием образовательных программ и учебников, а также внедрением медийного контента на родных языках [3, с. 167-168]. Однако, как показывают данные переписей и опросов, уровень владения башкирским языком в городах оставался невысоким, особенно в среде молодёжи [6, с. 108-112].

Третий этап охватывает современный период (2010-2023 гг.), в который наблюдается тенденция перехода от активного функционального использования к символической или даже латентной языковой идентичности. Отмена обязательного преподавания родных языков в 2018 году привела к снижению охвата школьников башкирским языком как учебной дисциплиной [9, с. 103-105]. Вместе с тем, происходит сдвиг в сторону гибридных форм идентичности, когда респонденты идентифицируют себя как башкиры, при этом владея языком на элементарном или бытовом уровне, либо вовсе не используя его в повседневности [10, с. 77-79].

Показательно, что по результатам переписи 2021 года количество лиц, указавших башкирский язык как родной, снизилось по сравнению с предыдущим периодом – с 1,3 до 1,1 миллиона человек, а доля владеющих им сократилась ещё ощутимее [6, с. 92-99].

2. Семейно-бытовая языковая практика и межпоколенческая передача языка

Одним из ключевых факторов воспроизводства языковой идентичности в полиэтнической среде остаётся **семейно-бытовая языковая социализация**. По данным анкетного опроса, проведённого автором в 2023 году среди учащихся старших классов и студентов (N = 420), практика использования башкирского языка в повседневной жизни демонстрирует явную тенденцию к ослаблению.

Ниже представлена таблица, отражающая характер использования башкирского языка в семейной среде:

Таблица 1

Использование башкирского языка в семье среди молодёжи (в %).

Table 1

Use of the Bashkir language in the family among youth, % (in %).

Частота использования языка в семье	% опрошенных
Используют только башкирский язык	12
Используют оба языка (русский и башкирский)	38
Используют только русский язык	50

Таблица составлена по данным авторского этносоциологического опроса «Сохранение родных языков и языковая идентичность в молодёжной среде Республики Башкортостан» (N = 420), 2023.

The table is compiled based on the data of the author's ethnosociological survey "Preservation of native languages and linguistic identity among the youth of the Republic of Bashkortostan" (N = 420), 2023.

Полученные результаты свидетельствуют о сохранении значительного влияния русскоязычной среды даже в семьях с этнической идентичностью «башкир». Половина опрошенных (50 %) указала, что в их семье используется исключительно русский язык. Лишь 12 % респондентов отметили повседневное использование исключительно башкирского языка, что коррелирует с предыдущими результатами переписей [5, с. 112-118].

Показательна доля билингвальных установок (38 %) (табл. 1), отражающих попытки сохранить языковой баланс в семье. Однако при отсутствии достаточного институционального и медийного сопровождения эти модели нередко ведут к постепенному вытеснению родного языка из активной бытовой практики, что также подтверждают наблюдения в аналогичных исследованиях [9, с. 108-110].

Наблюдается выраженное различие по территориальному признаку: в сельской местности башкирский язык сохраняет устойчивую позицию в

семейной коммуникации, тогда как в городской среде его использование становится фрагментарным и всё чаще уступает место исключительно русскоязычным практикам [10, с. 78-79].

Таким образом, семья сохраняет функцию первичной языковой социализации, но без поддержки формального образования и присутствия языка в медиа, его передача становится всё более уязвимой, особенно среди городского и смешанного населения.

3. Мотивация к изучению башкирского языка среди молодёжи

Изучение мотивационных установок молодёжи относительно изучения башкирского языка позволило выявить полифакторную структуру, в которой сочетаются как рациональные, так и символические основания. По данным этносоциологического опроса, проведённого в 2023 году (N = 420), респонденты могли выбрать более одного варианта ответа, отражая множественные мотивационные установки.

Таблица 2

Мотивы изучения башкирского языка (выбор нескольких вариантов; в %).

Table 2

Motives for learning the Bashkir language (in %).

Мотивация	В %
Это язык моего народа (этническая идентичность)	58
Хочу говорить на нём в семье, с родными	39
Требуется в школе/на экзаменах	46
Нравится звучание языка, культура	41
Полезен для будущей профессии	22
Чтобы не забыть корни, сохранить язык	51
Потому что это государственный язык республики	36
Изучаю по желанию, это интересно	27

Таблица составлена: по данным авторского этносоциологического опроса «Сохранение родных языков и языковая идентичность в молодёжной среде Республики Башкортостан» (N = 420), 2023.

The table was compiled based on the author's ethnosociological survey "Preservation of native languages and linguistic identity among the youth of the Republic of Bashkortostan" (N = 420), 2023.

Полученные данные демонстрируют преобладание идентификационно-смысловых мотивов: для 58 % опрошенных башкирский язык является языком своего народа, 51 % стремятся к его сохранению как этнокультурной ценности (табл. 2). Высокая доля ответов, связанных с семейной коммуникацией (39 %) и символическим отношением к языку (41 % (см. табл. 2) указывают на любовь к культуре и звучанию), подтверждает тезис о формировании символической языковой идентичности [3, с. 171-173].

В то же время не менее важными остаются инструментальные мотивы: необходимость для учебы (46 %), осознание государственного статуса (36 %) и прагматическая ориентация на профессию (22 %) (табл. 2) указывают на сохранение элементов нормативного подхода, характерного для периода 1990-2010-х гг. [4; 6, с. 108-112].

Сравнительный анализ по месту проживания показывает, что в сельской местности и малых городах выше доля тех, кто связывает язык с семейной и родовой идентичностью. В крупных городах, напротив, усиливаются рациональные и культурно-эстетические мотивации, но снижается частотность бытового использования языка [10, с. 78-80].

Таким образом, языковая мотивация современной башкирской молодежи носит гибридный характер, объединяя этническое самосознание, образовательные требования и эмоционально-культурные основания. Эти результаты согласуются с наблюдениями, представленными в работах Ситдиковой Л.Ф. и Камаловой Л.А., где подчеркивается важность эмоциональной лояльности и самоопределения через язык как маркер «своего» в условиях полилингвальной среды [9, с. 105-110; 10, с. 76-78].

4. Цифровизация и гибридные формы языковой идентичности

Современная социокультурная среда оказывает всё большее влияние на формы языкового самоопределения. Особенно это заметно в условиях цифровизации, где традиционные каналы языковой социализации (семья, школа, локальное сообщество) частично заменяются виртуальной средой, социальными сетями и креативным контентом, создаваемым самими молодыми пользователями.

Проведённый опрос и качественные интервью с учащимися показывают, что значительная часть молодежи ассоциирует башкирский язык не только с семейной традицией, но и с новыми формами самовыражения – такими как создание TikTok-видео, мемов, песен, подкастов на родном языке. Хотя уровень языковой компетенции в этих случа-

ях может быть ограниченным, сама языковая идентичность сохраняется как символический и эмоциональный ресурс [3, с. 172; 9, с. 108].

Для значительной части респондентов родной язык становится инструментом культурной репрезентации. Как отмечает Б. Сполски, в условиях глобализации язык всё чаще выступает в роли маркера этничности и принадлежности, а не как основной инструмент повседневного взаимодействия [8, с. 121-124].

Такая гибридная модель идентичности особенно характерна для городского молодежного населения, которое одновременно владеет русским (и частично английским), но при этом продолжает воспринимать башкирский язык как «язык своей культуры» и символ сопричастности к нации [10, с. 79].

Одновременно в условиях цифровой трансформации формируется новая среда неформального обучения, где родной язык может приобретать эмоциональную окраску и становится частью личного выбора – в отличие от предыдущих этапов, когда его изучение было связано с нормативными рамками школьного образования [4; 6, с. 112].

Таким образом, на современном этапе наблюдается переход от этноцентричной и институциональной модели к символически-гибридной форме языковой идентичности, включающей цифровые практики, креативное самовыражение и эмоциональное восприятие языка как культурной ценности.

Выводы

Проведённый анализ показал, что языковая идентичность башкирского населения Республики Башкортостан прошла три основных этапа трансформации: от нормативного билингвизма советского периода – к этнокультурной мобилизации 1990–2000-х гг. и далее – к символическим и гибридным формам идентичности в условиях цифровизации. Несмотря на снижение повседневного использования башкирского языка, особенно среди молодежи, он сохраняет значительный символический, культурный и эмоциональный потенциал, что подтверждается доминированием ценностных и этнически ориентированных мотивов изучения языка [3, с. 171; 10, с. 77].

Результаты анкетного опроса свидетельствуют о фрагментации языковой среды, снижении уровня владения языком в семьях и слабой институциональной поддержке, особенно в городской местности [6, с. 93-100]. Вместе с тем фиксируются новые модели языкового поведения, связанные с цифровым пространством и творческим самовы-

ражением, в которых родной язык приобретает статус символического ресурса [8, с. 122-124].

Таким образом, для обеспечения устойчивости башкирского языка как элемента этнической идентичности необходима смена акцентов в языковой политике – от административно-нормативного

подхода к стратегиям эмоциональной, цифровой и креативной вовлечённости. Эффективной может стать модель, сочетающая образовательные, культурные и медийные инициативы, способствующие формированию эмоционально значимой и социально ценной языковой среды.

Финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 1022040500508-1-6.1.1 «Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие этнических групп в республиках Урало-Поволжья (на примере Республики Башкортостан) на 2025-2027 гг.

Список источников

1. Фатхутдинова А.И. Этноязыковое развитие Республики Башкортостан (1979-2010 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2011. 212 с.
2. Габдрафиков И.М., Фатхутдинова А.И. Республика Башкортостан: этническая ситуация по итогам Всероссийской переписи населения 2020-2021 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 12 (105). С. 4961 – 4970.
3. Фатхутдинова А.И. Сохранение родных языков национальных меньшинств в полинациональном российском регионе (по данным этносоциологического опроса в Башкортостане) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. С. 166 – 178.
4. Закон Республики Башкортостан от 15.02.1992 № ВС-10 «О языках народов Республики Башкортостан» // Совет Башкортостана. 1992.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками. М.: Росстат, 2012. 392 с.
6. Результаты Всероссийской переписи населения 2020-2021 гг. Т. 5. Национальный состав и родные языки. М.: Росстат, 2022. 408 с.
7. Fishman J.A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1991. 412 p.
8. Spolsky B. Language Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 320 p.
9. Ситдикова Л.Ф. Языковая идентичность молодежи в контексте культурных трансформаций // Вестник Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2022. Т. 167. № 3. С. 100 – 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-identichnost-molodezhi> (дата обращения: 01.12.2024)
10. Камалова Л.А. Проблема сохранения родных языков в условиях двуязычия // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16. № 1. С. 76 – 81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45513896> (дата обращения: 01.12.2024)

References

1. Fatkhutdinova A.I. Ethnolinguistic development of the Republic of Bashkortostan (1979-2010): dis. ...cand. ist. Sci. Ufa, 2011. 212 p.
2. Gabdrafikov I.M., Fatkhutdinova A.I. Republic of Bashkortostan: ethnic situation according to the results of the All-Russian Population Census 2020-2021. Issues of national and federal relations. 2023. T. 13. No. 12 (105). P. 4961 – 4970.
3. Fatkhutdinova A.I. Preservation of native languages of national minorities in a multinational Russian region (according to an ethnosociological survey in Bashkortostan). Historical journal: scientific research. 2024. No. 6. P. 166 – 178.
4. Law of the Republic of Bashkortostan of 15.02.1992 No. BC-10 "On the Languages of the Peoples of the Republic of Bashkortostan". Council of Bashkortostan. 1992.
5. Results of the 2010 All-Russian Population Census. Vol. 4. National Composition and Language Proficiency. Moscow: Rosstat, 2012. 392 p.
6. Results of the 2020-2021 All-Russian Population Census. Vol. 5. National Composition and Native Languages. Moscow: Rosstat, 2022. 408 p.
7. Fishman J.A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1991. 412 p.
8. Spolsky B. Language Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 320 p.

9. Sitdikova L.F. Linguistic identity of young people in the context of cultural transformations. Bulletin of Kazan University. Series: Humanities. 2022. Vol. 167. No. 3. P. 100 – 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-identichnost-molodezhi> (date of access: 01.12.2024)

10. Kamalova L.A. The problem of preserving native languages in the context of bilingualism. Education and self-development. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 76 – 81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45513896> (accessed: 01.12.2024)

Информация об авторе

Фатхутдинова А.И., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнополитологии, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450077, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д.6. fatkhutdinova1984@inbox.com

© Фатхутдинова А.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 325.2

Русская диаспора в Ливане: особенности функционирования

¹ Алаеддин М.М.,

¹ Мелитопольский государственный университет имени А.С. Макаренко

Аннотация: в настоящем исследовании раскрывается современное состояние функционирования русской диаспоры в Ливане. Для определения степени ее консолидации и изучения внутренней структуры применяется институциональный подход. По итогам проведенного исследования делается вывод о том, что в настоящее время в Ливане функционирует консолидированная диаспора с разветвленной сетью институтов, которые активно занимаются поддержкой ее социального, культурного и экономического благополучия. Несмотря на процессы ассимиляции и влияние местной культуры, русская диаспора сохраняет свои культурные традиции, язык и обычаи, что позволяет ей поддерживать крепкие связи с исторической родиной – Россией. Эти связи становятся важным фактором в формировании позитивного имиджа России за границей и играют значительную роль в её внешней политике, делая диаспору важным инструментом культурной дипломатии и содействия российским интересам на международной арене.

Ключевые слова: русская диаспора, русский язык, русская культура, историческая родина, соотечественники за рубежом, Ливан, ассимиляция, Россотрудничество

Для цитирования: Алаеддин М.М. Русская диаспора в Ливане: особенности функционирования // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 120 – 123.

Поступила в редакцию: 9 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Russian diaspora in Lebanon: characteristics of its functioning

¹ Alaeddin M.M.,

¹ Melitopol State University named after A.S. Makarenko

Abstract: this study reveals the current state of functioning of the Russian diaspora in Lebanon. An institutional approach is used to determine the degree of its consolidation and to study its internal structure. Based on the results of the study, it is concluded that there is currently a consolidated diaspora in Lebanon with an extensive network of institutions that actively support its social, cultural and economic well-being. Despite the processes of assimilation and the influence of local culture, the Russian diaspora retains its cultural traditions, language and customs, which allows it to maintain strong ties with its historical homeland – Russia. These ties are becoming an important factor in shaping Russia's positive image abroad and play a significant role in its foreign policy, making its diaspora an important tool for cultural diplomacy and promoting Russian interests in the international arena.

Keywords: Russian diaspora, the Russian language, Russian culture, historical homeland, compatriots abroad, Lebanon, assimilation, Rossotrudnichestvo

For citation: *Alaeddin M.M. Russian diaspora in Lebanon: characteristics of its functioning. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 120 – 123.*

The article was submitted: February 9, 2025; Approved after reviewing: April 7, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Российско-ливанские отношения имеют долгую историю, причем существенный вклад в них внес именно тот факт, что почти полтора столетия назад в Ливане стала образовываться мощная русскоязычная диаспора [4, с. 27; 10, с. 2]. Именно это предопределило традиционно благожелательное отношение к выходцам из России со стороны местного ливанского населения [9, с. 74], что сегодня вносит позитивный вклад в укрепление положительного фона отношений двух стран.

Усиление взаимодействия с русской диаспорой на сегодняшний день приобретает колоссальное значение для России, особенно в условиях ее международной изоляции со стороны недружественных стран. В такой ситуации именно работа с соотечественниками за рубежом может обеспечить России более выгодные позиции с точки зрения преодоления складывающегося геополитического кризиса. Несмотря на определенные успехи в данном направлении (примером чему может, например, послужить акция в поддержку спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины, состоявшаяся через несколько дней после начала специальной военной операции (СВО) [5]), России следует продолжать наращивать взаимодействие с русской диаспорой в Ливане, поскольку именно она является мощнейшим проводником российских интересов в зарубежной стране.

Материалы и методы исследований

В работе используются общие и частнонаучные методы исследования. К анализу русской диаспоры применяется институциональный подход, с помощью которого, в частности, оценивается и уровень консолидации русской общины в Ливане. Перечень доступных материалов для анализа является весьма ограниченным из-за сравнительно невысокой исследованности рассматриваемой темы в научной литературе. Это, в свою очередь, подтверждает актуальность и значимость настоящего исследования, направленного на восполнение тех пробелов, которые в отношении рассматриваемого вопроса существуют в научной литературе.

Результаты и обсуждения

В настоящее время в Ливане располагается самая крупная православная диаспора в регионе, значительная часть которой сформировалась именно русскоязычной диаспорой. Оценить ее

масштабы достаточно сложно, поскольку существует множество методологических вопросов оценки, таких как, можно ли относить к диаспоре потомков эмигрантов в третьем и четвертом поколениях, детей от смешанных браков, выходцев из стран постсоветского пространства, в т.ч. из Украины и стран Балтии, и т.д. В этой связи, согласно разным оценкам, численность русской диаспоры может варьироваться от 10 до 37 тыс. человек [8, с. 385]. При этом сами ливанцы не придают особого значения стране происхождения русскоязычного эмигранта европеоидной расы – для многих ливанцев выходцы из России, Украины, Белоруссии и т.д. считаются русскими.

Существенную роль в консолидации русскоязычной диаспоры играют институты, созданные выходцами из России и их потомками. Так, Пьер Проценко внес вклад в развитие Российского сообщества Ливана [1, с. 171]. А.Ю. Иорданов внес значительный вклад в развитие Союза российского дворянства [11]. Значительную роль играет Дом русского зарубежья, который берет на себя задачу по сохранению исторической памяти о выходцах из России, внесших вклад в развитие ливанского общества.

Образованный в городе-побратиме Новороссийска Тире «Сказочный клуб» занимается обучением детей русскому языку, культуре, искусству, организацией мероприятий для детей. Миссия клуба заключается в том, чтобы обеспечивать причастность детей к русскому миру [6].

В целом, на сегодняшний день в Ливане учреждены 6 ключевых организаций по работе с соотечественниками, которые ведут активное взаимодействие с Министерством иностранных дел России (МИД РФ) по линии посольства и с представительствами Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества) в Ливане, а также с Российским центром науки и культуры (РЦНК).

С 2011 г. этими организациями был образован Координационный совет российских соотечественников (КСРС) в Ливане. Он представляет собой орган с совещательными и координационными полномочиями, который занимается поддержкой российских соотечественников, защитой их прав и законных интересов, а также обеспечи-

вает духовное и организационное единство внутри русской диаспоры, содействует укреплению связей соотечественников с исторической родиной и активно взаимодействует с другими организациями, чья деятельность направлена на улучшение положения русскоязычной диаспоры в Ливане (включая Общество ливано-русской дружбы, Ассоциацию выпускников СССР в Ливане, Клуб выпускников России в Ливане, Ассоциацию выпускников РУДН в Ливане (совместно эти организации выпускников насчитывают более 12 тыс. человек), отделение Всероссийского движения «Волонтеры Победы», ассоциации русскоговорящих женщин, дома русской культуры, Ливанское общество преподавателей русского языка и литературы, Русскую православную церковь (РПЦ) и т.д.) [3].

Со стороны России одним из важнейших инструментов по поддержанию связей с русской диаспорой в Ливане выступает Россотрудничество. Его представительство действует в Бейруте. Уже в первый год своего существования данное агентство увеличило финансирование программ по работе с соотечественниками за рубежом в 1,5 раза [7]. Особое внимание привлекается к ближневосточному региону, который расценивается как зона традиционного интереса со стороны России. Россия уделяет внимание как вопросам укрепления связей с выпускниками советских и российских вузов (что особенно важно, учитывая, что их потенциал раскрывается по прошествии некоторого времени (обычно 1-2 десятилетий) после выпуска, в то время как за это время между местом получения образования и достигнутыми успехами связь может быть утрачена [2, с. 425]), так и со специалистами, перебравшимися в ближневосточ-

ный регион для осуществления трудовой деятельности (сюда входят люди самых разных профессий – доктора, учителя, строители и т.д.) Ключевой инструментариий Россотрудничества раскрывается через культурные центры.

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день существует большое количество институтов, занимающихся вопросами поддержки русской диаспоры в Ливане. Созданы организации по работе с выпускниками российских и советских вузов, с женщинами, с молодежью. Формируются дома культуры, учреждаются русские школы, поддерживаются средства массовой информации (СМИ) на русском языке. Большую роль играют такие институты, как РЦКН, КСРС в Ливане, Россотрудничество и посольство России в Ливане.

В целом, можно констатировать, что русская диаспора в Ливане достаточно консолидирована. Важно то, что, несмотря на ассимиляцию, она не утрачивает связи с исторической родиной, что делает ее важным инструментом в арсенале российской внешней политики. В этой связи усилению взаимодействия с русской диаспорой следует уделять повышенное внимание. В условиях сложного и неопределенного времени российская диаспора в Ливане не только продолжает сохранение своего культурного наследия, но и активно участвует в гуманитарной деятельности, укрепляя связи как внутри своего сообщества, так и в отношениях с местным населением. Это взаимодействие создает уникальную модель для будущего, в которой члены диаспоры становятся важными игроками в социальной и культурной жизни стран, где они живут.

Список источников

1. Иорданов А.Ю. Дорогие соотечественники! // Русские в Ливане. Российские соотечественники в Ливане: история и современность: сборник материалов / отв. ред. Е.В. Коврикова; сост. С.А. Воробьев. Бейрут: СНАМАС, 2010. С. 171 – 173.
2. Карикова А.С. Стратегия формирования бренда университета в современном образовательном пространстве // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2020. № 11 (4). С. 420 – 429.
3. КСОРС Ливана // Региональный координационный совет (РКС) российских соотечественников стран Африки и Ближнего Востока. URL: <https://www.rks-afrika-blijnyvostok.com/страна-региона/ливан/ксорс-ливана/> (дата обращения: 23.04.2025)
4. Кувашева (Бахер) Т.В. Русские в Бейруте // Русский мир. 2019. № 12. С. 26 – 29.
5. Российская диаспора в Бейруте поддержала операцию Z на Украине // Online47. 03.03.2022. URL: <https://online47.ru/2022/03/03/rossiyskaya-diaspora-v-beyrute-podderzhala-operatsiyu-z-na-ukraine-149864> (дата обращения: 23.04.2025)
6. Русская диаспора в Ливане ждёт помощи от новоросийцев // Администрация и городская Дума муниципального образования Город-Герой Новоросийск. 14.07.2017. URL: <https://admnvrsk.ru/ogorode/novosti/glavnye-novosti/news-20170714160657-618690/> (дата обращения: 23.04.2025)

7. Русские в Ливане // Региональный координационный совет (РКС) российских соотечественников стран Африки и Ближнего Востока. URL: <https://www.rks-afrika-blijnyvostok.com/страна-региона/ливан/наши-люди-в-ливане> (дата обращения: 23.04.2025)

8. Савичева Е.М., Катеренчук Д.В., Рыжов И.В. Российско-ливанские отношения: поиск путей взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 384 – 397.

9. Сарабьев А.В. История российской диаспоры в Ливане // Сборник статей по материалам I-III ежегодных международных научных конференций «Российская диаспора в странах Востока» / отв. ред. В.П. Николаев; ред.-сост. С.Е. Пале. М.: ИВ РАН, 2013. С. 73 – 76.

10. Сарабьев А.В. Российская диаспора в Ливане // Русский век. 2012. № 9. С. 1 – 5.

11. Чирков И. Русские в Ливане // Issuu. 01.01.2018. URL: <https://issuu.com/747855/docs/> (дата обращения: 23.04.2025)

References

1. Iordanov A.Yu. Dear compatriots! Russians in Lebanon. Russian compatriots in Lebanon: history and modernity: collection of materials. ed. E.V. Kovrikova; compiled by S.A. Vorobyov. Beirut: CHAMAS, 2010. P. 171 – 173.

2. Karikova A.S. Strategy for forming a university brand in the modern educational space. Strategic decisions and risk management. 2020. No. 11 (4). P. 420 – 429.

3. KSORS Lebanon. Regional Coordinating Council (RCC) of Russian compatriots in Africa and the Middle East. URL: <https://www.rks-afrika-blijnyvostok.com/страна-региона/ливан/ksors-ливана/> (date of access: 23.04.2025)

4. Kuvashva (Baher) T.V. Russians in Beirut. Russian World. 2019. No. 12. P. 26 – 29.

5. Russian diaspora in Beirut supported operation Z in Ukraine. Online47. 03.03.2022. URL: <https://online47.ru/2022/03/03/rossiyskaya-diaspora-v-beyrute-podderzhala-operatsiyu-z-na-ukraine-149864> (date of access: 23.04.2025)

6. Russian diaspora in Lebanon awaits help from Novorossiysk residents. Administration and City Duma of the municipal formation Hero City of Novorossiysk. 14.07.2017. URL: <https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-20170714160657-618690/> (date of access: 23.04.2025)

7. Russians in Lebanon. Regional Coordination Council (RCC) of Russian Compatriots in Africa and the Middle East. URL: <https://www.rks-afrika-blijnyvostok.com/страна-генерал/ливан/наши-люди-в-ливане> (date of access: 23.04.2025)

8. Savicheva E.M., Katerenchuk D.V., Ryzhov I.V. Russian-Lebanese relations: search for ways of interaction. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 384 – 397.

9. Sarabyev A.V. History of the Russian diaspora in Lebanon. Collection of articles based on the materials of the I-III annual international scientific conferences "Russian diaspora in the countries of the East". ed. V.P. Nikolaev; ed.-compiler S.E. Pale. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013. P. 73 – 76.

10. Sarabyev A.V. Russian Diaspora in Lebanon. Russian Century. 2012. No. 9. P. 1 – 5.

11. Chirkov I. Russians in Lebanon. Issuu. 01.01.2018. URL: <https://issuu.com/747855/docs/> (date of access: 23.04.2025)

Информация об авторе

Алаеддин М.М., аспирант, Мелитопольский государственный университет имени А.С. Макаренка, 272312, РФ, Запорожская область, г. Мелитополь. пр. Б. Хмельницкого, д. 18, m.aladin@ria.ru

© Алаеддин М.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 37:327

Проблема близости и разделения культур РФ и КНР на примере Амурской области

¹ Дегтярева А.А.,

¹ Благовещенский государственный педагогический университет

Аннотация: приграничное сотрудничество между Россией и Китаем, особенно в контексте Амурской области, представляет собой уникальный феномен, где географическая близость соседствует с культурными различиями. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов взаимодействия и взаимовлияния культур в условиях приграничья. Особую значимость приобретает изучение того, как физическая близость территорий сочетается с сохранением культурной самобытности обеих стран, а также как формируются новые формы межкультурного диалога в условиях современных геополитических реалий. В последние десятилетия особенности культурного сотрудничества приобрели системный характер и сопровождаются не только демонстрацией традиций каждой страны, но и активным знакомством с культурой партнера. В том числе непосредственное взаимодействие населения создает основу для долгосрочного сотрудничества между странами, что приобретает особую важность для приграничных районов. В то же время взаимодействие культур Амурской области и КНР характеризуется рядом различий, определяемых в том числе географическим разделением. Двусторонние отношения проявляются также в существующей развитой системе механизмов, позволяющих эффективно управлять различиями культур Амурской области и КНР. Дальнейшее развитие культурных отношений между Амурской областью и КНР требует усиления координации на всех уровнях взаимодействия, а также развития культурных обменов, как основной формы взаимодействия. Перспективными направлениями культурного взаимодействия является расширение спектра проводимых совместных мероприятий, развитие цифровых форматов культурного взаимодействия, создание новых площадок для культурного обмена с одновременным углублением образовательного сотрудничества, а также развитием трансграничного культурного туризма.

Ключевые слова: культурное взаимодействие, Амурская область, Китай, близость культур, различие культур, мероприятия, интеграция

Для цитирования: Дегтярева А.А. Проблема близости и разделения культур РФ и КНР на примере Амурской области // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 124 – 129.

Поступила в редакцию: 9 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The problem of proximity and separation of cultures of the Russian Federation and China on the example of the Amur region

¹ Degtyareva A.A.,

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University

Abstract: cross-border cooperation between Russia and China, especially in the context of the Amur Region, is a unique phenomenon where geographical proximity is combined with cultural differences. The relevance of the research is due to the need to understand the mechanisms of interaction and mutual influence of cultures in the

conditions of the border region. Of particular importance is the study of how the physical proximity of territories is combined with the preservation of the cultural identity of both countries, as well as how new forms of intercultural dialogue are formed in the context of modern geopolitical realities. In the last decade, the features of cultural cooperation have become systemic and are accompanied not only by a demonstration of the traditions of each country, but also by an active acquaintance with the culture of the partner. In particular, direct interaction between the population creates the basis for long-term cooperation between countries, which is of particular importance for border areas. At the same time, the interaction of cultures of the Amur region and the PRC is characterized by a number of differences, including those determined by geographical separation. Bilateral relations are also reflected in the existing well-developed system of mechanisms that make it possible to effectively manage the differences between the cultures of the Amur Region and China. The further development of cultural relations between the Amur Region and the PRC requires increased coordination at all levels of interaction, as well as the development of cultural exchanges as the main form of interaction. Promising areas of cultural interaction are the expansion of the range of joint events, the development of digital formats of cultural interaction, the creation of new platforms for cultural exchange while deepening educational cooperation, as well as the development of cross-border cultural tourism.

Keywords: cultural interaction; Amur region; China; proximity of cultures; difference of cultures; events; integration

For citation: Degtyareva A.A. The problem of proximity and separation of cultures of the Russian Federation and China on the example of the Amur region. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 124 – 129.

The article was submitted: February 9, 2025; Approved after reviewing: April 7, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

В условиях глобализации и интенсификации международных отношений особое значение приобретает изучение взаимодействия культур различных государств. Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем, особенно в контексте Амурской области, представляет собой уникальный феномен, где географическая близость соседствует с культурными различиями [1].

В последние годы, благодаря гуманитарным обменам и сотрудничеству народы Китая и России гораздо лучше стали понимать историю своего соседа, немало узнали о значимых достижениях друг друга в экономике и культуре, сформировали благоприятную атмосферу для дальнейшего успешного развития китайско-российских отношений в духе стратегического партнерства. Амурская область является одним из ключевых регионов российско-китайского взаимодействия, где на протяжении десятилетий формируются особые формы межкультурного диалога. С одной стороны, многовековая история соседства и тесные экономические связи создают предпосылки для взаимопроникновения культур. С другой стороны, различия в языковых, религиозных и социальных традициях создают определенные барьеры в межкультурной коммуникации [2].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов взаимодействия и взаимовлияния культур в условиях приграничья. Особую значимость приобретает изучение того, как физическая близость территорий со-

четається с сохранением культурной самобытности обеих стран, а также как формируются новые формы межкультурного диалога в условиях современных геополитических реалий.

Целью исследования является анализ особенностей взаимодействия и разделения культурных пространств России и Китая на примере Амурской области.

Материалы и методы исследований

Данное исследование сочетает в себе взаимодополняющие общенаучные теоретические методы, включая анализ, синтез и абстрагирование. Интеграция анализа и синтеза обеспечивает всестороннее изучение аспектов взаимодействия культурных пространств России и Китая на примере Амурской области. Посредством синтеза отдельные компоненты и свойства, выявленные в ходе анализа, объединяются.

Метод абстракции используется для получения обобщений и выявления тенденций как взаимодействия, так и разделения культурных пространств России и Китая на примере Амурской области.

Результаты и обсуждения

Историческим контекстом культурного взаимодействия Амурской области и КНР является установление в конце 1980-х годов культурного обмена с провинцией Хэйлунцзян. Важным стимулом послужило создание китайским правительством «Культурного коридора приграничных территорий», который был направлен на развитие культуры в северо-восточном Китае [3].

Основными направлениями сотрудничества стало проведение крупномасштабных мероприятий, включающих фестиваль искусств «Амур – река дружбы», совместных концертов творческих коллективов, обмен делегациями, а также Российско-китайская ярмарка культуры и искусства. Кроме того, проводится ежегодный обмен женскими делегациями в канун международного женского дня с проведением совместных танцевальных мероприятий и культурных обменов между общественными организациями. Особенности культурного взаимодействия стали регулярные контакты по итогам соглашения о побратимских связях, совместные творческие проекты, а также проведение образовательных обменов и туристических программ [3].

В том числе, уникальный опыт обмена между культурами проявился в традиции совместных танцев Янге и Гуанчанью пожилых людей Китая и России, что привело к созданию проекта «Танцы для здоровья» [4]. При этом диалог культур между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян способствовал формированию представлений о традициях соседних народов, развитию толерантности и взаимоуважения, а также укреплению добрососедских отношений через популяризацию культурного наследия обеих стран, что впоследствии привело к развитию событийного туризма [5].

В последние десятилетия особенности культурного сотрудничества приобрели системный характер и сопровождаются не только демонстрацией традиций каждой страны, но и активным знакомством с культурой партнера. В том числе непосредственное взаимодействие населения создает основу для долгосрочного сотрудничества между странами, что приобретает особую важность для приграничных районов.

Приграничное сотрудничество между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян создает пространство культурного взаимодействия, в котором постоянно происходит обмен традициями и обычаями, что особо ярко проявляется в регулярном проведении совместных мероприятий и реализации проектов по формированию общего культурного пространства [6].

Также, неотъемлемой частью жизни приграничных территорий стало проведение масштабного события «Российской-китайской ярмарки культуры и искусства» одновременно на двух берегах Амура [7]. В рамках ярмарки происходит художественное взаимодействие, которое проявляется в организации совместных выставок живописи, показе работ русских художников в китайских музеях, что создает интерес к русской школе реализма

среди населения КНР. Значение данной формы культурного сближения в диалоге культур способствует формированию объективного представления о традициях соседних народов и развивает толерантность и взаимоуважение, на основе укрепления добрососедских отношений и популяризации культурного наследия обеих стран [8].

Результаты динамичного культурного взаимодействия привели к тому, что культурные мероприятия стали устойчивыми брендами приграничных территорий, при этом обе стороны активно перенимают элементы культуры друг друга, создавая уникальное пространство культурного взаимодействия. Регулярные контакты между жителями приграничных территорий характеризуются развитием взаимопонимания с восприятием культурных различий не как барьера, а как возможности для обогащения собственного культурного опыта.

В то же время взаимодействие культур Амурской области и КНР характеризуется рядом различий, определяемых в том числе географическим разделением. Так, Приграничное расположение городов Благовещенск и Хэйхэ создает ситуацию, когда города находятся на противоположных берегах реки Амур и сохраняется физическая граница между странами, существует специальный режим пересечения границы, с одновременным развитием трансграничной инфраструктуры. Различия в традициях проявляются в том, что в России преобладают христианские и советские праздники, тогда как для территории КНР традиционными являются такие праздники как Китайский новый год и Праздник середины осени [9].

С точки зрения различий в искусстве и творчестве выделяются особенности Амурской области, заключающиеся в преобладании классической музыки и европейской школы живописи, при этом в Китае происходит развитие традиционной оперы, народных танцев и каллиграфии. Бытовые особенности проявляются в различиях в архитектуре жилых домов, специфике питания и кулинарных традиций, а также особенностях семейного уклада двух стран.

Языковой барьер, как аспект культурного разделения заключается в наличии устойчивых лингвистических различий, например русский язык является государственным на территории РФ, а китайский – государственным на территории КНР, что обуславливает необходимость использования переводчиков, а также располагает к развитию билингвального образования [10].

Особенности социально-культурного различия заключаются в разнице отношений к образованию и науке, потребительских привычках, существую-

щих различиях в системе ценностей, а также подходах к ведению бизнеса. Ограничениями в современном взаимодействии является контроль за трансграничным перемещением, различия в законодательстве и специфике таможенного режима, а также разные уровни развития технологий и инфраструктуры.

При этом, несмотря на существующие различия Амурская область и провинция Хэйлунцзян характеризуется активным развитием механизмов взаимодействия, созданием уникальных форм культурного сотрудничества, которые позволяют сохранить культурные особенности каждой страны при наличии одновременного развития общего культурного пространства [11]. Что создает уникальную модель приграничного сотрудничества, где взаимодополняющее развитие формируется на основе существующих уровней различия.

Двусторонние отношения проявляются также в существующей развитой системе механизмов, позволяющих эффективно управлять различиями культур Амурской области и КНР. Организационные сложности и управленческие проблемы в двустороннем культурном взаимодействии характеризуются отсутствием единых стандартов сотрудничества, наличием разницы в уровне вовлеченности участников сотрудничества, сложностями в координации совместных мероприятий и ограниченном уровнем цифровизации взаимодействия [12].

Ограничениями в развитии туризма являются сложности с визовыми режимами двух стран, различия в подходах к обеспечению безопасности, недостаточное развитие туристической инфраструктуры, а также сложности с организацией трансграничных маршрутов. При этом путями решения обозначенных проблем является совершенствование цифровых технологий коммуникаций, создание и развитие единых стандартов международного культурного взаимодействия, упрощение административных процедур, совершенствование трансграничной инфраструктуры, усиление образовательного обмена, а также создание платформ для совместной координации культурных проектов [13].

Дальнейшее развитие культурных отношений между Амурской областью и КНР требует усиления координации на всех уровнях взаимодействия, а также развития культурных обменов, как основной формы взаимодействия.

Примерами культурного взаимодействия между Амурской областью и КНР, который могут послужить основой для дальнейшего развития, являются фестиваль «Амур – река дружбы», совместные концерты творческих коллективов, обмен делегациями, проведение научных конференций, а также

культурные мероприятия проводимые одновременно на двух берегах реки [14].

Развитие регулярных обменов и направление делегации служит совершенствованию социальных контактов за счет обмена опытом между общественными организациями, проведением совместных культурных мероприятий и регулярных встреч представителей власти для поиска путей решения организационных проблем в трансграничном культурном взаимодействии [15]. Художественные обмены позволяют развивать совместные творческие проекты и организовывать совместные выставки живописи с проведением творческих мастерских и обменом опытом между художниками.

Таким образом, поддержание существующих культурных традиций заключается в обмене практиками, в том числе в дальнейшем перенимании танцевальных традиций и продолжении проекта «Танцы для здоровья» на набережной Благовещенска, что закладывает основу для создания и развития культуры совместных массовых мероприятий, а также проведения фестивалей различной тематики.

Путями развития совместных проектов в области кино и медиа является продолжение взаимодействия в части создания совместных кинопроектов, обмене опытом в сфере кинопроизводства, участие артистов в создании кинофильмов в соседней стране и культурных обменах в сфере медиа. Также значимым является потенциал культурного взаимодействия в историческом сотрудничестве, в частности проведение совместных мероприятий к годовщинам победы, благоустройстве воинских захоронений, организации тематических музейных выставок, а также проведение поисковых экспедиций [16].

Путями развития образовательных обменов и культурного обучения является проведение совместных мастер-классов, обмен студентами творческих специальностей, проведение лекций и семинаров, а также создание и развитие совместных образовательных программ. В области организации выставочной деятельности перспективным является развитие совместных художественных проектов, в том числе организация выставок русской живописи в Китае, обмен художественными работами и проведение публичных лекций. Примерами такой деятельности является создание музея русской живописи в Харбине, открытие музея А. Тихомирова в Хэйхэ, организация совместных концертов и проведения культурных ярмарок.

Выводы

Итогом формирования близости культур Амурской области и КНР является создание объектив-

ного представления о традициях соседних народов, развитие толерантности и взаимоуважения, укрепление добрососедских отношений, популяризация культурного наследия обеих стран, а также развитие событийного туризма. Перспективными направлениями культурного взаимодействия является расширение спектра проводимых совместных мероприятий, развитие цифровых форматов культурного взаимодействия, создание новых площадок для культурного обмена с одновремен-

ным углублением образовательного сотрудничества, а также развитием трансграничного культурного туризма.

Таким образом, особенности культурного взаимодействия Амурской области и провинции Хэйлунцзян показывают наличие успешных практик и примеров культурного сотрудничества и взаимодействия, которое продолжает развиваться и обогащаться новыми формами и направлениями сотрудничества.

Список источников

1. Залеская О.В., Мэйвэй Я. Культурные контакты между Россией и Китаем на дальневосточных территориях в XIX – начале XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 134 – 144.
2. Кухаренко С.В. Роль культурно-образовательных проектов в российско-китайских отношениях // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества, 2022. С. 261 – 264.
3. Алексеенко М.Л. О работе международной конференции «Приамурье – форпост России и АТР» // Сборник по материалам международной конференции «Приамурье – форпост России в АТР». Благовещенск. 2008. С. 5 – 7.
4. Брит М.В. Использование «чайной культуры» в воспитании национальной толерантности у учащихся общеобразовательной школы во внеклассной работе // Амурский научный вестник: Изд-во АмГПУ, 2017. С. 63 – 67.
5. Мэйвэй Я. Развитие гуманитарных отношений в сфере культуры между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян в 1990-е гг. // Десятые Гродековские чтения. Межрег. научно-практич. конф-я с международным участием. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2021. № 11. С. 115 – 120.
6. Александрова М.В. Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН. 2020. С. 198 – 222.
7. Беловецкая В.А., Комаров С.А. Экономические взаимоотношения России и Китая // Концепт. 2015. № 9. С. 1 – 5.
8. Горобец Л.А. Взаимодействие культур России и Китая: проблема культурной совместимости // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 12. С. 12 – 18.
9. Круто О.И. Российская историография русского присутствия в Китае: Общество и государство в Китае / Ин-т востоковедения РАН. М.: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения (ИВ РАН), 2019. 395 с.
10. Мэйвэй Я. Совместные российско-китайские мероприятия для детей как аспект гуманитарных связей Амурской области и провинции Хэйлунцзян в конце XX – начале XXI вв. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы XI Межд. научно-практич. конф-и. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2021. С. 211 – 214.
11. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: Теория и история межгосударственных отношений. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 2020. 203 с.
12. Даниловских Т.Е., Кузьмичева И.А. Этапы развития и формы приграничной торговли между Китаем и Россией. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 3. С. 16 – 22.
13. Жилина Л.Н. Особенности развития приграничного сотрудничества России и Китая // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2022. № 4. С. 159 – 163.
14. Мэйвэй Я. Роль событийного международного туризма в 1990-е гг. для развития гуманитарных российско-китайских связей (на примере Амурской области) // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее, М.: ИДВ РАН, 2022. С. 343 – 351.
15. Воног В.В. Межкультурная коммуникация русского населения Сибири и китайской диаспоры: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. 82 с.
16. Лейфа А.В. Ресурсные возможности международного сотрудничества Благовещенского государственного педагогического университета с вузами Китая // Вектор науки ТГУ. 2024. № 3. С. 300 – 303.

References

1. Zalesskaya O.V., Meiwei Ya. Cultural contacts between Russia and China in the Far Eastern territories in the 19th – early 20th centuries. Socio-economic and humanitarian journal. 2024. No. 2. P. 134 – 144.
2. Kukharensko S.V. The role of cultural and educational projects in Russian-Chinese relations. Russia and China: history and prospects for cooperation, 2022. P. 261 – 264.
3. Alekseenko M.L. On the work of the international conference "Amur Region – an outpost of Russia and the Asia-Pacific region". Collection of materials from the international conference "Amur Region – an outpost of Russia in the Asia-Pacific region". Blagoveshchensk. 2008. P. 5 – 7.
4. Brit M.V. The use of "tea culture" in the education of national tolerance among students of comprehensive schools in extracurricular activities. Amur Scientific Bulletin: Publishing House of Amur State Pedagogical University, 2017. P. 63 – 67.
5. Meiwei Ya. Development of humanitarian relations in the field of culture between the Amur Region and Heilongjiang Province in the 1990s. The Tenth Grodekov Readings. Interregional scientific and practical conference with international participation. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov, 2021. No. 11. P. 115 – 120.
6. Aleksandrova M.V. The program of cooperation between adjacent territories of Russia and China: history, facts, ways of implementation. China in world and regional politics. History and modernity. Moscow: IFES RAS. 2020. P. 198 – 222.
7. Belovetskaya V.A., Komarov S.A. Economic relations between Russia and China. Concept. 2015. No. 9. P. 1 – 5.
8. Gorobets L.A. Interaction of cultures of Russia and China: the problem of cultural compatibility. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022. No. 12. P. 12 – 18.
9. Kruto O.I. Russian historiography of the Russian presence in China: Society and state in China. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies (IOS RAS), 2019. 395 p.
10. Meiwei Ya. Joint Russian-Chinese events for children as an aspect of humanitarian ties between the Amur Region and Heilongjiang Province in the late 20th – early 21st centuries. Russia and China: history and prospects for cooperation: Proceedings of the XI Int. scientific and practical. conf. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2021. P. 211 – 214.
11. Voskresensky A.D. Russia and China: Theory and history of interstate relations. Moscow: Publishing center for scientific and educational programs, 2020. 203 p.
12. Danilovskikh T.E., Kuzmicheva I.A. Stages of development and forms of border trade between China and Russia. Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. No. 3. P. 16 – 22.
13. Zhilina L.N. Features of the Development of Cross-Border Cooperation between Russia and China. Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. 2022. No. 4. P. 159 – 163.
14. Meiwei Ya. The Role of Event International Tourism in the 1990s for the Development of Humanitarian Russian-Chinese Relations (on the Example of the Amur Region). East Asia: Past, Present, Future, Moscow: IFES RAS, 2022. P. 343 – 351.
15. Vonog V.V. Intercultural Communication of the Russian Population of Siberia and the Chinese Diaspora: Monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2021. 82 p.
16. Leifa A.V. Resource capabilities of international cooperation of Blagoveshchensk State Pedagogical University with universities of China. Vector of Science of TSU. 2024. No. 3. P. 300 – 303.

Информация об авторе

Дегтярева А.А., аспирант, Благовещенский государственный педагогический университет, anet-ta.1983@mail.ru

© Дегтярева А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 316.356.2:316.752(=470.64)

Трансформация института аталычества и его воспитательной роли в карачаево-балкарском обществе к началу XX века

¹ Болурова А.Н.,

¹ Батчаев А.А.,

¹ Гагуев М.С.,

¹ Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

Аннотация: карачаево-балкарцы являются носителями культурного наследия. Трудовое воспитание – это передача жизненного опыта старшего поколения младшему, одно из самых необходимых условий деятельности всех этнических общностей без исключения. В данном исследовании рассматривается передача жизненного и практического опыта старшего поколения младшему – одно из самых необходимых условий деятельности всех этнических общностей без исключения. В этом отношении народы отличаются друг от друга, видимо только в частных вопросах, в деталях: в методах и средствах воспитания, которые обусловлены специфическими особенностями хозяйства, степенью развития тех или иных отраслей производства. А они, в свою очередь, зависят от социально-экономического, культурного и политического развития, природно-географической среды, исторического пути, пройденного народом, а также от образа жизни, обычаев и традиций, психологии, национального характера.

В статье рассматривается трансформация обычая аталычества и его влияние на формирование трудовых умений и навыков у молодых горцев, которые сразу после своего рождения передавались на воспитание в другие семьи. Опираясь на многочисленные источники и историческую литературу, а также информацию, полученную в ходе полевых исследований, авторы работы анализируют способы приобщения карачаево-балкарских детей, находящихся в семье аталыков, к труду, пути формирования у них таких качеств, как трудолюбие, умение выполнять любую сложную работу и т.д. Основные положения данного исследования могут быть использованы в ходе изучения курса региональной истории и этнографии в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: карачаево-балкарцы, горцы, сословия, трудовое воспитание, аталычество, аталык, эмчек ана, сельскохозяйственный труд

Для цитирования: Болурова А.Н., Батчаев А.А., Гагуев М.С. Трансформация института аталычества и его воспитательной роли в карачаево-балкарском обществе к началу XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 130 – 137.

Поступила в редакцию: 10 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The transformation of the institution of Atalyk customs and its educational role in Karachay-Balkarian society by the beginning of the 20th century

¹ Bolurova A.N.,

¹ Batchaev A.A.,

¹ Gagiev M.S.,

¹ Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev

Abstract: Karachay-Balkarians are carriers of cultural heritage. Labor education is the transfer of the life experience of the older generation to the younger, one of the most necessary conditions for the activities of all ethnic communities without exception. This study examines the transfer of the life and practical experience of the older generation to the younger – one of the most necessary conditions for the activities of all ethnic communities without exception. In this respect, peoples differ from each other, apparently only in particular matters, in details: in methods and means of education, which are determined by the specific features of the economy, the degree of development of certain industries. And they, in turn, depend on socio-economic, cultural and political development, the natural and geographical environment, the historical path traveled by the people, as well as on lifestyle, customs and traditions, psychology, national character.

The article examines the transformation of the Atalyk custom and its impact on the formation of work skills among young mountaineers, who were transferred to other families immediately after their birth. Based on numerous sources and historical literature, as well as information obtained during field research, the authors analyze ways to introduce Karachay-Balkarian children in the Atalyk family to work, ways to form their qualities such as diligence, the ability to perform any difficult work, etc. The main provisions of this research can be used in the course of studying the course of regional history and ethnography in higher educational institutions.

Keywords: Karachay-Balkarians, mountaineers, estates, labor education, Atalyk customs, atalyk, emchek ana, agricultural labor

For citation: Bolurova A.N., Batchaev A.A., Gagiev M.S. The transformation of the institution of Atalyk customs and its educational role in Karachay-Balkarian society by the beginning of the 20th century. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 130 – 137.

The article was submitted: February 10, 2025; Approved after reviewing: April 8, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Во все времена в жизни карачаево-балкарцев, как и других народов Северного Кавказа, важную роль играло трудовое воспитание, способствовавшее передаче от старших молодому поколению богатого жизненного опыта. Именно труд был источником полноценного воспитания горцев, формировал у них качества достойных представителей кавказских народов.

В силу своей значимости в жизни человечества, труд высоко ценился в горском обществе. Родителям необходимо было воспитывать в своих детях именно уважительное отношение к труду. Примечательно, что большое уважение всегда проявлялось по отношению к трудолюбивым людям, а суровой критике подвергались бездельники и тунеядцы. Это нашло отражение в устном народном творчестве карачаево-балкарцев, в котором значительное место занимают наставления отцов и дедов о трудолюбии. В народе до сих пор известны такие высказывания, как: «Жигерни тангы алгъа

атар» (Для трудолюбивого утро раньше рассвета-ет); «Жигер ишин тюшюнде кёрюр» (Трудолюбивому и во сне работа снится)» [1, с. 34].

Известно, что трудовое воспитание карачаево-балкарцев находилось в тесной связи с многочисленными обычаями, обрядами и институтами, с помощью которых молодежь более активно приобщалась к труду. Одним из них стал и институт аталычества, в значительной степени трансформировавшийся к началу XX в., но продолжавший в видоизмененной форме бытовать среди карачаевского населения.

Цель данной работы состоит в раскрытии роли института аталычества в трудовом воспитании горцев.

Задачи исследования:

- проанализировать сущность института горского аталычества и причины его трансформации к началу XX века;
- исследовать воспитательную роль аталычества в горском обществе в рассматриваемый пери-

од;

- на основе исторических источников и литературы, а также материалов полевых исследований отразить взаимовлияние аталычества и трудового воспитания карачаевцев.

Материалы и методы исследований

В качестве базы настоящего исследования использовались как опубликованные труды дореволюционных, советских и современных исследователей, так и материалы, собранные в ходе полевых этнографических экспедиций в селениях Большого Карачая. Методологической основой исследования стал комплексный подход, сочетающий историко-этнографический, сравнительно-исторический и культурно-антропологический методы. Историко-этнографический метод позволил выявить особенности функционирования института аталычества в традиционном обществе, его трансформацию и роль в трудовом воспитании карачаево-балкарской молодежи. Сравнительно-исторический метод использовался при сопоставлении различных форм практики аталычества и трудового воспитания в разные исторические периоды, а также при анализе их проявлений в различных социальных слоях. Особое внимание уделялось анализу устных рассказов информантов, записанных в рамках полевых исследований, что позволило более глубоко реконструировать практическую сторону воспитательного процесса в рамках института аталычества. При отборе информантов учитывались возраст, уровень информированности о традиционной культуре и наличие личного или семейного опыта, связанного с рассматриваемыми обычаями. Использование качественных методов исследования, в том числе интервью и включенного наблюдения, позволило получить эмпирические данные, необходимые для раскрытия темы.

Результаты и обсуждения

Рассматриваемая проблема практически не получила освещения в исторической литературе. В то же время собственно проблема трудового воспитания и специфика института аталычества рассматривались в целом ряде работ.

Например, роли обрядов и обычаев в трудовой деятельности карачаевцев посвящено исследование Н.С. Щукина «Материалы для изучения карачаевцев» [2].

Значению обычаев и обрядов, их роли в трудовом воспитании горцев посвящена работа Г.Ф. Чурсина «Очерки по этнологии Кавказа» [3]. В ней автор довольно подробно исследует различные стороны жизни народов Кавказа, в том числе карачаево-балкарцев. Он объективно рассматривает значение трудового воспитания, его соотноше-

ния с многочисленными обычаями и обрядами, существовавшими в горской среде.

Рассматриваемая проблема находится также в центре внимания исследователя М.М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе» [4]. Автор, наряду с другими обычаями, большое внимание уделяет трудовому воспитанию горцев. Основные выводы, сделанные в данном труде, способствуют более полному усвоению данного вопроса.

В советской исторической литературе этнографического характера также рассматривается значение трудового воспитания. Особую ценность в этом плане представляют труды Л.И. Лаврова [5], Х.О. Лайпанова [6], Ф.А. Урусбиевой [7], И.М. Шаманова [8]. К анализу обычая аталычества обращался Косвен [9].

Профессор К.М. Текеев в своей монографии «Карачаевцы и балкарцы» подробно рассматривает трудовое воспитание карачаево-балкарцев, институт аталычества у карачаевцев и балкарцев, их взаимовлияние [10]. Работа содержит довольно ценный материал по нашей теме и является серьезным источником для изучения исследуемого вопроса.

Трудовое воспитание горцев, пути и средства формирования трудовых навыков у карачаевцев и балкарцев являются объектом исследований Х.Х. Малкандуев [11], М.Б. Гуртуева «Этнопедагогика карачаево-балкарского народа» [12] и Г.Х. Мамбетова «Традиционная культура кабардинцев и балкарцев» [13]. Авторы анализируют различные аспекты воспитания молодого поколения, формирования у него навыков к труду, взаимовлияния аталычества и трудового воспитания карачаево-балкарской молодежи.

В последние десятилетия проблему трудового воспитания и института аталычества затрагивали в своих трудах Р.М. Бегеулов [14].

Источниковая база представлена различными сборниками документов, а также материалами фольклора карачаево-балкарского народа. Наряду с этим, важным источником являются рассказы, записанные нами в ходе полевых исследований в селениях Большого Карачая. Эти сведения стали серьезным подспорьем при рассмотрении данной проблемы, ибо они остались от родителей информантов, с которыми мы беседовали.

Новизна данного исследования состоит в том, что авторы предприняли попытку исследования взаимовлияния трудового воспитания карачаево-балкарцев и обычая аталычества, который во второй половине XIX в. претерпел существенную трансформацию.

Как известно, сущность обычая аталычества заключалась в том, что после рождения ребенка пе-

редавали на некоторое время на воспитание в другую семью, воспитывали там, учили хорошим манерам и обучали всем тонкостям военного дела. Спустя несколько лет, молодой человек возвращался к своим родителям. Обычай был распространен в аристократической среде. Как правило, мальчики из княжеских сословий воспитывались в дворянских семьях внутри общества или даже в аристократических семьях в иноэтнической среде. В источниках имеют место некоторые данные, свидетельствующие о приеме и передаче на воспитание детей между семьями соседних народов. В качестве примера можно назвать семьи Дудовых в Карачае и Дадешкилиани в Сванетии, Атажукиных в Кабарде и Алиевых в Карачае [15, с. 83]. Иногда на воспитание в чужие семьи отдавались и девочки, но это было гораздо реже.

Факты свидетельствуют, что рассматриваемый обычай появился еще в период первобытнообщинного строя. Первые сведения о нем относятся к IX-X вв. Одним из авторов, у которого встречается упоминание об аталычестве, был арабский автор Ахмад ибн Фадлан. В его работах содержатся интересные материалы об обычае аталычества у древних болгар. Значительный интерес для исследователей представляет эволюция обычая аталычества, который со временем приобретает социальный характер и становится институтом феодального общества. Присущий ранее всем общественным слоям, впоследствии он укореняется в княжеской и дворянской среде, теряя свое значение в крестьянском обществе. Кроме того, дети из семей высших сословий могли вскармливаться женщинами из более низших, зависимых сословий.

В этом плане заслуживает внимания довольно интересное сообщение генуэзского историка, этнографа и путешественника XV в. Дж. Интериано о том, что по достижению ребенком из знатного рода двух или трех лет, его «отдают на попечение одного из слуг и тот ежедневно возит его с собой на коне с маленьким луком в руках, и как завидит курицу или другую птицу, то учит его стрелять, а затем, когда он станет побольше, он и сам охотится за этой живостью в своих же собственных владениях» [16, с. 43].

В связи с тем, что ребенка кормила грудью жена аталыка, мальчика называли «эмчек улан» или «эмчек джаш», а девочку – «эмчек кыыз». Воспитанные в полном объеме именовались «эмикдеш». Это подтверждается как историческими источниками, так и материалами полевых исследований, в частности сообщением жительницы аула Карт-Джурт Люазы Болуровой, услышанным ею от бабушки [17].

Обычай аталычества довольно строго относился к родителям детей, переданных на воспитание. Так, они не могли видеться со своими детьми, навещать их в новой семье, прямо или косвенно вмешиваться в их жизнь.

Обращается внимание и на сроки нахождения воспитанника в доме аталыка. Как отмечают информанты, молодой человек должен был находиться там до 17-18 лет, а девочки до 12-13 лет.

В то же время в первой половине XIX в. обычай аталычества стал в значительной степени трансформироваться под влиянием целого ряда обстоятельств, в том числе прямых запретов со стороны российской администрации [18]. Но главное, что после отмены крепостного права в горских обществах и других реформ 1860-1870-х гг. изменилась социальная система взаимодействия в обществе. Практика отдачи детей на воспитание в другие семьи сохранилась, но приобрела новые черты. Во-первых, этот обычай стал использоваться и в среде неаристократических сословий. Во-вторых, даже в случае воспитания ребенка из аристократической семьи воспитатели стали уделять значительное внимание не только этикету и военным навыкам, но и приобщению его к труду, о чем раньше не могло идти и речи.

Как правило, аталыком (воспитателем) крестьянских детей становился брат их матери, который должен был быть богаче семьи ребенка.

Как рассказывает жительница аула Учкулан Асият Бостанова, аталыками княжеских детей становились кара-уздени или вольноотпущенники (азаты). При этом семья аталыка должна была по своему социальному статусу быть ниже, чем семья воспитанника. На ряде примеров из реальной жизни, рассказанных ее дедушкой, информант показала, что ребенок, которого брали на воспитание по обычаю аталычества, по достижению определенного возраста становился надежным покровителем и помощником данной семьи [19].

Значительный интерес представляет информация Сапры Тамбиевой из аула Карт-Джурт. Так, основываясь на рассказе дедушки, она сообщила, что в населенном пункте, где жила семья аталыка, устраивался праздник в честь ребенка, которому исполнился 1 год. Окружающие приходили смотреть на него, при этом семья получала многочисленные подарки. Более масштабное торжество проходило, когда ребенок начинал делать первые шаги. С целью выявления будущих наклонностей ребенка перед ним раскладывали многочисленные разнообразные предметы и наблюдали за тем, что привлечет его внимание. По итогам этого делали вывод, кем станет воспитанник в будущем [20].

Информаторы сообщают об определенных требованиях, предъявляемых к аталыкам, которые должны были ими строго соблюдаться. В частности, воспитатель должен был быть уважаемым в народе человеком, иметь высокий авторитет, хорошо разбираться в обычаях народа и военном деле. Хозяйка должна была быть хорошей домохозяйкой, умной и строгой матерью.

На период воспитания молодого человека все связанные с ним проблемы от его семьи переходили к аталыку. Соответственно этому должно было осуществляться и воспитание. После того, как мальчику исполнится 3 года, начиналось его трудовое воспитание, которое, однако, не должно было нанести вред здоровью ребенка. За ребенка отвечал лично аталык.

Глава семьи учил своего воспитанника всему необходимому, способствовал формированию у него знаний, умений и навыков в практической трудовой деятельности, физической подготовке, стрельбе, верховой езде, приучал к горскому этикету. В задачу аталыка входило воспитание молодого человека в княжеском или дворянском духе. Обязательным стало приобретение навыков ведения хозяйства.

Воспитание девочек, переданных в семью аталыка, находилось в компетенции его жены, у которой они учились домашним ремеслам, рукоделию, этикету, женским работам. Важным требованием к молодым горянкам было умение петь и танцевать.

Аталык делал все возможное для формирования у своего воспитанника силы воли, способствовал его привыканию к самым сложным, а зачастую, невыносимым условиям жизни. Все это, безусловно, достигалось посредством трудового воспитания. Аталык ставил своей целью формирование у своего нового ребенка уважительного отношения к труду [21, с. 146]. Иными словами, имело место взаимовлияние труда и обычая аталычества, т.е. формирование трудовых навыков происходило в условиях аталычества, а с другой стороны, именно с помощью труда воспитывался ребенок, переданный в семью аталыка.

Ввиду того, что сельское хозяйство, а именно, скотоводство, было основным занятием карачаевцев и балкарцев, отец-аталык с детских лет приучал воспитанника к сельскохозяйственному труду. В горском обществе всегда особо ценились молодые люди, которые обладали практическими навыками и умениями в сложном деле ухода за домашними животными, ибо к скотоводству у горцев было особое отношение.

В этом плане считаем справедливой оценку скотоводства историком и этнографом Н.П. Туль-

чинским, считавшим его единственным источником благосостояния народа. Будучи хорошим знатоком экономики и культуры горских народов Кавказа, он полагал, что от развития скотоводства зависит экономическое развитие народа [22, с. 97].

Осознавая значение скотоводства в жизни горцев, родители привлекали к этому занятию своих детей с малых лет. Мальчики и девочки получали определенные практические знания и умения в этой отрасли. Практический уход за домашними животными был важнейшей частью их жизни. Не были исключением и дети, принятые по линии аталычества.

Заслуживает внимания информация жителя аула Карт-Джурт Аубекира Текеева, который в ходе беседы сообщил нам, что к уходу за домашними животными дети привлекались уже с 5-6-летнего возраста. Многие из них достаточно хорошо справлялись с этой работой, что позволяло оценивать их как настоящих пастухов. В крестьянской среде особым уважением пользовались молодые люди, зарекомендовавшие себя искусными овцеводами. Поскольку часто сыновья представителей высших сословий оказывались в крестьянских семьях, то и они тоже привлекались к подобной деятельности [23].

Дети, в том числе и принятые в семьи аталыков на воспитание, участвовали и в сельскохозяйственных работах. Они участвовали в измерении ширины маленьких участков, их очистке перед вспашкой, посадке картофеля и т.д.

Карачаево-балкарских детей, в том числе и взятых на воспитание, привлекали и в качестве помощников в ремесленном производстве, в частности, в обработке сукна. По мнению Н.П. Тульчинского, суконное производство было составной частью народной экономики карачаево-балкарского и других народов Северного Кавказа.

Горцы Северного Кавказа также были известны как хорошие мастера по изготовлению шерстяных бурок и кошмы, на которую наносились различные орнаменты. В качестве подсобных помощников выступали дети, которые выполняли различные работы по обработке шерсти и производству бурок. Детей привлекали и к процессу уваливания (чепген басхан), являвшемуся самым сложным в суконном производстве. Сюда также часто привлекались дети, принятые на воспитание в семьи аталыков.

Под влиянием родителей дети могли стать талантливыми мастерами в деревообработке, в частности, производстве сельскохозяйственных орудий труда, предметов домашнего обихода. Для этого им необходимо было получать знания у талантливых деревообработчиков.

Трудовое воспитание девочек, в том числе и принятых на воспитание по обычаю аталычества, находилось в руках матерей. В возрасте 5-6 лет девочка помогала матери мотать нитки, вязать, тереть руками шерсть. С 11-13 лет она могла шить и вышивать, ткать и прясть. Вместе с женщинами молодые горянки участвовали и в полевых работах. Данный факт подтверждает исследователь Я.С. Смирнова [24].

В процессе трудового воспитания имели место определенные правила, которые касались и детей, принятых в семью аталыков. К ним относились: учет возрастных особенностей детей; учет трудового опыта предыдущих поколений; трудовая подготовка подрастающего поколения; разъяснение; порицания за недобросовестное отношение к трудовым обязанностям и т.д.

Рассматривая роль трудового воспитания в жизни молодого поколения карачаево-балкарцев, необходимо отметить его положительное всестороннее влияние на формирование личности человека. Прежде всего, речь идет о физической закалке и развитии выносливости детей. В народе полагали, что физический труд повышает жизненные возможности человека. Поэтому труд детей, посылный для них, по мнению родителей, делает их более здоровыми. В сложных условиях горской жизни важным фактором была выносливость, которая помогала преодолевать любые препятствия. Выносливость же формировалась именно в ходе трудовой деятельности и с помощью труда [25, с. 150].

Труд играл важную роль и в формировании морально-нравственного облика человека. Именно в труде воспитывались нравственные черты моло-

дых горцев, в том числе и детей, принятых аталыками на воспитание. Карачаевцы и балкарцы стремились сформировать в своих детях такие важные и необходимые качества, как принципиальность, последовательность, чувства долга при выполнении работы.

В процессе трудового воспитания детей приучали к коллективизму, к совместному труду. Именно в этом видели свою задачу и аталыки, когда приучали воспитанников к труду. Они справедливо полагали, что совместный труд сообщества помогает решать сложные проблемы [26, с. 46].

Во все времена карачаево-балкарцы дорожили рабочим временем, старались выполнять трудовые дела в срок. Этому же они учили и своих детей. Аталыки приучали детей к тому, чтобы они зря не тратили свое время, все порученные задания выполняли в срок вовремя и качественно.

Выводы

Таким образом, в карачаево-балкарском обществе огромную роль играло трудовое воспитание молодого поколения, которое способствовало формированию горцев как полноценных членов общества, воспитывало в них лучшие качества высоконравственного человека. Имеющаяся в нашем распоряжении литература позволила нам прийти к выводу о том, что труд оказывал серьезное влияние и на тех молодых горцев, которые находились в семьях аталыков. С другой стороны, именно аталыки занимались трудовым воспитанием своих подопечных. Исходя из этого, мы можем с полной уверенностью утверждать о важной роли трудового воспитания в условиях аталычества и аталычества в трудовом воспитании.

Список источников

1. Ключмезова М.Н. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эльфа, 2003. 210 с.
2. Щукин Н.С. Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. 1913. № 1. С. 29 – 98.
3. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. 189 с.
4. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1980. Т. 1. 290 с.
5. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. № 4. С. 55 – 119.
6. Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957. 65 с.
7. Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1979. 95 с.
8. Шаманов И.М. Народный календарь карачаевцев // Советская этнография. 1971. № 5. С. 108 – 117.
9. Косвен М.О. Аталычество // Журнал «Советская этнография». 1935. № 2. С. 10 – 16.
10. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. М.: Наука, 1989. 447 с.
11. Малкандуев Х.Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1990. 152 с.
12. Гуртуева М.Б. Этнопедагогика карачаево-балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 1997. 251 с.

13. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эль-фа, 1997. 364 с.
14. Бегеулов Р.М. Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. Карачаевск: КЧГУ, 2009. 257с.
15. Кожаров В.Ш. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-фа, 1994. С. 102.
16. Гарданов В.К. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43 – 15.
17. Полевой материал автора. Люаза Болурова, 1937 г.р. Карачаево-Черкесская республика, аул Карт-Джурт.
18. Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX. Карачаево-черкес. ист.-культур. и природ. музей-заповедник. Черкесск, 2002. 178 с.
19. Полевой материал автора. Асият Бостанова, 1939 г.р. Карачаево-Черкесская республика, аул Учкулан.
20. Полевой материал автора. Сапра Тамбиева, 1934 г.р. Карачаево-Черкесская республика, аул Учкулан.
21. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство. 1978. 36 с.
22. Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды. Этнографически-экономический очерк // Владикавказ: Тип. Терского обл.правления. 1903. С. 97.
23. Полевой материал автора. Аубекир Текеев, 1940 г.р. Карачаево-Черкесская республика, г. Черкесск.
24. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983. С. 114 – 116.
25. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1978. С. 158.
26. Болурова А.Н. Формирование трудовых навыков у карачаево-балкарцев: воспитательный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (67). С. 46 – 48.

References

1. Kyuchmezova M.N. Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity. Nalchik: El-fa, 2003. 210 p.
2. Shchukin N.S. Materials for the study of the Karachays. Russian anthropological journal. 1913. No. 1, 2. Pp. 29 - 98.
3. Chursin G.F. Essays on the ethnology of the Caucasus. Tiflis, 1913. 189 p.
4. Kovalevsky M.M. Law and custom in the Caucasus. Moscow, 1980. Vol. 1. 290 p.
5. Lavrov L.I. Karachay and Balkaria before the 30s of the XIX century. Caucasian ethnographic collection. M., 1969. No. 4. P. 55 – 119.
6. Laipanov H.O. On the History of the Karachays and Balkars. Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1957. 65 p.
7. Urusbieva F.A. Karachay-Balkar Folklore. Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1979. 95 p.
8. Shamanov I.M. Folk Calendar of the Karachays. Soviet Ethnography. 1971. No. 5. P. 108 –117.
9. Kosven M.O. Atalichestvo. Journal “Soviet Ethnography”. 1935. No. 2. P. 10 – 16.
10. Tekeyev K.M. Karachays and Balkars. Moscow: Nauka, 1989. 447 p.
11. Malkanduev H.H. Ancient song culture of the Balkars and Karachays. Nalchik: Elbrus, 1990. 152 p.
12. Gurtuyeva M.B. Ethnopedagogy of the Karachay-Balkar people. Nalchik: Elbrus, 1997. 251 p.
13. Mambetov G.H. Traditional culture of the Kabardians and Balkars. Nalchik: El-fa, 1997. 364 p.
14. Begeulov R.M. The Central Caucasus in the 17th – first quarter of the 19th century: essays on ethnopolitical history. Karachaevesk: KChSU, 2009. 257 p.
15. Kozharov V.Sh. Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis in the late 18th – first half of the 19th century. Nalchik: El-fa, 1994. P. 102.
16. Gardanov V.K. Adyghe, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th-19th centuries. Nalchik: Elbrus, 1974. Pp. 43 – 15.
17. Field material of the author. Lyuaza Bolurova, born in 1937. Karachay-Cherkess Republic, aul Kart-Dzhurt.
18. Begeulov R.M. Karachay in the Caucasian War of the 19th century. Karachay-Cherkess. hist.-cultural. and natural. museum-reserve. Cherkessk, 2002. 178 p.

19. Field material of the author. Asiyat Bostanova, born in 1939. Karachay-Cherkess Republic, Uchkulan village.
20. Field material of the author. Sapra Tambieva, born in 1934. Karachay-Cherkess Republic, Uchkulan village.
21. Karachays. Historical and ethnographic essay. Cherkessk: Karachay-Cherkess book publishing house. 1978. 36 p.
22. Tulchinsky N.P. Five mountain societies of Kabarda. Ethnographic and economic essay. Vladikavkaz: Type. Terek regional administration. 1903. P. 97.
23. Field material of the author. Aubekir Tekeyev, born in 1940. Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk.
24. Smirnova Ya.S. Family and Family Life of the Peoples of the North Caucasus. Moscow: Nauka, 1983. P. 114 – 116.
25. Karachays. Historical and Ethnographic Essay. Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1978. P. 158.
26. Bolurova A.N. Formation of Work Skills among Karachay-Balkars: Educational Aspect. Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. 2016. No. 5 (67). P. 46 – 48.

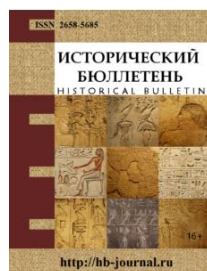
Информация об авторах

Болурова А.Н., кандидат исторических наук, доцент, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

Батчаев А.А., аспирант, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

Гагуев М.С., аспирант, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

© Болурова А.Н., Батчаев А.А., Гагуев М.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 9(091)(574)"14/15"

Трансформация политической легитимности Шайбани-хана как ключ к пониманию порядка написания "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани"

¹ Али Резаипуя,
¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани" Бинаи Харави (1453-1512) являются одними из наиболее важных источников по истории Центральной Азии в XV-XVI веках, и с XIX века по ним проводились многочисленные исследования. Однако хронологический порядок их создания до сих пор остаётся предметом дискуссий. Подходы, применяемые до сих пор для решения этой научной проблемы основываются на текстологическом анализе рукописей и сравнении повествовательных структур. В настоящей статье предлагается новый подход, основанный на анализе эволюции концепций политической легитимности, отражённых в каждом из этих трудов. Предлагаемый вывод статьи заключается в том, что "Шейбани-наме" отражает ранний этап консолидации власти с акцентом на личной храбрости и поддержке племенной знати, в то время как "Футухат-и Хани" демонстрирует более позднюю стадию, характеризующуюся стремлением к централизации власти и использованию более сложных инструментов легитимации. Таким образом, можно предположить, что, хотя в существующих рукописях повествование "Шейбани-наме" продолжается на два года дольше событий, описанных в "Футухат-и Хани", по крайней мере, первоначальная версия "Шейбани-наме" была написана до "Футухат-и Хани". Результаты данного исследования могут способствовать лучшему пониманию истории Центральной Азии XV-XVI вв. и вопросов персидской историографии.

Ключевые слова: персидская историография, Бухарское ханство, династия Шайбанидов, Узбекское ханство, Мохаммад Шайбани-хан, Камаль ад-Дин Бинаи Харави

Для цитирования: Али Резаипуя Трансформация политической легитимности Шайбани-хана как ключ к пониманию порядка написания "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани" // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 138 – 143.

Поступила в редакцию: 11 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The transformation of Muḥammad Shaybānī Khān's political legitimacy as a key to understanding the spelling of the Shibānīnāma and Futūḥāt-e Khānī

¹ Ali Rezaeepuya,
¹ St. Petersburg State University

Abstract: Banā'i Heravi's Shibānīnāma and Futūḥāt-e Khānī are seminal sources for understanding the history of Central Asia in the 15th and 16th centuries. However, the chronological order of these texts remains a subject of scholarly debate. To address this question, the present study focuses on the expression of political legitimacy within each work. Through a discourse analysis of Bīnā'ī's portrayal of Muḥammad Shaybānī Khān (1451-1510), it investigates how shifting notions of sovereignty reflect the evolving needs and aspirations of the early Shaybanid state. The analysis suggests that the Shibānīnāma reflects an initial phase of Shaybanid rule, characterized by a reliance

on charismatic leadership and tribal alliances. Conversely, the Futuhāt-e Khāni portrays a maturing regime seeking centralized governance, legitimized through the incorporation of established Perso-Islamic norms and traditions. This ideological divergence lends support to the suggestion of a relative chronology: namely, that the Shibānīnāma's foundational redaction likely predates the Futuhāt-e Khāni. Ultimately, this research highlights the intrinsic connection between textual production and the articulation of state ideology during the critical period of Shaybanid consolidation. It further emphasizes the value of political-theological discourse as a framework for understanding these significant historical texts.

Keywords: Persian Historiography, Khanate of Bukhara, Shaybanids, Uzbek Khanate, Muḥammad Shaybānī Khān, Banāi Heravi

For citation: Ali Rezaeepuya *The transformation of Muḥammad Shaybānī Khān's political legitimacy as a key to understanding the spelling of the Shibānīnāma and Futūḥāt-e Khāni*. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 138 – 143.

The article was submitted: February 11, 2025; Approved after reviewing: April 8, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

В конце XV века Мавераннахр переживал сложный кризис [2]. В этой обстановке одним из претендентов на гегемонию стал Мухаммад Шайбани-хан (1451-1510), внук узбекского хана Абуль-Хайра (1412-1468). Помимо практических проблем, связанных с завоеванием власти, Мухаммад Шайбани-хан столкнулся со значительной проблемой политической легитимации. Чингизидская легитимность, хотя и важная, оказалась недостаточной для консолидации его власти, поскольку в регионе существовали другие претенденты, возможно, имевшие более весомые права на основе этого принципа [13, с. 333-334]. Более того, в то время как чингизидская легитимность импонировала определённой части знати монгольских племён, она, напротив, могла делегитимизировать его правление в глазах значительной части оседлого таджикского населения и исламского духовенства [6, 7]. Утверждение себя в качестве султана в рамках традиционного ирано-исламского понимания также было затруднено, поскольку общество Мавераннахра не принимало завоевателя как легитимного правителя, а степная племенная знать не проявляла заинтересованности в установлении сильной централизованной власти [9]. Более того, социально-политическая элита городов Мавераннахра в значительной степени сохраняла лояльность Тимуридам, изначально отказываясь от союза с Шайбани-ханом [14, с. 187-190].

В ответ на такие проблемы, Шайбани-хан предпринял усилия по легитимации своей власти, изначально основанной на военной силе, обратившись к культурной элите, включая бюрократов, литераторов и исламских учёных. Ему требовалось создание текстов на персидском и чагатайском языках, представляющих его в качестве харизматичной и легитимной фигуры и проложить

путь к концентрации его власти. Камаль ад-Дин Бинаи Харави (1453-1512), ранее служивший при дворах Тимуридов и Ак-Коюнлу, являлся одним из представителей этой элиты и сыграл ключевую роль в продвижении политических амбиций Шайбани-хана.

Произведения Бинаи, связанные с Шайбани-ханом, и в частности "Шейбани-наме", с XIX века привлекали внимание таких востоковедов, как Э.Г. Браун, К.Г. Залеман, А.Н. Самойлович, М.А. Салъе, А.А. Семенов, А.Н. Болдырев, Р.Г. Мукминова, С.К. Ибрагимов, Б.А. Ахмедов и др. [1, с. 20] (Подробную библиографию российских и советских исследований по данной теме см. в разделе "Литература" книги А.М. Мирзоева [5]). значительный вклад в изучение этой фигуры внёс таджикский исследователь Абдулгани Мирзоев, написавший монографию о Бинаи. Эта работа, ставшая одной из первых научных публикаций в области литературной критики в Таджикистане, была впервые издана на таджикском языке в 1957 году [4], а затем на русском в 1976 году [5]. В Советском Союзе отрывки из "Шейбани-наме" были опубликованы в русском переводе С. К. Ибрагимова и К. А. Пищулиной [3, с. 91-127]. В 1997 году японский исследователь Кубо также опубликовал критическое издание текста в Японии [11]. Тем не менее, в текстологическом изучении произведений Бинаи сохраняется ряд нерешённых вопросов, особенно в отношении датировки и характера двух его сочинений, посвящённых Шейбани-хану: "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани".

Материалы и методы исследований

Основным материалом для исследования послужили два труда Бинаи: "Шейбани-наме" (использован критический текст, опубликованный в Японии [11]) и "Футухат-и Хани" (основана на рукописи, хранящейся в Таджикистане [10]). Ис-

следование проводится посредством сравнительного анализа указанных произведений, с целью выявления особенностей повествования Бинаи об эволюции власти Шейбани-хана и определения элементов политической легитимности, представленных в его изложении. На основе анализа эволюции формы власти и концепций политической легитимности, будет предложена новая интерпретация датировки указанных произведений, основанная на выявленных изменениях в повествовательных стратегиях Бинаи. Основной метод исследования заключается в рассмотрении текстов в их историческом контексте для определения точки зрения Бинаи на политическую легитимность. Для определения исторического контекста и анализа материалов, помимо указанных основных источников, использовались дополнительные источники.

Результаты и обсуждения

Уникальное значение историографии Бинаи заключается в том, что она может рассматриваться как единственное официальное персидское придворное повествование о правлении Шейбани-хана. Бинаи создал свою работу по прямому указанию Шейбани-хана и под его надзором [10, с. 15]. Известно, что, по крайней мере, одна из сохранившихся рукописей Шейбани-наме была создана Мирза-Му'мином Мунши, секретарем Шейбани-хана [1, с. 20].

Точная дата написания Шейбани-наме и Футухат-и Хани остаётся неясной, поскольку ни один из текстов не содержит прямого указания на год создания. Примечательно, что Шейбани-наме характеризуется более упрощённым повествованием и отсутствием чёткой логической структуры, однако представляет более полную хронологическую картину событий, нежели Футухат-и Хани, включая описание завоевания Хорезма. В свою очередь, Футухат-и Хани отличается более развитой риторикой, последовательной структурой и роскошный литературный стиль, но охватывает период лишь до завоевания Самарканда (906 /1500-1501) и не включает завоевание Хорезма (908 /1503). Неясно, почему Бинаи не продолжил описание военных кампаний хана после Хорезма, учитывая свидетельства, указывающие на его присутствие при завоевании Герата (913 /1508), где он выполнял функции сборщика налогов с поэтов [20, с. 169]. Более того, известно, что он прожил ещё два года после смерти Шейбани-хана. Следует также отметить, что другой исторический труд на чагатайском языке – "Таварих-и гузида-йи нусрат-наме", написанный под руководством Шейбани-хана, также охватывает события только до 1504 года [3, с. 12-13].

В связи с этим, можно выдвинуть две основные гипотезы:

1. Гипотеза о приоритете Футухат-и Хани: Ахмедов предполагает, что Бинаи первоначально создал Футухат-и Хани, однако эта работа не удовлетворила Шейбани-хана из-за её излишне литературного стиля. В результате хан приказал упростить изложение, после чего Бинаи написал Шейбани-наме и продолжил повествование [1, с. 20-21]. Действительно, известны случаи, когда правители степных империй отдавали предпочтение упрощенному стилю письма, избегая сложностей, присущих бюрократической прозе. Примером этого может служить приказ Тимура Низам-ад-Дину Шами в начале XV века, предписывающий создание хроники без преувеличений и риторических приемов, типичных персоязычных писарей [16, с. 11]. Однако, сохранившиеся свидетельства указывают на то, что Мухаммад Шейбани-хан, напротив, стремился продемонстрировать свою осведомленность о тонкостях персидской литературы и исламского богословия [19, с. 135-136]. Более того, следует отметить, что в самом тексте «Шейбани-наме» отсутствуют какие-либо указания на подобное изменение стиля по требованию хана, что противоречит гипотезе Ахмедова.

Основным аргументом Ахмедова является то, что Шейбани-наме охватывает события, происходившие в течение двух лет после событий, описанных в Футухат-и Хани, что, по его мнению, указывает на более позднее создание этой работы. Тем не менее, подобное заключение представляется недостаточно обоснованным.

Вполне возможно, что описание завоевания Хорезма представляло собой отдельный "Рузнаме футухат", который был добавлен к Шейбани-наме позднее, а более поздние рукописи воспроизводили оригинальную версию. Также нельзя исключить предположение, что, возможно, оригинальная версия Футухат-и Хани продолжала повествование и после завоевания Самарканда, однако три сохранившиеся рукописи, имеющие общее происхождение и созданные в более позднее время [1, с. 21], являются неполными. На самом деле повествование футухат-и хани в том виде, в котором существует в существующих рукописях, не имеет раздела «хатиме: заключение», и вероятно, что оно дошло до нас в неполном виде. Однако последнее предположение сталкивается с существенной проблемой. Как показало текстологическое исследование автора данной статьи, произведение начала XVII века под названием "Мусаххир ал-Билад", созданное в Мавераннахре, заимствовало значительную часть своего повествования о ранних годах правления Шейбани-хана из Футу-

хат-и Хани. Это подтверждается наличием в "Мусаххир ал-Билад" отрывков из Футухат-и Хани, отсутствующих в Шейбани-наме (Например, глава 1 "Мусаххир ал-Билад" [15, с. 10] соответствует странице 35 "Футухат-и Хани", которой нет в Шейбани-наме. Или упоминание Тулун-Ходжи в "Мусаххир ал-Билад" [15, с. 32] соответствует странице 98 Футухат-и Хани, отсутствующему в Шейбани-наме. Следует отметить, что завоевание Хорезма, подробно описанное в Шейбани-наме, не упоминается ни в Футухат-и Хани ни в Мусаххир ал-Билад.). При описании политической жизни Шейбани-хана после завоевания Самарканда, включая завоевание Балха и Герата, а также битву при Мерве, автор "Мусаххир ал-Билад" опирался на "Хабиб ас-сийар" (созданный в 1523 году для Сефевидов). Это свидетельствует о том, что версия Футухат-и Хани, доступная автору "Мусаххир ал-Билад" в XVII веке, как и современные рукописи, ограничивалась описанием событий вплоть до завоевания Самарканда.

2. Гипотеза о приоритете Шейбани-наме: авторы МИКХ полагают, что "Футухат-и Хани" был написан позднее "Шейбани-наме", основываясь на его большей широте и более изысканном стиле [3, с. 94]. Хотя они не объясняют, почему "Шейбани-наме" хронологически более подробен, чем "Футухат-и Хани", данное предположение может быть подкреплено более логичной структурой "Футухат-и Хани", наличием введения и разделением на главы. Другим способом подтверждения этой гипотезы является метод, примененный в данной статье: сравнительное исследование интеллектуально-политического контекста обоих текстов. В последние годы были проведены исследования, показывающие влияние политических преобразований в Мавераннахре на культурные, например. Эти исследования демонстрируют параллельное существование узбекско-кочевых и таджикско-городских интеллектуально-политических традиций в Мавераннахре и постепенный их синтез. Изучение литературной эволюции региона в начале и конце XVI века наглядно демонстрирует эту эволюцию [8].

Сравнение Шейбани-наме и Футухат-и Хани с точки зрения политической легитимности: "Футухат-и Хани" содержит пять дополнительных фрагментов, акцентирующих вопросы политической легитимности. В предисловии Бинаи подчеркивает необходимость "хранителя исламского закона" и указывает на Шайбани-хана как на посланного Богом для восстановления порядка [10, с. 5-7, 19-20]. Далее, детально описываются пять качеств Шайбани-хана, оправдывающих его право

на халифат [10, с. 9-11], а также приводятся наставления хана о необходимости самосовершенствования и ведения "великого джихада" против внутренних врагов, поскольку именно они порождают внешние угрозы [10, с. 11-19, 128-132]. Завершает раздел притча о Соломоне и муравьях, иллюстрирующая необходимость справедливости и заботы о подданных для правителя [10, с. 181-177].

Различия в образе Шейбани-хана и представленных концепциях политической легитимности в "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани" заключаются в следующем. Во-первых, в "Футухат-и Хани" наблюдается большая тенденция к харизматической и централизованной легитимности, где Шейбани-хан представлен как герой-спаситель, приходящий для восстановления порядка [10, с. 19-20, 40 и 43], что соответствует идее "Вечного возвращения" [14]. Во-вторых, в "Футухат-и Хани" возрастает роль хана, отражающая изменение его политического положения и переход к модели централизованной монархии. В данном произведении чаще упоминается о высоком происхождении ханского рода [10, с. 25, 42 и 186], в то время как в "Шейбани-наме" это упоминается лишь вскользь [11 с. 9]. В-третьих, "Футухат-и Хани" демонстрирует большую склонность к религиозной легитимации, изобилуя кораническими цитатами и религиозными обоснованиями [10, с. 25], в отличие от "Шейбани-наме", где они отсутствуют. В-четвертых, "Футухат-и Хани" в большей степени носит оправдательный характер, содержа многочисленные попытки оправдать действия Шайбани-хана, в то время как в "Шейбани-наме" события излагаются более реалистично и без оправданий.

Выводы

В данной статье, с целью уточнения датировки "Шейбани-наме" и "Футухат-и Хани" Бинаи, был проведен анализ эволюции концепций политической легитимности в историческом контексте. Результаты позволяют предположить, что "Шейбани-наме", отражающий образ степного хана и характеризующийся более простым стилем, с меньшим акцентом на харизматической и религиозной легитимности, вероятно, был создан первым, до завоевания Мавераннахра. "Футухат-и Хани", напротив, содержащий элементы централизованной и харизматической власти, указывающий на более развитую бюрократию и в большей степени соответствующий ирано-исламской традиции, вероятно, был создан позже, когда власть Шейбани-хана перешла от кочевой к оседлой государственности.

Список источников

1. Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. Ташкент: Фан, 1985. 264 с.
2. Камолов Х.Ш. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и Хорасан. XVI в. Душанбе: Дониш, 2012. 408 с.
3. Ибрагимов С., Пищулина К., Юдин В. МИКХ – Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений. Ч. 2. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1969. 648 с.
4. Мирзоев А.М. Камал ад-дин Бинаи. Сталинобод: Академия и Фанхои РСС Тоҷикистон. Институти забон ва адабиёт, 1957 (на тадж. яз.). 479 с.
5. Мирзоев А.М. Камал ад-Дин Бинаи. М.: Наука: восточной литературы, 1976. 286 с.
6. Aigle D. The Mongol Empire between Myth and Reality. Leiden: Brill, 2014. 393 p.
7. Broadbridge A.F. Kingship and ideology in the Islamic and Mongol worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 232 p.
8. Erkinov A., Rasuly-Paleczek G., Katsching J. (eds). The Poetry of the Nomads and Shaybani Rulers of Transition to a Settled Society // Central Asia on Display: Proceedings of the VII Conference of the European Society for Central Asian Studies (27-30 September 2000). Vienna: Lit verlag, 2004. P. 145 – 150.
9. Hope M. Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford University Press, 2016. 256 p.
10. Kamāl al-Dīn Shīr ‘Alī Bannā’ī. Futuhat-i khani. Institute of Oriental Manuscripts Dushanbe, Manuscript No. 778-1(in Persian). 206p.
11. Kamāl al-Dīn Shīr ‘Alī Bannā’ī. Shibānīnāma / Ed. by Kazuyuki Kubo, Eiji Mano. Kyoto, 1997 (in Persian). 93 + 67 p.
12. Khandamir Habib as-siyar / edited by J. Homai. Tehran: 2001 (in Persian). 669 p.
13. Mirza Muhammad Haidar Dughlat Tarikh-i-Rashidi / Edited by Abbasgholi Ghaffari-Fard. Tehran: 2004 (in Persian). 1070 p.
14. Mohammad Alem Sadeq Alavi Lamahat min nafahat al-quds / edited by M. ranjha. Lahour: 1986 (in Persian). 666 p.
15. Mohammadyar bin Arab Qatghan Musakhir al-Bilad / edited by Nadereh Jalali. Tehran: 2006 (in Persian). 548 p.
16. Nizam al-Din Shami Zafarnama / Edited by Felix Tauer. Tehran: Bamdad, 1984.(in Persian). 368 p.
17. Ruzbihan Khunji, Fazlullah Mihman-nama Bukhara / Ed. by Manuchehr Sotoudeh. Tehran: Elmi-farhangi, 1389/2010 (in Persian). 444 p.
18. Safa Z. History of Literature in Iran. Vol. 4. Tehran: 1364/1985 (in Persian). 607 p.
19. Subtelny M.E. “Art and politics in early 16th century Central Asia” // Central Asiatic Journal. 1983. Vol. 27. No. 1/2. P. 121 – 148.
20. Sam-Mirza Tuhfa Sami / Edited by Roknuddin Homayun-farrok. Tehran: 1966 (in Persian). 438 p.

References

1. Akhmedov B.A. Historical and geographical literature of Central Asia of the 16th-18th centuries. Tashkent: Fan, 1985. 264 p.
2. Kamolov HSh. History of the invasion of the nomadic tribes of Dasht-i Kipchak into Maverannahr and Khorasan. 16th century. Dushanbe: Donish, 2012. 408 p.
3. Ibragimov S., Pishchulina K., Yudin V. MIKH – Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th-18th centuries (extracts from Persian and Turkic works. Part 2. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1969. 648 p.
4. Mirzoyev A.M. Kamal ad-din Binai. Stalinobody: Academy and Fankhoi RSS Tojikiston. Institute of zabon va adabiet, 1957 (in Tajik). 479 p.
5. Mirzoyev A.M. Kamal ad-Din Binai. Moscow: Science: of Eastern Literature, 1976. 286 p.
6. Aigle D. The Mongol Empire between Myth and Reality. Leiden: Brill, 2014. 393 p.
7. Broadbridge A.F. Kingship and ideology in the Islam and Mongol worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 232 p.
8. Erkinov A., Rasuly-Paleczek G., Katsching J. (eds). The Poetry of the Nomads and Shaybani Rulers of Transition to a Settled Society. Central Asia on Display: Proceedings of the VII Conference of the Europe-an Society for Central Asian Studies (27-30 September 2000). Vienna: Lit verlag, 2004. P. 145 – 150.

9. Hope M. Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford University Press, 2016. 256 p.
10. Kamāl al-Dīn Shīr ‘Alī Bannā’ī. Futuhat-i khani. Institute of Oriental Manuscripts Dushanbe, Manuscript No. 778-1(in Persian). 206p.
11. Kamāl al-Dīn Shīr ‘Alī Bannā’ī. Shibānīnāma. Ed. by Kazuyuki Kubo, Eiji Mano. Kyoto, 1997 (in Persian). 93 + 67 p.
12. Khandamir Habib as-siyar. edited by J. Homai. Tehran: 2001 (in Persian). 669 p.
13. Mirza Muhammad Haidar Dughlat Tarikh-i-Rashidi. Edited by Abbasgholi Ghaffari-Fard. Tehran: 2004 (in Persian). 1070 p.
14. Mohammad Alem Sadeq Alavi Lamahat min nafahat al-quds. edited by M. ranjha. Lahour: 1986 (in Persian). 666 p.
15. Mohammadyar bin Arab Qatghan Musakhir al-Bilad. edited by Nadereh Jalali. Tehran: 2006 (in Persian). 548 p.
16. Nizam al-Din Shami Zafarnama. Edited by Felix Tauer. Tehran: Bamdad, 1984. (in Persian). 368 p.
17. Ruzbihan Khunji, Fazlullah Mihman-nama Bukhara. Ed. by Manuchehr Sotoudeh. Tehran: Elmi-farhangi, 1389/2010 (in Persian). 444 p.
18. Safa Z. History of Literature in Iran. Vol. 4. Tehran: 1364/1985 (in Persian). 607 p.
19. Subtelny M.E. “Art and politics in early 16th century Central Asia”. Central Asian Journal. 1983. Vol. 27. No. 1/2. P. 121 – 148.
20. Sam-Mirza Tuhfa Sami. Edited by Roknuddin Homayun-farrokh. Tehran: 1966 (in Persian). 438 p.

Информация об авторе

Резаипуя Али, соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет,
ali.rezaee.puya.ir@gmail.com

© Резаипуя Али, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94

Исторические корни политической практики ненасилия: к вопросу о сравнении идеологических подходов Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга

¹ Курков В.В.,

¹ Демина Т.В.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ идеологических подходов двух лидеров ненасильственного сопротивления: Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, посвятивших свои жизни борьбе за восстановление политической и социальной справедливости в Британской Индии и США. Принципиально разные цивилизационные контексты существования двух великих лидеров по-своему отразились на их политических практиках, которые они применяли отстаивая права и свободы граждан своих стран ненасильственными средствами, однако общий исторический итог, достигнутая ими победа, делает актуальным именно сравнительно-исторический метод в изучении наследия двух великих гуманистов, особенно на фоне тех острых конфликтов, которые угрожают человечеству на исходе первой четверти XXI в. Критериями для сравнительного анализа идеологических подходов Ганди и Кинга в данной статье стали такие аспекты, как формирование отношения к противнику, роль традиций, экономические взгляды, а также воззрения на власть и трактовка концепций свободы и справедливости. Авторами также учитываются в развитии идеологии и практики ненасилия, исторические варианты социализации и культурные контексты существования Ганди и Кинга.

Ключевые слова: Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, стратегия ненасилия, идеологические подходы, сравнительно-исторический анализ

Для цитирования: Курков В.В., Демина Т.В. Исторические корни политической практики ненасилия: к вопросу о сравнении идеологических подходов Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 144 – 149.

Поступила в редакцию: 12 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Historical roots of the political practice of non-violence: on the question of comparing the ideological approaches of Mahatma Gandhi and Martin Luther King

¹ Kurkov V.V.,

¹ Demina T.V.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article provides a comparative analysis of the ideological approaches of two leaders of nonviolent resistance: Mahatma Gandhi and Martin Luther King, who dedicated their lives to the struggle for the restoration of political and social justice in British India and the United States. Fundamentally different civilizational contexts of the existence of two great leaders in their own way reflected in their political practices that they used to defend the

rights and freedoms of citizens of their countries by nonviolent means, but the general historical result, the victory they achieved, makes the comparative historical method relevant in studying the legacy of two great humanists, especially against the background of those acute conflicts that threaten humanity at the end of the first quarter of the 21st century. The criteria for the comparative analysis of the ideological approaches of Gandhi and King in this article are such aspects as the formation of attitudes towards the enemy, the role of traditions, economic views, as well as views on power and the interpretation of the concepts of freedom and justice. The authors also take into account the socialization options and cultural contexts of the existence of Gandhi and King in the development of the ideology and practice of nonviolence.

Keywords: Mahatma Gandhi, Martin Luther King, strategy of non-violence, ideological approaches, comparative historical analysis

For citation: Kurkov V.V., Demina T.V. Historical roots of the political practice of non-violence: on the question of comparing the ideological approaches of Mahatma Gandhi and Martin Luther King. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 144 – 149.

The article was submitted: February 12, 2025; Approved after reviewing: April 9, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг как лидеры ненасильственного сопротивления сумели реализовать свои идеологические подходы в таких разных странах как Британская Индия и США, равно как и в принципиально различных исторических условиях. Разработанные ими практики ненасилия позволили добиться политической и социальной справедливости без разрушительных и кровопролитных конфликтов. Несомненно, что на примере Ганди и Кинга прежде всего проявляется ключевая роль харизматической личности в успешной реализации концепций политического ненасилия. Оба основоположника ненасильственной борьбы, основывали свои идеологические подходы опирались на личный опыт и цивилизационный контекст стран, в которых ни реализовывали свои стратегии. Национальный колорит, без сомнений повлиял на формирование их воззрений, определив их уникальность и неповторимость, но при этом в качестве актуального побудительного мотива для современных исследователей ярко выделяется и общая для двух великих гуманистов общественная эффективность реализации политических стратегий Ганди и Кинга. В условиях тектонических сдвигов, потрясающих современный мир к исходу первой четверти XXI в., когда под давлением целого ряда вооруженных конфликтов проблема безопасности человечества подходит к критической черте, их исторический опыт актуален как никогда и нуждается прежде всего в сравнительном анализе.

Материалы и методы исследований

В ходе работы над данной статьей в основе методологического подхода авторов был положен принцип историзма, который позволяет понять исходные корни политической практики нена-

сильственных действий успешно примененных Мохандасом Карамчандом Ганди и Мартином Лютером Кингом соответственно в Индии и США. Важнейшими историческими источниками в нашем исследовании стали сочинения самих основоположников стратегии ненасильственной борьбы, позволяющие провести анализ актуальных идеологических подходов Ганди и Кинга. Сравнительно-исторический метод позволил, на основе выделения ключевых критериев сравнения исторических векторов развития идеологии двух великих политических лидеров, наглядно сопоставить фундаментальные принципы воззрений Ганди и Кинга, определившие успех индийского национально-освободительного движения и борьбы афроамериканцев за расовое равноправие несмотря на серьезные различия социально-политического и культурного контекста в котором развивались данные движения.

Результаты и обсуждения

Историческая основа, на которой базировались идеологические подходы Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, выступает в качестве первичного фактора сравнительного анализа философии и политической стратегии ненасилия, выдвигавшейся обоими лидерами (табл. 1). Воззрения Ганди формировались под воздействием индийской религии и культуры, поэтому в основу его взглядов легли постулаты индуизма и джайнизма, которые в свою очередь основывались на принципах ахимсы, то есть ненасилия. Развитие в среде, наполненной идеями не причинения зла, позволило Ганди сформировать свою собственную концепцию ненасилия, которая получила название Сатьяграха, что буквально переводится, как упорство в истине [12, с. 86-87].

Мартин Лютер Кинг в основу своей философии закладывал принципы христианства [10, с. 531-532]. Главной основой, которое создавало базу его ценностей стало понятие любви. Кинг стремился донести до общества, что только с помощью искренности и любви нужно осуществлять борьбу за справедливость. Взятое за основу христианское вероисповедание заложило принцип сострадания ко всем людям без исключения, даже если их взгляды отличаются от его личных воззрений. Кинг выражал свою интенцию в том, чтобы достичь социальной справедливости как на уровне общества, так и на уровне государственной системы, посредством принятия ряда законов, которые искоренили бы расовую дискриминацию [4, с. 89-90].

Общие черты при формировании идеологических воззрений складываются у Ганди и Кинга по ходу того, как они определяют принципы ненасилия, которыми в дальнейшей своей деятельности будут руководствоваться. У обоих лидеров ненасилие в обязательном порядке это не пассивное, а активное действие, которое используется для борьбы со злом [5, с. 103-104]. Также ненасилие должно в полной мере заменять любые формы насильственных действий, а не только физическое насилие. Формы, в которых Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг осуществляли свою борьбу с помощью ненасилия, также носили схожий характер. Ганди продвигал концепцию Сатьяграхи, которая состояла из активных ненасильственных действий воплощенных в виде гражданского сопротивления, маршей и бойкотов. Кинг реализовывал концепцию ненасильственной борьбы за гражданские права также в виде демонстраций, маршей, акций протеста и забастовок.

Проживая в разных исторических контекстах Ганди и Кинг имели разные цели преобразований, которые ставили перед собой создавая свои идеологии. Махатма Ганди стремился освободить Индию из-под колониального гнета Британии, а также выступал против кастового разделения общества. Мартин Лютер Кинг выстраивал свою политическую деятельность, чтобы побороть расовую сегрегацию, избавить общество от предрассудков, порождающих дискриминацию.

Претворяя в жизнь стратегию ненасильственных действий, Ганди и Кинг одновременно считали важным четко определить свое отношение к противнику: потому что знание о том, как мыслит другой человек, имеющий иную систему взглядов, по их мнению являлось важным залогом успеха в борьбе за справедливость. Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг всегда уважительно относились к людям не согласным с их идеями, потому что счи-

тали, что только через диалог и поиск компромиссов можно разрешить конфликт избежав применения насилия. Так, Ганди настойчиво применял свои дипломатические навыки выстраивая стратегию по достижению компромисса в особо острых фазах конфликтной ситуации. Мартин Лютер Кинг также нередко прибегал к использованию дипломатической нормы в переговорах сторон. Принцип взаимного согласия на основе доброты, являлся ключевым во всех переговорах, которые проводил Кинг, по ходу противостояния и с обществом, и с политической системой [11, с. 95].

На первое место в своих идеологических воззрениях Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг ставили понятие справедливости. Находясь в Индии Ганди стремился добиться справедливости в отношении народа Индии со стороны Британии, а также боролся за гуманное отношение к неприкасаемым, которых отталкивало общество из-за правил кастового разделения. В свою очередь Кинг находясь в США шел к справедливости в отношении сегрегированного населения, делал все чтобы добиться равных прав и свобод для всех американцев независимо от цвета кожи.

Осуществляя свою деятельность в конкретной культурной среде Ганди и Кинг не могли не сформировать свое личное отношение к традициям, которые являлись фундаментом для их политической стратегии [3, с. 63-64]. Ганди реализовывал свои идеи на основе индийской культуры, он оберегал традиции, которые были важны для общества. Ганди стремился адаптировать новые веяния в культуру Индии при этом продолжая сохранять ее самоидентичность и уникальность. Кинг существовал в культурной среде США. Главным аспектом культуры для Кинга выступала религия, а именно он основывал свои идеи опираясь на христианские постулаты. Моральные принципы, которые были заложены в христианском вероисповедании, были близки Кингу и он включил их в основу своих идей. Основы этики, которые также выступали четкими постулатами христианства, нашли отражение в концепции ненасилия Мартина Лютера Кинга. Понятия, которые лежали в основе христианства: любовь, честность, способность прощать были близки Кингу [8, с. 7-9] и он транслировал их обществу через свои речи излагая свои взгляды на демонстрациях и во время политических маршей.

Свои экономические взгляды Ганди и Кинг формировали в рамках их применения к концепции ненасильственной борьбы за справедливость. Самодостаточность страны являлась ключевым фактором в экономической сфере для Ганди. Он выступал за идею развития ремесел и местного

производства товаров и услуг, чтобы Индия могла обрести не только внешнюю независимость, но и внутреннюю, в рамках производства товаров для внутреннего пользования. Ганди призывал отказаться от использования иностранной продукции, выступал за политику протекционизма, и всячески способствовал восстановлению индийского ремесла, чтобы создавать местную продукцию для удовлетворения потребностей общества [9, с. 145]. Для Кинга экономика также выступала одной из ступеней на пути к справедливому обществу и государству. В своем контексте осуществления ненасильственной борьбы Мартин Лютер Кинг указывал экономическую нестабильность и неравные возможности как одну из ключевых причин существования сегрегации в американском обществе.

Для обоих лидеров важным идеологическим аспектом являлось и то, как они для себя и своих последователей определяли понятие свободы. Концепция свободы в идеологии Ганди это центральное понятие наделенное рядом смысловых уровней. Он рассматривал свободу на глобальном уровне как свободу государства от других стран, в частности избавление от колониальной власти Британии. На уровне внутригосударственном Ганди говорил о свободе как о свободе народа внутри страны независимо от положения в обществе, религии и национальности. И также в концепции свободы у Ганди присутствовал третий, но не менее значимый уровень: это уровень индивидуальной свободы, на котором личность должна утвер-

ждать свои жизненные принципы [6, с. 184-185]. Для Мартина Лютера Кинга главная идея концепции свободы заключалась в том, чтобы избавить общество от расовой сегрегации. Свобода в понятии Кинга, это возможность на равное существование всех людей в обществе. Для Кинга также важным было то, что концепция свободы должна исполняться с приложенным к ней определенным уровнем ответственности, которую должен соблюдать каждый гражданин, претворяя в жизнь комплекс своих свобод.

Последним, но не менее важным аспектом формирования идеологических воззрений Ганди и Кинга, является вопрос о взглядах на природу власти. Махатма Ганди считал, что власть, это источник, где как раз множится зло и несправедливость [13, с. 125-126]. Он считал что власть эта система, которая начинена такими качествами как тщеславие, корыстность, эгоцентричность: то есть все те качества, которые мешают прийти к миру без насилию. Понятие легитимной власти для Ганди заключалось в том, что любую власть должен определять сам народ принимая самое активное участие в политической жизни страны. Мартин Лютер Кинг видел власть как инструмент для достижения справедливости законными способами. Власть в понятии Кинга это источник, из которого вытекают как негативные, так и позитивные процессы. Народ для Кинга, это тот механизм, который как раз и должен определять оценку деятельности властей и направлять систему на путь справедливости и легитимности [14, с. 592-593].

Таблица 1

Сравнение идеологических подходов М.К. Ганди и М.Л. Кинга.

Table 1

Comparison of the ideological approaches of M.K. Gandhi and M.L. King.

Критерии сравнения	Махатма Ганди	Мартин Лютер Кинг
Историческая и философская основа	• Индуизм и джайнизм • Ахимса (ненасилие) • Сатьяграха (упорство в истине) • Философия самосовершенствования	• Христианское учение • Персонализм • Американский либерализм • Вера в божественный порядок
Принципы ненасилия	• Активное ненасильственное сопротивление • Отказ от физического насилия • Ненасилие как основа борьбы	• Активная стратегия • Отказ от физического противостояния • Ненасилие как высшая сила
Цели преобразований	• Независимость Индии • Социальная справедливость • Реформирование общества	• Равноправие афроамериканцев • Отмена сегрегации • Реформирование существующей системы
Отношение к противнику	• Убеждение и моральное воздействие • Поиск точек соприкосновения • Стремление к гармонии	• Моральное воздействие • Стремление к диалогу • Поиск примирения

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Концепция справедливости	• Социальная справедливость как основное право всех людей • Критика существующей системы • Равенство независимо от касты или религии	• Социальная справедливость как фундаментальное право • Критика существующего порядка • Равные права независимо от расы
Отношение к традициям	• Уважение к индийским ценностям • Возрождение традиционных ремесел • Критика устаревших элементов	• Опора на христианские традиции • Готовность к модернизации • Сохранение культурного наследия
Экономические взгляды	• Самодостаточность • Критика капитализма • Концепция «Свадеш»	• Критика экономического неравенства • Борьба за равные возможности • Справедливое распределение благ
Концепция свободы	• Освобождение от внешнего и внутреннего угнетения • Духовная свобода • Коллективное освобождение	• Освобождение от расовой дискриминации • Равные возможности • Свобода с ответственностью
Концепция власти	• Власть как потенциально коррумпирующая сила • Внутренняя сила и самодисциплина • Легитимность через согласие	• Власть как инструмент справедливости • Легитимность от народа • Активное участие в политике

Источник: составлено авторами на основе анализа сочинений М.К. Ганди и М.Л. Кинга [1, 2, 8, 9].

Source: compiled by the authors based on an analysis of the works of M.K. Gandhi and M.L. King [1, 2, 8, 9].

Выводы

Сравнительный анализ исторических основ идеологии двух великих лидеров ненасильственного сопротивления с одной стороны позволяет отчетливо вычлениить различия их идеологических подходов обусловленные спецификой цивилизационных контекстов в условиях которых формировались их политические стратегии: так, фундамент движения Махатмы Ганди образовывала религия и культура Индии, в то время как Мартин Лютер Кинг основывал свои идеи на христианских учениях реализуя их в культурном формате американского общества. Однако, несмотря на значительный цивилизационный разрыв, методы и стратегии осуществления гражданского неповиновения, воплощенные в жизнь Ганди и Кингом, за успех которых оба лидера заплатили собственными жизнями, стали известны во всех мире. Стрем-

ление к абсолютной истине, через любовь, искренность и доброту позволили идеям Ганди и Кинга продемонстрировать историческую универсальность, обусловленную силой морально-нравственных ценностей, которые стали отправной точкой для построения, а затем и реализации идей ненасилия. Актуальность их идея является доказательством того, что механизмы претворения в жизнь концепции ненасилия имеют гибкий характер и изменяются под цивилизационную среду и историческую эпоху в которых планируется их реализация. Эффективность практик ненасилия демонстрирует, что достижение справедливого, мирного существования при разных происхождениях, верованиях и взглядах людей, не является утопической мечтой, а вполне соотноситься с реальной возможностью претворения в жизнь этой идеологии.

Список источников

1. Ганди М.К. Моя жизнь: Автобиография. М.: Наука, 1969. 612 с.
2. Ганди М.К. Революция без насилия. М.: Алгоритм, 2012. 480 с.
3. Гусейнов А.А. Ненасилие: философия, этика, политика. М.: Наука, 1993 188 с.

4. Деметрадзе М.Р. Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения // Полис: политические исследования. 2007. № 4. С. 83 – 99.
5. Жордис К. Махатма Ганди. М.: Молодая гвардия: Палимпсест, 2013. 326 с.
6. Кашникова В.И. Роль Махатма Ганди в единении мусульман и индуистов в период борьбы за независимость Индии // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 5. С. 182 – 186.
7. Кинг М.Л. Есть у меня мечта... Избранные труды и выступления. М.: Наука, 1970. 224 с.
8. Кинг М.Л. Величие любви // Братский вестник. 1987. № 3. С. 80.
9. Круть В.Г. Индия: концепция «свадеши» в условиях глобализации // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15139>
10. Макинерни Д. США. История страны. М., СПб.: Эксмо, Мидгард, 2009. 735 с.
11. Миллер У.Р. Мартин Лютер Кинг. Жизнь, страдания и величие. М.: Рудомино: Текст, 2004. 285 с.
12. Моргунов Г.В. Сатьяграха: борьба без насилия // Вестник МНЭПУ. 2019. № 1. С. 86 – 88.
13. Федяев А.Н. Социально-философские идеи непротivления злу насилием // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 123 – 128.
14. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 688 с.

References

1. Gandhi M.K. My Life: An Autobiography. Moscow: Nauka, 1969. 612 p.
2. Gandhi M.K. Revolution Without Violence. Moscow: Algorithm, 2012. 480 p.
3. Guseinov A.A. Non-violence: Philosophy, Ethics, Politics. Moscow: Nauka, 1993, 188 p.
4. Demetradze M.R. Political and Legal Aspects of Civil Disobedience. Polis: Political Research. 2007. No. 4. Pp. 83–99.
5. Zhordis K. Mahatma Gandhi. Moscow: Molodaya Gvardiya: Palimpsest, 2013. 326 p.
6. Kashnikova V.I. The Role of Mahatma Gandhi in the Unity of Muslims and Hindus during the Struggle for Indian Independence. Conference Proceedings of the Sociosphere Research Center. 2013. No. 5. P. 182 – 186.
7. King M.L. I Have a Dream... Selected Works and Speeches. Moscow: Nauka, 1970. 224 p.
8. King M.L. The Greatness of Love. Bratsky Vestnik. 1987. No. 3. P. 80.
9. Krut V.G. India: the Concept of “Svadeshi” in the Context of Globalization. International Student Scientific Bulletin. 2016. No. 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15139>
10. McInerney D. USA. History of the Country. M., St. Petersburg: Eksmo, Midgard, 2009. 735 p.
11. Miller W.R. Martin Luther King. Life, Suffering, and Greatness. M.: Rudomino: Text, 2004. 285 p.
12. Morgunov G.V. Satyagraha: Struggle Without Violence. Bulletin of MNEPU. 2019. No. 1. P. 86 – 88.
13. Fedyaev A.N. Social and Philosophical Ideas of Non-Resistance to Evil by Violence. Bulletin of the Chuvash University. 2010. No. 2. P. 123 – 128.
14. Schlesinger Jr. A.M. Cycles of American History. M.: Progress Publishing Group, Progress Academy, 1992. 688 p.

Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Демина Т.В., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Демина Т.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94 (4)

Внешнеполитический фактор складывания восточногерманской идентичности

¹ Малиновский Д.Ю.,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: после поражения во Второй мировой войне Германия как главный агрессор, была полностью оккупирована странами-победительницами. Противоречия, возникшие между ними в ходе начавшейся Холодной войны, привели к возникновению в 1949 году двух немецких государств. С тех пор две части немецкого народа пошли по совершенно разным путям. Федеративная Республика Германия тесно связала себя с Западной Европой и США, в то время как Германская Демократическая Республика оказалась в социалистическом лагере. Как у западных, так и восточных немцев под влиянием разных факторов стала формироваться собственная идентичность, различия между ними ощущаются и до сих пор, несмотря на то, что Германия была объединена более 30 лет назад. Эти различия проявлялись в образе жизни, ценностях, предпочтениях и т.д. В данной статье автор рассматривает влияние именно внешнеполитического фактора на становление восточногерманской идентичности. В первую очередь речь идет о влиянии СССР, но также рассматривается и фактор другой Германии (ФРГ). Были затронуты разные сферы восточногерманской жизни и показана их связь с формированием определённой восточногерманской идентичности, а также влияние СССР на эти сферы.

Ключевые слова: восточногерманская идентичность, СССР, ГДР, ФРГ, СЕПГ, Германия

Для цитирования: Малиновский Д.Ю. Внешнеполитический фактор складывания восточногерманской идентичности // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 150 – 157.

Поступила в редакцию: 12 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The foreign policy factor of the formation of East German identity

¹ Malinovsky D.Yu.,

¹ Saint Petersburg State University

Abstract: after the defeat in World War II, Germany, as the main aggressor, was completely occupied by the victorious countries. The contradictions that arose between them during the outbreak of the Cold War led to the emergence of two German states in 1949. Since then, the two parts of the German people have taken completely different paths. The Federal Republic of Germany has closely linked itself with Western Europe and the United States, while the German Democratic Republic has found itself in the socialist camp. Both Western and eastern Germans began to form their own identity under the influence of various factors, and the differences between them are still felt, despite the fact that Germany was united more than 30 years ago. These differences manifested themselves in lifestyle, values, preferences, etc. In this article, the author examines the influence of the foreign policy factor on the formation of East German identity. First of all, we are talking about the influence of the USSR, but the factor of another Germany (FRG) is also being considered. Various spheres of East German life were touched upon

and their connection with the formation of a certain East German identity was shown, as well as the influence of the USSR on these spheres.

Keywords: East German identity, USSR, GDR, FRG, SED, Germany

For citation: Malinovsky D.Yu. The foreign policy factor of the formation of East German identity. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 150 – 157.

The article was submitted: February 12, 2025; Approved after reviewing: April 9, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Сегодня Германия является одним из самых развитых государств не только Европы, но и мира. Однако еще 35 лет назад это было разделенное государство и разделённая нация, что в целом ощущается и до сих пор [1, с. 118]. Единственный федеральный праздник в современной ФРГ – День германского единства, отмечаемый 3 октября, у многих немцев вызывает лишь отвращение [2, с. 433]. На протяжении существования двух самостоятельных ФРГ и ГДР в обоих государствах утвердились собственные политические, экономические и культурные системы, сильно отличающиеся друг от друга, что оставило неизгладимый след на немцах по обе стороны «стен». Хотя, в сущности, два этих государства были не вполне самостоятельны. За каждым из них стояла одна из сверхдержав, которые уже вступили в противостояние Холодной войны. Поэтому если и говорить о самостоятельности ФРГ и ГДР, то только друг от друга, но этого и достаточно.

Как СССР, так и США оказывали сильное влияние на развитие своих «подопечных». Это влияние соответствовало политической системе каждой из сверхдержав, и было направлено на достижение их интересов. В данной статье хочется заострить внимание именно на роли СССР в формировании восточногерманской идентичности. Нельзя будет не сказать про еще одно государство, которое также оказывало непосредственное влияние на ГДР, речь о ФРГ. Если говорить о восточногерманской идентичности и о том, что характерно для восточных немцев, то обычно им приписывают такие качества, как такие как привычка жизнь по команде, чрезмерная эмоциональность, лень и т.д. [3]. Характерно, что по результату опроса, проведенного в 2019 году, 38% восточных немцев высказывались за необходимость тесных связей между Россией и Германией и только 23% отдали приоритет трансатлантическим связям [4, с. 100].

То есть спустя почти три десятилетия сохраняется память о «старых союзниках» и старых связях. Весьма неоднозначное отношение восточных немцев к демократии. По опросам лишь 42% жителей восточных земель в нашей время считают

демократию лучшей политической формой [5, с. 14]. Политическая активность на выборах у немцев на землях бывшей ГДР в среднем на 20% ниже, чем на западе современной ФРГ.

Материалы и методы исследований

В основе методологии данного исследования лежат принципы историзма и объективности, которые необходимы для беспристрастного анализа различных сфер восточногерманского общества и соотнесения их с внешними факторами. Также был использован метод конструктивизма, который объясняет, каким образом, формируются новые национальные общности. Перед тем как перейти к конкретике, нужно пару слов сказать о том, что из себя вообще представляет национальная идентичность. Отталкиваясь от размышлений французского философа Поля Рикёра, можно сказать, что идентичность возникает в результате индивидуально и коллективно конструируемой идентификации, что приводит к появлению общих ценностей норм, идеалов, моделей поведения и т.д. Идентификация становится важнейшей предпосылкой для идентичности, которая закрепляет чувство сопричастности, которое является устойчивым явлением [6, с. 144-145].

Коллективная идентичность означает основополагающее «тождество» членов группы. Такое тождество проявляется в солидарности, в одинаковых предрасположенностях и сознании, в коллективном действии [7, с. 76]. Коллективная идентичность возникает в результате приписывания себе определённых шаблонных признаков, которые приписываются коллективу [2, с. 272]. Британский историк Хью Сетон-Уотсон по этому поводу писал, что «нация существует, когда значительное число людей в сообществе рассматривают себя или ведут себя так, как будто они образуют нацию» [7, с. 131]. Американский социолог Роджерс Брубекер связывает с понятием идентичность еще несколько других терминов, таких как общность, связанность и групповость. «Общность» означает обладание неким общим свойством, «связанность» – наличие реляционных связей между людьми. «Групповость» – чувство принадлежности к особой, ограниченной, солидарной

группе» [7, с. 100]. Каждый из этих факторов с разных сторон позволит взглянуть на национальный коллектив. Теперь можно рассмотреть, как и где СССР оказывал влияние на формирование восточногерманской идентичности.

Результаты и обсуждения

После поражения в войне Германия была разделена на четыре зоны оккупации: советскую, американскую, британскую и французскую. Во всех зонах союзники создали оккупационную администрацию, которая должна была реализовывать решения Потсдамской конференции. На деле часто они реализовывали решения свои правительств. В советской зоне оккупации (сокр. СОЗ) была создана Советская военная администрация в Германии (Сокр. СВАГ). Одной из первых мер, которые предприняла СВАГ – розыск и выявление активных деятелей нацистского режима [8, с. 24]. Помимо того, что СССР понес колоссальный ущерб от Германии в ходе Великой Отечественной войны, нацистская идеология была абсолютно антагонистична коммунистической идеологии Советского Союза. Поэтому к денацификации СССР подошел максимально серьезно.

Согласно Потсдамским договоренностям в СОЗ была проведена экономическая реформа по национализации крупных предприятий, что было положительно встречено местным населением. Отдельно интересно то, что в западных зонах оккупации к реформам в СОЗ немецкие политики относились крайне негативно, они считали, что СССР хочет подчинить себе Германию. Будущий первый канцлер ФРГ, Конрад Аденауэр и вообще ссылаясь на высказывание Владимира Ленина, о том, что для большевиков Германия была ключевым звеном в цепи мировой революции [9, с. 91]. В западных же зонах часто предприятиях оставались в руках бывших владельцев.

Помимо того, что нацистская партия само собой была распущена и запрещена, надлежало убрать нацистов из образовательной сферы. Старые учебные планы и учебники, в силу того что они были пропитаны нацистской идеологией, было приказано уничтожить. Маршалом Георгием Жуковым, который занимал тогда должность главноначальствующего СВАГ, был отдан приказ подготовить к печати новые учебники, а за образец использовать те, что были изданы до 1933 года [10, с. 130]. В становлении новой системы школьного образования немцам антифашистам помогали и советские педагоги. Отдельно Жуковым был издан приказ по изъятию нацистской и милитаристской литературы из библиотек, как публичных, так и частных, магазинов и издательств [10, с. 147]. Летом 1947 г СВАГ создает во всех землях

СОЗ общества изучения культуры Советского Союза, которые через два года будут переименованы в «Общества германо-советской дружбы». К началу 1952 года в них состояло уже 2,66 млн. чел. [11, с. 38].

Активная работа СВАГ по денацификации привела к тому, что уже к октябрю 1945 года органы немецкого самоуправления в СОЗ были в основном очищены от бывших нацистов [12, с. 151]. К весне 1948 года комиссии по денацификации были распущены, и было объявлено, что бывшие члены нацистской партии, которые не запятнали себя преступлениями, в целом могут принимать участие в общественной жизни. Недостаточно было просто ликвидировать нацистскую идеологию и убрать из жизни немецкого общества рьяных нацистов. Для перестройки немецкого общества (а такие планы, разумеется, у СССР были), нужно было дать немцам что-то взамен. По этой причине офицеры СВАГ поднимали вопрос об «идеологической» оккупации [12, с. 411]. Как не странно, СССР не торопился навязывать немцам идеи марксизма-ленинизма. Во второй половине 1940-х годов Советское правительство стремилось сохранить Германию, как единое государство, поэтому, чтобы не оттолкнуть население, общая политика СВАГ была сдержанно нейтральной, в СОЗ были разрешены разные политические партии, большая часть из которых были далеки от марксизма. К тому же в после 12 лет нацистской пропаганды отношение у немцев к марксизму было достаточно холодное.

В то же время СВАГ наиболее лояльно относилась именно к левым партиям, таким как Коммунистическая партия Германии (Сокр. КПГ) и Социал-демократическая партия Германии (Сокр. СДПГ), а в дальнейшем, когда две эти партии в СОЗ объединятся, советским фаворитом станет Социалистическая единая партия Германии (Сокр. СЕПГ). Другие партии, такие как Христианско-демократический союз (Сокр. ХДС) и Либерально-демократическая партия (Сокр. ЛДПГ) напротив сталкивались с различными преградами со стороны СВАГ [8, с. 62]. Таким образом, проводя в жизнь демократизацию немецкого общества, как один из принципов, принятый на Потсдамской конференции, можно сказать, что СССР подходил к демократизации с классовых позиций. Фактически в будущей ГДР складывается многопартийная система, но при главенствующей роли СЕПГ, которая в любой момент могла полагаться на советскую поддержку.

Вместе с тем надо сказать, что в первые годы существования СЕПГ Сталин напротив часто охлаждал пыл ее лидеров. В то время как Вальтер

Ульбрих, Вильгельм Пик и прочие немецкие коммунисты стремились как можно быстрее начать социалистические преобразования, из Москвы приходили указания, что нужно делать акцент на национальной политике единства Германии. И действительно, всю вторую половину 1940-х годов СЕПГ и ее политические союзники, как в СОЗ, так и за ее пределами делали все возможное для сохранения единства страны. И даже когда образование ФРГ стало свершившимся фактом, и в ответ была провозглашена ГДР, ее конституция была принята в умеренных тонах и не содержала упоминания «марксизма», «социализма» или чего-то подобного [11, с. 12]. СЕПГ даже не была принята в Коминформбюро – аналог Коминтерна, образованный в 1947 году, куда вошли почти все коммунистические партии Европы. По мнению немецкого историка Вильфрида Лота, Сталин не планировал создания на территории Германии социалистического государства, его вполне устроила бы демократическая и нейтральная Германия [13, с. 10].

Большое влияние на восточногерманское общество продолжало оказывать Общество германо-советской дружбы. Оно имело по всей ГДР 100 домов культуры, собственную газету «Фриденпост». При его поддержке на сценах ГДР стали ставить советские спектакли, оперы и балеты, а в начале 1950-х советские фильмы в кинотеатрах смотрели десятки миллионов человек [11, с. 38]. В 1951 году в восточногерманских школах было введено обязательно изучение русского языка.

К 1952-1953 годам ГДР при помощи СССР создала работоспособную растущую экономику. По рекомендации последнего с 1952 года в ГДР был взят курс на форсированное строительство социализма, упор стал делаться на тяжелую промышленность, поэтому в первой половине 50-х годов многие товары были в магазинах недоступны, другие выдавались нормировано [14, с. 492]. Начавшееся наступление государства на бизнес и частное крестьянство было встречено ими негативно, что было одной из причин бегства в ФРГ. Экономическая политика ГДР стала причиной кризиса июня 1953 года. Новое советское руководство после смерти Сталина возобновило его инициативу о воссоединении Германии. МИД СССР по поручению Вячеслава Молотова разработал предложения по объединению двух государств и проведению общих выборов без иностранного вмешательства. О таком решении в начале лета 1953 года было поставлено руководство ГДР. Не без шока, восточногерманским лидерам пришлось срочно сворачивать курс на ускоренное построение социализма.

Но это уже никак не могло изменить сложившуюся к тому моменту кризисную ситуацию. 17 июня 1953 года в Восточном Берлине началась массовая забастовка рабочих, сопровождаемая погромами и лозунгами «Иван, убирайся домой» [15, с. 134]. В данной ситуации советское влияние проявилось самым радикальным образом – советские войска разогнали протестующих, чем фактически спасли режим СЕПГ. Потенциально недовольной части населения ГДР стало понятно, что пока за спиной СЕПГ стоят советские войска, политический режим не сменится. Как следствие в последующие годы сотни тысяч восточных немцев бежали на запад, а те, кто оставался в ГДР понимали, что протесты в подобном ключе будут бесполезны. Постепенно восточные немцы научились жить в этой политической системе. Их ценности сместились с политических, на что-то более бытовое. Например, по западногерманским опросам для беженцев из ГДР намного важнее была возможность профессиональной самореализации и отсутствие безработицы, чем политический режим [14, с. 502].

В то время пока СССР все больше связывал с собой Восточную Германию, ФРГ напротив делала все возможное, чтобы оттолкнуть ее от себя. Товарооборот между странами снизился до минимума, в 1952 году он составлял 2% от товарооборота ГДР [11, с. 63]. Это естественно привело ГДР к более тесному экономическому сотрудничеству с СССР и странами Восточной Европы. Когда в 1952 году СССР направил ноту с предложением об объединении и нейтрализации Германии, канцлер Аденауэр прокомментировал ее следующим образом: «Если бы Германия действительно стала нейтральной, то тогда было бы невозможно интеграция Европы. Америка ушла бы из Европы, и эта бедная, разрушенная Европа одна противостояла бы огромному колоссу на востоке...» [16, с. 526]. Он не раз подчеркивал, что единственным легитимным немецким государством является ФРГ и только она может говорить от имени всех немцев [11, с. 117]. Признание ГДР третьими странами по доктрине государственного секретаря МИД ФРГ Вальтера Хальштейна воспринималось Западной Германией как недружественный акт. На практике она подразумевала разрыв дипломатических отношений с той страной, которая признавала ГДР [14, с. 444]. Получается, что ФРГ ограничивала взаимодействие ГДР с различными странами, чем лишала ее возможности торговли и культурного обмена с большим количеством других народов.

Политика «отторжения» проходила и внутри самой ФРГ, где в 1956 году была запрещена КПП, что могло создать еще большую дистанцию между

немцами востока и запада, так как коммунисты теперь ассоциировались исключительно с Восточной Германией. Пропаганда ФРГ уверяла западных немцев, что СЕПГ и правительство ГДР полностью контролируются Москвой, а восточные немцы, таким образом, лишены собственной воли. Плакат ХДС перед очередными выборами 1953 года в ФРГ вполне конкретно гласил: «все марксистские пути ведут в Москву». События 1953 года стали подарком для Западногерманского правительства, которое не упустило извлечь из ситуации свою пользу. Бундестаг ФРГ принял решение отмечать 17 июня как день немецкого единства [14, с. 415]. В ГДР же, напротив, в солидарность с СССР одним из важнейших праздников республики стало 8 мая.

Говоря о влиянии ФРГ на ГДР, разумеется, нельзя не сказать о массовом переселении немцев из Восточной Германии в Западную. Переселенцы или как их по-другому называли – «изгнанные», начали получать в ФРГ с 1951 года социальные пособия, что давало им возможность стать частью западногерманского общества. Перспектива более обеспеченной и свободной жизни в Западной Германии манила многих, год от года десятки и сотни тысяч восточных немцев. К началу 1960-х беженцы и изгнанные из ГДР составляли 30,7 % трудоспособного населения ФРГ [14, с. 409]. А в общей сложности за 1949-1961 годы на запад бежало 2,7 млн восточных немцев. Что было особенно чувствительно для экономики ГДР – бежали в основном квалифицированные люди: инженеры, врачи, учителя. Закономерной реакцией правительства ГДР в конечном итоге стало возведение Берлинской стены, которая стала символом разделения не только Германии, но и всего мира.

ФРГ для миллионов бежавших туда восточных немцев представлялась шансом к более обеспеченной жизни, при этом, они формально оставались в Германии, где их понимали по-немецки и где государство поддерживало их пособиями. Поэтому до возведения Берлинской стены, несмотря на всю пропаганду, можно сказать, что немецкая идентичность была такая же текучая, как и немецкое население. Лишь после того, как граница была наглухо закрыта, Восточногерманская идентичность стала единственной альтернативой для населения ГДР.

На этом фоне в советском руководстве в 1960-е годы был поднят вопрос о формировании в ГДР отдельной немецкой социалистической нации, однако первый секретарь ЦК КПСС Хрущев тогда отклонил эту идею [17, с. 435]. Он считал, что «принцип самоопределения не применим к германскому вопросу» [18, с. 2]. При этом надо ска-

зать, что национальная идентичность, с присущими ей характеристиками, может формироваться и не сознательно. То есть даже при отказе от формирования в официальной политике концепции отдельной нации в Восточной Германии, население ГДР регулярно воспроизводило определенные практики. Во многом копируя советскую модель, режим СЕПГ создал определенный шаблон порядочного гражданина, который предписывал членство в Союзе свободной немецкой молодёжи (Сокр. ССНМ), а затем в самой СЕПГ, участие в одобренной общественно политической жизни и т.д. СССР, как страна оказывающее большое влияние на ГДР частично стал «донором» идентичности восточных немцев. Это проявлялось в изучение русского языка в школах, просмотре советских фильмов, поездках в Советский союз и в целом ориентации на него в самых разных сферах. Советское искусство признавалось образцовым. Поэтому, даже не называя восточногерманское общество самостоятельной нацией, коллективный опыт граждан ГДР за два десятилетия стал сильно отличаться от коллективного опыта жителей ФРГ.

И все же правительство ГДР не могло совсем игнорировать вопрос немецкой идентичности. В качестве антитезы западногерманскому обществу и нацизму (то есть прошлому Германии) власти ГДР старались сформировать новое понимание немецкой нации [17, с. 429]. До 1967 года в ГДР действовало общее немецкое гражданство, так как ГДР, когда ее основывали в 1949 году, подразумевалась как государство для всех немцев. Разрывая эту связь в 1967 году, был принят закон «О гражданстве ГДР», соответственно только для жителей ГДР [14, с. 505]. Новая конституция, принятая еще через год, вводила понятие «социалистическое государство немецкой нации», что с точки зрения СЕПГ также должно было повлиять на восточногерманскую идентичность. Таким образом, на протяжении 1960-х процесс формирования восточногерманской идентичности шел, но при этом публично сохранялось притязание на всю Германию и всех немцев. Западную Германию, например, в ГДР никогда не называли ее официальным названием ФРГ. В энциклопедическом словаре ГДР Западная Германия называлась: «Западная Г., государство в центре Европы – германское сепаратное государство...» [17, с. 431].

С приходом к власти в ФРГ Вилли Брандта в конце 1960-х между двумя государствами наметилось сближение, что в дальнейшем даже приведёт к взаимному признанию и членству в ООН обоих государств. С одной стороны разрядка между ФРГ и ГДР, которая во многом стала возможна благодаря разрядке между сверхдержавами, безусловно,

принесла спокойствие немцам по обе стороны границы. Но теперь перед немцами ставал новая дилемма, если раньше говорили о двух государствах одной нации, то теперь возникает новая идеология – «два государства – две нации» [14, с. 434].

Именно в это время в начале 1970-х в СССР вернулись к идее создания восточногерманской нации. Советское посольство в ГДР направило в Москву несколько сообщений, в которых формировало новую национальную стратегию в Восточной Германии. Для начала предписывалось разорвать все те общегерманские общности, которые еще остались: в области экономики, права, науки, культуры и т.д. По мнению советского посольства «настало время начать... подготовку населения ГДР к восприятию тезиса о постепенном складывании в ГДР социалистической нации» [17, с. 436]. Престарелый первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт был против подобных нововведений. Советский посол В. Семенов даже отзывался о нем, как о немецком националисте [19, с. 91]. Но уже в 1971 году после отставки Ульбрихта, новые лидеры ГДР высказали согласие с новой советской доктриной [17, с. 437].

В сущности, реальность сводилась с бумагой, ведь к началу 1970-х в ГДР уже выросло новое поколение, которое никогда не жило в единой Германии, для которого разделение было естественной данностью. Социализация, учеба, образ жизни и карьера, все то, что образует коллективный опыт нации, были вполне конкретно очерчены в ГДР. Эти очертания сформировались при непосредственном сильном влиянии СССР с одной стороны и ФРГ с другой. В первом случае, как уже было описано, СССР передавал ГДР отдельные элементы своей идентичности, а во втором случае Западная Германия, наоборот, отталкивала ГДР от себя самыми различными мерами. Причем, если говорить о советском влиянии, где-то СССР действовал очень прямо и жестко, как в деле денацификации, в 1953 году при разгоне протестующих, или в начале 1970-х, когда речь пошла об отдельной социалистической нации. А где-то советское влияние проявлялось косвенно и мягко, как в случаях с общими праздниками, памяtnыми днями (таким был день Октябрьской революции), концепцией героев антифашистов и т.д. Образ

жизни восточногерманской молодежи был ближе к образу советской молодёжи, нежели западногерманской.

Выводы

Процесс формирования восточногерманской идентичности тормозился, непоследовательностью советской политики, которая делала непоследовательной и политику правительства ГДР. Как советские, так и восточногерманские лидеры сначала отказывались от идеи формирования восточногерманской нации. Однако политические события двух послевоенных десятилетий в фарватере Холодной войны способствовали созданию границ, которые отделили одну немецкую общность от другой. Будучи сознательно изолированной (и самоизолированной, если говорить о действиях правительства ГДР) от западного мира, население Восточной Германии безальтернативно превратилось в «социалистическую нацию» (впрочем, абсолютно аналогично можно сказать и про «капиталистическую нацию» в ФРГ).

Результат этого разделения, как было сказано в начале виден и до сих пор. Характерное теплое отношение «осси» к России объясняется наличием в прошлом интенсивных контактов между СССР и ГДР, определённой культурной близостью (через русский язык, социализм прочие культурные практики), иными словами, то, что привычно – то и ближе. Чрезмерная эмоциональность, которую также приписывают «осси» могла быть связана с тем, что ценности в Восточной Германии были связаны с культурным и духовным развитием, а не с получением материальной прибыли. Это в свою очередь было прямым следствием социалистической системы ГДР, прямо поддерживаемой советской властью. Этим же во многом объясняется политическая пассивность восточных немцев сейчас. Они выросли в обществе, где было не принято выдвижение альтернативных правительству точек зрения. Восточногерманская идентичность остается одним из интереснейших объектов для изучения. Несмотря на то, что современная Германия – это объединившаяся нация, это объединение прошло не вполне успешно и сохранившаяся восточногерманская общность до сих пор сохраняет свои характерные черты, сформированные не без советского влияния.

Список источников

1. Золов А. Одна страна – две нации // Слово.ру: Балтийский акцент. 2010. № 1-2. С. 116 – 122.
2. Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации: пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с.

3. Зикман К. «Осси» и «весси»: две ментальности, одна страна. URL: <https://web.archive.org/web/20210123130431/https://www.dw.com/ru/осси-и-весси-две-ментальности-одна-страна/a-855197> (дата обращения: 06.04.2025)
4. Хорольская М. В. «Почему восточные немцы любят русских»: причины большей симпатии к России в новых федеральных землях ФРГ // Балтийский регион. 2025. Т. 17. № 1. С. 99 – 116.
5. Шаншиева Л. Восточная Германия: 30 лет после падения Берлинской стены // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2019. № 54. С. 11 – 15.
6. Поль Рикёр. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
7. Брубейкер Р. Этничность без групп: пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 08 с.
8. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.
9. Adenauer K. Erinnerungen. Stuttgart; Hamburg: Dt. Bücherbund, 1968. 606 p.
10. За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов 1945-1949 гг. / ред. коллег. Г. А. Белов, С Дёрнберг. М.: ИПЛ, 1969. 704 с.
11. Платошкин Н.Н. ГДР 1953. Народное восстание или провокация Запада? М.: Концептуал, 2022. 400 с.
12. Петров Н.В., Лавинская О.В., Нохотович Д.Н. СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945-1949 / отв. ред. и сост. Н.В. Петров. М.: РОССПЭН, 2006. 759 с.
13. Loth W. Stalins ungelbtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Muenchen, 1996. 294 p.
14. История Германии: учебное пособие в 3 т. Т. 2: от создания Германской империи до начала XXI века / Под общ. ред. Б. Боневича, Ю.В. Галактионова. М.: КДУ, 2008. 672 с.
15. Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ; Астрель, 2003. 778 с.
16. История Германии: учебное пособие в 3 т. Т. 3: Документы и материалы / Под общ. ред. Б. Боневича, Ю.В. Галактионова. М.: КДУ, 2008. 592 с.
17. Филитов М.А. Национальный вопрос в послевоенной Германии // Преподаватель XXI века. 2016. № 4. С. 428 – 440.
18. Известия. 1964. № 140. С. 4.
19. Семенова Е.В., Хавкин Б.Л. От Хрущева до Горбачева. Из дневника чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 84 – 141.

References

1. Zolov A. One country - two nations. Slovo.ru: Baltic accent. 2010. No. 1-2. P. 116 – 122.
2. Assman A. European dream. Reinvention of the nation: trans. from Germ. B. Khlebnikova. Moscow: New literary review, 2022. 512 p.
3. Zikman K. "Ossi" and "Wessi": two mentalities, one country. URL: <https://web.archive.org/web/20210123130431/https://www.dw.com/ru/осси-и-весси-две-ментальности-одна-страна/a-855197> (date of access: 06.04.2025)
4. Khorolskaya M.V. "Why East Germans Love Russians": Reasons for Greater Sympathy towards Russia in the New Federal States of Germany. Baltic Region. 2025. Vol. 17. No. 1. P. 99 – 116.
5. Shanshieva L. East Germany: 30 Years after the Fall of the Berlin Wall. European Security: Events, Assessments, Forecasts. 2019. No. 54. P. 11 – 15.
6. Paul Ricoeur. I Am Like Another. M.: Publishing house of humanitarian literature, 2008. 416 p.
7. Brubaker R. Ethnicity without groups: trans. from English by I. Borisova; National Research University "Higher School of Economics". M.: Publishing house of the Higher School of Economics, 2012. 08 p.
8. Semiryaga M.I. How we ruled Germany. M.: ROSSPEN, 1995. 400 p.
9. Adenauer K. Erinnerungen. Stuttgart; Hamburg: Dt. Bücherbund, 1968. 606 p.
10. For an anti-fascist democratic Germany. Collection of documents from 1945-1949. ed. colleagues. G.A. Belov, S. Dörnberg. M.: IPL, 1969. 704 p.
11. Platoshkin N.N. GDR 1953. Popular Uprising or Provocation of the West? M.: Conceptual, 2022. 400 p.
12. Petrov N.V., Lavinskaya O.V., Nokhotovich D.N. SVAG and German Self-Government Bodies, 1945-1949. ed. and compiled by N.V. Petrov. M.: ROSSPEN, 2006. 759 p.
13. Loth W. Stalins ungelbtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Munich, 1996. 294 p.

14. History of Germany: a textbook in 3 volumes. Volume 2: from the creation of the German Empire to the beginning of the 21st century. Under the general ed. B. Bonevich, Yu.V. Galaktionov. Moscow: KDU, 2008. 672 p.
15. Lavrenov S.Ya, Popov I.M. The Soviet Union in Local Wars and Conflicts. Moscow: ACT; Astrel, 2003. 778 p.
16. History of Germany: a textbook in 3 volumes. Volume 3: Documents and materials. Under the general editorship of B. Bonevich, Yu. V. Galaktionov. Moscow: KDU, 2008. 592 p.
17. Filitov M.A. The national question in post-war Germany. Teacher of the XXI century. 2016. No. 4. P. 428 – 440.
18. Izvestia. 1964. No. 140. P. 4.
19. Semenova E.V., Khavkin B.L. From Khrushchev to Gorbachev. From the diary of the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR V.S. Semenov. New and Contemporary History. 2004. No. 4. P. 84 – 141.

Информация об авторе

Малиновский Д.Ю., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-4502-3809>, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 194017, г. Санкт-Петербург, Костромской пр. 24, den.malinovskiy.97@mail.ru

© Малиновский Д.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.2

Обязательные постановления как источник нормотворчества городского самоуправления по благоустройству Ташкента на рубеже XIX-XX вв.

¹ Юсупова С.А.,
¹ Государственный академический университет гуманитарных наук

Аннотация: в статье рассматриваются обязательные постановления Ташкентской городской думы как важный источник нормотворчества в области городского самоуправления, направленного на благоустройство города в конце XIX – начале XX века. Исследуется роль этих постановлений в регулировании общественной жизни, создании нормативных актов, которые определяли порядок благоустройства и строительства, санитарных норм, а также обеспечивали безопасность и комфорт для горожан. Постановления городской думы публиковались в газете «Туркестанские ведомости» и включали в себя как обязывающие, так и запрещающие нормы поведения для жителей города, что подчеркивает их важность как правового инструмента в управлении городской средой. Анализируется их влияние на развитие инфраструктуры Ташкента, порядок строительства и благоустройства улиц, а также регулирование санитарных условий. В статье выделены ключевые проблемы, с которыми сталкивались местные власти при реализации этих постановлений, такие как нехватка ресурсов и организационные трудности. Исследование подчеркивает важность обязательных постановлений как одного из факторов, влияющих на развитие городской среды, и их роль в процессе формирования правового поля для городского самоуправления.

Ключевые слова: Туркестанское генерал-губернаторство, Ташкент, Городовое положение 1870 г., благоустройство, обязательные постановления, городское самоуправление

Для цитирования: Юсупова С.А. Обязательные постановления как источник нормотворчества городского самоуправления по благоустройству Ташкента на рубеже XIX-XX вв. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 158 – 165.

Поступила в редакцию: 13 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Mandatory resolutions as a source of norm-setting for city self-government in the improvement of Tashkent at the turn of the 19th-20th centuries

¹ Yusupova S.A.,
¹ State Academic University of Humanities

Abstract: the article examines the mandatory resolutions of the Tashkent City Duma as an important source of rulemaking in the field of urban self – government aimed at improving the city in the late 19th and early 20th centuries. The article examines the role of these resolutions in regulating public life, creating regulations that determined the order of landscaping and construction, sanitary standards, and also ensured safety and comfort for citizens. The resolutions of the City Duma were published in the Turkestan Vedomosti newspaper and included both binding and prohibiting norms of behavior for city residents, which underlines their importance as a legal instrument in managing the urban environment. The article analyzes their impact on the development of Tashkent's infra-

structure, the order of construction and improvement of streets, as well as the regulation of sanitary conditions. The article highlights the key problems faced by local authorities in the implementation of these regulations, such as lack of resources and organizational difficulties. The study highlights the importance of mandatory regulations as one of the factors influencing the development of the urban environment, and their role in the process of forming the legal framework for city self-government.

Keywords: Turkestan Governorate General, Tashkent, City Regulations of 1870, improvement, mandatory regulations, city self-government

For citation: Yusupova S.A. Mandatory resolutions as a source of norm-setting for city self-government in the improvement of Tashkent at the turn of the 19th-20th centuries. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 158 – 165.

The article was submitted: February 13, 2025; Approved after reviewing: April 10, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

История деятельности органов городского самоуправления Ташкента 1877-1917 гг. нашла отражение в научных трудах исследователей, различных документах и материалах [1, 3, 7, 9, 10, 28, 35]. Однако такой тип источника как обязательные постановления Ташкентской городской думы не стал предметом отдельного изучения. В 1877 г. решением первого генерал-губернатора в Ташкенте были созданы органы городского самоуправления на основании «Городового положения» 1870 г. [4] и Правил о применении высочайше утверждённого 16 июня 1870 года «Городового положения» к городу Ташкенту [30]. Структура городского общественного управления включала городскую думу и городскую управу, которые являлись распорядительным органом и исполнительным органом соответственно.

Материалы и методы исследований

Одним из главных направлений деятельности городского самоуправления являлось благоустройство города. Реализация на практике этой деятельности в том числе включала нормотворчество. Это регламентировалось в третьей главе «Городового положения» 1870 г. Обязательные для городских жителей постановления, издаваемые городской думой, должны были соответствовать действующим законам, также получить согласование начальника местного полицейского управления, затем военного губернатора. По своему содержанию постановления во многом были однотипны так как составлялись на основе разработанных для всех городов рекомендаций. В комментариях к закону 1870 г. подробно говорится, что обязательные постановления должны быть признаваемы обязательными и для городской думы [11, с. 162].

С другой стороны, как отмечал Шрейдер Г.И., «издавая обязательные постановления, городское управление, в то же время не располагало ни юридической, ни фактической возможностью настоять

на их исполнении» [34, с. 21]. Функции административного надзора за точным исполнением постановлений Думы возлагались на полицейские чины, от них зависело привлечение к ответственности нарушителей этих постановлений. Согласно закону 1870 г. нарушители обязательных постановлений привлекались к денежному взысканию по статье 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, если в законе за подобного рода нарушения не определено особого наказания [4, с. 833].

Такие обязательные постановления до широкой общественности Ташкента доводились через местную официальную газету «Туркестанские ведомости». До 1883 г. газета выходила на русском языке и приложением к ней на сартском языке. С 30 января 1883 г. приложение на сартском языке стало самостоятельным периодическим изданием под названием «Туркестанская туземная газета». Постановления городской думы печатались в официальной части газеты, там же размещались распоряжения и предписания правительства и местного начальства, что придавало статус и значимость постановлений городской думы. В Газете на местном языке для жителей публиковались распоряжения, имеющие отношение к местному населению.

Рассмотрим структурные элементы обязательных постановлений. В преамбуле значилась дата утверждения постановления военный губернатором, далее шло наименование (предмет) постановления включая ссылку на статью и пункт «Городового положения». Это значит, что круг вопросов, по которому издавались такие постановления, был ограничен. В конце постановления значилось с какого периода оно вступает в действие, а также дополняло или заменяло предыдущее постановление. Так, например, в газете «Туркестанские ведомости» было отмечено, что после долгих сборов Ташкентской городской управой составлены, а городской думой одобрены дополнения и измене-

ния изданных в разное время обязательных постановлений по санитарной части города [5].

Для удобства пользования служащими и обывателями такие постановления печатались в сборниках, которые группировались по годам или по определённому направлению таких постановлений (санитарная часть, торговля, благоустройство и т.д.) [31, 32]. Все в той же вышеуказанной заметке значилось «Остается пожелать, чтобы городская управа не останавливалась на этом и все эти изменения включила бы в прежде изданные основные постановления и издала бы их для руководства и пользования обывателя отдельной книжкой, теперь же в случае надобности достать такие обязательные постановления является делом почти не выполнимым за отсутствием их в продаже» [5]. Под каждым постановлением добавлялась сноска в каком номере газеты оно было опубликовано.

Результаты и обсуждения

Ряд обязательных постановлений городской думы устанавливали отношения между горожанами, учреждениями и ведомствами о порядке содержания домов, улиц, площадей, арыков, водоёмов и колодцев, прудов, тротуарах, банях. Под словом «содержание в чистоте улиц» подразумевалась уборка улиц от мусора и всяких нечистот, отбросов высокорастущих сорных трав и опадающих листьев. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения тесно было связано с деятельностью по благоустройству города. Городская дума издавала обязательные постановления, касающиеся устройства и чистки помойных ям и отхожих мест, особое внимание уделялось устройству и порядку содержания боен [28].

Характерной особенностью постановлений Ташкентской городской думы было то, что действие таких постановлений распространялось либо на всех жителей города, либо на определённую ее часть, например «О маломерных участках в русской и туземной частях города Ташкента» [32, с. 28].

На заседании Ташкентской городской думы 21 февраля 1878 г. с инициативой издания обязательного постановления для жителей города выступила городская управа. Выслушав её предложения городская дума определила издать обязательное для жителей русской части города постановление о том, чтобы они не накапливали во дворах нечистоты и вывозили их на места указанных в представлении Управы, а также отмечалось о необходимости предупредить домовладельцев о том, что за нарушение настоящего постановления, предусмотрен был штраф [6].

Домовладельцам запрещалось устраивать на своих участках колодцы ближе, чем на 6 метров от выгребных и помойных ям. Чертежи колодцев выгребных и помойных ям, навозных ящиков можно было получить в городской управе бесплатно. Если по свидетельству городской власти и полиции при участии врача будет подтверждено что какой-либо дом или его часть содержится в грязном и нездоровом состоянии, то с владельца должна была взята расписка об очистке территории, а если требуемое не исполнялось в определённый срок, то все необходимые работы должны были производиться городской управой за счет владельца [15].

За домовладельцами закреплялась ответственность за содержание в порядке не только домов, но и дворов и дворовых участков, выходящих на улицу или площади на определённое расстояние. А домовладельцев «старой» части города обязывали ввиду крайней узости улиц при постройке домов не устраивать выступы в воздушное пространство уличной территории [32, с. 18-19]. Обязательное постановление, изданное Ташкентской городской думой в 1878 г., обязывало домовладельцев Ташкента содержать в чистоте арыки, протекающие мимо их домов. В арыках запрещалось поить и купать животных, выпускать со дворов на улицу гусей, уток и свиней [25].

Содержание в чистоте мест общего пользования входило в обязанности городского самоуправления, например, ремонт выбоины на дорогах, чистка магистральных арыков, скверов, бульваров. Однако пространство улиц, где стояли биржи, следовало очищать извозчикам [15].

В Постановлении, утверждённом военным губернатором 29 декабря 1909 г., отмечалось, что наблюдение за санитарным состоянием города возложено на городской санитарный надзор и полицию [18].

Разрабатывались также меры предупреждения и прекращения инфекционных, эпидемиологических болезней, скотских падежей, предосторожности против порчи воды [12]. Так, например, пределами города Ташкента разрешался прогон только скота, принадлежащего городским жителям. Для прогона из уездов на скотный базар города Ташкента и обратно торгово-промышленного крупного и мелкого рогатого скота назначались обходные дороги [21].

Перевозка заразных больных и заражённых вещей должна была осуществляться в специальных экипажах, подготовленных Ташкентской городской управой, которые находились при городской больнице. В случае, если перевозки осуществлялись в собственных извозных экипажах, то они

обязательно должны были пройти дезинфекцию в городской больнице [22].

Необходимым условием благоустройства городской дума отмечала наличие нумерации всех домов и в 1904 г. выработала обязательное постановление об этом, однако оно не было утверждено. Позднее появление в городе холеры заставило город снова заняться этим вопросом и дома были пронумерованы [2].

Несомненным украшением Ташкента являлись его зеленые насаждения, красота которых ни раз отмечалась путешественниками, учеными и гостями города в своих мемуарах. Растительность являлась важным компонентом для поддержания санитарно-гигиенического состояния города, а в жаркие дни служила источником тени и прохлады для людей. Например, российский экономист и статистик Александр Аркадьевич Кауфман отмечал: «Нигде в России вы не найдете, в большом городе, такого изобилия зелени и такой массы тенистой – слишком тенистой! – прохлады» [7, с. 261]; дипломат Сергей Виссарионович Чиркин писал: «Сам Ташкент и бульвары тополей вдоль широких немощеных улиц с журчащими, параллельно линии тополей, арыками производили впечатление большого тенистого сада» [33, с. 238].

Для сохранения растительности в городе в 1899 г. Ташкентская городская дума издала постановление, которое запрещало владельцам земельных участков рубку древесных насаждений на улицах перед своими участками [19]. Еще ряд постановлений устанавливал для жителей виды и сорта деревьев для высаживания на улицах города. Возможность выбора из перечня разрешенных пород насаждений предоставлялась владельцам недвижимости, причем такой выбор ограничивался – не более двух древесных пород [27].

Улицы крупных российских городов были немыслимы без извозчиков, не был исключением и Ташкент. Согласно обязательному постановлению Ташкентской городской думы 1883 г. извозчиками могли быть как русские, так и представители из коренных народов не моложе 16 лет [23], умеющих говорить на русском языке. Позже возрастное ограничение к занятию извозным промыслом устанавливалось к лицам мужского пола не моложе 18 лет и «знающих основательно езду трезвого поведения и вообще благонадежных». Лица женского пола допускались только к содержанию заведений для извоза [24].

Желающие заниматься легковым извозом должны были получить в полиции свидетельство об удовлетворительном состоянии предназначенных к езде лошадей, экипажа, упряжи и кучерской одежды, и соответствии извозчика требованиям,

указанным выше, а также заплатить городской налог. Устанавливались требования и к лошадям, которые использовались для извоза. Они должны были быть здоровыми, не пугливыми, не изнурены и опрятного содержания. Извозчики должны были быть одеты в кучерские кафтаны или армяки с поясами. Зимние армяки должны были быть из материи темного цвета, а летние кучерские кафтаны – серые из легкой материи. Извозчики должны ездить по городу умеренно скорой рысью, предупреждать окриком «берегись» проезжающих и проходящих. Порожние извозчики должны были стоять на отведенных для этого полицией по соглашению с городской управой местах (биржах) в один ряд [24].

Еще одним распространенным видом извоза в Ташкенте был ломовой. Традиционным колесным транспортом Ташкента для перевозки грузов являлась двухколесная арба. Для занятия этим промыслом арбакеши (возчик) должны были иметь номерные книжки с таксой и правилами по извозу, круглые жестянки с выбитой цифрой номера в двух экземплярах [26].

Модернизация на рубеже XIX-XX вв. способствовала появлению в крупных городах новых средств передвижения. Значимым событием в жизни города Ташкента была постройка конно-железной дороги в 1901 г. и электрического трамвая в 1912 г. На страницах газеты «Туркестанские ведомости» стали появляться объявления о прокате автомобилей. Например, в размещенном объявлении №49 за 1910 г. сдавался в аренду пятиместный автомобиль марки «Карета-ландо» [16].

В обязательном постановлении Ташкентской городской думы давалось пояснение, что автомобилями назывались экипажи всех родов, перемещающиеся не по рельсам и приводимые в движение установленными в них двигателями. Автомобиль, снабженный лишь двумя колесами, если с ним не соединена спереди, сзади или сбоку тележка, имеющая одно или несколько колес, считается автомобилем-мотоциклетом. К управлению таких экипажей допускались лица, которые получили на это разрешение по результатам испытаний. Осмотр и испытания экипажа и лиц, желающих получить права на управление автомобилем проводила комиссия, состав которой определялся по соглашению городской управы с начальником города. Езда на экипажах кроме настоящих правил подчинялась правилам езды на обыкновенных экипажах. Конструкция экипажей должна была гарантировать безопасность от пожара, взрыва, а пар и газы должны были так направлены, чтобы не причинять неудобства прохожим.

К заведениям сферы городского общественного питания тоже предъявлялись нормы по соблюдению чистоты в помещениях для продажи продуктов питания, напитков и обеспечению их пищевой безвредности на основании «Городового положения» 1870 г.

Хлебопекарни и булочные должны состоять из помещений для выпекания хлеба, булок, сухарей и проч., для просеивания муки, кладовой для хранения материалов, для служащих в заведении. Запрещалось их открытие в подвальных этажах. Стены и потолки должны были быть оштукатурены, полы деревянные. В отношении качества материалов для изготовления хлеба сохраняла свое действие статья 3 главы 4 Правил по предметам городского благоустройства, действующих по силе Высочайше утвержденного 26 апреля 1871 мнения Государственного Совета в городах, где введено «Городовое положение» 1870 [20].

В помещениях трактирных и ресторанах, харчевен, столовых и кухмистерских, буфетах и трактирах, кондитерских и кофеен, съестных и закусовых лавках также должно было быть определенное число комнат, например, гардероб, буфет, кухня, кладовая, помещение для погребов и прислуги. Съестные лавки в «азиатской» части города могли существовать по устоявшимся типу, как вполне удовлетворяющим потребностям городского населения. Полы в этих помещениях должны были быть кирпичные, а стены выбелены. Сказанное распространялось и на чайхану на всей городской территории [32, с. 45].

Обязательные постановления нормировали внутренний распорядок еще одной составляющей городской жизни среднеазиатского города – базаров и рынков [14]. Так по постановлению 1899 г. оптовую продажу и покупку жизненных припасов на рынке и базарах воспрещается начинать в период времени с 1 мая по 1 октября – ранее 2 час. дня, а с 1 октября по 1 мая – ранее часа дня. Нераспроданное в течение базарного дня продовольствие с возов и выюков не могло быть оставлено на базаре до следующего дня [13]. Поступающее в продажу мясо должно иметь на себе клеймо установленного городским управлением образца, свидетельствующее о том, что мясо животного убито согласно разрешению ветеринарного надзора. Продажа неклеимённого мяса запрещалась [20].

Важной стороной городской повседневности также являлась профилактика пожаров, которая предусматривала комплекс мероприятий, направленных на своевременное предупреждение возгораний, минимизацию материальных потерь и за-

щиту жизни людей. В этом направлении городской думой разрабатывались обязательные постановления для жителей о мерах предосторожности против пожаров, правил об устройстве кровель и об устройстве, чистке и осмотре дымовых труб, печей.

В качестве одной из мер по предупреждению развития пожаров, городское самоуправление постановило в 1904 г. крыть лицевые дома по центральным улицам в новой части города только железом или черепицей, а надворные строения по этим улицам и дома в прочих местностях города на усмотрение домовладельцев: железом черепицей, толем или саманно-глиняным раствором. Замена глиняных крыш железными или черепичными обязательно должна быть произведена в течение двух лет со дня, в котором войдет в законную силу настоящее положение [32, с. 30]. Согласно постановлению 1910 г. владельцы кинематографов или подобных заведений обязывались иметь постоянно исправный автоматический и ручной прибор для локализации огня от загоревшейся ленты, а также иметь пожарный насос, выбрасывающий не менее 20 ведер воды в минуту [17].

Выводы

Таким образом мы увидели, что нормотворческая деятельность городского самоуправления в сфере благоустройства была необычайно важна и обусловлена реальной необходимостью. Постановления городской думы устанавливались с целью организации порядка и безопасности, создания комфортных условий для жителей. Однако, несмотря на их значимость, реализация этих постановлений сталкивалась с рядом трудностей. Наибольшие изменения в благоустройстве были замечены в «новой» части города, где создавались современные условия: трамвайные маршруты, освещенные улицы, парки и новые здания с водопроводами. В то время как в «старой» части города, многие вопросы благоустройства оставались нерешенными. По сведениям, приведённым в справочной книжке, говорилось, что улицы Ташкента в зимнее время становились непроезжими, местами в «старом» городе – непроходимыми [5, с. 106]. В городе отмечался ряд вспышек инфекционных заболеваний (холера, малярия, дизентерия) среди жителей. Основными препятствиями в реализации постановлений были нехватка финансовых ресурсов, недостаточная готовность жителей к самоограничениям, а также сложности в контроле за выполнением норм. Тем не менее, нормотворчество городской думы сыграло важную роль в улучшении городской среды, задавая направление для дальнейшего развития Ташкента.

Финансирование

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема №FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»)

Список источников

1. Бабаджанов Б.М., Котюкова Т.В., Махмудов О.А., Абашии С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах / отв. ред. Т.В. Котюкова. М.: Кучково поле, 2016. 881 с.
2. В думе // Туркестанские ведомости. 1908. 8 марта. № 54.
3. Волков И.В., Литвинов В.П. Формирование системы городского управления в Средней Азии после установления царской власти в регионе (1865–1917) // Власть. 2024. №5. С. 279 – 287.
4. Высочайше утвержденное «Городовое положение» от 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48498. СПб, 1874. С. 821 – 839.
5. Дополнение обязательных городских постановлений // Туркестанские ведомости. 1910. 8 января. № 5.
6. Журналы заседания Ташкентской городской думы со дня её открытия // Туркестанские ведомости. 1878. 5 сентября. № 35.
7. Кауфман А.А. По новым местам: Очерки и путевые заметки. 1901-1903 СПб.: изд-во товарищества «Общественная польза», 1905. 353 с.
8. Конопка С.Р. Туркестанский край. Ташкент: электропеч. при канцелярии Туркест. ген. губерн., 1913. 474 с.
9. Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы / Между махаллей и горсоветом: выборное городское самоуправление в Туркестане. М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.
10. Маликова Г.Р. История формирования и деятельности городских дум Туркестанского края // Журнал Правовых исследований. 2017. № 2. С. 20 – 45.
11. Мыш М.И. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб: тип. Н.А. Лебедева, 1888. 932 с.
12. Обязательное для жителей Ташкента постановление Ташкентской городской думы о мерах к предупреждению и пресечению чумы рогатого скота // Туркестанские ведомости. 1886. 5 августа. № 30.
13. Обязательное для жителей Ташкента постановление Ташкентской городской думы // Туркестанские ведомости. 1890. 18 декабря. № 51.
14. Обязательное постановление для жителей Ташкента, изданное Ташкентской городской думой о торговле на Воскресенском базаре // Туркестанские ведомости. 1899. 12 декабря. № 97.
15. Обязательное постановление для жителей Ташкента о порядке содержания улиц, домов, дворов, о безвредности съестных припасов // Туркестанские ведомости. 1900. 19 ноября. № 93.
16. Обязательное постановление о порядке движения по городу Ташкенту легковых автоматических экипажей, выработанные Ташкентской городской думой // Туркестанские ведомости. 1910. 27 июня. № 142.
17. Обязательное постановление Ташкентской городской думы // Туркестанские ведомости. 1910. 30 марта. № 71.
18. Обязательное постановление Ташкентской городской думы для русской части города // Туркестанские ведомости. 1910. 16 января. № 12.
19. Обязательное постановление Ташкентской городской думы о воспрещении рубки на улицах древесных насаждений // Туркестанские ведомости. 1899. 21 февраля. № 21.
20. Обязательное постановление Ташкентской городской думы о мерах к соблюдению чистоты в помещениях для продажи съестных припасов и напитков и к обеспечению безвредности оных // Туркестанские ведомости. 1893. 8 сентября. № 70.
21. Обязательное постановление Ташкентской городской думы о мерах предупреждения к появлению в городе Ташкенте заразительных и повальных болезней на рогатый скот // Туркестанские ведомости. 1903. 20 июля. № 58.
22. Обязательное постановление Ташкентской городской думы о мерах предупреждения и прекращения заразительных и повальных болезней // Туркестанские ведомости. 1904. 11 июля. № 95.
23. Обязательное постановление Ташкентской городской думы о производстве извозного промысла в городе Ташкенте // Туркестанские ведомости. 1883. 26 апреля. № 16.

24. Обязательное постановление Ташкентской городской думы о производстве легкового извозного промысла в русской части города // Туркестанские ведомости. 1891. 5 ноября. № 45.
25. Обязательное постановление Ташкентской городской думы о содержании в чистоте арыков, протекающих мимо их домов // Туркестанские ведомости. 1878. 3 октября. № 39.
26. Обязательное постановление Ташкентской городской думы об производстве ломового извозного промысла в городе Ташкенте // Туркестанские ведомости. 1900. 5 июля. № 49.
27. Обязательное постановление Ташкентской городской думы об упорядочении древесных насаждений по улицам города Ташкента // Туркестанские ведомости. 1900. 29 октября. № 87.
28. Обязательное постановление, изданное Ташкентской городской думой // Туркестанские ведомости. 1897. 3 июля. № 48.
29. Почекаев Р.Ю. Честолюбие «полупадишаха» или энтузиазм царского администратора? Организатор местного самоуправления в Ташкенте К. П. фон Кауфман // *Quaestio Rossica*. 2019. 7(1). С. 115–128.
30. Правила о применении высочайше утверждённого 16 июня 1870 года «Городового положения» к городу Ташкенту // Туркестанские ведомости. 1877. 30 августа. № 34.
31. Сборник обязательных постановлений Ташкентской городской думы. Ташкент: тип. С.И. Петухова, 1894. 53 с.
32. Сборник обязательных постановлений Ташкентской городской думы. Ташкент: тип. при канц. Турк. ген.губ. Ч. I. 1911. 80 с.
33. Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. 368 с.
34. Шрейдер Г.И. Город и Городовое положение // История России в XIX веке. СПб: А. и И. Гранат, 1907-1911. 9 т. Т. 4: Ч.2. Эпоха реформ [1840–1866]. Отд. 2. 1908-1909. С. 1 – 29.
35. Юсупова С.А. Анализ структуры городского бюджета последней трети XIX – начала XX в. (по материалам ташкентского городского самоуправления) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 10 (108). URL: <https://history.jes.su/s207987840017714-4-1>. DOI: 10.18254/S207987840017714-4.

References

1. Babadzhyanov B.M., Kotyukova T.V., Makhmudov O.A., Abashin S.N. Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents. ed. T.V. Kotyukova. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016. 881 p.
2. In the Duma. Turkestan Vedomosti. 1908. March 8. No. 54.
3. Volkov I.V., Litvinov V.P. Formation of the urban governance system in Central Asia after the establishment of tsarist power in the region (1865-1917). Power. 2024. No. 5. P. 279 – 287.
4. The supremely approved "City Regulations" of June 16, 1870. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. II. Vol. XLV. Part. 1. No. 48498. St. Petersburg, 1874. P. 821 – 839.
5. Supplement to mandatory city regulations. Turkestan News. 1910. January 8. No. 5.
6. Minutes of the Tashkent City Duma sessions from the day of its opening. Turkestan News. 1878. September 5. No. 35.
7. Kaufman A.A. To New Places: Essays and Travel Notes. 1901-1903 St. Petersburg: Publishing House of the Public Benefit Partnership, 1905. 353 p.
8. Konopka S. R. Turkestan Region. Tashkent: Electric Printing House at the Chancellery of the Turkestan Gen. gubern., 1913. 474 p.
9. Kotyukova T.V. Outskirts in a special position... Turkestan on the eve of drama. Between mahallas and the city council: elected city self-government in Turkestan. Moscow: Scientific and political book, 2016. 391 p.
10. Malikova G.R. History of the formation and activities of city councils of the Turkestan region/ Journal of Legal Research. 2017. No. 2. P. 20 – 45.
11. Mysh M.I. City regulations with all related legalizations, judicial and government clarifications. St. Petersburg: type. N.A. Lebedeva, 1888. 932 p.
12. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma for residents of Tashkent on measures to prevent and suppress cattle plague. Turkestan Vedomosti. 1886. August 5. No. 30.
13. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma for residents of Tashkent. Turkestan Vedomosti. 1890. December 18. No. 51.
14. Mandatory resolution for residents of Tashkent, issued by the Tashkent City Duma on trade at the Voskresensky Bazaar. Turkestan Vedomosti. 1899. December 12. No. 97.

15. Mandatory resolution for residents of Tashkent on the procedure for the maintenance of streets, houses, courtyards, on the safety of food supplies. *Turkestan Vedomosti*. 1900. November 19. № 93.
16. Mandatory resolution on the procedure for the movement of light automatic vehicles in the city of Tashkent, developed by the Tashkent City Duma. *Turkestan Vedomosti*. 1910. June 27. № 142.
17. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma. *Turkestan Vedomosti*. 1910. March 30. № 71.
18. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma for the Russian part of the city. *Turkestan Vedomosti*. 1910. January 16. № 12.
19. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma on the prohibition of cutting down trees on the streets. *Turkestan Vedomosti*. 1899. February 21. № 21.
20. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma on measures to maintain cleanliness in premises for the sale of food supplies and drinks and to ensure their safety. *Turkestan Vedomosti*. 1893. September 8. № 70.
21. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma on measures to prevent the appearance of infectious and epidemic diseases in cattle in the city of Tashkent. *Turkestan Vedomosti*. 1903. July 20. № 58.
22. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma on measures to prevent and stop infectious and epidemic diseases. *Turkestan Vedomosti*. 1904. July 11. № 95.
23. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma on the production of the cabby trade in the city of Tashkent. *Turkestan Vedomosti*. 1883. April 26. № 16.
24. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma on the production of the passenger cabby trade in the Russian part of the city. *Turkestan Vedomosti*. 1891. November 5. № 45.
25. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma on keeping the irrigation ditches flowing past their houses clean. *Turkestan Vedomosti*. 1878. October 3. № 39.
26. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma on the production of the dray cabby trade in the city of Tashkent. *Turkestan Vedomosti*. 1900. July 5. № 49.
27. Mandatory resolution of the Tashkent City Duma on the regulation of tree plantings along the streets of the city of Tashkent. *Turkestan Vedomosti*. 1900. October 29. № 87.
28. Mandatory resolution issued by the Tashkent City Duma. *Turkestan Vedomosti*. 1897. July 3. № 48.
29. Pochekaev R.Yu. Ambition of a "half-padishah" or the enthusiasm of a tsarist administrator? The organizer of local self-government in Tashkent K.P. von Kaufman. *Quaestio Rossica*. 2019. 7(1). P. 115 – 128.
30. Rules for the application of the "City Regulations" approved by the highest authority on June 16, 1870 to the city of Tashkent. *Turkestan Vedomosti*. 1877. August 30. No. 34.
31. Collection of mandatory resolutions of the Tashkent City Duma. Tashkent: type. S.I. Petukhova, 1894. 53 p.
32. Collection of mandatory resolutions of the Tashkent City Duma. Tashkent: type. at the chancellery of the Turk. general province. Part I. 1911. 80 p.
33. Chirkin S.V. Twenty years of service in the East: Notes of a tsarist diplomat. Moscow: Russian Way, 2006. 368 p.
34. Shreider G.I. City and City Regulations. History of Russia in the 19th century. St. Petersburg: A. and I. Granat, 1907-1911. 9 v. V. 4: Part 2. The era of reforms [1840-1866]. Section 2. 1908-1909. P. 1 – 29.
35. Yusupova S.A. Analysis of the structure of the city budget of the last third of the 19th – early 20th centuries. (based on materials from the Tashkent city government). Electronic scientific and educational journal "History". 2021. Vol. 12. Issue. 10 (108). URL: <https://history.jes.su/s207987840017714-4-1>. DOI: 10.18254/S207987840017714-4.

Информация об авторе

Юсупова С.А., младший научный сотрудник, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9768-7106>, РИНЦ AuthorID: 1000267, Государственный академический университет гуманитарных наук, 119049, г. Москва, Мароновский пер., 26, siusupova@gaugn.ru

© Юсупова С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Требования и образцы при застройке городов Российской Империи «Петровские градостроительные нововведения»

¹ Дудин В.Ю.,

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: в данной статье рассматриваются градостроительные нововведения, осуществлённые в период правления Петра Великого, которые повлияли на архитектурно-пространственное развитие городов Российской Империи. Обосновывается историческая значимость мер, связанных с созданием общегородских планов, стандартизацией застройки, внедрением обязательных требований к фасадам и уличной инфраструктуре. Оценивается влияние этих преобразований на дальнейшее формирование городского пространства, социально-экономическое развитие и культурный облик России.

Предложенные выводы основаны на анализе архивных документов, исторических свидетельств и современных исследовательских работ, посвящённых петровским реформам.

Ключевые слова: Петровские реформы, градостроительство, городская застройка, городская инфраструктура, архитектурно-пространственная организация, стандартизация фасадов, историческое наследие, Российская Империя, планировка города

Для цитирования: Дудин В.Ю. Требования и образцы при застройке городов Российской Империи «Петровские градостроительные нововведения» // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 166 – 172.

Поступила в редакцию: 13 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Requirements and patterns in the construction of cities of the Russian Empire "Peter the Great urban planning innovations"

¹ Dudin V.Yu.,

¹ Belgorod State National Research University

Abstract: this article examines the urban planning innovations implemented during the reign of Peter the Great, which influenced the architectural and spatial development of the cities of the Russian Empire. The historical significance of measures related to the creation of citywide plans, standardization of buildings, and the introduction of mandatory requirements for facades and street infrastructure is substantiated. The impact of these transformations on the further formation of urban space, socio-economic development and cultural image of Russia is assessed.

The proposed conclusions are based on an analysis of archival documents, historical evidence, and modern research papers on Peter's reforms.

Keywords: Peter the Great's reforms, urban planning, urban development, urban infrastructure, architectural and spatial organization, standardization of facades, historical heritage, the Russian Empire, urban planning

For citation: Dudin V.Yu. Requirements and patterns in the construction of cities of the Russian Empire "Peter the Great urban planning innovations". *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 166 – 172.

The article was submitted: February 13, 2025; Approved after reviewing: April 11, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Развитие городов всегда выступало одним из важнейших факторов укрепления государства, формирования его экономического и культурного потенциала. В Российской Империи период правления Петра Великого знаменуется глубокой трансформацией государственного управления, военных институтов, а также административных и культурных основ общества. Наибольшее влияние на всю последующую историю градостроительства оказали предпринятые Петром I реформы в области планировки городов и регулирования застройки, которые воплотились в создании общих стандартов архитектуры, составлении генеральных планов и внедрении новых правил застройки. Эти меры способствовали улучшению внешнего облика городов, формированию нового типа городской среды, приближённой к европейской, а также повышению уровня безопасности и качества жизни населения.

Стремление Петра I к модернизации и европеизации страны нашло своё яркое отражение в его градостроительных нововведениях, основанных, с одной стороны, на западноевропейских образцах, а с другой – на специфике российского климата, ресурсных возможностей и социальных условий. В результате была заложена основа для стандартизации фасадов зданий, появились новые требования к их внешнему виду, использованию камня и другим аспектам архитектуры. Параллельно вырабатывались первые систематические подходы к формированию уличных сетей и созданию единых планов развития поселений. Особое место в истории градостроительства занимает Санкт-Петербург – город, созданный практически «с нуля» по воле Петра Великого и ставший образцом для подражания при переустройстве других российских городов [2].

Несмотря на сложность и противоречивость этих реформ, их влияние на развитие российской архитектуры и городского ландшафта признаётся исследователями одним из ключевых факторов формирования современной городской среды. В данной статье предпринята попытка обобщить и систематизировать опыт «петровских градостроительных нововведений», а также представить результаты научного исследования, в ходе которого были изучены характерные черты строительных

регламентов того времени и их дальнейшее влияние на развитие российских городов [1].

Рассматриваются оригинальные предписания Петра I, их правовое оформление, влияние на социальные институты и повседневную жизнь горожан, а также анализируются архивные материалы, содержащие информацию о практической реализации новых подходов в градостроительстве.

Цель исследования заключается в выявлении основных требований и образцов при застройке городов Российской Империи в эпоху правления Петра Великого, а также в определении тех изменений, которые данные нововведения внесли в общий архитектурно-пространственный облик российских городов.

Задача данной работы – оценить, каким образом петровские реформы способствовали стандартизации строительства, ускорению урбанизационных процессов и формированию новаторских решений в сфере городского планирования.

Материалы и методы исследований

Исследование базировалось на анализе исторических документов эпохи Петра Великого, включая царские указы, регламенты, чертежи, планировки и переписку с представителями администрации городов. В качестве основных источников привлекались архивные фонды, содержащие городские планы XVIII века, а также протоколы заседаний органов, отвечавших за строительство и контроль состояния городов. Историко-архитектурный анализ документов позволил проследить закономерности, которые сформировались в результате внедрения единых требований к облику зданий и уличной инфраструктуре.

Применялся сравнительно-исторический метод, который дал возможность соотнести петровские градостроительные модели с западноевропейскими прототипами и проследить специфические отличия, обусловленные российскими реалиями. Кроме того, использовались методы картографического анализа исторических планов, выявляющие динамику изменений в пространственной структуре ряда старинных российских городов. Особое значение имели также методологические подходы исторической социологии и культурологии, помогающие понять роль реформ Петра I в повседневной жизни горожан, в изменении социального статуса различных сословий и в общем

контексте формирования новой государственной идеологии.

С целью получения более объективной картины, помимо анализа архивных документов, проводился обзор современной научной литературы, включающей работы по истории русского градостроительства, архитектуры и законодательства XVIII века. В рамках исследования были отобраны основные монографии и статьи, затрагивающие вопросы правовых и административных основ градостроительства в петровскую эпоху, а также представленные в них интерпретации исторического контекста. В результате междисциплинарного подхода удалось детализировать общие принципы градостроительной политики Петра I, сравнить декларативные нормы с практикой их исполнения, а также выявить ключевые факторы, определявшие эффективность и устойчивость петровских реформ.

Результаты и обсуждения

Исторические материалы подтверждают, что введение единых строительных регламентов и обязательных образцов при застройке городов Российской Империи в эпоху Петра Великого оказало существенное влияние на дальнейшую практику российского градостроительства. Установленные требования касались не только внешнего вида фасадов и общего архитектурного стиля, но и ширины улиц, расположения зданий, обязательно-

сти каменного строительства в центральных частях городов и приведения к единому образцу жилых кварталов. Особое внимание уделялось пожарной безопасности, обеспечению чистоты и удобству перемещения внутри города. Все эти меры способствовали росту культурного уровня общества, стимулировали развитие ремёсел и мануфактур [4].

Рассмотрение основных требований позволяет понять, в какой степени они были направлены на дисциплинирование процессов застройки и формирование единого городского пространства по европейскому образцу. Прежде всего, речь шла об увеличении каменного строительства, создании монументальных фасадов и обязательном выравнивании уличной сети. Кроме того, была важна эстетическая гармония и согласованность архитектурных элементов, от чего во многом зависело впечатление о городе как о визитной карточке государства. Многие из нововведений реализовывались через специальные указы и регламенты, утверждённые лично Петром I, что подтверждает высокий статус градостроительной сферы в государственном управлении [9].

Ниже представлена первая таблица, в которой сведены основные характеристики и новшества, связанные с петровскими градостроительными реформами, а также их ключевые последствия для городов Российской Империи.

Таблица 1

Ключевые нововведения эпохи Петра Великого и их основные последствия для городской среды.

Table 1

Key innovations of the era of Peter the Great and their main consequences for the urban environment.

Нововведение	Содержание	Последствия
Внедрение генеральных планов и обязательных образцов для застройки	Разработка генеральных планов, контроль над сеткой улиц и площадей, введение регламентов	Ускорение урбанизации, системная организация городской застройки, укрепление роли государственных органов
Стандартизация фасадов и использование определённых архитектурных стилей	Определение допустимых форм и декора зданий, ориентация на европейскую архитектурную моду	Формирование единого и монументального облика городов, повышение статуса центральных кварталов, укрепление пожаробезопасности
Расширение и выпрямление улиц	Создание широких и прямых магистралей, ликвидация хаотичной средневековой планировки	Улучшение транспортного сообщения, повышение санитарных норм, упорядочение общественного пространства
Жёсткий регламент материалов и параметров строительства	Обязательное применение камня в центре города, контроль этажности и расстояний между домами	Уменьшение хаотичной застройки, рост качества построек, снижение риска пожаров и упорядоченность городского ландшафта
Создание специальных органов надзора над выполнением строительных норм	Учреждение структур, отвечающих за контроль планов, фасадов и использования строительных материалов	Централизация управленческого контроля, закрепление административной вертикали в сфере градостроительства

Изучение фактической реализации указанных реформ показывает, что многие города в процессе своего развития перенимали «петербургские образцы» в разной степени, в зависимости от географического положения, климатических условий и наличия строительных материалов. Некоторые привилегированные города получали дополнительные указания и финансирование на благоустройство, в то время как провинциальные поселения могли лишь частично соблюдать предписанные нормы из-за дефицита ресурсов и слабых административных возможностей [7].

Важным следствием градостроительных мер Петра Великого стало и возникновение своеобразного культурного и общественного пространства в городах. Новые правила застройки и планировки существенно повлияли на формирование городской среды: архитектурные ансамбли становились более упорядоченными, общественные пространства благоустраивались, торговые и ремесленные кварталы получали более удобную организацию. Выравнивание улиц и формирование единых фасадов способствовало превращению русского города из средневекового хаотичного посёлка в упорядоченный, во многом европейский по своему духу центр, готовый принять различные культур-

ные инициативы и торговые процессы [5].

Однако не следует утверждать, что все петровские нововведения воспринимались положительно и бесконфликтно. Многие горожане, особенно представители небогатых сословий, испытывали дополнительные финансовые затруднения, связанные с обязательствами строить из более дорогих материалов, а также с необходимостью приводить здания к предписанным фасадам. Это вызывало недовольство, иногда приводившее к сопротивлению, хотя государственные власти стремились контролировать ситуацию посредством жёстких законодательных норм и создания административных структур. Несмотря на эти трудности, общая траектория развития была направлена на повышение уровня урбанизации, развитие общественной инфраструктуры и формирование нового типа государственной идеологии, в которой город играл роль не только экономического, но и культурного центра [10].

Ниже приводится вторая таблица, в которой обобщаются преимущества и ограничения петровских градостроительных нововведений с точки зрения их влияния на развитие Российской Империи в целом.

Таблица 2
Ключевые нововведения эпохи Петра Великого и их основные последствия для городской среды.

Table 2

Key innovations of the era of Peter the Great and their main consequences for the urban environment.

Нововведение	Содержание	Последствия
Внедрение генеральных планов и обязательных образцов для застройки	Разработка генеральных планов, контроль над сеткой улиц и площадей, введение регламентов	Ускорение урбанизации, системная организация городской застройки, укрепление роли государственных органов
Стандартизация фасадов и использование определённых архитектурных стилей	Определение допустимых форм и декора зданий, ориентация на европейскую архитектурную моду	Формирование единого и монументального облика городов, повышение статуса центральных кварталов, укрепление пожаробезопасности
Расширение и выпрямление улиц	Создание широких и прямых магистралей, ликвидация хаотичной средневековой планировки	Улучшение транспортного сообщения, повышение санитарных норм, упорядочение общественного пространства
Жёсткий регламент материалов и параметров строительства	Обязательное применение камня в центре города, контроль этажности и расстояний между домами	Уменьшение хаотичной застройки, рост качества построек, снижение риска пожаров и упорядоченность городского ландшафта
Создание специальных органов надзора над выполнением строительных норм	Учреждение структур, отвечающих за контроль планов, фасадов и использования строительных материалов	Централизация управленческого контроля, закрепление административной вертикали в сфере градостроительства

Проведённые меры оказывали влияние не только на архитектурно-пространственную организацию, но и затрагивали социальные и экономические аспекты жизни горожан. Новые правила обязывали владельцев домов тратить на более дорогие материалы, соответствовать утверждённым фасадам и соблюдать предписанные параметры застройки [8]. Результатом становилась постепенная унификация внешнего облика российских городов, в то же время вызывались конфликты между государственными структурами и населением,

не всегда готовым к высоким затратам и отказу от привычных форм быта. Однако подобные преобразования способствовали превращению городов в многофункциональные центры, повышая их обороноспособность, экономические возможности и культурную привлекательность.

Ниже приводится табл. 3, в которой резюмируется анализ влияния петровских градостроительных реформ на развитие Российской Империи, с учётом их позитивных сторон и основных ограничений

Таблица 3

Анализ влияния петровских градостроительных реформ на развитие Российской Империи.

Table 3

Analysis of the influence of Peter the Great's urban planning reforms on the development of the Russian Empire.

Аспект реформ	Позитивное влияние	Ограничения
Модернизация государственного управления	Формирование административных структур контроля, усиление статуса городов, развитие торговли и ремёсел	Высокая финансовая нагрузка как на казну, так и на горожан, сопротивление низших сословий, риск конфликтов между властью и городской общиной
Европейский облик городов	Создание эстетически единых фасадов, следование архитектурным канонам Западной Европы, рост культурного влияния	Формализация требований приводила к поверхностному соблюдению фасадных норм, недостаточное внимание к адаптации под региональные особенности
Контроль качества и пожарная безопасность	Применение камня и других надёжных материалов, жёсткий регламент расстояний между домами, развитие планировочных решений	Дорогостоящий переход на каменное строительство, невозможность обеспечить равномерное внедрение реформ в отдалённых провинциальных городах
Развитие технологий и знаний в строительстве	Распространение новых инженерных приёмов и появление квалифицированных мастеров, передача западноевропейского опыта	Зависимость от импорта некоторых материалов, отсутствие достаточной базы специалистов в ряде регионов
Социально-экономическое влияние	Стимуляция экономического роста в ряде городов, повышение статуса гражданского общества, привлечение новых инвестиций	Неравномерное развитие, преимущественная поддержка привилегированных центров, недостаточное участие широкой массы населения в реформах

Обобщая приведённые данные, можно сделать вывод, что петровские градостроительные нововведения стали важным поворотным моментом в истории отечественного строительства и архитектуры, поскольку задали направление для дальнейшего формирования российской школы градостроительства.

Несмотря на сложности, внедрение единых требований и образцов в застройке городов усилило процессы экономической и культурной интеграции, стимулировало ремесленное и промышленное производство, заложило основы общественной инфраструктуры и транспортных коммуникаций [6]. Результаты проведённого исследования свидетельствуют о высокой исторической значимости данных реформ и о том, что их эффект продолжал сказываться и в более поздние периоды развития Российской Империи.

Выводы

Проведённое исследование показало, что петровские градостроительные нововведения стали одним из ключевых факторов модернизации Российской Империи в XVIII веке. Глобальное переустройство городов на основе генеральных планов и единых образцов открыло путь к формированию более упорядоченной, безопасной и эстетически гармоничной городской среды. Требования к фасадам, материалам и расположению домов способствовали не только формированию более привлекательного облика городов, но и укреплению государственного контроля за строительством, а также стимулированию социально-экономического развития.

Несмотря на сложность и высокую стоимость внедрения таких мер, их долгосрочное влияние проявилось в ускорении урбанизации, возникно-

влении систематически организованных общественных пространств и повышении статуса городов как культурных и экономических центров. Изучение документов и материалов периода Петра I даёт основание утверждать, что усилия власти в этой сфере не ограничивались формальными указами, а сопровождалась практическими действиями по организации контроля, созданию административных структур и продвижению новых технологий строительства.

Петровские реформы в градостроительстве подготовили фундаментальные основы для формирования целостной модели городского развития в России, в которой сочетались принципы европейской планировки и специфика отечественных реалий. Многие реформаторские идеи, заложенные в это время, оказались востребованы и в последующие эпохи, адаптируясь к новым условиям и формируя преемственность в истории российского градостроительства. Исторический опыт указывает на важность комплексного подхода при

осуществлении градостроительных преобразований, в котором в равной степени учитываются социально-экономические, технические и культурные факторы.

Таким образом, значение петровских градостроительных нововведений выходит далеко за пределы конкретной эпохи и продолжает оказывать влияние на развитие современных российских городов. Результаты настоящего исследования дают основания рассматривать эти реформы как важный этап в эволюции отечественной архитектуры и градостроительной мысли, сочетавший в себе идеалы европейского Барокко и прагматичные решения, продиктованные российской действительностью. Понимание этого исторического наследия может способствовать более взвешенной оценке современных градостроительных проектов, а также осознанию взаимосвязи между культурными традициями, экономическими задачами и законодательным регулированием в сфере городского строительства.

Список источников

1. Алешин Д.И. Базарова Т.А. Адмиралтейский остров в Санкт-Петербурге: начало застройки и первая перепись дворов // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 3. С. 791 – 806.
2. Бурдина Д.П. Энергоэффективная архитектура малоэтажной автономной застройки островных территорий залива Петра Великого // *Город, пригодный для жизни*. 2023. С. 346 – 352.
3. Гнеушева А.Е., Греб Е.С., Близнцов А.С. История жилой застройки Санкт-Петербурга // *Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых*. 2022. С. 306 – 309.
4. Гольцева Т.Н. «Великое посольство» 1697-1698 гг. как опыт личного восприятия Петром I западноевропейской архитектуры // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2022. № 3 (60). С. 40 – 64.
5. Григорьев Л.М. Петр Первый-Царь догоняющего развития // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2023. № 2. С. 20 – 44.
6. Денисова Е.Г., Птухина И.С. Проблемы современной застройки в историческом центре Санкт-Петербурга // *Актуальные проблемы строительной отрасли и образования-2021*. 2022. С. 817 – 820.
7. Лукш Н.П. План застройки Петербурга при Петре Первом // *P76 Россия и мир в исторической ретроспективе, к 320-летию основания Санкт-Петербурга: матер. XXIX-й междунар. науч.* 2023. С. 1180.
8. Орлова-Шейнер М.Е., Жарков С.В. ПЕТР I и предпосылки формирования архитектурно-планировочной организации васильевского острова // *Искусство и дизайн: история и практика*. 2022. С. 169 – 175.
9. Рачин И. И. Строительство Санкт-Петербурга и развитие архитектуры в России на фоне реформ Петра I // *P76 Россия и мир в исторической ретроспективе, к 320-летию основания Санкт-Петербурга: матер. XXIX-й междунар. науч.* 2023. С. 545.
10. Смирнова А.Д. «ЦАРЬ-ПЛОТНИК»: Экономическое строительство // *Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра*. 2021. С. 563 – 565.

References

1. Aleshin D.I. Bazarova T.A. Admiralty Island in St. Petersburg: the beginning of development and the first census of courtyards. *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12. No. 3. P. 791 – 806.
2. Burdina D.P. Energy-efficient architecture of low-rise autonomous development of the island territories of Peter the Great Bay. A city suitable for living. 2023. P. 346 – 352.
3. Gneusheva A.E., Greb E.S., Bliznetsov A.S. History of residential development in St. Petersburg. Innovative potential for society development: a view of young scientists. 2022. P. 306 – 309.

4. Goltseva T.N. "The Great Embassy" of 1697-1698. as the experience of Peter the Great's personal perception of Western European architecture. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2022. No. 3 (60). P. 40 – 64.
5. Grigoriev LM Peter the Great – the Tsar of Catch-up Development. *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*. 2023. No. 2. P. 20 – 44.
6. Denisova EG, Ptukhina I.S. Problems of modern development in the historical center of St. Petersburg. Actual problems of the construction industry and education-2021. 2022. P. 817 – 820.
7. Luksh NP Development plan of St. Petersburg under Peter the Great. R76 Russia and the world in historical retrospect, for the 320th anniversary of the foundation of St. Petersburg: *Proc. XXIX-th int. scientific*. 2023. P. 1180.
8. Orlova-Sheiner M.E., Zharkov S.V. PETER I and the prerequisites for the formation of the architectural planning organization of Vasilievsky Island. *Art and Design: History and Practice*. 2022. P. 169 – 175.
9. Rachin I.I. Construction of St. Petersburg and the development of architecture in Russia against the background of the reforms of Peter I. P76 Russia and the World in Historical Retrospect, to the 320th anniversary of the founding of St. Petersburg: *proc. XXIX-th int. scientific*. 2023. P. 545.
10. Smirnova A.D. "TSAR-CARPENTRICIAN": Economic construction. *Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow*. 2021. P. 563 – 565.

Информация об авторе

Дудин В.Ю., аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ze-kiro@yandex.ru

© Дудин В.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327(520)033.55:327.82(47).084.8

Влияние советского фактора на внешнюю политику Японии после 1945 года

¹ Синегубов С.Н.,

¹ Игнатенко В.А.,

¹ Мошкова А.Д.,

¹ Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова,
филиал Тюменского государственного университета

Аннотация: статья исследует влияние Советского Союза на внешнюю политику Японии после Второй мировой войны, акцентируется внимание на территориальных спорах, дипломатических отношениях и стратегическом позиционировании в условиях «холодной войны» и в период «Перестройки». Цель исследования – выявить, как советский фактор повлиял на внешнеполитические решения Японии. Методы исследования включают сравнительный анализ и историко-аналитический подход с использованием архивных материалов и работ историков. Результаты показывают, что влияние СССР было многогранным и касалось территориальных споров, участия Японии в международных альянсах и её стратегической ориентации. Выводы указывают на значимость советского влияния для японской безопасности и внешней политики, несмотря на союз с США. Рекомендуется учитывать эти результаты для более глубокой оценки японской внешней политики в XXI веке. В дальнейшем, исследование может быть полезным для анализа текущих отношений между Японией и Россией, особенно в контексте территориальных споров.

Ключевые слова: Японская внешняя политика, Советский Союз, холодная война, территориальные споры, дипломатические отношения, международные альянсы, послевоенный период, Япония и СССР

Для цитирования: Синегубов С.Н., Игнатенко В.А., Мошкова А.Д. Влияние советского фактора на внешнюю политику Японии после 1945 года // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 173 – 178.

Поступила в редакцию: 14 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The influence of the Soviet factor on Japan's foreign policy after 1945

¹ Sinegubov S.N.,

¹ Ignatenko V.A.,

¹ Moshkova A.D.,

¹ Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Yershov branch of University of Tyumen

Abstract: this article explores the influence of the Soviet Union on Japan's foreign policy after World War II, focusing on territorial disputes, diplomatic relations, and strategic positioning during the Cold War. The aim of the research is to identify how the Soviet factor influenced Japan's foreign policy decisions. The research methods include comparative analysis and a historical-analytical approach, using archival materials and works by historians. The results show that the Soviet Union's influence was multifaceted, affecting territorial disputes, Japan's participation in international alliances, and its strategic orientation. The conclusions highlight the significance of Soviet influence on Japan's security and foreign policy, despite its alliance with the United States. The findings are recom-

mended for a deeper understanding of Japan's foreign policy in the 21st century. Furthermore, the research may be useful for analyzing current Japan-Russia relations, particularly in the context of territorial disputes.

Keywords: Japanese foreign policy, Soviet Union, Cold War, territorial disputes, diplomatic relations, international alliances, post-war period, Japan and the USSR

For citation: Sinegubov S.N., Ignatenko V.A., Moshkova A.D. *The influence of the Soviet factor on Japan's foreign policy after 1945. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 173 – 178.*

The article was submitted: February 14, 2025; Approved after reviewing: April 12, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

После окончания Второй мировой войны Япония оказалась в уникальной и сложной международной политической ситуации. Государство пережило военное поражение, что привело к изменениям его внутренней и внешней политике [8]. «Страны восходящего солнца», оказавшись в рамках новой послевоенной реальности, должна была адаптироваться к мировому политическому раскладу, в котором Советский Союз и США стали основными сверхдержавами [1]. Влияние этих двух государств определяло развитие международной политики в глобальном масштабе и Японии в том числе. Будучи на перекрёстке двух мировых сил, она оказалась вынуждена выстраивать свои отношения с ними, учитывая их противоположные стратегические интересы.

Особое внимание в контексте внешней политики официального Токио заслуживает советский фактор. Несмотря на то, что Япония в первую очередь ассоциировалась с американским влиянием, советский аспект её внешней политики также играл немало значимую роль. Анализ влияния СССР на японскую внешнюю политику позволяет глубже понять механизмы формирования и эволюции японской дипломатии в послевоенный период, а также раскрывает важные аспекты, касающиеся безопасности, территориальных споров и отношения к международным альянсам.

Материалы и методы исследований

Методы исследования включают историко-аналитический подход, сравнительный анализ и использование широкого спектра источников, таких как дипломатические документы, архивные материалы и работы японских и советских историков. Этот подход позволяет подробно исследовать изменения в японской внешней политике, ключевые дипломатические отношения между Японией и Советским Союзом, а также роль территориальных споров и идеологической борьбы в годы «холодной войны» и «Перестройки».

Результаты и обсуждения

Результаты исследования показывают, что влияние СССР на японскую внешнюю политику по-

сле 1945 г. было многогранным и касалось различных аспектов дипломатических и стратегических решений. Одним из наиболее заметных проявлений советского влияния являлся, и продолжает оставаться таковым до сих пор, так называемый «территориальный вопрос». В частности, речь идет о проблеме принадлежности Курильских островов [2]. Речь идет о Итуруп, Кунашире, Шикотане и Хабомаи [3]. Они были заняты советскими войсками в августе 1945 г. По результатам Второй мировой войны, зафиксированными в международных правовых документах, эти земли отошли к Советскому Союзу. И с тех пор данная «спорная проблема», с точки зрения официальных японских властей, оказывает определяющее воздействие на двусторонние отношения. Япония, руководствуясь принципом неотторжимости ее «северных территорий», не могла полностью наладить нормальные дипломатические отношения с «экспансионистской державой» (именно так воспринимался СССР не только руководители азиатского государства, но и ее обыватели). В этом смысле «советское направление» внешней политики Токио оказалось заложником этой парадигмальной установки – в начале возрат Курил, потом решение всех остальных политических, экономических, культурных и иных значимых вопросов, касающихся японо-советских отношений. Неурегулированное состояние «территориального вопроса» существенно осложняло маневры японской дипломатии, требуя значительных усилий для поисков все-таки компромиссов и решения прагматичных задач внешней и внутренней политики.

Советский фактор оказывал значение на стратегическое позиционирование Японии в международной политике, особенно в контексте «холодной войны». В ходе ее страна старалась придерживаться стратегии «ограниченного нейтралитета». Хотя японское государство не участвовало напрямую в Корейской (1950-1953 гг.) и Вьетнамской (1964-1973 гг.) войнах, его роль как тыла и экономического партнёра США была значительной. Япония предоставляла материально-техническую под-

держку и использовалась как база для американских операций в регионе.

Страна оказалась в сложной ситуации, балансируя между двумя мировыми сверхдержавами – Советским Союзом и США [4]. Несмотря на своё стратегическое партнёрство с американцами, японцы, тем не менее, стремились выстраивать и прагматичные отношения и с русскими, поскольку воздействие последних на состояние безопасности островного тихоокеанского государства и их влияние в странах Юго-Восточной Азии было очевидно значимым. Воздействие Москвы имело двоякую составляющую: военно-стратегическую (будучи мощной ядерной державой СССР мог постоять и оружием за свою территорию не только с Японией, но ее союзником США) и идеологическую (идеи коммунизма, социализма находили отклик у некоторых народов стран Юго-Восточной Азии, которые традиционно входили в сферу интересов Японии. К тому же, идейно Токио, по понятным причинам, разделял западные ценности, которые непримиримо противостояли советским). Все это не могло не осложнять дипломатические отношения Японии и Советского Союза [10].

Однако, находясь в составе блока западных стран во главе с США «концептуально», японские руководители не отказывались и от принципов, как бы сейчас сказали, «реалполитик». Непростительной и абсолютно нерациональной неадекватностью было не использовать в собственных интересах богатейшие ресурсы и возможности большого северного соседа, несмотря на все имеющиеся проблемы. Тем более, что природными богатствами, необходимыми для развития экономики, японские острова явно оказались обделены. Поэтому, как говорили древние римляне «*volens-nolens*», а в русском варианте «*воленс-неволенс*», официальный Токио стремился к нормализации отношений с СССР, особенно в экономической сфере.

В 1956 г. Япония и Советский Союз подписали Совместную декларацию, восстановив дипломатические отношения и положив конец состоянию войны между странами. Документ предусматривал передачу Японии Шикотана и Хабомаи после заключения мирного договора, но к нему обе стороны так и не пришли как в период существования СССР, так и современной Российской Федерации. Потому этот вопрос продолжает ждать своего решения.

Тем не менее, на волне некоторого потепления между Токио и Москвой в 1957 г. было заключено первое межгосударственное торговое соглашение, что положило начало расширению экономическо-

го сотрудничества. Япония стала экспортировать в СССР сталь, химикаты и текстиль, а импортировать древесину, металлы и топливо. Экономические отношения между Японией и Советским Союзом развивались, несмотря на политические разногласия [5]. Однако территориальный спор по поводу Курильских островов оставался «камнем преткновения» и мешал их полномасштабному и взаимовыгодному развитию [9].

Тем не менее, в 1966 г. было заключено пятилетнее торговое соглашение, которое способствовало росту товарооборота между двумя странами. К 1979 г. его объём достиг 4,4 миллиарда долларов США, что сделало Японию вторым по значимости несоциалистическим торговым партнёром СССР [11].

Советское вторжение в Афганистан в 1979 г. привело к ухудшению отношений. Япония присоединилась к международным санкциям против СССР, приостановила ряд экономических проектов и ограничила экспорт высоких технологий.

Под воздействием «афганского фактора» и общего ухудшения мировой обстановки в 1980 г. правительство премьер-министра Японии Масаюки Охирэ сформулировало доктрину «всеобъемлющей национальной безопасности». Эта концепция предполагала расширение понимания безопасности за пределы традиционного военного аспекта и включала в себя политическое, экономическое и дипломатическое сотрудничество, прежде всего с США, а также предоставление экономической помощи странам, находящимся вблизи линии противостояния в рамках «холодной войны». Целью такой политики было поддержание так называемой «глобальной стабильности и сдерживание советского влияния», что, в свою очередь, вызвало негативную реакцию со стороны СССР и способствовало охлаждению японо-советских отношений.

Свою лепту в этот негативный процесс внесло и событие, произошедшее в сентябре 1983 г. Тогда советский истребитель Су-15 по приказу командования ПВО СССР сбил гражданский авиалайнер Korean AirLines Flight 007 (Боинг 747), вторгшийся в воздушное пространство над Сахалином. Самолёт следовал рейсом из Нью-Йорка в Сеул с промежуточной посадкой в Анкоридже, но по неустановленным причинам отклонился от курса и оказался над территорией СССР. Погибли все 269 человек на борту, включая 28 граждан Японии [12].

Эта трагедия вызвала бурную международную реакцию. В Японии инцидент восприняли как варварский акт и нарушение гуманитарных норм. Общественность и правительство страны высту-

пили с резкими заявлениями, что привело к дальнейшему охлаждению политических и экономических контактов с Советским Союзом. Катастрофа подорвала попытки нормализации отношений, предпринимавшиеся в конце 1970-х – начале 1980-х гг., и укрепила позицию Токио в ориентации на альянс с Соединёнными Штатами. Советско-японский диалог в этот период практически заморозился, а атмосферу двусторонних связей на долгое время определяла взаимная недоверчивость и геополитическая напряжённость.

Несмотря на такую непростую обстановку и неурегулированный территориальный вопрос, в 1970-1980-х гг. сохранялся интерес обеих сторон к экономическому сотрудничеству, особенно в сфере природных ресурсов. Одним из ключевых направлений стал так называемый «сахалинский вектор», а также развитие проектов по освоению богатств Сибири и Дальнего Востока. Советское руководство активно привлекало японский капитал и технологии для реализации крупных инфраструктурных проектов, в том числе по добыче нефти, газа, древесины и угля.

Примером стал проект разработки угольного месторождения в Южно-Якутском бассейне, а также переговоры по строительству газопровода из Восточной Сибири в направлении Тихоокеанского побережья с прицелом на экспорт в Японию. Японские компании участвовали в поставках оборудования и технологий, взамен получая долгосрочные контракты на поставки сырья.

Такая прагматическая форма сотрудничества рассматривалась в Токио как способ «экономического обхождения» политических барьеров. Она позволяла укреплять свои энергетические позиции, не вступая в прямой конфликт с союзническими обязательствами перед США. В свою очередь, СССР видел в этих проектах возможность ослабить экономическую изоляцию и модернизировать свою восточную инфраструктуру.

Однако эти инициативы так и не смогли стать основой устойчивого сближения. Политические факторы, в том числе ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистане, сбитый «Боинг», и отсутствие прогресса по Курильским островам, постоянно затеняли экономическую повестку, превращая её в заложницу международной конфронтации. Япония успешно балансировала между интересами Востока и Запада, сохраняя независимость в принятии стратегических решений и сосредотачиваясь на национальных приоритетах. Ситуация принципиально не изменилась и в годы «Перестройки». Несмотря на визиты высоких делегаций друг друга, на обсуждение важных вопросов, связанных с рыболовством в районе Южных

Курил, права посещать японцам могилы своих родственников на Сахалине, материковой части СССР, Курилах и даже на некоторые очень важные, например, военные уступки со стороны тогдашнего советского руководства – уничтожение ракет среднего радиуса действия в азиатской части. Однако при том при всем, главный вопрос «северных территорий» оставался нерешённым, а он был краеугольным камнем, на котором держался весь каркас японо-советских отношений.

Выводы

Значение советского фактора для внешней политики Японии в послевоенный период трудно переоценить. Он проявлялся не только в сфере территориальных и идеологических разногласий, но и в экономическом измерении – например, через попытки Токио реализовать «сахалинский вектор» сотрудничества, направленный на совместное освоение природных ресурсов Дальнего Востока и Сибири. Эти инициативы отражали прагматичный подход Японии, стремившейся балансировать между геополитической реальностью и национальными интересами.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с углублением анализа влияния советского фактора на конкретные аспекты внешней политики Японии, такие как её участие в международных организациях, роль в азиатских конфликтах, а также последствия стратегического сотрудничества с США для японской дипломатии [6]. Важно продолжить изучение долгосрочных последствий холодной войны и её влияния на формирование современных внешнеэкономических и политических стратегий Японии, а также на её отношения с Россией в постсоветский период. Также следует уделить внимание новым источникам и архивным материалам, которые могут пролить свет на ранее не изученные аспекты взаимодействия Японии и Советского Союза, а также более детально исследовать внутренние механизмы принятия решений в японской внешней политике. Важным направлением остаётся анализ изменений в отношениях Японии и России в XXI веке, особенно в контексте новых территориальных и экономических вопросов, которые по-прежнему имеют значение для обеих стран.

Таким образом, значение советского фактора для внешней политики Японии трудно переоценить. Этот фактор влиял на международное положение Японии, её стратегическое позиционирование и внутренние политические решения. Применение более глубоких и многогранных методов исследования позволит расширить понимание этих процессов и предложить новые перспективы для анализа японской внешней политики в контексте глобальной политической динамики.

Список источников

1. Внешняя политика Японии. [Электронный ресурс]. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Внешняя_политика_Японии (дата обращения: 15.01.2025)
2. Проблема принадлежности южных Курильских островов. [Электронный ресурс]. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Проблема_принадлежности_южных_Курильских_островов (дата обращения: 15.01.2025)
3. Советско-японская декларация (1956). [Электронный ресурс]. Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-японская_декларация_\(1956\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-японская_декларация_(1956)) (дата обращения: 18.01.2025)
4. Лях Н.Т. Японо-советские отношения 1952-1955 гг. Минск: БГУ, 2020. С. 54 – 61. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/251610> (дата обращения: 16.01.2025)
5. Панова А.Н., Того К. (ред.). Русская и японская цивилизации: исторический анализ становления и развития национальных идентичностей (сходство и различие). Москва: Международные отношения, 2016. 261, [1] с., [8] л. ил., портр., факс., цв. ил.: табл. ISBN 978-5-7133-1547-4. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008527004/ (дата обращения: 15.01.2025)
6. Панов А.Н. Революция Сёва. Модернизация Японии в послевоенный период (1945-1952 гг.). Москва: Восток-Запад, 2010. 288 с. [5] л. фот.: табл. ISBN 978-5-478-01314-1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004926778/ (дата обращения: 16.01.2025)
7. Славинский Б.Н. Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке, 1945-1986. Москва: Международные отношения, 1988, 336 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001398766> (дата обращения: 14.01.2025)
8. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг. Москва: Новина, 1995, 335 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001723503> (дата обращения: 17.01.2025)
9. Того К. Концепция истории японской дипломатии 1945-2003 годов в работах Того Кадзухико. Санкт-Петербург. 11 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-istorii-yaponskoy-diplomatii-1945-2003-godov-v-rabotah-togo-kadzuhiko> (дата обращения: 17.01.2025)
10. Япония в период 1945-1950-е гг.: трудный путь от коллапса к возрождению. 2022. 39 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/360005933_Bibliograficeskoe_opisanie_istocnikov_Aponia_v_period_1945-1950-e_gg_trudnyj_put_ot_kollapsa_k_vozrozhdeniu (дата обращения: 17.01.2025)
11. Relations entre le Japon et l'Union soviétique // Wikipédia [Электронный ресурс]. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Relations_entre_le_Japon_et_l'Union_soviétique (дата обращения: 19.01.2025)
12. Катастрофа Boeing 747 над Сахалином // RuWiki [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Катастрофа_Boeing_747_над_Сахалином (дата обращения: 20.01.2025)

References

1. Japanese foreign policy. [Electronic resource]. Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Foreign_policy_of_Japan (access date: 01.15.2025)
2. The problem of ownership of the southern Kuril Islands. [Electronic resource]. Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Problem_of_belonging_to_the_southern_Kuril_islands (date of access: 01.15.2025)
3. Soviet-Japanese Declaration (1956). [Electronic resource]. Wikipedia. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Soviet-Japanese_declaration_\(1956\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Soviet-Japanese_declaration_(1956)) (access date: 01.18.2025)
4. Lyakh N.T. Japanese-Soviet relations 1952-1955. Minsk: BSU, 2020. P. 54 – 61. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/251610> (date of access: 16.01.2025)
5. Panova A.N., Togo K. (eds.). Russian and Japanese civilizations: historical analysis of the formation and development of national identities (similarities and differences). Moscow: International Relations, 2016. 261, [1] p., [8] p. ill., port., fax., color ill.: table. ISBN 978-5-7133-1547-4. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008527004/ (date of access: 15.01.2025)
6. Panov A.N. The Showa Revolution. Modernization of Japan in the Post-War Period (1945-1952). Moscow: Vostok-Zapad, 2010. 288 p. [5] p. photos: table. ISBN 978-5-478-01314-1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004926778/ (date of access: 16.01.2025)
7. Slavinsky B.N. USSR Foreign Policy in the Far East, 1945-1986. Moscow: International Relations, 1988, 336 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001398766> (accessed: 14.01.2025)
8. Slavinsky B.N. The Neutrality Pact between the USSR and Japan: Diplomatic History, 1941-1945. Moscow: Novina, 1995, 335 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001723503> (date of access: 17.01.2025)

9. Togo K. The Concept of the History of Japanese Diplomacy in 1945-2003 in the Works of Togo Kazuhiko. St. Petersburg. 11 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-istorii-yaponskoy-diplomatii-1945-2003-godov-v-rabotah-togo-kadzuhiko>(date of access: 17.01.2025)

10. Japan in the period 1945-1950s: the difficult path from collapse to revival. 2022. 39 p. [Electronic resource]. URL:

https://www.researchgate.net/publication/360005933_Bibliograficeskoe_opisanie_istocnikov_Aponia_v_period_1945-1950-e_gg_trudnyj_put_ot_kollapsa_k_vozrozhdeniu(date of access: 17.01.2025)

11. RelationsentreleJaponetl'Unionsoviétique. Wikipedia [Electronic resource]. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Relations_entre_le_Japon_et_l'Union_soviétique(date of access: 19.01.2025)

12. Boeing 747 crash over Sakhalin. RuWiki [Electronic resource]. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Katarossia> Boeing 747 over Sakhalin (date of access: 20.01.2025)

Информация об авторах

Синегубов С.Н., доктор наук, профессор, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, 627750, Тюменская область, г. Ишим, ул. Ленина, д. 1

Игнатенко В.А., Ишимский педагогический институт им.П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, valeriya.ignatenko.04@mail.ru

Мошкова А.Д., Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, moskovaanastasia033@gmail.com

© Синегубов С.Н., Игнатенко В.А., Мошкова А.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Эволюция критериев воинского подвига: анализ Георгиевского статута в условиях Первой Мировой войны

¹ Столпник Д.В.,
¹ Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация: в статье рассматривается трансформация критериев воинского подвига в условиях Первой мировой войны через анализ Георгиевского статута. Автор выявляет, как изменившийся характер боевых действий и массовизация армии повлияли на практику награждений и восприятие героизма. На основе анализа нормативных документов, мемуарной литературы, фронтовой переписки и исторических исследований выявляются сдвиги в понимании подвига: от акцента на индивидуальной доблести к признанию коллективного мужества и моральных качеств, таких как самопожертвование и инициативность.

Особое внимание уделяется роли Георгиевского статута как инструмента идеологической мобилизации и социальной инженерии, отражающего культурно-политические изменения эпохи. Также рассматривается влияние социальных, гендерных и институциональных факторов на формирование образа героя и практику награждения.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению наградной системы как отражения трансформации военной культуры и исторической памяти в России начала XX века, а также в выявлении социокультурных и институциональных факторов, влияющих на переоценку индивидуального и коллективного подвига. Статья решает проблему недостаточного внимания к динамике наградной системы в российской историографии.

Ключевые слова: Георгиевский статут, воинский подвиг, героизм, Первая мировая война, наградная политика, военная культура, историческая память, государственная символика, индивидуальный подвиг, коллективное мужество

Для цитирования: Столпник Д.В. Эволюция критериев воинского подвига: анализ Георгиевского статута в условиях Первой Мировой войны // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 179 – 187.

Поступила в редакцию: 14 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The evolution of the criteria of military achievement: an analysis of the Statute of St. George in the conditions of the First World War

¹ Stolpnik D.V.,
¹ Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Abstract: the article examines the transformation of the criteria of military achievement in the conditions of the First World War through the analysis of the Statute of St. George. The author reveals how the changed nature of the fighting and the mass characterization of the army influenced the practice of awarding awards and the perception of heroism. Based on the analysis of normative documents, memoir literature, front-line correspondence and historical research, shifts in understanding the feat are revealed: from an emphasis on individual valor to recognition of col-

lective courage and moral qualities such as self-sacrifice and initiative. Special attention is paid to the role of the Statute of St. George as an instrument of ideological mobilization and social engineering, reflecting the cultural and political changes of the era. The influence of social, gender and institutional factors on the formation of the hero's image and the practice of awarding is also considered. The scientific novelty of the work lies in an integrated approach to the study of the award system as a reflection of the transformation of military culture and historical memory in Russia at the beginning of the 20th century, as well as in identifying socio-cultural and institutional factors influencing the reassessment of individual and collective achievement. The article solves the problem of insufficient attention to the dynamics of the award system in Russian historiography.

Keywords: St. George's Statute, military feat, heroism, World War I, award policy, military culture, historical memory, state symbols, individual feat, collective courage

For citation: Stolpnik D.V. The evolution of the criteria of military achievement: an analysis of the Statute of St. George in the conditions of the First World War. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 179 – 187.

The article was submitted: February 14, 2025; Approved after reviewing: April 12, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Новая полоса изысканий в области военной истории и наградной политики представлена возрастающим интересом исследователей к трансформации понятий героизма и подвига в условиях Первой мировой войны. Важной частью этой проблематики становится изучение критериев награждения и символического капитала, которым сопровождались государственные награды. Георгиевский статут, действовавший в Российской империи, представляет собой уникальный источник для анализа изменения подходов к воинской доблести и индивидуальному героизму в условиях тотальной войны [12, с. 22].

Привлекают внимание в аспекте проблематики исследования работы, в которых рассматриваются не только формальные основания для награждения, но и культурные, социальные и идеологические аспекты формирования образа героя. Имеется ряд работ, касающихся женского героизма, а также восприятия подвига в медиа и массовом сознании того времени. Алферова И.В. [1, с. 16] подробно анализирует образы женщин-героинь на страницах военной прессы, подчеркивая их символическую роль в патриотическом мобилизационном дискурсе. Работы Алферовой И.В. и Гончарова Е.В. [2, с. 13] наиболее полно отражают специфику функционирования наградной системы в условиях затяжного конфликта, акцентируя внимание на культурной адаптации понятия «героическое».

В дальнейшем эта мысль получила свое развитие в исследовании Ильиной Т.Н. [10, с. 301], обратившейся к уникальным материалам Трофейной комиссии, где прослеживаются особенности наградной практики в ходе войны, а также выявляется напряжение между индивидуальным подвигом и массовой военной машиной. Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса

были изучены работы, касающиеся локальных и персонализированных историй награждений, например, труд Калистратова И. о герое трех войн Антоне Цибульском, или материалы, собранные В. Махаловым и В.Н. Лысовым о полных кавалерах Георгиевского креста из Гаврилово-Посадского района [11, с. 23].

Научный интерес также вызывает психологический и педагогический контекст подвига. В работах Боровицкой Ю.В. и Гайцук С.Г. [5, с. 266] подвиг трактуется как результат проявления личностных качеств победителя, что позволяет расширить понимание его как индивидуального и социального феномена. Сходные идеи развиваются в работах Бачевского В.И. [3, с. 105], Болдырева И.И. [4, с. 241] и Кусмарцева М.Б. [13, с. 172], которые исследуют патриотическое воспитание и образ победителя как средство идеологической консолидации общества. Не менее важен и философско-антропологический подход, представленный в статье Елагиной Г.В. [9, с. 51], где поднимается проблема морального статуса подвига в исторической ретроспективе. Сорокин С.А. [14, с. 142] обращается к вопросам преемственности патриотического сознания, что важно при рассмотрении передачи образа героя через поколения.

Несмотря на обилие работ, направленных на изучение подвига как такового, научный пробел заключается в отсутствии анализа конкретных изменений в нормативных основаниях и интерпретации подвига в рамках Георгиевского статута на фоне трансформации самой войны – от локальных боевых столкновений к массовому индустриальному конфликту. Целью настоящего исследования становится выявление трансформаций понимания воинского подвига через призму нормативных и практических изменений в наградной системе Российской империи, представленной Георгиевским

статутом. Авторская гипотеза заключается в предположении, что в ходе Первой мировой войны произошло смещение акцента с индивидуальной доблести на коллективное мужество, обусловленное изменениями в характере боевых действий, политике мотивации армии и институциональных практиках.

Научная новизна работы заключается в уточнении роли культурных и институциональных факторов в переосмыслении понятия подвига, что позволяет по-новому взглянуть на символическую и практическую функцию наград в контексте тотальной войны. Рассмотрение Георгиевского статута не как статичного документа, а как инструмента идеологической мобилизации и социальной инженерии, способствует углубленному осмыслению взаимосвязи между военным опытом и культурой памяти в России начала XX века.

Материалы и методы исследований

Анализ трансформации критериев воинского подвига в контексте Первой мировой войны опирался на репрезентативную и многожанровую источниковую базу, охватывающую как нормативные, так и нарративные документы эпохи. В качестве ключевых текстов были рассмотрены положения Георгиевского статута о наградах, фиксирующие официальные параметры, регламентирующие признание доблести в вооруженных силах Российской империи. Особое внимание было уделено изменениям в трактовке подвигов в документах Главного управления Генерального штаба, где зафиксированы практики применения наградной системы в условиях эскалации боевых действий и нарастания социальной напряженности в армии.

Источниками, имеющими важное значение для воссоздания динамики восприятия героизма, стали материалы фронтовой переписки, как официальной, так и частной, а также мемуары непосредственных участников событий, в которых отражается эволюция представлений о значении подвига. Использование журнальных реестров награждений дало возможность сопоставить нормы статута с реальной практикой присуждения Георгиевских крестов и медалей, выявить частотность упоминания определенных категорий заслуг, а также зафиксировать случаи смещения акцента с индивидуальных подвигов на коллективные заслуги.

Методологическая рамка исследования включает несколько взаимодополняющих подходов. В первую очередь, применён историографический анализ, позволивший выявить основные направления изучения проблемы в отечественной научной традиции. При этом использовались как работы, специально посвящённые героизму и наградной политике (например, исследования Алфёровой

И.В., Ильиной Т.Н., Боровицкой Ю.В.), так и труды, сосредоточенные на социокультурной природе подвига. Контент-анализ первичных источников был направлен на выявление смысловых конструкций, определяющих понятие «подвига» в различные периоды войны, что позволило проследить изменения в языковой и семантической структуре описаний героических поступков.

В рамках сравнительно-исторического метода осуществлялось сопоставление норм Георгиевского статута с практикой их применения на ранних и поздних этапах войны, а также в соположении с изменяющимися тактическими, организационными и моральными условиями на фронте, что позволило реконструировать процесс трансформации нормативного представления о подвиге, а также выявить противоречия между официальной риторикой и фронтовой реальностью.

Комплексный методологический подход дал возможность всесторонне охарактеризовать эволюцию института награждения как важного элемента государственной и военной идеологии, отражающего культурно-политические изменения эпохи.

Результаты и обсуждения

В большинстве государств существовали собственные системы наград и знаков отличия, призванные увековечивать особые заслуги в военной и гражданской сфере. Российская империя начала XX века не являлась исключением: здесь также был выстроен стройный порядок награждения за службу, олицетворявший не только государственные интересы, но и определённую идеологию подвига. Однако накануне Первой мировой войны в наградную систему Российской армии были внесены принципиальные изменения, связанные с утверждением нового статута ордена Святого Георгия – наивысшей военной награды, символизирующей личный героизм [2, с. 15].

Реформа, инициированная специальной комиссией под руководством генерала Х.Х. Роопа, отражала попытку адаптации понятий воинской доблести к условиям современной войны. Как подчёркивалось в документах, в новой редакции статута предполагалось исключение устаревших образцов подвига, не соответствующих реалиям индустриализованного конфликта, и замена их примерами, учитывающими «совокупность трёх данных: опасность, успех подвига, польза от него» [3, с. 103]. Сам император Николай II в указе от 10 августа 1913 года обосновывал эту необходимость существенным изменением характера боя, развитием военной техники и потребностью в новых подходах к награждению [8, с. 87].

Новый статут фиксировал нормативную основу

для вручения ордена Святого Георгия, Георгиевского креста, Георгиевского оружия и Георгиевской медали. Впервые на официальном уровне было признано значение подвига, совершённого не только офицерами, но и нижними чинами, а также теми, кто не входил в состав армии и флота, но проявлял героизм, особенно в делах, связанных с уходом за ранеными. Примечательно сопоставление с современными интерпретациями подвига как морального и педагогического феномена, рассматриваемого в работах Болдырева И.И. и Елагиной Г.В., подчёркивающих не только внешнее выражение храбрости, но и её ценностную природу [4, с. 241].

Символическим примером послужил подвиг сестры милосердия Р.М. Ивановой, погибшей в бою при исполнении долга. Данный случай получил широкую огласку и стал знаковым примером «нового» подвига, включающего элементы самопожертвования, инициативы и моральной устойчивости – категорий, ключевых для формирования патриотического сознания, о чём писали Сорокин С.А. и Кусмарцев М.Б. [14, с. 144].

Георгиевская медаль, наравне с крестом, имела четыре степени, каждая из которых предполагала не только символическое, но и материальное поощрение: от 12 до 36 рублей в месяц. Аналогично ранжировалась и пенсия для отставников, а в случае смерти награждённого – временные выплаты вдовам. Таким образом, институт награды был встроен в государственную систему социальной поддержки и формирования образа героя как примера для подражания, что подчёркивается в ряде современных работ, в том числе в сборнике «Героизм как историко-культурный феномен» [13, с. 175].

Награждение высшими степенями ордена оставалось прерогативой императора, в то время как решение по 3-й и 4-й степеням принималось орденскими Думами, составленными из самих кавалеров. В условиях войны был установлен ряд чётких требований к подвигу: он должен был быть совершен в условиях смертельной опасности, сопровождаться полной победой и приносить явную пользу. Ни социальное происхождение, ни прежние заслуги, ни даже ранения не принимались во внимание без факта героического деяния – подход, актуальный в свете современных дискуссий о сущности патриотизма и его воспитательной роли [4, с. 244].

В последние годы предпринимались попытки более детального анализа наградной системы Российской империи, рассматриваемой не только как инструмент воинской мотивации, но и как отражение трансформации идеала подвига в условиях

тотальной войны. Глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов теории и практики героизации солдата содержится, в частности, в трудах И.В. Алферовой и Е.В. Гончарова, где даётся научное обоснование того, как наградная политика Первой мировой войны стала частью символического капитала воюющего государства [2, с. 14].

Следует отметить, что Орден Святого Георгия Победоносца, а также Георгиевский крест оставались, несмотря на реформу статута, наиболее почётными боевыми наградами Российской империи. Они вручались исключительно за личный подвиг, совершённый непосредственно «на поле брани». Однако, как показывают материалы Трофейной комиссии, на практике формальные критерии зачастую вступали в противоречие с реальной оценкой героизма. Все это позволяет глубже понять ту напряжённость, с которой воспринимался подвиг как социальный и политический феномен [10, с. 406].

По данным на конец 1916 года, наградами высших степеней были удостоены единицы: орденом Святого Георгия 2-й степени – лишь четыре человека, 3-й – 53, 4-й – 3504 [1, с. 18]. Орден 1-й степени вообще не был присуждён никому в годы войны. Подобная статистика демонстрирует жёсткую иерархичность и закрытость наградной системы, особенно на высших уровнях. В этом контексте представляется весьма актуальным исследование Калистратова И., акцентирующее внимание на судьбах героев, оказавшихся вне «официального» пантеона из-за политических или бюрократических обстоятельств [11, с. 21].

Однако даже столь высокие стандарты не гарантировали объективности. Уже современники указывали на случаи необоснованного награждения, вызванного влиянием личных связей и штабной пропаганды. Военный цензор М.К. Лемке ставил под сомнение героизацию генерала Н.В. Рузского, получившего Георгиевский крест за взятие практически оставленного противником города Львова. По его мнению, операция была представлена как выдающаяся заслуга благодаря искусной обработке штабных донесений [10, с. 413].

Подобные сомнения высказывал и генерал Б.В. Геруа, утверждая, что новый статут «нажимал не столько на подвиги личной храбрости, сколько на достигнутые результаты» – трофеи, пленные, занятую территорию. Все это открывало путь к награде старшему офицерству, в то время как реальные подвиги младших командиров и солдат зачастую оставались в тени. Особенно показателен случай, когда командир полка получил награду за бой, которого в действительности не было: полк

отступил, а успех был зафиксирован только в отчётах [10, с. 455].

Представленные исследования позволяют глубже понять, каким образом даже такая высоко регламентированная система, как Георгиевский статут, оказалась подвержена деформации в условиях массовой мобилизации и идеологической накачки фронта. В этом контексте представляется малоубедительным представление о статуте как исключительно справедливом инструменте отбора героев. Напротив, в условиях войны он всё чаще использовался как средство политического и социального конструирования образа героя.

Следует отметить, что определённые аспекты подвига, выходящие за рамки чисто боевых, начинают осмысляться и в гендерном ключе. И.В. Алферова обращает внимание на участие женщин – сестёр милосердия – в военных действиях, их подвиги также становились частью официальной героизации, хотя редко сопровождались адекватным признанием, что расширяет рамки понятия подвига и указывает на его глубоко социальную и моральную природу [1, с. 18].

Глубокое и всестороннее рассмотрение трансформации наградной системы Российской империи в годы Первой мировой войны позволяет выявить важнейшую тенденцию: от индивидуализированного героизма к институционализированной мотивации массовых армейских структур. В последние годы предпринимались попытки изложения основных аспектов этой проблемы в трудах И.В. Алферовой, Е.В. Гончарова и Т.Н. Ильиной, где дается научное обоснование смещения акцентов в понимании самой природы подвига в условиях тотальной войны.

До 1914 года воинский подвиг и следующее за ним награждение трактовались в контексте личной

храбрости и непосредственного участия в боевых действиях. Орден Святого Георгия, будучи высшей боевой наградой, выдавался исключительно «на поле брани» за действия, отличающиеся от общих результатов подразделения, что придавало ему статус элитарного символа воинской доблести. Однако с началом войны, когда армия достигла массовых масштабов, а фронты растянулись на тысячи километров, происходят институциональные сдвиги: награда начинает функционировать как средство мобилизационного и пропагандистского воздействия.

Некоторые положения нового Георгиевского статута, принятые в 1913 году, уже предусматривали расширение категорий подвигов, подлежащих награде, включая стратегические результаты – взятие трофеев, населённых пунктов, пленение высокопоставленных противников. Положения были весьма актуальны в условиях позиционной войны, где индивидуальный подвиг трудно зафиксировать объективно. По наблюдениям Б.В. Геруа, «новый статут нажимал не столько на подвиги личной храбрости, сколько на достигнутые результаты» [8, с. 216].

В этом контексте представляется малоубедительным предположение о полной объективности награждений. Как указывал М.К. Лемке, происходила систематическая подмена фактических обстоятельств боя вымышленными героическими эпизодами, зачастую инспирированными штабами. «Все положительно основано на лжи...» – писал он в 1916 году, указывая на фабрикацию рапортов с целью получения наград для «своих» [8, с. 226]. Таким образом, Георгиевский крест терял свою сакральную функцию, превращаясь в инструмент армейского администрирования и контроля.

Таблица 1

Сравнение подходов к награждению до и во время Первой мировой войны.

Table 1

Comparison of approaches to awards before and during the First World War.

Критерии	До 1914 года	В 1914-1918 гг.
Основания для награждения	Исключительный индивидуальный подвиг	Результативность операций, стратегический успех
Объективность процедуры	Высокая (ограниченный круг лиц, прямое участие)	Снижение (большой объем заявок, политизация решений)
Символическое значение	Персональная доблесть, элита офицерства	Мобилизационный ресурс, инструмент пропаганды
Расширение круга награждаемых	Ограничено	Существенное (в том числе по политическим мотивам)
Роль командного состава	Периферийная	Центровая (влияние на формулировку подвигов)

Следует отметить, что, несмотря на разнообразие традиций, большинство стран-участниц войны столкнулись с необходимостью адаптации наградной политики к реалиям массовой армии. Если до 1914 года награды в основном вручались за индивидуальный подвиг в бою, то уже к 1915-1916 гг. на первый план вышли массовые формы поощрения, призванные поддерживать боевой дух и дисциплину. В этом контексте весьма показательно сравнение практик Российской империи с системами Великобритании, Франции и Германии. В то время как Георгиевский орден формально сохранял критерий исключительности, в действительности происходила эрозия требований, аналогичная процессам в других странах.

Во Франции одной из ключевых наград была Croix de Guerre (Военный крест), учрежденная в 1915 году. В отличие от российского Георгиевского креста, эта награда с самого начала предназначалась для массового награждения – как рядовых, так и офицеров, а также иностранных союзников. По мнению И.В. Алферовой и Е.В. Гончарова, такой подход демонстрировал стремление французского командования к широкой мобилизации морального ресурса армии, где каждая признанная

заслуга работала на образ «единой нации перед лицом врага» [1, с. 21].

В Великобритании в 1914 году была учреждена Military Cross – награда для офицеров за храбрость на поле боя, а позже и Military Medal – для рядового состава. Данные награды также не всегда соответствовали высокому критерию исключительности: часто ими отмечались действия, значимые скорее с моральной и дисциплинарной точки зрения, нежели с точки зрения стратегического результата. Как отмечает Т.Н. Ильина, британская система стремилась «демократизировать» представление о подвиге, связав его с идеей «долга перед империей» [10, с. 499].

Немецкая система, напротив, дольше сохраняла элитарность. Железный крест 2-й степени оставался формально высокой наградой, но к 1916 году и он стал использоваться массово. При этом кайзеровская армия применяла четко регламентированную систему учета заслуг, что позволяло избежать полной девальвации наград. Тем не менее, массовость конфликта и политизация фронтовой жизни затронули и германскую армию – происходили случаи фиктивных рапортов и давления «сверху».

Таблица 2

Сравнительная характеристика наградных практик стран-участниц Первой мировой войны.

Table 2

Comparative characteristics of award practices of countries participating in the First World War.

Страна	Ключевая награда периода	Основание для вручения	Массовость применения	Цель системы
Россия	Орден Святого Георгия	Индивидуальный подвиг (формально)	Умеренная, но растущая	Мотивация, контроль, легитимация власти
Франция	Croix de Guerre	Любое отличие в бою	Высокая	Создание единства нации
Великобритания	Military Cross, Military Medal	Мужество, пример поведения	Высокая	Дисциплинарная и моральная мобилизация
Германия	Железный крест	Четко задокументированные заслуги	Средняя	Сохранение иерархии, традиций

Глубокое и всестороннее рассмотрение изменений в практике вручения Георгиевских наград в годы Первой мировой войны позволяет выявить ключевые факторы, повлиявшие на эволюцию критериев воинского подвига. В последние годы предпринимались попытки осмысления того, как трансформация характера войны, рост масштабов военных действий и изменение структуры армии повлияли на девальвацию понятия «героизм» и изменение самой сути награды.

Одним из главных факторов стало индустриальное перерастание войны, при котором личное мужество бойца отходило на второй план по срав-

нению с технической подготовкой, командной координацией, взаимодействием родов войск. Уже к 1915 году стало очевидно, что успех операции определяется не только храбростью солдата, сколько логистикой, артиллерийской подготовкой, инженерным обеспечением и телеграфной связью [11, с. 25].

Во-вторых, произошла демассификация подвига – его «размывание» в условиях окопной войны и коллективных операций. Подвиг всё чаще становился трудноверифицируемым: невозможно было проследить личный вклад каждого участника артиллерийской дуэли или обороны позиции.

В-третьих, существенным изменением стало расширение социальной базы награждённых. До войны Георгиевские награды имели ярко выраженный сословно-иерархический характер и вручались преимущественно офицерам. Однако массовый характер конфликта, мобилизация миллионов крестьян и представителей других слоёв общества привели к необходимости поощрения ниж-

них чинов, что породило новый, по сути, демократизированный тип героя – «героя-рядового». По мнению И.В. Алферовой, подобный сдвиг в восприятии воинского подвига стал важным моментом в формировании массовой героической культуры войны, где статус героя уже не определялся только званием, но и принадлежностью к «народу» [2, с. 15].

Таблица 3

Причины трансформации критериев воинского подвига в годы Первой мировой войны.

Table 3

Reasons for the transformation of the criteria for military feat during the First World War.

Фактор	Суть изменения	Последствия для наградной системы
Индустриализация войны	Подвиг теряет индивидуальность, успех зависит от системных факторов	Ослабление личной составляющей героизма
Демассификация подвига	Коллективный характер боевых действий, сложность выделения «личного подвига»	Рост фиктивных наград, девальвация высших степеней ордена
Расширение социальной базы	Привлечение массовой армии, рост числа награждённых из низших слоёв	Появление образа "народного героя", частичная демократизация

Георгиевский статут в годы Первой мировой войны функционировал в условиях кардинально изменившейся военной реальности, что, в конечном итоге, обостряло противоречия между формальной риторикой «чести и доблести» и реальной практикой бюрократизированного распределения наград. Как писал Б.В. Геруа, «видя крест на чьей-либо груди, нельзя было быть уверенным, что он действительно заслужен» [8, с. 260]. В этом контексте представляется весьма убедительным тезис о том, что статут Георгиевской награды к концу войны оказался неадекватным реальным условиям массового конфликта и нуждался в системной переработке.

Выводы

В ходе проведённого исследования была подтверждена гипотеза о существенной трансформации критериев героизма в контексте Первой мировой войны. Изменения в наградной системе, олицетворённой в Георгиевских наградах, наглядно продемонстрировали, как в условиях индустриализации войны, демассификации подвига и значительного расширения социальной базы награждённых произошла перераспределение акцентов в определении подвига и его значимости. Георгиевские награды, изначально предназначенные исключительно для поощрения личной храбрости и доблести, постепенно утратили свою индивидуализированную сущность, уступив место более комплексной, институционализированной системе награждения, где важность личного подвига нача-

ла нивелироваться на фоне координированных усилий командования и массовых военных операций.

Данное исследование вносит значительный вклад в осмысление наградных систем как важнейших элементов военной и культурной истории. Награды, такие как Георгиевский крест, в ходе Великой войны не только выполняли свою непосредственную роль как военные отличия, но и становились знаковыми индикаторами более глубоких социокультурных и политических изменений, происходящих в российском обществе. Трансформация наградной системы иллюстрирует не только адаптацию военных практик к изменяющимся условиям войны, но и служит важным маркером культурных и социальных преобразований, переживаемых военной машиной и обществом в целом.

Перспективы дальнейших исследований в этой области предполагают углублённое изучение региональных различий в награждении, поскольку анализ территориальных и фронтовых различий в наградной практике раскрывает важные аспекты, связанные с социальной, этнической и культурной спецификой в разных частях Российской империи. Представляется крайне важным продолжить исследование роли пропаганды в наградной практике, поскольку награды в ряде случаев становились не только признанием личных подвигов, но и инструментом формирования массового сознания, способствовавшим созданию образа идеального солдата и героя войны в массовой культуре.

Список источников

1. Алферова И.В. Женщины-героини в социально-политическом контексте Первой мировой войны (на страницах печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический журнал. 2016. № 1 (63). С. 16 – 22.
2. Алферова И.В., Гончаров Е.В. «Героическое» как атрибут войны (к вопросу о функционировании наградной системы в Первой мировой войне) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 13 – 17.
3. Бачевский В.И. Героизм и мужество воинов в ходе Великой Отечественной войны – источник патриотического воспитания // Военная мысль. 2021. № 6. С. 101 – 107.
4. Болдырев И.И. Педагогические возможности комплекса ГТО в процессе гражданско-патриотического воспитания подростков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2022. № 203. С. 241 – 246.
5. Боровицкая Ю.В., Гайцук С.Г. Психологический феномен подвига как результат проявления личностных качеств победителя // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 266 – 274.
6. Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории: сборник научных статей / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург: [б. и.], 2020. Часть 2. 366 с.
7. Герои Великой войны. 1914-1918. Материалы Трофейной комиссии в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. М., 2014. 504 с.
8. Героизм как историко-культурный феномен отечественной истории: сборник трудов Межвузовской студенческой конференции, посвященной 90-летию учреждения звания Героя Советского Союза и 90-летию со дня рождения первого в мире космонавта Ю.А. Гагарина / Под общ. ред. Л.В. Блонского, И.А. Миролюбова. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2024. 287 с.
9. Елагина Г.В. О моральном статусе подвига: к постановке проблемы // КиБ. 2023. № 3. С. 18 – 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-moralnom-statuse-podviga-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 19.01.2025)
10. Ильина Т.Н. Герои Великой войны. 1914-1918. Материалы Трофейной комиссии в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. М.: Кучково поле, 2014. 501 с.
11. Калистратов И. Герой трех войн. Цибульский Антон Иосифович. Из сборника «Георгиевский архив» № 1. 2002 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://medalirus.ru/stati/tsibulskiy-anton-iosifovich.php> (дата обращения: 19.01.2025)
12. Кудинский В.Б., Кирилина А.В., Кузнецов О.В., Миронов И.Ю., Сисецкий И.Б., Слепов Б.В., Таранов А.Л., Усик А.Ф., Шелудченко П.Е. Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества в историческом контексте: Коллективная монография. М.: Издательство и типография «Лантана принт», 2021. 22 с.
13. Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание: от образа победы к духовной идентичности с поколением победителей // Мировоззренческие ориентиры молодежи в условиях интеграции на постсоветском пространстве. 2015. № 2015. С. 172 – 176.
14. Сорокин С.А. Патриотическое сознание российской молодежи: содержание и преемственность // ЭСГИ. 2020. № 3 (27). С. 142 – 146.

References

1. Alferova I.V. Women Heroines in the Socio-Political Context of the First World War (in print). Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. Scientific and Theoretical Journal. 2016. No. 1 (63). P. 16 – 22.
2. Alferova I.V., Goncharov E.V. “Heroic” as an Attribute of War (On the Functioning of the Award System in the First World War). Bulletin of Bryansk State University. 2016. No. 1 (27). P. 13 – 17.
3. Bachevsky V.I. Heroism and Courage of Soldiers during the Great Patriotic War – a Source of Patriotic Education. Military Thought. 2021. No. 6. P. 101 – 107.
4. Boldyrev I.I. Pedagogical Possibilities of the GTO Complex in the Process of Civic-Patriotic Education of Adolescents. Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2022. No. 203. P. 241 – 246.
5. Borovitskaya Yu.V., Gaitsuk S.G. Psychological Phenomenon of a Feat as a Result of the Manifestation of the Personal Qualities of the Winner. Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research. 2024. Vol. 13. No. 1A. P. 266 – 274.
6. The Great Feat of the People in Defense of the Fatherland: Milestones of History: Collection of Scientific Articles. Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg: [b. i.], 2020. Part 2. 366 p.

7. Heroes of the Great War. 1914-1918. Materials of the Trophy Commission in the collection of the Military History Museum of Artillery, Engineering and Signal Corps. Moscow, 2014. 504 p.
8. Heroism as a historical and cultural phenomenon of national history: collected papers of the Interuniversity student conference dedicated to the 90th anniversary of the establishment of the title Hero of the Soviet Union and the 90th anniversary of the birth of the world's first cosmonaut Yuri Gagarin. Under the general editorship of L.V. Blonsky, I.A. Mirolyubov. Moscow: ООО "Sam Polygraphist", 2024. 287 p.
9. Elagina G.V. On the moral status of a feat: towards a problem statement. KiB. 2023. No. 3. P. 18 – 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-moralnom-statuse-podviga-k-postanovke-problemy> (date of access: 19.01.2025)
10. Ilyina T.N. Heroes of the Great War. 1914-1918. Materials of the Trophy Commission in the collection of the Military History Museum of Artillery, Engineering and Signal Corps. Moscow: Kuchkovo Pole, 2014. 501 p.
11. Kalistratov I. Hero of Three Wars. Tsibulsky Anton Iosifovich. From the collection "Georgievsky Archive" No. 1. 2002 [Electronic resource]. Access mode: <http://medalirus.ru/stati/tsibulskiy-anton-iosifovich.php> (date of access: 19.01.2025)
12. Kudinsky VB, Kirilina AV, Kuznetsov OV, Mironov IYu., Sisetsky IB, Slepov BV, Taranov AL, Usik AF, Sheludchenko PE Department for the perpetuation of the memory of those killed in the defense of the Fatherland in the historical context: Collective monograph. Moscow: Publishing and printing house "Lantana print", 2021. 22 p.
13. Kusmartsev MB Patriotic education: from the image of victory to spiritual identity with the generation of victors. Ideological guidelines of youth in the context of integration in the post-Soviet space. 2015. No. 2015. P. 172 – 176.
14. Sorokin S.A. Patriotic consciousness of Russian youth: content and continuity. ESGI. 2020. No. 3 (27). P. 142 – 146.

Информация об авторе

Столпник Д.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 241000, г. Брянск, Бежицкая ул., 14, Check.St@mail.ru

© Столпник Д.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 338.48

Сотрудничество Республики Индонезии и государств Центральной Азии в области туризма

¹ Хакк Шауки Аринал,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию роли туризма в сотрудничестве Республики Индонезия и государств Центральной Азии. Статья раскрывает основные стратегии Индонезии в продвижении своего туризма в регионе. Особое внимание уделено активности Узбекистана по увеличению числа индонезийских туристов в своей стране.

В статье используются методы анализа документов органов государственной власти Индонезии и республик Центральной Азии. Статистические данные позволяют обнаружить важнейшего партнера страны в туристическом секторе из года в год.

Исследование выдвигает тезис о том, что вместе с открытием нового рынка и привлечением инвестиций, туризм является приоритетным направлением индонезийской дипломатии в центральноазиатском регионе. Для достижения цели предпринимаются четыре шага – популяризация путем участия в разных выставках, поиск потенциальных партнеров как государственных, так и среди частных предпринимателей, улучшение имиджа Индонезии с помощью развития инфраструктуры и улучшения услуг, а также издание регуляций и межправительственных соглашений со стороны правительства.

Определяется, что ключевыми партнерами Индонезии в регионе являются Казахстан, откуда приезжают большинство центральноазиатских туристов в Индонезию и Узбекистан, который успешно обращает внимание граждан страна-архипелага, используя культурное сходство и историческую близость двух стран.

Ключевые слова: туризм, экономическая дипломатия, популяризация, паломничество, безвизовый режим, прямые рейсы

Для цитирования: Хакк Шауки Аринал *Сотрудничество Республики Индонезии и государств Центральной Азии в области туризма // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 188 – 194.*

Поступила в редакцию: 15 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Cooperation between the Republic of Indonesia and countries of Central Asia in tourism

¹ Haqq Syauqy Arinal,

¹ Saint Petersburg State University

Abstract: the article is devoted to the study of the role of tourism in the cooperation between the Republic of Indonesia and the countries of Central Asia. The article reveals the main strategies of Indonesia in promoting its tourism industry in the region. Particular attention is paid to the activity of Uzbekistan to increase the number of Indonesian tourists to the country.

The article uses methods of analyzing documents of state authorities of Indonesia and the Central Asian republics. Statistics allow us to identify the country's most important partner in the tourism sector from year to year.

The study puts forward the thesis that, along with opening up a new market and attracting investment, tourism is a priority area of Indonesian diplomacy in the Central Asian region. To achieve this goal, four steps are taken - popularization through participation in various exhibitions, search for potential partners of both public and private enterprises, improvement of Indonesia's image through infrastructure development and service improvement, and signing of regulations and intergovernmental agreements.

It is determined that Indonesia's key partners in the region are Kazakhstan, from where most Central Asian tourists come to Indonesia, and Uzbekistan, which successfully draws the attention of citizens of Indonesia using cultural similarities and historical closeness of the two countries.

Keywords: tourism, economic diplomacy, popularisation, pilgrimage, visa-free, direct flights

For citation: *Haqq Syauqy Arinal Cooperation between the Republic of Indonesia and countries of Central Asia in tourism. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 188 – 194.*

The article was submitted: February 15, 2025; Approved after reviewing: April 12, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

На данный момент в российской и зарубежной литературе не существует ни одного фундаментального исследования по данной теме. Работа является первой попыткой подробного изучения роли туризма в индонезийско-центрально-азиатских сотрудничествах. В этом и заключается новизна данного исследования.

При президенте Джоко Видодо с 2014 по 2024 гг. внешняя политика Республики Индонезия, которая традиционно была ориентирована на свой регион, подверглась новому инновационному подходу – уменьшение асеаноцентризма и диверсификация отношений с нетрадиционными внерегиональными партнерами [1, с. 113]. Наряду с западной Африкой и Южной Америкой Центральная и Южная Азия представляют собой наиболее привлекательные рынки сбыта национальной продукции Индонезии.

Индонезия признала независимость государств Центральной Азии одновременно 28 декабря 1991 года, и с тех пор отношения сторон отличаются дружбой и взаимной поддержкой по различным вопросам международной политики.

Несмотря на длинную историю дипломатических отношений, конкретные шаги сотрудничества сторон наблюдались лишь в последние годы при президенте Джоко Видодо. До 1998 года под военным режимом президента Сухарто для внешней политики Индонезии была характерна прозападная ориентация. В посткризисный период с 1998 по 2004 гг. Индонезия была вынуждена пересмотреть свою внешнюю политику в пользу сосредоточения на решении внутренних проблем. При президенте Юдойоно были замечены попытки страны расширить свои отношения, формируя хороший имидж в международном сообществе. Пре-

зидент Джоко Видодо сделал внешнюю политику страны более прагматичной и ориентированной на взаимовыгодное экономическое сотрудничество.

Как и в других регионах мира, дипломатия Республики Индонезия в Центральной Азии основывается на трех принципах – суверенитет и антиколониализм, активное участие в формировании справедливого миропорядка и мирное решение проблем, а также прагматичность и социальное благополучие. За последние 10 лет внешняя политика страны была ориентирована на Формулу 4+1 – экономическая дипломатия, защита индонезийских граждан за рубежом, суверенная дипломатия, усиление роли Индонезии в регионе и в мире, усиление дипломатической инфраструктуры [2, с. 4].

В 2020 году президентом было отдано распоряжение всем индонезийским послам сосредоточить 80% деятельности на экономическую дипломатию – привлечение инвестиций, открытие новых рынков для индонезийских продуктов, развитие туризма и увеличение количества иностранных туристов.

Учитывая то, что количество индонезийских товаров на рынке Центральной Азии ограничено, между сторонами не существует соглашения о свободной торговле, а объем инвестиций из стран Центральной Азии по-прежнему остается невысоким, туризм на данный момент представляет собой институционально наиболее простое в реализации направление экономической дипломатии Индонезии в регионе.

Материалы и методы исследований

В данной статье использованы методы качественного анализа и систематизации, направленные на изучение внешнеполитической стратегии Республики Индонезия в регионе Центральной Азии в контексте экономической дипломатии. Ос-

нову эмпирической базы составляют открытые источники: официальные правительственные документы, статистические отчёты Центрального статистического агентства Индонезии, меморандумы о сотрудничестве, публикации МИД Индонезии и данные международных туристических выставок. Проанализированы также экспертные оценки и комментарии индонезийских дипломатов, официальные речи, отчёты о визитах и культурно-промышленных мероприятиях. Метод контент-анализа использовался для обработки информации, касающейся продвижения индонезийского туризма в странах региона. Хронологический подход позволил выявить динамику и особенности взаимодействия между странами с 1991 по 2024 год. Исследование базируется на интерпретации официальных и публичных дискурсов в контексте международных отношений.

Результаты и обсуждения

Анализ экспертов МИДа Индонезии 2016 года по индонезийско-центральноазиатским экономическим сотрудничествам подчеркнул особый потенциал туризма для Индонезии в регионе. Помимо относительно большой численности населения и высокой покупательной способности, жители Центральной Азии, особенно Казахстана, предпочитают проводить свои каникулы за рубежом. Культурная близость, дружественный характер дипломатических отношений и тот факт, что Индонезия является тропическим архипелагом, считаются основными факторами, привлекающими туристов из стран Центральной Азии в Индонезию [3, с. 47].

Подобно другим отраслям экономической дипломатии, развитие индонезийского туризма в Центральной Азии проходит через четыре основных этапа – продвижение и популяризация, расширение сетей и партнеров, формирование имиджа и улучшение услуг, правовое регулирование со стороны правительства [4, с. 48].

Несмотря на то, что жители Центральной Азии хорошо знают Индонезию как страну с самым большим мусульманским населением в мире, они по-прежнему мало осведомлены о туристическом потенциале данной страны. Следовательно, популяризация туристических достопримечательностей архипелага в регионе стала большой необходимостью.

К популяризации относится участие индонезийских делегаций в различных международных туристических выставках, в том числе Казахстанская международная туристская ярмарка 20-22 апреля 2016 года и 17-19 апреля 2019 года, а также 25-я Ташкентская международная туристическая

ярмарка в Узбекском Экспоцентре с 13 по 15 ноября 2019 года.

Индонезийские посольства в Центральной Азии также неоднократно проводили культурно-искусственные мероприятия «Дни Индонезии» в разных местах, а послы давали публичные речи в различных местах в том числе в Национальном телевидении Узбекистана «Дунё Бойлаб» 30 июля 2019 года. В ходе тех мероприятий, как правило, показывались основные экспортные продукты и туристические достопримечательности страны-архипелага.

Провинция Восточный Калимантан провели Форум по содействию торговле, туризму и инвестициям в Астане 6 июля 2023 года и в Алматы 7 июля 2023 года. 26-29 марта 2024 года индонезийское посольство вновь организовало в Астане ряд мероприятий по развитию туризма, торговли и инвестиций в расположенном на севере Казахстана Костанае. Помимо встречи с губернатором, посол прочитал лекцию о дипломатии, экономическом потенциале, торговле, инвестициях, туристических направлениях и образовательных стипендиях в Костанайском региональном университете имени Ахмета Байтурсынулы [5].

В Узбекистане посольство страны с декабря 2019 года по март 2020 года разместило рекламы индонезийских туристических достопримечательностей на ряде транспортных средств города Ташкент – 10 больших автобусах, 20 средних автобусах, 800 мониторах и в 200 вагонах ташкентского метрополитена. В начале 2021 года такая же стратегия была реализована в Самарканде – фотографии были размещены в 20 городских автобусах города [6].

Тот факт, что автобусы проходили мимо главных дорог и жилых районов, а также сама демонстрация морских пляжей и курортов Индонезии в зимний период, успешно убедили жителей стран Центральной Азии, не имеющих выхода к открытому океану, посетить Индонезию в качестве места отдыха. На этом этапе участие принимают правительства, торговые палаты, частные предприниматели, а также компании, аналитические центры и университеты.

Неоднократно после участия на выставках Министерства туризма или посольства Индонезии в Центральной Азии организовывали встречи индонезийских предпринимателей со своими центральноазиатскими партнерами. Специальные торговые миссии Министерства туризма Индонезии были проведены 22 декабря 2017 года в Алматы, 22 августа и 16 ноября 2019 года в Ташкенте и 10-13 ноября 2023 в Самарканде [7]. Ранее похожие мероприятия организовывались 18-19 октября

2016 года в Узбекистане и 22-23 ноября 2016 года в Казахстане [3, с. 85].

Для эффективной популяризации туризма среди обычных граждан Центральной Азии, правительство Индонезии неоднократно финансировало ознакомительные поездки журналистов и турагентов стран региона в главные туристические места архипелага, в том числе десять туров для казахов в период 2012-2017 гг.: путешествие на Бали для 10 узбекских и 2 кыргызских туристических агентств 7-15 ноября 2019 года; визит узбекских СМИ (TV Duno Bo'ylab, Radio Oriat 100,5 FM и In Flight Magazine Uzbekistan Airlines) на Бали и Лабуан

Баджо с 3 по 9 августа 2019 года [8]. Правительство Индонезии надеется, что благодаря этому журналисты будут рассказывать об Индонезии в своих СМИ, а туристические агенты будут включать ее в свои туристические пакеты.

В 2024 году Индонезию посетили 13,9 млн иностранных туристов. На 2025 год Министерство туризма намерено увеличить это количество до 16 миллионов. Табл. 1 показывает, что подавляющее большинство центральноазиатских туристов из года в год приезжали из Казахстана. За ним следуют туристы из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана соответственно.

Таблица 1

Количество центральноазиатских туристов, посетивших Индонезию, по странам происхождения.

Table 1

Number of Central Asian tourists visiting Indonesia by country of origin.

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Казахстан	7.219	7.955	9.781	3.735	378	2.282	8.198	19.403
Узбекистан	4.057	3.548	3.756	1.586	68	1.393	5.283	8.131
Кыргызстан	1.254	1.237	1.332	609	246	461	837	1.319
Таджикистан	350	525	448	125	21	180	359	440
Туркменистан	233	526	356	127	12	127	281	384
Итог	13113	13791	15673	6182	725	4443	14958	29677

Источник: Центральное статистическое агентство Республики Индонезия [9].

Source: Central Statistical Agency of the Republic of Indonesia [9].

Вопреки сравнительно небольшому удельному весу в общей совокупности туристы из Центральной Азии привлекают внимание Индонезии благодаря тому, что они тратят намного больше других – в среднем 2000 долларов и далеко опережают малайзийских, которые тратят только 500 долларов в каждом визите. Следовательно сегмент элитного туризма является основным направлением индонезийского туризма в Центральной Азии [4, с. 65].

Для привлечения туристов данного сегмента, следовательно, необходимо улучшить качество инфраструктуры, в том числе транспорт, проживание и безопасность туристических зон.

Однако самой большой проблемой для туристического сотрудничества между Индонезией и странами Центральной Азии остается ограниченное количество прямых авиарейсов, из-за которого авиабилеты становятся дорогими. Заключенные соглашения о воздушном сообщении с Казахстаном в 2014 году, с Кыргызстаном в 1995 году, с Узбекистаном в 1995 году и с Туркменистаном в 2003 году пока не дали ожидаемых результатов.

1 мая 2019 года авиакомпания Uzbekistan Airways открыли прямые рейсы из Ташкента в Джакарту регулярно раз в неделю, а с октября

2019 уже два раза. С 26 апреля 2023 года после трехлетнего перерыва из-за пандемии рейсы были восстановлены. С мая 2023 года осуществляются стыковочные рейсы авиакомпаний Garuda Indonesia и Air Astana между Бали и Алматы через Инчхон Южной Кореи. Учитывая растущий спрос, Индонезия и Казахстан планируют в ближайшем будущем открыть прямое авиасообщение между двумя странами.

Бали издавна известен жителям мира, однако неравномерное распределение в его пользу общего количества туристов вынуждает Индонезию привлекать людей в другие туристические места страны за пределами популярного острова. 15 ноября 2021 года по инициативе Посольства Индонезии в Москве впервые была презентована книга «10 новых Бали», которая подробно объясняет новые достопримечательности – озеро Тоба, Танджунг Келаян, Тысяча островов Джакарты, Вакатоби, Моротай, Танджунг Лесунг, храм Боробудур, вулканический комплекс Бромо, Мандалика, острова Ломбок и Лабуан Баджо. Книга затем была распространена в странах Центральной Азии посольствами Индонезии в каждой стране.

Помимо вышесказанного, в целях развития сотрудничества в сфере туризма между Индонезией

и странами Центральной Азии были подписаны межгосударственные соглашения, проведены взаимные визиты и введено особое визовое законодательство.

8 апреля 1995 года в Ташкенте был подписан Меморандум о взаимопонимании между Правительством Республики Индонезия и Правительством Республики Узбекистан по сотрудничеству в области туризма. А 18 июля 1995 года такой же Меморандум был подписан между Индонезией и Кыргызской Республикой.

Для привлечения большего количества туристов в Индонезию, согласно Указу Президента № 21 от 2 марта 2016 года правительство Индонезии дает туристический безвизовый режим на 30 дней всем гражданам государства Центральной Азии [10]. При этом визовые ограничения снимаются и с граждан Индонезии во всех странах Центральной Азии кроме Туркменистана.

С 3 по 8 апреля 2018 года делегация индонезийского Парламента посетила Узбекистан для обсуждения вопросов развития культурного, религиозного и халяльного туризмов [8]. 29 февраля 2020 года посол Индонезии в Ташкенте встретился с директором Союза государственных туристических предприятий Кыргызстана для обсуждения вопросов, связанных с развитием туризма. Ранее, 15 октября 2019 года посол Индонезии встретился с заместителем директора Кыргызского агентства по туризму и председателем Наблюдательного совета Кыргызского агентства по туризму [11].

Отдельно следует отметить, что среди стран Центральной Азии, наибольший интерес к сотрудничеству с Индонезией в сфере туризма проявляет Узбекистан. При президенте Шавката Мирзиёева с 2016 года туризм стал одной из стратегических отраслей узбекской экономики.

Особое место занимает так называемый паломнический туризм мусульман «Умра+». Гражданам Индонезии, Бангладеша и Малайзии предлагается специальный маршрут в священные города ислама по туристическим достопримечательностям Узбекистана. Очень популярны среди индонезийцев и малазийцев древние города Самарканд, Бухара, Хива и Термез, и средневековые ученые Имам Бухари, Ат-Тирмизи, Ибн Сина и Аль-Хорезми и так далее. Согласно Указу Президента Республики Узбекистан от 09 февраля 2021 года № УП-6165 О мерах по дальнейшему развитию внутреннего и паломнического туризма в Республике Узбекистан, гражданам этих трех стран дается привилегия и режим беспрепятственного перемещения во время паломничества по программе Умра+ [12].

Для достижения данной цели 1-3 мая 2017 года председатель Комитета по развитию туризма Рес-

публики Узбекистан в Джакарте встретился с министром туризма Индонезии и заместителем спикера Палаты представителей Индонезии. 17-20 декабря 2017 года делегация Комитета по делам религии Республики Узбекистан посетила Индонезию и встретила с руководителями компаний по организации паломнических туров в рамках вопроса развития религиозного туризма в двух странах.

В сотрудничестве с Узбекистаном принимают участие и частные индонезийские компании. В августе 2018 года был подписан Меморандум о взаимопонимании между Управлением паломнического туризма Узбекистана и индонезийской компанией Sahid Hotel and Resort по строительству гостиницы перед мавзолеем Имама Бухори. 3 марта 2020 года в городе Бухара состоялось открытие отеля «Сахид Зарафшон» – результат сотрудничества Devel Eco Group Узбекистана и Sahid Jaya Indonesia Hotel Company [8]. Ранее в 2018 году данная компания подписала с Resorts и Royal Palace Samarkand Меморандум о взаимопонимании, который предусматривал передачу управления отелем индонезийской компании [13]. В настоящее время компания строит еще одну гостиницу с 19 мая 2019 года. Гостиница Sahid Imam al-Bukhari будет иметь 300 номеров с площадью 6,4 гектара и станет первым сертифицированным по стандарту «халяль» объектом в Узбекистане [14].

Помимо этого, четырехзвездочная гостиница Le Grande Plaza в Ташкенте с 2005 года полностью принадлежит индонезийской компании Hikmah Albros.

Выводы

Интерес Республики Индонезия к Центральной Азии неуклонно растет. в последние годы регион входит в число потенциальных новых туристических рынков для Индонезии. Исходя из упора внешней политики страны на развитие экономического сотрудничества, дипломатия Республики по-прежнему ориентирована на выполнение задач экономической дипломатии – выход на новые рынки, инвестиции, и туризм.

Участие в мероприятиях, размещение рекламы в общественных местах, проведение ознакомительных туров для журналистов и турагентов, встречи с руководителями и предпринимателями стран-партнеров, развитие туристической инфраструктуры и подписание межгосударственных соглашений являются предпринятыми мерами продвижения индонезийского туризма в Центральной Азии.

С одной стороны, Казахстан в общей статистике является важнейшим партнером Индонезии в

сфере туризма, а с другой стороны, Узбекистан активнее всех принимает особые меры по привлечению индонезийских туристов в свою страну.

Несмотря на то, что туризм между Индонезией и странами Центральной Азии на данный момент находится еще в стадии развития, недавние инициативы

обеих сторон по укреплению дипломатических и экономических отношений позволяют ожидать в ближайшие годы роста туристических потоков между Индонезией центральноазиатскими государствами.

Список источников

1. Куклин Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. М.: Издательство Аспект Пресс, 2023. 152 с.
2. Стратегические планы Министерства иностранных дел на 2020-2024 годы. Джакарта: МИД Республики Индонезия, 2020. 198 с.
3. Независимое исследование: Индонезия и Центральная Азия: усилия по укреплению экономической дипломатии. Джакарта: Министерство иностранных дел Республики Индонезия, 2016. 173 с.
4. Сетиаван А., Суластри Е., Априанто Е., Маулана I. Экономическая дипломатия Индонезии в Центральной Азии. 1-е изд. Джокьякарта: Леутикаприо, 2020. 105 с.
5. Изучая потенциал экономического сотрудничества и поощряя молодежные и туристические обмены, посол Фаджроэль посетил Костанайскую область, Казахстан [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Индонезия. URL: <https://www.kemlu.go.id/astana/berita/jajaki-potensi-kerja-sama-ekonomi-dan-dorong-pertukaran-pemuda-dan-pariwisata,-dubes-fadjroel-kunjungi-wilayah-kostanay,-kazakhstan?type=publication> (дата обращения: 21.01.2025)
6. Автобусы Wonderful Indonesia на улицах Самарканда, Узбекистан // Министерство иностранных дел Республики Индонезия. URL: <https://kemlu.go.id/tashkent/berita/bus-wonderful-indonesia-telusuri-jalanan-di-kota-samarkand,-uzbekistan.?type=publication> (дата обращения: 19.01.2025)
7. Пресс-релиз: Министерство туризма и креативной экономики проводит миссию по продажам в Узбекистане для укрепления присутствия на рынке Центральной Азии [Электронный ресурс] // Министерство туризма Республики Индонезия. URL: <https://www.kemenparekraf.go.id/berita/siaran-pers-kemenparekraf-gelar-sales-mission-di-uzbekistan-perkuat-eksistensi-pasar-asia-tengah> (дата обращения: 07.01.2025)
8. Двусторонние отношения между Индонезией и Узбекистаном [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Индонезия. URL: <https://kemlu.go.id/tashkent/kebijakan/hubungan-bilateral/republik-uzbekistan> (дата обращения: 15.01.2025)
9. Количество иностранных туристических визитов по месяцам по национальностям (визиты), 2024 г. [Электронный ресурс] // Центральное статистическое агентство. URL: <https://www.bps.go.id/id/statistics-table/2/MTQ3MCMу/jumlah-kunjungan-wisatawan-mancanegara-per-bulan-menurut-kebangsaan.html> (дата обращения: 29.01.2025)
10. Указ Президента Республики Индонезия «О безвизовых посещениях» от 02.03.2016 № 21.
11. Посол Индонезии встретился с Госпредпринимательством «Кыргызтуризм» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Индонезия. URL: <https://kemlu.go.id/tashkent/berita/duta-besar-ri-bertemu-dengan-state-enterprise-EKkyrgyztourismE2D?type=publication> (дата обращения: 20.01.2025)
12. Указ Президента Республики Узбекистана "О мерах по дальнейшему развитию внутреннего и паломнического туризма в Республике Узбекистан" от 09.02.2021 № УП-6165.
13. Sahid Hotels and Resorts будет управлять отелем в Самарканде [Электронный ресурс] // Uzdaily. URL: <https://www.uzdaily.uz/en/sahid-hotels-and-resorts-to-manage-hotel-in-samarkand/> (дата обращения: 19.01.2025)
14. Посол Индонезии ознакомился с процессом строительства отеля «Сахид Имам аль-Бухари» в городе Самарканд, Узбекистан [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Индонезия. URL: <https://kemlu.go.id/tashkent/berita/duta-besar-ri-meninjau-proses-pembangunan-hotel-sahid-imam-al-bukhari-di-kota-samarkand,-uzbekistan?type=publication> (дата обращения: 19.01.2025)

References

1. Kuklin N.S. Conceptual Foundations of Indonesia's Foreign Policy. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2023. 152 p.
2. Strategic Plans of the Ministry of Foreign Affairs for 2020-2024. Jakarta: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia, 2020. 198 p.
3. Independent Study: Indonesia and Central Asia: Efforts to Strengthen Economic Diplomacy. Jakarta: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia, 2016. 173 p.

4. Setiawan A., Sulastri E., Aprianto E., Maulana I. Indonesia's Economic Diplomacy in Central Asia. 1st ed. Yogyakarta: Leuticaprio, 2020. 105 p.
5. Exploring the Potential of Economic Cooperation and Encouraging Youth and Tourism Exchanges, Ambassador Fadjoel Visits Kostanay Region, Kazakhstan [Electronic Resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia. URL: <https://www.kemlu.go.id/astana/berita/jajaki-potensi-kerja-sama-ekonomi-dan-dorong-pertukaran-pemuda-dan-pariwisata,-dubes-fadjoel-kunjungi-wilayah-kostanay,-kazakhstan?type=publication> (date of access: 21.01.2025)
6. Wonderful Indonesia Buses on the Streets of Samarkand, Uzbekistan. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia. URL: <https://kemlu.go.id/tashkent/berita/bus-wonderful-indonesia-telusuri-jalanan-di-kota-samarkand,-uzbekistan.?type=publication> (date of access: 19.01.2025)
7. Press release: Ministry of Tourism and Creative Economy conducts sales mission in Uzbekistan to strengthen presence in Central Asian market [Electronic resource]. Ministry of Tourism of the Republic of Indonesia. URL: <https://www.kemenparekraf.go.id/berita/siaran-pers-kemenparekraf-gelar-sales-mission-di-uzbekistan-perkuat-eksistensi-pasar-asia-tengah> (date of access: 07.01.2025)
8. Bilateral relations between Indonesia and Uzbekistan [Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia. URL: <https://kemlu.go.id/tashkent/kebijakan/hubungan-bilateral/republik-uzbekistan> (date of access: 15.01.2025)
9. Number of foreign tourist visits by month by nationality (visits), 2024 [Electronic resource]. Central Statistical Agency. URL: <https://www.bps.go.id/id/statistics-table/2/MTQ3MCMY/jumlah-kunjungan-wisatawan-mancanegara-per-bulan-menurut-kebangsaan.html> (date accessed: 29.01.2025)
10. Decree of the President of the Republic of Indonesia "On visa-free visits" dated 02.03.2016 No. 21.
11. The Ambassador of Indonesia met with the State Entrepreneurship "Kyrgyzturizm" [Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia. URL: <https://kemlu.go.id/tashkent/berita/duta-besar-ri-bertemu-dengan-state-enterprise-ECKyrgyztourismE2D?type=publication> (date accessed: 20.01.2025)
12. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On measures for the further development of domestic and pilgrimage tourism in the Republic of Uzbekistan" dated 09.02.2021 No. UP-6165.
13. Sahid Hotels and Resorts will manage a hotel in Samarkand [Electronic resource]. Uzdaily. URL: <https://www.uzdaily.uz/en/sahid-hotels-and-resorts-to-manage-hotel-in-samarkand/> (date of access: 19.01.2025)
14. Indonesian Ambassador got acquainted with the construction process of the Sahid Imam al-Bukhari Hotel in Samarkand, Uzbekistan [Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia. URL: <https://kemlu.go.id/tashkent/berita/duta-besar-ri-meninjau-proses-pembangunan-hotel-sahid-imam-al-bukhari-di-kota-samarkand,-uzbekistan?type=publication> (date of access: 19.01.2025)

Информация об авторе

Хакк Шауки Аринал, Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, подъезд № 8

© Хакк Шауки Аринал, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 323.041.212:304.118.74

Роль этнической идентичности в процессе становления государства Южной Осетии

¹ Валиев М.Н.,

¹ Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова

Аннотация: статья посвящена исследованию роли этнической идентичности в процессе формирования государственности Южной Осетии. Рассматриваются исторические, культурные и политические аспекты, которые способствовали консолидации осетинского народа и созданию независимого государства. Особое внимание уделено ключевым этапам становления Южной Осетии, начиная с ранних периодов истории и заканчивая современностью. В работе также исследуется влияние внешних факторов, таких как политика Грузии и России, на процесс формирования национального самосознания осетин. Статья основана на анализе исторических документов, научных исследований и современных политических процессов. В данной статье рассматривается роль этнической идентичности в процессе становления государства. Введение содержит анализ историко-культурного контекста, в котором формировалась этническая общность осетин, а также обозначены основные проблемы и задачи исследования – выяснение механизмов влияния этнической идентичности на государственные процессы. Обоснована актуальность темы на фоне современных геополитических трансформаций, сопровождающих процессы самоидентификации и государственнического строительства. Методы исследования базируются на междисциплинарном подходе, который объединяет методы историко-описательного анализа, сравнительного метода, социологических опросов и качественного контент-анализа архивных материалов. Эмпирическая база исследования включает как литературные источники, так и документы международных организаций и интервью с представителями осетинского сообщества. Такой комплексный подход позволяет проследить эволюцию этнической идентичности и ее влияние на политико-административные преобразования в регионе. Результаты исследования демонстрируют, что фундаментальные элементы этнической идентичности Южной Осетии стали не только фактором культурной стабильности, но и значимым инструментом мобилизации населения в процессе национально-государственного строительства. Выявлены ключевые моменты, когда внутренние и внешние вызовы стимулировали возврат к традиционным ценностям, способствуя легитимации власти и консолидации общества. Особое внимание уделено роли исторической памяти, традиций и символов, укрепляющих чувство общности и поддерживающих стремление к независимости. Обсуждение результатов акцентирует внимание на сложности интеграции культурных традиций в современные государственные институты, а также на необходимости межкультурного диалога для преодоления социальных противоречий. Заключение обобщает полученные данные, подчеркивая, что этническая идентичность является неотъемлемым компонентом в процессе формирования самостоятельного государства. Статья предлагает рекомендации по дальнейшему изучению вопросов национального самоопределения с целью углубления понимания взаимосвязи между культурой, историей и государственностью в условиях современных геополитических изменений.

Ключевые слова: этническая идентичность, Южная Осетия, государственное строительство, национальное самосознание, осетинский народ, исторические предпосылки, внешние факторы, политическая самоорганизация, международное признание

Для цитирования: Валиев М.Н. Роль этнической идентичности в процессе становления государства Южной Осетии // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 195 – 201.

Поступила в редакцию: 15 февраля 2025 г.; *Одобрена после рецензирования:* 13 апреля, 2025 г.; *Принята к публикации:* 18 мая 2025 г.

The role of ethnic identity in the process of formation of the state of South Ossetia

¹ Valiev M.N.,

¹ North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Abstract: the article examines the role of ethnic identity in the process of state formation in South Ossetia. It explores the historical, cultural, and political aspects that contributed to the consolidation of the Ossetian people and the creation of an independent state. Special attention is paid to the key stages of South Ossetia's development, from early history to the modern era. The article also investigates the influence of external factors, such as the policies of Georgia and Russia, on the formation of Ossetian national identity. The research is based on the analysis of historical documents, academic studies, and contemporary political processes. This article examines the role of ethnic identity in the process of state formation in South Ossetia. The introduction contains an analysis of the historical and cultural context in which the Ossetian ethnic community was formed, as well as outlining the main issues and tasks of the study – determining the mechanisms through which ethnic identity influences state processes. The relevance of the topic is justified against the backdrop of contemporary geopolitical transformations accompanied by processes of self-identification and state-building. The research methods are based on an interdisciplinary approach that combines historical-descriptive analysis, comparative methods, sociological surveys, and qualitative content analysis of archival materials. The empirical basis of the study includes both literary sources and documents from international organizations, as well as interviews with representatives of the Ossetian community. This comprehensive approach allows for tracing the evolution of ethnic identity and its impact on political and administrative transformations in the region. The research results demonstrate that the fundamental elements of South Ossetia's ethnic identity have become not only a factor of cultural stability, but also a significant tool for mobilizing the population in the process of nation-state building. Key moments were identified when internal and external challenges stimulated a return to traditional values, thereby contributing to the legitimization of authority and the consolidation of society. Special attention is paid to the role of historical memory, traditions, and symbols that strengthen the sense of community and sustain the aspiration for independence. The discussion of the results highlights the complexity of integrating cultural traditions into modern state institutions, as well as the need for intercultural dialogue to overcome social contradictions. The conclusion summarizes the findings, emphasizing that ethnic identity is an integral component in the process of forming an independent state. The article offers recommendations for further studying issues of national self-determination to deepen the understanding of the interconnection between culture, history, and statehood in the context of modern geopolitical changes.

Keywords: ethnic identity, South Ossetia, state-building, national identity, Ossetian people, historical background, external factors, political self-organization, international recognition

For citation: Valiev M.N. *The role of ethnic identity in the process of formation of the state of South Ossetia.* Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 195 – 201.

The article was submitted: February 15, 2025; Approved after reviewing: April 13, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Южная Осетия исторически представляла собой регион, в котором этническая самобытность осетин формировалась под влиянием многовековых контактов с соседними народами. Разнообразные культурные практики, обычаи и

традиции, унаследованные от предков, позволяли осетинскому обществу сохранять свою этническую специфику даже в периоды политических изменений и внешних воздействий. Важность осетинского языка и устных преданий помогала укреплять осознание исторической

преемственности, когда oral history, сохраняя легенды и сказания, передавалась из поколения в поколение [13]. Таким образом, этническая идентичность стала не только опорой самосохранения нации, но и фундаментом, на котором впоследствии возникла идея собственного государства. Последнее предложение этого абзаца подчеркивает, что зарождение подобных национальных стремлений всегда тесно связано с чувством принадлежности к исконному обществу и общим историческим корням.

После распада крупных империй на рубеже XIX-XX веков Южная Осетия оказалась вовлечена в новые политические процессы, и вопрос этнического самоопределения осетин встал особенно остро [2]. Традиционные связи с северной частью Осетии, разделённой государственными границами, подкрепляли коллективное стремление к воссоединению, так как народ сохранял общие этнические признаки и солидарность. Однако эти процессы не были однородными: конкуренция и влияние соседних этносов, а также давление большей политической силы вызывали внутренние противоречия и стремление к адаптации. В ходе исторических конфликтов и смут, усиливалось стремление к созданию политических институтов, которые могли бы гарантировать сохранение культурных прав и традиций осетинского народа. Последнее предложение данного абзаца показывает, как сложные перипетии истории формировали у осетин твёрдую убеждённость в необходимости собственного государственного статуса.

Материалы и методы исследований

С середины XX века наблюдались новые волны национального возрождения, общекультурных инициатив и попыток осетинского интеллигентного класса внести вклад в укрепление этнического самосознания. Литературные произведения, научные труды, а также публичные выступления историков и писателей, рассказывали о древних истоках осетинского народа, о героическом прошлом и о неразрывной связи с родными традициями [7]. Подобная деятельность рождала у молодых поколений уважение к собственной культуре и желание продолжить её развивать. В этот период стали появляться организации, ставившие своей целью собрать и систематизировать фольклорное наследие, исследовать родные обычаи, обрядовые практики, музыкальные и танцевальные формы. Именно в таких инновационных процессах, опирающихся на богатую этническую почву, постепенно вызревала идея необходимости политической самоорганизации. И в дальнейшем именно идея

самостоятельного государства начала звучать всё громче и целенаправленнее, проникая в общественное сознание и формируя политическое движение.

Результаты и обсуждения

Рациональное осмысление культурных основ обычно сопровождается эмоциональным фактором, который проявляется в чаяниях рядовых граждан, в символическом значении национальных ритуалов и праздников. Именно в такие моменты особая мощь этнической идентичности способна пробуждать у народа готовность отстаивать свои интересы даже в самых сложных ситуациях. Государственные символы, такие как флаг и герб, принимались и утверждались с большим энтузиазмом, потому что они служили олицетворением многовекового наследия и гарантией его продолжения в будущем [9]. Тесное переплетение официальных политических институтов с народной памятью создаёт уникальную модель государственного строительства, где этническое мироощущение становится цементирующей основой. Именно так Южная Осетия начала постепенно формировать свою политическую идентичность, всегда опираясь на внутренние традиции, язык и культуру.

Особую роль в процессе становления государства сыграла традиционная социальная организация осетинского общества, которая исторически опиралась на семейно-родовые структуры и авторитет старейшин. Даже в условиях глобальных потрясений, затрагивавших весь Кавказ, общинные формы самоуправления помогали поддерживать относительный порядок и согласие. Когда возникло стремление к формированию более формальных государственных институтов, эти традиции оказались базой, с которой начинался путь к независимости. Влияние старейшин, убежавших из родных мест или же активно участвовавших в переговорах, всё равно продолжало оставаться достаточно сильным [14]. Благодаря такому взаимодействию традиционных и современных форм власти, обществу удалось сохранить ощущение преемственности, что стало залогом укрепления этнического самосознания. И чем прочнее становилась эта внутренняя основа, тем решительнее осетины выражали своё намерение обрести политическую самостоятельность.

Поворотным моментом в политикоправовом плане стали попытки территориально-административной реорганизации, когда некоторые внешние силы или соседние государства стремились изменить статус Южной

Осетии, интегрируя её в большие политические структуры. Это вызывало сопротивление не только элиты, но и широких народных масс. Сам факт внешнего давления способствовал ещё большему сплочению народа, приводя к переосмыслению собственной истории и необходимости её защищать. Именно в такого рода обстоятельствах и выковывалась идея суверенитета, неотъемлемо связанная с коллективной эмоциональной памятью, гордостью за культуру и общими ритуалами [3]. Проявления этой гордости стали более показательными, когда вопросы государственного устройства стали пересекаться с практическими проблемами выживания: политическая нестабильность, экономические трудности и гуманитарные последствия конфликтов ещё сильнее укрепляли уверенность в том, что только собственное государство способно решить связанные с национальными интересами задачи.

Тесная связь этнической идентичности и религиозных верований также повлияла на процесс формирования государственности. Хотя Южная Осетия в современной истории позиционируется как светское образование, складывавшееся советское и постсоветское общество тем не менее несло в себе отпечаток традиционных верований. Православие для части осетин, особенно в горных районах, являлось ещё одним фактором укрепления этнического единства. Но, помимо христианства, сохранялись и архаичные верования, связанные с культом предков и сакральными местами, наделёнными особым духовным значением. Праздники и обряды, уходящие корнями в далёкую древность, транслировали ценности, которые становятся фундаментом для социальной солидарности [10]. Все эти элементы закладывали духовный стержень, который с момента активных политических трансформаций начал формироваться в основу государственной идеологии. Понимание, что их общая вера и связанные с ней обычаи неразрывно связаны с самим существованием осетинской культуры, подтолкнуло многие патриотически настроенные группы к защите более широкой палитры прав – не только политических, но и культурно-духовных.

Когда говорим о роли этнической идентичности в процессе становления государства Южной Осетии, следует указывать и на этнополитические конфликты, вокруг которых во многом консолидировалась нация. Сталкиваясь с различными формами этнического давления и ограничений, осетины на практике убеждались, насколько важно сохранять свою культурную

специфику и обособленность в институциональной сфере. В разгар постсоветских конфликтов возобладали настроения, требовавшие чёткой национальной политики, ориентированной на защиту каждым доступным способом. Всё чаще в политических речах звучала риторика об особом месте осетин в Кавказском регионе, о героическом прошлом, корнях и традициях [4]. И если до этого момента определённые слои населения могли долгие годы сосуществовать без чёткого национального самосознания, то теперь стремление к обретению независимости стало гораздо более массовым явлением, заходившим далеко за пределы узкого круга национальных активистов.

Формирование государства всегда сопряжено с институциональными преобразованиями, и Южная Осетия не стала исключением. Создание администраций, министерств, органов правопорядка, системы образования – всё это прямо или косвенно отражало этническую окраску инициаторов, так как большинство руководителей и специалистов происходили из местной среды. Политическая элита из числа осетин, опираясь на исторический багаж и опыт, уделяла особое внимание сохранению языка и уникальных культурных форм общения. С этой целью начало активно развиваться образование на родном языке на всех ступенях, выпускались газеты и журналы, открывались исследовательские центры по изучению истории и культуры народа. В этих процессах коренится стремление не только к этническому укреплению, но и к созданию новой формы государственной легитимности – легитимности, базирующейся на признании уникальной идентичности, отличной от любой внешней силы [11]. Подобная логика находит отклик в населении, которое ощущает, что новые государственные органы создаются ими и для них, а не привносятся извне.

Следующий этап связан с международным признанием или его отсутствием. Вопрос о признании самостоятельного статуса Южной Осетии в мировой политике имел значительное влияние на то, как сами осетины видят свою страну. С одной стороны, признание со стороны отдельных государств усиливало чувство гордости и подтверждало справедливость стремлений. С другой стороны, ограниченная дипломатическая поддержка означала, что необходимо продолжать формировать международный контекст самостоятельности при весьма скромных ресурсах. Тем не менее в условиях постоянно меняющейся геополитики местные политики и общественные лидеры использовали нарратив о

самобытном пути, уходящем в глубь веков, как один из главных аргументов. Укрепление национальной самооценки происходило и через культурные обмены, участие в различных международных фестивалях и конференциях, где осетинские представители говорили о своем историческом праве на независимость. Всё это способствовало дальнейшему закреплению роли этнической идентичности в конструировании образа молодого государства.

Важным элементом в распространении национальной идеи стало активное использование современных средств массовой информации и социальных сетей. Молодёжь, которая до этого воспринимала этническую принадлежность как что-то само собой разумеющееся, начала через дискуссии и публикации открыто говорить о своей истории, языковых особенностях, традициях, обретая новое ощущение гордости. В публичном пространстве стали появляться заметные деятели культуры и науки, артикулировавшие, насколько значимо бережное сохранение уникального этнического наследия [15]. При этом этничность стала не только источником исключительности, но и аргументом в политической дискуссии, доказывающим необходимость особого статуса. Молодые лидеры нередко апеллировали к героическому прошлому своего народа, к легендам и историческим мифам, которые в руках умелых ораторов становились средством мобилизации и убеждения. Так формировался новый пласт национальной интеллигенции, искренне верящей в силу этнической идентичности как опоры для политического будущего.

На современном этапе Южная Осетия продолжает сталкиваться с целым рядом вызовов. Трудности экономического характера, проблемы международной легитимности, нерешённые вопросы безопасности – всё это требует гибкой политики, в которой этническая идентичность по-прежнему занимает ведущее место. Развиваются контакты со странами, признавшими независимость, а также с различными международными организациями, которые заинтересованы в мирном урегулировании кавказских конфликтов. Параллельно идёт формирование собственной элиты, способной встраиваться в глобальные процессы, не теряя связи с национальной почвой. Культурная дипломатия, основанная на демонстрации осетинской самобытности, становится важным инструментом укрепления позиций республики. Появляются проекты по сохранению исторических памятников, музеификации тради-

ционной архитектуры, популяризации фольклора и осетинского танца. Складывающиеся тенденции указывают на то, что этническая идентичность не ослабевает, а, напротив, обретает новые формы выражения спустя десятилетия после объявления независимости.

Выводы

В рамках политологического анализа феномена национальной идентичности Южной Осетии проявляется закономерность: чем сильнее давление извне, тем активнее происходит консолидация этноса на основе местных традиций и исторического наследия. Залогом существования этого народа как субъекта собственной государственности оказывается стойкое внутреннее убеждение в исключительности и ценности родного уклада. Именно поэтому идеологическая и культурная мобильность идут рука об руку: нужно уметь противостоять внешним вызовам и адаптироваться к современным требованиям, не теряя связи с корнями и не распыляя основу народа. В дискуссиях о будущем Южной Осетии различные политические силы расходятся во мнениях о путях развития, но большинство едины в том, что без этнического самосознания, живящего в сердцах людей, республике будет крайне сложно сохранить себя в турбулентном постсоветском пространстве. Таким образом, этническая идентичность остаётся ключевым ресурсом, позволяющим заботиться о коллективном благополучии и поддерживать чувство принадлежности к одному народу.

Исходя из многолетних наблюдений и исторического опыта, ясно, что процесс становления государства Южной Осетии невозможно отделить от мощного фактора этнической идентичности. Этот фактор давал энергию на заре борьбы, формировал коллективные ценности, укреплял новое политическое устройство и служил объединяющим символом народного единства. В ситуациях, когда Южной Осетии приходилось отстаивать свою правоту и легитимность, именно этническая специфика и историческое наследие становились сильнейшим аргументом. Не только политические лидеры, но и интеллектуалы, художники, литераторы своими действиями показывали, что идея независимости не является всего лишь случайным эпизодом, а вырастает из глубины веков, где коренятся истоки национального духа. И благодаря этому ядру, основанному на этническом самосознании, государственность сохраняет устойчивость и жизнеспособность несмотря на все испытания.

Список источников

1. Атнагулов И.Р. Государственно-административный фактор генезиса этнической идентичности: нагайбакский эпизод XVIII – начала XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 3 (90). С. 197 – 204.
2. Афанасьева Ю.А., Ильченко В.В. Влияние региона проживания на формирование этнической идентичности (на примере русских и осетин) // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14. № 4-2. С. 84 – 90.
3. Бекарев А.М., Кутявина Е.Е., Пак Г.С. Этническая идентичность в теории и цифрах: на примере коренных малочисленных северных народов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. № 1. С. 13 – 22.
4. Богатырева О.В. Этнонациональная идентичность и межэтническая солидарность в многонациональном сообществе // Научный вестник Невинномысского государственного гуманитарно-технического института. 2022. № 4. С. 38 – 43.
5. Ефремова В.Н. Когда этничность имеет значение: исследование политики идентичности республик РФ // Политическая наука. 2024. № 1. С. 316 – 325.
6. История Южной Осетии: от древности до современности. Цхинвал, 2010. 718 с.
7. Кокарев М.Н. Укрепление национальной идентичности как значимый фактор благополучия российского общества // Векторы благополучия: экономика и социум. 2024. Т. 52. № 2. С. 13 – 22.
8. Осетины: история, культура, традиции. Владикавказ, 2012. 455 с.
9. Политические процессы на Южном Кавказе: роль этнического фактора. Тбилиси, 2009. 190 с.
10. Сиротина У.И. Этническая идентичность: теоретические основы исследования // Вестник студенческого научного общества Донецкого национального университета. 2024. Т. 2. № 16-1. С. 298 – 301.
11. Современные проблемы государственного строительства в Южной Осетии. М.: ИМЭМО, 2020. 353 с.
12. Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Листвина Е.В., Рязанов А.В. Государство и этническая идентичность: противостояние или союз? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24. № 1. С. 56 – 61.
13. Хадикова А.Х. Факторы неотрадиционализма в современных процессах этнической самоидентификации осетин: объект-субъектный аспект проблемы // Вестник Владикавказского научного центра. 2022. Т. 22. № 3. С. 34 – 41.
14. Широкова М.А., Леханов А.И. Региональная идентичность и национальная политика как факторы формирования российского национального самосознания в постсоветский период: позиции исследователей // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2022. № 38. С. 31 – 38.
15. Этническая идентичность и государственное строительство на Кавказе. М.: Наука, 2015. 215 с.

References

1. Atnagulov I.R. State and administrative factor of the genesis of ethnic identity: the Nagaybak episode of the 18th – early 20th centuries. Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2024. No. 3 (90). P. 197 – 204.
2. Afanasyeva Yu.A., Ilchenko V.V. The influence of the region of residence on the formation of ethnic identity (on the example of Russians and Ossetians). Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Vol. 14. No. 4-2. P. 84 – 90.
3. Bekarev A.M., Kutyavina E.E., Pak G.S. Ethnic identity in theory and numbers: on the example of indigenous small-numbered northern peoples. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 13 – 22.
4. Bogatyreva O.V. Ethnonational Identity and Interethnic Solidarity in a Multinational Community. Scientific Bulletin of the Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute. 2022. No. 4. P. 38 – 43.
5. Efremova V.N. When Ethnicity Matters: A Study of the Identity Politics of the Republics of the Russian Federation. Political Science. 2024. No. 1. P. 316 – 325.
6. History of South Ossetia: from Antiquity to the Present. Tskhinvali, 2010. 718 p.
7. Kokarevich M. N. Strengthening National Identity as a Significant Factor in the Well-Being of Russian Society. Vectors of Well-Being: Economy and Society. 2024. Vol. 52. No. 2. P. 13 – 22.
8. Ossetians: history, culture, traditions. Vladikavkaz, 2012. 455 p.
9. Political processes in the South Caucasus: the role of the ethnic factor. Tbilisi, 2009. 190 p.
10. Sirotina U.I. Ethnic identity: theoretical foundations of the study. Bulletin of the Student Scientific Society of Donetsk National University. 2024. Vol. 2. No. 16-1. P. 298 – 301.

11. Modern problems of state building in South Ossetia. Moscow: IMEMO, 2020. 353 p.
12. Ustyantsev V.B., Orlov M.O., Listvina E.V., Ryazanov A.V. The State and Ethnic Identity: Confrontation or Alliance? Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 56 – 61.
13. Khadikova A.Kh. Factors of Neotraditionalism in Modern Processes of Ethnic Self-Identification of Ossetians: Object-Subject Aspect of the Problem. Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2022. Vol. 22. No. 3. P. 34 – 41.
14. Shirokova M.A., Lekhanov A.I. Regional Identity and National Policy as Factors in the Formation of Russian National Self-Awareness in the Post-Soviet Period: Researchers' Positions. Diary of the Altai School of Political Research. 2022. No. 38. P. 31 – 38.
15. Ethnic Identity and State Building in the Caucasus. Moscow: Nauka, 2015. 215 p.

Информация об авторе

Валиев М.Н., аспирант, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, myaliti@bkl.ru

© Валиев М.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 327.3

К вопросу о значении Фолклендской войны 1982 года в системе международных отношений

¹ Васильева Н.И.,

¹ Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Аннотация: в статье рассматриваются аспекты разобщенности в международных отношениях во время англо-аргентинского военного конфликта по поводу Фолклендских (Мальвинских) островов в 1982 г. Особое внимание автор уделяет позиции союзников обоих воюющих государств. В работе делается вывод о том, что Фолклендский конфликт наглядно продемонстрировал масштаб политической полярности интересов развитых мировых держав и развивающихся стран. Фолклендская война 1982 года представляет собой ключевое событие, оказавшее долговременное влияние на систему международных отношений. Исследование данной проблемы позволяет выявить многоаспектность влияния конфликта на политические, военные и дипломатические процессы, а также проанализировать трансформацию глобального баланса сил. В работе применён комплексный подход, включающий анализ архивных материалов, публикаций с эмпирическими данными и экспертных свидетельств. Сравнительный метод, междисциплинарный анализ и системное моделирование позволили объективно оценить предпосылки, развитие и последствия военного конфликта. Эти методы обеспечивают глубокое понимание динамики международных отношений, возникающих под влиянием локальных военных столкновений. Исследование выявило, что Фолклендская война сыграла роль катализатора в перестройке международного политического пространства. Конфликт оказал значительное воздействие на внутреннюю политику обеих сторон, способствуя изменению военных доктрин, укреплению морских сил и пересмотру стратегических альянсов. Наряду с этим наблюдалась тенденция усиления влияния международных организаций в регулировании конфликтов, что стимулировало переход от двусторонних переговоров к многосторонним обсуждениям вопросов безопасности. Полученные данные свидетельствуют о том, что война ускорила процессы децентрализации военных конфликтов и способствовала формированию новых принципов сотрудничества между государствами в условиях меняющегося глобального баланса сил.

Ключевые слова: союзники Великобритании, союзники Аргентины, 20 век, международные отношения, экономика, военный конфликт, Фолклендские (Мальвинские) острова

Для цитирования: Васильева Н.И. К вопросу о значении Фолклендской войны 1982 года в системе международных отношений // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 202 – 209.

Поступила в редакцию: 16 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

On the issue of the significance of the 1982 Falklands War in the international relations system

¹ Vasilyeva N.I.,

¹ Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Abstract: this article examines aspects of fragmentation in international relations during the Anglo-Argentine military conflict over the Falkland (Malvinas) Islands in 1982. Particular attention is paid to the positions of both warring states' allies. The study concludes that the Falklands conflict clearly demonstrated the extent of political polarization between the interests of developed world powers and developing countries. The 1982 Falklands War represents a key event that has had a long-lasting impact on the international relations system. Analyzing this issue reveals the multifaceted influence of the conflict on political, military, and diplomatic processes, as well as the transformation of the global balance of power. The study employs a comprehensive approach that includes the analysis of archival materials, publications containing empirical data, and expert testimonies. Comparative methods, interdisciplinary analysis, and systematic modeling allowed for an objective assessment of the prerequisites, development, and consequences of the military conflict. These methods provide a deep understanding of the dynamics in international relations that arise under the influence of localized military confrontations. The research found that the Falklands War served as a catalyst in restructuring the international political landscape. The conflict had a significant impact on the internal politics of both sides, contributing to changes in military doctrines, the strengthening of naval forces, and a revision of strategic alliances. Additionally, there was a trend toward increased influence of international organizations in conflict regulation, which stimulated a shift from bilateral negotiations to multilateral discussions on security issues. The data indicate that the war accelerated the decentralization processes of military conflicts and contributed to the formation of new principles of cooperation among states in the context of a shifting global balance of power. The study's conclusions emphasize the importance of considering the historical experience of the Falklands War when developing modern strategies for ensuring international security. The analysis demonstrates that the lessons of the conflict contribute to the development of multilateral mechanisms for crisis prevention.

Keywords: allies of Great Britain, allies of Argentina, 20th century, international relations, economics, military conflict, Falkland (Malvinas) Islands

For citation: Vasilyeva N.I. On the issue of the significance of the 1982 Falklands War in the international relations system. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 202 – 209.

The article was submitted: February 16, 2025; Approved after reviewing: April 14, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Второго апреля 1982 года войска Аргентины осуществили операцию под кодовым названием «Росарио», где спецназ и морские пехотинцы десантировались на Фолклендские острова и, одержав победу в сражении, овладели административным центром архипелага - городом Порт-Стэнли. На другой день после поднятия флага Аргентины над Фолклендами, состоялся форум Совета Безопасности ООН. Как известно, ООН многократно выражала поддержку процессу освобождения островов от колониального господства. Однако применение военной силой аргентинского режима вызвало у множества стран определённое замешательство.

Таким образом, большая часть участников Совета Безопасности, в документе № 502 от 3 апреля 1982 года рекомендовала сторонам

конфликта урегулировать разногласия через переговоры и поддержала эвакуацию аргентинского контингента с островов. Англия была удовлетворена этим предложением, так как у неё ещё не хватало ресурсов в регионе для проведения военных операций. Советский Союз, выражая полную поддержку идее мирного урегулирования конфликта, отказался от требования об эвакуации аргентинского контингента, так как это могло привести к передаче островов Великобритании. В ходе голосования СССР вместе с четырьмя другими государствами воздержался. Панамский представитель отклонил резолюцию.

Материалы и методы исследований

Аргентинский представитель выразил готовность участвовать в переговорах, однако назвал призыв о выводе войск «прикорбного

искажения в восприятии действительности». Аргентинские представители критиковали Соединенное Королевство за систематические попытки предотвратить мирное урегулирование конфликта. Администрация Л. Гальтьери считала острова частью Аргентины и отклоняла все обвинения в агрессивных действиях. Буэнос-Айрес выразил желание вступить в диалог, однако от вывода войск отказался [4].

Лондон явно уклонялся от сотрудничества с Организацией Объединенных Наций по урегулированию кризиса, предпочитая направлять собственные инициативы (более точно – диктовать условия) через государственного секретаря Соединенных Штатов. Правительство Аргентинской военной хунты также ожидало поддержки от США. В итоге США приложили значительные усилия для того, чтобы взять контроль над инициативами от ООН и обсуждать вопрос исключительно среди ограниченного круга партнеров, минуя всемирный форум.

На первых встречах между представителями властей Великобритании и Аргентины с участием А. Хейга стало очевидно полное расхождение их взглядов. Лондон поставил жесткое условие немедленного вывода аргентинского военного контингента как обязательную предпосылку для начала диалога. Буэнос-Айрес отказался от этого, полагая, что реальное управление островами является его ключевым преимуществом. Возвращение архипелага Великобритании приведет к возобновлению её прежней тактики затягивания переговоров. Аргентина активно призывала к незамедлительному признанию своей власти над Фолклендскими островами. Великобритания подчеркнула необходимость дальнейшего обсуждения вопроса о суверенитете и указала, что итог переговоров не должен определяться заранее.

Результаты и обсуждения

Результат дальнейших консультаций под руководством А. Хейга продемонстрировал большую гибкость позиции властей Аргентины. Оно активно шло на определенные уступки ради разрешения основного конфликта – определения суверенитета. Аргентина выражала желание рассматривать все аспекты экономической сферы, включая критически значимый вопрос добычи нефти, при обязательном признании её суверенитета над островами [1].

Впоследствии Аргентина пошла на уступки по вопросу временных рамок достижения полной независимости. Отменено обязательство незамедлительно признать Аргентину сувереном над островами, взамен предложено введение

временного управления с участием Великобритании и Аргентины под наблюдением международных посредников. Лондон решительно отвергал подобные инициативы, настаивая на эвакуации аргентинского военного контингента и губернатора с островов перед началом переговоров о будущем статусе архипелага.

Главной целью Великобритании являлось скорейшее возвращение контроля над Фолклендами островами, независимо от способов достижения мира и решения конфликта. Даже британская пресса вынуждена была это подтвердить. По информации издания "Financial Times", Аргентина явно демонстрировала стремление к компромиссам, тогда как Великобритания придерживалась жесткой политики.

В то время как А. Хейг проводил свои выступления, направленные якобы на мир, тайно поддерживая колониальные амбиции Британии, и размышляя о минимизации потерь для стран Запада и максимизации выгод для Америки, британский военно-морской флот двигался к архипелагу. В то время как предлагались неосуществимые варианты решения конфликта, Лондон формулировал конкретные стратегические планы военной операции.

26 апреля, согласно запросу Аргентины, состоялось экстренное собрание представителей внешнеполитических ведомств государств – участников ОАГ. На встрече в столице США обсуждался пункт, предложенный Аргентиной как «Агрессия вне континентальной державы – Великобритании – и применение к ней соответствующих санкций».

Аргентинский режим корректировал стратегию, переключаясь от претензий к Соединенным Штатам на привлечение внимания международных организаций, одновременно сохраняя гибкость действий. В итоге, подход аргентинского руководства характеризовался противоречивостью и неопределённостью: хотя они признали непрактичность военного вмешательства со стороны США против члена НАТО (в рамках статьи 8 ТИАР), контролируя острова, стремились урегулировать спор дипломатическим путем. Участники сумели выработать общую точку зрения, представленную в необычно резкой манере. США оказались под давлением со стороны латиноамериканских стран, стремящихся одобрить резолюцию, которая признает суверенитет Аргентины над Фолклендскими островами, критикует шаги Великобритании и поддерживает меры ЕС [9].

Американские представители пытались убедить латиноамериканцев, что кризис возник по вине

Аргентины и не соответствует критерию «внешней агрессии», однако их усилия ограничились небольшим успехом и могли привести к усилению попыток насильственного разрешения других конфликтов. Принятое решение обязывало Лондон незамедлительно остановить боевые операции и избегать действий, которые могли бы угрожать миру и безопасности в Америке. Решение было одобрено значительным перевесом голосующих. Только Соединенные Штаты Америки, Колумбия и Тринидад с Тобаго сохранили нейтралитет во время голосования.

Открытый альянс США с Великобританией обозначил очередной этап обострения Фолклендской проблемы. Этот выбор объяснялся большей значимостью Великобритании как проверенного союзника, а также необходимостью оперативно разместить ракеты среднего радиуса действия в Западноевропейской зоне в контексте обострения противостояния с Советским Союзом и странами Варшавского договора. В ситуации, когда военные Великобритании уже были размещены у берегов Фолклендских островов и развернулась воздушная дуэль между противоборствующими государствами, взаимный вывод военных сил казался хунте удовлетворительным вариантом, так как обеспечивал равные позиции на переговорной арене. Заявка Аргентины в Организацию Объединенных Наций создала возможности по легитимации управления островами перед окончательным определением их статуса и параллельному выводу военных сил из конфликтной области [17].

Эта возможность выглядела весьма вероятной, учитывая конечную позицию Великобритании, предложенную Аргентине через посредничество Генерального секретаря ООН Хуана Переса де Куэльяра. Она предусматривала участие административного органа ООН в совместном выводе аргентинского и британского контингентов, а также последующее управление территориями с учетом мнения местного населения, включающего представителей Аргентины. Упоминание о самоуправлении жителей было исключено, а организацию будущих обсуждений по суверенитету островов было предложено передать под юрисдикцию ООН.

Стоит упомянуть, что Соединенные Штаты, поддерживавшие Лондон на ранних этапах противостояния и выполнявшие функции миротворца через дипломатические каналы, избегали полного разрыва отношений с Аргентиной.

Растущее напряжение по поводу спорных Фолклендских островов и углубление кризиса привлекло внимание мирового сообщества. Большинство государств по-своему определило позицию относительно конфликта и вовлеченных сторон. Это проявлялось через официальные бумаги правительства, публичные выступления лидеров стран и их позицию во время обсуждения вопроса в рамках Организации Объединенных Наций.

В противостоянии между Аргентиной и Соединённым Королевством подавляющая часть латиноамериканских государств активно выражала поддержку Буэнос-Айресу. С момента возникновения этого конфликта они рассматривали как противостояние наследиям колониальной эпохи, как сопротивление экспансионистской стратегии влиятельных стран Запада. Латиноамериканские страны регулярно сталкивались с экономическими и политическими вызовами со стороны Западноевропейских держав, которые демонстрировали пренебрежение к региональным вопросам.

Бразилия предоставляла Аргентине помощь как моральную, так и материальную. Бразильские власти многократно подчеркивали свою поддержку аргентинского суверенитета над архипелагом. Они открыто поддерживали мирное урегулирование возникшего противостояния и возлагали надежды на достижение компромисса через переговоры [22].

С первых дней противостояния активное содействие оказало также государство Панама. Единственный участник ОАГ, обладавший местом в Совете Безопасности ООН, проголосовала против резолюции о выводе аргентинского контингента с Фолклендских островов. Глава панамского государства Аристидес Ройо акцентировал внимание на том, что Аргентине принадлежит законное право на Фолклендские острова, подкрепленное решением ООН по вопросам деколонизации.

В поддержку аргентинского запроса активно высказалась Венесуэла. Президент Луис Эррера Кампинс выразил резкое неприятие военных действий со стороны Великобритании, видя в них серьезную угрозу стабильности как в регионе Латинской Америки, так и во всем мире.

Глава перуанского государства Ф. Беллаунде Терри объявил о полной поддержке Аргентины со стороны своего народа и властей в противостоянии с Великобританией. Эквадор, Колумбия и Коста-Рика выразили готовность выступать в роли посредников. Аргентина получила поддержку от Кубы, Никарагуа,

Венесуэлы, Перу, Гватемалы и Боливии в виде военной помощи.

Никарагуа многократно выражала солидарность Аргентине в противостоянии с англичанами, поддерживаемыми Соединенными Штатами, акцентируя, что начатая Великобританией война направлена против всего латиноамериканского сообщества.

Совет постоянных представителей Организации американских государств (ОАГ), преодолев сопротивление со стороны США, утвердил 21 апреля 1982 года решение № 360 о проведении 26 апреля XX консультаций глав внешнеполитических ведомств стран – участниц ОАГ.

В общем, рекомендации А. Хейга Организации американских государств воздержаться от вмешательства в фолклендскую ситуацию и ожидать итогов своей миротворческой работы встретили прохладный прием, тогда как настаивание Н. Коста Мендеса на незамедлительном выводе британских сил из южной части Атлантического океана было встречено громкими аплодисментами со стороны делегатов собрания.

Резолюция XX консультативного совещания глав внешнеполитических ведомств – участников ОАГ от 26 апреля 1982 года, одобренная значительным числом голосовавших (только США, Колумбия и Тринидад и Тобаго воздержались), отражала консенсус среди латиноамериканских стран по поводу опасной ситуации. Резолюция предусматривала призыв к обеим сторонам подписать временное соглашение и продолжить диалог, уважая суверенитет Аргентины и пожелания населения островов.

Однако первое решение данного собрания было довольно умеренным по отношению к действиям англичан. К моменту утверждения данного решения, масштабные боевые действия еще не начались, потери населения были незначительными, и существовала надежда избежать прямого военного конфликта со стороны Великобритании [9].

Резолюция №2, одобренная ОАГ 29 мая 1982 года во время активных боевых действий британского вторжения, характеризовалась большей жёсткостью, учитывая многочисленные потери Аргентины от жестоких военных методов Великобритании и прямую поддержку со стороны США агрессивного участника конфликта.

Резолюция была поддержана 17 странами – участниками ОАГ; ни одна страна не высказалась против неё, а США, Чили, Колумбия и Тринидад с Тобаго решили воздержаться от голосования.

Таким образом, солидарность латиноамериканских государств с Аргентиной и критика со

стороны Южной Америки в период конфликта на Фолклендских островах вызвали конфронтацию между большинством участников ОАГ и Соединенными Штатами.

Руководители Венесуэлы, Эквадора и Никарагуа выразили решительное несогласие с позицией США. Постоянный представитель Коста-Рики направил послание президенту США Рональду Рейгану через Организацию Объединенных Наций, где выразил несогласие с позицией американского правительства по поводу спора между Великобританией и Аргентиной.

Сразу же после начала противостояния между Великобританией и Аргентиной, Лондон заручился поддержкой партнеров по Европейскому экономическому сообществу, планируя через них оказывать давление на Аргентину в экономической и политической сферах. Апелляция была направлена исключительно к европейским государствам, а не к НАТО, вероятно, потому что США изначально стремились представить нейтралитет в конфликте Аргентины и Великобритании. В итоге ключевым местом обсуждения вопросов вокруг конфликта на Фолклендах среди партнеров по коалиции Великобритании стала не Организация Североатлантического договора, а ЕЭС.

К 7 апреля 1982 года Германия, Франция, Голландия, Бельгия и Австрия заявили об эмбарго на экспортируемое оружие в Аргентину. Правительство Германии временно остановило отправку кораблей типа фрегаты и корветы, которые производились по договору с Аргентиной, заключенному в 1978 году [11].

Европейский парламент подтвердил свою позицию в пользу поддержки Соединенного Королевства. Западноевропейский альянс, объединяющий Францию, Германию, Италию, Великобританию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург, также поддержал Лондон.

Выводы

Другие крупные капиталистические державы также придерживались схожей точки зрения относительно конфликта вокруг островов. Страны, такие как члены НАТО – Португалия и Канада, участницы договора ANZUS – Австралия и Новая Зеландия, а также союзник Соединенных Штатов – Япония, в различной степени присоединились к мерам против Аргентины. Испания, недавний участник альянса НАТО, занимает особое место среди его членов. Британские издания выразили обеспокоенность тем, что события вокруг Фолклендов активизировали дебаты в Испании о возвращении под контроль испанского Гибралтара, находящегося у англичан.

На июньском саммите 1982 года в Версале лидеры семерки стран (включая США, Великобританию, Францию, Западную Германию, Италию, Канаду и Японию) сосредоточили значительное внимание на проблеме Фолклендских островов. Не все представители полностью поддерживали позицию британского правоконсервативного кабинета. Главы нескольких государств выражали резкое несогласие с неэффективной позицией Лондона по данному вопросу.

В результате двусмысленной позиции США во время Фолклендского кризиса Великобритания была вынуждена установить тесные связи с осуждаемым западными изданиями диктатором Аугусто Пиночетом. Таким образом, Великобритания нашла естественную поддержку в лице генерала Пиночета, чьё руководство привело Чили к заметному отставанию от Аргентинской республики по экономическим и военным показателям, а действия Буэнос-Айреса вызвал у него серьёзные опасения.

Аргентина, вдохновленная временными достижениями на Фолклендах, возможно, отважилась бы разрешить давний пограничный конфликт с Чили через военное вмешательство,

инициировав тем самым второй фронт. Командующий чилийских вооружённых сил Ф. Маттеи указал, что поддержка Чили британцев была обусловлена опасением стать следующей целью нападения после Британии. После удаления Британии с арены и контроля над двумя проливами между океанами, Аргентина значительно усилила бы свое влияние на Антарктиду. Беспокоясь об этом развитии событий, Аугусто Пиночет, в ходе секретных переговоров, предложил Великобритании сотрудничество в области обороны, включая размещение их военной авиации на чилийских авиабазах.

Последующие события развернулись между странами Чили, Аргентины и Великобритании. Выразив порицание агрессивным шагам Л. Гальтьери по отношению к британцам, чилийское руководство сохранило дипломатические связи с Аргентиной, официально придерживаясь строгого нейтралитета и формально подчеркивая солидарность среди стран Латинской Америки. Подтверждение участия Чили в английской операции, долгие годы распространявшееся в виде слухов, было получено в 2012 году благодаря рассекречиванию государственных архивов.

Список источников

1. Бабик А.О., Крысенко Д.С. Американо-советское соперничество в Южной Атлантике в период фолклендского конфликта 1982 года // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 4. С. 48 – 52.
2. Баранов А. С.Фолклендские или Мальвинские острова? // Информационно-аналитический журнал «Политобразование». 2016. URL: <http://lawinrussia.ru/content/folklandskie-ili-malvinskie-ostrova> (дата обращения: 26.11.2023)
3. Богатуров А.Д. (под ред.). Системная История Международных Отношений. Т. 3. М.: Московский рабочий, 2003. С. 439 – 441.
4. Богословская М.О. Будут ли Аргентина и Великобритания вновь воевать за Фолклендские острова? Информационное агентство «REGNUM». 2015. URL: <https://regnum.ru/news/1950330.html> (дата обращения: 26.11. 2023)
5. Вольский В.В. Мальвины: колониальная война XX века. Москва, 1984. 193 с.
6. Вудворд С., Робинсон П. Фолклендская война. Мемуары командующего фолклендской ударной группой. Симферополь, 2005. 416 с.
7. Гордиенко А.Н. Войны Второй Половины XX века. Минск: Литература, 1998. С. 486 – 496.
8. Канунников А.А.Европейский Союз – Латинская Америка: экономическое, политическое, социальное сотрудничество: монография. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. 102 с.
9. Клещенко А.В. чем суть конфликта из-за Фолклендских островов? // Аргументы и факты. 2013. URL: <http://www.aif.ru/dontknows/1225965> (дата обращения: 26.11.2017)
10. Мишев Л. Фолклендската криза през 1982 г. Военно-дипломатически ходове и психологически операции. София, 2012. 552 с.
11. Спицын А.Г.Фолклендская война: 30 лет спустя // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 24 (684). С. 210 – 215.
12. Хастингс Макс, Дженкинс Саймон. Битва за Фолкленды: пер. с англ. А. Колина. Москва. Эксмо, 2014. 704 с.
13. Anderson D.The Falklands War 1982. Oxford: Osprey Publishing, 2002. 12 p.

14. Badsey S., Havers R., Grove M. The Falklands Conflict Twenty Years on: Lessons for the Future. New York: Taylor & Francis Group, 2005. 213 p.
15. Caspar W. In the Arena: A Memoir of the Twentieth Century, with Gretchen Roberts. Washington, DC: Regnery, 2001. 374 p.
16. Caviedes C. N. Conflict over the Falkland Islands: A never-ending story? // Latin American Research Review. 1991. № 29 (2). P. 172 – 187.
17. Duncan A. The Falklands War. New-York: Marshall Cavendish Books Limited, 2015. 678 p.
18. Freedman L. The official history of the Falklands Campaign. Routledge, 2005. 345 p.
19. Freedman, Lawrence, Britain & the Falklands War, B. Blackwell, 1988. 132 p.
20. Hugh McManners. Falklands Commando. Harpercollins Pub Ltd, 2002. 320 p.
21. Gold P. Gibraltar. British or Spanish? Routledge, 2005. 453 p.
22. Lawrence Freedman. Strategy: A History Oxford University Press, 2013. 768 p.
23. Temas y formashispanicas: arte, cultura y sociedad. Navarra: GRISO, 2013. 327 p.
24. Thornton R.C. The Falklands sting: Reagan, Thatcher, and Argentina's bomb. Brassey's, 1998. 328 p.

References

1. Babik A.O., Krysenko D.S. American-Soviet rivalry in the South Atlantic during the Falklands conflict of 1982. Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 48 – 52.
2. Baranov A.S. Falkland or Malvinas Islands? Information and analytical journal "Political education". 2016. URL: <http://lawinrussia.ru/content/folklandskie-ili-malvinskie-ostrova> (date of access: 26.11.2023)
3. Bogaturov A.D. (ed.). Systemic History of International Relations. T. 3. M.: Moskovsky rabochy, 2003. P. 439 – 441.
4. Bogoslovskaya M.O. Will Argentina and Great Britain fight for the Falkland Islands again? Information agency "REGNUM". 2015. URL: <https://regnum.ru/news/1950330.html> (date of access: 26.11. 2023)
5. Volsky V.V. Malvinas: colonial war of the 20th century. Moscow, 1984. 193 p.
6. Woodward S., Robinson P. Falklands War. Memoirs of the commander of the Falklands strike group. Simferopol, 2005. 416 p.
7. Gordienko A.N. Wars of the Second Half of the 20th century. Minsk: Literature, 1998. Pp. 486 – 496.
8. Kanunnikov A.A. The European Union – Latin America: economic, political, social cooperation: monograph. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 2014. 102 p.
9. Kleshchenko A. What is the essence of the conflict over the Falkland Islands? Arguments and Facts. 2013. URL: <http://www.aif.ru/dontknows/1225965> (date of access: 26.11.2017)
10. Mishev L. The Falkland Islands crisis of the 1982 presidency. Military-diplomatic moves and psychological operations. Sofia, 2012. 552 p.
11. Spitsyn A.G. The Falklands War: 30 Years Later. Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2013. No. 24 (684). P. 210 – 215.
12. Hastings Max, Jenkins Simon. The Battle of the Falklands: trans. from English by A. Colin. Moscow. Eksmo, 2014. 704 p.
13. Anderson D. The Falklands War 1982. Oxford: Osprey Publishing, 2002. 12 p.
14. Badsey S., Havers R., Grove M. The Falklands Conflict Twenty Years on: Lessons for the Future. New York: Taylor & Francis Group, 2005. 213 p.
15. Caspar W. In the Arena: A Memoir of the Twentieth Century, with Gretchen Roberts. Washington, DC: Regnery, 2001. 374 p.
16. Caviedes C. N. Conflict over the Falkland Islands: A never-ending story? Latin American Research Review. 1991. No. 29 (2). P. 172 – 187.
17. Duncan A. The Falklands War. New-York: Marshall Cavendish Books Limited, 2015. 678 p.
18. Freedman L. The official history of the Falklands Campaign. Routledge, 2005. 345 p.
19. Freedman, Lawrence, Britain & the Falklands War, B. Blackwell, 1988. 132 r.
20. Hugh McManners. Falklands Commando. Harpercollins Pub Ltd, 2002. 320 p.
21. Gold P. Gibraltar. British or Spanish? Routledge, 2005. 453 p.
22. Lawrence Freedman. Strategy: A History Oxford University Press, 2013. 768 p.
23. Temas y formashispanicas: arte, cultura y sociedad. Navarra: GRISO, 2013. 327 p.
24. Thornton R.C. The Falklands sting: Reagan, Thatcher, and Argentina's bomb. Brassey's, 1998. 328 p.

Информация об авторе

Васильева Н.И., аспирант, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

© Васильева Н.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(410).06

Навигационные акты как фактор и инструмент торгово-экономического и политического развития Англии в XVII в. в отражении англоязычной историографии

¹ Шемченко Н.А.,
¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: путем анализа англоязычных историографических источников маринистического характера, в статье анализируется степень освещенности вопроса о Навигационных актах как фактора и инструмента торгово-экономического и политического развития Англии в XVII в.

Разбирается вопрос о степени проработки роли Навигационных актов в контексте англо-саксонского цивилизационного строительства, а также создания английской колониальной системы, ставшей в эпоху Позднего Нового времени одной из наиболее развитой и масштабной в сравнении с аналогичными колониальными системами других держав.

На основании применения идеографического, типологического, историко-генетического методов исторического исследования в статье делается вывод о наличии нескольких направлений анализа факториального значения Навигационных актов в контексте торгово-экономической и политической истории Англии в XVII в., представленных направлениями «цивилизационным», «колониальным», «историко-сравнительным». Также делается вывод о недостаточной степени проработки роли Навигационных актов с точки зрения редуцирования анализа исследователей в сторону почти исключительно Навигационных актов 1651 и 1660 г.г.

Ключевые слова: навигационный акт, Англия, торговый флот, англоязычная историография, колониальная система

Для цитирования: Шемченко Н.А. Навигационные акты как фактор и инструмент торгово-экономического и политического развития Англии в XVII в. в отражении англоязычной историографии // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 210 – 216.

Поступила в редакцию: 16 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Navigation acts as a factor and instrument of the trade, economic and political development of England in the 17th century in the reflection of English-language historiography

¹ Shemchenok N.A.,
¹ Federal State University of Education

Abstract: by analyzing English-language historiographical sources of a marine nature, the article analyzes the degree of coverage of the issue of Navigation Acts as a factor and instrument of trade, economic and political development of England in the XVIII century. The article examines the degree to which the role of Navigation Acts has been studied in the context of Anglo-Saxon civilizational construction, as well as the creation of the British co-

lonial system, which became one of the most developed and large-scale in the Late Modern era in comparison with similar colonial systems of other powers. The article concludes that there are several areas of analysis of the factorial significance of Navigation acts in the context of the trade, economic and political history of England in the 18th century, represented by the areas of "civilizational", "colonial", "historical and comparative". It is also concluded that the role of Navigation Acts has not been sufficiently studied from the point of view of reducing the researchers' analysis towards almost exclusively the Navigation Acts of 1651 and 1660.

Keywords: Navigation Act, England, merchant marine, English-language historiography, colonial system

For citation: Shemchenok N.A. Navigation acts as a factor and instrument of the trade, economic and political development of England in the 17th century in the reflection of English-language historiography. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 210 – 216.

The article was submitted: February 16, 2025; Approved after reviewing: April 14, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Навигационные акты как феномен международной европейской политики наиболее ярко проявляют свою роль в XVII в., что лучше всего мы можем проследить на той роли, которую сыграли данные документы в эпоху англо-голландских войн XVII в.

В контексте английской истории мы можем говорить о двух наиболее важных Навигационных актах семнадцатого столетия: Навигационный акт 1651 г. и Навигационный акт 1660 г.

Материалы и методы исследований

Главной задачей Акта 1651 г. было экономическое укрепление Англии в период правления Оливера Кромвеля путем стимулирования действий английского торгового флота и ограничения роли торгового флота иностранных держав, в первую очередь Голландии, экономика которой держалась во многом на посреднической торговле, практически монополистического характера.

Акт подразумевал преимущественное и почти исключительное право английского торгового флота на доставку товаров в английские порты, а также исключительное право английских морских кораблей на каботажное плавание у английских берегов, при этом важным условием было обязательное требование касательно личного состава команды корабля: она должна была не менее чем на три четверти состоять из английских моряков.

В исключительном случае, согласно Акту 1651 г., допускался ввоз товаров на борту иностранных судов, при условии, что «родина» судна и «родина» товара будут идентичными.

Все эти решения привели к резкому сокращению количества транзитных перевозок голландских торговых кораблей в Северном море и северной Атлантике, приведя во многом к Первой англо-голландской войне (1652-1654 г.г.).

Второй, наиболее важный для рассмотрения в данной статье, Навигационный акт, это Акт 1660

г., изданный в правление короля Карла II, уже после Реставрации 1660 г.

Данный Акт во многом расширял и дополнял положения Акта первого, посредством введения новых правил действия английского торгового флота в отношении немногочисленных на тот момент английских колоний.

Суть Акта 1660 г. можно свести к следующим основным положениям:

1. Ввоз и вывоз товаров в английских колониальных зонах мог осуществляться только на английских судах;

2. Транспортировка товаров на колониальных судах английских колонистов мог осуществляться только в случае соблюдения сходного с положением Акта 1651 г. правила о личном составе команды судна: не менее 3/4 команды должно было быть английского происхождения;

3. Колонии не имели права самостоятельной прямой торговли с иностранными державами: все товары вначале доставлялись в гавани английской метрополии, и лишь затем, на английских же судах отправлялись в порты иностранных государств;

Таким образом, Навигационные акты 1651; 1660 г.г. имели крайне важное значения для английского развития торгового флота, а также всей экономики Англии в целом, что в свою очередь являлось причиной роста Англии как с точки зрения экономической, так и политической гегемонии, а также одной из важнейших причин трех англо-голландской войн XVII в.

Однако, остается открытым вопрос о степени изученности и проработки вопроса о роли Навигационных актов как фактора и средства экономического и политического противостояния Англии с ведущими колониальными и торговыми державами XVII в., прежде всего с такими странами как

Голландия и Франция в англоязычной историографии.

Результаты и обсуждения

Изучению данного вопроса и будет посвящена данная статья.

В контексте изучения Навигационных актов как фактора и средства противостояния морских держав XVIIIв. интересен подход авторов Maria Fusaro, Berard Allaire, Richard Blackmore, Tilj Van-neste в «Law, Labour and Empire Comparative Perspectives on Seafarers 1500-1800».

В этом труде авторы поднимают вопрос об «исключительности» Навигационных актов как чисто британского способа морского противостояния с точки зрения регулирования деятельности торгового флота и морской торговли.

Авторы подчеркивают существование похожих документов и в других державах, в частности во Франции (Ordonances 1660-1690) и Голландии (морские законы 1640-х г.г.).

Интересен также с этой точки зрения выполненный авторами разбор венецианских морских законов от 1682г. Несмотря на то, что касались эти законы прежде всего установки новых систем мер и весов, а также тоннажа торговых кораблей, интересным нам здесь представляется пункт, касающийся национального состава команд венецианских торговых судов, а именно – не менее двух третей команды должны были быть венецианцами. [4, с. 37].

Данный пункт особенно ярко, на наш взгляд, показывает наличие некоей преемственности и общей идеи, связывающей все «навигационные акты», вне зависимости от их национальной принадлежности : защита национальной торговли и недопущение других держав к монополизации морских торговых перевозок.

К.Г. Дэвис также рассматривает Навигационные акты в контексте существовавших и появляющихся на тот момент схожих морских законов торгово-охранительного принципа. Исследователь указывает на тот факт, что Акты от 1650 и 1660 г.г. преследовали в первую очередь цель ограничить английскую колониальную зону и наиболее прибыльные английские колониальные проекты от влияния и участия в них Голландии.

Интерес здесь заключается прежде всего в том, что похожие шаги в отношении Голландии предприняла и Франция, что можно хорошо проследить на примере тарифов, введенных Кольбером в 1664 и 1667 годах.

При этом Дэвис подчеркивает, что несмотря на факт отсутствия полной и окончательной реализации воли той или иной страны в северо-американской зоне колонизации, Голландия

столкнулась с самыми большими трудностями (причиной чего были именно английские Навигационные акты и французские тарифы, введенные кабинетом Кольбера). Сложившееся для Республики объединенных провинций текущее положение дел толкало ее на расширение сети контрабандных перевозок, что, однако, в связи с тяжелыми для голландского бюджета Первой и Второй англо-голландскими войнами и трудными дипломатическими переговорами на европейском театре боевых действий привело к ситуации невозможности возвращения того положения экономического процветания и доминирования голландского торгового флота, которое он занимал в период с 1620 по 1650 г.г. [3, с. 291].

Ряд авторов также останавливаются на роли Навигационных актов как инструмента ведения колониальной политики Англии, а затем и Великобритании. В частности Stephen K. Stein акцентирует наше внимание на том, что Навигационные акты прежде всего были призваны ограничить свободное экономическое развитие английских колоний в Новом свете, прежде всего на Северо-Американском континенте. [9, с. 339-340].

Схожие идеи в своем труде разделяют Renald Findlay и Kevin H. O'Rourke, называющие Навигационный акт 1651г. и Акт 1660 г. – основой так называемой «Старой колониальной системы», позволявшей Англии путем экономических мер и ограничения действий колониального торгового флота осуществлять контроль над своими колониями. [8, с. 237].

Схожей является оценка Дэвида Армитаджа и Майкла Дж. Браддика, приводящих в контексте данного вопроса цитату Чарльза Девианта:

«Чтобы эти колонии приносили долговременную пользу нашей стране... главная забота будет заключаться в том, чтобы сохранить их зависимость от своей метрополии и ни в коем случае не допустить ослабления законов, которые привязывают их к ней, поскольку в противном случае они станут более выгодными для наших соседей, чем для нас» [1, с. 54].

Интересно также, что авторы подчеркивают цивилизационную роль Навигационного Акта 1651г. как главного фактора сохранения колониальной системы Англии, а именно то его значение, которое заключалось в создании системы позволившей бы определить торговую политику, обеспечивающую английских подданных в колониях всем необходимым и направляющую товары из этих колоний в английские порты. В противном случае был риск потери колоний в пользу стран, которые наладили бы такую систему быстрее Англии (в первую очередь здесь можно говорить о

Голландии – монополисте морских перевозок до 1651 г.). Несоблюдение же колониями правил торговли и перемещения товаров и продуктов снабжения в свою очередь также могло поставить под угрозу английскую колониальную систему, если говорить о долгосрочной перспективе.

Интересным является внимание авторов и к принудительным действиям английского правительства, направленных на обеспечение соблюдения Акта от 1651 г. со стороны колонистов, а именно: в 1651 году правительство Содружества направило военно-морские силы на Барбадос и в Виргинию, чтобы обязать колонистов признать сюзеренитет парламента и Закон о судоходстве. Уже здесь мы прослеживаем зарождение базиса будущего англо-колониального противоречия, который найдет свое наивысшее выражение в событии, известном в историографии как Война за независимость США (1775-1783 г.г.). Заключался этот конфликт в том факте, что колонисты признали суверенитет Парламента, однако не условия Навигационного акта от 1651 г. и достигли с метрополией соглашения о свободном характере торговли.

Это обстоятельство в свою очередь, по мнению авторов, предопределило политику Карла II, более настойчиво требовавшего, чтобы колонисты подчинялись правилам судоходства, что и привело к изданию Навигационного акта от 1660 г.

Именно эти события привели к рождению в метрополии идеи и понимание факта о возможности Англии применения силы по отношению к собственным колониям, однако всегда с сопутствующим риском колониального сопротивления. [1, с. 201].

Несколько подробнее Навигационный акт 1660г. рассматривает К.Г. Дэвис («The North Atlantic World in the Seventeenth Century»). Уникальность подхода исследователя заключается в рассмотрении Навигационных актов прежде всего в общеисторическом контексте правового, экономического и политического развития ведущих стран, претендовавших в XVIIв. на господство в северо-атлантическом регионе, под которым подразумеваются здесь не только (и не столько) непосредственно морские пространства (что было бы уместно в контексте теорий Колумба и Мэхэна о необходимости захвата моря как непосредственно физического пространства), сколько сухопутные территории, данный регион окружающее, в первую очередь – колониальные зоны европейских держав в виде островов Карибского бассейна и восточного побережья Северной Америки.

Разбирая развитие морского права эпохи Реставрации, К.Г. Дэвис в первую (и главную) оче-

редь останавливается, разумеется, на Навигационном акте 1660 г., отмечая, что именно начиная с 1660 года, следовавшие один за другим более локальные (в сравнении с Актом 1660 г.) акты о торговле и мореплавании определили те направления развития «имперской» экономики нарождавшейся английской колониальной гегемонии, которые виделись правительству королевства наиболее предпочтительными.

Главное значение, которое исследователь придает Навигационному акту 1660г. заключается в четко различимом факте понимания и лучшей осведомленности со стороны правительства в метрополии о товарной наполненности английской колониальной сети, о чем свидетельствует введение точного списка товаров, направляемых из колоний напрямую (и только!) в Англию и другие английские колонии (напр.: сахар, табак, хлопок, красильное дерево) и только на английских торговых кораблях.

Необходимо отметить и тот факт, что в исследовании роли Навигационных актов в контексте экономической и политической истории Англии К.Г. Дэвис не только останавливается на наиболее известных документах данной категории, но также разбирает и менее известные, но не менее важные акты.

Так, автор указывает на роль Навигационного акта 1663 г., известного в англоязычной историографии как Staple Act, главная суть которого заключалась в создании ситуации «реверса» в отношении торговли с колониями, а именно: акт вводил обязательное правило для колоний по приобретению европейских товаров не английского происхождения. Суть акта кратко можно свести к введению обязательного требования о покупке такого рода товаров только при обязательном посредничестве метрополии – Английского королевства – приобретение же товаров французского, голландского, испанского или иного происхождения без ведома и посредничества Англии запрещалась.

Навигационный акт 1673 г. (Plantation Duty Act) в свою очередь предусматривал создание системы пошлин для перевозки товаров, обозначенных в Навигационном акте за 1660 г., из одной колонии в другую. Более того, Акт предусматривал создание системы залогов для создания стабильных гарантий по доставке отбывших с колониальных территорий торговых кораблей с грузом товаров в порты конечного назначения.

Значение же более поздних законодательных актов, в особенности Акта от 1696 г., К.Г. Дэвис сводит преимущественно к коррекции предыду-

щих правил, прописанных в актах более ранних, и закрытию законодательных «брешей» и лазеек.

Тем не менее, сам автор отмечает относительную неэффективность в работе Навигационных актов, проявившуюся в фактическом частом несоблюдении их положений на некоторых колониальных территориях, например, в Новой Англии. В колониях же, имевших большое значение для метрополии, таких как: Вирджиния, Мэриленд, поселения на Карибских островах, положения Актов соблюдались в большей степени.

Именно этот факт заложил основы процесса, позволившего с определенного момента правительству метрополии издавать законы о торговле с колониями с взиманием доход с товаров, перевозимых даже из колонии в колонию и не предназначенных для Англии.

Интересна та связь, то взаимное противоречие, которые К.Г. Дэвис прослеживает в политическом и экономическом (в контексте Навигационных актов) развитием английской колониальной зоны. Главное противоречие по мнению исследователя выражается во взаимном и параллельном процессе эффективной экономической централизации колоний с одной стороны и, начиная с навигационного акта 1660г., централизацией административной, имевший уже в вою очередь характер гораздо менее эффективный и целенаправленный, что привело в свою очередь к обострению вопроса о полномочиях колониальных губернаторов, правах собственности колоний и вопросе об установлении над рядом колоний лично-королевского суверенитета, как это и произойдет, например, с колонией на Барбадосе, ставшей королевской колонией с 1660г. [3, с. 241].

Несколько иной подход к анализу роли Навигационных актов предлагает Тревор Бурнард (Trevor Burnard), сосредотачивающийся прежде всего на анализе Навигационного акта 1651 г. Исследователь акцентирует наше внимание на том, что без Навигационного акта 1651 г. быстрое экономическое развитие колоний не было бы возможно в принципе.

Главная идея автора заключается в том, что Акт 1651 г. спровоцировал расширение слоя английских торговцев: теперь в него входили не только преимущественно члены Левантской и Ост-Индской компаний.

Новые торговцы стремились найти новые рынки сбыта, коими и стали английские колонии в Новом свете: Барбадос и Виргиния, что спровоцировало в свою очередь более быстрый рост английского экономического и политического колониализма.

Кроме того, именно Навигационные акты 1651;

1660г.г. создали ту «меркантилистскую» экономическую систему, в которой существовали Англия, Франция и иные страны вплоть до XIX в. [2, с. 57].

Интересен подход к исследованию вопроса о Навигационных актах, которому следует В.Х. Вудворд (W.H. Woodward), «A short History of the Expansion of the British Empire 1500-1902».

Автор достаточно подробно останавливается на рассмотрении Актов 1651, 1660г.г., разбирая все их основные положения [10, с. 123-125], кратко изложенные нами в начале данного исследования.

Наиболее интересной частью разбора Актов, выполненного данным автором, является его заключение касательно роли данных документов в цивилизационно-политическом аспекте применительно для британской истории: империя, по мысли автора, может быть защищена только превосходящей мощностью торгового флота [10, с. 132], а значит принятие, усовершенствование и дальнейшее использование документов, защищающих этот флот, именно с точки зрения национальных интересов, по определению правильно и оправданно.

Выводы

Таким образом, основные векторы анализа англоязычной историографии касательно вопроса о Навигационных актах как фактора политико-экономического и торгового развития Англии в XVIIв. могут быть сгруппированы нами по следующим направлениям:

1. «Цивилизационный вектор». Навигационные акты рассматриваются в рамках этого вектора как документы, повлиявшие на создание известной нам британской имперской системы. Именно Навигационные акты, согласно исследователям данного направления, сформировали предпосылки известного нам вектора экономического, политического и торгового развития Англии, что наиболее ярко будет заметно уже в XVIII-XIX в.в. Акты позволили Англии стать доминирующей торгово – экономической державой в северной Атлантике (на момент XVII – XVIIIв.в.), а затем и в других регионах мира, путем создания сферы безопасности для английской торговли, а также открытия эры британского меркантилизма. Характерной особенностью авторов данного направления является их повышенный интерес именно к первому Навигационному акту – Акту 1651 г., выступавшего главным инструментом в торговой борьбе Англии с другими державами, прежде всего с Голландией, в связи с чем авторы данного направления закономерно делают упор и анализе вопроса о характере влияния Актов на торговый флот Англии в связи с его ролью и развитием в

первую очередь в эпоху Англо-голландских войн и в течении XVIIв. в целом.

2. «Колониальный вектор». В контексте данного направления Навигационные акты рассматриваются прежде всего как фактор колониального развития. Авторы данного направления в своих исследованиях основное внимание уделяют прежде всего Навигационному акту 1660г., главной целью которого было урегулирование и систематизация торговых отношений Англии, как метрополии, со своими колониями. Исследователи данного направления уделяют большое внимание тем взаимным потерям и выгодам, которые получали метрополия и колонии в контексте положений акта 1660г. При этом необходимо отметить относительно слабую проработку вопросов, связанных с иными Актами, регламентирующими данные отношения: Акты от 1663, 1673, 1696г.г. Несмотря на наличие исследований по данным документам, их роль в англоязычной историографии в контексте политической и торгово-экономической истории разобрана, по мнению автора, недостаточно

подробно и ограничивается преимущественно упоминанием об их существовании, перечислением их основных положений без глубокой историко-генетической рефлексии.

3. «Историко-сравнительный вектор». Навигационные акты в контексте данного направления рассматриваются как характерная часть политики торговых и колониальных держав XVIIв. Внутри данного направления исследований Навигационных актов исследователи сосредотачиваются преимущественно на подчеркивании «неисключительности» английских Навигационных актов, делая акцент на существовавших и появляющихся в тот же период сходных документов в Голландии, Франции и Венеции. Ценность данного направления исследований, по мнению автора, состоит прежде всего в возможности взглянуть на Навигационные акты как характерную и закономерную политику, к которой в XVII в. так или иначе приходит любая держава, желающая достичь торгово-экономического и колониального доминирования, а значит доминирования и внешнеполитического.

Список источников

1. Armitage David, Michail J. Braddick The British Atlantic World, 1500-1800. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2009. 386 p.
2. Burnard Trevor / Britain in the Wider World 1603-1800. New York, Routledge, 2020. 289 p.
3. Davies K.G. The North Atlantic World in the Seventeenth Century, Vol. IV. Minneapolis, UNIVERSITY OF MINNESOTA PRESS, 1974. 366 p.
4. Fusaro Maria, Allaire Bernard, Blakemore Richard J. and Vanneste Tijl /Law, Labour and Empire Comparative Perspectives on Seafarers, c. 1500-1800. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 357 p.
5. Graham Gerald S. Empire of the North Atlantic. The Maritime Struggle for North America. London, Oxford University Press., 1958. 338p.
6. Lambert Andrew War at Sea in the Age of Sail 1650-1850 / Cassell, Wellington House, 2000. 224 p.
7. Lavery Brian Empire of the seas. The remarkable story of how the Navy forged the Modern World / Oxford, Osprey Publishing, 2012. 214 p.
8. Renald Findlay Kevin H. O'Rourke / Power and Plenty. Trade, War and the World Economy in the Second Millenium / Princeton and oxford, – princeton university press, 2007. 789 p.
9. Stein Stephen K. The sea in World History. Exploration, Travel and Trade. Santa Barbara, California, 2017. 919 p.
10. Woodward W.H. A short History of the Expansion of the British Empire 1500-1902/ CAMBRIDGE: AT THE UNIVERSITY PRESS, 1902. 344 p.

References

1. Armitage David, Michail J. Braddick The British Atlantic World, 1500-1800. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2009. 386 p.
2. Burnard Trevor. Britain in the Wider World 1603-1800. New York, Routledge, 2020. 289 p.
3. Davies K.G. The North Atlantic World in the Seventeenth Century, Vol. IV. Minneapolis, UNIVERSITY OF MINNESOTA PRESS, 1974. 366 p.
4. Fusaro Maria, Allaire Bernard, Blakemore Richard J. and Vanneste Tijl. Law, Labor and Empire Comparative Perspectives on Seafarers, p. 1500-1800. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 357 p.
5. Graham Gerald S. Empire of the North Atlantic. The Maritime Struggle for North America. London, Oxford University Press., 1958. 338p.
6. Lambert Andrew War at Sea in the Age of Sail 1650-1850. Cassell, Wellington House, 2000. 224 p.

7. Lavery Brian Empire of the seas. The remarkable story of how the Navy forged the Modern World. Oxford, Osprey Publishing, 2012. 214 p.
8. Renald Findlay Kevin H. O'Rourke. Power and Plenty. Trade, War and the World Economy in the Second Millenium. Princeton and oxford, – princeton university press, 2007. 789 p.
9. Stein Stephen K. The sea in World History. Exploration, Travel and Trade. Santa Barbara, California, 2017. 919 p.
10. Woodward W.H. A short History of the Expansion of the British Empire 1500-1902/ CAMBRIDGE: AT THE UNIVERSITY PRESS, 1902. 344 p.

Информация об авторе

Шемченко Н.А., аспирант, Государственный университет просвещения, kolja-shemchenok@mail.ru

© Шемченко Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47)

Чайная торговля между Россией и Китаем как первичная основа межкультурного диалога двух стран: к вопросу об изучении повседневности в учебных исторических курсах

¹ Курков В.В.,

¹ Степанова С.А.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: статья посвящена анализу исторических этапов развития чайной торговли между Россией и Китаем в качестве первичной основы межкультурного и цивилизационного диалога двух великих держав. На фоне сложного и противоречивого исторического процесса развития русско-китайских отношений в XVII-XX вв. авторами были представлены основные этапы развития российско-китайской чайной торговли обусловившей процесс превращения первоначально непривычного китайского продукта в традиционный русский напиток и формирование национальной традиции чаепития, ставшей ярким элементом российского менталитета и образа жизни. На основе нарастающей актуальности изучения истории взаимоотношений России и Китая, определяемой сложностью современной внешнеполитической ситуации, авторами делается обоснованный вывод о необходимости утверждения идеи добрососедских отношений с Китаем в общественном сознании россиян посредством активного внедрения в образовательный процесс элементов истории повседневности – через раскрытие в учебных курсах тех фактов и процессов, которые затрагивают жизнь каждой семьи – в нашем случае это история чайной торговли и чаепития, как первичных результатов культурного и цивилизационного обмена между великими дальневосточными соседями – Россией и Китаем.

Ключевые слова: Россия, Цинская империя, чайная торговля, Великий чайный путь, Кяхта, традиции чаепития, история повседневности

Для цитирования: Курков В.В., Степанова С.А. Чайная торговля между Россией и Китаем как первичная основа межкультурного диалога двух стран: к вопросу об изучении повседневности в учебных исторических курсах // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 217 – 223.

Поступила в редакцию: 16 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Tea trade between Russia and China as the primary basis of intercultural dialogue between the two countries: to the question of studying everyday life in historical courses

¹ Kurkov V.V.,

¹ Stepanova S.A.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article is devoted to the analysis of the historical stages of the development of tea trade between Russia and China as the primary basis for intercultural and civilizational dialogue between the two great powers. Against the background of the complex and contradictory historical process of development of Russian-Chinese relations in the 17th – 20th centuries, the authors presented the main stages of the development of Russian-Chinese tea trade, which determined the process of transformation of the initially unusual Chinese product into a traditional Russian drink and the formation of a national tradition of tea drinking, which became a bright element of the Russian mentality and way of life. Based on the growing relevance of studying the history of relations between Russia and China, determined by the complexity of the current foreign policy situation, the authors make a reasonable conclusion about the need to affirm the idea of good-neighborly relations with China in the public consciousness of Russians through the active introduction of elements of everyday history into the educational process - through the disclosure in educational courses of those facts and processes that affect the life of each family - in our case, this is the history of tea trade and tea drinking, as the primary results of cultural and civilizational exchange between the great Far Eastern neighbors – Russia and China.

Keywords: Russia, Qing Empire, tea trade, Great Tea Road, Kyakhta, tea drinking traditions, history of everyday life

For citation: Kurkov V.V., Stepanova S.A. *Tea trade between Russia and China as the primary basis of intercultural dialogue between the two countries: to the question of studying everyday life in historical courses. Historical Bulletin.* 2025. 8 (4). P. 217 – 223.

The article was submitted: February 16, 2025; Approved after reviewing: April 14, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

История взаимоотношений России и Китая в настоящее время приобретает очевидную общественно-политическую актуальность – когда на фоне острого конфликта между РФ и коллективным Западом, дружественные и практически союзнические отношения с великим дальневосточным соседом представляются жизненно важными. Тем более, что в случае достижения нормализации отношений с западными странами, Россия может оказаться перед проблемой сложного выбора стратегического партнера – как это не раз уже было в отечественной истории в силу особенностей российской геополитики – выбора между Западом и Востоком. Сложная и противоречивая история русско-китайских отношений, характеризующаяся цикличной сменой добрососедских и конфликтных периодов [7], диктует потребность большего внимания к данной теме в исторических курсах как на школьном, так и на вузовском уровне. Тем более, что вопросы, связанные с историей взаимоотношений России (СССР) и Китая традиционно могут быть отнесены к наиболее проблемным и

вечно западающим в системе экзаменационного контроля знаний и старшеклассников, и студентов. Немало вопросов вызывает и освещение данной проблемы в современной учебной литературе – так в известном едином учебнике истории для старшеклассников, подготовленном коллективом авторов под руководством В.Р. Мединского проблемным вопросам истории советско-китайских отношений посвящены считанные строки, а трагическая история пограничного конфликта вокруг острова Даманский (фактического апогея в противостоянии СССР и КНР [5]), вообще не отражена. На наш взгляд утверждение идеи добрососедских отношений с Китаем в общественном сознании нуждается не в подобном замалчивании острых вопросов, а в пропагандировании истории повседневности – через раскрытие в учебных курсах тех фактов и процессов, которые затрагивают жизнь каждого россиянина – в данном случае это история чайной торговли и чаепития, как первичной основы межкультурного диалога России и Китая.

Материалы и методы исследований

Основополагающий принцип историзма, составивший методологическую основу данной статьи, позволяет понять исторические детерминанты, обусловившие нарастающее развитие российско-китайской чайной торговли даже в таких негативных условиях как проводимая Цинской империей на основе господствующей идеологии китаецентризма политика самоизоляции, острые территориальные споры двух держав [4, 5], отсутствие устойчивых дипломатических отношений и постоянных посольств до 1860-х гг. Предметно-хронологический метод явился основой анализа исторической динамики чайной торговли двух стран – до ее наибольшего прогресса в конце XIX в. и последующего затухания в течении двадцатого столетия. Выводы авторов данной статьи, прежде всего, основаны на использовании метода педагогического эксперимента: апробация основных положений статьи по ходу практической реализации учебных исторических курсов на уровне школы и вуза, позволяют констатировать устойчивый интерес учебной аудитории к вопросам истории повседневности, облегчающий решение важных образовательных задач при изучении сложной и противоречивой истории взаимоотношений России и Китая.

Результаты и обсуждения

Первый этап российско-китайской чайной торговли охватывает период с заключения Нерчинского трактата в 1689 г. и до отмены государственной монополии на торговлю с Китаем в 1762 г. Однако необходимо понимать, что предпосылки складывания данного направления торговли в качестве уникальной формы межкультурного взаимодействия появились раньше: уже в первой половине XVII в., когда на межгосударственном уровне начинается традиционный для восточного менталитета обмен подарками меду русскими послами и китайскими чиновниками, а также, находившимися в сфере влияния последних монгольскими ханами [8]. Поэтому, возможно, именно 1638 г. становится решающим в деле становления предпосылок для чайной торговли – как год когда без малого четыре столетия назад россияне впервые познакомились с чаем: дипломат Василий Старков, в качестве такого дара от монгольского Алтынхана для русского государя привозит в Москву достаточно крупную партию китайского чая [15, с. 25]. Михаил Федорович Романов оценил подарок, и чай начинают пить сначала при русском дворе, а потом и среди бояр [13, с. 13]. Можно предположить, что само название привычного нам напитка происходит от китайского «ча-э»), как

именовали высушенные листья данного растения [9, с. 7].

Сам процесс становления и развития русско-китайских отношений начиная с XVII в. имел крайне сложный и циклический характер [7], когда острые конфликтные ситуации во взаимоотношениях двух стран чередовались с периодами нормализации дипломатических контактов и соответствующим прогрессом торговых связей. Так, неудачные русские посольства Байкова (1654 г) и Спафария (1675 г.) стали прологом к заключению первого в истории русско-китайского договора в Нерчинске в 1689 г., ознаменовавшимся с одной стороны серьезными территориальными уступками со стороны Московского царства в пользу Цинской империи (отступлением России из Приамурья), но с другой стороны – открывшим возможности для русско-китайской торговли.

1725 г. в истории взаимоотношений Российской империи и Китая был отмечен подписанием Буринского договора, определившего границы двух великих держав в районе будущего городка Троицко-Савска (впоследствии Кяхты) и китайского торгового поселения Маймачен, а через два года будет заключен договор в Кяхте, который позволит русской стороне каждые три года направлять в Цинскую империю торговый караван и осуществлять с китайскими партнерами торговлю без пошлин в городах Кяхта и Цурухайтуй [14, с. 30].

В итоге, в XVIII столетии важнейшим центром сосредоточения торговли между Россией и Цинской империей становится именно кяхтинский торговый узел. При этом Россия экспортировала в Китай меха, промышленные товары, кожу, а Китай, в свою очередь, экспортировал в Россию преимущественно чай. Подтверждением растущих масштабов чайной торговли, становится и тот факт, что в XVIII в. российское правительство начинает расценивать чай как способ пополнения государственной казны.

Обычный маршрут чайных караванов из Китая в Россию начинался от Уханя или Пекина, продолжался до Урги (современная монгольская столица Улан-Батор), затем направлялся до Маймачена и Троицко-Савска (современной Кяхты), и далее по русской территории шел до Верхнеудинска (современный Улан-Удэ) и наконец достигал Иркутска, ставшего главным перевалочным пунктом для караванов с китайским чаем, и от которого через всю Сибирь новый и набирающий популярность продукт достигал центра России. При этом прессованный (плиточный) чай, как правило, перевозился на верблюдах и лошадях [9; 10, с. 53-54]. В общей сложности, путь чая от китайской до

российской столицы растягивался на расстояние от девяти до одиннадцати тысяч вёрст и мог продолжаться от половины до целого года! Надо учитывать и длинный перечень опасностей, порожденных природно-климатическими и социально-политическими факторами, которые поджидали купцов на этом длинном пути. Таким образом начинается история Великого Чайного пути, который по своим географическим масштабам вполне сопоставим с такими важными факторами мировой истории как Великий Шелковый путь или торговые маршруты перевозки пряностей из Азии в Европу. Тем не менее историография Великого Чайного пути фактически еще только формируется трудами преимущественно сибирских исследователей, а в учебных исторических курсах как на школьном, так и на вузовском уровне данный исторический феномен, связавший цивилизации России и Китая, пока еще не получил достойного отражения.

С ростом чайной торговли связан и процесс развития сибирского тракта до Москвы. Неблагоприятные климатические условия российской Сибири усложняли ведение торговли. Болотистая местность, холодные зимы и другие тяжёлые условия приводили к тому, что было необходимо использовать водный транспорт для перевозки товаров, а это влияло на ухудшение качества чая. Таким образом, Российская империя начинает вкладывать деньги в строительство дорог для сохранения качества чая. Это приводит к возникновению новых поселений, находившихся вдоль чайного пути, судьба которых всецело зависела от состояния чайной торговли [10, с. 52].

Важной детерминантой, стимулировавшей купеческую активность в сфере чайной торговли, явилась отмена в 1762 г. государственной монополии на торговые операции с Китаем. В результате все операции по закупке и сбыту китайского чая оказались в руках российских купцов, объединившихся в торговые компании [15, с. 25], что в конечном итоге обусловило переход ко второму этапу в истории российско-китайской чайной торговли, охватывающему 1762-1850 гг.

Данный период развития российско-китайской чайной торговли, станет временем окончательного формирования купеческой торговли с Китаем и будет характеризоваться проникновением торгового капитала Иркутска на китайские рынки и даже основание русскими торговцами собственных чайных плантаций [3, с. 115-117]. И самое главное, именно в этот период осуществится триумфальный путь чая в качестве главного напитка русского народа от сибирских городов до европейской части России.

Как было сказано выше, российско-китайская торговля осуществлялась за счёт объединений купцов, т.е. системы компаний. Так было и после ликвидации в 1800 г. этой системы. В конце XVIII в. купцы внутри своей компании стали выделять «компаньонов», т.е. доверенных лиц, которые осматривали и оценивали товары, определяли цены товарам и правила торговли. Этот институт компаньонов получает официальное признание властей несмотря на то, что сам институт компаний был ликвидирован [14, с.30].

Таким образом, купечество являлось социальной основой для развития всего комплекса торговых отношений России с Китаем. В итоге именно купеческое сословие оказало большое влияние на развитие сибирских городов. Так начиная с середины XVIII столетия именно представители иркутского купечества определяли основные обороты торговли китайским чаем: показательно, что в 1765 г. полсотни известных фамилий купцов-иркутян были связаны через торговлю с Цинской империей, составляя первый ряд наиболее богатых жителей города, обладавших капиталом в несколько десятков тысяч рублей на семью. В этой группе успешных пионеров русско-китайской торговли исследователи выделяют Сибиряковых, Ворошиловых, Сизых, Глазуновых, Киселевых, Шалиных и др. [15, с. 30].

С конца восемнадцатого столетия чай в качестве народного напитка уже завоевывает популярность в Сибири. Однако в европейской части Российской империи для народных низов он еще оставался труднодоступным предметом роскоши, требовавшим от семьи немалых денежных затрат (приобретение не только самого чая, но и такого символа чаепития как самовар, чайной посуды, дорогого сахара и т.д.). Фактически чай пробивает себе дорогу в качестве основного напитка на столе русской семьи вплоть до середины следующего девятнадцатого столетия, когда российско-китайская чайная торговля достигнет периода своего расцвета. Даже в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» описан процесс чаепития «пуэра». Решающими факторами в распространения китайского чая в России станут новые политические подвижки во взаимоотношениях двух империй, породившие более благоприятные условия для чайной торговли.

В 1858 г. Е.В. Путятин посещает Китай и заключает Тяньцзиньский договор, который обусловил открытие для России семи морских портов в закрытом прежде Китае. Еще через два года, Пекинский договор, заключённый графом Н.П. Игнатьевым, открывает еще более широкие возможности для русской торговли в Цинской империи,

длительная изоляция которой рухнула под натиском западных держав. Этому же способствует и открытие постоянного российского посольства в китайской столице в 1862 г., и соответственно, посольства Цинской империи в 1869 г. в Санкт-Петербурге. На фоне этих событий возникают новые сухопутные маршруты русско-китайской торговли. Всё это естественно увеличивает обороты чайной торговли и приводит к введению чая в самое широкое народное потребление в России [13, с. 14-15].

Следующий, третий, исторический этап в развитии русско-китайской чайной торговли охватывает период до 1890-х годов. Во второй половине XIX в. кяхтинский торговый центр неуклонно теряет доминирующие позиции в русско-китайской чайной торговле под воздействием ряда исторических причин.

Во-первых, это новый маршрут ввоза чая через западную границу, что очевидно, сделало перевозку чая через Кяхту не рентабельной и разрушило ее господство на чайном рынке. Во-вторых, это открытие нескольких китайских портовых городов для чайной торговли и для русских товаров, что опять же разрушило монополию Кяхты. В-третьих, это открытие железнодорожного пути Ханькоу-Москва, похоронившего прежнюю караванную торговлю чаем через Кяхту. Все это приводит к тому, что Кяхта отстраняется от Великого чайного пути и перестаёт существовать как один из важнейших центров чайной торговли [2].

Тем не менее, Иркутск продолжает играть важнейшую роль в организации чайной торговли между Россией и Китаем. На рубеже XIX-XX вв. город становится одной из основных точек на Транссибирской магистрали. Строительство железной дороги оказывает огромное влияние на дальнейшее развитие торговли, в том числе и чайной: она меняет направление потока товаров, перераспределяет пути и способы перевозки грузов [3, с. 116-117].

В течении XIX в. чай получает широкое распространение и активно входит в повседневную жизнь россиян. Со второй половины девятнадцатого столетия чай постепенно входит в потребление рабочими и ремесленниками, прислужкой и крестьянами. Напиток начинают подавать на постоялых дворах, почтовых станциях и трактирах: чай был хорошим способом скрасить ожидание экипажа. Основными центрами чайной торговли становятся Московский рынок, Нижегородская ярмарка, а также Ирбитская ярмарка. На подобных ярмарках утверждается чайное купечество: создаются чайные фирмы («А. Кузнецов и Ко») и торговые дома («Петр Боткин и сыновья»). Возраста-

ет и налоговая роль чайной торговли в российском бюджете: с каждым годом растёт таможенный сбор с чая, и на рубеже веков он составляет уже одну четвертую от всех таможенных сборов. Интересно отметить, что с активным распространением чая среди населения, возникает и фраза «просить на чай». Обычно было три повода для этой просьбы: дополнительная плата за хорошее выполнение работы (например, ямщику), прямая оплата услуги, неоговорённая заранее (например, сохранение верхней одежды в театре) или подарок в качестве праздничных денег. Этот факт подчёркивает положительное расположение жителей Российской империи к чаю [13, с. 14-15].

В 1890-е гг. начинается период наибольшего расцвета русско-китайской чайной торговли: в это десятилетие Россия становится самым крупным покупателем китайского чая на рынке мировой торговли этим продуктом – российский покупатель потреблял вдвое больше китайского чая чем Британская империя и Америка вместе взятые. Однако этот же период к 1917 г. ознаменуется и историческим падением объемов чайной торговли между Россией и Китаем: русско-японская война сократила ввоз чая более чем в два раза, затем столь же негативное влияние оказала и Первая мировая война [1]. Революционные потрясения 1917 г. отозвались для чайной отрасли глобальными переменами – чайная торговля в советском государстве была национализирована и появился Центральный чайный комитет при ВСНХ (Центрчай), монополизация отрасли становится неотъемлемой частью большевистской политики. Это приводит к тому, что русско-китайская чайная торговля после 1917 г. начинает приходить в упадок. В последующий период советское государство делает упор на развитие в стране собственного производства чая, базой для которого стали чайные плантации в Закавказье, подготовленные ещё в имперский период [11]. Советско-китайский раскол 1960-х гг. привёл к тому, что на советский рынок уже начал поступать чай из Индии и Шри-Ланки [12, с. 128-129].

Выводы

Таким образом, исторический путь чая из Китая в Россию был очень сложным и поэтапным. Во многом он отражал не только экономические аспекты развития двух великих стран, но и весь спектр политических реалий XVII-XX вв. Чай, бывший в начале этой длительной исторической эпопеи экзотическим напитком для российской элиты, в итоге стал и продолжает быть неотъемлемой частью культуры и быта русского народа. В наши дни, как и много лет назад, чай продолжает объединять народы и цивилизации России и Ки-

тая, демонстрируя важность и устойчивость торговых и культурных связей между двумя странами. Если западные страны «открывали» рынки Китая с помощью опиумной торговли [6], то первичной основой русско-китайского цивилизационного диалога стал мирный и полезный продукт. И в этом плане изучение в рамках как школьных, так и вузовских исторических курсов сложной и

крайне противоречивой летописи взаимоотношений двух великих держав, вполне очевидно нуждается в дополнении в виде вопросов по истории повседневности – таких как историческая метаморфоза чая, позволяющая увидеть экзотику в привычной обыденности и тем самым активизировать познавательную активность учебной аудитории.

Список источников

1. Дацышен В.Г. Чайная торговля в истории русско-китайских отношений (1861-1917 гг.) // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 37 – 48.
2. Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Кяхта в 1840-1930-е гг.: блеск и нищета «Окна в Китай» // Власть. 2019, №2. С. 240 – 245.
3. Кожухарь А.И. Периодизация русско-китайской чайной торговли (XVII-XIX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8. Ч. 2. С. 115 – 117.
4. Курков В.В. Фермопилы российского казачества: проблемные аспекты коммеморации подвигов защитников Приамурья в XVII в. – от Кумарской битвы до обороны Албазина // Альманах «Казачество». 2023. №71. С. 150 – 156.
5. Курков В.В., Степанов В.О. Использование проектной методики при изучении истории советско-китайского пограничного конфликта в районе острова Даманский // Вестник педагогических наук. 2023. №3. С. 191-198.
6. Курков В.В., Дембовская А.А. Опиумные войны: исторические уроки в контексте вызовов современности // Исторический бюллетень. 2024. Т.7. №3. С. 68 – 73.
7. Курков В.В., Щербакова Д.В. Цикличность в отношениях России и СССР с Китаем: к вопросу о систематизации учебного материала при использовании проектного метода в школьном курсе истории // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. №6. С. 207 – 213.
8. Роспись подарков цинского императора Шицзу, составленная в Тобольской приказной избе. 657 г. между марта 12 и августа 31 // Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608-1683. М.: Наука, 1969. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/16001620/Russ_kit_otn_17_v_I/81-100/84.htm
9. Севастьянов Д.В., Коростелев Е.М., Зелюткина Л.О. Русский Север и Великий Чайный путь: Евразийское взаимодействие // Материалы XII международной научно-практической конференции. 2020. С. 6 – 11.
10. У Хэ, Линь С. История в изображениях: распространение чайной культуры в России в середине-конце 19 века // Историческая социология и современное социальное развитие в России и Китае: Сборник статей XVIII российско-китайской социологической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 50 – 82.
11. Христолюбова Ю.С. Первые советские закупки чая в Китае: к истории формирования чайной отрасли СССР в 1920-е гг. // Современная научная мысль. 2020. № 3. С. 81 – 93.
12. Цзайци Лю Чайная торговля между Китаем и Россией // Проблемы Дальнего Востока: научный и общественно-политический журнал. 2007. № 6. С. 121 – 129.
13. Чальцева Т.А. Распространение чая в Российском государстве до XX века // Провинциальные научные записки. 2023. № 1 (17). С. 13 – 15.
14. Шиловский М.В. Роль Кяхты в осуществлении чайной торговли с Китаем (XVIII-XIX вв.) // Кяхта – национальное достояние России: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию Кяхтинского района и 290-летию г. Кяхта (Кяхта, 10-12 июня 2018 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. С. 29 – 32.
15. Шиловский М.В. Роль сибирского купечества в чайной торговле с Китаем в XVIII – начале XX вв. // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Третьей Всероссийской научной конференции, 21-23 сентября 2018 г., г. Томск. Томск: Издательство Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2019. С. 25 – 36.

References

1. Datsyshen V.G. Tea trade in the history of Russian-Chinese relations (1861-1917). *Modern scientific thought*. 2018. No. 6. P. 37 – 48.
2. Kalmina L.V., Plekhanova A.M. Kyakhta in the 1840-1930s: the splendor and poverty of the "Window to China". *Power*. 2019, No. 2. P. 240 – 245.
3. Kozhukhar A.I. Periodization of the Russian-Chinese tea trade (XVII-XIX centuries). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of theory and practice*. Tambov: Gramota, 2011. No. 8. Part 2. P. 115 – 117.
4. Kurkov V.V. Thermopylae of the Russian Cossacks: Problematic Aspects of Commemorating the Feats of the Defenders of the Amur Region in the 17th Century – from the Battle of Kumar to the Defense of Albazin. *Almanac "Cossacks"*. 2023. No. 71. P. 150 – 156.
5. Kurkov V.V., Stepanov V.O. Using the Project Methodology in Studying the History of the Soviet-Chinese Border Conflict in the Area of Damansky Island. *Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2023. No. 3. P. 191 – 198.
6. Kurkov V.V., Dembovskaya A.A. Opium Wars: Historical Lessons in the Context of Modern Challenges. *Historical Bulletin*. 2024. Vol. 7. No. 3. P. 68 – 73.
7. Kurkov V.V., Shcherbakova D.V. Cyclicity in the Relations of Russia and the USSR with China: on the Issue of Systematization of Educational Material when Using the Project Method in the School History Course. *Historical Bulletin*. 2024. Vol. 7. No. 6. P. 207 – 213.
8. List of Gifts of the Qing Emperor Shizu, Compiled in the Tobolsk Prikaznaya Izba. 657 between March 12 and August 31. *Russian-Chinese Relations in the 17th Century. Materials and Documents*. Vol. 1. 1608-1683. M.: Nauka, 1969. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/16001620/Russ_kit_otn_17_v_I/81-100/84.htm
9. Sevastyanov D.V., Korostelev E.M., Zelyutkina L.O. Russian North and the Great Tea Road: Eurasian Interaction. *Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference*. 2020. P. 6 – 11.
10. Wu He, Lin S. History in Images: The Spread of Tea Culture in Russia in the Mid- to Late 19th Century. *Historical Sociology and Contemporary Social Development in Russia and China: Collection of Articles from the XVIII Russian-Chinese Sociological Conference*. St. Petersburg, 2022. Pp. 50 – 82.
11. Khristolyubova Yu.S. The First Soviet Purchases of Tea from China: On the History of the Formation of the Tea Industry in the USSR in the 1920s. *Modern Scientific Thought*. 2020. No. 3. P. 81 – 93.
12. Zaiqi Liu Tea Trade between China and Russia. *Problems of the Far East: Scientific and Socio-Political Journal*. 2007. No. 6. P. 121 – 129.
13. Chaltseva T.A. The Spread of Tea in the Russian State before the 20th Century. *Provincial Scientific Notes*. 2023. No. 1 (17). P. 13 – 15.
14. Shilovsky M.V. The Role of Kyakhta in the Tea Trade with China (18th-19th Centuries). *Kyakhta is a National Treasure of Russia: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 95th Anniversary of the Kyakhta District and the 290th Anniversary of the City of Kyakhta (Kyakhta, June 10-12, 2018)*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2018. P. 29 – 32.
15. Shilovsky M. V. The Role of Siberian Merchants in the Tea Trade with China in the 18th – Early 20th Centuries. *Siberian Merchants: Origins, Activities, Heritage: Proceedings of the Third All-Russian Scientific Conference, September 21-23, 2018, Tomsk*. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, 2019. P. 25 – 36.

Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, vkurkov@gmail.com

Степанова С.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Степанова С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94: (47)

Особенности финансирования русской армии в 1815-1825 гг.

¹ Андрияйнен С.В.,

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация: автор исследует особенности финансирования русской армии в последние десять лет правления императора Александра I. В статье исследуются некоторые важные статьи затрат – снабжение армии лошадьми, улучшение питания нижних чинов, повышение жалования офицерам. Автор приходит к выводу, что командование армии стремилось поддерживать боеспособность армии и гвардии, несмотря на нехватку средств. В связи с дефицитом средств многие принимаемые меры носили частичный характер. Некоторые меры финансовой помощи применялись только в отдельных воинских частях, а не во всей армии. Автор приходит к выводу, что император Николай I был вынужден решать проблемы финансирования армии, которые он получил по наследству от своего брата, императора Александра I.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, армия, гвардия, военные реформы, Николай I, Александр I, наполеоновские войны

Для цитирования: Андрияйнен С.В. Особенности финансирования русской армии в 1815-1825 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 224 – 230.

Поступила в редакцию: 17 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The specifics of financing the Russian army in 1815-1825.

¹ Andriainen S.V.,

¹ St. Petersburg State University of Economics

Abstract: the author examines the specifics of financing the Russian army in the last ten years of the reign of Emperor Alexander I. The article examines some important cost items – supplying the army with horses, improving nutrition for lower ranks, and increasing salaries for officers. The author concludes that the army command sought to maintain the combat capability of the army and the Guard, despite the lack of funds. Due to the lack of funds, many of the measures taken were partial. Some financial assistance measures were applied only in individual military units, and not in the entire army. The author concludes that Emperor Nicholas I was forced to solve the problems of financing the army, which he inherited from his brother, Emperor Alexander I.

Keywords: Russian Empire, XIX century, army, guard, military reforms, Nicholas I, Alexander I, Napoleonic wars

For citation: Andriainen S.V. The specifics of financing the Russian army in 1815-1825.. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 224 – 230.

The article was submitted: February 17, 2025; Approved after reviewing: April 14, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Сухопутная армия была одним из ключевых военных и государственных институтов Российской империи в XIX в. Она защищала государственные границы, позволяла проводить активную внешнюю политику. Во имя снабжения армии Петр Великий ввел один из ключевых налогов в истории Российской империи – подушную подать. Содержание армии стоило казне громадных средств. Армия учила солдатских детей грамоте, давала шанс на возвышение небогатым дворянам.

В силу важности данной темы, ей посвящено громадное количество исследований. Однако при этом остаются сюжеты, которые требуют дополнительного исследования. Одним из них является финансирование российской армии в период после наполеоновских войн. Система тылового обеспечения армии традиционно вызывала большие нарекания со стороны образованного общества. Не случайно, в фундаментальном издании «Столетие Военного министерства», том, посвященный деятельности Главного интендантского управления, был доведен только до 1825 г., хотя по логике события в нем должны были быть изложены вплоть до начала XX в. Кроме того, в данном исследовании представлен в основном фактический материал, но далеко не всегда сделаны выводы из имеющихся данных [10].

Другой особенностью, связанной с изучением данной темы, было ее исследование «сверху вниз»: в основном даже в современных работах анализируется деятельность Военного министерства [14]. При этом недостаточно внимания уделяется тому, как деятельность военных чиновников сказывалась на функционировании отдельных воинских частей.

Третьей проблемой является на наш взгляд, малое внимание к тем неформальным механизмам, которые позволяли воинским частям функционировать в условиях нехватки финансирования с одной стороны и строгих требований начальства с другой.

В рамках нашего исследования мы проанализируем основные проблемы, которые возникли при финансировании российской армии в 1815-1825 гг., а также попытаемся показать, как государство стремилось эти проблемы разрешать. Также в статье будет проведен анализ полуофициальных практик финансирования армии.

Материалы и методы исследований

Основным источником для нашего исследования являются законодательные акты, опубликованные в первом полном собрании законов Российской империи. Они позволяют понять основ-

ные задачи, которые при финансировании армии решало руководство империи.

Важным источником для данной статьи стали материалы полковых архивов частей Гвардейского корпуса. Они позволяют нам понять, как на практике финансировались части русской армии и гвардии.

В данной статье применялся метод типологического анализа: предпринималась попытка выделить ключевые задачи, связанные с финансированием армии и показать методики их решения.

Результаты и обсуждения

Тяжелые войны, которые вела Россия до 1815 г. привели к увеличению численности армии. Если на 1 января 1801 г. численность регулярной армии составляла 446059 чел., то в начале 1826 г. в армии состояло 874 626 чел. [2, с. 12-15]. При этом у Российской империи возникли проблемы с тем, чтобы финансировать столь крупные вооруженные силы. В условиях крепостного права распустить по домам избыточное число солдат регулярной армии было невозможным.

С другой стороны, на содержание армии тратились громадные средства, которые были трудно учесть. Только Провиантский департамент Военного министерства за период с 1811 по 1816 гг. истратил на продовольствие войск внутри России 685 млн. рублей. (Без учета затрат на довольствие войск в Заграничных походах 1813-1815 гг.). При этом департамент с 1811 г. вовсе не предоставлял отчетов о своей деятельности, в нем накопилось 32000 приходно-расходных книг и денежных документов от воинских частей, которые требовали ревизии [10, с. 456].

В этих условиях среди российского политического и военного руководства началась дискуссия о том, как справиться с финансовыми и социальными проблемами, возникающими при наличии громадной армии. Одним из итогов этой дискуссии стало создание в 1816 г. системы военных поселений в России [13, с. 36-37]. Военные поселения должны были снизить расходы на содержание армии, поскольку часть необходимого продовольствия должны были заготавливать сами солдаты во время жизни в поселениях.

Определенных успехов при этом достигнуть удалось, особенно по части продовольствия войск. Смета Продовольственного департамента в 1815 г. составляла 89 млн. 892 278 р., а в 1825 г. только 56 млн. 154.800 р. [10, с. 488].

Однако до конца проблему решить было невозможно, поскольку она носила комплексный характер. В 1821 г. г. начальник отделения Комиссариатского департамента В.В.Погодин написал

особую записку, в которой указал главные пороки российской системы финансирования армии. Данные Погодина свидетельствуют о высокой степени милитаризации Российской империи в период после 1815 г. – в России один солдат приходится на 45 чел. населения. Даже в Пруссии, которую обычно приводят в пример как образец милитаризованного государства, один военный приходился на 68 жителей. В Англии 1 солдат приходился на 140 мирных жителей, во Франции соотношение военных и гражданских было 1 к 110 [7].

Несмотря на то, что на содержание российской армии тратились огромные деньги, в силу бедности российского хозяйства расходы на одного солдата были весьма невелики. Погодин отмечал: «У нас на жалование миллионной армии употребляется до 37 милл. Во Франции на одно жалование – 240 тысячной армии 110 милл.». Таким образом, русский военный служащий получал в среднем гораздо более дешевое и зачастую более скудное материальное снабжение.

В "Записке" Погодина ясно сформулирована еще одна важная особенность российской военной экономики. При нехватке государственных средств часть необходимых для армии ресурсов предоставляло население в виде натуральных повинностей. В первую очередь речь идет о знаменитой "постоянной" повинности, при которой солдаты расквартировывали по домам гражданских обывателей (в связи с нехваткой казарм). Поэтому получалось, что государство часть расходов на содержание армии взваливало на плечи самого российского общества, помимо и сверх всех налогов [7].

В связи с этими финансовыми проблемами, руководство Российской империи стремилось уменьшить непроизводительные расходы, но сохранить боеспособность армии. При этом возникало драматическое противоречие, поскольку поддержание боеспособности армии требовало существенных денежных вливаний.

Рассмотрим, как эти противоречия отражались на нескольких ключевых статьях военных расходов: повышении жалования офицерам, материальном снабжении солдат,

Несмотря на все трудности финансового характера, в 1817 г. император Александр I решился на резкое увеличение окладов жалования. Предыдущие оклады были установлены в 1801 г., однако в связи с высокой инфляцией в России реальная покупательная способность бумажных ассигнаций падала. Например, в 1817 г. рыночный курс серебряного рубля к ассигнациям составлял 1:3,84 [12, с. 52] Таким образом за серебряный рубль надо было отдать без малого 4 бумажных.

В этой связи жалование офицеров категорически не могло обеспечивать их нужды. В связи с этим с 1817 г. и были введены новые оклады жалования. При повышении окладов жалования руководство империи следовало нескольким важным принципам.

1. Сохранялись более высокие оклады жалования для гвардейских офицеров в сравнении с их армейскими коллегами.

2. В больших масштабах увеличивалось довольствие обер-офицеров, чем штаб-офицеров. Так капитан Гвардейской пехоты в Старой Гвардии получал по новым штатам годовое жалование в 900 р. при этом капитан Молодой Гвардии получал только 780 р., а капитан армии 720 р.

3. Оклады жалования генералитету были оставлены прежние. При этом надбавку получили не все генералы, но только те, которые занимали строевые командные должности. им стали выплачивать так называемые столовые деньги. Командиры полков получали по 300 р в год столовых, бригадные генералы 4000 р., дивизионным начальникам полагалось по 6000 р., и корпусным начальникам по 10000 р. [8].

4. Военное министерство добавляло жалование для всех офицеров, но стремилось сократить издержки по отдельным категориям. С 1817 г. перестали получать добавочное содержание те офицеры, которые служили в частях, расквартированных в Прибалтике (Эстляндская. Лифляндская Курляндская губернии). в Западном крае (Виленская. Гродненская губернии, Белостокская область). Отменены были также отпуска дополнительного содержания офицерам в Финляндии и Бессарабии, а также офицерам Свиты по квартирмейстерской части. Всем им теперь предлагалось довольствоваться общими увеличенными окладами жалования.

Повышенные оклады жалования облегчили существование офицеров. Однако даже увеличенных окладов не хватало для многих офицеров гвардии, особенно эта проблема касалась семейных штаб- и обер-офицеров. Казенных квартир для всех офицеров не хватало, аренда частных квартир стоила очень дорого. Стоимость продуктов питания в Петербурге была выше, чем в черноземных губерниях. Кроме того, офицеры должны были сами заказывать себе дорогие гвардейские мундиры, кавалерийские офицеры были должны покупать себе лошадей.

В связи с этим Александр I перешел к практике выдачи денежных пособий отдельным нуждающимся офицерам. Ежегодно по несколько офицеров из каждого гвардейского полка получали средства. Младшие офицеры могли рассчитывать

(обычно) на сумму в 300 руб. асс., подарки капитанам могли достигать 500-700 руб. асс. Штаб-офицерам традиционно выдавались при вступлении в командование батальоном более значительные суммы. В ноябре 1821 г. подполковник лейб-гвардии Гренадерского полка Зайцев получил подарок в 1 тыс. руб. асс., а полковник того же полка Завадский 5 тыс. руб. [5, л. 39 об.] Эта практика была впоследствии закреплена при Николае I. В 1836 г. был учрежден особый капитал в 300 тыс. руб. асс., который ежегодно расходовался на пособия особо нуждающимся офицерам. [1, с. 296] Такой капитал был упразднен только при Александре II.

Большую проблему составляло продовольствие войск. Вплоть до 1815 г. в мирное время мясные и винные порции получали только войска, расквартированные в Крыму и на Кубани - в местностях с тяжёлым (по тогдашним понятиям) климатом. Все остальные войска получали помимо крупы и муки только приварочные деньги. С мая 1815 г. по императорскому повелению строевые чины гвардии стали получать во время передвижений по 1,5 фунта мяса и по 4 винных порции в неделю.

В 1816 г. гвардейцы стали получать мясные порции и во время стоянок. о том, что такое довольствие было обременительным для казны, свидетельствуют многочисленные частные меры и уточнения, которые применялись в последующие годы. С одной стороны, деньги на мясные порции стали шире выдаваться войскам, которые находились в особых условиях службы (солдаты, служащие на Военно-Грузинской дороге, побережья Черного и Каспийского морей, части, занимающие караулы в Царстве Польским и Бессарабии).

С другой стороны, мясо даже в гвардии отпускалось не на полный год. Гвардейцы не получали мясные порции в период 3 главных постов по православному календарю. Солдаты не видели мяса в Великий пост, Петров (Апостольский) пост и Успенский. В сумме три поста отнимали не менее 2 месяцев (Великий пост 42 дня, Успенский 14 дней и Петров от 8 до 42 дней) [6].

Важно подчеркнуть, что государство выдавало именно деньги на закупку мяса, а не мясо в натуре. Поэтому многое зависело от добросовестности ротных, эскадронных командиров и других начальников. Они могли купить на выделенные средства мясо или потратить часть казенных денег на другие нужды.

Кроме того, Военное министерство выдавало деньги на мясные порции только ограниченному числу новых частей. В 1819 г. деньги на мясные порции стали получать военнослужащие 1 гренадерской дивизии. В Гренадерском корпусе состоя-

ли 3 гренадерские дивизии, однако руководство министерства смогло изыскать средства на дополнительное питание только самого привилегированного соединения. 1 гренадерская дивизия традиционно часто принимала участие в маневрах Гвардейского корпуса в Царском селе. После бунта в Семеновском полку в 1820 г. именно военнослужащие 1 гренадерской дивизии составили костяк нового лейб-гвардии Семеновского полка (старый состав был раскассирован и подвергнут наказаниям) [10, с. 473].

Другой громадной статьёй расходов для Военного министерства была закупка новых лошадей для кавалерии, пехоты и артиллерии (кавалерийский ремонт). В российской императорской армии, в кавалерийских и артиллерийских частях должно было состоять по штатам свыше 96 тыс. лошадей. [4, с. 218]. При 8-лтенем сроке службы строевой лошади, ежегодно государство в мирное время должно было выдавать средства на покупку свыше 10 тыс. лошадей. В период наполеоновских войн Российская империя ремонтировала свои войска лошадьми при помощи самых разных мер – временно увеличивались цены на каждую лошадь, а в 1813 г. поставка лошадей в некоторых губерниях засчитывалась как поставка рекрут (что привело к страшному ажиотажу на рынке лошадей и возвышению цен) [11, с. 132].

По окончании наполеоновских войн министерство стремилось уменьшить стоимость ремонта. В связи с этим в 1815 г. было предложено отказаться от добавочных денег, которые выдавались на каждую лошадь из расчета 10 руб. ассигнациями (и деньги на 2 месяца на фуражное довольствие).

Однако командиры воинских частей стали засыпать командование армии и военного министра князя Барклая де Толли жалобами. В результате было принято половинчатое решение: военный министр мог выдавать деньги дополнительно к штатным сумма, но при этом каждый случай рассматривался индивидуально. Каждый полк или артиллерийская бригада должны были обосновывать необходимость выдачи им дополнительных денег [11, с. 140].

Хронической проблемой в армии оставалась несоответствие рыночных цен на лошадей тем, средствам, которые отпускались от казны. Поскольку существенно увеличить отпуск средств не было возможно, государству приходилось пускаться на различные ухищрения. Начиная с 1817 г. в кавалерийских полках гвардии, 1 и 2 армий, Гвардейском и Грузинском корпусах был разрешен временный некомплект лошадей. В период с января по апрель полки получали возможность не содержать по 140 лошадей из штатного числа. При

этом на не состоящих в строю лошадей выделяли фуражные деньги, которые хранились в интендантстве и выдавались полкам при покупке ремонта. Смысл комбинации был следующим: в зимний период в частях все равно не было полковых или эскадронных учений, а значит полное число лошадей во взводе не требовалось. Сэкономленные деньги можно было прибавить весной к цене лошади – на кирасирский полк выходило 90 рублей добавочных денег, а на лошадей в прочих полках по 70. Эта мера оказалась выгодной для войск. Приведем такой пример. Русская гвардейская кавалерия в Царстве Польском (с 1823 года – 3 полка) не получала таких денег. В связи с этим наместник Царства Польского великий князь Константин Павлович потребовал взамен предоставлять полкам особые денежные суммы, утверждая, что иначе его полки не справятся [11, с. 153].

Другим следствием дороговизны лошадей стала невозможность для некоторых офицеров кавалерии самим покупать себе верховых лошадей. В результате в 1821 г. последовало повеление, согласно которому на часть штатного состава офицеров полка лошади покупались за счет казны. Для гвардии пропорция составляла 25% от числа офицеров, для армейской кавалерии на 50% от штатного числа офицеров. Такое разделение было связано с тем, что среди гвардейских офицеров было больше состоятельных дворян, которые могли себе позволить затраты на лошадь. Таким образом, если состав офицеров гвардейского кавалерийского насчитывал 48 человек, то на полк полагалось по 12 казенных офицерских лошадей, каждая ценой в 750 руб. ассигнациями. Эти лошади считались полковой собственностью и выдавались полковым офицерам только на период учений [1, с. 232].

Предложенные при Александре I меры позволили частично уменьшить масштаб проблем с закупками лошадей. Однако у политики сокращения реального числа лошадей была оборотная сторона – кавалерия училась в первую очередь беречь лошадей, которые не были втянуты в работу и плохо переносили нагрузки. Низкие казенные цены на лошадей означали, что зачастую армия, несмотря на все ухищрения, покупала малоценных коней. Эта проблема остро проявилась в период русско-

турецкой войны 1828-1829 гг. Разбираться с этими вызовами пришлось уже следующему императору Николаю I. Новый правитель империи, с одной стороны, провел новое сокращение российской регулярной кавалерии. После реформы 1833 г. из 75 полков регулярной кавалерии осталось 55. Вместе с 10 гвардейскими полками регулярной кавалерии их насчитывалось 65. Общее число коней должно было составлять 68651 [4, с. 270].

Выводы

На протяжении 1815-1825 гг. руководство Российской империи решало комплексную проблему: снизить затраты на содержание армии, при этом поддерживая на приемлемом уровне боеспособность армии. С одной стороны, государство прибегло к мерам экономии. С этой целью часть армии была поселена в военных поселениях, уменьшалось число штатных лошадей в частях регулярной армии. С другой стороны, государство стремилось улучшить положение офицеров и нижних чинов. С этой целью увеличивались оклады жалованья офицерам, выдавались деньги на покупку мяса для нижних чинов.

В условиях нехватки средств в казне, роста цен, командование армии прибегало к полуофициальным мерам. Офицерам гвардейских частей от имени императора периодически давались неофициальные денежные пособия, поскольку жалованье обер-офицеров не полностью покрывала затраты обер-офицера на жизнь в Петербурге. С этой же целью офицеры гвардейской и армейской кавалерии могли получать от казны строевых лошадей для службы. Нехватка средств приводила к тому, что принимаемые государством меры носили точечный характер – даже в частях привилегированного Гренадерского корпуса одни подразделения получали деньги на мясные порции, а другие нет.

Все перечисленные меры приносили только частичный успех, поэтому новый император Николай I сразу же по восшествию на престол столкнулся с необходимостью проведения крупных военных реформ, которые и были им проведены в первой половине 1830-х гг. таким образом, император Николай Павлович не работал «с чистого листа», ему приходилось продолжать деятельность своего брата, императора Александра I.

Список источников

1. Анненков И.В. История Лейб-гвардии Конного полка 1731-1848. Ч. 1. 1849. XX. 339 с.
2. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1973. 616 с.
3. Володина Т.А., Подрезов К.А., Тарунтаева Т.А. Российская армия как феномен империи: анализ историографии // Былые годы. 2020. № 57 (3). С. 1011 – 1024.

4. Иванов П. А. Обзор состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого до наших дней СПб 1864. 354 с.
5. Материалы для истории лейб-гвардии Гренадерского полка // РГВИА Ф.2575 Оп. 1. д. 671.
6. Пархоменко К. Православный пост: древность и современная практика [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/parkhomenko/pravoslavnyj-post-drevnost-i-sovremennaya-praktika.html>
7. Погодин В.В. Записка о состоянии русской армии // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 265. Оп. 1. Д. 95. Лл. 1-5.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649-1825) В 45 т. Т. XLIII. Ч.2. СПб., 1830. С.83. Табель 1. №26557. Декабря 12, 1816 о новых окладах жалованья, определяемых с 1817 года.
9. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное интендантское управление. исторический очерк. СПб., 1903. 542 с.
10. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. 5. Главное Интендантское управление. Исторический очерк. СПб., 1903. 515 с.
11. Столетие Военного министерства: 1802-1902. Т. 13, кн. 3, вып. 1: Управление генерал-инспектора кавалерии: о ремонтировании кавалерии: исторический очерк. СПб., 1906. 238, 60, 6 с.
12. Шторх П.А. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год. СПб., 1868. 76 с.
13. Ячменихин К.М. Армия и реформы. Военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов.: Сіверянська думка, 2006. 444 с.
14. Kagan F. The Military Reforms of Nicholas I. The origins of the Modern Russian Army. New York.: Palgrave MacMillan; 1999, 337 p.

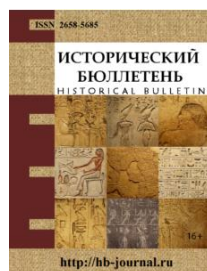
References

1. Annenkov I.V. History of the Life Guards Cavalry Regiment 1731-1848. Part 1. 1849. XX. 339 p.
2. Beskrovny L.G. Russian army and navy in the 19th century. Military-economic potential of Russia. USSR Academy of Sciences. Institute of History of the USSR. Moscow: Nauka, 1973. 616 p.
3. Volodina T.A., Podrezov K.A., Taruntaeva T.A. The Russian army as a phenomenon of the empire: an analysis of historiography. Bylye Gody. 2020. No. 57 (3). P. 1011 – 1024.
4. Ivanov P.A. Review of the composition and structure of the regular Russian cavalry from Peter the Great to the present day St. Petersburg 1864. 354 p.
5. Materials for the history of the Life Guards Grenadier Regiment. RGSVIA F.2575 Op. 1. D. 671.
6. Parkhomenko K. Orthodox fast: antiquity and modern practice [Electronic resource] URL: <https://azbyka.ru/parkhomenko/pravoslavnyj-post-drevnost-i-sovremennaya-praktika.html>
7. Pogodin V.V. Note on the state of the Russian army. Russian State Military Historical Archive (hereinafter – RGSVIA). F. 265. Op. 1. D. 95. Pll. 1-5.
8. Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection (1649-1825) In 45 volumes. Vol. XLIII. Part 2. St. Petersburg, 1830. P.83. Table 1. No. 26557. December 12, 1816 on new salaries, determined from 1817.
9. Centenary of the Ministry of War. 1802-1902. Main Quartermaster Directorate. Historical essay. SPb., 1903. 542 p.
10. Centenary of the Ministry of War. 1802-1902. Vol. 5. Main Quartermaster Directorate. Historical essay. SPb., 1903. 515 p.
11. Centenary of the Ministry of War: 1802-1902. Vol. 13, book 3, issue 1: Office of the Inspector General of Cavalry: on the repair of cavalry: historical essay. SPb., 1906. 238, 60, 6 p.
12. Shtorkh P.A. Materials for the history of state banknotes in Russia from 1653 to 1840. SPb., 1868. 76 p.
13. Yachmenikhin K.M. Army and reforms. Military settlements in the policy of Russian autocracy. Chernigov.: Siveryanska Dumka, 2006. 444 p.
14. Kagan F. The Military Reforms of Nicholas I. The origins of the Modern Russian Army. New York.: Palgrave MacMillan; 1999, 337 p.

Информация об авторе

Андриайнен С.В., кандидат исторических наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0071-3599>, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, andriainen2012@yandex.ru

© Андриайнен С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 339.543

Некоторые аспекты таможенной политики в Российской империи во второй половине XIX века

¹ Воробьева Н.В.,

¹ Андрияко Н.А.,

¹ Омский государственный университет путей сообщения

Аннотация: в условиях динамичных социально-экономических преобразований второй половины XIX в., промышленной модернизации и интеграции России в систему международных отношений таможенная система выступала не только инструментом фискального контроля, но и ключевым механизмом реализации внешнеэкономической стратегии государства. В статье проводится комплексное исследование эволюции таможенной системы Российской империи во второй половине XIX в., выявление её институциональных, экономических и политических особенностей. Изучение данной темы позволяет раскрыть особенности взаимодействия внутренних и внешних факторов, формировавших торгово-промышленный курс Российской империи, а также оценить влияние таможенных реформ на экономическую безопасность и международный статус. Реформы второй половины XIX века, направленные на адаптацию к меняющимся условиям мировой торговли, демонстрируют преемственность принципов таможенной политики, сохраняющих значение и в настоящее время, что определяет практическую значимость статьи.

Ключевые слова: таможенная политика второй половины XIX – начале XX вв., таможенная система второй половины XIX – начале XX вв., таможенные органы второй половины XIX – начале XX вв., таможенное законодательство второй половины XIX – начале XX вв.

Для цитирования: Воробьева Н.В., Андрияко Н.А. Некоторые аспекты таможенной политики в Российской империи во второй половине XIX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 231 – 238.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Some aspects of customs policy in the Russian Empire in the second half of the 19th century

¹ Vorobyova N.V.,

¹ Andriyako N.A.,

¹ Omsk State Transport University

Abstract: in the context of dynamic socio-economic transformations of the second half of the 19th century, industrial modernization and integration of Russia into the system of international relations, the customs system acted not only as an instrument of fiscal control, but also as a key mechanism for implementing the state's foreign economic strategy. The article provides a comprehensive study of the evolution of the customs system of the Russian Empire in the second half of the 19th century, identifying its institutional, economic and political features. The study of this topic allows us to reveal the features of the interaction of internal and external factors that shaped the trade and industrial course of the Russian Empire, as well as to assess the impact of customs reforms on economic

security and international status. The reforms of the second half of the 19th century, aimed at adapting to the changing conditions of world trade, demonstrate the continuity of the principles of customs policy, which remain important today, which determines the practical significance of the article.

Keywords: customs policy of the second half of the 19th – early 20th centuries, customs system of the second half of the 19th – early 20th centuries, customs authorities of the second half of the 19th – early 20th centuries, customs legislation of the second half of the 19th – early 20th centuries

For citation: Vorobyova N.V., Andriyako N.A. Some aspects of customs policy in the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 231 – 238.

The article was submitted: February 18, 2025; Approved after reviewing: April 15, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

В рамках статьи мы рассмотрим основные аспекты развития и функционирования таможенной системы, включая организацию управления, тарифную политику и региональные особенности; проанализируем реформы, направленные на оптимизацию таможенного регулирования, оценим их влияние на экономику империи; исследуем ключевые характеристики таможенной системы, такие как протекционизм, фискальная функция и борьба с контрабандой; выявим предпосылки перехода от меркантилистской модели к конвенциональным торговым соглашениям, включая роль международной конъюнктуры и внутренних экономических элит.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа включает историко-системный и сравнительно-аналитический подходы, что позволяет выявить взаимосвязь таможенных реформ с экономическими и политическими процессами. Использование «Полного собрания законов Российской империи» и научных трудов обеспечивает достоверность выводов.

Отечественная промышленность, особенно предприятия 1830-1840-х гг., оказалась неспособной конкурировать с более технологичными европейскими товарами: выпуск продукции в чугуноплавильной отрасли сократился с +1,2% годовых в 1840-х гг. до -0,8% в 1850-х гг., машиностроительная и химическая отрасли также переживали спад. Финансовые показатели ухудшились: таможенные доходы снизились с 29,8 млн. руб. (1846-1850) до 26,5 млн. руб. (1851-1856 гг.), их доля в бюджете упала с 20,2% до 16,2%, а внешнеторговое сальдо стало отрицательным – 10,3 млн. руб. ежегодно.

Результаты и обсуждения

Таможенный тариф 13 октября 1850 г., разработанный экономистом-фритредером Л.В. Тенгоборским ознаменовал отход от жесткого протекционизма [6, с. 112-113]. Необходимость снижения вывозных пошлин для стимулирования экс-

порта и пересмотра запретительных импортных тарифов, сдерживавших развитие торговых отношений. Проблемы сбыта отечественных товаров были связаны с: завышенными экспортными сборами и ограничительной системой ввоза, что особенно актуализировалось на фоне экспансии американского зерна на мировые рынки [14, с. 75].

Экономические последствия реформы 1850 г. носили противоречивый характер. Снижение таможенных пошлин стимулировало рост импорта технологий: в 1850 г. в Россию было ввезено машин на 48 млн. руб. (за 1831-1860 гг. – 64 млн. руб.), что способствовало механизации производства. Одновременно резко увеличился ввоз хлопка – к 1859 г. его объёмы превысили показатели начала века в 50 раз.

После поражения в Крымской войне Российская империя столкнулась с необходимостью модернизации экономики и интеграции в мировую торговлю. Вторая половина XIX в. ознаменовалась полномасштабной реформаторской деятельностью, охватившей все сферы государственного управления, включая таможенное дело.

Таможенный тариф 1857 г. стал ответом на острые социально-экономические вызовы, с которыми столкнулась Россия после Крымской войны (1853-1856 гг.) [10, с. 112-115]. Катастрофический дефицит государственного бюджета, оценивающийся в 797 млн. рублей, экспорт отечественных товаров через западные границы сократился в пять раз, что подчеркивало необходимость пересмотра торговой стратегии.

Однако, несмотря на либерализацию, доходы казны от внешней торговли не увеличились из-за общего спада экономической активности, вызванного последствиями войны.

26 октября 1864 г. Департамент внешней торговли Министерства финансов был переименован в Департамент таможенных сборов, которому подчинялись Пограничная и Корчемная стражи. В составе таможенного ведомства находилось 9 та-

моженных округов, 70 таможен, 51 таможенная застава, 9 переходных пунктов и постов.

Ключевой инновацией стало введение классификации таможенных учреждений по трём категориям в зависимости от объёмов операций и гео-

графической значимости. Крупнейшие таможни, такие как Петербургская и Одесская, перешли под прямое подчинение Департамента, что усиливало вертикаль власти и стандартизацию процедур.

Структура классификации:

Таблица 1

Разграничение таможенных учреждений.

Table 1

Delineation of customs offices.

Класс	Критерии	Особенности
Таможни первого класса	Крупнейшие морские порты (Санкт-Петербург, Одесса) и сухопутные пункты на западной границе (Варшава, Рига), через которые проходило до 60% импорта и 45% экспорта.	Прямое подчинение Департаменту внешней торговли, минуя окружное звено. Штат укомплектовывался наиболее опытными чиновниками, прошедшими специальную подготовку. Внедрение единых инструкций по досмотру и оценке товаров (например, обязательная экспертиза качества импортного текстиля).
Таможни второго класса	Региональные центры с умеренным товарооборотом (Архангельск, Астрахань, Таганрог), а также пограничные пункты в Средней Азии.	Подчинение таможенным округам, но с правом самостоятельного решения оперативных вопросов. Сокращённый штат, совмещение должностей (например, управляющий таможней одновременно отвечал за складирование).
Таможни третьего класса	Малые заставы на периферии (Сибирь, Дальний Восток), где объёмы торговли были незначительны.	Упрощённый документооборот — декларации заполнялись в одном экземпляре. Частичное использование местных кадров, не имевших специализированного образования.

Реорганизация таможенной системы в 1865–1869 гг. стала логическим продолжением либеральных преобразований Александра II, направленных на усиление централизации, повышение эффективности управления и адаптацию к растущим объёмам внешней торговли. Временные штаты 1865 г., позже утверждённые как постоянные (1869 г.), закрепили новую административно-территориальную структуру, разделив страну на 14 таможенных округов, но сохранив особый статус ключевых таможен.

Во второй половине XIX в. таможенное регулирование было направлено на усиление профессионализации управления и борьбу с контрабандой. Ключевым этапом стало принятие в 1857 г. принципа профессиональной компетентности, согласно которому руководящие должности в таможенной системе (начальники округов, управляющие таможнями) могли занимать только лица с опытом службы. Это способствовало формированию кадрового ядра, обладавшего специализированными знаниями, что соответствовало общей тенденции перехода от военизированных форм управления к светской, бюрократической модели.

Борьба с контрабандой стала центральным направлением реформ. В 1861 г. Пограничная стража начала комплектоваться рекрутами на общих основаниях с регулярными войсками, а в 1866

г. в Таможенный устав были включены нормы из «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», систематизировавшие законодательство о контрабанде.

Приступив к обязанностям министра финансов в 1862 г., М.Х. Рейтерн столкнулся с вполне определившейся таможенной политикой, базировавшейся на тарифе 1857 г. В своей программной записке 1866 г. он анализировал эту политику преимущественно через призму бюджетной стабильности. По его мнению, повышение доходов от таможен требовало стимулирования импорта, однако это грозило усилением оттока капитала и ослаблением рубля: «Рост таможенных сборов возможен лишь при увеличении ввоза товаров, что, в свою очередь, повысит внешние платежи, дестабилизируя денежное обращение и снижая курс векселей» [4, с. 174–198].

М.Х. Рейтерн отверг идею дальнейшего снижения пошлин, опасаясь подрыва зарождающейся отечественной промышленности. Он охарактеризовал действовавший тариф как «охранительный» — промежуточный между свободной торговлей и протекционизмом. Такой подход, по его утверждению, позволял одновременно ограничивать импорт критически важных товаров и пополнять казну. При этом министр подчёркивал, что сохранение тарифа 1857 г. остаётся ключевым условием

для развития промышленности, а его радикальная пересмотр в сторону либерализации – преждевременным шагом.

Однако практика показала ограниченную эффективность этой стратегии. С 1857 по 1868 гг. таможенные доходы выросли лишь незначительно – с 35,8 до 37 млн. рублей [16, с. 45, 49, 121]. М.Х. Рейтерн объяснял стагнацию массовой контрабандой: товары с высокими пошлинами ввозились нелегально, что сводило на нет фискальные цели тарифа. Этот кризис вынудил министра ускорить реформу таможенной системы.

В мае 1867 г. министр финансов М.Х. Рейтерн представил Александру II доклад, где обосновал необходимость пересмотра тарифа 1857 г. Официальные мотивы реформы включали два ключевых аспекта:

1. Увеличение таможенных доходов – критически важное для бюджета, ослабленного после Крымской войны и реформ 1860-х годов.
2. Либерализацию торговли – снижение административных барьеров для стимулирования экономической активности.

При этом М.Х. Рейтерн подчёркивал, что, несмотря на стремление к росту пошлин, российская промышленность всё ещё требовала «довольно значительного покровительства», чтобы достичь уровня европейских стран. Это противоречие между фискальными целями и промышленной политикой отражало двойственность его подхода.

Идеи были реализованы в новом тарифе 1868 года, разработанном под руководством товарища министра финансов Г.П. Неболсина [11].

Таможенный тариф 1868 г. сохранил протекторскую направленность, но включил элементы защиты национальных интересов. Снижение пошлин на сырьё и потребительские товары (на 16 статей – полная отмена, на 152 – уменьшение ставок), что стимулировало импорт и сократило контрабанду. Общий объём снижения составил 1.41 млн. руб., тогда как повышение затронуло лишь 35 статей (+0.26 млн руб.) [16, с. 45]. Увеличение сборов на промышленную продукцию – ввоз машин обложили пошлиной, а ставки на шерстяную и льняную пряжу, шёлковые ткани выросли. Это отражало влияние лоббистов из торгово-промышленных кругов [3, с. 78].

Несмотря на рост таможенных доходов до 53,32 млн руб. в год в 1868–1875 гг. (+50% к предыдущему периоду) [16, с. 91], либерализация тарифа 1868 г. привела к хроническому дефициту торгового баланса: в 1869–1876 гг. отрицательное сальдо достигло 75.6 млн. руб. ежегодно из-за масштабного импорта сырья и промышленного оборудования [15, с. 117].

Однако беспошлинный ввоз строительных материалов (действовавший до конца 1870-х гг.) стимулировал железнодорожное строительство: доля импортного металла в инфраструктурных проектах превышала 80%, обеспечив технологический рывок в транспортной сфере [3, с. 63].

Локальные успехи (рост обрабатывающих отраслей, модернизация транспорта) стратегии 1850–1870-х гг. не решили системных проблем:

- фискальная неудача: тарифы 1850 и 1857 гг. не обеспечили стабильного роста доходов казны;
- дисбаланс внешней торговли: даже при увеличении промышленного производства к 1876 г. сохранялась зависимость от импорта технологий [14, с. 204];

- социальные противоречия: удешевление потребительских товаров не компенсировало отставание в качестве отечественной продукции, что усиливало недовольство предпринимателей [16, с. 132].

С 1862 г. режим порто-франко во Владивостоке (на основании «Положения о порто-франко» 1862 г.) стимулировал беспошлинный ввоз товаров для освоения Дальнего Востока. После Пекинского договора 1860 г. Россия получила право беспошлинной торговли в Маньчжурии, что укрепило её позиции в Азии: к 1910 г. объём торговли с регионом превысил 200 млн. рублей.

Таким образом, таможенная политика 1860-х – 1870-х гг., сочетавшая либеральные и протекционистские меры, стала переходным этапом. Она заложила основы индустриализации, но не смогла преодолеть структурные ограничения аграрной экономики.

Мировой аграрный кризис 1870–1890-х гг. усилил зависимость бюджета от экспорта зерна. Правительство, стремясь увеличить валютные поступления, изымало хлеб у крестьян, что стало одной из причин голода 1891 г. К 1900 г. экспорт зерна вырос до 600 млн. пудов в год, но социальные издержки (обнищание деревни) подрывали стабильность.

Таможенные доходы выросли с 76 млн. руб. в 1877 г. до 240 млн. руб. в 1900 г. (25% бюджета), уступая лишь винной монополии. Однако политика критиковалась за:

- технологическую стагнацию – уральские заводы, защищённые тарифами, замедляли модернизацию;
- социальные дисбалансы – рост цен на импортные товары (сахар, ткани) ударил по населению;
- региональные противоречия – протекционизм в Европе контрастировал с либерализацией в

Азии.

Для дальневосточного и азиатского направления действовал ценовой тариф, утверждённый «Правилами о торговле с Китаем и Средней Азией» (1881 г.) [8, ст. 7]:

- беспошлинный ввоз чая через Кяхтинскую таможню (ст. 7);

- льготные пошлины на среднеазиатский хлопок (5% против 15% для европейского).

Углепромышленники Юга России через лобби в Коммерческом совете Министерства финансов добились трёхкратного повышения пошлин на английский уголь (1884-1887 гг.). Аналогично металлурги Урала, опираясь на «Проект защиты отечественного производства» (1889 г.), блокировали снижение тарифов на чугун.

На западных границах доминировал строгий протекционизм. Например, Тариф 1884-1887 гг. (на основании докладов Министерства финансов) трёхкратно повысил пошлины на английский уголь [13, с. 33], защищая добычу в Донецком бассейне. Даже дешёвый импортный уголь в черноморские порты ограничивался – это закреплёно в «Правилах ввоза иностранного угля» (1887 г., ст. 3).

В 1881 г. таможенные структуры Закавказского края и Кавказской губернии также вошли в состав Министерства финансов, что укрепляло единую фискальную политику на южных рубежах империи.

2 мая 1886 года таможенный надзор в Туркестанском генерал-губернаторстве был переведён в ведение Министерства финансов. Это решение закрепляло переход от военного управления к гражданскому контролю, что способствовало унификации таможенных процедур в регионе.

При министре финансов И.А. Вышнеградском (1887-1892) установлен окончательный курс на строгий протекционизм. Запретительный тариф [5, ст. 4, 7, 12] утверждённый 11 июня 1891 г. повысил пошлины на 63% ввозимых товаров, включая металлы, машины и нефтепродукты (ст. 15-22). Поддержку тарифу оказал Д.И. Менделеев, заявивший в работе «Толковый тариф» (1892 г.), что «без защиты отечественная промышленность будет раздавлена иностранной конкуренцией» [2, с. 90].

К 1890 году реформы дополнились созданием двух самостоятельных таможенных округов – Туркестанского и Семипалатинского, что отражало стремление усилить контроль над торговыми путями в Средней Азии.

Практически тариф положил начало новому подходу к таможенной политике. В нем была переработана редакция и номенклатура товаров.

Весь тариф разделялся на 10 групп – 218 статей. Увеличение размеров таможенных пошлин на ввозимые товары не раз в истории вызывало рост контрабанды.

Поэтому вслед за тарифом 1891 г. был издан таможенный устав 1892 г., по которому можно не только изучать систему таможенных учреждений России в конце XIX в., но и рассматривать законодательную базу по борьбе с контрабандой [12].

Если при Александре III правовое регулирование таможни опиралось на централизацию и протекционизм, то при Николае II внедряется комплексный правовой фундамент, усилив контроль, но также повысив прозрачность процедур. Это отражало смену приоритетов: от защиты внутреннего рынка к адаптации системы к глобальным экономическим и геополитическим вызовам начала XX века.

Строительство Сибирской железной дороги (1891-1916) радикально изменило экономический ландшафт региона, превратив его в транспортный коридор между Европой и Азией. К концу XIX в., когда магистраль начала функционировать на отдельных участках, резкий рост грузопотока – особенно сельскохозяйственной продукции сибирских крестьян, направлявшейся на запад, и импортных товаров из Китая – потребовал перестройки таможенной инфраструктуры.

Реформы С.Ю. Витте (1892-1903) дополнили протекционизм интеграцией в мировую экономику. Русско-германский торговый договор 1894 года (ратифицирован 20 февраля 1894 г.) снизил пошлины на зерно в обмен на льготы для российского экспорта [9, ст. 15-22]. К 1900 году доля импорта в потреблении металла сократилась с 67% до 28% [1, с. 156], но технологическое отставание уральских заводов, защищённых тарифами, стало критическим.

Устав 1892 года закрепил административное деление на 12 округов, включавших:

- 7 европейских округов (Санкт-Петербургский, Рижский, Вержболовский и др.), ориентированных на западную торговлю;

- 3 азиатских округа (Туркестанский, Семипалатинский, Закаспийский) – для контроля над среднеазиатскими маршрутами;

- 2 кавказских округа (Кутаисский и Бакинский), отвечавших за трансконтинентальные перевозки [12].

Эта система, сохранявшаяся почти без изменений до начала XX века, стала инструментом экономической консолидации окраин империи. Реформы отражали баланс между фискальными целями (увеличение доходов от пошлин) и стратеги-

ческими задачами – защитой границ и поддержкой отечественных производителей в условиях растущей мировой конкуренции.

Особое внимание уделялось Закаспийской области, где в 1892 г. был учреждён отдельный таможенный округ. Его создание связывали с необходимостью защиты границы от контрабанды и регулирования торговли с Ираном и Афганистаном.

Усиление экономических и политических вызовов потребовало модернизации системы охраны границ Российской империи. Рост международной торговли, активизация контрабанды (особенно алкоголя, оружия и наркотических веществ), а также необходимость противодействия шпионажу в условиях обострения международных отношений обусловили переход к военизированной модели пограничного контроля. Ранее пограничная стража, подчинявшаяся Департаменту таможенных сборов, совмещала фискальные и охранные функции, что снижало эффективность обеих сфер.

В 1899 г. для контроля над торговыми маршрутами были созданы таможенные первого класса в Челябинске, Тюмени и Красноярске – ключевых узлах железнодорожной сети.

К 1901 г. система расширилась за счёт учреждения аналогичных структур во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре, что укрепило контроль над Дальневосточным направлением, связанным с экспортно-импортными операциями через Тихий океан.

Конец XIX в. ознаменовался масштабными институциональными изменениями. В 1891 г. был принят «Свод Учреждений и Уставов Таможенных 1892 года», впервые введший понятие «квалифицированной контрабанды» с ужесточенными наказаниями. Этот документ расширил сферу таможенно-тарифного регулирования и заложил основы для регулярного мониторинга «тайнопровозчиков». Создание Отдельного корпуса Пограничной стражи в 1893 году стало важным шагом в разделении силовых и фискальных функций, усилив контроль над границами и став прообразом современных пограничных служб.

Начало XX в. характеризовалось адаптацией законодательства к новым экономическим вызовам. Таможенный устав 1904 г. впервые включил нормы о регулировании грузоперевозок по железным дорогам и установил трёхмильную морскую таможенную полосу, что способствовало снижению контрабанды в условиях роста грузопотока по Транссибу, а также изменил административную структуру ведомства. Во главе стоял Департамент таможенных сборов, подчинявшийся Министерству финансов, который координировал работу

околожных управлений (например, Рижского или Туркестанского округов). На местах действовали участковые управления, включавшие таможенные заставы, посты и пункты контроля. Каждое подразделение находилось под надзором управляющего и комплектовалось как государственными чиновниками (таможенными и канцелярскими), так и вольнонаёмными сотрудниками – досмотрщиками и слугами.

В 1906 г. таможенникам разрешили проводить личный досмотр пассажиров при подозрении на перевозку оружия, а в 1910 г. новый Устав расширил их полномочия: обыски и изъятие товаров разрешались в радиусе 100 вёрст от границы, а территориальные воды были увеличены до 12 миль. Эти меры отражали стремление империи укрепить фискальную систему, адаптироваться к глобальной конкуренции и защитить экономику от нелегальной торговли.

Формирование единой таможенной системы на Дальнем Востоке в начале XX в. стало ключевым элементом государственной стратегии, направленной на интеграцию региона в национальное экономическое пространство.

В 1910 г. таможенный надзор был установлен в портах Петропавловско-Камчатской области и Александровске Сахалинской области. В том же году в Приамурском таможенном округе были открыты Петропавловский и Александровский таможенные посты.

В 1913 г. произошла последняя реорганизация таможенной службы в царской России: упраздняются таможенные округа, вводятся 11 таможенных инспекторских участков, которым таможенные I класса подчиняются лишь в вопросах ревизии их деятельности, в остальном – непосредственное подчинение Департаменту таможенных сборов; расширяются права управляющих таможен, издаются новые штаты таможенных учреждений (в частности, вводятся должности ревизоров и контролёров, упраздняются должности членов таможен). В этот период таможенная система России насчитывала 403 таможенных учреждения со штатом 9 574 человека.

К 1914 г. таможенная система достигла высокой централизации, но Первая мировая война («Временные правила о военно-таможенном регулировании» 1914 г.) и революции разрушили её структуру. Тем не менее, опыт имперской политики лёг в основу советского внешнеторгового контроля 1920-х гг.

Первая мировая война нанесла удар по таможенной системе: 75% европейской границы оказались в зоне боевых действий, что парализовало

работу постов и прервало традиционные торговые маршруты.

Учреждения, сохранившие функциональность, были вынуждены переключиться на военные задачи, в частности на контроль перемещения стратегических грузов и предотвращение шпионажа.

Таким образом, реформы периода 1857-1910 гг. не только модернизировали таможенную инфраструктуру, но и заложили основы для последующего развития государственного управления в сфере внешней торговли.

Таможенная политика и регулирование в Российской империи второй половины XIX начала XX вв. представляли собой динамичную систему, отражавшую экономические, политические и социальные трансформации эпохи.

Во второй половине XIX в., в условиях либеральных реформ Александра II, таможенная политика эволюционировала в сторону умеренного протекционизма. Введение либерального тарифа 1857 г. стало ответом на потребности растущей промышленности в импорте технологий и сырья, а также на давление со стороны торговых держав. К концу века, особенно при Александре III, произошёл возврат к защитным мерам (тарифы 1891 г.), что было связано с курсом на индустриализацию и необходимостью конкурировать с западными товарами.

Выводы

Структура таможенных органов также претерпела значительные изменения: создание специализированных институтов и дальнейшее усиление контроля через Министерство финансов. К началу XX в. таможня стала важным инструментом бюджетного наполнения, обеспечивая до 15-20% доходов казны.

Однако эффективность таможенного регулирования ограничивалась институциональными проблемами: коррупцией, недостатком квалифицированных кадров и контрабандой. Несмотря на рост промышленного экспорта к концу века, экономика сохраняла зависимость от аграрного сектора, что подчёркивало противоречивость модернизации.

Таким образом, таможенная политика XIX в. стала зеркалом российской модернизации, балансируя между протекционизмом и либерализацией. Её эволюция демонстрирует попытки империи адаптироваться к вызовам глобальной экономики, сохраняя при этом внутреннюю стабильность. Накопленный опыт и системные противоречия предопределили необходимость глубоких преобразований в таможенной сфере уже в начале XX в., на фоне нарастающих социально-экономических кризисов.

Список источников

1. Лапаева Л.В. Возникновение и развитие металлургической промышленности в России (до 1917 г.) // Вестник ОГУ. 2005. С. 52 – 62.
2. Менделеев Д.И. Толковый тариф. СПб.: Тип. В. Демакова, 1892. 90 с.
3. Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М.: ИМО, 1947. 412 с.
4. Рейтерн М.Х. Докладные записки о финансовом положении России, представленные великому князю Константину Николаевичу // Река времен: книга истории и культуры. Кн. 5. М., 1996. С. 174 – 198.
5. Российская империя. Запретительный тариф: [утвержден 11 июня 1891 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб., 1891. Т. 11. № 7519. 1410 с.
6. Российская империя. Именной указ о едином таможенном тарифе: [от 13 октября 1850 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1850. Т. 25. № 24533. 712 с.
7. Российская империя. Поправки к таможенному законодательству: [от 12 июля 1856 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб., 1856. Т. 31. № 30675. 1103 с.
8. Российская империя. Правила о торговле с Китаем и Средней Азией: [от 15 марта 1881 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб., 1881. Т. 56. № 61234. 822 с.
9. Российская империя. Русско-германский торговый договор: [заключен 21 марта 1894 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб., 1894. Т. 14. № 10678. 1529 с.
10. Российская империя. Таможенный устав: [утвержден 14 ноября 1857 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб., 1857. Т. 32. № 31789. 864 с.
11. Российская империя. Таможенный устав: [утвержден 28 мая 1868 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб., 1868. Т. 43. № 45823. 1311 с.
12. Российская империя. Таможенный устав 1892 года: [утвержден 14 июня 1892 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб., 1892. Т. 12. № 8709. 1386 с.
13. Российская империя. Тариф 1884-1887 гг.: [на основании докладов Министерства финансов] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб., 1887. Т. 7. № 4567. 1158 с.

14. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2022. 194 с.
15. Старовойтова Е.Н., Долидович О.М. История таможенного дела и таможенной политики России: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 159 с.
16. Тихонов Ю.А. Таможенная политика Российской империи в XIX веке. М.: Наука, 2015. 320 с.

References

1. Lapaeva L.V. The emergence and development of the metallurgical industry in Russia (before 1917). Bulletin of OSU. 2005. P. 52 – 62.
2. Mendeleyev D.I. Explanatory tariff. SPb.: Type. V. Demakova, 1892. 90 p.
3. Pokrovsky S.A. Foreign trade and foreign trade policy of Russia. Moscow: IMO, 1947. 412 p.
4. Reiter M.Kh. Reports on the financial situation of Russia, submitted to Grand Duke Konstantin Nikolaevich. River of Time: Book of History and Culture. Book 5. Moscow, 1996. P. 174 – 198.
5. Russian Empire. Prohibitory tariff: [approved on June 11, 1891]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. St. Petersburg, 1891. Vol. 11. No. 7519. 1410 p.
6. Russian Empire. Personal decree on a single customs tariff: [dated October 13, 1850]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. – St. Petersburg: Type. II Department of the Own. His Imperial Majesty's Chancellery, 1850. Vol. 25. No. 24533. 712 p.
7. Russian Empire. Amendments to customs legislation: [dated July 12, 1856]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. St. Petersburg, 1856. Vol. 31. No. 30675. 1103 p.
8. Russian Empire. Rules on Trade with China and Central Asia: [dated March 15, 1881]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. St. Petersburg, 1881. Vol. 56. No. 61234. 822 p.
9. Russian Empire. Russo-German Trade Treaty: [concluded on March 21, 1894]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. St. Petersburg, 1894. Vol. 14. No. 10678. 1529 p.
10. Russian Empire. Customs Regulations: [approved on November 14, 1857]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. St. Petersburg, 1857. Vol. 32. No. 31789. 864 p.
11. Russian Empire. Customs Regulations: [approved May 28, 1868]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. St. Petersburg, 1868. Vol. 43. No. 45823. 1311 p.
12. Russian Empire. Customs Regulations of 1892: [approved June 14, 1892]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. St. Petersburg, 1892. Vol. 12. No. 8709. 1386 p.
13. Russian Empire. Tariff 1884-1887: [based on reports of the Ministry of Finance]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. St. Petersburg, 1887. Vol. 7. No. 4567. 1158 p.
14. Sobolev M.N. Customs policy of Russia in the second half of the 19th century. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2022. 194 p.
15. Starovoitova E.N., Dolidovich O.M. History of customs affairs and customs policy of Russia: textbook for universities. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 159 p.
16. Tikhonov Yu.A. Customs policy of the Russian Empire in the 19th century. Moscow: Nauka, 2015. 320 p.

Информация об авторах

Воробьева Н.В., доктор исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3494-4635>, Омский государственный университет путей сообщения, 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35, nat.vorobiova@gmail.com

Андрияко Н.А., Омский государственный университет путей сообщения, 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35), makita_98@icloud.com

© Воробьева Н.В., Андрияко Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(430)

Сумптуарные законы в Нюрнберге XV века

¹ Моисеев Н.Д.,
¹ Тюменский государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию и анализу источников средневекового права, касающихся сумптуарных законов в городе Нюрнберге в XV веке. В рамках статьи проводится детальный анализ законодательных актов и прочих источников, относящихся к регулированию одежды и роскоши в данном городе. Также осуществляется сравнительный анализ этих сумптуарных законов с аналогичными законами в итальянских городах-государствах. Основное внимание уделяется выявлению общих тенденций, особенностей и различий в законодательстве о сумптуарных нормах. В статье также предпринимается попытка выявить факторы и причины, побудившие появление сумптуарных законов, как в Нюрнберге, так и в итальянских городах. Исследование важно для понимания социокультурного контекста и роли сумптуарных законов в средневековом обществе.

Ключевые слова: Сумптуарные законы, Нюрнберг, нюрнбергское городское право, Средневековое право, Итальянские города-государства, Регулирование одежды, Социокультурный контекст

Для цитирования: Моисеев Н.Д. Сумптуарные законы в Нюрнберге XV века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 239 – 244.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Sumptuary laws in Nuremberg in the XVth century

¹ Moiseev N.D.,
¹ University of Tyumen

Abstract: the article focuses on the analysis of medieval legal sources concerning sumptuary laws in the city of Nuremberg during the 15th century. The article conducts a thorough examination of legislative acts and other sources related to regulating clothing and luxury within the city. Additionally, a comparative analysis is conducted between these sumptuary laws and similar laws in Italian city-states. The article seeks to identify common trends, peculiarities, and differences in legislation regarding sumptuary norms. Furthermore, an attempt is made to uncover the factors and reasons that prompted the emergence of sumptuary laws both in Nuremberg and in Italian cities. This research contributes to understanding the socio-cultural context and the role of sumptuary laws in medieval society.

Keywords: Sumptuary laws, Nuremberg, Nuremberg City Law, Medieval law, Italian city-states, Clothing regulation, Socio-cultural context

For citation: Moiseev N.D. Sumptuary laws in Nuremberg in the XVth century. Historical Bulletin. 2025. 8 (4). P. 239 – 244.

The article was submitted: February 18, 2025; Approved after reviewing: April 15, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Взгляд Шарля Луи де Монтескье на человеческую психологию, выраженный в цитате "люди, которые имеют перед глазами только или богачей или таких же бедняков, как они сами, ненавидят свою бедность, не любя и не ведая того, что составляет середину между бедностью и богатством", находит отражение в истории через так называемые "Законы о роскоши" [2, с. 48]. В разные эпохи люди стремились управлять этой вечной гранью сравнения, регулируя роскошь законами и нормами общества.

С начала времен общества наблюдали искушение роскоши как источника несправедливого неравенства и обострения социальных различий. От Древнего Рима до средневековой Европы и современности, сумптуарные законы или "законы о роскоши" вносили важные элементы в правовой порядок, воздействуя на психологию и поведение индивидов. Они отражали попытку общества контролировать индивидуальные амбиции и желания, чтобы сохранить баланс между различными слоями. Эти законы становились частью культурных, религиозных и социальных норм, влияя на восприятие роскоши и определяя правовой статус личности.

Но не стоит настолько идеализировать законодателя. Подобные законы не являлись только средством борьбы за нравственность – в диссертации под авторством Квашинина В.А. был выявлен и другой более меркантильный мотив законодателя. По его мнению, древние общества, организованные в формате гражданских общин, сталкивались с финансовой проблемой во времена войн. Государство не имело возможности просто конфисковывать необходимые для военных кампаний ресурсы у своих граждан. Вместо этого власти вынуждены были изобретать хитрые механизмы, чтобы побудить граждан добровольно, но с некоторой "принудительной" подоплекой, вносить излишки в государственную казну, способствуя войнам. Важной составляющей стали законы о роскоши, введенные в период Ганнибаловой войны. Эти законы создавали особый контекст для общественного мнения и призывали граждан к определенным материальным вкладам. Помимо того, государство активно применяло разнообразные формы литургических повинностей и займов, чтобы обеспечить не только средства для ведения войн, но и поддержание социально-экономической гармонии [1, с. 63].

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий историко-правовой, культурологический и социологический анализ. В качестве основного метода использовался сравнительно-исторический анализ источников, включающих средневековые правовые акты, такие как нюрнбергские и итальянские сумптуарные законы, а также нормативные документы, касающиеся регулирования одежды и украшений в различных европейских городах XIV-XVI веков. Дополнительно были проанализированы вторичные источники – труды современных исследователей, специализирующихся на правовой истории, социальной стратификации и гендерной политике Средневековья. Метод контент-анализа позволил выявить повторы, ограничения и цели законодательных инициатив, а также сопоставить их с социальным контекстом. В процессе работы использовалась выборка конкретных законов, зафиксированных в архивных сборниках и академических публикациях, с целью их последующей классификации по типам запретов, затрагиваемым социальным группам и видам санкций, что позволило сделать выводы о мотивации и последствиях введения сумптуарных норм.

Результаты и обсуждения

Стоит разобраться в назначении сумптуарного законодательства в более поздние периоды. В средневековой Европе, например, сумптуарные законы приобретали множество форм, устанавливая жесткие рамки для потребления. Такие законы были попыткой сгладить социальные различия и установить "середину между бедностью и богатством". Люди верили, что регулирование роскоши поможет уменьшить зависть и ненависть, сгладить разрыв между классами и сделать общество более сбалансированным.

Из всех городов, которые сохранили наиболее глубокий след сумптуарного регулирования, можно выделить Нюрнберг. Этот город стал своеобразным памятником не только благодаря сами текстам сумптуарных законов, но и визуальным артефактам, таким как работы Альбрехта Дюрера, передавшего внешний вид тех, на кого действовали соответствующие законы.

Примеры конкретных сумптуарных законов включают в себя различные ограничения: на использование драгоценных камней, меха, золота и серебра в одежде и украшениях.

Важным аспектом были ограничения на размеры и формы одежды. Например, в 1485 году в

Нюрнберге был принят закон, регулирующий свадебную одежду, который применялся к "обычным людям" («Common man» в противовес «honorable»). В этих нормативах были предписаны определенные ограничения на выбор тканей и цветов для свадебных нарядов в зависимости от социального положения. Это свидетельствует о важности социального разграничения и, в следствие, визуального отображения статуса человека.

Ещё одним примером может служить закон о ношении ливреи, введенный в Нюрнберге в 1522 году. Этот закон запрещал городским слугам и слугам частных лиц носить ливреи, чтобы избежать путаницы в социальных рангах и обозначениях [8, с. 130].

Также в XIV-XV веках эти нормативы вводили запреты. В XIV-XV веках в Нюрнберге были установлены законы, ограничивающие чрезмерную роскошь в одежде у мужчин и женщин. Эти законы были предназначены для контроля за тратами на одежду и украшения, а также для поддержания социальной дисциплины.

Согласно этим законам:

1. Мужчинам и женщинам было запрещено носить:

- Серебряные пояса стоимостью больше полмарки серебром.
- Серебряные карманы, итальянские ножи и обувь с разрезами.
- Сюртуки с разрезами внизу или у рукавов.
- Четки стоимостью более 12 геллеров, разрешено носить четки лишь спереди у боков.

2. Мужчинам и женщинам было запрещено носить украшения (застежки, пряжки, кольца, лутовки) на рукавах выше локтя. За нарушение штрафа составлял 1 фунт геллеров.

3. Женщинам бюргеров, их вдовам и дочерям было запрещено носить покрывала или косынки длиннее чем в 4 ряда, с концами, лежащими спереди на голове. В случае несоблюдения правила, предусматривался штраф.

4. Запрещалось женам и вдовам бюргеров носить ткань "райцен" цвета, отличного от белого и красного.

5. Бюргершам было запрещено носить платья из цинделя, шелка или с серебряной/золотой оторочкой.

6. Женщинам и вдовам бюргеров, а также молодым девушкам было запрещено иметь более двух цельных меховых одежд.

7. Женщинам бюргеров запрещалось носить горностаевые шубы под одеждой или в другом виде. Нарушители платили штраф в пользу города.

8. Женщинам, вдовам или дочерям бюргеров было запрещено переплетать волосы драгоценными материалами.

9. Бюргерам запрещалось носить жесткое или блестящее красное полотно "штер", за исключением лиц старше 50 лет.

10. Мужчинам и женщинам было запрещено носить пробор на голове; следовало носить вихры.

11. Бюргерам было запрещено носить венецианское сукно.

За нарушение этих правил предусматривались штрафы в пользу города [3, с. 65-67].

Можно предположить, что у всех перечисленных запретов имеется свое назначение, начиная от нравственных или религиозных запретов на особенно праздный внешний вид, заканчивая протекционистскими мерами, связанными с запретами на ношение вещей «чужеземного» происхождения. Для понимания назначения подобных запретов предлагается обратить внимание на общеевропейский контекст, а именно на другие примеры применения законов о роскоши в соседних регионах описываемого периода.

Наиболее интересным окажется опыт итальянских городов, в которых законы о роскоши действовали в период с XIII по XVI век, и были направлены на регулирование того, какие виды одежды и украшений могли носить люди определенного социального статуса или пола.

Например, в городе Флоренция были запрещены некоторые виды тканей, такие как шелк, бархат и золотая ткань, а также установлены ограничения на количество и стоимость одежды и украшений, которые можно было носить: были запрещены шубы и шляпы. Эти законы были часто связаны с религиозными и моральными убеждениями, а также с экономическими соображениями, такими как сохранение богатства и предотвращение излишеств в потреблении [10, с. 64].

В 1343 году в городе Сиена был введен в действие статут Statuto del Donnaio – законодательный акт, который проливал свет на вопросы умеренности и изысканности в одежде и украшениях [5, с. 24]. Этот документ ставил перед собой цель регулировать не только количество, но и типы материалов, а также декоративные элементы, используемые в одежде и аксессуарах.

В соответствии с его положениями, были введены строгие ограничения на использование драгоценных металлов, таких как золото и серебро, в тканях и украшениях. Таким образом, статут пресекал явное пышное и разгульное украшательство.

Также были введены нормы относительно палитры цветов, допустимых в одежде. Например, женщинам было запрещено носить одежду ярко-

красного оттенка, в то время как мужчины должны были воздерживаться от одежды зеленого цвета. Эти ограничения служили своего рода ограничителями эмоциональной окраски в одежде.

Важной частью статута были и регуляции по поводу аксессуаров, таких как головные уборы, перчатки и обувь. Примечательно, что использование драгоценных металлов в аксессуарах было запрещено, а вопрос о числе обувных пар ограничивался не более чем одной.

Соблюдение статута обеспечивалось через введение наказаний за его нарушение. Например, нарушителей, использующих запрещенные материалы и декорации, могли оштрафовать на сумму до 100 флоринов, что служило сдерживающим фактором и подчеркивало важность соблюдения этих норм [6, с. 159].

Другим мотивом введения сумптуарных законов являлась необходимость быстрой и безошибочной идентификации населения или его определенных слоев, социальных групп, профессий. В эпоху Ренессанса в Италии еврейское население подвергалось утвержденным нормами обязательствам по одежде и украшениям, направленным на явное выделение их среди христианской общины. Евреев строили в ограничительные рамки, их наряды оказывались детерминированы не только эстетическими соображениями, но и социальной принадлежностью.

Законы сумптуарного регулирования накладывали явные ограничения на выбор цветовой палитры и использование драгоценных камней для еврейской общины. Помимо того, им было запрещено носить головные уборы, маскирующие волосы. Вместо этого, им предписывалось использовать узнаваемые головные уборы, а также выделяться круглыми значками ярких красных или желтых оттенков на одежде, которые явно выделяли их среди христиан. Эти меры носили стратегический характер, направленный на создание визуальной дистинкции и предотвращение социального и экономического взаимодействия.

Посегательство на эти нормы имело тяжелые последствия. Евреи, не соблюдавшие регламентацию, подвергались штрафам, а имущество могло быть изъято. В целях публичного извинения и визуальной маркировки нарушителей могли вынуждать носить определенные обозначения на одежде, устанавливая видимый разрыв с окружающей общиной. Ситуации могли принимать более серьезный оборот: от арестов и заключения в тюрьму до подвергания насмешкам и оскорблениям со стороны христианской среды. Таким образом, соблюдение данных законов приобретало далеко идущие социокультурные последствия и

негативно отражалось на положении евреев в том времени [7, с. 14].

По мнению исследователей, таких как Томас М. Избицки, причиной запретов, накладываемых на некоторую женскую одежду, было желание церкви бороться с роскошью и показухой, которые они считали греховными. Эти запреты были введены в разных городах Италии, включая Флоренцию, Сиену, Падую и другие.

В разных городах были разные законы и правила, но общая тенденция заключалась в том, чтобы ограничить женскую одежду и украшения, чтобы они не привлекали слишком много внимания и не вызывали соблазн. Женщины были обязаны носить покрывало на голове в присутствии епископа, и им запрещалось говорить в церкви. Женщинам также запрещалось носить украшения, такие как драгоценные камни, жемчуг и золото, за исключением одного или двух колец. Они могли носить одежду из шерсти или шелка одного или двух цветов без золотых украшений или лент. Если покупка такой одежды, украшенной металлом, не удовлетворяла желаниям женщин, то они могли носить кисточку из золотой нити стоимостью 3 флорина. Головные платки на всех этих одеждах должны были быть скромными и не показывать ничего, кроме шеи. Они не должны были тянуть за собой плащ длиной два браччо (Браччо (braccio – итал.) – это мера длины ткани, которая использовалась в средневековой и Ренессансной Италии. Браччо (Венеция) = 0,683 м., Браччо (Генуя) = 0,58 м) по земле. Нарушители законов подвергались анафеме и считались бесчестными [9, с. 40-42].

В позднем средневековье сумптуарные законы, регулирующие одежду, украшения и другие элементы внешности, не были уникальным явлением. Эти нормативные акты нашли свое отражение и в других регионах, проливая свет на сложные социокультурные аспекты общества. Например, в Англии [4], Германии даже в Эстонии 17 века [9] такие законы существовали и оказывали влияние на облик и структуру социума.

Выводы

В итоге, исследование сумптуарных законов 15 века в Нюрнберге и сравнительный анализ с аналогичными законами в северной Италии подчеркивают многогранность мотивов, лежащих в основе регулирования внешнего облика в средневековом обществе. В статье были выделены несколько потенциальных причин введения таких законов.

Во-первых, средневековые сумптуарные законы могли иметь моральное и религиозное обоснование, особенно в отношении женщин. Религиозные аспекты могли вдохновлять запреты на слиш-

ком яркую или вызывающую одежду, стремясь подчеркнуть скромность и целомудрие.

Во-вторых, практические соображения также играли роль в регулировании одежды и украшений. Удобство, особенно в повседневной жизни, могло вдохновить ограничения на размеры и формы одежды.

В-третьих, экономические аспекты стали значимой причиной для введения сумптуарных законов. Ограничение использования дорогих материалов, драгоценных камней и металлов могло способствовать сдерживанию чрезмерного потребления и подчеркивать социальные различия.

Политические мотивы также не следует пренебрегать. Запрет на ношение товаров "врага" мог служить способом контроля над информацией и укрепления национальной идентичности.

Сумптуарные законы, несомненно, играли важную роль в идентификации социального статуса и сословия в средневековом обществе. Они позволяли четко разграничивать простолюдинов и благородных, подчеркивая иерархию и структуру власти.

Не менее важной причиной было узнавание евреев. Сумптуарные законы часто включали запреты на носить определенные виды одежды или украшений, что делало евреев легко узнаваемыми и способствовало изоляции этой группы.

В целом, анализ сумптуарных законов в Нюрнберге и других регионах позволяет более глубоко понять сложные аспекты средневекового общества. Эти законы не только отражали нормы и ценности того времени, но и стали инструментами контроля, манифестирующими взаимодействие религии, политики, экономики и социальной структуры.

В эпоху современной России ситуация тоже имеет отражение. Политика налогообложения и регулирования роскоши направлена на управление восприятием социального неравенства и сдерживание попыток экстремального потребления. Налоги на роскошные товары и услуги, а также законы, контролирующие рынок роскоши, направлены на достижение баланса между богатством и бедностью, а также на создание более справедливого общества.

Список источников

1. Де Монтескье Ш.Л. О духе законов. Москва: РИПОЛ классик, 2019. 690 с.
2. Квашинин В.А. Ранние Законы о Роскоши в Древнем Риме: Дис.докт.ист.наук. Вологда, 2015. 498 с.
3. Baader J. (ed.). Nürnberger Polizeiordnungen: aus dem XIII bis XV Jahrhundert. Litterarischer Verein, 1861. T. 63. 340 p.
4. Baldwin F.E. Sumptuary Legislation and Personal Regulation in England (Ph. D. Thesis) // Johns_Hopkins_University. 923. 355 с.
5. Ceppari Ridolfi M.A., Turrini P. Il mulino delle vanità lusso e cerimonie nella Siena medievale : con l'edizione dello Statuto del Donnaio, 1343. Il Leccio, 1993. 256 с.
6. Esposito A. La normativa suntuaria romana tra Quattrocento e Cinquecento. L. Palermo, Viella, Roma, 2005. P. 147 – 179.
7. Farrell J. An Examination of Sumptuary Laws, Presentation of Costume, and Jewish Identities in Renaissance Italy // Technologies of Visualization Niall Atkinson. 2013. 24 с.
8. Greenfield K.R. Sumptuary Law in Nürnberg: A Study in Paternal Government (Ph. D. Thesis). Baltimore, Md., 1915. 139 p.
9. Izbicki T.M. Failed Censures: Ecclesiastical Regulation of Women's Clothing in Late Medieval Italy. Boydell Press, 2009. P. 38 – 53.
10. Muzzarelli M.G. Statuts et identités. Les couvre-chefs féminins (Italie centrale, xve-xvie siècle) // Clio. Histoire, femmes et sociétés. 2012. Vol. 36. № 2. P. 67 – 89.
11. Pajur. A. Costume and Control: Sumptuary Laws and Social Order in Seventeenth-Century Tallinn // Historiska institutionen Uppsala universitet. 2014. 85 p.

References

1. De Montesquieu S.L. On the Spirit of the Laws. Moscow: RIPOL classic, 2019. 690 p.
2. Kvashinin V.A. Early Luxury Laws in Ancient Rome: Dis. dokt. hist. nauk. Vologda, 2015. 498 p.
3. Baader J. (ed.). Nürnberger Polizeiordnungen: aus dem XIII bis XV Jahrhundert. Literary Society, 1861. Vol. 63. 340 p.
4. Baldwin F.E. Sumptuary Legislation and Personal Regulation in England (Ph. D. Thesis). Johns_Hopkins_University. 923. 355 p.
5. Ceppari Ridolfi M.A., Turrini P. Il mulino delle vanità lusso e cerimonie nella Siena medievale: con l'edizione dello Statuto del Donnaio, 1343. Il Leccio, 1993. 256 p.

6. Esposito A. La normativa suntuaria romana tra Quattrocento e Cinquecento. L. Palermo, Viella, Roma, 2005. P. 147 – 179.
7. Farrell J. An Examination of Sumptuary Laws, Presentation of Costume, and Jewish Identities in Renaissance Italy. *Technologies of Visualization* Niall Atkinson. 2013. 24 p.
8. Greenfield K.R. Sumptuary Law in Nürnberg: A Study in Paternal Government (Ph. D. Thesis). Baltimore, Md., 1915. 139 p.
9. Izbicki T.M. Failed Censures: Ecclesiastical Regulation of Women's Clothing in Late Medieval Italy. Boydell Press, 2009. pp. 38 – 53.
10. Muzzarelli M.G. Statutes et identités. Les couvre-chefs féminins (Italie centrale, xve-xvie siècle). *Clio. Histoire, femmes et sociétés*. 2012. Vol. 36. No. 2. P. 67 – 89.
11. Pajur. A. Costume and Control: Sumptuary Laws and Social Order in Seventeenth-Century Tallinn. *Historiska institutionen Uppsala universitet*. 2014. 85 p.

Информация об авторе

Моисеев Н.Д., аспирант, Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6, moiseeff-97@yandex.ru

© Моисеев Н.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Социально-политический портрет депутатского корпуса Орловской губернии в I государственной думе России начала XX века: структура, происхождение и политическая активность

¹ *Калитин И.Р.,
Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина*

Аннотация: в статье рассматривается формирование и социально–политический состав депутатского корпуса Орловской губернии в I Государственной Думе Российской империи. На основе анализа избирательного законодательства России начала XX века, особенностей куриальной системы и биографических данных депутатов выявляются ключевые тенденции представительства различных социальных слоев исследуемого региона в Государственной Думе Российской империи I созыва. Особое внимание уделяется процедурам избрания по куриям, что обусловило преобладание крестьянства среди депутатов, а также ограниченность участия городских и рабочих слоев.

Представители крестьянства, несмотря на скромное образование и тяжелые жизненные условия, проявили высокую степень политической активности, что выражалось в их участии в аграрных комиссиях и многочисленных депутатских запросах. В то же время, среди депутатов выделяются фигуры дворян и интеллигенции, обладающие значительным образовательным и общественным капиталом, что способствовало формированию либерального и реформаторского направления в деятельности депутатов I созыва Государственной Думы.

Анализ биографий и парламентской активности депутатов Орловской губернии позволяет сделать вывод о сложной социальной структуре российского общества начала XX века, а также о противоречиях и ограничениях, заложенных в избирательной системе того времени. Работа подчеркивает, что несмотря на институциональные барьеры и социальное неравенство, участие представителей низших слоев в парламентской деятельности стало важным шагом на пути к демократизации политической жизни страны.

Ключевые слова: история, Россия, I Государственная Дума, Орловская губерния, избирательная система, курия, политическая активность, социальная структура, биографический анализ

Для цитирования: Калитин И.Р. Социально-политический портрет депутатского корпуса Орловской губернии в I государственной думе России начала XX века: структура, происхождение и политическая активность // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 245 – 254.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Social and political portrait of the deputy corps from the Oryol province in the First State Duma of Russia at the beginning of the twentieth century: structure, origin and political activity

¹ Kalitin I.R.,

¹ Bunin Yelets State University

Abstract: the article examines the formation and socio-political composition of the deputy corps of the Oryol province in the First State Duma of the Russian Empire. Based on the analysis of the electoral legislation of Russia at the beginning of the 20th century, the features of the curial system and the biographical data of the deputies, the key trends in the representation of various social strata of the studied region in the State Duma of the Russian Empire of the first convocation are identified. Particular attention is paid to the procedures for election by curiae, which determined the predominance of the peasantry among the deputies, as well as the limited participation of urban and working classes.

Representatives of the peasantry, despite their modest education and difficult living conditions, showed a high degree of political activity, which was expressed in their participation in agrarian commissions and numerous deputy inquiries. At the same time, among the deputies, there are figures of the nobility and intelligentsia with significant educational and social capital, which contributed to the formation of a liberal and reformist direction in the activities of the deputies of the first convocation of the State Duma.

An analysis of the biographies and parliamentary activity of the deputies of the Oryol province allows us to draw a conclusion about the complex social structure of Russian society at the beginning of the 20th century, as well as about the contradictions and limitations inherent in the electoral system of that time. The work emphasizes that despite institutional barriers and social inequality, the participation of representatives of the lower strata in parliamentary activity became an important step towards the democratization of the country's political life.

Keywords: history, Russia, the First State Duma, the Oryol province, electoral system, curia, political activity, social structure, biographical analysis

For citation: Kalitin I.R. Social and political portrait of the deputy corps from the Oryol province in the First State Duma of Russia at the beginning of the twentieth century: structure, origin and political activity. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 245 – 254.

The article was submitted: February 18, 2025; Approved after reviewing: April 15, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Изучение биографий и деятельности отдельных личностей позволяет глубже понять исторические процессы, происходившие в определенный период. Судьбы политических деятелей, их взгляды, поступки и участие в ключевых событиях нередко остаются в тени масштабных исторических изменений. Однако именно через призму биографического анализа можно выявить особенности эпохи, понять мотивацию и характер действий людей, которые формировали политическую и общественную жизнь своего времени.

Биографический подход в исторических исследованиях открывает новые возможности для изучения политической культуры, социальных процессов и закономерностей поведения представителей власти. Анализируя деятельность конкретных личностей, можно изучить, как их социальный статус и деятельность до избрания в Думу влияли на дальнейшую политическую predisposition

ность к определенным фракциям внутри нее. Такой подход позволяет взглянуть на историю «снизу», через призму индивидуального опыта, что особенно важно для понимания сложных и переломных периодов.

Материалы и методы исследований

Основу источниковой базы составили стенографические отчеты заседаний Государственной Думы первого созыва Российской империи начала XX века, а также их указатели, которые предоставляли подробную информацию о парламентской активности, выступлениях и инициативах депутатов. Для реконструкции биографических данных и социального портрета депутатов использовались специализированные справочники и биографические сборники, такие как: «Члены Государственной думы = Наши депутаты» (составитель М.М. Боиович) [12] и «Первая Государственная дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Гос. Думы» [7], что позво-

лило проследить их жизненный путь, образовательный и профессиональный уровень, а также политическую принадлежность.

Важным компонентом источникового комплекса стали законодательные акты и официальные документы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи» [8] и в «Учреждение Государственной Думы» [11], которые позволили проанализировать правовые основы формирования Думы, избирательные процедуры и специфику будущей законотворческой деятельности. Для более глубокого понимания политического контекста данных событий были привлечены публикации очевидцев того периода, а именно будущих депутатов Государственных Дум II и III созывов: Александра Александровича Стаховича – «Как и кого выбирать в Государственную Думу» [9] и Павла Николаевича Милюкова – «Год борьбы» [1].

Анализ этих источников осуществлялся с применением биографического метода, позволившего рассмотреть исторические процессы через призму индивидуальных судеб и личного опыта участников политической жизни. Историко-сравнительный анализ использовался для сопоставления биографий и политических позиций депутатов, а контент-анализ стенографических отчетов – для выявления ключевых тем, риторических стратегий и особенностей парламентской деятельности.

Результаты и обсуждения

Политические и социальные изменения, происходившие в Российской империи в начале XX века, оказали значительное влияние на все слои общества, примером данного стало решение об учреждении Государственной Думы, предначертанный законами 6 августа 1905 года [6], однако данное не смогло полностью решить социальный конфликт в рамках целой страны, так как исходя из исследования Леонтовича Виктора Владимировича: «широкие круги общественности спорили лишь о том, надо ли просто бойкотировать эту Думу или использовать ее как новое орудие борьбы против самодержавия» [5, с. 346].

Этот период характеризуется не только трансформацией государственного устройства, но и изменением общественных настроений, что нашло отражение в повседневной жизни различных социальных групп. В условиях нарастающего кризиса самодержавия и усиления общественного запроса на реформы, политическая активность населения России начала XX века возрастала, что, в свою очередь, способствовало формированию новых общественных институтов и появлению новых фигур на политической арене.

Особое место в этом процессе занимали представители разных слоев общества, которые стали основой для формирования будущей I Государственной Думы начала XX века. Эти люди, зачастую с разным социальным происхождением, уровнем образования и политическими взглядами, стали отражением сложной и многогранной картины российского общества того времени.

В соответствии с положениями избирательных законов от 6 августа и 11 декабря 1905 года выборы депутатов происходили не напрямую, а через избрание выборщиков отдельно по четырем куриям – землевладельческой, городской, рабочей и крестьянской. Для первых трех курий выборы были двухступенчатые, для третьей – четырехступенчатые.

В соответствии со статьей 12 «Положения о выборах» 1905 года [11, с. 3] и приложением к ней, для представителей землевладельческой курии было необходимо выполнить условия, что бы они могли учувствовать в съезде уездных земледельцев в Орловской губернии, а именно пройти порог земельного ценза, который для уездов данного региона был следующим: «Орловский – 150 десятин земли, Болховский – 200 дес. зем., Брянский – 250 дес. зем., Дмитровский – 250 дес. зем., Елецкий – 125 дес. зем., Карачевский – 225 дес. зем., Кромской – 175 дес. зем., Ливенский – 125 дес. зем., Малоархангельский – 125 дес. зем., Мценский – 175 дес. зем., Трубчевский – 250 дес. зем., Севский – 225 дес. зем.» [11, с. 27].

В соответствии со статьей 16 «Положения о выборах» 1905 года [11, с. 4], участие в съездах городских избирателей предоставлялось определенным категориям лиц. Прежде всего, это были те, кто владел недвижимым имуществом в пределах городских поселений уезда не менее года, причем такое имущество должно было находиться в их собственности или пожизненном владении и облагаться государственным налогом, городским сбором или сбором на земские повинности.

Также право участия имели лица, которые не менее года владели в городе или уезде торгово-промышленным предприятием, для которого требовалось получение промыслового свидетельства. Кроме того, в число избирателей включались те, кто в течение года уплачивал в уезде государственный квартирный налог.

Право голоса предоставлялось и тем, кто не менее года платил в городе или уезде основной промысловый налог за личные промысловые занятия. В съездах могли участвовать лица, которые не менее года занимали на свое имя отдельную квартиру в городских поселениях уезда [11, с. 4].

Наконец, к числу избирателей относились лица,

за исключением нижних служителей и рабочих, которые не менее года проживали в городе или уезде и получали содержание или пенсию по государственной службе, либо по службе в земских, городских или сословных учреждениях, а также на железных дорогах [8, с. 878].

Число выборщиков от курии рабочих для Орловской губернии и города Орла было – 3 человека. Их избрали уполномоченные от рабочих, которые в свою очередь избирались при условиях достижения 25 лет и не менее 6 месяцев работы на предприятии [8, с. 879].

В съезде уполномоченных от крестьянских волостей участвуют выборные от волостных сходов уезда, по два от каждого схода. Эти выборные избираются волостными сходами из числа крестьян, принадлежащих к составу сельских обществ данной волости [11, с. 4].

В Орловской губернии всего количество выборщиков составило – 122 человека, и исходя из съездов получилось следующее разделение: от съезда уполномоченных от крестьянских волостей – 59 человек; от съезда землевладельцев – 45 человек; от съезда городских избирателей – 18 человек [11, с. 13].

На ситуацию с распределением выборщиков по куриям с учетом дополнений в избирательном законе от 11 декабря, по которому происходило данное распределение не только в Орловской губернии, но и во всей России следующими словами отреагировал Павел Николаевич Милюков: «Распределение числа депутатов между куриями остается совершенно произвольным и не может быть иным, пока существует само деление на курии. Пока крестьянам дано одно определенное число депутатов, горожанам – другое, фабричным – третье, до тех пор всеобщего и равного избирательного права не существует, хотя бы даже дано было право выбирать каждому взрослому, а не каждому квартирохозяину и служащему на жалованье» [1, с. 79].

Интересна оценка данных выборов в I Государственную Думу России начала XX века Алексея Александровича Стаховича в частности он отмечал: «Выборы марта прошлого года нельзя не признать для народа удачными, так как большинство членов Государственной Думы стояло за народ, требовало для него «земли и воли задушевное, единодушное требование народа. Этому помогло то, что народ больно недоволен правительством – начальством, так называемым бюрократическим приказным, чиновничьим строем и поддерживающим этот строй большинством состоятельных классов помещиков, купцов и фабрикантов, – довольно дружно старался выбирать враждебно это-

му строю настроенных людей, так называемых «оппозиционных» [10, с. 3-4].

Ввиду всего выше изложенного по результатам голосования состав депутатского корпуса I Государственной Думы России начала XX века от Орловской губернии выглядел следующим образом:

Никифор Демьянович Алехин – крестьянин Ливенского уезда, член XI отдела по проверке прав избранных членов Государственной Думы по: городу Туле, Орлу и по губерниям: Волынской, Люблинской, Калишской и Петербургской. Родился в 1877 году, получил начальное образование в сельском училище. Основным занятием было земледелие. Участвовал в Русско-японской войне, где проявил себя как герой при обороне Порт-Артура, служил артиллеристом и был награжден двумя Георгиевскими орденами. В I Государственную Думу избран от крестьянской курии и вошел в состав образованной в ней «трудовой группы» [12, с. 219].

Подписал заявление о сокращении времени речей ораторов по аграрному вопросу [10, с. 25].

Участвовал в заявлениях о запросах по поводу: № 1 (совместно с Ф.В. Татариновым) – печатания воззваний в департаменте полиции, содержания в тюрьмах многих лиц без предъявления к ним обвинений и происшедших в Вологде, Калязине и Царицыне беспорядков [3, с. 236]; № 15 (совместно с М.Е. Кукановым) – увольнения железнодорожных служащих и рабочих, участвовавших в декабрьской забастовке [3, с. 533]; № 103 – неправомерного и повторного призыва к военной службе внутри Империи казачьих полков 2-й и 3-й очереди [2, с. 961]; № 260 – содержания чиновника Михаила Федоровича Ядринцева в Смоленской тюрьме после участия в почтово-телеграфной забастовке [2, с. 1612].

Иван Степанович Бибиков – крестьянин деревни Осиновки Брянского уезда, член X отдела по проверке прав избранных членов Государственной Думы по: городу Петербургу и по губерниям: Вологодской, Калужской, Ломжинской, Оренбургской, Тверской. Родился в 1873 году, окончил земское училище. В прошлом служил в гвардии, после чего занимался земледелием, не имея иных источников дохода, кроме надела. Был активным участником местного самоуправления, четыре года исполнял обязанности попечителя магазинов и был кандидатом на пост волостного старшины. В I Государственную Думу избран от крестьянской курии и вошел в состав образованной в ней «трудовой группы» [12, с. 220].

Подписал заявление об ограничении времени речей ораторов по аграрному вопросу [10, с. 20].

Участвовал в заявлениях о запросах по поводу:

№ 164 (совместно с И.П. Голиковым, Д.И. Зайцевым, М.Е. Кукановым, А.К. Стефашиним) – заключения в Прилукской тюрьме 8 крестьян Полтавской губернии без предъявления им обвинений [2, с. 1273]; № 219 (совместно с И.П. Голиковым, Д.И. Зайцевым) – незаконных действий земского начальника Саратовской губернии Константинова и пристава Шкенева, которые силой принудили крестьян села Старое Славкино Петровского уезда подписать приговор об изгнании и ссылке 29 человек в Сибирь [2, с. 1615]; № 261 (совместно с И.П. Голиковым, М.Е. Кукановым, И.Ф. Степиным) – незаконного длительного содержания под стражей Иосифа Шимковича, которого задержали еще в декабре 1905 года без предъявления обвинений [2, с. 1693]; № 289 (совместно с Д.И. Зайцевым, А.К. Стефашиним, И.Ф. Степиным) – массовых случаев насилия и произвола со стороны войск в Подольской губернии [2, с. 1794]; № 306 – заявления от жителей села Гоголев Остерского уезда Черниговской губернии, по поводу 20 арестованных человек в ноябре 1905 года по распоряжению исправника Максимовского в рамках усиленной охраны, без конкретных обвинений против них [2, с. 1800]; № 317 – ареста 13 человек в Лохвице Полтавской губернии за участие в праздновании Первомая и истечения срока содержания их под стражей [2, с. 1802]; № 330 – нападения эскадрона солдат на мирных жителей села Сальники Винницкого уезда Подольской губернии 28 июня, убийства пяти человек, расстрела бегущих и 20 голов скота, а также в совершении насилия и произвола над населением [2, с. 1851].

Иван Петрович Голиков – крестьянин села Голиково Суворовской волости Елецкого уезда, член VI отдела по: городу Екатеринославу и по губерниям Херсонской, Келецкой, Виленской, Псковской, Ставропольской и Нижегородской. Родился в 1852 году, получил начальное образование в сельской школе и на военной службе. Участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, за что был награжден Георгиевским крестом. Основным занятием было земледелие. В I Государственную Думу избран от крестьянской курии и вошел в состав образованной в ней «трудовой группы» [12, с. 221].

Подписал заявления о запросах по поводу: № 120 – ареста и заключения в тюрьму тринадцати жителей Золотоношского уезда, произошедших в январе-феврале-марте 1906 года, основанием для которого, предположительно, стала причастность к забастовке сельскохозяйственных рабочих в имении княгини Кантакузиной-Снегиревой либо подозрение в написании угрожающего письма, существование которого арестованными отрицается [2,

с. 1035]; № 164; № 219; № 261.

Дмитрий Иванович Зайцев – крестьянин села Молодовое Карачевского уезда, член I отдела по проверке прав избранных членов Государственной Думы по губерниям: Архангельской, Воронежской, Ковенской, Минской, Орловской, Самарской и Тульской. Родился в 1880 году, окончил церковно-приходское училище и работал моляром. Интересовался духовно-нравственной литературой, что свидетельствует о его стремлении к самообразованию. Был беспартийным и из-за нервного расстройства в начале сессий был вынужден вернуться в свой уезд на неопределенный срок [11, с. 222]. Был предложен в товарищи секретаря I Государственной Думы (1 записка) [10, с. 57].

Участвовал в заявлениях о запросах по поводу: № 153 (совместно с А.К. Стефашиним) – создания осенью 1905 года Всероссийского Крестьянского Союза для защиты интересов крестьянства, массовых репрессиях и насилии, которому подвергались члены Союза, приводятся судебные постановления, подтверждающие необоснованность преследований, подчеркивается миролюбивый характер деятельности Союза и предлагаются меры в виде официального запроса министру внутренних дел с требованиями прекратить репрессии, освободить незаконно арестованных и провести расследование действий должностных лиц, причастных к правонарушениям [13, с. 1209-1212]; № 164; № 219; № 289; № 357 – ходатайства от жителей станицы Сламихинской Уральской области об удалении расквартированной среди мирного населения сотни казаков, поскольку такое размещение незаконно, обременительно и опасно для местных жителей [2, с. 2002–2003]; № 359 – обращения в Государственную Думу крестьянки Тамбовской губернии Аграфены Бабкиной с просьбой помочь освободить ее мужа Никиту Бабкина, арестованного после передачи в Думу общественного приговора, призывавшего к обязательным работам у помещиков [2, с. 2013].

Максим Ефимович Куканов – крестьянин Малоархангельского уезда, член IX отдела по проверке прав избранных членов Государственной Думы по городу: Лодзь и по губерниям: Таврической, Рязанской, Олонецкой, Казанской. Родился в 1875 году, окончил Орловское духовное училище и сдал экзамен при Орловской гимназии на звание народного учителя. Работал учителем в народной школе, а также некоторое время трудился на Китайской (Маньчжурской) железной дороге. В I Государственную Думу избран от крестьянской курии и вошел в состав образованной в ней «трудовой группы», а также был избран в аграрную комиссию.

Подписал заявление об ограничении времени речей ораторов по аграрному вопросу [10, с. 72].

Участвовал в заявлениях о запросах по поводу: № 2 – неправомерного содержания в тюрьме Хорольского учителя Герасима Батвы без предъявления обвинений [3, с. 355]; № 15; № 27 – покушения на жизнь генерала Неплюева в Севастополе и передачи военному суду обвиняемых для вынесения смертных приговоров. Из-за поспешности следствия возможны судебные ошибки, включая осуждение невиновных [3, с. 634]; № 68 – телеграммы Туринского завода, где содержатся тревожные сведения о Николаевском тюремном замке Пермской губернии. В нем политические заключенные содержатся в тяжелых условиях – в карцерах, подвергнуты издевательствам, некоторые травмированы, кто-то пытался совершить самоубийство, многие находятся в смиренных рубашках [3, с. 801]; № 89 – телеграммы от отца арестованного по имени Берка Фогельсон, который содержится под стражей в Витебске уже пятый месяц и готовится к ссылке в Томскую губернию без предъявленного обвинения. По словам отправителя, жандармерия отказалась назвать причину задержания и выдворения [3, с. 863]; № 93 – инженера-технолога Виктора Титова, который был арестован вместе с группой примерно тридцати человек на Александровском заводе Николаевской железной дороги 8 декабря 1905 года. Судебный следователь Белевцов, изучив материалы дела, не нашел оснований для содержания Титова под стражей и распорядился освободить его. Однако распоряжение следователя выполнено не было, и Титов продолжал находиться в тюрьме, но его дело перешло под контроль охранного отделения, хотя ему так и не было предъявлено официальное обвинение [2, с. 918]; № 100 – заявления от крестьян деревни Лысовки и села Черного Могилевской губернии. Крестьяне сообщили, что в декабре 1905 и марте 1906 годов были арестованы и сосланы без суда и следствия: одни – в Самарскую, другие – в Вологодскую губернии. Обвинения им не предъявлялись, условия ареста сопровождались насилием и серьезными материальными потерями семей [2, с. 950]; № 164; № 261.

Михаил Александрович Стахович – представитель дворянства Орловской губернии, член XI отдела по проверке прав избранных членов Государственной Думы по: городу Туле, Орлу и по губерниям: Волынской, Люблинской, Калишской и Петербургской. Родился в 1861 году в Елецком уезде, окончил училище правоведения. С 1883 года активно участвовал в земской деятельности, занимая должности уездного и губернского гласного, а также предводителя дворянства. Выступал за по-

литические реформы, свободу совести и веротерпимости, что сделало его известным в России, но вызвало критику со стороны консервативных кругов, что связано со слов Гуляряна с тем, что: «он (Стахович) «ненавидел крепостничество понаслышке», поскольку вырос и сформировался в эпоху либеральных реформ, на идеях Ф.Ф. Самарина, Б.Н. Чичерина, И.И. Васильчикова, А.Ф. Кони. Убийство Александра II и поворот к реакции, осуществленный Александром III, стали для него большим потрясением. Это потрясение вызвало у М.А. Стаховича и других либерально воспитанных молодых людей неприятие режима» [4, с. 43]. Выступал против репрессивной политики правительства и проявил себя как хороший оратор [7, с. 88]. В I Думе представлял «Союз 17-го Октября», организовав при этом в ней 14 июня 1906 г. вместе с П. Гейденем и Н. Львовым фракцию «мирного обновления». После роспуска I Думы стал одним из организаторов партии мирного обновления.

Избран: 1) для подсчета записок по выборам секретаря Г. Д. 2) в комиссию 33-х для составления проекта отв. адреса на тронную речь 3) в комиссию 19-ти для установления порядка проверки прав членов Г. Д. и составления Наказа Гос. Думы. 4) в аграрную комиссию 5) в комиссию 33-х о гражданском равенстве 6) в издательскую комиссию (предс. и секр.). Предложен: 1) в товарищи председ. Г.Д. (3 записками). 2) в секретари Г. Д. (3 записками) 3) в товарищи секретаря Г. Д. (12 записками) [10, с. 115].

Подписал заявление о несогласии с принятой формулой перехода к очереди дел по поводу декларация Совета Министров [10, с. 115].

Участвовал в заявлениях о запросах по поводу: № 7 – телеграммы по ряду заключенных – Барера, Вайнцвейга, Вайсмана, Гуральника, Лихтенфельда, Огородникова и Шопника, которые находятся в ровенской тюрьме уже пять месяцев без официального предъявления обвинения. Несмотря на отсутствие конкретных обвинений, им объявили административную высылку в Сибирь, назначенную на 29 мая, в связи с чем поступила просьба срочно вмешаться, принять необходимые меры и добиться приостановки данной высылки [3, с. 446]; № 136 – обращения группы 66-ти членов Государственной думы в связи с поступившей информацией из телеграммы о событиях в Прибалтике, где указывается о том, что генерал-губернатором региона утвержден смертный приговор восьми людям, без возможности подачи кассационной жалобы [3, с. 294].

Иван Федотович Степин – крестьянин села Липовец Кромского уезда, член I отдела по проверке прав избранных членов Государственной Думы по

губерниям: Архангельской, Воронежской, Ковенской, Минской, Орловской, Самарской и Тульской. Родился в 1874 году, окончил сельское училище. Занимался земледелием, кузнечным делом и сезонным промыслом. Работал на Брянском заводе и в шахтах Екатеринославской губернии. В I Государственную Думу избран от крестьянской курии и вошел в состав образованной в ней «трудовой группы» [12, с. 225].

Подписал заявление о сокращении времени речей ораторов по аграрному вопросу [10, с. 116].

Участвовал в заявлениях о запросах по поводу: № 2; № 68; № 93; № 201 – поступления сообщения из Одессы о группе политических заключенных в городской тюрьме, большинство из которых уже пять месяцев содержат без допроса и предъявления обвинений. 10 июня они объявили голодовку, требуя улучшения условий содержания, объяснения причин задержания или освобождения. Среди арестованных находится больной врач Хлебников, которому грозит ссылка в Сибирь. Его мать пыталась ходатайствовать перед министром внутренних дел о судебном процессе, но получила отказ с аргументацией, что такие случаи разрешаются лишь принудительной высылкой [2, с. 1370]; № 261; № 289.

Александр Кириллович Стефашин – крестьянин деревни Васильевки Орловского уезда, член XI отдела по проверке прав избранных членов Государственной Думы по: городу Туле, Орлу и по губерниям: Волынской, Люблинской, Калишской и Петербургской. Родился в 1861 году, окончил сельское училище. Занимался земледелием, шесть лет служил сельским старостой и был кандидатом на пост волостного старшины. Политически принадлежал к «парламентской трудовой группе», до этого был внепартийным прогрессистом.

Подписал заявление о сокращении времени речей ораторов по аграрному вопросу [10, с. 116].

Участвовал в заявлениях о запросах по поводу: № 101 – получения сведений о начавшихся беспорядках в Белостоке, сопровождавшихся кровопролитием и направленными против еврейского населения. Местные жители опасаются повторения прежних погромов, считая, что власти и провокаторы снова попытаются представить жертв виновниками трагедии. Уже распространяются ложные слухи, включая миф о брошенной бомбе, вызванные желанием разжечь межнациональную рознь. Учитывая серьезность положения и риск распространения насилия на другие регионы страны, депутаты обратились к министру внутренних дел с двумя вопросами: принимаются ли достаточные меры для защиты евреев Белостока и какие действия будут предприняты правительством для пре-

дупреждения убийств, грабежей и насилия против еврейских общин в других регионах империи [2, с. 952]; № 153; № 164; № 241 – принятия мер в отношении официальной газеты «Черниговские губернские ведомости», которая регулярно публикует клеветнические и враждебные материалы о Государственной думе, поддерживает реакционные издания, распространяет ложные сведения, разжигает вражду между группами населения, особенно против евреев, и порочит депутатов, называя их врагами государства. Газета утверждает, что Дума стремится уничтожить правительство, монархию и частную собственность. Из-за обязательной подписки государственных учреждений депутаты считают недопустимым использование казенных средств для пропаганды ненависти и дезинформации, и просят Государственный совет запросить министра внутренних дел о причинах такой деятельности и принять меры для прекращения подобных публикаций [2, с. 1620-1621]; № 289.

Федор Васильевич Татаринов – дворянин, член V отдела по проверке прав избранных членов Государственной Думы по: городу Варшаве, по городу Нижнему Новгороду, по области Войска Донского и по губерниям: Харьковской, Полтавской, Курской и Смоленской. Родился в 1860 году, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Работал мировым судьей, активно участвовал в земской деятельности, занимая должности в губернской и уездной земских управах. Был сторонником народного образования, земской статистики и экономических реформ. Политически принадлежал к конституционно-демократической партии, примыкая к ее левому крылу направленной на социальные преобразования.

Был избран: в аграрную комиссию; комиссию по исполнению государственной росписи. Подписал заявление 151 чл. Г. Д. о гражданском равенстве [10, с. 119].

Участвовал в заявлениях о запросах по поводу: № 1; № 20 – заявлений о готовящихся судебных процессах в Риге, связанных с возможными смертными приговорами. Так как процедура судебного разбирательства и последующее исполнение наказания могут произойти быстрее, чем удастся отреагировать, депутаты предлагают обратиться к военному министру с вопросом о принимаемых мерах для предотвращения возможного исполнения смертных приговоров [3, с. 557-558]; № 69 – запроса к министру внутренних дел об обращении губернаторов и московского градоначальника к населению, которые критиковали намерения Государственной думы отменить право частной собственности на землю, утверждая, что

такое предложение приведет к тяжелым последствиям и восстанию народа. Однако депутаты настаивали, что данные заявления основываются на искажениях фактов и представляют собой попытку возбудить население против высшего законодательного органа страны [3, с. 801-802]; № 130 – запроса к министру внутренних дел о судьбе Германа Марковского, приговоренного военным судом Риги к смертной казни 18 апреля. Его кассационная жалоба оставлена без рассмотрения [2, с. 1023]; № 171 – статьи в газете «Накануне» (№ 78), где сообщается о предстоящем судебном разбирательстве в Харькове двух дел: об ограблении банка и деле «Гельферихцев», которым грозит смертная казнь, хотя среди подсудимых есть несовершеннолетние [2, с. 1265]; № 181 – сообщений о нескольких случаях поджогов домов и гумна в селах Черниговской губернии в январе–марте 1906 года, совершенных должностными лицами или по их приказу. В результате пожаров пострадали местные жители, один из них скончался от ран, нанесенных казаками [2, с. 1302]; № 248 – постановления временного генерал-губернатора Сумского края от 14 апреля о высылке Виктора Михайловича Сластина и Ивана Недригайловича в Нарымский край Томской губернии. Высылка произведена на основании пункта 17 статьи 19 «Положения о местностях, объявленных на военном положении», однако данное положение не предусматривает права генерал-губернатора отправлять осужденных в Сибирь [2, с. 1611]; № 249 – телеграммы из Варшавы с сообщением о вынесении смертного приговора молодому Сигизмунду Качеровскому, признанному невиновным в убийстве на основании показаний тридцати свидетелей. Брат осужденного обращается с просьбой спасти брата, приостановив исполнение приговора [2, с. 1552]; № 355 – доктора Григория Ивановича Ростовцева, санитарного врача Московского губернского земства, который был арестован ночью с 4 на 5 января 1906 года в Дмитрове полицией, жандармами и казаками. Обыск не выявил ничего предосудительного, однако Ростовцева поместили сначала в Дмитровскую, затем в Московскую тюрьму, где он находился в одиночном заключении. Через два месяца его освободили с обязательством жить в Москве до решения вопроса о ссылке. Позже ему назначили трехлетнюю ссылку в Вологду, затем срок сократили до двух лет и заменили высылкой из столичной губернии. За все время ареста Ростовцеву не предъявляли обвинений и не допрашивали, причины преследования остались неизвестны. Представители земства, высоко оценивая его деятельность, считают ссылку следствием ложных доносов [2, с. 1939-1940].

В итоге, данный состав депутатов I Государственной Думы России начала XX века от Орловской губернии представляет собой яркий срез общества того времени, отражающий социальные, экономические и политические реалии региона. Среди них преобладают крестьяне, что неудивительно, учитывая аграрный характер губернии. Эти люди, выходцы из деревень и сел, зачастую с минимальным образованием, но с богатым жизненным опытом, представляют интересы крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения. Их биографии полны трудностей, связанных с бедностью, тяжелым трудом и ограниченными возможностями для социальной мобильности. Однако среди них есть и те, кто, несмотря на скромное происхождение, смогли проявить себя в общественной жизни, например, в роли сельских старост, учителей, а в дальнейшем и в политической сфере.

Никифор Демьянович Алехин, Иван Степанович Бибилов, Иван Петрович Голиков, Дмитрий Иванович Зайцев, Максим Ефимович Куканов, Иван Федотович Степин и Александр Кириллович Стефашин – это представители крестьянства, которые, несмотря на разные жизненные пути, объединены общей судьбой и стремлением улучшить положение граждан. Многие из них участвовали в военных действиях, что добавляет к их образу стойкость и патриотизм. Их принадлежность к «трудовой группе» свидетельствует о стремлении к защите интересов крестьянства, улучшению условий труда и жизни, а также к проведению радикальных аграрных реформ.

С другой стороны, Михаил Александрович Стахович и Федор Васильевич Татаринцов представляют дворянство и интеллигенцию. Их биографии говорят о высоком уровне образования и активной общественной деятельности. Стахович, с его либеральными взглядами и участием в земском движении, и Татаринцов, с его приверженностью идеям народного образования и экономического развития, представляют собой прогрессивную часть дворянства, стремящуюся к реформам и модернизации страны. Их участие в политической жизни, в том числе в рамках «конституционно-демократической партии» и «союза 17-го октября» подчеркивало их стремление к созданию более справедливого и свободного общества.

Выводы

Анализ состава и деятельности депутатов Орловской губернии в I Государственной Думе России начала XX века демонстрирует, что даже в условиях ограниченного и стратифицированного избирательного права в России в данный период представители крестьянства смогли не только вой-

ти в высший законодательный орган, но и активно участвовать в его работе, отстаивая интересы большинства населения. В то же время, присутствие образованных и либерально настроенных дворян и интеллигентов обеспечивало определенный баланс между традиционализмом и реформаторством.

Анализ биографий и парламентской активности депутатского корпуса в I Государственной Думе России начала XX века от Орловской губернии выявляет как его внутреннюю неоднородность по избирательному составу, так и наличие общих

тенденций к поиску компромиссов и продвижению социально значимых инициатив, что доказывается солидарной поддержкой депутатов представителей от крестьянства в поддержке ряда парламентских запросов.

Тем не менее, институциональные ограничения куриальной системы и неравномерное представительство различных групп общества существенно сдерживали потенциал I Думы как инструмента разрешения социального конфликта и демократизации политической системы России в условиях первой русской революции 1905-1907 годов.

Список источников

1. Милюков П. Год борьбы: публицистическая хроника 1905-1906. Санкт-Петербург: Типография т-ва "Общественная польза", 1907. XVIII, 3 550 с.
2. Государственная Дума. Стенографические отчеты / Гос. дума. 1906 г. Сессия 1-я. Заседания 19-38 (с 1 июня по 1 июля). Санкт-Петербург: Гос. тип., 1906. С. 867 – 2013.
3. Государственная Дума. Стенографические отчеты / Гос. дума. 1906 г. Сессия 1-я. Заседания 1-18 (с 27 апреля по 30 мая). Санкт-Петербург: Гос. тип., 1906. 866 с.
4. Гуларян А.Б. М.А. Стахович: опыт политической биографии // Историческое обозрение. 2016. № 17. С. 42 – 48.
5. Леонтович В.В. История либерализма в России, 1762-1914: пер. с нем. Ирины Иловайской. Париж: YMCA-Press, 1980. [2], V. 549 с.
6. Манифест об учреждении Государственной Думы. 6 августа 1905 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 887. Л. 3 об.
7. Первая Государственная дума : алф. список и подроб. биогр. и характеристики чл. Гос. думы. Москва: тип. И. Д. Сытина, 1906. 159 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е: [с 1-го марта 1881 г.]. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885-1916. Т. 25: 1905-1908. 1010 с.
9. Стахович А.А. Как и кого выбирать в Государственную думу? Что такое партийные выборы? Краткий обзор русских политических партий / [соч.] Александра Стаховича. Москва: тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. 31 с.
10. Стенографические отчеты. Указатель к стенографическим отчетам заседания 1-38 (27 апреля 1 июля 1906 г.). Изд. офиц. 1907. 316 с.
11. Учреждение Государственной думы, Положение о выборах в Государственную думу [С прил.]. Санкт-Петербург, 1905. 33 с.
12. Члены Государственной думы = Наши депутаты. Государственная дума. 1-й созыв (портреты и биографии): первый созыв, 1906-1911 г.: (сессия продолжалась с 27 апреля по 9 июля 1906 г.) / сост. М. М. Боиович. Москва: тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1906. 512 с.

References

1. Milyukov P. The Year of Struggle: Publicistic Chronicle of 1905-1906. St. Petersburg: Printing House of the "Obshchestvennaya Polza" Company, 1907. XVIII, 3,550 p.
2. The State Duma. Verbatim Reports. The State Duma. 1906. Session 1. Meetings 19-38 (from June 1 to July 1). St. Petersburg: State Printing House, 1906. P. 867 – 2013.
3. The State Duma. Verbatim Reports. The State Duma. 1906. Session 1. Meetings 1-18 (from April 27 to May 30). St. Petersburg: State Printing House, 1906. 866 p.
4. Gularyan A.B. M.A. Stakhovich: An Experience of Political Biography. Historical Review. 2016. No. 17. Pp. 42 – 48.
5. Leontovich V.V. History of Liberalism in Russia, 1762-1914: trans. from German by Irina Ilovaiskaya. Paris: YMCA-Press, 1980. [2], V. 549 p.
6. Manifesto on the Establishment of the State Duma. August 6, 1905. State Archives of the Russian Federation. F. 601. Op. 1. Unit of Storage. 887. L. 3 rev.

7. The First State Duma: alphabetical list and detailed biographical and characteristics of the members of the State Duma. Moscow: type. I.D. Sytin, 1906. 159 p.
8. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3: [from March 1, 1881]. St. Petersburg: State Printing House, 1885-1916. Vol. 25: 1905-1908. 1010 p.
9. Stakhovich A.A. How and whom to elect to the State Duma? What are party elections? Brief overview of Russian political parties. [composed by] Alexander Stakhovich. Moscow: Printing House of I.D. Sytin, 1907. 31 p.
10. Verbatim reports. Index to verbatim reports of sessions 1-38 (April 27 - July 1, 1906). Official pub. 1907. 316 p.
11. Institution of the State Duma, Regulations on elections to the State Duma [With appendix]. St. Petersburg, 1905. 33 p.
12. Members of the State Duma = Our Deputies. The State Duma. 1st convocation (portraits and biographies): first convocation, 1906-1911: (the session lasted from April 27 to July 9, 1906). compiled by M. M. Boiovich. Moscow: printing house of I. D. Sytin, 1906. 512 p.

Информация об авторе

Калитин И.Р., Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28., HiKKimo210986@yandex.ru

© Калитин И.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470.621)

Кисловодск в XIX веке: от минеральных источников до центра культурного притяжения

¹ Лаврентьева М.А.,
¹ Гаевская И.И.,
¹ Костенко Р.В.,
¹ Козадерова А.Д.,

¹ Кубанский государственный технологический университет

Аннотация: статья посвящена исследованию процесса превращения Кисловодска в XIX веке из небольшого поселения у минеральных источников в популярный курорт и центр культурной жизни.

Цель работы заключается в изучении наиболее важных этапов развития города, включая становление курортной инфраструктуры, влияние минеральных источников, а также роль Кисловодска как центра культурного притяжения. В задачи исследования входит анализ развития курортной инфраструктуры в XIX веке, исследование влияния минеральных источников на становление Кисловодска как лечебного курорта, рассмотрение культурного значения города и его влияние на творчество известных личностей, а также выявление социальных и экономических факторов, способствовавших развитию города.

В качестве источников использованы исторические документы, архивные данные, научные работы по истории курортов и культурному наследию региона. Для решения поставленных задач были использованы историко-аналитический и сравнительный методы, благодаря которым возможно рассмотреть развитие Кисловодска в контексте социально-экономических и культурных процессов XIX века. Результаты исследования демонстрируют, как природные ресурсы, государственная политика и культурные процессы способствовали созданию уникального курортного пространства.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её выводов для разработки стратегий развития современных курортных территорий, сохранения историко-культурного наследия Кисловодска, популяризации бальнеологического туризма на Кавказских Минеральных Водах.

Новизна исследования проявляется в комплексном подходе, объединяющем медицинские, социальные и культурные аспекты развития города. Работа вносит вклад в изучение роли курортов в истории России и открывает перспективы для сравнительных исследований с европейскими аналогами.

Ключевые слова: город-курорт Кисловодск, XIX век, минеральные источники, культурное наследие, лечебные традиции, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Лаврентьева М.А., Гаевская И.И., Костенко Р.В., Козадерова А.Д. Кисловодск в XIX веке: от минеральных источников до центра культурного притяжения // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 255 – 265.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Kislovodsk in the 19th century: from mineral springs to the center of cultural attraction

¹ Lavrentyeva M.A.,

¹ Gaevskaya I.I.,

¹ Kostenko R.V.,

¹ Kozaderova A.D.,

¹ Kuban State Technological University

Abstract: the article is devoted to the study of the transformation of Kislovodsk in the 19th century from a small settlement near mineral springs into a popular resort and a center of cultural life.

The purpose of the work is to study the most important stages of the city's development, including the establishment of the resort infrastructure, the influence of mineral springs, as well as the role of Kislovodsk as a center of cultural attraction. The objectives of the research include the analysis of the development of resort infrastructure in the 19th century, the study of the influence of mineral springs on the formation of Kislovodsk as a medical resort, the consideration of the cultural significance of the city and its influence on the work of famous personalities, as well as the identification of social and economic factors that contributed to the development of the city.

Historical documents, archival data, scientific works on the history of resorts and the cultural heritage of the region were used as sources. To solve the tasks set, historical, analytical and comparative methods were used, thanks to which it is possible to consider the development of Kislovodsk in the context of socio-economic and cultural processes of the 19th century. The results of the study demonstrate how natural resources, government policy and cultural processes have contributed to the creation of a unique resort space.

The practical significance of the work lies in the possibility of using its findings to develop strategies for the development of modern resort areas, preserve the historical and cultural heritage of Kislovodsk, and popularize balneological tourism in the Caucasian Mineral Waters.

The novelty of the research is reflected in an integrated approach that combines medical, social and cultural aspects of the city's development. The work contributes to the study of the role of resorts in the history of Russia and opens up prospects for comparative studies with European counterparts.

Keywords: resort town of Kislovodsk, 19th century, mineral springs, cultural heritage, healing traditions, socio-economic development

For citation: Lavrentyeva M.A., Gaevskaya I.I., Kostenko R.V., Kozaderova A.D. Kislovodsk in the 19th century: from mineral springs to the center of cultural attraction. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 255 – 265.

The article was submitted: February 18, 2025; Approved after reviewing: April 15, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Изучение исторического развития курортных городов представляет значительный научный и практический интерес, поскольку позволяет проследить взаимосвязь между природными ресурсами, социально-экономическими процессами и культурной динамикой. Кисловодск, как один из ключевых центров Кавказских Минеральных Вод, является ярким примером такого синтеза. Его трансформация из небольшого поселения в крупный курорт и культурный центр в XIX веке отражает общие тенденции развития курортного дела в России, а также уникальные региональные особенности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа этого процесса, который до сих пор остаётся недоста-

точно изученным в контексте взаимодействия медицинских, социальных и культурных факторов.

Анализ существующих исследований показывает, что большинство работ сосредоточено на отдельных аспектах истории Кисловодска. Например, медицинские исследования подробно изучают лечебные свойства нарзана, но упускают из виду его влияние на формирование курортной культуры. Литературоведческие работы анализируют пребывание в городе выдающихся личностей (М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, А.П. Чехов и Ф.И. Шаляпин), но не раскрывают их роль в создании уникальной культурной среды. Экономические исследования описывают развитие инфраструктуры, но не учитывают социальные взаимодействия между различными слоями населения. Таким образом, отсутствие комплексного подхода,

объединяющего медицинские, культурные и социально-экономические аспекты, создаёт значительный пробел в изучении истории Кисловодска.

Целью настоящего исследования является выявление ключевых этапов становления Кисловодска как курорта и культурного центра в XIX веке, а также анализ взаимовлияния природных, социальных и культурных факторов на этот процесс. Для достижения поставленной цели были использованы разнообразные источники, включая исторические документы, хроники, научные труды по курортологии и материалы периодической печати. Особое внимание уделено работам П.С. Палласа (1788), содержащим первые научные описания минеральных источников региона.

Научная значимость работы заключается в её комплексном подходе, который объединяет ранее разрозненные аспекты изучения Кисловодска. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейших изысканий в области истории курортного дела, а также для разработки стратегий развития современных курортных территорий. Кроме того, работа вносит вклад в понимание роли культурного наследия в формировании идентичности курортных городов.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа исследования включает историко-аналитический и сравнительный методы, которые позволяют рассмотреть развитие Кисловодска в широком историческом контексте. Историко-аналитический метод применялся для изучения исторических материалов, документов, научных трудов по курортологии и истории региона, мемуаров и писем современников, тогда как сравнительный метод помог выявить общие и уникальные черты в развитии Кисловодска по сравнению с другими курортными городами. Дизайн исследования предполагает последовательный анализ нескольких ключевых аспектов: исторические предпосылки развития Кисловодска, развитие курортной инфраструктуры, минеральные источники и лечебные традиции, Кисловодск как центр культурной жизни, мемуарные свидетельства о курортной повседневности, социальные и экономические аспекты развития.

Результаты и обсуждения

Исторические предпосылки развития Кисловодска

История Кисловодска как курорта уходит корнями в глубокую древность. Ещё до появления здесь первых русских поселений местные народы, населявшие Северный Кавказ, знали о целебных свойствах минеральных источников, расположенных в долине реки Ольховки. Археологические находки свидетельствуют о том, что эти источники использовались для лечения различных заболе-

ваний уже в эпоху раннего Средневековья [1]. Однако систематическое освоение территории началось лишь в конце XVIII века, когда Российская империя активизировала свои усилия по укреплению позиций на Кавказе.

Так в 1793 году Российская Академия наук направила на Кавказ известного учёного, путешественника и зоолога Петра Симона Палласа с заданием подробно изучить местные источники. Используя имевшиеся карты, П.С. Паллас в сопровождении казачьего конвоя добрался до кислого источника и дал первое детальное описание нарзана. Он отметил, что бассейн источника, размером примерно 9 на 6 метров, сужается к центру, где из земли бьёт мощный ключ. Вода, чистая и насыщенная углекислотой, вырывалась с такой силой, что поднимала купающихся, не позволяя им опуститься на дно. Учёный также обратил внимание на приятный вкус воды, сравнивая её с шампанским из-за обилия пузырьков [2].

Пётр Симон Паллас описал, что источник находится между реками Берёзовкой и Ольховкой, которая в то время протекала близко к ключу, часто затапливая его во время ливней. Учёный предложил отвести Ольховку в сторону Берёзовки и построить высокую набережную, что позже было реализовано [3]. Сегодня на этом месте находится колоннада – главный вход в парк.

Важным значимым этапом в истории Кисловодска стало основание Кисловодской крепости, выполненное в 1798 году, что было первичным вопросом императора Павла I. Кисловодская крепость на начальной стадии функционировала в военной сфере, способствуя усилению защитных действий, становилась объектом стратегической важности, охраняя регион. Возникновение сооружения одновременно означало начало активного освоения территории, привлечения заинтересованности в природных ресурсах региона. Начинаящая продвижение крепостная стена удерживала обитавших здесь людей, закладывая основание для создания будущего города.

Годом основания Кисловодска традиционно считают 1803-й, когда император Александр I подтвердил статус Кавказских Минеральных Вод как официального курорта государственного значения. Данный акт послужил отправной точкой для стремительного развития курортной индустрии региона: российское правительство увеличило вложения в изучение и развитие минеральных источников, а также в строительство необходимой инфраструктуры для обеспечения комфорта посетителей. Уже в первой половине XIX века Кисловодск стал активно принимать первых туристов и врачей, что

служило явным подтверждением его роста как важного курортного центра.

Особую роль в становлении Кисловодска сыграли научные экспедиции, которые изучали свойства минеральных вод и их влияние на здоровье человека. Одним из первых исследователей, обративших внимание на целебные свойства нарзана, был известный русский врач Фёдор Петрович (Фридрих Иосифович) Гааз. Приехав в Кисловодск, в 1810 году, Ф.П. Гааз обратил внимание на отсутствие купальных устройств. Больные принимали ванны просто в яме, вырытой вблизи источника и обнесённой плетнём из соломы и камыша. По результатам посещения он пишет министру внутренних дел замечания «О целебных свойствах Нарзана, состоянии источника, условиях жизни и необходимости благоустройства Кислых Вод» [4]. Его работы способствовали популяризации курорта и привлечению сюда пациентов из разных уголков России. А в 1823 году вокруг главного источника «Нарзан» была построена Нарзанная галерея, которая стала центром его общественной жизни.

К середине XIX века Кисловодск уже был известен как один из самых популярных курортов России. Его развитие шло параллельно с укреплением позиций Российской империи на Кавказе и ростом интереса к курортному лечению среди представителей высшего общества. Помимо целебных вод, курорт привлекал отдыхающих своей живописной природой, которая способствовала созданию особой атмосферы отдыха и оздоровления.

Развитие курортной инфраструктуры

Развитие курортной инфраструктуры Кисловодска в XIX веке явилось результатом целенаправленных усилий государства, научного сообщества, а также частных предпринимателей.

Уникальные природные ресурсы, такие как минеральные источники нарзана, привлекали внимание не только пациентов, но и исследователей, что способствовало активному освоению территории и созданию необходимой инфраструктуры.

Два первых казённых дома в Кисловодске были построены в 1819 году. А воздвижение первой казённой гостиницы, по проекту итальянцев – братьев Бернардацци, приспособленной к принятию гостей, было завершено в 1823 году. Это была так называемая ресторация, т.е. гостиница с рестораном, у источника Нарзан [5].

На протяжении всего XIX века в Кисловодске активно строились гостиницы, пансионаты и лечебницы, которые отвечали запросам различных слоёв населения.

Так, к концу XIX века в городе функционировало достаточно много высококлассных гостиниц. Среди них выделялись «Бештау», «Нарзан» и

«Централь». Однако, лучшей считалась гостиница «Парк», расположенная на возвышенности около Курортного парка, за Нарзанной галереей. Она предлагала сорок комфортабельных номеров, которые различались по площади, мебелировке и уровню освещённости. Стоимость проживания зависела от сезона, количества гостей и даже субъективного мнения владельца. Минимальная цена за номер составляла два рубля в сутки.

Гостиницы «Бештау», «Зипалова» и «Смирнова» (последняя также называлась «Нарзан») располагались на площади перед галереей, что было удобно для приезжих. Эти заведения описывались как «приличные снаружи и внутри».

Для казённых гостиниц городские власти установили строгие правила: двери должны быть открыты с семи утра до полуночи, а в дни танцевальных вечеров – до часа ночи. Это создавало определённый режим для отдыхающих.

Помимо гостиниц, в Кисловодске активно сдавались меблированные комнаты в домах, таких как дома Наутика, Коханова, Попандопуло, Топалова, Винкгейзера, Бондаревой и братьев Зипаловых. Цены здесь были ниже, чем в гостиницах: от одного рубля в сутки или 25 рублей в месяц. Многие отдыхающие сначала заселялись в гостиницах, а затем переезжали в меблированные комнаты. Также можно было снять квартиру из трёх-четырёх комнат за 40 – 90 рублей в месяц. Для состоятельных гостей предлагались роскошные квартиры на дачах госпожи Барановской, расположенные за парком. Эти апартаменты были оснащены электричеством, водопроводом и паркетом, а их стоимость зависела от количества комнат (от трёх до десяти).

Интересно, что лучшими считались места, расположенные на возвышенностях, вдали от источника Нарзана, что объяснялось сыростью вблизи ключа. Поэтому частные дачи и гостиница «Парк», находившиеся на высоте, пользовались особым спросом. Позже, в 1904 году, здание гостиница «Парк» объединили с комплексом нарзанских ванн, создав казённую гостиницу «Гранд-Отель». Это здание стало прообразом будущих санаториев, массовое строительство которых началось в первой четверти XX века. Уже в начале нового столетия «Гранд-Отель» был преобразован в санаторий «Нарзан», что ознаменовало новый этап в развитии курортной инфраструктуры Кисловодска.

Решающее значение для инфраструктурного развития региона имело значительное улучшение транспортной доступности, достигнутое в результате строительства железнодорожной линии между Минеральными Водами и Кисловодском. Им-

ператор Александр III 15 июня 1891 года подписал распоряжение о прокладке транспортной артерии, соединяющей конечные пункты на протяжении 64 километров. Строительство железнодорожной линии способствовало значительному увеличению потока туристов, расширению курорта для населения центральных регионов, а также активизации торговых процессов и привлечению инвестиций в этом районе [6].

В ходе планирования и выполнения работ по развитию городской инфраструктуры, неоднократно учитывались нужды в благоустройстве территории. В 1823 году появился проект Курортного парка – уникальной достопримечательности Кисловодска, которая впоследствии стала символом города. Расположенный на склоне горы, этот уголок природы пленял гостей своими живописными аллеями, многочисленными тенистыми рощами и разнообразными комфортными зонами для отдыха. Для удобства прогулок были организованы терренкуры – специальные маршруты для ходьбы, а также построены беседки и смотровые площадки, которые открывали невероятные панорамные виды на окрестности. Таким образом, прогулки по парку не только приносили эстетическое удовольствие, но и служили эффективным средством восстановления здоровья, так как чистый горный воздух и уникальные природные условия оказывали положительное влияние на организм человека.

Перекрытие направления потока нарзана и организация его источника с целью устранения угрозы наводнений приобрели значимость в контексте развития инфраструктуры региона в целом. Согласно профессиональной рекомендации Петра Палласа, произошло переотклонение русла реки Ольховка, что выделило пространство для возведения новой высоkokлассной набережной, предпосылки которой содействовали обеспечению безопасности источника и выполнению с элементами благоустройства в этой части. Позднее эта набережная стала базисом знаменитой колоннады на входе в Курортный парк, символизирующего Кисловодск [3].

Кисловодск к завершению XIX столетия уже успел заслужить репутацию одного из любимых курортных мест на территории Российской империи. Этот город мог похвастаться развитой инфраструктурой, редкостными природными богатствами, а также насыщенной культурной жизнью. Курорт пользовался огромным спросом не только среди пациентов, но и среди творческой интеллигенции. Именно это обстоятельство содействовало превращению Кисловодска в самобытный центр культуры и искусства. Активное разви-

тие инфраструктуры курорта было обусловлено поддержкой со стороны государства и непосредственным участием частных меценатов, которые вкладывали средства в возведение гостиниц, пансионатов и иных общественных объектов, предназначенных для отдыха.

Минеральные источники и лечебные традиции

Минеральные источники Кисловодска, и в первую очередь знаменитый нарзан, стали основой для формирования курорта как уникального лечебного центра. Уже в начале XIX века их целебные свойства привлекали внимание не только пациентов, но и учёных, которые активно изучали состав воды и её влияние на организм человека.

Нарзан, название которого происходит от кабардинского «нарт-сан» («напиток нартов» – мифических богатырей кавказского эпоса), использовался местными народами для лечения ещё в древности. Однако систематическое применение минеральных вод в медицине началось именно в XIX веке, когда Кисловодск стал частью курортной системы Кавказских Минеральных Вод.

Главным источником Кисловодска является нарзан – холодная (13,8 градусов) минеральная вода, которая выходит из-под земли в долине реки Ольховка. Он относится к углекислым гидрокарбонатно-сульфатно-кальциевым водам [7]. Его уникальный состав, включающий магний, кальций, натрий и другие микроэлементы, делает его эффективным средством для лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы, мочеполовой системы, дыхательного аппарата и нарушений обмена веществ [8]. Углекислый газ, содержащийся в воде, способствует улучшению кровообращения и стимулирует работу органов пищеварения.

Помимо общего нарзана долины Ольховки, в Кисловодске были открыты и другие источники, такие как доломитный и сульфатный нарзаны, которые использовались для лечения различных заболеваний в зависимости от их химического состава.

Лечение на курорте в XIX веке включало комплекс процедур, основанных на применении минеральных вод. Основным методом было питьевое лечение, при котором пациенты принимали нарзан в строго определённых дозах, прописанных врачом. Вода употреблялась непосредственно у источника, что усиливало её целебные свойства благодаря высокой концентрации углекислого газа. Помимо этого, при кожных заболеваниях, заболеваниях опорно-двигательного аппарата и нервных расстройствах, широко применялись ванны с минеральной водой. Их принимали до и после чая, через час-два после завтрака и обеда, а также ве-

чером. Нарзан для ванн подогревали раскалёнными пушечными ядрами, а немного позже стали использовать специальные деревянные самовары – большие кадки со специальным змеевиком внутри.

По инициативе Семёна Смирнова, врач-бальнеолога, в 1863 году пациентам стали проводить лечебные газовые процедуры, по примеру заграничных курортов. Над поверхностью источника, который был частично накрыт деревянным колпаком, собирался углекислый газ. Свободный газ отводился по цинковым трубам в специальную комнату, где были установлены газовые души, общая и местные газовые ванны, а также газовые ингаляции [9].

Прогулки по Курортному парку были важнейшим компонентом лечебного процесса, гармонично сочетаясь с другими терапевтическими мероприятиями. Соблюдение дисциплины, включающей отдых, прогулки и строгий прием минеральных вод, способствовало оздоровлению пациентов. Чистый воздух, насыщенный фитонцидами, умеренная физическая активность дополняли лечебный процесс. Кисловодск занял центральное место в развитии курортной медицины в России. Уникальные природные условия сделали его одним из первых научно обоснованных курортов с лечением минеральными водами. Специалисты постоянно совершенствовали терапевтические методы, изучали влияние минеральных вод на различные заболевания. Результаты публиковались и обеспечивали расширение принципов курортного лечения по всей стране.

Город Кисловодск превратился в важный научно-исследовательский центр, в котором разрабатывались стандарты и методики лечения, использующие минеральные воды. Благодаря этому были, прошедшие сертификацию и получившие широкое распространение, методические указания, по которым впоследствии лечились на курортах по всей территории России. Кисловодск благодаря собственным научным достижениям укрепил имидж ведущего лечебного курорта страны и внес неоценимый вклад в развитие отечественной медицинской науки и практики.

Кисловодск как центр культурной жизни

В течение XIX столетия Кисловодск укрепил свое положение как ведущий курорт России и со временем превратился в важный культурный центр, функционирующий на протяжении всего года. Неординарные природные характеристики района, а также целебный воздух делали этот город особенно привлекательным для творческих личностей, которые находили здесь неиссякаемый источник вдохновения для создания произведений, принадлежавших к самым разным жанрам.

Город играл важную роль в формировании взаимодействия и обмена опытом между представителями различных художественных направлений и культур. Также он являлся местом проведения литературных встреч и музыкальных фестивалей, что дополнительно способствовало культурному развитию региона и укреплению его известности как культурного, туристического и курортного центра.

Многие известные писатели, художники и музыканты отдали предпочтение Кисловодску в качестве места для отдыха, получения творческого вдохновения и установления профессиональных связей. Природные красоты Кавказа, изысканные горные пейзажи и особая атмосфера умиротворения значительно способствовали развитию творческий потенциал, что в свою очередь стало импульсом для создания уникального художественного сообщества, объединившего различные взгляды и концепции.

Михаил Юрьевич Лермонтов навсегда вошёл в число самых узнаваемых исторических деятелей-сторонников Кисловодска. Уже с раннего детства он проникся особым уважением к этой живописной местности. Недаром он, будучи ребёнком, впервые посетил её с целью оздоровления и с тех пор регулярно черпал там вдохновение, находя несметные источники силы в красоте кавказских гор и их величественных пейзажей.

Город Кисловодск послужил автору фоном для событий романа «Герой нашего времени», где он с глубоким пониманием поэтической сущности описывает гору Кольцо и долину реки Ольховка. Этот роман Лермонтова занял прочное место в мировой литературе. Писатель не только восхищался красотой природы Кавказа, он старался достоверно отразить атмосферу курортного быта и показать переплетение судеб социальных слоев. Влияние деятельности писателя оставило значимый след в культурной истории города, а места, связанные с его именем, до сих пор привлекают поклонников его творчества.

Несмотря на то, что Александр Сергеевич Пушкин провел в Кисловодске сравнительно меньше времени, чем Михаил Юрьевич Лермонтов, его пребывание в регионе оставило значительный отпечаток в истории этой местности. Путешествие по Кавказу в 1829 году послужило вдохновением для создания поэмы «Кавказский пленник», в которой с глубочайшим уважением отражены природные красоты и культурные традиции горных областей. Восторженные впечатления поэта от кавказских ландшафтов нашли выражение не только в литературных произведениях, но и в переписке. Энергия таких выдающихся

личностей, как Пушкин, привлекла внимание творческой интеллигенции к Кисловодску: он стал одним из тех, кто внёс Кавказскую тематику в русскую литературу, превратив этот регион в символ романтики и свободы.

Фёдор Иванович Шаляпин – выдающийся русский оперный певец, который неоднократно посещал Кисловодск. Его пребывание на курорте было наполнено не только отдыхом и курортными процедурами, но и активным участием в культурной жизни города. Концерты, которые он устраивал в Нарзанной галерее и других залах, становились настоящими событиями, находящими отклик в сердцах и местных жителей, и отдыхающих, что способствовало культурному подъёму региона. Кроме исполнительства, Шаляпин стремился установить с аудиторией доверительный контакт, вдохновляя публику своими музыкальными интерпретациями.

В литературном наследии Льва Николаевича Толстого, особенно в таких произведениях, как «Казаки» и «Набег», отчётливо прослеживается глубокое отношение автора к Кавказу. Природа этого региона выступает не просто фоном, а становится неотъемлемой частью текста, где каждый описанный элемент ландшафта является результатом личных переживаний и впечатлений самого писателя. Делая акцент на неотразимой простоте и величии природных реалий, Толстой насыщает свой рассказ неподдельной искренностью и художественной глубиной, что делает его произведения живописными и эмоционально насыщенными.

Нельзя не отметить посещение Кисловодска Антоном Павловичем Чеховым, знаменитым русским писателем и драматургом. В процессе отдыха он не только восстанавливал собственные физические силы, но и черпал новые творческие силы и вдохновение, черпая их из освоения передовых методов медицины и наблюдения за местной жизнью. Этот творческий опыт проявился в ярком визуальном стиле его прозы, которая, подобно листу, легко порхающему на ветру, наполнялась движением и живописностью.

Невозможно переоценить значение выдающихся личностей для культурного становления Кисловодска, поскольку именно их имена и творческие достижения постоянно переплетаются с историческим контекстом города. Благодаря этому взаимодействию Кисловодск эволюционировал и со временем превратился не просто в место для восстановления здоровья, но и в территорию, где искусство тесно переплелось с природой. Такая уникальная комбинация с одной стороны обеспечивает благоприятные условия для отдыха, с другой – создает среду для глубоких духовных пережива-

ний, что окончательно закрепило статус Кисловодска как центра с уникальным культурным элементом.

Курорт славился своими культурными мероприятиями. Одним из самых популярных центров культурной жизни был Курортный зал (Курзал). Именно в этом, чем-то напоминающем замок, здании проводились концерты классической музыки, театральные постановки, балы и светские мероприятия, собирающие элиту «водяного общества», работали ресторан и читальня. Здесь выступали Федор Шаляпин, Айседора Дункан и Сергей Рахманинов [10].

Театральные постановки также занимали немаловажное место в культурной жизни Кисловодска. На сцене местного театра ставились как классические пьесы, так и современные произведения, что делало его популярным местом для проведения досуга.

Таким образом, пребывание выдающихся известных личностей и активная культурная жизнь Кисловодска оказали значительное влияние на дальнейшее развитие города и его становление как культурного центра России.

Мемуарные свидетельства о курортной повседневности

Мемуарные и эпистолярные материалы – такие как личная корреспонденция, дневниковые записи и публицистика – открывают возможность взглянуть на повседневную жизнь Кисловодска XIX столетия с иной перспективы, дополняя официальные хроники и академические исследования живыми свидетельствами очевидцев. Эти документы содержат ценную информацию о восприятии курортного пространства, особенностях быта, культурной жизни и взаимодействиях между отдыхающими и местным населением. Особую ценность представляют поэтические произведения и путевые заметки современников, запечатлевшие атмосферу курорта.

Ярким примером служит стихотворение Д.П. Ознобишина (1859), в котором автор воспевает нарзанный источник:

«Кипи, Нардзань! въ лучахъ востока / Играй клубами жемчуговъ! / Какъ хаджи въ свѣтлый градъ пророка / Къ тебѣ сынъ сѣверныхъ снѣговъ...» [11, с. 81].

Эти строки не только передают эмоциональное восприятие природного феномена, но и отражают сакрализацию курортного пространства, где вода становится символом обновления.

Не менее значимы наблюдения И.Т. Раджицкого, опубликованные в 1824 году. Его описание Кисловодской долины содержит важные детали:

«Здѣсь другой климатъ, всегдашняя свѣжесть и чистота воздуха, яркая зелень. Здѣсь иная сфера жизни, особенная дѣятельность въ посѣтителяхъ, возраждающаяся свѣжесть въ лицахъ, бодрость, разговорчивость» [12, с. 219].

Автор противопоставляет аскетичную, смиренную атмосферу Железноводска и оживлённый Кисловодск – «Тамъ обитель смиренія, здѣсь долина радости. Тамъ смиренно проходяшь чрезъ сѣрные протоки, оставляя въ ней поврежденную оболочку существа своего; здѣсь какъ будто воскресаютъ съ новыми силами, и освѣжаясь юношескою бодростью, продолжаютъ поприще жизни съ новою пріятностью.», подчёркивая терапевтический эффект не только от вод, но и от социальной среды.

Эпистолярные источники проливают свет на формирование особых норм курортного поведения. Т.И. Раджицкий подробно описывает инфраструктуру 1820-х годов: от земляной крепости с чугунными пушками до первых коммерческих домов для посетителей, приносящих владельцам до 1000 рублей годового дохода [12].

Современные исследователи подчёркивают значимость подобного рода материалов для осмысления идентичности курортных городов. Так, Н.А. Омельченко указывает, что курортное письмо становится самостоятельной культурной формой, в которой человек структурирует свой социальный опыт и формирует образ себя и империи [13].

Таким образом, обращение к мемуарам и письмам позволяет насытить исторический образ Кисловодска многоголосыми нарративами, где курорт предстает не только как пространство медицинской практики, но и как арена культурных, эмоциональных и идентификационных процессов.

Социальные и экономические аспекты развития Кисловодска, ставший известным как популярный курорт уже в XIX веке, претерпел существенные социальные и экономические изменения, которые затронули не только сам город, но и окружающие территории Кавказских Минеральных Вод. Интенсивный приток отдыхающих значительно увеличил туристический поток, что оказало существенное влияние на демографическую ситуацию Кисловодска; прибытие особ из аристократических кругов, купечества, интеллигенции и представителей среднего класса способствовало быстрому росту численности населения, что в конечном итоге повлияло на увеличение числа постоянных жителей, занятых в сфере обслуживания или начинающих собственный бизнес.

К концу XIX столетия Кисловодск занял позиции одного из наиболее популярных курортных

центров Российской империи, что послужило стимулом к стремительному развитию его городской инфраструктуры и значительному увеличению численности населения. Это связано с тем, что люди, приезжающие сюда с целью оздоровления, нередко принимали решение остаться в городе, привлечённые не только высоким качеством жизни, но и привлекательными экономическими перспективами. Такой приток населения послужил основой для образования многонационального и мультикультурного социального конгломерата, в рамках которого мирно сосуществовали представители русской, армянской, грузинской, карачаевской и других этнических общностей. Кисловодск превратился в значимый экономический узел, чье развитие тесно переплеталось с курортной индустрией, где основным источником доходов являлись туризм, лечение и обслуживание отдыхающих. Строительство гостиниц, пансионатов, лечебниц и развлекательных заведений создавало рабочие места для местных жителей, а также привлекало инвестиции из других регионов России.

Особую роль в экономике играла торговля. В городе появились магазины, лавки и рынки, где продавались продукты, сувениры и товары первой необходимости. Вместе с этим налаживалось и развитие ремесленного производства: местные умельцы специализировались на изготовлении кувшинов для минеральной воды, сувениров с изображением города и других изделий, которые с успехом реализовывались среди туристов. Существенным фактором в обеспечении экономического роста стало строительство железнодорожной ветки, ставшей к 1875 году важнейшим элементом инфраструктуры, благодаря которому поток туристов значительно возрос, что положительно повлияло на доходы города и сделало Кисловодск транспортным узлом в системе связи Кавказских Минеральных Вод с остальными регионами страны.

Социальная структура Кисловодска XIX века отличалась явным разнообразием, что было обусловлено статусом города как курортного центра. В числе высших слоев общества, расположенных на вершине социальной пирамиды, были аристократы и представители высшего света. Они приезжали в Кисловодск ради отдыха и оздоровления, выбирая для проживания преимущественно дорогие гостиницы, к примеру знаменитый «Гранд-Отель», либо заказывая комфортабельные дачи. Именно эти группы людей задавали тон культурной жизни города, участвуя в балах, концертах и других светских мероприятиях, ставших неотъемлемой частью курортной жизни.

Основную массу отдыхающих составляли представители среднего класса – это были купцы, чиновники, служащие, интеллигенция. Многие из них останавливались в более скромных пансионатах или снимали комнаты в меблированных домах. Их присутствие способствовало совершенствованию городской инфраструктуры, так как спрос на услуги и товары рос вместе с увеличением числа гостей.

Жители Кисловодска вносили существенный вклад в формирование курортного облика города, развивая сферу обслуживания посредством владения гостиницами, ресторанами и магазинами, а также занимаясь деятельностью в качестве слуг, горничных и рабочих. Этот труд, несмотря на сравнительно невысокий социальный статус, содействовал превращению региона в привлекательное направление для отдыха. Например, местные ремесленники изготавливали необходимые предметы декора и быта, а владельцы гостиниц стремились создать уютную атмосферу для своих гостей.

Вторую половину XIX века город Кисловодск занял прочное положение как один из главных и наиболее успешных курортов России, что было обусловлено, прежде всего, его благоприятными природно-географическими условиями и наличием целебных минеральных источников. Кроме того, существенную роль сыграла последовательная и взвешенная государственная политика, а также высокий уровень активности и инициативности местного населения и многочисленных общественных организаций. Будучи прежде всего лечебным центром, Кисловодск параллельно переживал период экономического расцвета, что оказало существенное влияние на развитие и расширение всего региона Кавказских Минеральных Вод. Социальная структура города создавала особую атмосферу, которая привлекала людей всех слоёв общества. Это сделало Кисловодск не только лечебным, но и культурным центром, где отдых сочетался с возможностями для социального и экономического роста. Благодаря этому город стал местом, где пересекались судьбы самых разных людей, а его история обогатилась множеством ярких событий и имён.

При изучении формирования культурной атмосферы и общественного климата Кисловодска важно учитывать широкий историко-идеологический контекст развития российской государственности в XIX столетии. Как указывает Б.Н. Миронов, данный период ознаменовался переходом от традиционного общества к модернизированному, что сопровождалось изменениями в социальной структуре, формами самоидентифика-

ции и представлениями о власти. Эти трансформации затронули и курортные пространства, включая Кисловодск, где отдых всё чаще рассматривался не только как способ оздоровления, но и как элемент новой модели общественного поведения [14].

Развитие Кисловодска происходило в русле имперской стратегии, направленной на интеграцию Кавказа, сочетающей задачи территориального освоения, укрепления приграничных рубежей и адаптации этноконфессионального многообразия. Особое значение в этом контексте приобретала религиозная политика. По данным исследований М.А. Бабкина, с начала XIX века Кавказ рассматривался российскими властями как пространство для апробации новых подходов к управлению религиозными сообществами. В условиях многообразного состава как местного населения, так и приезжих, в Кисловодске складывались формы сосуществования представителей различных конфессий: православных, мусульман, иудеев и армяно-григориан [15].

Архитектурный облик города отражал идеологические установки своего времени. Как подчёркивает А. В. Репников, планировка и застройка российских городов в XIX веке нередко становились средствами символического выражения государственной власти. В Кисловодске это проявлялось, в частности, в использовании архитектурных форм ампира и псевдоклассицизма при создании ключевых общественных объектов – таких как колоннада у Нарзанной галереи или Курзал, что визуально подчёркивало имперскую стабильность и величие [16].

Постепенно курорт приобрёл статус не только лечебного, но и культурно-интеграционного пространства, где происходило взаимодействие между представителями различных сословий, этнических групп и религиозных традиций. В условиях этого социального многообразия формировались механизмы культурного обмена и новые нормы поведения, отражающие идею «малой империи» – миниатюрной модели государства, воплощённой в курортной среде.

Аналогичные процессы описывает Н.А. Омельченко, исследуя формирование альтернативных идентичностей в период общественных кризисов. Подчёркивается значение локальных сообществ как среды, в которой конструируются новые способы самопонимания и социального позиционирования [13].

Таким образом, в XIX веке Кисловодск трансформировался в пространство, где курортный быт сочетался с элементами государственной идеологии, культурной политики и социальной динамики. Его история представляет собой значимый

пример имперской повседневности на стыке традиционного уклада и модернизационных процессов.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить ключевые закономерности трансформации Кисловодска в XIX веке, который из периферийного военного поселения превратился в образцовый российский курорт и значимый культурный центр. Основные результаты работы могут быть сформулированы следующим образом:

1. Природно-климатические факторы стали основой курортного развития. Уникальные свойства нарзана, изученные П. С. Палласом и Ф.П. Гаазом, в сочетании с благоприятным климатом долины создали идеальные условия для формирования лечебного курорта. Развитие бальнеологических методов (газовые ванны, терренкур) поставило Кисловодск в один ряд с ведущими европейскими курортами.

2. Государственная политика сыграла решающую роль в становлении инфраструктуры. Строительство крепости (1798), указ Александра I (1803) и прокладка железной дороги (1891) создали организационно-транспортный каркас для развития курорта. При этом частная инициатива способствовала быстрому росту коммерческой инфраструктуры.

3. Социокультурная динамика проявилась в формировании уникальной курортной среды. Противопоставление Кисловодска («долина радости») и Железноводска («обитель смирения») по наблю-

дениям Радожицкого, демонстрирует, как курорт стал пространством не только лечения, но и социальной активности. Присутствие творческой интеллигенции и организация культурных мероприятий сформировали особую идентичность места.

4. Экономическая модель курорта основывалась на: высокой доходности курортного бизнеса (до 1000 руб. годового дохода с одного домика), четкой социальной стратификации, развитии сопутствующих отраслей (торговля, ремесла, транспорт).

Перспективные направления дальнейших исследований связаны с углублённым изучением региональной специфики курортного дела, которое позволит выявить уникальные черты развития различных курортных зон России. Сравнительный анализ российских и европейских курортов может пролить свет на общие закономерности и национальные особенности формирования курортной культуры. Особый интерес представляет исследование роли выдающихся личностей – врачей, предпринимателей, деятелей культуры – в становлении и развитии курортных центров, что позволит по-новому взглянуть на движущие силы этого процесса.

Проведенная работа подтверждает, что Кисловодск XIX века стал уникальным примером синтеза природных, социальных и культурных факторов, создавших модель российского курорта, сохраняющую свою актуальность до настоящего времени.

Список источников

1. Археологические памятники национального парка «Кисловодский» // Наш Кисловодск. URL: <https://nash-kislovodsk.ru/19075> (дата обращения: 01.02.2025)
2. Шейко Н.И., Маньшина Н.В. Кавказские Минеральные Воды. Путешествие за здоровьем: исторический путеводитель. Москва: Вече, 2006. 303 с.
3. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть 3. СПб., 1788. 661 с.
4. Вазагов В.М., Ф.Ф. Сидоренко Первооткрыватели Кавказских Минеральных Вод. ФГУП «Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополье», 2003. 492 с.
5. Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. Снег, 2012. 520 с.
6. Несмачная С.И. Кисловодск в исторических документах 1803-1917 гг. ГП «Наследие», 1998. 191 с.
7. Кисловодский нарзан // Централизованная библиотечная система г. Кисловодска. URL: <https://kislovodsk-cbs.ru/kraevedenie/gorod-sun/132-kislovodskij-narzan> (дата обращения: 02.02.2025)
8. Грум К. Действия минеральных вод на человеческий организм. Заграничные минеральные воды. СПб., 1853. 356 с.
9. Русский Баден-Баден: Кисловодск до революции // LiveJournal. URL: <https://www.livejournal.com/media/128060.html> (дата обращения: 01.02.2025)
10. Ваганян Э. «Открою лавочку и буду лечить дам и девиц: где в Кисловодске любимые места Чехова» // Это Кавказ. URL: <https://etokavkaz.ru/kultura/narzan-eto-udivitel'naya-shtuka-chem-kislovodsk-plenil-chekhova> (дата обращения: 01.02.2025)
11. Ознобишин Д.П. Кисловодск («Долина есть в краю далёком») // Отечественные записки. 1840. Ч. 9. С. 80 – 81.

12. Радужицкий И.Т. Прогулка к Кавказским минеральным водам // Отечественные записки. 1824. Ч. 17. С. 218 – 225.
13. Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1996. 549 с.
14. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 912 с.
15. Бабкин М.А. Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2018. 558 с.
16. Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М.: РОССПЭН, 2014. 527 с.

References

1. Archaeological monuments of the Kislovodsk National Park. Nash Kislovodsk. URL: <https://nash-kislovodsk.ru/19075> (date accessed: 01.02.2025)
2. Sheiko N.I., Manshina N.V. Caucasian Mineral Waters. Journey for health: a historical guide. Moscow: Veche, 2006. 303 p.
3. Pallas P.S. Journey through different provinces of the Russian Empire. Part 3. St. Petersburg, 1788. 661 p.
4. Vazagov V.M., F.F. Sidorenko Discoverers of the Caucasian Mineral Waters. FSUE "Publishing and Printing Firm" Stavropolye ", 2003. 492 p.
5. Boglachev S.V., Savenko S.N. Architecture of old Kislovodsk. Sneg, 2012. 520 p.
6. Nesmachnaya S.I. Kislovodsk in historical documents 1803-1917. State Enterprise "Heritage", 1998. 191 p.
7. Kislovodsk narzan. Centralized library system of Kislovodsk. URL: <https://kislovodsk-cbs.ru/kraevedenie/gorod-sun/132-kislovodskij-narzan> (date of access: 02.02.2025)
8. Groom K. Effects of mineral waters on the human body. Foreign mineral waters. SPb., 1853. 356 p.
9. Russian Baden-Baden: Kislovodsk before the revolution. LiveJournal. URL: <https://www.livejournal.com/media/128060.html> (date accessed: 01.02.2025)
10. Vaganyan E. "I'll open a shop and treat ladies and girls: where in Kislovodsk are Chekhov's favorite places". Eto Kavkaz. URL: <https://etokavkaz.ru/kultura/narzan-eto-udivitel'naya-shtuka-chem-kislovodsk-plenil-chekhova> (date accessed: 01.02.2025)
11. Oznobishin D.P. Kislovodsk ("There is a valley in a distant land"). Otechestvennye zapiski. 1840. Part 9. P. 80 – 81.
12. Radozhitsky I.T. Walk to the Caucasian Mineral Waters. Otechestvennye zapiski. 1824. Part 17. P. 218 – 225.
13. Omelchenko N.A. In Search of Russia: Socio-Political Thought of the Russian Diaspora on the Revolution of 1917. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1996. 549 p.
14. Mironov B.N. Russian Empire: From Tradition to Modernity. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2015. 912 p.
15. Babkin M.A. Confessional Policy of the Provisional Government of Russia: A Collection of Documents. Moscow: Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2018. 558 p.
16. Repnikov A.V. Conservative Models of Russian Statehood. Moscow: ROSSPEN, 2014. 527 p.

Информация об авторах

Лаврентьева М.А., кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет, Tabar1@rambler.ru

Гаевская И.И., кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет, Innagaevskaya@yandex.ru

Костенко Р.В., ассистент, Кубанский государственный технологический университет, Ritovna99@mail.ru

Козадерова А.Д., Кубанский государственный технологический университет, Anastasiakim20@yandex.ru

© Лаврентьева М.А., Гаевская И.И., Костенко Р.В., Козадерова А.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 908 + 332.1.

Решение кормовой проблемы животноводства на территории Красноярского края в 1953-1964 гг.

¹ Коцик С.А.,
¹ Красноярский государственный аграрный университет

Аннотация: в 1953-1964 гг. Н.С. Хрущевым был взят курс на развитие аграрной отрасли, в рамках которого большое значение имел подъем животноводства. Одной из ключевых задач животноводства в данный период становится создание прочной кормовой базы. Целью данной статьи является анализ проводимых мероприятий по улучшению кормового обеспечения скота на территории Красноярского края. Использование в работе статистических данных позволило установить взаимосвязь между достаточным кормовым обеспечением скота и основными показателями развития животноводства, такими как поголовье скота и его продуктивность. Автором сделан вывод о том, что кормовая проблема являлась одним из главных сдерживающих факторов в развитии общественного животноводства на территории региона. Мероприятия, проводимые советским руководством, продемонстрировали невысокую эффективность и оказывали недостаточное влияние на улучшение производственных показателей в животноводстве. Кормовая проблема также оставалась нерешенной. Усиление негативных факторов в отрасли и создание угрозы продовольственному обеспечению советского населения побудили руководство страны в середине 1960-х гг. к корректировке курса аграрного развития в сторону проведения интенсификации сельского хозяйства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Н.С. Хрущев, животноводство, кормовая проблема, кукурузная кампания, Красноярский край, 1953-1964 гг.

Для цитирования: Коцик С.А. Решение кормовой проблемы животноводства на территории Красноярского края в 1953-1964 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 266 – 273.

Поступила в редакцию: 19 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Solution of the fodder problem of livestock breeding in the territory of Krasnoyarsk region in 1953-1964

¹ Kotsik S.A.,
¹ Krasnoyarsk State Agrarian University

Abstract: in 1953-1964, N.S. Khrushchev set a course for the development of the agricultural sector, within which the rise of animal husbandry was of great importance. One of the key tasks of animal husbandry in this period is the creation of a solid fodder base. The purpose of this article is to analyze the measures taken to improve the feed supply of livestock in the Krasnoyarsk Territory. The use of statistical data in the work made it possible to establish a relationship between sufficient livestock feed supply and the main indicators of livestock development, such as livestock numbers and productivity. The author concludes that the feed problem was one of the main constraining factors in the development of public animal husbandry in the region. The measures carried out by the Soviet leadership demonstrated low efficiency and had insufficient impact on improving production performance in

animal husbandry. The feeding problem also remained unresolved. The intensification of negative factors in the industry and the creation of a threat to the food supply of the Soviet population prompted the country's leadership in the mid-1960s to adjust the course of agricultural development towards the intensification of agriculture.

Keywords: agriculture, N.S. Khrushchev, animal husbandry, fodder problem, corn campaign, Krasnoyarsk region, 1953-1964

For citation: Kotsik S.A. Solution of the fodder problem of livestock breeding in the territory of Krasnoyarsk region in 1953-1964. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 266 – 273.

The article was submitted: February 19, 2025; Approved after reviewing: April 16, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Одним из главных направлений экономической политики Н.С. Хрущева являлся подъем сельского хозяйства. Необходимость решительных мер в данной области обуславливалась кризисным состоянием аграрного сектора в этот период. В результате Великой Отечественной войны сельскому хозяйству многих регионов страны был нанесен значительный ущерб, что вызвало снижение производимой продукции и создавало угрозу продовольственному обеспечению советского населения. Наиболее отстающей отраслью сельского хозяйства оставалось животноводство, восстановление которого в послевоенный период велось крайне медленно.

Целью данного исследования является анализ мероприятий советского руководства в 1953-1964 гг., направленных на решение кормовой проблемы в животноводстве на примере хозяйств Красноярского края. Актуальность развития производства животноводческой продукции на территории Красноярского края объяснялась стремительным ростом численности населения региона, что создавало потребность в достаточном продовольственном обеспечении. Помимо этого, мясо представляло собой скоропортящуюся продукцию, транспортировка и хранение которой осложнялись ввиду значительной территориальной удаленности районов края друг от друга. В связи с этим возникала необходимость укрепления животноводческого производства на местах.

Материалы и методы исследований

Некоторые результаты изучения сельскохозяйственного развития регионов Сибири в рамках советской историографии были представлены в пятом томе «Истории Сибири» [18], в котором отражены успехи местных хозяйств в увеличении поголовья скота и его продуктивности, улучшения в системе оплаты труда работников животноводческих ферм, а также мероприятия по решению кадровой проблемы сельского хозяйства. Роль местной партийной организации КПСС в подъеме сельского хозяйства представлена в «Очерках ис-

тории Красноярской краевой партийной организации КПСС. 1895-1980» [21].

На современном этапе историографии одним из актуальных направлений в изучении сельскохозяйственной политики Н.С. Хрущева, а также проводимых им преобразований в области животноводства являются региональные исследования. Глубокое и комплексное исследование аграрного строя сибирского региона было проведено в работах В.А. Ильиных [16, 17], С.Н. Андреевкова [1,2].

Сельскохозяйственное развитие Красноярского края в послевоенный период как этап складывания предпосылок для дальнейших преобразований Н.С. Хрущева представлен в работах С.Т. Гайдина [5]. Е.А. Борисенко рассматривала проблемы восстановления животноводства Красноярского края в позднесталинский период, отдельное внимание уделяя мероприятиям по решению кормовой проблемы в рамках трехлетнего плана развития общественного животноводства на 1949-1951 гг. [3] Р.В. Павлюкевич, анализируя динамику развития поголовья скота на территории Красноярского края, пришел к выводу, что несмотря на реальное увеличение производимой продукции животноводства в 1953-1964 гг., многие из проблем отрасли не были решены, а хозяйства продолжали оставаться убыточными [22]. На настоящий момент тема сельскохозяйственных преобразований на территории Красноярского края в 1953-1964 гг. остается малоизученной и требует дальнейшей разработки в рамках исторической науки.

Методологической основой данного исследования является теория модернизации, а также концепция В. А. Ильиных, согласно которой период Н. С. Хрущева представлен в качестве переходного этапа советской модернизации. В рамках этого периода происходит отказ от сталинских методов организации аграрного производства и складывается новая модель аграрного строя, особенностями которой являются укрупнение производственных структур и индустриализация сельскохозяйственного производства [16, с. 628]. В ходе данного исследования применялись общенаучные методы

исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция. Привлечение количественных данных обусловило применение статистических методов их обработки.

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Р-1300, 1374, 1478 Государственного архива Красноярского края (ГАКК), в которых содержатся статистические материалы, отчетная документация местных органов управления сельским хозяйством, а также планы развития народного хозяйства Красноярского края. Кроме этого, в работе используются материалы местной периодической печати, освещавшей проблемы развития животноводства в рассматриваемый период.

Результаты и обсуждения

Одним из следствий Великой Отечественной войны для Красноярского края стал глубокий кризис животноводства, что было вызвано рядом причин. Во-первых, в условиях оккупации западных районов страны в первые годы войны задача обеспечения поставок продовольствия для армии и гражданского населения была возложена на восточные территории, что обусловило значительное увеличение нагрузки на хозяйства Красноярского края. Помимо этого, убыль населения в годы войны, а также ускоренная урбанизация региона в последующий период повлекли за собой обострение дефицита кадров в сельском хозяйстве. Так, по данным местных историков, за 1941-1945 гг. было потеряно 122,7 тыс. человек, или 74% от мужского населения, призванного из Красноярского края [4, с. 126].

Проблемное состояние отрасли подчеркивалось резким сокращением поголовья скота на территории региона. Лишь по колхозам края в первой половине 1940-х гг. поголовье лошадей сократилось с 282,4 тыс. голов до 131,5 тыс., а крупного рогатого скота – с 286,5 тыс. голов до 163,5 тыс. [12, л. 14.] В этот период также значительно ухудшается кормовое обеспечение поголовья. Размеры заготовок с начала войны к середине 1940-х гг. уменьшились более чем в два раза – с 3121 тыс. тонн до 1344,2 тыс. тонн [12, л. 5.].

Вследствие этого главной задачей местного ру-

ководства в области животноводства в послевоенный период являлось восстановление поголовья скота. Развитие данной отрасли сельского хозяйства во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. характеризуется положительной динамикой. Так, в колхозах края за период с 1946 по 1953 гг. поголовье скота увеличилось: лошадей – на 80,7 тыс. голов, крупного рогатого скота – на 133,7 тыс. голов, свиней – на 236,6 тыс. голов, овец и коз – на 645,2 тыс. голов и взрослой птицы – на 563,5 тыс. голов [6, л. 14].

Е.А. Борисенко, анализируя результаты выполнения плана развития животноводства края к началу 1950-х гг., отмечала позитивные изменения в отрасли: строительство стойловых помещений для скота, механизацию технологических процессов, развитие системы подготовки специалистов [3, с. 133]. При этом темпы развития данной области сельского хозяйства в послевоенный период были низкими и не соответствовали ожиданиям советского руководства. Одним из главных сдерживающих факторов животноводства являлась кормовая проблема. План заготовки кормов хозяйствами края из года в год оставался невыполненным, что объяснялось крайне низкой урожайностью трав, составлявшей 4-6 ц/га при плане 10-12 ц/га, а также недостаточными усилиями колхозников в сохранении собранного урожая.

Приход к власти Н.С. Хрущева повлек за собой корректировку аграрной политики страны. XIX съездом и Сентябрьским Пленумом ЦК КПСС в рамках развития животноводства была намечена грандиозная программа по увеличению поголовья общественного скота, повышению его продуктивности, а также устранению основных недостатков в отрасли. Одним из наиболее важных условий подъема животноводства являлось создание прочной кормовой базы, проводимое посредством расширения посевных площадей. На территории Красноярского края лишь в 1953-1958 гг. площадь посевов, отведенных под кормовые культуры, увеличилась почти вдвое. Вследствие этого хозяйства края смогли значительно увеличить заготовки сочных и грубых кормов.

Таблица 1

Динамика расширения посевов кормовых культур на территории Красноярского края в 1953-1958 гг. (в тыс. га).

Table 1

Dynamics of the expansion of forage crops in the Krasnoyarsk Territory in 1953-1958 (in thousands of hectares).

	1953	1954	1955	1956	1957	1958
Все кормовые культуры	393,7	478,9	618,3	677,5	692,9	733,0

Однако размеры заготовок кормов продолжали оставаться недостаточными для удовлетворения нужд краевого животноводства. В связи с этим в 1955 году на смену насаждениям многолетних трав было предложено уделить внимание считавшейся более ценной кормовой культуре – кукурузе. Попытки внедрения кукурузы в 1954-1955 гг. продемонстрировал советскому руководству, что данная культура могла стать решающим звеном в укреплении кормовой базы животноводства. Целесообразность расширения посевов кукурузы объяснялась ее крайне высокой урожайностью. Вслед за этим решением последовали указания Красноярского краевого управления сельского хозяйства местным колхозам и совхозам о массовом расширении посевов кукурузы. Размер площади посевов данной культуры по Красноярскому краю уже в 1955 году составил 62,2 тыс. га, в 1956 году – 141,0 тыс. га, а в 1957 году – уже 211,0 тыс. га [13, л. 4]. К концу 1950-х гг. кукуруза стала одной из основных культур в структуре краевого полеводства.

В то же время полное отсутствие опыта выращивания данной культуры на территории края повлекло за собой многочисленные ошибки в проведении «кукурузной кампании» на местах. Так, механизаторы и колхозники Тубинской МТС Курагинского района в 1955 году, рассказывая о практике выращивания кукурузы, отмечали, что участки под кукурузу отводились не на лучших землях,

а не тех, которые остались незанятыми ранними колосовыми культурами, сам сев осуществлялся только вручную и в основном проводился школьниками, которым не было дано достаточного инструктажа. Также большинство семян оказывались заделанными мелко, в сухую почву, в связи с чем они не смогли прорасти [19, л. 3].

Недостаток собственных кормов на территории края вызывал необходимость в приобретении кормов из других регионов. Так, местными совхозами в 1955 г. было куплено 432,8 тыс. центнеров концентрированных кормов из других регионов страны, а к 1958 г. объем закупок достиг уже 763,4 тыс. ц. [7, л. 21] Следствием этого являлось увеличение себестоимости мясомолочной продукции данных хозяйств.

Таким образом, в течение 1953-1958 гг. советским руководством был предпринят ряд инициатив, направленных на решение кормовой проблемы животноводства. Можно отметить определенный положительный эффект. К примеру, выращивание кукурузы позволило обеспечить в некоторых хозяйствах дополнительную подкормку коров, вследствие чего увеличивалось производство молока. Кроме этого, расширение посевных площадей способствовало увеличению заготовок кормов хозяйствами края. Однако в целом эффективность предпринятых мер оказалась невысокой, что подтверждается средними показателями расхода кормов в хозяйствах края (табл. 2).

Таблица 2

Средние показатели обеспеченности кормами в расчете на одну условную голову крупного рогатого скота в колхозах и совхозах Красноярского края в 1953-1958 гг. (в центнерах).

Table 2

Average indicators of feed supply per conditional head of cattle in collective farms and state farms of the Krasnoyarsk Territory in 1953-1958. (in hundredweight).

	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Грубых кормов	22,9	29,7	28,6	27,0	26,8	24,7
В т.ч. сена	14,1	15,9	15,5	12,7	12,4	12,4
Сочных кормов	70,4	82,5	84,2	84,2	96,5	82,4
В т.ч. силоса	62,9	74,3	76,2	75,6	87,8	77,3

Ускоренное воспроизводство поголовья скота на территории Красноярского края в 1953-1958 гг. сопровождалось увеличением производимой местными хозяйствами мясомолочной продукции, тем не менее, развитие общественного животноводства в этот период шло с заметным отставанием от других регионов страны. Так, если в колхозах и совхозах Краснодарского края, Воронежской, Омской, Смоленской области за 4 года производства мяса выросло на 40-70%, то в Красноярском крае показатели даже снизились – с 35,3 тыс. тонн до 34,7 тыс. тонн [10, л. 8].

Необходимость ликвидировать данное отставание, а также задачи, поставленные советским руководством на период выполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1959-1965 гг.) обусловили значительное увеличение плана производства мясомолочной продукции для хозяйств Красноярского края уже в 1959 году. План сдачи мяса государству в сравнении с 1958 г. был увеличен в 1,5 раза, свинины – в 3 раза, а яиц – на 22% [15, л. 47].

Большое значение в рамках семилетнего плана имело улучшение структуры сельхозугодий. Так, луга и пастбища в ней составляли практически половину от всей площади, тогда как урожай давали крайне низкий. Средние сборы сена с естественных сенокосов составляли 4-5 ц/га, что было недостаточным для решения проблем животноводства. В производстве других кормовых культур также отмечалось заметное отставание. На корм скота требовалось увеличение посевов картофеля, сахарной свеклы, а также выращивание клевера, люцерны, викоовсяной и горохоовсяной смеси, которым в эти годы отводилось второстепенное значение. Для выполнения поставленных XXII съездом КПСС и зональными совещаниями задач по созданию прочной кормовой базы во всех районах края была разработана новая структура посевных площадей, учитывающая значительное расширение посевов кукурузы, кормовых бобов, гороха и сахарной свеклы на корм скоту, что должно было привести к значительному увеличению продукции животноводства в годы семилетки.

В эти годы было продолжено проведение кукурузной кампании. В советском руководстве преобладало мнение, что к концу 1950-х гг. многие хозяйства уже освоили агротехнику выращивания кукурузы, что в дальнейшем позволит им избежать ошибок в ее выращивании и позволит получать 500-600 ц/га зеленой массы кукурузы, а в районах недостаточного увлажнения – 300 ц/га

[20, с. 284]. Однако реальные сборы кукурузы на территории Красноярского края были значительно ниже планируемых показателей. В 1958 году средняя урожайность зеленой массы кукурузы составила 62 ц/га, в 1959 году – 156 ц/га, а в 1960 году – лишь 99 ц/га [14, л. 2]. Лишь некоторым передовым хозяйствам региона удалось получить урожай размером 300 и более ц/га. В целом же по Красноярскому краю урожайность кукурузы на протяжении всего периода была ниже плановой. Вызвано это было, в первую очередь тем, что выращивание кукурузы значительным образом зависело от благоприятного климата. Суровые погодные условия задерживали проведение сельскохозяйственных работ, а также тормозили прорастание семян и появление всходов. В последующие годы урожайность кукурузы продолжила снижаться и составила в среднем по хозяйствам края в 1962 году – 95 ц/га, в 1963 году – 81 ц/га [9, л. 173], а в 1964 г. – 95 ц/га [11, л. 121]. В последние годы кукурузная кампания, ввиду неудовлетворительных результатов, стала сворачиваться. Если в 1962 году площадь посевов кукурузы на территории края составила 554,2 тыс. га, то к 1964 году сократилась уже до 448,9 тыс. га [9, л. 5]. Таким образом, кукурузная кампания не смогла стать средством решения кормовой проблемы в хозяйствах Красноярского края и оказала лишь незначительный эффект в улучшении продуктивности животноводства.

В первой половине 1960-х гг. рост посевов кормовых культур практически остановился. Площадь, отведенная под кормовые культуры, в 1962 г. – составила 969,3 тыс. га, а к 1964 г. увеличилась до 985,0 тыс. га (+1,61%) [9, л. 5]. В то же время происходит сокращение посевов кукурузы, а также многолетних трав. Фактически к середине 1960-х гг. задача улучшения кормового обеспечения животноводства оставалась невыполненной.

Следствием ухудшения кормового обеспечения в годы семилетки стало снижение упитанности скота (табл. 3). Во многих хозяйствах края значительная доля поголовья имела вес меньше нормы. Так, если в 1959 году из всего сдаваемого государству крупного рогатого скота 24,7% были неупитанными, то в 1960 г. этот показатель составил уже 27,2%, а в 1961 г. – 20,0%. По овцам и козам показатели составляли 54,4%, 53,7% и 42,5% соответственно [8, л. 62]. В последующие годы хрущевского руководства ухудшение показателей объяснялось нестабильностью в выращивании кормовых культур, вызванных неблагоприятными климатическими условиями.

Таблица 3

Средний вес скота, проданного государству хозяйствами Красноярского края в 1961-1964 гг. (в кг. на одну голову).

Table 3

The average weight of livestock sold to the state by farms of the Krasnoyarsk Territory in 1961-1964. (in kg. per head).

	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.
Крупный рогатый скот	268	289	264	250
Свиньи	82,5	73	61	56
Овцы и козы	41	42	38	40

В начале 1960-х гг. Красноярский край столкнулся с ухудшением продуктивности отдельных категорий скота. Так, например, с 1959 по 1963 гг. численность коров в целом по Красноярскому краю возросла с 452 тыс. голов до 521,3 тыс. голов. Однако в этот же период средний удой от одной коровы уменьшился с 1999 кг. до 1635 кг [10, л. 13]. На протяжении всего периода выполнения семилетнего плана наблюдается систематическое снижение среднего удоя молока от одной фуражной коровы, что объяснялось, главным образом, недостатком кормов, заготовка которых отставала от роста поголовья скота. В зимний стойловый период на фоне недостатка кормов коровы истощались, а в летний период, когда кормов было достаточно, шло восстановления организма, что сказывалось на сниженной отдаче молока. Кормовой рацион коров, главным образом, был представлен соломой, однако и ее во многих хозяйствах было недостаточно. Прямым следствием проблем с кормлением и размещением скота, недостаточным уходом со стороны работников ферм являлись высокие показатели отхода скота в хозяйствах Красноярского края. В годы семилетки хозяйства края ежегодно теряли 4-7% крупного рогатого скота от общего поголовья, 14-16% свиней и 5-8% овец и коз. В свою очередь, это препятствовало устойчивому расширению стада и увеличению производимой продукции животноводства на территории края.

Выводы

Итоги выполнения плана развития сельского хозяйства к 1964 году фактически демонстрировали провал хрущевских преобразований в области животноводства. В сельскохозяйственном производстве Красноярского края сохранялись проблемы, связанные с неудовлетворительными условиями содержания и кормления скота, местные хозяйства не смогли эффективно адаптироваться к неблагоприятным климатическим условиям и

обеспечить устойчивую сдачу мясомолочной продукции государству, продолжала сохранять актуальность проблема кадров в краевом животноводстве, а также недостаточная механизация ферм.

Результаты развития животноводства на территории Красноярского края представляются противоречивыми. На наш взгляд, существенного подъема данной отрасли в рассматриваемый период не наблюдалось. Проводимые Н.С. Хрущевым преобразования действительно способствовали расширению поголовья стада и, как следствие, увеличению производимой продукции животноводства, в то же время ряд глубоко укоренившихся в сельскохозяйственном производстве проблем продолжал сохраняться. Главной проблемой животноводства, которую не удалось решить местному руководству в хрущевский период, являлась кормовая проблема. Изменение структуры полей, кукурузная кампания, закупки кормов из-за пределов региона не смогли значительным образом повлиять на улучшение продуктивности скота. Сильная зависимость животноводства от успехов краевого земледелия обусловила значительное ухудшение по ряду показателей в конце хрущевского периода, когда растениеводство Красноярского края стало испытывать значительные проблемы.

В то же время нельзя не отметить, что трудности в экстенсивном развитии побуждали местное руководство к внедрению элементов интенсификации животноводства. Так, в начале 1960-х гг. животноводство края все сильнее механизмуется, проводится специализация хозяйств, что прямым образом сказывалось на повышении продуктивности животноводства, а также более эффективной организации сельскохозяйственного труда, тем не менее, большая часть этих мероприятий стала проводиться лишь в заключительный период хрущевского руководства и была завершена уже после его отставки.

Список источников

1. Андреенков С.Н. Десталинизация сельского хозяйства в СССР: предпосылки, ход, результаты // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: Материалы XV международной научной конференции, Екатеринбург, 21-24 июня 2023 года. М., 2023. С. 248 – 255.
2. Андреенков С.Н. Политика государства по отношению к личным подсобным хозяйствам населения в начале 1960-х гг. // Проблемы аграрной истории России: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию профессора В.М. Вазинского (1930-2010), Липецк, 24 апреля 2020 года. Липецк, 2020. С. 137 – 143.
3. Борисенко Е.А. Основные направления и результаты работы колхозов Красноярского края по выполнению трехлетнего плана развития общественного животноводства в послевоенные годы (1949-1951) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 3. (9). 2018. С. 122 – 135.
4. Влияние индустриального развития Красноярского края на соотношение городского и сельского населения в 1939-1990 гг. (по материалам плановой комиссии Крайисполкома) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2021. № 2 (20). С. 123 – 137.
5. Гайдин С.Т. Основные тенденции развития сельскохозяйственного производства в Красноярском крае в восстановительный период (1946-1953 гг.) // Государственная аграрно-правовая политика в современной России. Материалы круглого стола. Красноярск, 2017. С. 219 – 224.
6. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 2. Д. 1750. 118 л.
7. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 2. Д. 2593. 242 л.
8. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 2. Д. 4187. 210 л.
9. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 2. Д. 4849. 192 л.
10. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 2. Д. 5511. 168 л.
11. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 2. Д. 5512. 172 л.
12. ГАКК. Ф.Р-1374. Оп. 2. Д. 280. 18 л.
13. ГАКК. Ф.Р-1374. Оп. 2. Д. 687. 52 л.
14. ГАКК. Ф.Р-1374. Оп. 2. Д. 1293. 77 л.
15. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д. 347. 68 л.
16. Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 620 – 630.
17. Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в XX в.: динамика отраслевой структуры // Сибирская проблема: проблемы истории: сборник научных трудов. Новосибирск, 2015. №3. С. 214 – 252.
18. История Сибири. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Л.: Наука. 1969. Т. 5. 472 с.
19. Красноярский рабочий. 1955. № 42 (10684).
20. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 9. 1956-1960. М.: Политиздат, 1986. 574 с.
21. Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС, 1895-1980. Красноярск, 1982. 599 с.
22. Павлюкевич Р. В. Динамика развития животноводства в Красноярском крае в 1953-1964 годах // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 177 – 189.

References

1. Andreenkov S.N. De-Stalinization of Agriculture in the USSR: Prerequisites, Progress, Results. 1953. Summing Up and Choosing a Path: Proceedings of the XV International Scientific Conference, Ekaterinburg, June 21-24, 2023. Moscow, 2023. P. 248 – 255.
2. Andreenkov S.N. State Policy towards Personal Subsidiary Farms of the Population in the Early 1960s. Problems of Agrarian History of Russia: Proceedings of the Third All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Professor V.M. Vazhinsky (1930-2010), Lipetsk, April 24, 2020. Lipetsk, 2020. P. 137 – 143.
3. Borisenko E.A. The main directions and results of the work of collective farms of the Krasnoyarsk Territory on the implementation of the three-year plan for the development of public animal husbandry in the post-war years (1949-1951). Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2018. No. 3. (9). 2018. P. 122 – 135.
4. The impact of industrial development of the Krasnoyarsk Territory on the ratio of urban and rural population in 1939-1990 (based on the materials of the planning commission of the Regional Executive Committee). Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2021. No. 2 (20). P. 123 K 137.

5. Gaidin S.T. The main trends in the development of agricultural production in the Krasnoyarsk Territory during the recovery period (1946-1953). State agrarian and legal policy in modern Russia. Round table materials. Krasnoyarsk, 2017. P. 219 – 224.
6. GAKK. FR-1300. Op. 2. D. 1750. 118 p.
7. GAKK. FR-1300. Op. 2. D. 2593. 242 p.
8. GAKK. FR-1300. Op. 2. D. 4187. 210 p.
9. GAKK. FR-1300. Op. 2. D. 4849. 192 p.
10. GAKK. FR-1300. Op. 2. D. 5511. 168 p.
11. GAKK. FR-1300. Op. 2. D. 5512. 172 p.
12. GAKK. FR-1374. Op. 2. D. 280. 18 p.
13. GAKK. FR-1374. Op. 2. D. 687. 52 p.
14. GAKK. FR-1374. Op. 2. D. 1293. 77 p.
15. GAKK. FR-1478. Op. 3. D. 347. 68 p.
16. Ilyinykh V.A. Agrarian system of Siberia in the 20th century: stages of transformation. Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 2012. No. 1. P. 620 – 630.
17. Ilyinykh V.A. Agriculture of Siberia in the 20th century: dynamics of the sectoral structure. Siberian problem: problems of history: collection of scientific papers. Novosibirsk, 2015. No. 3. P. 214 – 252.
18. History of Siberia. Siberia during the period of completion of the construction of socialism and the transition to communism. L.: Science. 1969. Vol. 5. 472 p.
19. Krasnoyarsk worker. 1955. No. 42 (10684).
20. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee (1898-1986). Vol. 9. 1956-1960. M.: Politizdat, 1986. 574 p.
21. Essays on the history of the Krasnoyarsk regional organization of the CPSU, 1895-1980. Krasnoyarsk, 1982. 599 p.
22. Pavlyukevich R. V. Dynamics of the development of animal husbandry in the Krasnoyarsk Territory in 1953-1964/ Historical Courier. 2024. No. 4 (36). P. 177 – 189.

Информация об авторе

Коцик С.А., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-2852-9472>, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, ул. Ленина, 117, stkotsik@yandex.ru

© Коцик С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 39

Трудовые обычаи и обряды в хозяйственной деятельности карачаево-балкарцев в дореформенный период

¹ Болурова А.Н.,

¹ Батчаев А.А.,

¹ Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

Аннотация: карачаево-балкарский народ имеет свою древнюю историю и самобытную культуру. Не хлебом единым жив человек. Интерес к прошлому своего народа, его обычаям и традициям, связям со своими земляками и соседями – это то, что отличает человека, действительно преданного своей Родине, от того, кто не достоин, иметь отечество.

Под бытом в этнографии принято понимать передающиеся от одного потомка к другому традиционные формы повседневной жизни людей. В первую очередь они включают в себя взаимоотношения людей как в период работы, так и вне работы, поведение в общественных местах. Другими словами, эти обычаи и традиции диктуют людям правила поведения в том или ином случае жизни.

Хозяйство относится к материальной культуре, и рассматриваются не только полученные от хозяйственной деятельности результаты (продукты земледелия, скотоводства, ремесла и др.), но и сам процесс труда, участие в нем самого человека, формы хозяйства и методы хозяйствования, а заодно и общественных отношений, связанные с хозяйством.

Изучение традиционного хозяйственного быта карачаево-балкарцев остается одной из актуальных проблем в отечественной исторической науке.

В данном исследовании рассматривается роль трудовых обычаев и обрядов в хозяйственной деятельности карачаево-балкарцев в дореформенный период. В центре внимания автора работы – основные тенденции в развитии скотоводства, охоты и земледелия, а также влияние на них трудовых обычаев и обрядов. Одновременно, в статье показано, каким образом отражены основные отрасли хозяйства в карачаево-балкарском фольклоре.

Ключевые слова: горцы, скотоводство, земледелие, скот, пастбища, орудия, карачаево-балкарцы, хозяйственная деятельность, охота, земля, урожай

Для цитирования: Болурова А.Н., Батчаев А.А. Трудовые обычаи и обряды в хозяйственной деятельности карачаево-балкарцев в дореформенный период // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 274 – 280.

Поступила в редакцию: 19 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Labor customs and rituals in the economic sphere activities of the Karachay-Balkarians in the pre-reform period

¹ Bolurova A.N.,

¹ Batchaev A.A.,

¹ Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev

Abstract: the Karachay-Balkarian people have their own ancient history and distinctive culture. Man does not live by bread alone. Interest in the past of one's people, their customs and traditions, and ties with one's fellow countrymen and neighbors is what distinguishes a person who is truly devoted to his Homeland from someone who is not worthy of having a fatherland.

In ethnography, everyday life is usually understood as the traditional forms of people's daily life passed down from one descendant to another. First of all, they include people's relationships both during work and outside of work, behavior in public places. In other words, these customs and traditions dictate to people the rules of behavior in a particular case of life.

Farming refers to material culture, and not only the results obtained from economic activity (products of agriculture, cattle breeding, handicrafts, etc.) are considered, but also the labor process itself, the participation of the person himself in it, forms of farming and methods of management, and at the same time social relations related to farming.

The study of the traditional economic life of the Karachay-Balkarians remains one of the urgent problems in Russian historical science.

This study examines the role of labor customs and rituals in the economic activities of the Karachay-Balkarians in the pre-reform period. The author focuses on the main trends in the development of cattle breeding, hunting and agriculture, as well as the influence of labor customs and rituals on them. At the same time, the article shows how the main branches of the economy are reflected in Karachay-Balkar folklore.

Keywords: mountaineers, cattle breeding, agriculture, cattle, pastures, implements, Karachay-Balkarians, economic activity, hunting, land, harvest

For citation: Bolurova A.N., Batchaev A.A. Labor customs and rituals in the economic sphere activities of the Karachay-Balkarians in the pre-reform period. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 274 – 280.

The article was submitted: February 19, 2025; Approved after reviewing: April 17, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Одной из важных и актуальных проблем истории карачаево-балкарского народа является вопрос о роли трудовых обычаев и обрядов в его хозяйственной деятельности в дореформенный период. Значимость данной темы в том, что на основе широкого спектра источников и литературы, в том числе и материалов полевых исследований, необходимо более глубоко и объективно рассмотреть развитие основных отраслей хозяйства, а также обычаи и обряды, связанные с трудовой и хозяйственной деятельностью.

Цель данной работы состоит в исследовании роли трудовых обычаев и обрядов в хозяйственной деятельности карачаево-балкарцев в дореформенный период.

Задачи исследования:

- рассмотреть особенности развития ведущих отраслей хозяйства карачаево-балкарцев;
- показать роль охоты в хозяйственной жизни

карачаево-балкарского народа и степень ее отражения в карачаево-балкарском фольклоре;

- исследовать трудовые обычаи и обряды карачаево-балкарцев, которые оказывали влияние на трудовую деятельность народа в указанный период.

Степень изученности проблемы. Рассматриваемая проблема нашла свое отражение в ряде источников и исторической литературе. Так, большой вклад в изучение древнего периода хозяйственной деятельности племен Центрального Кавказа внесли отечественные археологи-кавказоведы Е.И. Крупнов [6], Т.М. Минаева [10], и др. Их труды способствовали определению периода появления плужного земледелия на Северном Кавказе, изучению орудий земледелия различных исторических эпох, определению основных районов выращивания хлебных злаков древних обитателей края.

Особую значимость представляет монография профессора К.М. Текеева «Карачаевцы и балкар-

цы» [16]. Отдельную главу автор посвящает хозяйственно-культурному типу карачаевцев и балкарцев.

Серьезный интерес представляет исследование В.П. Невской «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период)» [13].

Рассматриваемая тема достаточно хорошо исследована М.Ч. Кучмезовой [7] и И.М. Шамановым [18].

В последние десятилетия проблему хозяйственной деятельности карачаево-балкарцев затрагивала в своих трудах Л.К. Текеева [17].

Новизна исследования. Автор на основе анализа ряда источников и литературы предпринял попытку исследования роли трудовых обычаев и обрядов в хозяйственной деятельности карачаево-балкарцев в дореформенный период.

Материалы и методы исследований

Методология данного исследования заключается в том, что при написании статьи мы использовали исторический метод и метод анализа.

Исторический метод помогает нам раскрыть закономерности хозяйственной деятельности горцев и роли в ней обрядов и обычаев. Мы проследили закономерности их развития через анализ важнейших исторических фактов и событий в конкретный исторический период.

С помощью метода анализа мы выявили сущность исследуемых нами явлений и процессов, показали основные составляющие хозяйственной деятельности, а также обычаев и обрядов, влияющих на хозяйственную деятельность карачаево-балкарцев.

Результаты и обсуждения

В ходе проведенного исследования мы выявили значимость данной темы для понимания основных закономерностей хозяйственной деятельности карачаево-балкарцев в рассматриваемый период. Его результаты могут быть использованы в курсе изучения истории карачаево-балкарского народа, его хозяйственной деятельности, а также роли в ней обрядов и обычаев.

Известно, что чрезвычайно огромную роль в хозяйственной деятельности карачаево-балкарцев играло скотоводство, ибо оно имело важное значение в экономической жизни народа. Скот давал удобрения для полей, особенно в высокогорных районах. Продукты животноводства выступали в качестве единицы обмена, а позже стали главным предметом купли и продажи. Обо всем этом писал в своей работе «Скотоводство народов Северного Кавказа» исследователь Б.А. Калоев [4, с. 96].

При этом одним из самых главных и чрезвычайно трудоемких видов хозяйственных работ у

горцев была заготовка корма для скота. «Жители ревниво оберегают каждое удобное для сенокоса местечко и тщательно огораживают его низким забором из камней, в изобилии скатывающихся с гор», – замечал А.Н. Дьячков-Тарасов, говоря о покосных местах «биченлик», расположенных в районе селения. Сенокосов вблизи селений было очень мало. Например, самый большой участок покосной земли в сел. Учкулан равнялся 1 дес, а у всех учкуланцев (1628 семей) в пределах Карачая имелось всего лишь 500 покосов. Покосные участки располагались по берегам рек. Участки основных сенокосов находились в предгорьях, у летних пастбищ, в так называемых фамильных зимовниках (тукъум – къышлышъла) и горных зимовниках (таукъышылыкъ). Участки сенокосов, расположенные на отдельных возвышенностях, на которых могли перезимовать 10 голов крупного рогатого скота, назывались «къышлыкъ» [5, с. 213].

Сенокосы разбивались на две группы: пойменные поливные (сугъарылгъан биченлик) и естественные богарные (сугъарылмагъал биченлик). Первые располагались в основном около селения, по долинам рек, в глубине ущелий, а вторые – на возвышенностях и в лесах. По своему качеству лучшее сено, называемое «тарлау», снималось с пойменных лугов и открытых возвышенностей. Сено, собираемое в Закубанье (Къобан ары джаны), из-за чрезмерной увлажненности местности считалось менее питательным по сравнению с кормами, снятыми в сенокосах, расположенных по правобережью Кубани. Корма, заготавливаемые на этих сенокосных участках, отличались нежностью, питательностью, что и способствовало получению высокосортных молочных продуктов и мяса. Урожайность трав на поливных сенокосах и на склонах гор была совершенно различной. В пойменных лугах собирали 150-250 пудов, на лесных полянах (чегет бет) – 100-200 пудов, а на возвышенностях 50-70 пудов сена с десятины. Поэтому и ценность сенокосов определялась по количеству собираемых с них копен сена и доходила до 3 тыс. руб. Сенокосение в Карачае начиналось с 1 августа и продолжалось 2,5 мес. Период этот назывался в народе «собираанием» (ташыуялла). Чтобы понизе срезать траву, карачаевцы становились на колени и в таком положении двигались по усеянному мелкими камнями полю. В местностях, подверженных действию ветров и солнечных лучей, старались собрать сено раньше в течение августа. Заканчивался же сенокос во второй половине октября [16, с.102].

В организации покоса бытовала традиция коллективного труда, когда мелкие крестьянские хозяйства соединялись в группу, составляя «общее

кошечье хозяйство», называемое сенокосным кошом («бичен кьош» или «джыйын»). Кулацкие хозяйства в страдную пору сенокосения прибегали к найму сезонных косарей – карачаевцев (чалкы джалчы) или приезжих сванов «десятинщиков» (десятинчыла), число которых к началу нынешнего столетия из года в год увеличивалось [1, с. 56].

Немаловажную роль в экономической жизни карачаево-балкарского народа играла охота, которая являлась промыслом, разновидностью труда, что нашло яркое отражение в фольклоре горцев. Известно, что охота была одним из древнейших занятий карачаевцев и балкарцев. Не случайно, давая названия горам и ущельям, первые обитатели карачаевских гор связывали их с животным миром и особенно объектами охоты. Поэтому топонимика подтверждает охотничий образ жизни народа. Так, с именем бога охоты и лесных зверей Апсаты у карачаевцев и балкарцев был связан древний ритуальный обряд посвящения. По сообщению информаторов, в Балкарии и Карачае были широко распространены древнейшие танцы «Апсаты» и «Бийнегер», следовательно, древний ритуал сопровождался не только песней, но и танцами, означавшим поклонение языческим богам [17, с. 67].

Сцены охоты запечатлены и в исторических памятниках, на скалах пещер. В.М. Сысоев в работе «древности по верхнему течению р. Кубани» описывает древнюю пещеру в местности Кышшлык орунла между верховьями р. Марджи и Аманкола, на стенах которой он нашел несколько изображений охоты: «На верхней части скалы (2-4 аршина высоты) изображены красной краской: охотничья сцена – охотники, стреляющие из лука, всадники, собаки и олени, волнистые или ломаные линии и прямоугольные геометрические фигуры в виде лабиринта или тавров [8, с. 95].

Самой распространенной и почетной была охота на диких коз и туров. У коз ценилось и мясо, которое очень вкусно, и шкуры, и рога. Шкуры выделывали и использовали для шитья мужской обуви и ружейных чехлов. Шерсть диких коз считалась лучшим материалом для набивки седельной подушки. Рога шли на черепки для ножей, шил и т.д. среди зверей мясо тура считалось наиболее вкусным. Преследуя туров, охотникам приходилось порой подниматься на неприступные кручи. Для облегчения таких подъемов существовали особые приспособления типа «кошек» (тагъай), которые привязывали к обуви. Подходить к турам и диким козам старались с подветренной стороны, чтобы животные не учуяли запаха человека. Опасная охота на медведя давала шкуры, из которых

шили медвежьи шубы (айю тон), а также стелили медвежьи шкуры на пол. Мясо медвежье не ели, только некоторые внутренности использовали для приготовления лекарств. Так, из жира медведей и барсуков варили лекарство от ревматизма, из желчи – для борьбы с болезнями мочевого пузыря [ПМА].

Охота и охотники (мараучу) упоминаются во многих песнях, сказках и пословицах. Древними охотничьими песнями являются «Апсаты» и «Бийнегер». Песня «Апсаты» – это обращение к божеству охоты Апсаты, которое покровительствует охотникам, дает им удачу и богатую добычу. Главным охотничьим орудием было ружье (шчок). Уже в песне «Апсаты» и поется об охотнике: «За плечами у него тяжелое железное ружье, за пазухой – кусок подгоревшей кукурузной лепешки». До распространения огнестрельного оружия охотились при помощи лука и стрел (садакъ) [3, с. 142].

Лучшими помощниками охотников были собаки, среди которых особенно отличались баксанские (басхан парийле). Они выслеживали дичь и медвежьи берлоги, выгоняли медведей из берлоги, преследовали волков и лисиц. Больше всего с собаками охотились на зайцев, реже – на птицу. Несмотря на то, что охота в XIX веке не имела большого экономического значения, уважение к ней сохранялось как к очень достойному занятию. Специального охотничьего языка, который встречался у других народов Кавказа, нам у карачаевцев и балкарцев обнаружить не удалось. Но стремление не называть животных, на которых шли охотиться, и давать им иносказательные имена или называть описательно, можно наблюдать и у карачаевцев и балкарцев. В охотничьей песне «Апсаты» охотники просили божество послать им «толстейшее животное», имея в виду тура. В другом месте тур назван просто «круторогим» [14, с. 84].

На охоту старались идти на рассвете такими путями, чтобы никого не встречать. Заранее говорить о предполагаемой охоте избегали. Удачным предзнаменованием считалось встретить женщину с полными ведрами. Как и у других народов, у карачаевцев и балкарцев к убитой дичи было принято относиться с чувством святости, существовал своеобразный регламент, согласно которому охотнику разрешалось убивать определенное количество дичи. Отступление от общего правила могло повлечь гнев Апсаты [7, с. 102]. Тушу убитого на охоте животного делили поровну между всеми участниками охоты, но голову и шкуру обязательно отдавали тому, чей выстрел убил зверя. Эта доля называлась «окъ тасмасы». При возвращении с

удачной охоты всех встречающих оделяли кусками мяса на одну еду (джоллукъ) на дорогу. Принесенное домой мясо варили и оделяли им соседей. В сыром виде давался обычно подарок в виде трех ребер и задней ноги (уча). Им одаривали близких друзей, которые за эту честь преподносили, в свою очередь, богатый подарок охотнику. Рога убитого тура вешали над дверями дома, считая, что это принесет хозяину дома удачу [ПМА].

Занятия земледелием требовало от карачаевцев и балкарцев большого трудолюбия и упорства. Только один процент карачаевских земель был пригоден под пашни, но эти земли были отвоеваны у природы ценой огромного труда многих поколений. Чтобы превратить каменистые склоны гор и узкие речные долины Приэльбрусья в плодородные поля, надо было очистить их от многочисленных камней, укрепить и огородить каменными стенами, провести оросительные каналы и удобрить. «Каждый вершок земли добыт потом и кровью человека», – писал о Карачае Г.Ф. Чурсин.

Рядом с небольшими пашнями-сабанами в аулах Большого Карачая высились пирамиды из собранных с участка камней. Они и сейчас стоят как памятник трудолюбию и упорству народа. Часто обвалы и горные потоки – сели (ырхы) в течение нескольких минут уничтожали работу многих лет по созданию пахотных и сенокосных участков [15, с. 108].

Несмотря на эти неблагоприятные условия, на ранние заморозки и иссушающие южные ветры, карачаевцы сумели превратить свои сабаны в плодородные поля и выращивали на них неплохой урожай. Земледелие было почитаемым занятием. «Богатство в земле; кто не пашет, богатым не будет», – гласит карачаевская пословица. «Арпа, будай – аш кибик, алтын, кюмюш – таш кибик». «Мал тейриси джер тейрисине табыныр». Владелец скота поклоняется владельцу земли [2, с. 138].

Будучи уже мусульманами, карачаевцы и балкарцы не забывали языческого бога земледелия Эрирея. Ему были посвящены песни, которые пелись во время сельскохозяйственных работ, в частности, во время молотбы. В добрых пожеланиях (алгыш) среди лучших благ упоминается сабан, дающий хороший урожай: «Пусть урожай будет так хорош, что четвертью не измерить колос, пусть хлеба будут так густы, чтобы между ними змея не могла проползти» [1, с. 85].

В Карачае и Балкарии ценились поливные земли. Карачаевцы были большими мастерами строи-

тельства оросительной системы. Издавна села были перерезаны целым рядом оросительных каналов, которые всегда поддерживались в исправности. Через каждое село проходила главная оросительная канава – «уллу илипин», от которого отходили средние каналы – «орта илипин». Они проходили между сабанами и биченликами. Непосредственно на поля вели маленькие канавки (гитче илипин), через запруды – «чигат». Специальные лица (илипинчиле) следили за чистотой канав, за правильным поливом. Орошение играло такую важную роль в полеводстве карачаевцев, что если требовалось провести воду через чужой участок или через фундамент чужого дома – это разрешалось делать даже без согласия владельца. Орошаемые участки ценились в 8 раз дороже, чем неорошаемые. Самой распространенной культурой в Карачае был ячмень – «арпа» [13, с. 115].

По легенде о заселении карачаевцами долины Кубани, там, прежде всего, был посеян ячмень, а когда он хорошо взошел, карачаевцы нашли это место подходящим для жизни. Кроме ячменя, сеяли яровую пшеницу, но она созревала не всегда, а только в хорошие годы. В небольшом количестве сеяли овес. Эти культуры упоминаются в фольклоре и источниках начала XIX века: в описании Карачая полковником А.М. Буцковским 1812 г., в отчете И.В. Шаховского 1834 г. Те же культуры названы в Военно-статистическом описании Карачая. С середины XIX века появились посевы кукурузы, озимой пшеницы, гречихи. Кукуруза и пшеница вызревали на высоте до тысячи метров, а выше они часто погибали от ранних заморозков, града. Поэтому старались сеять морозоустойчивые сорта [18, с. 78].

Выводы

Таким образом, в ходе исследования рассматриваемой проблемы мы пришли к выводу о том, что в хозяйственной деятельности карачаево-балкарцев основную роль играли скотоводство и земледелие. Именно скот и земля являлись главными источниками жизнеобеспечения народа. Процесс разведения скота и земледельческие работы в свою очередь требовали больших трудовых усилий, без чего невозможно было добиться определенных успехов. На эффективность труда карачаево-балкарцев влияли многочисленные обычаи и обряды, связанные с хозяйственной деятельностью народа.

Список источников

1. Болурова А.Н. Семейно-бытовая культура карачаевцев в XIX – начале XX века (трансформация нормативной системы): специальность 07.00.07 "Этнография, этнология и антропология": диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Карачаевск, 2008. 218 с. EDN NQDMVJ.
2. Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. 256 с.
3. Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культовой жизни карачаевцев. М., 1995. 343 с.
4. Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. М., 1993. 227 с.
5. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. 335 с.
6. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. 520 с.
7. Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик, 2003. 210 с.
8. Лайпанов К.Т., Хатуев, Р.Т., Шаманов, И.М. Карачай с древнейших времен до 1917 года. М., Черкесск, 2009. 239 с.
9. Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1983. 170 с.
10. Минаева Т.М. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965. 112 с.
11. Полевой материал автора. Богатырев Назир Умарович, 1935 г.р. Записано в а. Учкулан 2005 г.
12. Полевой материал автора. Текеева Байдымат Хызыровна, 1934 г.р. Записано в г. Карачаевске, 2020.
13. Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). Черкесск, 1960. 159 с.
14. Ортабаева Р.А. Карачаево-балкарская охотничья поэзия // Вопросы фольклора народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. 166 с.
15. Смирнова Л.С. Семья и семейный быт Северного Кавказа. М., 1983. 264 с.
16. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. М., 1989. 447 с.
17. Текеева Л.К. Домашние животные в традиционном мировоззрении тюркоязычных народов Северного Кавказа (XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-1 (37). С. 167 – 170.
18. Шаманов И.М. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971. 121 с.

References

1. Bolurova A.N. Family and everyday culture of the Karachays in the 19th – early 20th centuries (transformation of the normative system): specialty 07.00.07 "Ethnography, ethnology and anthropology": dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Karachayevsk, 2008. 218 p. EDN NQDMVJ.
2. Dzhurtubaev M.Ch. Ancient beliefs of the Balkars and Karachays. Nalchik, 1991. 256 p.
3. Karaketov M.D. From the traditional ritual and cult life of the Karachays. Moscow, 1995. 343 p.
4. Kaloev B.A. Cattle breeding of the peoples of the North Caucasus. Moscow, 1993. 227 p.
5. Karachays. Historical and ethnographic essay. Cherkessk, 1978. 335 p.
6. Krupnov E.I. Ancient history of the North Caucasus. Moscow, 1960. 520 p.
7. Kuchmezova M.Ch. Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity. Nalchik, 2003. 210 p.
8. Laipanov K.T., Khatuev, R.T., Shamanov, I.M. Karachay from ancient times to 1917. Moscow, Cherkessk, 2009. 239 p.
9. Mafedzev S.Kh. Essays on labor education of the Adyghe. Nalchik, 1983. 170 p.
10. Minaeva T.M. Essays on the archeology of Stavropol. Stavropol, 1965. 112 p.
11. Author's field material. Bogatyrev Nazir Umarovich, born in 1935 Recorded in a. Uchkulan 2005
12. Author's field material. Tekeeva Baidymat Khyzyrovna, born in 1934. Recorded in Karachayevsk, 2020.
13. Nevskaya V.P. Socio-economic development of Karachay in the 19th century. (pre-reform period). Cherkessk, 1960. 159 p.
14. Ortabaeva R.A. Karachay-Balkar hunting poetry. Questions of folklore of the peoples of Karachay-Cherkessia. Cherkessk, 1983. 166 p.
15. Smirnova L.S. Family and Family Life of the North Caucasus. Moscow, 1983. 264 p.
16. Tekeyev K.M. Karachays and Balkars. Moscow, 1989. 447 p.

17. Tekeyeva L.K. Domestic Animals in the Traditional Worldview of the Turkic-Speaking Peoples of the North Caucasus (19th – Early 20th Century). Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theory and Practice. 2013. No. 11-1 (37). P. 167 – 170.

18. Shamanov I.M. Agriculture and Agricultural Life of the Karachays. From the History of Agriculture in Karachay-Cherkessia. Cherkessk, 1971. 121 p.

Информация об авторах

Болурова А.Н., кандидат исторических наук, доцент, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, a-bolurova@mail.ru

Батчаев А.А., аспирант, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск, batchaev_A09@mail.ru

© Болурова А.Н., Батчаев А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(410).06

Вопрос о выделении «Эпохи англо-голландских войн» как историографического феномена на основании англоязычной историографии

¹ Шемченко Н.А.,
¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: привлекая данные всеобщей истории, экономического развития, военной истории, в особенности военно-экономической и тактической революции, произошедших по мнению автора в данный период, представляется возможным поставить поднимать проблему расширения границ англо-голландского противостояния, как географически, так и хронологически и поставить вопрос выделения «Эпохи англо-голландского противостояния» как историографического факта, имевшего четкие признаки и определяющие последствия для развития европейской, а затем и мировой истории в последующие столетия вплоть до нашего времени.

Автор данной статьи придерживается и доказывает точку зрения, заключающуюся в идеи ключевой роли «Эпохи англо-голландского противостояния», разделившей раннемодерную Европу на два периода, ввиду радикальных перемен в экономике, военной тактике и динамике исторического развития ключевых Европейских государств, существовавших на момент середины XVII века.

На основании применения идеографического, типологического, историко-генетического методов исторического исследования в статье делается вывод о возможности выделения «Эпохи англо-голландского противостояния» как отдельного историографического феномена, отдельной исторической эпохи, которая характеризовалась изменением соотношения сил колониальных держав, появлением морской войны как отдельного феномена, рождением отдельных крыльев военного и торгового флота, а также появлением конкретных тактик и стратегий ведения морской войны.

Ключевые слова: Англо-голландские войны, торговый флот, Англия, Франция, Голландия, Навигационные акты, Ост-Индская компания

Для цитирования: Шемченко Н.А. Вопрос о выделении «Эпохи англо-голландских войн» как историографического феномена на основании англоязычной историографии // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 281 – 286.

Поступила в редакцию: 20 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The question of distinguishing the “Era of the Anglo-Dutch Wars” as a historiographical phenomenon based on English-language historiography

¹ Shemchenok N.A.,
¹ Federal State University of Education

Abstract: using data from universal history, economic development, and military history, especially the military-economic and tactical revolutions that took place in this period, it seems possible to raise the issue of expanding the boundaries of the Anglo-Dutch confrontation, both geographically and chronologically, and to raise the issue of distinguishing the "Era of the Anglo-Dutch confrontation" as a historiographical fact, which had clear signs and decisive consequences for the development of European and then world history in the following centuries up to our time. The author of this article adheres to and proves the point of view of the idea of the key role of the "Era of the Anglo-Dutch confrontation", which divided early modern Europe into two periods, due to radical changes in the economy, military tactics and dynamics of the historical development of key European states that existed at the time of the mid-17th century. The article concludes that it is possible to single out the "Era of the Anglo-Dutch confrontation" as a separate historiographical phenomenon, a separate historical era characterized by a change in the balance of power of the colonial powers, the emergence of naval warfare as a separate phenomenon, the birth of separate wings of the military and merchant fleets, as well as the emergence of specific tactics and strategies for naval warfare.

Keywords: Anglo-Dutch wars, merchant Navy, England, France, Holland, Navigation Acts, East India Company

For citation: Shemchenok N.A. The question of distinguishing the “Era of the Anglo-Dutch Wars” as a historiographical phenomenon based on English-language historiography. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 281 – 286.

The article was submitted: February 20, 2025; Approved after reviewing: April 17, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Англо-голландские войны – это череда конфликтов Англии и Республики Соединенных провинций, имевших место быть в общей сложности с 1652 по 1674 г.г. Традиционно три англо-голландские войны в XVIIв. рассматриваются практически исключительно как три пусть и связанных между собой, но относительно обособленных друг от друга военных конфликта в ряду иных военных столкновений имевших место быть в семнадцатом столетии.

Однако, автор данной статьи считает, что представляется возможным взглянуть на череду данных войн между Англией и Голландией с более широкой и комплексной точки зрения.

Материалы и методы исследований

Для понимания сути проблемы выделения Эпохи Англо-голландского противостояния именно как отдельного исторического периода со своей спецификой и основополагающими последствиями необходимо рассмотреть конкретную последовательность связанных между собой событий.

Результаты и обсуждения

*Генезис англо-голландского
противостояния в XVII в.*

Прежде всего по мнению автора необходимо

рассмотреть генезис англо-голландского противостояния в XVII в., его причины и основные отличительные черты.

По мнению автора в качестве событий, положивших начало конкуренции между Английским королевством и Республикой Соединенных провинций, необходимо исследовать прежде всего столкновение экономических интересов двух держав в индийском и американском регионах. При этом, необходимо помнить, что под «индийским регионом» в рамках воззрений европейского сообщества эпохи раннего Нового времени будет правильным считать не только территорию полуострова Индостан, но также и территории современного Пакистана, Бирмы, Бенгалии и большую часть современной Индонезии («Голландской Индии»).

Данный виток противостояния имел свое начало в самом начале XVIIв. и имел свое прямое историко-материальное выражении в учреждении двух Ост-Индских кампаний: английской (1600) и голландской (1602) соответственно.

В период с 1602 по 1650-е г.г. Голландская ОИК либо напрямую, либо экономически подчиняет себе ряд территорий в Индийском регионе, прежде всего такие как: Батавия, Ява, острова

Банда, Малакка и Цейлон.

Именно в этот период, период в которой формировались предпосылки серии Англо-голландских войн, Голландская ОИК сталкивается с ОИК Английской, которая в том же регионе распространяет свое влияние прежде всего на Мадрас, Калькутту, и Бомбей.

Необходимо при этом отметить, что несмотря на экономическое вторжение англичан в торговую зону Голландской ОИК, обе кампании, и голландская и английская старались избегать прямых столкновений в период начавшихся англо-голландских войн, что, тем не менее, не отменяет факта тянувшегося противостояния между данными организациями в рамках периода англо-голландского противостояния. [10, с. 354-355].

Одной из главных причин возможности выделения «Эпохи англо-голландского противостояния» является широкое вовлечение в это противостояние иных держав, шедших в данный период путем торгово-экономического развития близким к модели развития голландской и английской.

В связи с этим необходимо отметить создание иными странами своих Ост-Индских компаний. Так, в 1664г. была образована французская ОИК, участвовавшая в противостоянии и борьбе Англии и Голландии в Индийском регионе.

Помимо всего прочего в «водоворот» противостояния в этот же период были втянуты ОИК Дании и Швеции. [10, с. 72].

Однако, необходимо помнить, что еще до начала англо-голландских войн, а также и в течении их имели место столкновения двух основных держав-участниц данного противостояния – Англии и Голландии - в американском, африканском и средиземноморском регионе. Данный факт уже сам по себе расширяет зону конкуренции двух стран, борющихся за морское господство, на основные имеющие торгово-экономическое и политическое значение акватории: атлантическую, средиземноморскую и индийскую, а также на моря, омывающие африканский континент.

Навигационные акты

Не менее важной чертой «Эпохи англо-голландских войн» также следует считать «практику Навигационных актов» – как специфическое для выделяемой нами эпохи средство политико-экономического принуждения.

Наиболее известными Навигационными актами, ставшими одной из причин начала серии англо-голландских войн стали Акты 1651 и 1660г.г. При детальном анализе данных документов мы видим, что их направленность была не только против посредничества морской торговли Голландии, но также (а возможно и в первую оче-

редь) против северо-американских английских колонистов. Акты таким образом выполняли сразу две задачи:

1. Более тесное экономическое прикрепление английских колонистов в Америке к метрополии;
2. Разрушение голландской монополии на перевозку торговых грузов в северо-атлантическом регионе [3, 10, с. 54].

Именно эти акты стали ключевым звеном в цепочке причин, приведших к началу серии англо-голландских войн.

При этом необходимо подчеркнуть существование похожих документов и в других державах, в частности во Франции (Ordonances 1660-1690) и Голландии (морские законы 1640-х г.г.), а также в Венеции – морские законы от 1682г. Несмотря на то, что касались эти законы прежде всего установки новых систем мер и весов, а также тоннажа торговых кораблей, интересным нам здесь представляется пункт, касающийся национального состава команд венецианских торговых судов, а именно – не менее двух третей команды должны были быть венецианцами. [6, с. 37].

Данный пункт особенно ярко, на наш взгляд показывает наличие некоей преемственности и общей идеи, связывающей все «навигационные акты», вне зависимости от их национальной принадлежности : защита национальной торговли и недопущение других держав к монополизации морских торговых перевозок.

Факт же того, что столь схожие морские законы принимаются в один и тот же период XVIIв., а именно: периода англо-голландского противостояния, выступившего в определенном смысле катализатором разработки и принятия столь схожих законов, не может по нашему мнению быть проигнорирован в контексте вопроса о выделении «Эпохи англо-голландского противостояния» как отдельного историографического феномена.

Англо-голландские войны

Квинтэссенцией же англо-голландского противостояния стали непосредственно сами три англо-голландские войны XVIIв.

Данные войны привели к следующим результатам:

1. Оформление тактики морского боя.

Именно в ходе англо-голландских войн появляется классическое и практикующееся на регулярной основе линейное построение флота.

Толчком же для окончательного оформления данной тактики, ставшей в последствии основной тактикой ведения морского сражения в эпоху парусного флота, стала необходимость грамотного взаимодействия с силами торгового флота – происходит оформление морских торговых конвоев,

необходимых для защиты коммерческих путей, столь необходимых для морских держав, особенно в период активных боевых действий.

2. Четкое разделение военного и торгового флота.

Известным является тот факт, что в начале первой англо-голландской войны страны – участники не прибегали к делению торгового и военного флота на две независимые структуры. Так общепринятой практикой являлась мобилизация торговых судов для ведения боевых действий.

Ко времени же второй и третьей англо-голландских войн мы видим уже более четкую грань, разделяющую суда коммерческие и суда военные.

Именно события англо-голландских войн приведут в последствии к появлению в мире кораблей нового типа, таких как например боевые линейные корабли.

3. Начало активного кораблестроения у стран – участников конфликта.

Именно англо-голландские войны превращают Англию из локального игрока северо-европейского региона в крупную трансконтинентальную державу, обладающую необходимым количеством кораблей для борьбы за мировое экономическое и политическое лидерство, что в последствии поможет этой стране стать самой большой колониальной империей из когда-либо существовавших [7, с. 23-62].

Именно эти же войны закладывают основу постепенно прогрессирующего в будущем упадка торгово-экономической и политической мощи Голландии, а также «разворачивают» геополитическую стратегическую мысль Франции от идеи борьбы за морское доминирование к попыткам установить доминирование прежде всего континентальное, сухопутное.

Межвоенные периоды

Зачастую от взора исследователей ускользают действия стран – участников англо-голландского противостояния в периоды между I, II и III англо-голландскими войнами.

Тем не менее мы считаем крайне важным рассмотреть события этих межвоенных периодов ввиду их крайней значимости по нашему мнению.

Так, необходимо отметить, что одни из ключевых событий произошли в период между I и II англо-голландскими войнами.

Здесь прежде всего нужно сказать об англо-испанской войне 1655-1660 г.г.

Данная война, наряду с противостоянием против Голландии, была для Англии той ступенькой, которая также вела к морской гегемонии на просторах Атлантики.

В данной войне лорд-протектор Оливер Кромвель руководствовался идеей, получившей название Western Design- амбициозный проект по окончательному уничтожению испанской гегемонии в Карибском и Атлантическом регионах.

Несмотря на то, что сами боевые действия по количеству потерь нельзя назвать удачными для Англии, одна из ключевых целей была достигнута – остров Ямайка, бывший ядром испанского доминирования в Карибском бассейне, полностью перешел под управление Англии, что стало еще одной из причин угасания испанской колониальной гегемонии.

Также, именно эта война показала необходимость усиления и количественного увеличения торгового флота, как главной опоры торгово-экономического и политического доминирования Англии [7, с. 63-64].

Нельзя также обойти стороной и рейды английских капитанов на берега Африки, в те ее точки, на которые распространялось голландское владычество, результатом чего стал захват таких территорий как о-ва Гор, что также вписывается в признаки «Эпохи англо-голландского противостояния», как элемент торгово-экономической борьбы.

Противостояние в Средиземноморском регионе также приобрело ожесточенный характер, главным объектом английских рейдов стали голландские торговые конвои, идущие преимущественно из Леванта – одно из главных перевалочных пунктов в европейско-азиатской торговле на Средиземном море. Так, одной из ключевых причин начала Третьей англо-голландской войны стала атака английских кораблей на голландские конвои, шедшие из Смирны [9, с. 67-72].

Еще раз подчеркнем, что одной из наиболее значимых черт «Эпохи англо-голландского противостояния» как отдельного историографического факта является наличие большего количества участников по обе стороны противостояния, что не позволяет говорить об исключительно редуцированном характере противоборства сводимого только к Английскому королевству и Республики Соединенных провинций.

Наиболее активным игроком в непосредственно военном противостоянии, начиная со Второй англо-голландской войны можно считать Французское королевство, активно проявившее себя как во Второй англо-голландской войне, так и в «межвоенный» период, наиболее ярким примером чего можно считать Деволюционную войну (1667-1668 г.г.), целью которой являлась попытка укрепления Франции в Нижних землях.

Таким образом, Франция в Эпоху англо-голландского противостояния развивалась в том

же векторе, что и Англия, и Голландия (примером чего служит развитие морского законодательства, создания Ост-Индской компании, развитого торгового флота, а также активное участие в англо-голландских войнах косвенно или напрямую). Такая закономерность, по мнению автора, не является результатом работы исключительно внутренней, французской военно-политической и экономической мысли, а продиктована отличительными векторами развития стран западной Европы, характерными для Эпохи англо-голландского противостояния.

Кроме того, по мнению автора, именно факт наличия иных игроков в англо-голландском противостоянии позволяет говорить о нем как об особой эпохе в политико-экономической, колониальной и военной истории стран западной Европы, определившей дальнейшие основные векторы развития стран данного региона в указанных областях.

Выводы

Таким образом, «Эпоха англо-голландского противостояния» имеет следующие характерные черты:

1. Хронология. Начало противостояния 1600-1602 г.г. (конкуренция в индийском, американском и средиземноморском регионах), окончание – 1678 г. (Деволуционная война – окончательный крах попыток построения голландской торговой империи).

2. Технологии и стратегия. Появление кораблей нового типа, четкое разделение флота коммерческого и флота военного, появление первых тактик ведения именно морского боя. Ключевая роль торгового флота в политических и военных

решениях и предприятиях. Появление морской войны как исторического феномена.

3. Политика и экономика. Перенесение центра тяжести европейского экономического развития на север Европы: Англия, Голландия, Франция вместо Венеции и Генуи; окончательный упадок старых колониальных империй-гегемонов – появление новых ведущих колониальных империй (Англия и Франция); начало становления Британского Атлантического мира (как особого цивилизационного феномена); переход к последнему этапу Коммерческой революции – начало освоения новых торговых путей и создание полноценных новых экономических зон; появление феномена Long Distance Trade.

Исходя из обозначенных итогов и особенностей англо-голландского противостояния, которое как мы убедились, имело гораздо более широкие хронологические и территориальные рамки, а также вовлекало в свою орбиту и другие страны-участники, считаем необходимым выделение периода с начала XVII в. до 1678 г. в отдельный период «Эпохи англо-голландского противостояния», чье значение для развития Европы, и как итог всего мира, было основополагающим по своим политическим и экономическим последствиям. Именно «Эпоха англо-голландского противостояния» определила дальнейшее политическое и экономическое своеобразие развития мировой цивилизации под гегемонией Европы в XVIII и XIX в.в., а также вывела на сцену всемирной истории основные европейские государства – лидеры этого развития, которые будут расширять сферу своего влияния вплоть до начала XX в.

Список источников

1. Armitage David, Michail J. Braddick The British Atlantic World, 1500-1800. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2009. 386 p.
2. Burnard Trevor Britain in the Wider World 1603-1800. New York, Routledge, 2020. 289 p.
3. Davies K.G. The North Atlantic World in the Seventeenth Century, Vol. IV. UNIVERSITY OF MINNESOTA PRESS, 1974. 366 p.
4. Fusaro Maria, Allaire Bernard, Blakemore Richard J., Vanneste Tijl Law, Labour and Empire Comparative Perspectives on Seafarers, c. 1500-1800. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 357 p.
5. Graham Gerald S. Empire of the North Atlantic. The Maritime Struggle for North America. London, Oxford University Press., 1958. 338p.
6. Lambert Andrew War at Sea in the Age of Sail 1650-1850. Cassell, Wellington House, 2000. 224 p.
7. Lavery Brian Empire of the seas. The remarkable story of how the Navy forged the Modern World. Oxford, Osprey Publishing, 2012. 214 p.
8. Renald Findlay Kevin H. O'Rourke / Power and Plenty. Trade, War and the World Economy in the Second Millenium / Princeton and oxford, Princeton university press, 2007. 789 p.
9. Stein Stephen K. The sea in World History. Exploration, Travel and Trade. Santa Barbara, California, 2017. 919 p.
10. Woodman R. Neptune's Trident, Spices and Slaves 1500-1807 A History of the British Merchant Navy. Endeavour Press Ltd., 2016. Vol. 1. 556 p.

References

1. Armitage David, Michail J. Braddick The British Atlantic World, 1500-1800. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2009. 386 p.
2. Burnard Trevor Britain in the Wider World 1603-1800. New York, Routledge, 2020. 289 p.
3. Davies K.G. The North Atlantic World in the Seventeenth Century, Vol. IV. UNIVERSITY OF MINNESOTA PRESS, 1974. 366 p.
4. Fusaro Maria, Allaire Bernard, Blakemore Richard J., Vanneste Tijl Law, Labor and Empire Comparative Perspectives on Seafarers, p. 1500-1800. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 357 p.
5. Graham Gerald S. Empire of the North Atlantic. The Maritime Struggle for North America. London, Oxford University Press., 1958. 338p.
6. Lambert Andrew War at Sea in the Age of Sail 1650-1850. Cassell, Wellington House, 2000. 224 p.
7. Lavery Brian Empire of the seas. The remarkable story of how the Navy forged the Modern World. Oxford, Osprey Publishing, 2012. 214 p.
8. Renald Findlay Kevin H. O'Rourke. Power and Plenty. Trade, War and the World Economy in the Second Millennium. Princeton and oxford, Princeton university press, 2007. 789 p.
9. Stein Stephen K. The sea in World History. Exploration, Travel and Trade. Santa Barbara, California, 2017. 919 p.
10. Woodman R. Neptune's Trident, Spices and Slaves 1500-1807 A History of the British Merchant Navy. Endeavor Press Ltd., 2016. Vol. 1. 556 p.

Информация об авторе

Шемченко Н.А., аспирант, Государственный университет просвещения, kolja-shemchenok@mail.ru

© Шемченко Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94(430)

Упорядочивание нищенства и милостыни в Нюрнберге: правовая природа «Устава о нищих» (1478)

¹ Моисеев Н.Д.,

¹ Тюменский государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию правового регулирования нищенства в Европе XIV-XV веков, с особым вниманием к Нюрнбергскому уставу о нищих 1478 года. В работе проводится сравнительный анализ законодательных актов Англии, Франции, Испании и Священной Римской империи, выявляющий общие тенденции и региональные особенности борьбы с нищенством. Основное внимание уделено правовой природе Нюрнбергского устава, который сочетал христианские принципы милосердия с бюрократическими механизмами контроля, став важным этапом в развитии европейской социальной политики. Исследование демонстрирует, как средневековые города реагировали на вызовы массовой бедности, вызванной эпидемиями и экономическими кризисами, и как эти решения повлияли на формирование современных систем социальной защиты.

Ключевые слова: нищенство, средневековое право, социальная политика, Нюрнбергский устав о нищих, регулирование бедности, городское законодательство, христианская благотворительность

Для цитирования: Моисеев Н.Д. Упорядочивание нищенства и милостыни в Нюрнберге: правовая природа «Устава о нищих» (1478) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 287 – 292.

Поступила в редакцию: 20 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

The regulation of beggary and alms in Nuremberg: the legal nature of the "Begging Ordinance" (1478)

¹ Moiseev N.D.,

¹ University of Tyumen

Abstract: the article examines the legal regulation of begging in 14th–15th century Europe, with a special focus on the Nuremberg Begging Ordinance of 1478. The study provides a comparative analysis of legislative acts from England, France, Spain, and the Holy Roman Empire, revealing common trends and regional peculiarities in addressing begging. Particular attention is paid to the legal nature of the Nuremberg Ordinance, which combined Christian principles of charity with bureaucratic control mechanisms, marking an important stage in the development of European social policy. The research demonstrates how medieval cities responded to the challenges of mass poverty caused by epidemics and economic crises, and how these solutions influenced the formation of modern social protection systems.

Keywords: begging, medieval law, social policy, Nuremberg Begging Ordinance, poverty regulation, urban legislation, Christian charity

For citation: Moiseev N.D. The regulation of beggary and alms in Nuremberg: the legal nature of the "Begging Ordinance" (1478). *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 287 – 292.

The article was submitted: February 20, 2025; Approved after reviewing: April 18, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

XIV-XV века стали переломным периодом в истории европейской социальной политики. Эпидемия Чёрной смерти (1347-1351), унесшая жизни трети населения континента, Великий голод (1315-1317) и кризис феодальной системы привели к беспрецедентному росту нищенства и бродяжничества. Города, превратившиеся в центры экономической жизни, столкнулись с массовым притоком обездоленных, что потребовало новых подходов к организации социальной помощи.

Традиционная церковная модель благотворительности, основанная на принципах христианского милосердия, перестала соответствовать вызовам времени. Власти европейских государств начали разрабатывать нормативные акты, призванные упорядочить нищенство и разделить бедных на «достойных» (стариков, инвалидов, вдов) и «недостойных» (трудоспособных бродяг). В Англии этот процесс начался со Статута о рабочих (1349), во Франции – с ордонансов против «ленивых нищих» (1350-1351), в Испании – с введения лицензий на сбор милостыни.

Особый интерес представляет опыт немецких городов, где к концу XV века сформировались наиболее развитые системы регулирования нищенства. Нюрнберг, один из крупнейших экономических и политических центров Священной Римской империи, в 1478 году принял «Устав о нищих» (*Ordnung der Bettler*) – документ, сочетавший принципы христианской благотворительности с элементами бюрократического контроля.

Данное исследование ставит целью:

- 1) проанализировать общеевропейские тенденции регулирования нищенства в XIV-XV веках;
- 2) раскрыть правовую природу Нюрнбергского устава о нищих как примера ранней муниципальной социальной политики;
- 3) определить его место в эволюции подходов к помощи нуждающимся от Средневековья к Новому времени.

Материалы и методы исследований

В основу данного исследования положен междисциплинарный подход, сочетающий правовой, социально-исторический и сравнительный анализ. Основой для работы послужили как сам текст Устава, так и сравнительный анализ законодательных актов других европейских государств рассматриваемого периода. Особое внимание уделено

механизмам реализации норм: системе регистрации нищих, распределению полномочий между светскими и церковными институтами, а также санкциям за нарушения установленных правил. Методологически работа опирается на принципы историко-правового анализа, позволяющего оценить эволюцию представлений о бедности как о правовой категории, а также элементы социокультурного подхода, фокусирующего внимание на трансформации отношения общества к нуждающимся как к социальному феномену.

Результаты и обсуждения

Нищие тянулись в города, но с подозрением воспринимались уже обосновавшимся населением. Городские власти, не имея развитой системы социальной поддержки, стремились управлять растущим числом бедных через существующие общественные структуры, такие как церковные приходы и соседские общины.

В ранний период Средневековья помощь нуждающимся оказывалась в рамках общинных традиций. После распада Римской империи люди вновь стали опираться на взаимопомощь, характерную для варварских племён. Например, франкские общины коллективно решали вопросы приёма новых членов и поддержки слабых.

С укреплением христианства главную роль в благотворительности стала играть церковь. Монастыри кормили тысячи бедняков, создавали приюты для странников и больных. Помощь нищим считалась богоугодным делом – их воспринимали как "образ Христа", а подаяние помогало богачам "спасти душу".

К XIV-XV векам отношение изменилось. Из-за эпидемий и кризисов число бродяг резко выросло. Власти начали делить бедных на "достойных" (больные, вдовы) и "ленивых попрошайек". Последних осуждали и даже называли "дьявольским отродьем" [2, с. 109].

В XIII-XVI веках нищенство воспринималось как социальное зло, и власти применяли жесткие методы, такие как тюремное заключение, клеймение и изгнание. Например, во Франции ордонанс 1350 года предписывал наказывать нищих, "шатающихся по Парижу" [4, с. 445-447],

"Нарушителям данного предписания угрожалось четырехдневное заключение в тюрьму. После второго нарушения... виновные специальным

предписанием выставлялись к позорному столбу" [8, с. 92].

Важно понимать, что средневековые города различали категории бедных. Хотя нищих часто объединяли с другими маргинализированными группами, такими как мигранты и преступники, тех, кого считали просто «бедными», занимали особое положение: они все еще признавались членами общины, пусть и с натяжкой, и часто включались, по крайней мере номинально, в налоговые записи, даже если не могли платить [3, с. 26]. Это шаткое включение отражает средневековое понимание бедности как несчастья, которое может постигнуть любого, а не как постоянного социального статуса.

Институционализированное нищенство характерно и для позднесредневековой Испании. К.В. Антоненко, рассматривает нищенство как одно из ключевых социальных явлений в Испании, в которой, как в «...католической стране оно находилось под защитой государства. Священник выдавал нищему специальную лицензию, которая позволяла вызывать на определенной территории к милосердию людей в радиусе шести лье».

Эта практика, по словам автора, была обусловлена не только экономической необходимостью, но и религиозными нормами, которые поощряли милосердие. Однако такая политика способствовала росту числа нищих и бродяг, многие из которых использовали подаяние как основной источник дохода, не стремясь к трудоустройству. Автор подчеркивает, что для пикаро нищенство часто становилось более выгодным, чем честная работа, что усугубляло социальные проблемы. Нередко возникала ситуация, при которой "промысел" приносил куда большие доходы, чем реальная работа [1, с. 18]»

Е.Ю. Калинина отмечает, что нищенство было распространённым явлением в средневековой Испании, особенно в периоды экономических кризисов, засух, эпидемий и высоких налогов.

Нищие находились на периферии общества и не включались в списки "добрых людей" – законопослушных граждан. Они были лишены защиты со стороны государства и часто становились жертвами криминализации.

Особенно уязвимыми были женщины, которые, по словам автора, становились "исключёнными среди исключённых". Вдовы, проститутки и бедные девушки часто оказывались вне системы социальной поддержки.

Правовое регулирование нищенства в средневековой Испании носило фрагментарный характер. Власти чаще игнорировали эту проблему, оставляя её на усмотрение местных общин и церкви. Нищие, несмотря на свою многочисленность,

оставались вне официальной правовой культуры, что усиливало их маргинализацию [6, с. 34].

Благотворительность была не просто прагматичной реакцией на социальные волнения, но религиозным императивом, основанным на христианском учении о сострадании и духовной ценности всех людей. Этот этос нашел выражение в создании различных благотворительных учреждений, включая монастыри, больницы и другие формы религиозных домов и богаделен, которые стремились оказать нуждающимся некоторую помощь.

По мере усиления экономического давления и роста числа нищих усиливалась тенденция рассматривать «трудоспособных» нищих с подозрением, часто связывая их с преступностью. Этот сдвиг привел к более избирательным формам благотворительности, направленным прежде всего на «достойных бедных» – тех, кто считался действительно неспособным работать [3, с. 27-28]. Это изменение восприятия отражало более широкие социальные тревоги по поводу бродяжничества, труда и стабильности городской жизни. Оно предвещало более ограничительные и карательные подходы к бедности, которые появятся в начале Нового времени.

После эпидемии Чёрной смерти Англия столкнулась с невиданными проблемами. Половина населения вымерла, работать стало некому, а оставшиеся в живых крестьяне начали требовать огромные деньги за свой труд. Землевладельцы в панике обратились к королю Эдуарду III.

Ответом стал революционный Статут о рабочих 1349 года, который:

1. Объявил войну бродягам – здоровым мужчинам запретили просить милостыню под страхом тюрьмы. Теперь подавать можно было только старикам и калекам.

2. Ввёл трудовую повинность – каждый трудоспособный обязан был работать за установленную плату, не смея требовать больше.

3. Приковал крестьян к земле – уйти от хозяина стало невозможно без специального разрешения.

Впервые не церковь, а государство взяло на себя регулирование помощи бедным. Вместо раздач милостыни – принуждение к труду. Вместо сострадания – жёсткий контроль. Закон не просто боролся с последствиями чумы – он создал новую философию. Отныне бедность делилась на "честную" (старость, болезни) и "ленивую" (тех, кто мог, но не хотел работать).

Вероятно, тогда появились предшественники работных домов – специальные учреждения, где бродяг заставляли трудиться в наказание за тунеядство.

Одной из важных граней социальной жизни позднесредневекового немецкого города, в том числе Нюрнберга, становится борьба с нищенством и попытка его правового регулирования. В трудах С.П. Моравского, как отмечает Е.И. Забугина, прослеживается осознание городом необходимости контроля над бедными и упорядочивания благотворительности. Нищета в условиях развивающегося капитализма и расслоения населения становилась не только социальной, но и правовой проблемой.

С.П. Моравский акцентирует внимание на том, что к концу XV века нищенство в Нюрнберге получило частично институционализированный статус. Он пишет, что «нищенство даже рассматривается как своего рода промысел, официально признанный». Такое понимание бедности не только легитимирует её в определённых формах, но и раскрывает подход городских властей к систематизации социальной помощи.

Нищета из категории стихийного явления переходит в сферу правового регулирования и управляемого социального феномена. Он описывает городские благотворительные учреждения, такие как «дома презренных и убогих», предназначенные для стариков, калек и бедняков. Упоминаются и сезонные меры социальной поддержки: в холодное время года открывались обогреваемые помещения для малоимущих. Помимо этого, создавались отдельные больницы для прокажённых, выносившиеся за пределы городских стен [5, с. 56].

«Устав о нищих» (*Ordnung der Bettler*), принятый в Нюрнберге в XV веке, представляет собой нормативно-правовой акт, регламентирующий порядок предоставления милостыни и контроля над нищими в условиях усиливающейся социальной стратификации. Данный источник не только свидетельствует о развитии муниципального законодательства, но и отражает идеологию христианской благотворительности в условиях раннего формирования элементов социального управления в городах Священной Римской империи. Устав был направлен на наведение порядка среди нищих, контроль над распределением помощи и предотвращение злоупотреблений.

Уже в преамбуле устава подчёркивается необходимость установления строгого контроля ради общественного блага и в интересах религиозной нравственности: „Damit dem gemeinen Nutzen und der göttlichen Ehre besser gedient werde, soll fortan niemand betteln, der dazu nicht in Wahrheit notdürftig ist.“ Тем самым вводится понятие легитимного и нелегитимного нищенства. Основной задачей документа становится устранение «ложных» нищих, прикрывающихся мнимой нуждой. Рост числа

«böse Buben», «Landstreicher» и симулянтов воспринимается как угроза социальному порядку и городскому имиджу [9, с. 317-329].

Устав предлагает чёткую категоризацию нуждающихся. Право на получение милостыни признаётся только за теми, кто „nicht arbeiten kann wegen Krankheit, Alter oder Gebrechen“. Остальные – прежде всего трудоспособные, ленивые, бродячие подмастерья – подлежат исключению из системы социальной поддержки. Прямо предписывается: „Wer gesund ist und arbeiten kann, aber lieber bettelt, der soll aus der Stadt gewiesen werden.“ Таким образом, нищета признаётся не просто социальным статусом, а юридически верифицируемым состоянием. В качестве инструмента верификации вводятся процедуры регистрации, проверки обстоятельств нужды, сбора свидетельств от соседей и духовенства. Впервые на городском уровне проявляется попытка формализовать социальный контроль над бедностью, определить её критерии и административно исключить злоупотребления.

Особое внимание уделяется детям-сиротам, вдовам, инвалидам и немощным. Их включают в списки, составляемые уполномоченными лицами (*Bettelschreiber*), с обязательной периодической сверкой. Таким образом, устав формирует раннюю модель социальной статистики и учёта.

Документ учреждает специализированный орган – *Armenpflege*, включающий представителей городского совета, церкви и добропорядочных граждан. Этот орган не только распределяет собранные средства, но и осуществляет надзор за соблюдением правил. Вводится обязанность ношения специального жетона: „Ein jeder armer Mensch soll ein Zeichen bei sich tragen, das ihm von der Armenpflege gegeben worden ist.“ Этот жетон является юридическим подтверждением права на милостыню и исключает возможность несанкционированного прошения [7, с. 162-164].

Контроль распространяется и на территориальный аспект: запрещается просить подаяние в церквях, на рынках и улицах без разрешения. Для нарушителей предусмотрены санкции: временное задержание, лишение жетона, а в случае повторного нарушения – изгнание из города.

Устав подчёркивает, что ни один горожанин не имеет права оказывать помощь напрямую, без ведома уполномоченных органов: „Kein Almosen soll ohne Wissen und Willen der Armenpflege gegeben werden.“ Финансирование осуществляется за счёт пожертвований состоятельных граждан, а также церковных приходов, монастырей и братств. Однако все потоки благотворительности централизуются в рамках единой системы [9, с. 317-329].

Выводы

Таким образом, «Устав о нищих» представляет собой ранний пример регламентированной социальной политики на муниципальном уровне. Он демонстрирует попытку города установить монополию на благотворительность, ограничив спонтанную милостыню и подчинив её централизованному контролю. Документ сочетает в себе христианскую этику милосердия с рациональной логикой бюрократического администрирования. Нищие перестают быть самостоятельными субъектами милосердия и превращаются в объект управленческого воздействия. Устав является важнейшим источником по истории социальной политики, права и городской культуры позднесредневековой Германии.

Проведенное исследование позволило рассмотреть эволюцию подходов к регулированию нищенства в Европе XIV-XV вв. через анализ ключевых законодательных актов – от английского Статута о рабочих (1349) и французских ордонансов до испанской системы лицензирования и, наконец, Нюрнбергского устава о нищих (1478). Сравнительный подход выявил как общие тенденции, так и уникальные особенности каждого региона в решении проблемы массовой бедности:

1) показано, что эпидемии и экономические кризисы XIV века вызвали повсеместный переход от церковной благотворительности к государственному регулированию нищенства;

2) выявлена правовая природа Нюрнбергского устава как наиболее развитой системы муниципального контроля, сочетавшей христианские традиции с бюрократическими механизмами;

3) определено его место в общеевропейском контексте – от первых репрессивных мер до формирования элементов социального обеспечения.

Особую ценность представляет анализ устава в сравнении с другими правовыми актами эпохи. Если ранние законы (английские и французские) делали акцент на запретах и наказаниях, то нюрнбергский документ продемонстрировал более сбалансированный подход, впервые:

- введя систему учета нуждающихся (регистрация, жетоны);

- разделив полномочия между светскими и церковными институтами;

- разработав дифференцированные меры для разных категорий бедных.

Этот опыт оказался важным шагом на пути к современным системам социальной защиты, показав, как средневековый город мог эффективно решать сложные социальные проблемы через право. Исследование подтвердило, что Нюрнбергский устав не только отражал общие тенденции эпохи, но и во многом опережал свое время, предлагая новаторские решения вопросов, остающихся актуальными и сегодня.

Таким образом, изучение европейского законодательства XIV-XV вв. о нищенстве позволяет глубже понять механизмы трансформации средневекового общества и истоки современных подходов к социальной политике. Нюрнбергский устав 1478 года занимает в этом процессе особое место как наиболее совершенный для своего времени пример системного регулирования бедности на муниципальном уровне.

Список источников

1. Antonenko K.V. Picaro as a social phenomenon in Spain in the second half of the 16th – first half of the 17th centuries // Bulletin of the Magistracy. 2016. No. 1 (52). P. 17 – 18.
2. Bykov A.A. Genesis of European charity in the Middle Ages (VI-XV centuries) // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 442. P. 108 – 113.
3. Svanidze A.A. City in the medieval civilization of Western Europe. Vol. 3. Man inside the city walls. Forms of public relations. Moscow: Science, 2000. 378 p.
4. Deryuzhinsky V.F. Police law. St. Petersburg, 1908. 552 p.
5. Zabugina E.I. Everyday Life of a Medieval German City as Viewed by S.P. Moravsky // Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology. 2016. No. 3. P. 55 – 59.
6. Kalinina E.Yu. Marginal and Borderline Social Groups of Medieval Spain // Journal of Frontier Studies. 2021. No. 1. P. 20 – 40.
7. Stoklitskaya-Tereshkovich V.V. German City of the 14th-15th Centuries // Collection of Materials. Moscow: State Social-Economic Publishing House, 1936. 178 p.
8. Shiryayeva S.V. Methodology and methods of social protection of the poor in the states of Europe in the XIII-XIX centuries: evolution and content (on the example of France and England) // Bulletin of Economic Security. 2009. No. 12. P. 91 – 96.
9. Baader J. Nuernberger Polizeiordnungen im XIV. und XV. Jahrhundert. Stuttgart, (Litterarischer Verein), 1861. 340 p.

References

1. Antonenko K.V. Picaro as a social phenomenon in Spain in the second half of the 16th – first half of the 17th centuries. Bulletin of the Magistracy. 2016. No. 1 (52). P. 17 – 18.
2. Bykov A.A. Genesis of European charity in the Middle Ages (VI-XV centuries). Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 442. P. 108 – 113.
3. Svanidze A.A. City in the medieval civilization of Western Europe. Vol. 3. Man inside the city walls. Forms of public relations. Moscow: Science, 2000. 378 p.
4. Deryuzhinsky V.F. Police law. St. Petersburg, 1908. 552 p.
5. Zabugina E.I. Everyday Life of a Medieval German City as Viewed by S.P. Moravsky. Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology. 2016. No. 3. P. 55 – 59.
6. Kalinina E.Yu. Marginal and Borderline Social Groups of Medieval Spain. Journal of Frontier Studies. 2021. No. 1. P. 20 – 40.
7. Stoklitskaya-Tereshkovich V.V. German City of the 14th-15th Centuries. Collection of Materials. Moscow: State Social-Economic Publishing House, 1936. 178 p.
8. Shiryayeva S.V. Methodology and methods of social protection of the poor in the states of Europe in the XIII-XIX centuries: evolution and content (on the example of France and England). Bulletin of Eco-nomic Security. 2009. No. 12. P. 91 – 96.
9. Baader J. Nuernberger Polizeiornungen im XIV. und XV. Jahrhundert. Stuttgart, (Litterarischer Verein), 1861. 340 p.

Информация об авторе

Моисеев Н.Д., аспирант, Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6, moiseeff-97@yandex.ru

© Моисеев Н.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(5)

Религиозная ситуация на севере Индии при ранних моголах

¹ Нигамаев А.А.,

¹ Балакин Д.А.,

² Нигамаев А.З.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,

² Набережночелнинский государственный педагогический университет

Аннотация: история средневековой Индии всегда притягивала внимание исследователей. Особенно это относится к позднему Средневековью и раннему Новому времени, когда на этом субконтиненте, сменяя друг друга, существовали крупнейшие тюрко-мусульманские империи в лице мамлюкского и могольского султанатов. Статья посвящена анализу проводимой тюрко-мусульманской элитой этих государств религиозной политики, отраженной, в том числе и в налоговой системе. Будучи мусульманами, отдельные правители династии Великих Моголов шли на такие изменения в общественной жизни, которые с точки зрения мусульманского фикха были явными отступлениями от ислама. Истоки терпимости власти к другим религиям лежат на нескольких факторах. Важнейшим из них является приверженность жителей этого субконтинента к своей этнокультурной традиционной религии (индуизму) во всей ее многообразии. Не менее важным основанием может служить и колоссальная разница в численности приверженцев ислама и других исповеданий. Даже продолжительное господство ислама в важнейших военно-политических и экономических центрах полуострова в течение мамлюкского и могольского периодов к кардинальному изменению соотношения не привело. Зато привело к появлению многочисленных синкретических верований и сект, вобравших в себя элементы мусульманских и местных традиционных догм и обрядов. Эпоха ранних моголов заложила ту основу межрелигиозного сосуществования, которая прослеживается в истории современной Индии.

Ключевые слова: позднее Средневековье, султанат, Бабур, завоевание, Агра, ислам, индуизм, харадж, джизья

Для цитирования: Нигамаев А.А., Балакин Д.А., Нигамаев А.З. Религиозная ситуация на севере Индии при ранних моголах // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 4. С. 293 – 298.

Поступила в редакцию: 21 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 апреля, 2025 г.; Принята к публикации: 18 мая 2025 г.

Religious situation in northern India under the early Mughals

¹ Nigamaev A.A.,

¹ Balakin D.A.,

² Nigamaev A.Z.,

¹ Kazan(Volga Region) Federal University,

² Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Abstract: the history of medieval India has always attracted the attention of researchers. This is especially true in the late Middle Ages and early Modern times, when the largest Turkic-Muslim empires, represented by the Mamluk and Mughal sultanates, existed on this subcontinent. The article is devoted to the analysis of the religious

policy pursued by the Turkic-Muslim elite of these states, reflected, among other things, in the tax system. Being Muslims, individual rulers of the Mughal dynasty made such changes in public life that, from the point of view of Muslim Fiqh, were clear deviations from Islam. The government's tolerance of other religions stems from several factors. The most important of them is the commitment of the inhabitants of this subcontinent to their ethnocultural traditional religion (Hinduism) in all its diversity. An equally important reason may be the enormous difference in the number of adherents of Islam and other faiths. Even the prolonged domination of Islam in the most important military, political and economic centers of the peninsula during the Mamluk and Mughal periods did not lead to a drastic change in the ratio. Instead, it led to the emergence of numerous syncretic beliefs and sects that incorporated elements of Muslim and local traditional dogmas and rituals. The early Mughal era laid the foundation for interreligious coexistence, which can be traced in the history of modern India.

Keywords: late Middle Ages, sultanate, Babur, conquest, Agra, Islam, Hinduism, kharaj, jizya

For citation: Nigamaev A.A., Balakin D.A., Nigamaev A.Z. Religious situation in northern India under the early Mughals. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (4). P. 293 – 298.

The article was submitted: February 21, 2025; Approved after reviewing: April 19, 2025; Accepted for publication: May 18, 2025.

Введение

Позднее Средневековье и раннее Новое время являются переломной эпохой для всего евразийского континента. В Западной Европе наступает эпоха Великих географических открытий и начала колониального захвата далеких земель. На востоке континента династия Мин приводит Китай к небывалому расцвету научных знаний, культуры, технических и географических открытий. На большей части континента на смену старым тюрко-мусульманским державам, таким как улусы империи Чингисхана, мамлюкским султанатам Египта и Дели, Великому Турану Тимура, приходят молодые империи, представленные османами, сефевидами и могилами. В этот период в Азии, и прежде всего в мусульманском Востоке, происходит перекраивание военным путем устоявшихся геополитических границ. Зачастую это приводило к весьма причудливым симбиозам, что особенно ярко проявилось в империи Великих Моголов. В то же время нельзя не отметить, что это эпоха грандиозных перемен в области религиозного сознания населения и отхода от базовых устоев вероучений. В Европе это отразилось апогеем противостояния католиков и реформистов (протестантов), на Руси схваткой между нестежателями и иосифлянами, на территории Передней Азии победой сефевидского шиизма, на востоке Великой Степи началом активного распространения ламанизма и т.д. Очень интересная религиозная ситуация в это время формируется в Индии.

Материалы и методы исследований

Возникновение государства Великих Моголов неразрывно связано с именем среднеазиатского правителя Бабура (от перс. «тигр»). Захир-ад-дин Мухаммад Бабур родился 14 февраля 1483 г. в семье правителя Ферганы Омар-шейха, правнука

Тимура и его жены Кутлуг Нигар-ханум, дочери могольского хана Юнуса. Таким образом, в Бабуре смешались крови Тимура и Чингисхана. В одиннадцатилетнем возрасте (1494), став правителем Андижана (столицы области Фергана), он большую часть своей жизни потратил на борьбу со своими родственниками – тимуридами и их союзниками. Изгнанный из Самарканда и Андижана узбеками, он обосновался в Кабуле, заключил неравный союз с сефевидским шахом Исмаилом против узбекского Шейбани хана, но, в конечном счете, потерял все свои среднеазиатские владения. Этот высокообразованный падишах Кабула, Газни и Кандагара, наблюдательный писатель, поэт и любитель музыки, был в то же время жестоким завоевателем, приказывающим строить из отрубленных голов поверженных врагов минареты [6, с.430]. Большой любитель выпить, Бабур не сильно выбивался из образа жизни своих предков. Несмотря на все формальные запреты, у тимуридов, а тем более среди моголов, употребление вина было нередким явлением (в свое время более строгий в этом вопросе шиитский шах Исмаил даже пожурил своего весьма неудачливого союзника) [6, с. 436].

17 ноября 1525 г. Бабур во главе двенадцатитысячного войска из тюрков, таджиков и афганцев начал поход в Индостан (согласно мусульманской географии Индостаном называли индийские земли, расположенные к северу от реки Нарбады) [2, с. 603]. По пути к ним присоединилось двадцатитысячное войско Давлет хана и Гази хана [6, с. 436, 437], состоящее из тюрко-туранцев и таджиков. Решающая битва со стотысячной армией делийского султана Ибрахи-ма Лоди произошла весной 1526 г. при Панипате, где туранцы, активно использовавшие огне-

стрельное оружие, наголову разбили индостанцев. Причиной этому послужил уход с поля боя нескольких тюркских эмиров Ибрахима со своими войсками, недовольных правлением в Дели афганской династии Лоди. Взяв Дели, Бабур не стал там задерживаться и 10 мая 1526 г. вошел в свою будущую столицу – Агру. Разбив в марте 1527 г. под Ханвой объединенное войско раджпутов под предводительством Рана Сангама [2, с. 603], Бабур объявил себя падишахом Афганистана и Хиндустана. Официальный его титул-имя звучал как ас-султан аль-азам ва-л-хакан аль-мукаррам Захир ад-дин Мухаммад Джалал ад-дин Бабур, падишах-и-гази. То есть он объявил себя императором – воителем за веру, внося в свое завоевание религиозный окрас. Так начинается история империи Великих Моголов. Правда, никто из современников не знал государства под таким названием. Официальные названия страны звучали как Вилайят-и-Хиндустан, Билад-и-Хинд или Салтанат аль-Хиндийя. Только от европейцев, точнее англичан, пошло название «империя Великих Моголов».

Бабур считал, что он третий тюрко-мусульманский завоеватель Северной Индии, уступая первенство Махмуду Газневи [5, с. 437]. Но действительной тюрко-мусульманской империей Индостана был Делийский султанат, передавший многие традиции управления и экономического регулирования моголам.

Результаты и обсуждения

Делийский султанат (1206-1526) со столицей в Дели был первой и крупнейшей не только тюркской, но и вообще мусульманской империей в Индостане. Основатель султаната Айбек был настоящим мамлюком («ма»+«милек», т.е. человек-собственность, гулям), рабом-тюрком правителя Газни (Афганистан) Шихаб ад Дина Гули, ставшим благодаря своим необыкновенным способностям видным военачальником. Этот талантливый полководец, посланный своим господином расширять на востоке его индийские владения, после побед при Тараине (1192) и Чанадаваре (1194) становится сначала самостоятельным маликом Лахора (1192-1206), а потом основал собственный султанат с мамлюкской династией во главе [8, с. 100]. Тогда же, в 1206 г., в Дели он принимает имя Кутб ад-Дин («полюс веры»). При нем и его приемниках ислам все более укрепляет свои позиции на севере Индии. В Дели строятся первые настоящие мечети (до этого действовали лишь моленные дома). Ислам, который до этого незначительно присутствовал в городах Индии, за исключением северо-запада, теперь бурно развивается как в суннитской, так и исмаилитской форме. В стране,

где подавляющая часть населения исповедовала индуизм и жила традиционным укладом, нижний и средний уровень управления оставалась в руках индусских феодалов. Махараджи и раджи раджпутских кланов владели своими вотчинами, но те из землевладельцев – индусов, которые находились в прямой зависимости от султанов, назывались заминдарами. Условия владения этих землевладельцев были иными, чем у мусульман-иктадаров. Они платили определенные налоги в государственную казну и в отличие от иктадаров не обязаны были содержать наёмное войско в количестве, соответствующем их военным рангам [1, с. 557].

Именно в это время Делийский султанат становится убежищем для всех мусульман Востока. Во время монгольских завоеваний здесь нашли убежище гонимый в Хорасане суфийский аулия Салим Чишти, основатель суфийского тариката «чиштия», мусульманские интеллектуалы из Средней Азии. А усиление позиции ислама в Индостане требовало внедрения мусульманских традиций и в экономическую, и в правовую системы. Основным поземельным налогом в Делийском султанате был харадж, который платили неверные (харадж как поземельный налог только с немусульман существовал в течении очень непродолжительного времени лишь при праведных халифах). При Айбеке он составлял 20% от урожая, но в конце XIII в. султан Ала уд-Дин Хальджи поднял его до половины от урожая, что абсолютно не соответствовало мусульманскому праву. При этом иктадары-мусульмане обязаны были платить ганиму (арабский: *الغنيمة*, налог на военную добычу). Просвещенный Фируз-шах Туглак (1351-1388) объявил освобождение на несколько лет от хараджа и полностью от джизьи для тех, кто обратится в суннитский ислам, и одновременно преследовал мусульман-шиитов, суфиев Махди и индусов. Внутри правящего слоя начинают быстро усиливаться противоречия между суннитами и шиитами, тюрками и персоязычными мусульманами, как давно обосновавшимися в Индии, так и постоянно прибывающими из стран Среднего Востока.

И вот такой Индостан завоевал Бабур. Конечно, ни Бабур, ни его сын Хумаюн, по ряду различных обстоятельств, не могли быть настоящими султанами Индостана. Таковым по праву можно отнести лишь внука Бабура – падишаха Акбара. Джелал-ад-дин Мухаммад Акбар (1542-1605) – третий падишах и последний из ранних Великих Моголов. Восстановил и правил империей с 1556 по 1605 гг. [5, с. 234]. Провел целый ряд крупных реформ, направленных на полное переустройство

страны. Он прекрасно понимал, что подавляющая часть населения исповедовала индуизм, а мусульманами были лишь правящая элита, военно-служилая верхушка и небольшая ремесленно-купеческая часть населения городов. А такая картина, в свою очередь, будет постоянным поводом борьбы завоеванных против завоевателей. Но каким бы мусульманином не был Акбар, он не стал согласно предписаниям насаждать ислам среди «многобожников», хорошо понимая, что этим он сильно расшатает общество и свой трон. Более того, в дальнейших поступках Акбара любой правоверный мог увидеть не только невинное отступление, но и «ширк». Падишах так увлекся своей страной, что в итоге влюбился в весь ее религиозный колорит. Религиозная толерантность Акбара резко отличает его от тех, кто правил Индией до него и тех, кто придет после него. Во дворце этого правителя становятся обычаем различные религиозные дискуссии. Акбара даже сравнивают с монгольским кааном Мунке, который будучи шаманистом принял ислам, христианство, буддизм и тибетский ламаизм. Акбар религию отцов не менял и оставался мусульманином-суннитом, но в его дворце не только дискутировали, но и служили индуисты, иудеи, христиане, буддисты и даже зароастрийцы. В конечном счете он пришел к идее, что для процветания его империи религиозные противоречия являются большой преградой и что необходимо их искоренить. Акбар решил, что единой религией для его народа станет универсальная вера – «дин-и-илахи» (божественная вера), смесь элементов ислама, зароастризма, парсизма, джайнизма, индуизма и христианства. Главой новой религии признавался он сам (далее его потомки-падишахи), сосредоточивший в своих руках высшую религиозную и государственную власть. Правитель считал, что необходимо акцентировать внимание на то, что людей объединяет, а не различает. А различают людей прежде всего этно-культурные традиции или обычаи. Вот против них Акбар призывал бороться. Например, он жестко преследовал религиозные обычаи и культурные традиции, калечащие людей или призывающие к познанию бога через телесные страдания. Были запрещены сожжения вдов, суфийские самоистязания, радикальный аскетизм и т.п.

Одна из самых заметных преобразований падишаха Джелал-ад-дина Акбара – отмена религиозного налога с немусульман – джизьи. Джизья изначально, со времен праведных халифов, налагалась на зимми, т.е. на «людей Писания» – иудеев, христиан и не касалась многобожников,

ибо последних нельзя было оставлять в покое. Но когда был завоеван зароастрийский Иран и мусульманские войска вторглись в Индию, факихы распространили традицию сбора средств и на этих «многобожников». Налоговый страт населения отличался по масхабам. Так, по традиции Хорасана, откуда ислам пришел в Индию и где доминировал ханафитский масхаб, женщины, дети, старики, рабы, отшельники, монахи, безумные, больные, слепые (инвалиды в целом) и бедные освобождались от джизьи, как и семья военного, находящегося в мусульманских войсках. От джизьи освобождались и иностранцы – немусульмане (мустагъминс), которые по торговым или иным делам временно проживали в этой стране. Она не должна взиматься с тех, кто не имеет какого-либо дохода, имущества, живет попрошайничая и на милостыни. Это и логично – если у человека ничего нет, то нет и налога. Наказание за неуплату джизьи не прописано, если эта неуплата была по невозможности. В противном случае, наказание было неотвратимым, даже в виде продажи в рабство семьи. Предписанного единого размера джизьи (как например, зяката) не было, т.к. основные источники права мусульман не дают жестких значений налогов [3]. С начала IX в. размер джизьи варьировал в пределах 48 дирхемов для богатеев, 24 – середняков, 12 – бедняков [4, с. 142].

Религиозными делами управлять Акбару и проводить реформу помогали два министра – диван (руководил сбором налогов) и садр-ус-судур (глава судебного ведомства). Но особо сильное влияние имел на него его ближайший советник Абу-л Фазл. Абу-л Фазл идейно был близок к махдистам, которые верили в восстановление справедливости имама Махди. Этот видный философ Индии считал Акбара справедливым государем, заботящимся о простом народе путем установления справедливых податей.

Отмена джизьи было сделана с целью устранения пропасти между мусульманами и представителями других конфессий, которые составляли 1/9 от всего населения. Более того, Акбар активно начал привлекать парсов и индусов для управления страной. Назначение министров, сипахсаларов и других чиновников из индусов снискало уважение к нему со стороны прежде всего индуистского населения.

Выводы

Безусловно, религиозные «искания» Акбара сформировались не на пустом месте. Еще в предыдущий «мамлюкский» период в этом огромном и религиозно очень сложном регионе сфор-

мировались учения, отличающиеся особым синкретизмом. Значительное влияние этому оказали различные суфийские тарикаты (чиштия, махдия, руштия, сухравардия), нашедшие благодатную почву в лице индуистских верований. Особо отчетливо это проявилось в учении поздней бхакти, провозглашающей равенство всех перед богом, выступающей против привилегированного положения последователей Ислама и кастовой неоправданности индусов. В этом движении больше было представлено индусов, но многие лидеры бхакти происходили из мусульман. Главное, проповедники бхакти обращались как к индусам, так и к мусульманам.

В то время, когда Бабур на берегах Инда и Ганга строил свою империю, в Бенгалии гуру (учитель) Чайтанья (1486-1534) соединил идеи поздней бхакти с вишиутским культом Кришны. Он принимал в число своих последователей людей из любых каст, а также мусульман.

В эпоху ранних моголов сформировалось и другое видное учение Индии – сикхизм. Основатель его Нанак (1469-1539) происходил из семьи мелкого торговца зерном из касты кхатри в г. Лохоре (Пенджаб) [7, с. 243]. Его последователи из

земледельцев и ремесленников, в большинстве своем индусы, стали называть себя учениками – сикхами. Сикхская община имела много общего с суфийскими орденами, но Нанак отвергал идею отшельничества и аскетизма. Учение сикхов проповедует глубокую преданность личному Богу и непосредственную эмоциональную связь с ним как главный способ спасения. Т.е. убираются последние посредники между Богом и Человеком – Священные Писания.

Эпоха религиозных исканий в Индии не вылилась в кровавую религиозную войну, как в Европе, или жуткие преследования инакомыслящих на Руси (публичные сжигания «жидовствующих» и нестяжателей). Там из недр одного мировоззрения зарождаются течения и «ереси». Здесь же, наоборот, предпринимаются усилия убрать существующие между религиями препоны. Может показаться, что в этом процессе происходит размывание Ислама. В реальности наблюдается резкое увеличение численности последователей этой религии, и не за счет новых мигрантов из Передней или Средней Азии, а путем принятия Ислама индийцами.

Список источников

1. Всемирная история в десяти томах. Т. III. / Отв. ред. Н.А. Сидорова. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. 896 с.
2. Всемирная история в десяти томах. Т. IV. / Отв. ред. М.М. Смирин. М.: Изд-во. соц.-экон. лит-ры, 1958. 824 с.
3. Коран: пер. смыслов и комментарии В. Прохоровой. 3-е изд-е доп.-е и перераб. М., 1997. 797 с.
4. Нигамев А.З., Хузин Ф.Ш. Социально-политическое устройство. Общественные отношения // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. / Гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 139 – 150.
5. Лэн-Пуль Ст. Мусульманские династии: Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями: пер. с англ. с примеч. и доп. В.В. Бартольда. Новое изд., Перепеч. с изд. 1899 г. М.: Вост. лит.: Муравей, 2004. 311 с.
6. Лин фон Паль История Империи монголов: до и после Чингисхана. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2010. 541 с.
7. Симоновская Л.В. История стран Азии и Африки в средние века. М., 1987. 342 с.
8. Ackermann M.E. etc. Anzalone, Christopher. Delhi Sultanate. Encyclopedia of World History. 2008. Vol. 2. Facts on File. P. 100 – 101.

References

1. World History in Ten Volumes. Vol. III. Ed. N.A. Sidorova. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1957. 896 p.
2. World History in Ten Volumes. Vol. IV. Ed. M.M. Smirin. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature, 1958. 824 p.
3. The Koran: translation of meanings and commentary by V. Prokhorova. 3rd ed. supplemented and revised. Moscow, 1997. 797 p.
4. Nigamaev A.Z., Khuzin F. Sh. Socio-political structure. Public relations. History of the Tatars from ancient times in seven volumes. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe. Eds. M.A. Usmanov, R.S. Khakimov. Kazan: RukhIL Publishing House, 2006. P. 139 – 150.

5. Len-Pul St. Muslim Dynasties: Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions: trans. from English with notes and additions by V.V. Bartold. New ed., Reprinted from the 1899 ed. Moscow: Eastern Literature: Muravei, 2004. 311 p.

6. Lin von Pal History of the Mongol Empire: Before and After Genghis Khan. Moscow: AST; St. Petersburg: Astrel-SPb, 2010. 541 p.

7. Simonovskaya L.V. History of the Countries of Asia and Africa in the Middle Ages. M., 1987. 342 p.

8. Ackermann M.E. etc. Anzalone, Christopher. Delhi Sultanate. Encyclopedia of World History. 2008. Vol. 2. Facts on File. P. 100 – 101.

Информация об авторах

Нигамаев А.А., Институт международных отношений истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, alnig.07@mail.ru

Балакин Д.А., Институт международных отношений истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Нигамаев А.З., кандидат исторических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет

© Нигамаев А.А., Балакин Д.А., Нигамаев А.З., 2025